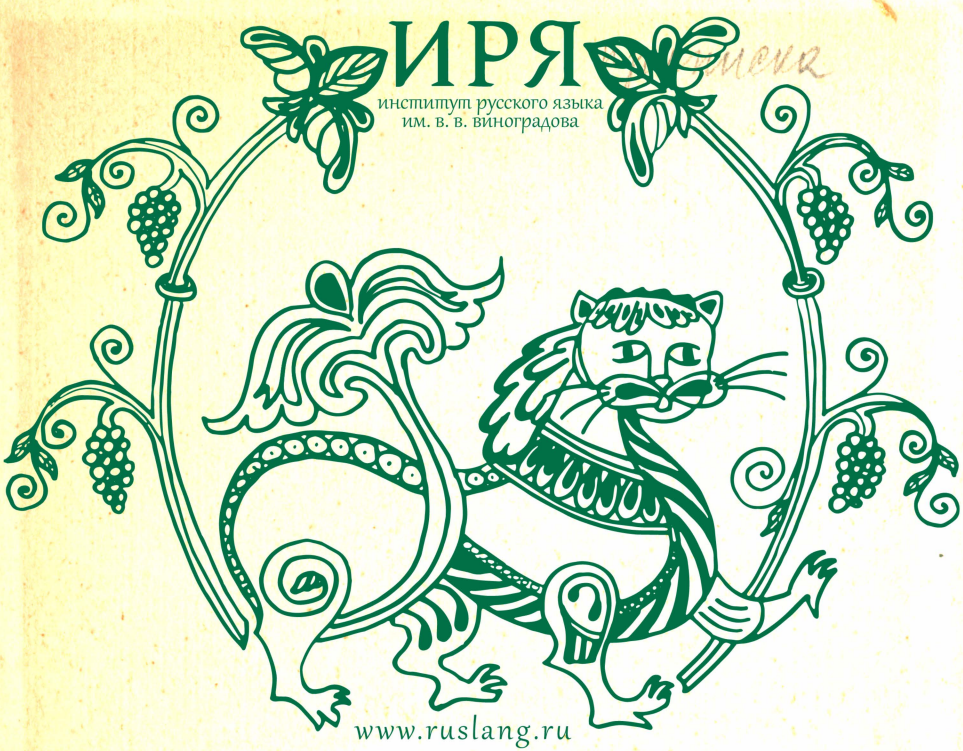
4
И-37

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX В.

Изменения в системе простого и осложненного предложения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

66877

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
XIX ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
академика *В. В. Виноградова*
и доктора филологических наук *И. Ю. Шведовой*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОСТОГО И ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

4
И 37

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

59191

ОТ АВТОРОВ

«Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.», подготовленные Сектором истории литературного языка Института русского языка АН СССР, объединяют пять коллективных монографий, посвященных развитию синтаксического строя, словообразования, словоизменения и некоторых категорий имени и глагола: «Изменения в системе простого и осложненного предложения», «Изменения в системе словосочетаний», «Изменения в строе сложноподчиненного предложения», «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного», «Глагол. Наречие. Предлоги. Союзы». В этих книгах — с разной степенью полноты описания — делается попытка охарактеризовать движение в разных сторонах грамматического строя и в системе словообразования, пути становления новой литературной нормы и выяснить основные тенденции развития категорий. Как показывает изучение, в этот период постепенно, но неуклонно осуществлялись довольно заметные изменения в грамматическом строе языка. Авторы «Очерков», естественно, не могли ставить своей целью изучение развития всех сторон литературного языка XIX в., всех его категорий. Выбор объектов определялся тем, принадлежали ли те или иные категории общелитературному языку и претерпевали ли они в течение XIX в. более или менее заметные изменения. Именно такие категории в первую очередь привлекались для исследования. Этим отчасти объясняется неизбежная неполнота «Очерков».

Исследование строится на материалах, извлеченных из научной и описательной прозы, журналистики, публицистических и ораторских произведений, художественной литературы, мемуаров,

писем, деловых документов, а также словарей и грамматик XVIII—XIX вв. Широко использовались результаты уже имеющихся исследований: авторы «Очерков» в своей работе стремились максимально привлекать материалы и выводы, изложенные как в общих курсах по современному русскому языку и истории русского литературного языка, так и в диссертационных работах, монографиях и отдельных статьях.

Естественно, что развитие русского литературного языка в XIX в. не может быть правильно понято без осмысления тех процессов, которые в значительной степени предопределили тенденции и пути этого развития. Поэтому авторы обращаются как к исходному периоду к языку второй половины и конца XVIII в., т. е. к послеломоносовской и карамзинской эпохе.

Изменения в грамматическом строе литературного языка нового времени не могут изучаться в отрыве от тех живых стилистических движений и перемещений, которые столь характерны для его развития. Историческая грамматика языка XVIII—XIX вв. принципиально отличается от исторической грамматики древнерусского языка: собственно формальный аспект неотделим здесь от аспекта стилистического. Внутренне изменчивые, постоянно и сложно взаимодействующие сферы литературной речи представляют собой ту живую почву, которая порождает формальные и функциональные изменения. Этим в значительной мере определяются применяемые в «Очерках» методы исследования: везде, где это подсказывалось материалом, авторы пытались установить основные тенденции изменений в соотношениях тех категорий, форм, конструкций, которые находились друг с другом в отношениях близкого смыслового и функционального соответствия. Меняющиеся соотношения, движения внутри «рядов», их распадение или возникновение, изменения в самом характере соотношений во многих случаях становятся главным объектом изучения.

Литературный язык развивается по свойственным ему законам как целостная система; в то же время он подвергается внешним влияниям. Эти два фактора, хотя и в очень разной степени определяющие изменения в строе литературного языка, находятся в сложном взаимодействии. Учитывая это взаимодействие и исходя из общепринятого понимания литературного языка как высшей национальной формы языка общенародного, авторы «Очерков» пытались проследить не только те процессы, которые происходили

внутри системы литературного языка, но и процессы, обусловленные влиянием на литературный язык «подсистем», развивающихся за его пределами: специальной речи, так называемого просторечия, в отдельных чертах — народных говоров; в тех случаях, когда литературный язык в своем развитии испытывал влияние других языков, делались попытки определить характер и последствия этих влияний.

Развитие языкового строя в пределах одного столетия с трудом поддается периодизации. Кроме того, несомненным оказывается тот факт, что единой периодизации развития для всех сторон языка быть не может. Однако самые основные, общие вехи с конца XVIII до последней четверти XIX в. могут быть определены. Карамзинский период, сломавший старые нормы и во многом предопределивший новые пути развития литературного языка, сменяется эпохой 20—30-х годов, характеризующейся дальнейшими смещениями в стилистических функциях старых форм, сокращением их места и роли в системе литературного языка, а также принципиально новыми методами отбора и комбинирования языковых средств; определяющая роль принадлежит здесь языковой практике Пушкина. 40-е годы дают картину новых изменений в языке, связанных с активизацией тех средств выражения, которые уходят своими корнями в разговорную речь, в специальные и профессиональные сферы речевой деятельности. Порожденные этими изменениями процессы, углубляясь и дифференцируясь, доходят до 60—70-х годов, когда в строе языка, в соотношении его форм и конструкций оказывается очень заметным, с одной стороны, влияние обогатившейся и разветвившейся научной речи, с другой стороны — языка тех писателей и общественных деятелей, которые были тесно связаны с народно-освободительной борьбой и в своей языковой практике отражали развитие революционной мысли. Естественно, что эта общая схема не накладывается на все стороны языковой системы; наиболее очевидно она наполняется конкретным содержанием при анализе изменений некоторых сторон словообразования и синтаксиса. Кроме того, следует иметь в виду, что отдельные сферы литературного языка, в частности поэтическая речь, развивались особыми путями, очень своеобразно и далеко не непосредственно отражая общие тенденции языкового движения.

Одновременно с «Очерками по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» сектор истории литературного языка выпускает три монографии, посвященные истории лексики: «Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — нач. XIX в. (Лексика)»; «Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в.» и «Развитие словарного состава русского литературного языка 30—90-х годов XIX в.». Авторы надеются, что этот цикл исследований, в значительной мере объединенных общим пониманием задач, материалом и хронологическими границами, будет полезен тем, кто изучает не только новую историю русского литературного зыка, но и его современное состояние.

Монография «Изменения в системе простого и осложненного предложения» написана Н. Ю. Шведовой («Основные тенденции развития простого и осложненного предложения в XIX в.», «Изменения в системе простого предложения») и Н. И. Ковтуновой («Изменения в системе осложненного предложения»).

Подготовка к печати всех пяти книг «Очерков» проведена сотрудниками Сектора истории русского литературного языка Г. В. Артемьевой, И. А. Василевской, Е. С. Копорской, П. Д. Крючковой, А. О. Румянцевой и Н. Н. Ухановой.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОСТОГО И ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В XIX ВЕКЕ

I

Развитие простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в. в значительной степени протекало под знаком устранения множественности равнозначных моделей, упорядочения их системы и установления единообразного, нормализованного их употребления. Этот процесс не был простым и прямолинейным. В литературном языке, опирающемся на богатые и давние традиции и представляющем собою разветвленную систему сложно взаимодействующих стилей, реальным объектом, претерпевающим те или иные исторические изменения, является не отдельно взятая конструкция, а более или менее развернутый ряд конструкций, находящихся между собой в отношениях непосредственной функционально-смысловой соотносительности. Под непосредственной функционально-смысловой соотносительностью понимаются такие отношения, при которых осуществляется взаимодействие параллельно существующих эквивалентов — моделей с одинаковыми значениями и функциями или же с настолько тонкой дифференциацией значений и функций, что она допускает колебания в выборе и употреблении. Движением внутри соотносительных рядов, меняющимися отношениями между их компонентами и определяется в конечном счете развитие строя простого предложения в русском литературном языке XIX в. Предметом изучения становятся, таким образом, изменения в функционировании рядов, в их составе, в соотношении их компонентов.

В развитии простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в. можно установить несколько типов изменений в характере соотношений, несколько направлений в изменении самого качества соотносительных рядов.

1) Одним из характерных для XIX в. изменений было такое движение в соотношениях конструкций, в результате которого многочленный ряд становится более компактным, сжатым,— обычно в результате утраты одного из малоактивных его звеньев. Так, например, в конце XVIII — нач. XIX в. в языке функционировал

трехчленный ряд равнозначных конструкций типа *о нем не было упоминаемо — не упоминалось — не упоминали*. В этом ряду соотношений первый член — безличное причастное предложение — был категорией стилистически замкнутой, структурно отяжеленной и лексически ограниченной; он был вытеснен из употребления двумя другими, более активными равнозначными конструкциями — безличным глагольным предложением и предложением неопределенно-личным; трехчленный ряд, характеризующийся ограниченностью и слабой активностью одного из компонентов, превратился в двучленный — с компонентами большой активности и устойчивости. Другой пример: трехчленное соотношение сказуемых типа *Его должность есть собирать оброки — Его должность состоит собирать оброки — Его должность — собирать оброки* в процессе развития языка перерождается в двучленное: среднее звено утрачивается. В образовавшемся новом ряду один компонент (бессвязочное сказуемое) характеризуется ничем не ограниченной употребительностью, второй (со связкой *есть*) ограничен функционально и стилистически и находится на пути к исчезновению, а следовательно и весь ряд эволюционирует в сторону полного распадения. Эволюционирование соотносительного ряда в направлении отпадения малоактивных звеньев — процесс, чрезвычайно характерный для развития простого предложения в русском литературном языке XIX в.

2) С описанным типом изменений смыкаются случаи, когда соотношение двух равно активных конструкций перерастает в соотношение конструкции активизирующейся, приобретающей массовую употребительность, и конструкции, утрачивающей активность, ограничивающейся. Таково было, например, развитие соотношения причастного (со страдательным причастием на *-м*) оборота с придаточным предложением определительным (*человек, проницаемый холодом — которого проницал холод*): первый член ряда становится категорией малоактивной. Аналогичные изменения претерпевали соотношения предложений с деепричастными оборотами со значениями причины, уступки и некоторыми другими и вытеснивших их сложноподчиненных предложений, выражавших, в отличие от деепричастных оборотов, те же значения дифференцированно, при помощи специализированных средств связи. В соотношении безличных и личных предложений типа *мне невозможно быть спокойной — я не могу быть спокойной* сильнейшим оказывается второй член соотношения, в котором значение субъективной возможности или необходимости поддержано значением самой конструкции, в то время как в соответствующем безличном предложении его модальное значение оказывается в противоречии со значением собственно грамматическим. В то же время важно подчеркнуть, что во всех этих случаях утрачивающий активность компонент не перерастает в конструкцию несвободную, так или иначе ограниченную в возможностях лексического наполнения.

3) Не менее характерен, однако, и такой тип развития, при котором ослабляющаяся и малоактивная модель в процессе изменения характера своих соотношений с моделью активной и развивающейся в возможностях своего построения оказывается ограниченной со стороны лексического материала. В XIX в. именно в таком направлении развивались очень многие соотношения в системе простого предложения. Так, в результате развития соотношений бессвязочного именит. и творит. предикативного последний оказался конструкцией, узкой по значению, лексически замкнутой, а по отношению к отдельным словоформам — идиоматизирующейся. В процессе развития соотношений сказуемых типа *он без лжи — нелжив — не лжет, он с разумом — разумен, с образованием — образован* первый компонент оказывается замкнутым в пределах считаемого ряда привычных, часто употребляемых сочетаний, утративших качества продуктивной синтаксической модели. Аналогичные перерождения происходят в соотношениях типов: *с ним милостиво поступлено — с ним милостиво поступили; от комитета рекомендовано — комитет рекомендует; дороги были переделываны — дороги переделывались* и др.

4) Особый характер изменений соотносительного ряда наблюдается в тех случаях, когда при сохранении активности обоих компонентов один из них как бы разветвляется, обогащается новыми, более дифференцированными по значению и функциям разновидностями модели. Примером может служить эволюция соотношения связочного и бессвязочного сказуемого: на протяжении XIX в. обогатились и дифференцировались формы связочного сказуемого, развились новые связки; это существенно повлияло на характер исходного соотношения сказуемого типа *театр есть училище правов — театр — училище нравов,* осложнило и дифференцировало виды этого соотношения.

5) В ряде случаев вызванная теми или иными причинами утрата одного из компонентов двучленного ряда ведет к распадению соотношений. На протяжении XIX в. распадаются соотношения конструкций типов: *найден убит — найден убитым; дадутся нам полезные советы — будут даны; видел себя на корабле плывущего — видел, что плыву; этому нельзя быть — это не может быть* и др. В силу различных причин первые компоненты перечисленных рядов уходят из употребления, а вторые оказываются абсолютно возобладавшими.

6) Особый характер изменений наблюдается в тех случаях, когда происходит стилистическая дифференциация ранее стилистически не противопоставленных членов ряда. Так, в начале XIX в. стилистически нейтральны были оба члена соотношений типов: *этого неизвестно — это неизвестно; встречи не состоялось — встреча не состоялась; умножено полков — умножены полки; надобно актеров — нужны актеры* и под.; развитие соотношений приводит к тому, что компоненты ряда оказываются противопостав-

ленными друг другу по стилистической окраске, по сферам употребления. Аналогичные процессы происходят в соотношении типа *пришел весел — пришел веселый* и др.

7) Противоположные тенденции обнаруживаются в случаях ослабления стилистической противопоставленности компонентов; в таком направлении, например, протекало развитие соотносительного употребления некоторых видов причастных оборотов и придаточных предложений.

Вообще стилистические перемещения, ограничение или расширение сфер применения конструкции — процессы, чрезвычайно характерные для развития русского литературного языка в XIX в. Многие конструкции, которые еще в начале XIX в. в пределах книжной речи были стилистически нейтральны, к концу века ограничиваются, замыкаются в узкие области употребления. Так, в начале века в пределах письменной речи относительно свободные, к концу века приобретают характер книжности связочные сказуемые с *есть, суть:* областью их бытования становится афористическая, философская, научная и деловая речь. Другой пример: для первой половины XIX в. характерен процесс сосредоточения в поэтической речи и романтической прозе обособленных оборотов с краткими формами прилагательных и краткими страдательными причастиями — конструкции, для которой еще в начале века в пределах письменной речи не была свойственна узкая стилистическая прикрепленность.

Наряду с сужением сфер применения и, соответственно, с приобретением конструкцией узкого стилистического значения в XIX в. наблюдаются и обратные процессы: конструкции, еще в начале века воспринимавшиеся как подчеркнуто не книжные, разговорные, постепенно становятся стилистически нейтральными, употребление их приобретает характер всеобщности. Яркий пример такого процесса — развитие предикативного функционирования полных прилагательных. Важно, однако, что процесс утраты стилистической прикрепленности всегда сопровождается сужением сферы функционирования противопоставленного члена ряда. Так, другой стороной процесса стилистической нейтрализации полных прилагательных в сказуемом было ограничение кратких форм, приведшее к тому, что они стали восприниматься как категория книжная; стилистическое сужение связочных (с *есть, суть*) сказуемых сопровождалось окончательной нейтрализацией бессвязочных построений.

Охарактеризованные тенденции в развитии соотносительных рядов неизбежно представлены здесь в упрощенном, схематизированном виде. В процессе развития языка все эти тенденции скрещивались, взаимодействовали; в конкретных речевых ситуациях те или иные проявления общеязыковых изменений нередко испытывали воздействие факторов индивидуального говорения, конкретных стилистических заданий, языковых привычек и вкусов.

Все это делает картину развития соотносительных рядов очень сложной. Однако несомненно, что именно движение в соотношениях, меняющиеся качества рядов были той реальной почвой, на которой зарождались и осуществлялись строевые изменения языка.

2

В русле общего движения соотносительных рядов происходила в литературном языке XIX в. активизация одних моделей, ограничение и отмирание других, становление новых конструкций.

Основным процессом здесь был процесс активизации очень многих моделей, отвечавших общей тенденции языка к выработке и укреплению новых, более совершенных и дифференцированных средств выражения. В системе сказуемого в XIX в. активизируются все основные виды именного сказуемого: бессвязочное именное сказуемое и сказуемое с новыми местоименными и глагольными связками (*это, это есть, значит, это значит*); творит. предикативный при связках прош., буд. вр. и полузнаменательных глаголах; адъективное сказуемое, выраженное полными формами прилагательных. Активизируются все основные виды односоставных предложений, обогащаются их функции — как собственно коммуникативные, так и художественно-изобразительные. Так, новые функции, связанные с развитием экспрессивной речи, вырабатываются у предложений номинативных, безличных и инфинитивных; в системе значений последних происходят существенные изменения, связанные с их возросшей ролью в художественной речи. В системе безличных предложений активизируются их основные виды — глагольные и именные; целые серии слов приобретают новые для них функции организации предикативного центра соответствующих конструкций. Обогащается и в то же время становится более стройной и ясной структура осложненного предложения. Развитие разнообразных по форме и функциям обособленных номинативных и адъективных групп полупредикативного характера обогатило выразительные возможности речи художественной литературы и связанных с ней жанров письменности. С другой стороны, так называемые деепричастные и причастные обороты, освобождаясь от множественности и недифференцированности функций, формируются в целостную систему конструкций, которые раздвигают границы простого предложения, усложняя и обогащая его временную перспективу. В области союзных сочетаний внутри предложения XIX век характеризуется развитием таких союзных групп, которые объединяют члены предложения с одинаковым характером отношений к господствующему слову.

К числу конструкций, развившихся в литературном языке XIX в., относятся возникшие на основе безличных предложений с обязательным инфинитивом (типа *оставаться безрассудно, мученье говорить с ним* и под.) построения усложненной структуры,

в которых особая организация интонационно противопоставленных синтагм и устраняющий непосредственное примыкание словопорядок создают прямые предпосылки для образования нового типа двусоставной конструкции.

Для языка XIX в. характерно также появление новых условий функционирования простого предложения в составе сложной конструкции или в определенном контекстном окружении. Интересную картину дают здесь инфинитивные предложения, развивавшие способность входить в сложные соединения, строящиеся на основе диалогических форм речи или воспроизводящие элементы периода. Аналогичные процессы характерны в XIX в. и для развития синтаксических связей номинативных предложений. Одним из ярких проявлений таких тенденций было культивировавшееся Карамзиным и писателями его школы употребление номинативных предложений в предикативно-характеризующем значении по отношению к непосредственно соседствующему (обычно — предшествующему) высказыванию.

На протяжении XIX в. устаревает, уходит в пассивный фонд языка целый ряд конструкций, в процессе развития соотношений оказавшихся слабейшим членом ряда. Здесь намечается три круга явлений. Во-первых, многие конструкции уходят из живого употребления под непосредственным воздействием активных и массово употребляющихся равнозначных построений. Так, например, в связи с активизацией сказуемостного функционирования полных прилагательных и ограничением кратких форм перестают употребляться как свободная конструкция предикативно значимые сочетания кратких прилагательных с инфинитивом (типа *усерден посещать, надежен увидеть*) и с кратким страдательным причастием (типа *пойман был жив, вход сделан низок*). Следствием активизации бессвязочных построений было окончательное исчезновение архаизировавшихся уже в XVIII в. связочных (с *есть, суть*) сказуемых с именной частью — косвенным падежом имени, кратким прилагательным, причастием; отражением этого же процесса была утрата безличных наречных предложений со связкой (*человеку есть сродно лучшего желать*). Во-вторых, некоторые конструкции уходят из литературного употребления в связи с глубокими стилистическими «переоценками ценностей»: за пределами литературной нормы оказывается многое из того, что уже в конце XVIII в. было связано со старым просторечьем и уже тогда противопоставлялось не только книжному, но и новому нейтральному употреблению. Так, именно здесь нужно искать причины последовательного сужения в системе литературной речи круга инфинитивных предложений, строящихся с участием форм вспомогательного глагола (*пойти было посмотреть, быть терпеть, не плакать же стать* и под.). В то же время нужно подчеркнуть, что, оказавшись за пределами литературной нормы, такие конструкции не исчезают: они сосредоточиваются в тех сферах, которые непосредственно смыка-

ются с разговорной формой литературной речи. В-третьих, наконец, ряд конструкций утрачивается в результате активно действующей в XIX в. тенденции к упорядочению системы моделей, к освобождению от многофункциональных или неопределенных по значению форм. Этой тенденцией объясняется, например, утрата многих нечетких по значению деепричастных оборотов, относящихся к именному сказуемому, к подлежащему или дополнению, а также утрата находящихся внутри предложения союзных групп, объединяющих члены предложения с разными функциями.

Для языка XIX в. характерно стремление к выработке в системе простого предложения более ясных и совершенных форм, облегченных конструкций. Реализацией этого стремления было освобождение литературного синтаксиса от многих громоздких и тяжеловесных построений, таких, как союзные соединения конструктивно разнотипных частей предложения, деепричастные обороты с включенным в их состав подлежащим, с относительными словами, причастные обороты, относящиеся к *который,* оторванные от определяемого слова или с определяемым словом внутри оборота и др. В результате всех этих процессов язык освобождается от тяжелых и нечетких по значению конструкций, функции которых распределяются среди других членов того ряда соотношений, в который эти конструкции входили.

С вопросом об утрате отдельных конструкций непосредственно связана проблема бытования в русском литературном языке синтаксических ка́лек. Основную массу здесь составляли галлицизмы: отмечаемые в XVII в. синтаксические полонизмы — связочные (с *есть, суть)* конструкции с творит. предикативным *(есть примером, суть препятством)* и с полной формой прилагательного (*ты есть счастливый)* к началу XIX в. уже утрачиваются. Синтаксические галлицизмы, проникшие в строй простого предложения в XIX в., не были многочисленны. Это трехчленные сказуемые типа *кажется быть доказательство, стал быть хранитель;* сказуемостно функционирующие сочетания типа *казался ловить каждое мое слово;* безличные предложения типа *нигде веселья, никогда желаний* и т. п.; в личных предложениях — деепричастные обороты с субъектом действия, не совпадающим с субъектом действия глагольного сказуемого; независимые адъективные и причастные обороты (*поврежденная бурею,* листья ее чуть держатся); независимые номинативные группы. Все эти галлицизмы сохраняются — с разной степенью устойчивости — до 30-х годов XIX в.; позднее они отмечаются только как единичные случаи остаточного употребления.

3

Для языка XIX в. в системе простого и осложненного предложения характерны процессы сужения и специализации значений некоторых конструкций; эти процессы были проявлением общей

тенденции к устранению многозначности конструкций, к выработке специализированных средств выражения и к устранению дублетности. Примером такого сужения и специализации значений может служить утрата инфинитивными предложениями старых индикативных значений — в непосредственной связи с развитием в этих конструкциях экспрессивных объективно-модальных и субъективно-модальных значений. Активные процессы сужения и специализации значений протекали в системе именного сказуемого — в соотношении именит. и творит. предикативного. На протяжении XIX в. сужает и конкретизирует свое значение бессвязочный творит. предикативный; сужение значения происходит и в именит. предикативном при связке в форме прош. вр.: он теряет ранее обычное для него значение эпизодической функции; в целом все перераспределение значений между именит. и творит. предикативным шло под знаком специализации и конкретизации тех форм, которые не характеризовались массовым распространением и экспансией в сферы функционирования других форм (как это было, например, с творит. предикативным при связке прош. вр.). Развитие соотношений безличных и личных предложений в XIX в. идет в направлении такого перераспределения значений, при котором безличные предложения последовательно освобождаются от выражения действия или состояния определенного лица: они «передают» личным предложениям функцию выражения субъективной возможности и необходимости (*мне нельзя не любить ее, тебе невозможно простить меня)*, конкретного выявления или бытия определенного субъекта *(здесь надобно находиться кладу;* думаю, *где быть у нас гульбищу)* и др. Проявлением общего процесса специализации функций было сужение значений деепричастных оборотов: утрата ими значений «самостоятельного сообщения» и собственно предикативных, сокращение их возможностей выражать различные обстоятельственные значения.

О расширении, обогащении функций можно, по-видимому, говорить лишь по отношению к тем конструкциям, которые развивали массовую употребительность и проявляли тенденцию к проникновению в сферы действия других, функционально близких моделей. Так было, например, с творит. предикативным при связке прош. времени, который последовательно «захватывал» все позиции присвязочного именительного. Расширение функций можно констатировать в системе инфинитивных предложений — в связи с развитием в них значений, связанных с выражением действия, непосредственно обусловленного внутренней активностью лица, и значений субъективно-модальных (оценочных). Однако в данном случае нужно скорее говорить о процессах смены значений: в XIX в. инфинитивные предложения окончательно утрачивают индикативные значения, столь характерные для них в предшествующие эпохи.

Одним из важных процессов в развитии строя простого предложения было превращение свободных конструкций в несвободные и, как завершающая стадия этого процесса,— фразеологизация и лексикализация отдельных элементов, прежде бывших компонентами свободных синтаксических построений.

Ограничения в употребительности, которые могут быть вызваны самыми различными причинами, очень часто приводят к внутренним изменениям в самом качестве модели. Свободная конструкция представляет собой отвлеченную синтаксическую схему, модель в собственном смысле этого слова, наполняемую — в пределах организующих ее грамматических категорий — любым словесным материалом. Несвободная конструкция в возможностях своего лексического наполнения ограничена словами определенных семантических групп или одной группы. Перерастание свободной конструкции в несвободную практически есть переход живой модели в малопродуктивную, замкнутую схему. На первой стадии процесса эта замкнутость может образоваться в результате того, что возможность построения модели ограничивается категориально. Вот один из возможных характерных примеров. В конце XVIII в. связочное сказуемое с *есть, суть* было конструкцией свободной: в присвязочной части могла быть употреблена любая форма, которая функционировала в роли бессвязочного сказуемого. К концу XIX в. картина резко меняется: в присвязочной части здесь может быть употреблено только существительное (и местоимение-существительное) в форме именит. падежа и — при очень ограниченных условиях — инфинитив. Это категориальное ограничение сопровождается ограничением лексико-семантическим: входящее в связочное сказуемое существительное — почти всегда имя с отвлеченным или обобщенным значением. Это двойное ограничение, развившееся в XIX в.,— не конечная стадия процесса; в современном языке сужение возможностей построения сказуемых со связкой *есть, суть* продолжается. Ярким примером «лексического усыхания» модели может служить бессвязочный творит. предикативный, на протяжении одного столетия прошедший путь от ограничения несколькими семантическими группами слов до полной лексической замкнутости.

Развитие лексической несвободности конструкций — лишь одна сторона процесса. Самим фактом подобного взаимодействия лексики и синтаксиса порождается своеобразное «давление» словаря на синтаксический строй. Синтаксическая схема, реализация которой обусловлена вхождением в ее состав семантически узкой группы слов, оказывается устойчиво связанной с этой группой, как бы прикрепленной к ней: конструкция живет и движется в лоне именно и только данного лексического круга. Так, творит. предикативный бессвязочный в возможностях своего построения ограничен

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

www.rus.ruz

названиями лиц по функции (*он здесь учителем, сторожем* и т. п.); и он «готов» облечь в соответствующую сказуемостную форму любое новое слово этой группы — но только этой группы. Так устанавливаются своеобразные линии взаимодействия, тесной и устойчивой зависимости между словарем и синтаксисом.

Влияние словаря на устойчивость отдельных конструкций вообще очень заметно, и проявляется оно по-разному. Нередки случаи, когда, уступая свои позиции более активному члену соотносительного ряда, та или иная конструкция устойчиво сохраняется под действием очень определенных лексических факторов. Например, при полузнаменательных глаголах творит. предикативный возобладал над именительным, но именит. падеж устойчиво сохраняется всегда, когда в состав сказуемого входит имя, называющее лицо по неизменному признаку (*холодные люди бывают великие эгоисты*). Существительные конкретных значений уходят из состава связочного сказуемого с *есть, суть,* но при лексическом совпадении подлежащего и сказуемого употребление их типично (*хлеб есть хлеб*).

Есть случаи и другого характера взаимодействия словаря и синтаксиса: судьба конструкции в целом может определяться тем, какого характера лексика в нее входит. Так, для истории сказуемостного функционирования предложно-падежных сочетаний определяющим является характер входящего в их состав имени: построения с конкретными существительными стабильны; построения с абстрактными существительными на протяжении последнего столетия претерпевают существенные изменения, проходя все стадии развития несвободности.

В результате развития несвободности конструкций в языке образуются застывшие формулы, «осколки» когда-то живых моделей; происходит синтаксическая фразеологизация отдельных словоформ и сочетаний. Так, осколком недавно еще живой модели являются безличные предложения-штампы *не без того, не без этого:* еще в начале XIX в. в языке свободно функционировала модель: *у меня без новостей не бывает; у него не без друзей, жителям от этого не без нужды* и под. Таким же остаточным, застывшим образованием является синтаксический штамп *не привыкать стать* (ср. в конце XVIII — нач. XIX в. живую модель типа *мне у него не просить стать, об этом не плакать стать* и под.). Примером фразеологизации отдельных словоформ могут служить формы творит. падежа ***порукой, виной, причиной,*** уже в середине XIX в. не мотивированные никакими синтаксическими отношениями слов внутри предложения. Таких застывших формул, сохранившихся как следы недавно еще живых, но утраченных моделей, в языке очень много. Степень их фразеологизированности различна, поскольку они отражают разные этапы «омертвения» моделей.

Отдельные компоненты несвободных конструкций могут лексикализоваться, превращаться в элементы словаря. Это обычно слова

служебного назначения, обособляющиеся семантически и развивающие новые самостоятельные значения. Как правило, они пополняют класс частиц. Так, на базе связки сформировались новые частицы *не есть* (дублет собственно отрицания), *и есть*. В оторвавшуюся от парадигмы и от живых синтаксических условий функционирования словоформу превращается связочное слово *суть*. В результате отрыва от лексически несвободной конструкции типа *Что жизнь для побежденных?* сформировалась новая частица *что*, функционирующая в предложениях со значением несущественности называемого (*Награда что!*).

Так в системе простого предложения разными путями осуществляется взаимодействие синтаксиса и лексики.

В языке XIX в. почти не появилось новых конструкций, очень немногие утратились. Но это не значит, что в литературном синтаксисе за этот период не происходило никаких изменений: в результате непрерывно протекавшего разными путями развития соотношений в языке осуществлялись собственно строевые изменения; у многих конструкций идущие издавна тенденции употребления в XIX в. перерастали в устойчивые функциональные свойства.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В СКАЗУЕМОМ

В литературном языке XIX в. в системе сказуемого происходили существенные изменения, обусловленные как развитием соотношений, так и процессами, связанными с изменениями функций тех или иных форм; здесь особенно остро давало себя чувствовать взаимодействие факторов лексических и грамматических. Основной сферой действия всех этих процессов было именное сказуемое.

ИЗМЕНЕНИЯ В СООТНОШЕНИЯХ СВЯЗОЧНЫХ И БЕССВЯЗОЧНЫХ СКАЗУЕМЫХ

Употребление связочных сказуемых в конце XVIII — нач. XIX в. и их соотношения с бессвязочными сказуемыми

§ 1. В языке конца XVIII — нач. XIX в. еще сохранялось употребление сказуемых со связками *есть* и *суть* как категории, свободно функционирующей [1] в письменной речи [2] во всех тех

[1] См.: А. В. Д а н е в и ч. Способы выражения сказуемого в языке русских повестей второй половины XVII в. «Сб. трудов Московского заочного полиграф. ин-та», вып. 6, 1958; Е. И. Г у р ь е в а. Об особенностях выражения составного сказуемого в русск. лит. языке XVIII в. «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1961, вып. 104. Труды по русск. и слав. филологии, IV, стр. 236, 243. В исследовании об именном сказуемом в памятниках конца XVII — нач. XVIII в. Л. В. Соловьева утверждает, что уже для того времени связка наст. вр. является «лишь отражением книжной традиции», выступает «не как живая грамматическая категория, а лишь как стилистическое средство» литературы, связанной с религиозными жанрами. («Именное сказуемое в памятниках эпохи формирования русск. национального языка (2-я половина XVII — нач. XVIII в.)». Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 5—6). Но этот тезис опровергается прежде всего материалами самой диссертации, фиксирующей широкую употребительность этих конструкций в таких памятниках, как Житие Аввакума, светские повести и под.

[2] Свидетельством того, что основной сферой употребления связочных сказуемых была именно письменная речь, может служить несомненная огра-

случаях, где отношения между подлежащим и сказуемым были отношениями полного или частичного тождества [3].

Свобода образования сказуемых с *есть*, *суть* [4] и функционирование их как живой и продуктивной модели выражались в том, что связка в составе такого сказуемого могла сочетаться со словами разных категорий, с разными формами.

Сказуемые, строящиеся соединением связки с существительным в форме именит. падежа, в это время были обычны не только в изречениях афористического характера (*почести мирские суть пепл и дым; лишиться друзей есть бедствие*) или дефинициях (*эстетика есть наука вкуса*), но и в предложениях, заключающих в себе конкретные характеристики определенных явлений (*воспоминание о тебе есть одно из лучших моих удовольствий; видеть тебя есть великое благополучие для всякого*), предметов и лиц (*граф есть внук бывшего датского министра; Монпелье есть столица нижнего Лангедока*).

Сказуемые, строящиеся соединением связки *есть* с инфинитивом, также были обычны не только в умозаключениях, в изречениях афористического характера (*должность человека есть побеждать свои страсти; жить долго есть терять милых*), но и в предложениях, несущих в себе конкретные характеристики определенных явлений (*должность капитана-исправника есть земскую полицию наблюдать*).

Связочные сказуемые с именной частью — прилагательным в краткой и полной форме (*сия деревня есть помещичья; российские*

ниченность их употребления в таком жанре, как комедия; в диалогах героев в художественной прозе эти конструкции также почти не находят отражения; напротив, в деловой и научной письменности, в мемуарах, письмах, в авторской речи в повествовательной прозе они представлены очень широко.

[3] Обоснование и развитие тезиса о том, что употребление связки опирается на восприятие отношения двух величин как тождества, см.: Ю. Г. Скиба. Предикативная связка *быть — есть* в восточнославянских языках. «Уч. зап. Черновицкого гос. ун-та», т. XLVII. Серия филол. наук, вып. 14, 1961. Об «идентичности» как основе отношения в предложениях со связочным сказуемым, строящимся с именит. падежом имени, см.: J. Johannet. L'instrumental attribut après *есть* et *суть*. Histoire d'une construction. «Revue des études slaves», t. XXXVIII, Paris, 1961, стр. 114—115.

[4] О значении собственно связки в составе именного сказуемого и ее отношении к другим связочным глаголам из работ последнего времени см.: J. Ružička. K problému pomocných slovies. «Slovenská řeč», 1957, 12, № 5; P. Mrazek. Проблема сказуемого и его классификации (На материале русского и чешского языков). «Sborník prací filosofické faculty Brněnské university», roč. VII. Řada jazykovědná, A 6. Brno, 1958; R. Zimek. O gramatické povaze spony v ruštině. «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků». Praha, 1958; R. Zimek. O sponě z hlediska sémantického a syntaktického. «Sborník Vysoke školy pedagogické v Olomouci». Jazyk a literatura, VI, 1959; U. Busch. Die Seinssätze in der russischen Sprache. Meisenheim am Glan, Hain, 1960.

товары суть многочисленны) употребляются в это время преимущественно в официальной и книжной речи.

Широко представлены в этот период связочные сказуемые с именной частью — местоимением (*кто есть сей герой; такова есть участь смертных; что есть любить; узнаю, какое есть свойство человеческого просвещения* и т. д.).

В языке второй половины и конца XVIII в. употреблялись также связочные сказуемые, именная часть которых выражена косвенным падежом имени (*романы суть забавою для дураков; сия губерния есть весьма малого пространства; таковые крестьяне не суть ко умножению хлебопашества* и др.), причастием (*желания его суть развлеченные в разные стороны; оное морское чудовище есть так удивительно поймано, что* ...), сравнительной степенью прилагательного и наречием. Однако эти формы уже в то время употреблялись нерегулярно, в условиях определенных ограничений — стилистических, а в некоторых случаях и лексических (см. ниже, § 3). Общей для всех них была принадлежность к подчеркнуто высокой или книжной речи.

§ 2. Сказуемые со связками *есть, суть* в языке конца XVIII — нач. XIX в. выступали в качестве одного из элементов сложившейся к тому времени разветвленной системы функционально-смысловых соотношений связочных и бессвязочных сказуемых. Ряды этих соотношений были таковы: 1) соотношение сказуемых с *есть, суть* и сказуемых бессвязочных: *Театр есть училище нравов — Театр — училище нравов; Перемены счастия суть свойства здешнего света — Перемены счастья — свойства здешнего света;* 2) при предикативном соединении двух инфинитивов — соотношения сказуемых с *есть*, сказуемых со связочным *значит* и бессвязочных сказуемых: *Жить есть страдать — Жить значит страдать — Жить — страдать;* 3) при предикативном соединении имени с инфинитивом — соотношение сказуемых с *есть*, бессвязочных сказуемых и сказуемых со связочным *состоит: Должность его есть собирать оброки — Должность его — собирать оброки — Должность его состоит собирать оброки*[5]. Основным видом соотношений во всех этих случаях было соотношение связочных и бессвязочных конструкций. Эти последние были широко употребительной категорией, уходящей своими корнями в народную русскую речь. В предложениях, утверждающих тождественность признаков, связочное и бессвязочное сказуемые были полностью взаимозаменяемы. Кроме того, во многих случаях такой прямой соотносительности не было и бессвязочные сказуемые были единственно возможной формой.

---

[5] Построения со связочными *это, это есть, это значит* развились и активизировались позднее — приблизительно в конце первой трети XIX в (см. § 13, 14).

Незаменяемость бессвязочных сказуемых связочными отмечается при следующих условиях:

1) Когда из общего содержания высказывания или на основании специальных языковых показателей ясно, что речь идет не о тождестве, а о временной отнесенности признака к субъекту или о непостоянной функции субъекта.

Эдип узнает, что он умертвил отца, что *он супруг своей матери* (Карамз., П. р. п., Париж, 29 апреля 1790); Взгляните на меня: *я в двадцать лет старик* (Карамз., Любовь к врагам); Иногда Юлия вооружается против женщин: *Арис их защитник* (Карамз., Юлия); Наши новости: *Закревский — генерал-лейтенант...; князь Гагарин — церемониймейстер* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 30 авг. 1821).

2) Когда сказуемое выражено именем, заключающим в себе — постоянно или в условиях речи — значение качественно-характеризующее или эмоционально-оценочное: *свой человек, добрый малый, не охотник до, не шутка, безделица* и под.

Для чужестранных выговоров *вымышлять* новые буквы *весьма негодное дело* (Лом., Росс. грам., § 88); *Такая любовь не шутка* (Карамз., Юлия); Но я тем коль бесполезен, Что горяч и *в правде чёрт* (Держ., К самому себе); *Звание мое не безделица* (Жих., Зап. совр., I, 2 янв. 1805); *Я весь душа*, когда дело идет о хорошей рюмке вина (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 18 авг. 1821).

3) Если имя в сказуемом обозначает национальную принадлежность: *я россиянин; один из них немец, другой датчанин; он француз.*

Таким образом, функционирование связочных сказуемых было ограничено рядом собственно смысловых условий; в XIX в. к этому присоединились ограничения стилистические и семантико-лексические. Бессвязочное сказуемое не знало ни стилистических, ни смысловых, ни лексико-семантических ограничений. Это обеспечивало ему полную свободу функционирования и массовую употребительность.

Утрата употребительности связочных сказуемых с присвязочной частью, выраженной формами косвенных падежей, прилагательным, причастием, наречием

§ 3. Как уже сказано, в XIX в. связочные сказуемые были конструкцией, утрачивавшей продуктивность и резко сокращавшей употребительность. Специфической чертой этого процесса было то, что такие сказуемые не просто суживали сферу своего применения и сокращались количественно, но становились конструкцией несвободной, подчиняющейся ограничениям не только стилистическим, но и категориальным (со стороны грамматического качества входящего в состав сказуемого знаменательного слова) и

семантическим (со стороны семантического качества этого слова). С утратой продуктивности и развитием ограничений у этой конструкции было связано и качественное преобразование самой связки: из живого элемента глагольной парадигмы она окончательно превращается в застывшую и изолированную словоформу.

Категориальные ограничения изучаемой формы сказуемого выразились в том, что в роли присвязочной части здесь удержалось только имя существительное в именит. падеже и местоимение и отчасти инфинитив; слова остальных категорий утрачивали способность входить в состав связочного сказуемого. Утрата эта происходила неравномерно. Ранее других, естественно, исчезли те формы, которые уже во второй половине XVIII в. употреблялись нерегулярно и на фоне массового функционирования аналогичных бессвязочных построений носили характер остаточных образований с подчеркнутой окраской высокости и книжности: 30—40-е годы XIX в. были той гранью, за которой практически прекращается употребление в связочном сказуемом косвенных падежей существительных, причастий, кратких форм и сравнительной степени прилагательных и наречий; дольше других удерживались полные формы прилагательных.

1. Связочные сказуемые с творит. беспредложным — синтаксический полонизм, проникший в русский язык в XVII в. Во второй половине XVIII в. они употребляются преимущественно в научной и философской речи, обычно с определенным кругом слов: *доказательство, пример, удовольствие, довод, начало, причина, порука, препона, свойство, основание, ручательство, свидетельство, граница, препятство, следствие* и некоторые другие. Конструкции эти широкого распространения не получили[6]. Они отмечаются у Щербатова, Шаховского, А. Кутузова, Добрынина, Карамзина, Озерецковского и других авторов.

В случае обозначения предикативного признака как непостоянного состояния или функции субъекта в этот период творит. предикативный с *есть, суть* мог употребляться не только с названными словами, но и при ином, более свободном лексическом наполнении: он *есть* всегда его *другом* (Н. Трубецкой), гулянье *не есть предметом* (М. Невзоров), романы *суть забавою* для дураков и *ядом* для девиц (Измайлов), сия книга *есть памятником и образцом* для повелевающих (Добрынин) и др. (материалы см. в главе «Изменения в соотношениях именительного и творительного предикативного», § 16).

В первые десятилетия XIX в. беспредложный творит. с *есть, суть* еще употребляется как архаизирующая конструкция, отра-

[6] О появлении этой конструкции и ее бытовании в языке XVIII—XIX вв. см.: J. Johannet. Указ. соч. Отдельные примеры употребления этой формы в языке первой половины и середины XVIII в. см.: В. И. Чагишева. Вторые именит. падежи в русск. лит. языке XVIII века. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 104, 1955, стр. 82—83.

жающая исчезающую языковую практику и в возможностях своего построения ограниченная несколькими словами: *причина, доказательство, цель* и др.[7]

Употребление данной конструкции как лексически свободной в это время представляет собой единичные случаи остаточного характера.

Говорил, что *наилучшим днем* его жизни *есть* тот, в который... (Болот., 2, 83); Ваша жизнь *есть* теперь для меня *одним из лучших украшений* света (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 12 ноября 1823); Как продолжением Белой служит Гренадерская, так *продолжением* Портретной *есть* притвор (Башуцк., Возобновл. Зимнего дворца, Отеч. зап., 1839, т. III).

На протяжении XIX в. творит. падеж имени при *есть, суть* устойчиво сохраняется лишь при условии вхождения этой связки в общий ряд со связками в формах прош. и буд. вр.

Добродетель была, *есть и будет* вечным *характером* души твоей (Карамз., Филарет к Мелодору); [Статья] *не есть и не могла быть программою* «Современника» (Пушк., Объяснение); Ты *есть, была,* ты *будешь* вечно Моей *отрадою* сердечной (Козлов, Графу М. Виельгорскому).

Тенденция к лексическому ограничению присвязочного творит. выявляется и в случаях вхождения в состав сказуемого местоимения: до середины XIX в. и даже несколько дольше сохраняются конструкции с *чем* (*чем есть*) — при почти полном исчезновении таких конструкций с другими местоимениями[8].

Всякий хочет быть не тем, *чем* он *есть* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 15 ноября 1819); Вскоре критика сделалась бы не тем, *чем* она *есть* (Пушк., ⟨Разговор о критике⟩); [Вещество] не было бы тем, *чем есть* (Телеск., 1831, № 3); После смерти ее пускай говорят что хотят, лишь бы милый Артемий знал ее тем, *чем* она *есть!* (Лажечн., Лед. дом, 4, 9); Должны были выделать из него смешного глупца, *чем* он и *есть* (Вяземск., Фонвизин, VIII); Имеет уже право... быть тем, *чем*

---

[7] Утверждение, что такие связочные конструкции «в XIX в. уже не встречаются» (см.: О. В. Патокова. К истории развития творит. предикативного в русск. лит. языке. «Slavia», roč. VIII, seš. 1, Praga, 1929, стр. 34), неверно: их эпизодическое и все затухающее употребление отмечается вплоть до середины XIX в. См. об этом в названной выше работе J. Johannet'a.

[8] Ср.: Вы объявили себя фурьеристом, — в этом еще нет ничего худого, даже больше хорошего, нежели дурного, если вы *им* в действительности *есть* (Петрашевск., черновик письма К. И. Тимковскому); Дело в том, *каким* человек *есть* и побеждено ли им внешнее (Герц., п. Н. Огареву и Сатину, 1845). Отмечен также случай связочно-сказуемостного употребления полного прилагательного в черновых рукописях Пушкина: Однако же и сне горе, как оно ни велико, *не есть крайним* еще для них. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотв⟨орца⟩ — есть его звание (Отрывок, 1830). Ср. раньше у Добрынина: От всего того, что в жизни *есть* для смертного *приятным* (Зап., VIII).

он в самом деле *есть* (Вельтм., Саломея, 3, IV); Разве я был бы тем, *чем есть,* если бы не Саша (М.-Сиб., Сестры, V).

2. Во второй половине XVIII в. как специфическая черта официально-книжной речи отмечается употребление в составе связочного сказуемого формы родит. беспредложного — квалитативного (а) и принадлежности (б), а также форм разных косвенных падежей с предлогами (в).

а) Прославился один ученой человек. Вы спросите тотчас, *какой* он *есть породы?* (Трутень, 1769, XII); Они [книги] *суть такого рода,* что... (Храповицк., Дневн., 27 июля 1787); Произращения ее *суть* весьма *малой важности* (Щербат., Статистика, III); Сия губерния *есть* весьма *малого пространства* (Там же, III); Все почти голоса таковых песен *суть тону мягкого* (Радищ., Путеш., София); Не можно ли по справедливости заключить, что души обезьяны и пентиметра *суть одинаковой сущности?* (Крыл., Почта духов, X); *Каких свойств суть* люди, именуемые сим названием (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Трубецкому, 1/12 марта 1791).

б) Все имение *не есть подданных,* но государево (Щербат., Статистика, VI); О ты, чей рост и взор и стан *Есть витязя,* породы царской (Держ., К царевичу Хлору); Узнал, что сие нашествие *не есть иноплеменных, но своих домашних неприятелей* (Добрынин, Зап., XXVIII); Уверен, что изъяснение характера Горациевой оды *есть* точно *Мерзлякова* (И. И. Дм., п. Жуковскому, 25 мая 1806).

в) Винословных сила *есть в сопряжении* причин предложенной мысли (Лом., Росс. грам., § 564); Таковые крестьяне *не суть ко умножению хлебопашества,* но *к отягощению* другим земледельцам (Щербат., Статистика, III); Лазутчики мои оставлены и *на прежнем есть основании* (Держ., п. А. Бибикову, 21 апр. 1774); *На каком основании есть* его ссылка? (А. М. Кутузов, п. А. Н. Радищеву, 27 марта/7 апр. 1792); Все эти числы *суть по новому штилю* (А. М. Кутузов, п. И. В. Лопухину, 18/29 дек. 1790); Мудрец *не есть из числа тех угрюмых смертных..,* которые никогда ничего не хвалят (Крыл., Почта духов, XLV); Пребывание мое *не есть в чертогах царских* (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть).

К 20—30-м годам функционирование в связочном сказуемом косвенных падежей почти полностью утрачивается. Остаточные явления фиксируются в официальной, торжественной или подчеркнуто логизированной научной речи.

Ибо польские члены, с коими они должны иметь переговоры, *суть высших чинов* (Показания П. И. Пестеля, Вопрос комитета); И в темнице страдальца слышен хохот; но сей хохот *есть* или адской или *небожителя* (В. Оболенский, О высоком и смешном, Атеней, 1828, № 23); Первые две [величины] *суть в обратном отношении* последних двух (Петрушевский,

Феория величин пропорциональных, ЖДНП, 1823, июль).

3. Та же тенденция имеет место в отношении причастных связочных сказуемых. Уже в XVIII в. причастие — в краткой и полной форме — в составе сказуемого со связкой *есть, суть* употреблялось редко; такое сказуемое несло в себе окраску подчеркнутой книжности.

Но все сие толь порядочно *устроено есть и связано*, что... (Кант., Письма о прир. и чел., 4); Оное морское чудовище *есть* так удивительно *поймано* (Нащокин, Зап.); Они, быв Омаровой секты, *суть* по самому сему, *связаны* с турками (Щербат., Статистика, V).

Они [письма] *суть* большею частию к должности моей *относящиеся* (Держ., п. И. Б. Пестелю, 24 марта 1786); Желания его *суть развлеченные* в разные стороны и разными предметами (А. М. Кутузов, п. А. А. Плещееву, 17/28 дек. 1790).

Позднее такие построения используются уже в целях стилизации.

Они [цари] *прокляты суть* от него, яко притеснители народа (Катихизис и воззвание С. И. Муравьева-Апостола).

4. Так же, как и рассмотренные выше формы, связочные сказуемые с прилагательными в полной и краткой форме в конце XVIII в. отмечаются преимущественно в официальной, книжной или торжественной речи.

Роды трав и коренья и их доброты суть неисчетные (Кант., Письма о прир. и чел., 3); *Знаменования союзов суть разные* (Лом., Росс. грам., § 464); *Должность исправника есть великая и многотрудная* (Щербат., Статистика, VI); *Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные* (Фонв., Рассужд. о истребившейся в России... форме гос. правл.); *Связь его мыслей есть следующая* (Радищ., Житие Уш.); *Но благородная жадность к похвале не есть ли общая всему человеческому роду?* (Крыл., Похв. речь науке убивать время); *Но бог есть вышний и над нами* (Держ., Об удовольствии); *Это ежемесячное издание*, беспристрастно скажу, *есть лучшее и по слогу своему и по содержанию* (И. Дм., Письмо к изд. журн. «Моск. зритель»); *Как сия деревня есть помещичья*, то... (Доклад об устройстве некот. почт. станций, 1796. ПСЗ, т. XXIV); Сим образом *речь сия есть ясная и чистая русская*, а вышесказанным образом *оная есть французско-русская* (Шишк., Рассужд.).

Особенно определенными по своей стилистической окраске были построения с краткими формами: они всегда связаны с высокой книжной речью или с речью деловой, официальной.

Желания наши всегда суть бесконечны (Кант., Письма о прир. и чел., 1); [О ф е л и я] Я чту судьбы твои! *твой гнев есть справедлив* (Сумарок., Гамлет, V, явл. последн.); *Движения органов суть двояки* (Лом., Росс. грам., § 16); *Военное*

искусство не есть наследственно (Храповицк., Дневн., 9 февр. 1787); *Мысли людские не суть одинаковы* (Щербат., Статистика, VI); Почиет чья душа в покое, *Поистине тот есть блажен* (Держ., На смерть гр. Румянцевой); *Предметы,* над коими разум и дух его обращается, *суть многочисленны* (Радищ., Письмо к другу); Жестокие судьи! *жертвы, вами порицаемые, суть блаженны* (Клушин, Несч. М-в); *Французский Энциклопедический словарь во всяком смысле есть недостаточен и неисправен* (Болтин, Примеч. об акад. словаре); *Круг знаменования их на всех языках есть почти одинаков* (Шишк., Рассужд.); *Российские товары суть весьма многочисленны* (Озерецковск., Описание Колы).

Показательно, что в прозе Карамзина связочные сказуемые с полными прилагательными представлены очень широко, и они не прикреплены к каким-либо определенным жанрам; те же сказуемые с краткими формами у Карамзина редки.

Относительно редким было и употребление в составе связочного сказуемого форм сравнительной степени.

[К л а в д и й] Ждать смерти при конце *есть* самой смерти *злей* (Сумарок., Гамлет, IV, 3); [О с к о л ь д] Щедрота к пленникам *есть выше* всех побед (Сумарок., Семира, V, явл. последн.); Те [земли] ... *есть* гораздо *плодороднее* (Щербат., Статистика, III); Твои коль славны древни следы, *Громчай суть* нынешни победы (Держ., На взятие Измаила); *Достопамятнее* из них *есть* книга, писанная полууставом с золотом (Челищ., Путеш.); Но в славенских книгах знаменование его *есть* гораздо *обширнее* (Шишк., Рассужд.).

В первые десятилетия XIX в. связочные сказуемые с краткими формами и с формами сравнительной степени практически утрачиваются; отдельные случаи употребления несут на себе явный отпечаток устарелости. Вот некоторые примеры.

Но все, что непосредственно происходит из безусловного совершенного, *есть* само *безусловно, совершенно* (В. Одоевск., Афоризмы, Мнемоз., 1824, ч. 2); Сие благополучие *есть* столь *твердо* и столь *постоянно,* что ... (А. В., О ложном благополучии людей мира, ЖДНП, 1823, май) [9].

Что же *есть славнее* для вас, как не развернуть способности народа вашего! (П. Г. Каховск., п. Ник. I); Из всех

---

[9] Объясняя смену таких связочных форм бессвязочными (*я есмь здоров* → *я здоров*) стремлением языка к экономии, А. Барсов писал: «Наши европейские языки стоят на пути разрушения этимологии и созидания новой, более точной. Язык идет от синтеза к анализу, от анализа к синтезу — и эта работа продолжается без конца; и сказуемое — центр, вокруг которого происходит это движение» (А. Б а р с о в. О частях предложения в связи с рассмотрением некоторых этимологических форм. «Филол. зап.» 1880, вып. II, стр. 13).

гражданских зол всего *опасней, злей* Для духа нации *есть* чуждым подражанье (В. Раевск., Сатира на нравы) [10].

Сказуемые с полными формами [11] удерживаются значительно дольше. Это объясняется, по-видимому, тем, что если бессвязочное употребление кратких прилагательных, кратких причастий, форм сравнительной степени, форм косвенных падежей было стилистически нейтрально, то полные прилагательные в бессвязочном сказуемом в первой половине XIX в. в какой-то степени еще продолжали оставаться категорией, которая могла восприниматься как несущая в себе окраску разговорности (см. «Изменения в соотносительном употреблении полных и кратких форм прилагательных в составе сказуемого», § 38). Поэтому в научной прозе и публицистике, в деловой речи, а в начале века еще в письмах, в авторской речи связочные сказуемые с полными прилагательными удерживаются как довольно употребительная категория.

Ибо судно наше *есть императорское,* а не купеческое (Головн., Зап., 1); Оное свидетельство *есть* совершенно *ложное* (Показания П. И. Пестеля); Его сношения с Екатериною *суть исторические* (Пушк., п. М. Л. Яковлеву, ок. 12 авг. 1834); Мнение об образовании вулканических гор землетрясением *есть* совершенно *ложное* (Атеней, 1828, № 19); Памятники сии *суть следующие* (Телеск., 1831, № 2); Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих *есть* уже *значительное* (Гоголь, Шинель); Поэтому и обязанность адъюнктов *есть одинаковая* с обязанностью академиков (Устав имп. Акад. наук, VI, ЖМНП, 1836, № 2); Но этот язык *есть земной* (Отеч. зап., 1839, т. III); Этот фунт *есть* в то же время и *торговый и монетный* (А. Купфер, Русск. метрич. система, Отеч. зап., 1839, т. III); Идея сочинения сего *есть* совсем *новая* (Вяземск., Фонвизин, X); Комитет этот *не есть административный* (Совр., 1847, т. V); Это состояние тел *есть,* так сказать, *конечное* (Менд., Основы химии, 1, 1) [12].

К концу века такое употребление затухает — в непосредственной связи с широким распространением и стилистической нейтрализацией полных прилагательных в бессвязочном сказуемом (см. § 40).

---

[10] Ср. в поздней стилизации: На «Наше время» упованья Я возложил: в нем мысль ясна. Читай его. Его сказанья *Суть слаще* мирра и вина (Курочк., Казацк. стихотворения).

[11] По своему происхождению сказуемые типа *есть ложный, суть одинаковые* являются синтаксическим полонизмом. См. об этом главу «Изменения в соотносительном употреблении полных и кратких форм прилагательных в составе сказуемого», § 35.

[12] Пример заимствован из статьи О. В. Патоковой «Наблюдения над языком научной прозы» («Наукові записки Харківської науково-дослідної катедри мовознавства», II, 1929, стр. 80).

Развитие соотношений связочных и бессвязочных сказуемых с существительным в форме именительного падежа

§ 4. Как уже отмечалось выше, в письменной речи конца XVIII — нач. XIX в. связочные сказуемые с именной частью — существительным в именит. падеже и с местоимением — были категорией очень активной.

Связочные сказуемые с существительным в именит. падеже были обычны в изречениях афористического характера, выражающих обобщение, умозаключение. Такие изречения широко представлены не только в научной литературе, мемуарах, письмах, но и в разных жанрах художественной литературы, в поэзии и прозе.

Начало премудрости есть страх господен (Лом., Росс. грам., § 80); *Честность есть душа супружеского согласия* (Фонв., Друг честн. людей, Ответ Стародума Софье); *Рассудок есть раб нетерпеливости* (Радищ., Путеш., София); *Брань есть знак зависти* (Крыл., Похв. речь Ермалафиду); *Сомнение есть жребий влюбленных* (Клушин, Несч. М-в); *Жизнь есть небес мгновенный дар* (Держ., На смерть кн. Мещерск.); *Плоды побед суть звуки славы* (Держ., На взятие Измаила); *Скромность есть тесная подруга с благоразумием* (Добрынин, Зап., XXVII); *Работа есть условие искусства; охота и возможность преодолевать трудности есть характер таланта* (Карамз., Отчего в России мало авт. талантов); *Мужество есть великое свойство души* (Карамз., О любви к отечеству); *Хлеб есть корень изобилия* (Карамз., Письмо сельск. жителя); *История женщины есть всегда роман*, сказал один француз (Карамз., Рыц. нашего вр., 11); *Язык и словесность суть не только способы, но и главные способы народного просвещения* (Карамз., Речь в торжеств. собрании Росс. Акад., 5 дек. 1818); *Терпение есть азбука всех прочих наук* (Гриб., п. С. Н. Бегичеву, 1824); *Язык есть мысль, переходящая в явление* (Кюхельб., Отрывок из Путеш. по Герм., XIX, Мнемоз., 1824, ч. 1); *Мысль есть уже действие книги* (Пушк., Путеш. из М. в Пб., <Торжок>); *Перевод есть оселок драматического писателя* (Пушк., Заметки на полях ст. П. А. Вяземского); *Отсутствие воспитания есть корень всякого зла* (Пушк., О народн. воспит.); *Жизнь есть наука в обширном ее смысле* (Борат., Антикритика).

Связочные конструкции с *есть* были обычны в дефинициях, сжатых определениях понятия; сферой их распространения была научная проза и примыкающие к ней виды письменной речи.

Кровь есть такой сок, который во все члены входит (Кант., Письма о прир. и чел., 5); *Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать* (Лом., Кратк. руководство к риторике, I); *Эстетика есть наука вкуса* (Ка-

рамз., П.р.п., Лейпциг, 16 июля 1789); *Средний язык в книжном языке есть средний слог* (Шишк., Примеч. на критику, изд. в «Моск. Мерк.»); *Свобода есть возможность поступать по своей воле* (Пушк., Путеш. из М. в Пб., Подсолнечная).

При всей обычности и широте своего употребления ни связочные предложения афористического, обобщающего характера, ни дефиниции в языке конца XVIII — нач. XIX в. не составляли основного массива предложений со сказуемым, выраженным сочетанием именит. падежа существительного со связкой *есть* и *суть*. Массовая употребительность наблюдается в этот период у связочных предложений, в которых входящие в состав главных членов отвлеченные существительные конкретизируются указаниями на отнесенность явления или его признака к месту, времени, лицу и т. п.

Сей век есть прямое поучение царям и подданным (Фонв., п. П. И. Панину, 26 янв. 1772); *Твои дела суть красоты* (Держ., Видение Мурзы); *Единое слово есть его закон* (Держ., п. императрице, 1785); *Беспристрастие есть первое правило, которое я тщусь наблюдать* (Щербат., Статистика, VI); *Карты суть душа наших собраний* (Крыл., Мысли философа по моде); *Леность не есть твой порок* (А. М. Кутузов, п. И. В. Лопухину, 25 янв./5 февр. 1791); *Любовь его есть искра* (Клушин, Несч. М-в); *Гостеприимство есть добродетель русских* (Карамз., П.р.п., Париж, июня ...1790); *Воспоминание о тебе есть одно из лучших моих удовольствий* (Карамз., Цветок на гроб моего Агатона); *Благочестие его есть только притворная личина* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, I); *Мое лучшее счастье на свете есть твоя дружба* (М. А. Мойер, п. А. П. Киреевской, 29 окт. 1816); *Лучшее дело в его жизни есть движение руки при подаче Карамзину золотой медали* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 14 янв. 1820); *Память Дельвига есть единственная тень моего светлого существования* (Пушк., п. П. А. Плетневу, 24 февр. 1831); *Приезд богатого соседа есть важная эпоха для деревенских жителей* (Пушк., Выстрел, II); *Гостеприимство есть всегдашняя добродетель моих земляков* (Марл., Второй вечер на бивуаке).

Обычным было сочетание связочного именного сказуемого с подлежащим — существительным конкретного значения, часто — собственным именем.

Галерея его есть одна из первых в Европе (Фонв., п. сестре, 7/18 дек. 1784); *Перстень этот есть явное на меня гонение моих неприятелей* (Крыл., Каиб); *Восемь начертанных тобою строк суть для меня истинная загадка* (А. М. Кутузов, п. Н. М. Карамзину, 17/28 дек. 1790); *Тамбов есть место к Кременчугу приближеннейшее от того, в котором вы прежде были* (И. М. Синельников, п. Державину, 18 февр. 1786); *Британия есть мать поэтов величайших* (Карамз., Поэзия); *Клейст*

есть один из любезных моих поэтов (Карамз., П. р. п., Берлин, 1 июля 1789); *Граф есть внук бывшего датского министра* (Там же, Женева, 1 ноября, 1789); *Басня Психеи есть одна из прекраснейших мифологий* (Карамз., О Богдановиче); *Сие любопытное письмо не есть вымысел* (В. Е., 1802, № 16); [1-й афинянин] *Сей странник есть Эдип!* (Озеров, Эдип в Афинах, II, 3); *Англия есть отечество карикатуры и пародии* (Пушк., Англия есть отечество карикатуры); *«Фауст» есть величайшее создание поэтического духа* (Пушк., О драмах Байрона); *49 нумер есть число мрачное и таинственное* (Лерм., Кн. Л., VII).

При подлежащем-инфинитиве сказуемое — существительное со связкой *есть* употреблялось так же, как и при подлежащем-существительном.

В изречениях афористического характера:

Любить деньги есть та же слабость (Трутень, 1769, V); *Полезным быть царю, полезным быть народу — Есть труд великих душ и славящих природу* (Васильев, Дневн., 14 дек. 1774); *Делить с другом своим имение свое есть вышняя степень дружества и величайшее ее усилие* (Крыл., Рассужд. о дружестве); *Почувствовать добра приятство Такое есть души богатство, Какого Крез не собирал* (Держ., Фелица); *Закрывать в изыскании и в приговоре виннаго не есть человеколюбие* (Держ., п. И. В. Гудовичу, 30 марта 1786); *Быть не странным есть верх искусства для мущины* (Карамз., П.р.п., Семейств. жизнь, Лондон, июня... 1790); *Вздыхать, роптать есть страсть глупцов* (Карамз., К бедн. поэту); *Делать добро миллионам есть главное на земле блаженство* (Карамз., О новом образовании народн. просвещ. в России); *Платить долг есть дурачество* (Изм., Евгений, 3, VII); *Страдать есть смертного удел* (Пушк., Воспом. в Царск. селе); *Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная* (Пушк., А. П. В., III); *Оправдать себя от напраслины есть право всякого* (В. Одоевск., Русск. ночи, Предисл.).

В предложениях, в которых инфинитив называет действие в его конкретной отнесенности к определенному лицу, месту, времени, обстоятельствам и т. п.:

Лизать прах ног твоих есть священнейшая и важнейшая моя должность (Крыл., Каиб); *А мне кажется, что видеть тебя есть великое благополучие для всякого* (Карамз., Бедн. Лиза); *Изобретать и распространять знаменование* [слов] *есть дело искусных писателей* (Шишк., Рассужд.,); *Мешать злу есть у нас одно средство делать добро* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 6 окт. 1820); *Взойти на лестницу есть тяжелый и болезненный для меня подвиг* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 20—26 апр. 1826); *Сравнивать меня с плутом есть с его стороны свинство* (Пушк., п. П. М. Погодину, 11 июля 1832).

Итак, предложения, в которых связка *есть, суть* входила в состав сказуемого в соединении с именит. падежом существительного, в начале изучаемого периода были живой и активной категорией. Такое положение сохранялось и в течение первых десятилетий XIX в., хотя к этому времени, несомненно, относится дальнейшая активизация бессвязочного сказуемого.

§ 5. Из всего многообразия форм связочных сказуемых построения с именной частью — существительным в форме именит. падежа были, по существу, единственной конструкцией, которая сохранилась в литературном языке XIX в. как относительно активная. Однако внутри и этой категории в течение XIX в. действовали свои ограничения и преобразования — формальные, стилистические и лексико-семантические.

Формальные ограничения и преобразования выразились, во-первых, в обособлении построений с *суть*, превращавшихся в застывшую и отмирающую формулу; во-вторых, в лексикализации сочетания *не есть*, которое из свободного соединения частицы и связки постепенно становилось формулой собственно отрицания, своеобразной вариацией отрицания *не* (см. § 8, 9).

Стилистические ограничения выразились в том, что связочные сказуемые последовательно сосредоточивались в сферах деловой, официальной речи, а в других сферах речи, в частности в художественном повествовании, они постепенно начинали восприниматься как форма стилистически значимая.

Лексико-семантические ограничения были порождены ограничениями стилистическими: сказуемые с *есть, суть* оказывались почти обязательно связанными с отвлеченной лексикой или со словами обобщенных значений. «Сравнительно с нашим временем, сохраняя в этом отношении синтаксическую особенность, типичную для XVIII в. и вошедшую в литературный язык под влиянием образцов старославянских, книжный язык первой половины XIX в. относительно часто пользуется связкой *есть* и, во мн. ч., *суть* в случаях, где теперь у нас в употреблении *это* или просто пауза. Большинство относящихся сюда примеров — сказуемые-имена существительные, чаще всего абстрактные» [13].

Естественно, что такие сказуемые сохраняют относительно устойчивую употребительность в дефинициях и умозаключающих формулах, сферой применения которых была логизированная речь. Соответственно такие построения находят отражение в научной и философской литературе, в художественной прозе — в авторских отступлениях, иногда в письмах.

Да, *только счастье есть мерка и поверка любви* (Белинск., п. В. П. Боткину, 24 февр. 1840); *Самая возбужденность мысли есть своего рода образование* (Герц., Сорока-воровка); *Каждая*

[13] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954, стр. 297.

безнравственность есть не только преступление, но и ошибка. Всякая несправедливость в политике есть такая же безнравственность (Вяземск., Фонвизин, V); *Страсть ругать все на свете и надо всем смеяться есть вернейший признак великой молодости* (Дружинин, Пол. Сакс., Два письма вместо первой главы); *«Мизантропия» во всяком случае есть признак или недостатка ума, или ложного направления* (Петрашевск., Карм. словарь иностр. слов, 2); *Тщеславие есть чувство самое несообразное с истинною горестью* (Л. Толст., Детство, XXVIII); *Односторонний специалист есть или грубый эмпирик или уличный шарлатан* (Пирогов, Вопросы жизни, Морск. сб., 1856, июль); *Эстетика есть самый прочный элемент умственного застоя и самый надежный враг разумного прогресса* (Писарев, Реалисты, XIV); Сложилась поговорка, что *печать есть шестая великая держава* (С.-Щ., Газетчик); *Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества* (Дост., Идиот, 2, V); *Время есть лучший советчик* (Милютин, Дневн., I, 23 марта 1874); *Способность оскорбляться есть достояние только душ благородных* (Чех., п. Н. И. Чехову, март 1886); *Закон жизни есть безостановочное движение вперед* (Корол., В голодн. год, IV).

То же при подлежащем-инфинитиве:

Назвать глупца глупцом, плута плутом есть обязанность бесстрашной истины и подвиг прямодушия (Вяземск., Фонвизин, VII); *Изменить направление общества есть дело промысла и времени* (Пирогов, Вопросы жизни, Морск. сб., 1856, июль); *Ничему не удивляться, говорят, есть признак большого ума* (Дост., Идиот, 4, VIII); *Точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни — есть высочайшее счастие для литератора* (Тург., Лит. и житейск. воспом., IV); *Описывать пьянство ради пьяных словечек есть некоторого рода цинизм* (Чех., п. Н. А. Лейкину, 24 дек. 1886).

Такое употребление сохранилось в языке до настоящего времени. Поэтому ошибочным является ставшее общим местом утверждение, будто бы в современном языке связка *есть* употребляется «только иногда в целях особой стилизации речи при значении тождества» [14].

На протяжении XIX в. резко сокращается употребительность связочных предложений, в которых отвлеченное имя существительное, входящее в состав одного из главных членов предложения, конкретизируется указанием на отнесенность к лицу, месту, времени и т. п. (см. § 4). Предложения типа *Для него труд есть необходимое орудие самосохранения* (Писарев, Реалисты, XVII), еще в середине века отмечаемые как обычный тип связочных по-

[14] Р. В. Протогенова. Глагол-связка в составном сказуемом совр. русск. языка. «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», новая серия, вып. 49. Филол. науки, кн. 4. Ташкент, 1953, стр. 91.

строений, к концу века явно убывают. Они сохраняются более или менее устойчиво лишь при условиях лексического совпадения подлежащего и сказуемого.

Роля обидчика своего отечества *есть роля тебя недостойная* (Жуковск., п. Н. И. Тургеневу, 1847); *Отношение доктрины к предмету есть религиозное отношение* (Герц., Б. и д., 4, Н. Х. Кетчер); *Всякое знание,* какое бы оно ни было, *есть* в некотором отношении *знание действительности* (Петрашевск., Наброски речей); *Эгоизм реалиста есть* сознательный и глубоко расчетливый *эгоизм зрелого человека* (Писарев, Реалисты, XV); Думал смолоду, что *холостая жизнь есть самая лучшая жизнь* (Помяловск., Молотов); Но та вера, которая мощно влияет на нравственное настроение человека, *есть вера не внешняя, но внутренняя* (Речь Ф. Н. Плевако, 1882); *Народ у Тургенева есть* по преимуществу *народ орловский* (В. Е., 1890, окт.); *Единственно верное решение* всех самых сложных общественных вопросов *есть решение справедливое* (Корол., п. В. С. Соловьеву, 22 окт. 1890); *Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая* (Ленин, Проект и объяснение программы с.-д. партии. Соч., т. 2, стр. 80).

Лексическое совпадение подлежащего и сказуемого во второй половине и в конце XIX в. было условием функционирования и таких связочных предложений, в которых имя в сказуемом имело конкретное значение. Идея о тождестве требовала словесного указания на это тождество, т. е. связочного слова.

Меня теперь сильно занимает вопрос: насколько *изображенный вами сон есть сон?* (Чех., п. Д. В. Григоровичу, 12 февр. 1887); Я полагаю, что *мултанское дело есть дело «особой важности»* (Корол., Мултанск. жертвоприношение, Мултанск. жертвопринош., II).

Во всех других случаях для связочных предложений, в которых имя существительное, входящее в состав одного из главных членов, имеет конкретное значение, в литературном языке XIX в. наблюдается тенденция к сокращению употребительности. Особенно ясно это обнаруживается по отношению к построениям с именами собственными. Предложения типа *Место действия его рассказов есть Урал* (В. Е., 1890, окт.) или *Его «Житейский задачник» есть книга в высокой степени вздорная* (Корол., «Житейский задачник для детей» Мандрыки) в конце века фиксируются как нетипические случаи исчезающего употребления.

§ 6. Само собой разумеется, что конструкция такого актуального значения, каким было значение связочных сказуемых, не могла бы суживать границы своего применения и сокращаться количественно, если бы рядом не существовало равнозначной с ней более активной и стилистически нейтральной модели — бессвязочного сказуемого. Материалы, извлеченные из памятников разных жан-

ров, свидетельствуют о том, что в языке XVIII в. бессвязочные сказуемые не были прикреплены исключительно только к разговорной речи и связанным с ней формам письменности. Правда, у многих прозаиков второй половины и конца XVIII в.— Радищева, Крылова, особенно Карамзина — связочные конструкции при выражении отношений тождества преобладают. Но и бессвязочные сказуемые с этим значением в то время были также вполне употребительны.

Так, у разных писателей, в произведениях разных жанров многочисленны случаи употребления бессвязочного именного сказуемого в умозаключающих изречениях, сентенциях.

Худые примеры не закон (Лом., Росс. грам., § 119); [К и й] *Князь — кормщик* корабля, *власть* княжеская — *море* (Сумарок., Хорев, II, 1); *Признание погрешения половина исправления* (Чулк., Пересмешн., 6); *Разум — материя весьма тяжелая* (Там же, 3); И верь, что *похвала — мечта* (Держ., Похвала на правосудие); *Непостоянство — доля смертных* (Держ., К первому соседу); *Быстрота марша — первое искусство* (Суворов, Прошение в Герольдмейст. контору); *Праздность и скука,* говорят, *изобретательница* многого (Добрынин, Зап., XXXII); Читай, тверди, хвали: *хвала стихам венец. Поэзия цветник* чувствительных сердец (Карамз., Протей); И я сказал: *любовь мечта!* (Карамз., Опытная Соломонова мудрость); *История не роман* (Карамз., п. В. М. Карамзину, 6 июня 1808); [У л и с с] *Великий человек* народам — *дар* небес (Озеров, Поликсена, III, 4); [Ф и н г а л] Отважный *сын царев* — отечественный *щит* (Озеров, Фингал, III, 1).

Интересно, что в «Недоросле» Фонвизина в афористических изречениях положительных героев широко представлены именно бессвязочные формы.

[П р а в д и н] Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа. [С т а р о д у м] *Без нее просвещенная умница — жалкая тварь. Невежда без души — зверь* (III, 1); [С т а р о д у м] *Наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болван — все болван* (III, 2); [С т а р о д у м] В глазах мыслящих людей *честный человек без большого чина — презнатная особа* (IV, 2).

При лексическом совпадении подлежащего и сказуемого бессвязочные формы в языке XVIII в. также не являются исключением.

Цель нашей жизни — цель к покою (Держ., На возвращение гр. Зубова); *Люди везде люди* (А. А. Плещеев, п. А. М. Кутузову, 22 июля 1790); Без страсти *жизнь не жизнь,* а скука (Карамз., Страсти и бесстрастие); *Слезы их — слезы крокодиловы* (Карамз., Юлия).

Возможны были бессвязочные сказуемые и при подлежащем-инфинитиве.

[Честин] *Исполнять* ваши повеления *мое первое правило* (Плавильщ., Бобыль, II, 10); *Погружаться в страданиях,* которые суть бесчисленны, желая терзаться самопроизвольно,— *сумасшествие!* (Клушин, Несч. М-в); *Не первая ли должность* мужчины *нравиться* женщине? (Крыл., Мысли философа по моде).

В непринужденном повествовании, в частной переписке, мемуарах, в воспроизведениях разговорной речи бессвязочные сказуемые были нормой во всех тех случаях, когда речь шла о конкретном признаке конкретного предмета (а), об отнесенности отвлеченного признака к конкретному предмету или единичному явлению (б), о приписывании признака единичному лицу или предмету — в случаях выражения подлежащего именем собственным (в).

а) Видно, что *сии господа вояжеры сами не весьма ученые люди* (Фонв., п. сестре, апр. 1778); Предместник мой... ко всему нередко говорит: *«Это проформа»* (П. И. Новосильцов, п. Державину, 11 окт. 1786); [Рубакин] *Упражнения твои истинные сумасшествия* (Клушин, Алхимист, II); Уверяли меня, что *он* [жеребец] *пресмирная скотина* (Болот., 1, 20); Отослано доношение ваше на рассмотрение казенной палаты, *что самый сущий беспорядок* (Держ., п. А. А. Саблукову, 9 марта 1786); *Этот случай не выдумка* (Карамз., Рыц. нашего вр., 7); *Венерино шествие* у Лафонтена *эскиз,* у Богдановича *картина* (Карамз., О Богдановиче).

б) [Прямиков] *Закон подпора* мне и *щит* (Капн., Ябеда, I, 1); Когда кого народ не любит, *Полки его и деньги — прах* (Держ., Монумент Петра Великого); Так, красота владеет миром; *Сердца ей трон и алтари* (Держ., Всемиле); Приказал своему секретарю уверить меня, что *представление меня в чин не вся награда* (Добрынин, Зап., XLII); *Все наши знания мечта, Вся наша мудрость суета!* (Карамз., Опытная Соломонова мудрость); *Земля гостиница для нас!* (Карамз., Стихи на смерть П. А. Пельского); *Ваши стихотворения школа* для поэта (Жуковск., п. Державину, 29 июня 1816).

в) Франция, по рассказам, *земной рай* (Фонв., п. сестре, 20 ноября/1 дек. 1777); *Помпея* для меня *любопытнейший монумент* римских древностей (Карамз., п. К. Н. Батюшкову, 20 окт. 1819).

На протяжении XIX в. бессвязочное именное сказуемое по отношению к сказуемому связочному становится центральной и доминирующей категорией. Нет необходимости иллюстрировать примерами тезис о массовости этих форм: это с достаточной убедительностью сделано во многих грамматических трудах и исследованиях [15]. Приведем лишь некоторые материалы из языка второй

[15] См., например: Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. Изд. 2. СПб., 1912, стр. 60—61; А. А. Шахма-

половины и конца XIX в., показывающие употребление бессвязочного сказуемого там, где раньше явно преобладали сказуемые связочные.

Но *потомство — бессмертие земли!* (Пирогов, Вопросы жизни, Морск. сб., 1856, июль); Я только хочу сказать, что *аристократизм — принсип* (Тург., Отцы и дети, X); *Лучшее развлечение от мыслей — работа* (Черн., Что делать? 3, XXV); *Профессор — степень или званье*; *Коллежский регистратор — чин*; *Кнуты и розги — наказанье*; Одиножды один — один (Курочк., Великие истины); *Природа — сфинкс.* И тем она верней Своим искусом губит человека (Тютч., Природа — сфинкс); *Корысть* — единственный их *идол,* И *бедность* — вечный их *удел* (Апухт., О цыганах, 1); Их *пир* — безумцев *пир* на пышущем вулкане! (Надсон, Певец, восстань!); *Вся наша жизнь насквозь сплошная причинность* (Речь Ф. Н. Плевако, 1882); Конечно, *сон — явление субъективное* (Чех., п. Д. В. Григоровичу, 12 февр. 1887); *Счастье — возможно полное удовлетворение потребностей* (М. Г., Ф. Г., XII); Но *учреждения* сами по себе *только формы* (Ключевск., Курс русск. ист., III, XLI); *Земля — вертеп* обмана, лжи и зла (Бунин, Джордано Бруно); *Мир — бездна бездн* (Там же).

Наряду с бессвязочными сказуемыми активизировались построения со связующим *вот.* Функция этого слова в двусоставном предложении является сложной, так как элемент указательности в нем сохраняется даже в тех случаях, когда связующая роль его в предложении несомненна. Но, в отличие от связки, *вот* никогда не входит в состав сказуемого и сохраняет в предложении значение самостоятельно функционирующего слова.

Уже в конце XVIII — нач. XIX в. употребительны были предложения, в которых подлежащее — имя или инфинитив — соединялось со сказуемым при помощи слова *вот,* совмещавшего в себе функции связующего и указательного слова.

Желать и ждать — вот счастье человека (Крыл., Письмо о пользе желаний); *Сухощавость, бледность, томность — вот ее достоинства* (Крыл., Мысли философа по моде); *Тацит, Юм. Робертсон, Гиббон — вот образцы!* (Карамз., П.р.п., Париж, мая ...1790); [Антигона] *Опорой быть твоей — вот счастье* Антигоны (Озеров, Эдип в Афинах, II, 1).

Такие построения сохраняются как живая и активная категория. Однако указательное значение в *вот* выводило эту конструкцию за пределы соотношения взаимозаменяемых связочных и бессвязочных построений.

т о в. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 210—212; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 244; О. В. Патокова. Наблюдения над языком научной прозы; R. Mrázek. Příspěvek k teorii jmenného přísudku. «Slovo a slovesnost», XVIII (на обл. ошибочно XXVIII), 1957, № 1; U. Busch. Указ. соч.; В. Ф. Киприянов. Структурные типы сказуемого в совр. русск. языке. «Вопросы совр. русск. лит. языка, диалектологии и методики». Свердловск, 1960; П. А. Лекант. Продуктивные типы безглагольных односоставных и двусоставных предложений в совр. русск. языке. Автореф. канд. дисс. М.,1961; А. Н. Шрамм. Типы сказуемого в двусоставном предложении. «Русск. яз. в шк.», 1961, № 2.

§ 7. Существенное влияние на сокращение употребительности сказуемых со связкой *есть* оказало развитие связочного функционирования местоименного слова *это* и образовавшегося с его участием сочетания *это есть*. В результате активизации этих новых связок появились новые живые ряды взаимозаменяемых форм: *Провинция — лучшая школа для службы и Провинция — это (это есть) лучшая школа для службы; Стыдиться — признак молодости* и *Стыдиться — это признак молодости.*

Предложения с *это* в роли связочного слова при именном сказуемом начинают распространяться с 20—30-х годов XIX в. и сразу же оказываются конструкцией, активно взаимодействующей с равнозначными собственно связочными и бессвязочными образованиями. Как и эти последние, построения с *это,* в отличие от сказуемых с *есть* и *суть,* не были прикреплены к каким-либо определенным сферам речи, поэтому они так же широко и свободно проникали во все сферы речи, как и сказуемые с «нулевой связкой». Благодаря своей стилистической нейтральности и смысловой ясности предложения со связочным *это* очень быстро приобретают массовую употребительность [16].

Несколько дней — это целый век для юноши (Марл., Лейт. Белозор, II); *Музыка — это совершеннейшее из искусств* (Никитенко, Дневн., 14 апр. 1841); *«Елизаветпольское сражение» — это не просто медальёрное изображение, это картина* (Отеч. зап., 1839, т. III); *Жуковский — это воплощенное прекраснодушие* (Белинск., п. К. С. Аксакову, 10 янв. 1840); *Отличительная* черта полинькиной красоты — *это ее детская миловидность* (Дружинин, Пол. Сакс, Пролог); *Порядочный человек — это герой* современного общества (Гонч., Письма столичн. друга); *Лучшее издание* сочинений Богдановича — *это издание Бекетова* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *Переводы Жуковского — это памятник русского языка* (Там же); *Второе мое занятие — это лень* (С.-Щ., Губ. оч., Влад. Конст. Буеракин); *Винá — это редкость, это исключение из правила; беда — это эпидемия. Умышленный поджог — это вина* (Черн., Русск. чел. на rendez-vous); *Боязнь* житейской грязи — *это самое барское качество* (Писарев, Кукольн. трагедия..., VIII); *Мир — это шайка мародеров* (Минаев, Мотив мрачно-обличительный); *Сатира,* с одной стороны,— *это форма*; напротив, с другой стороны, *сатира — это фигура* (Будильн., 1865, № 1); *Эмс это городок* в глубоком ущелье высоких холмов (Дост., п. жене, 13/25 июня 1874); *Азиятский тип — это тип*

[16] Ср. интересные наблюдения О. В. Патоковой, отметившей частое употребление предложений с *это* в научном языке Шахматова, — в отличие от Потебни, у которого в аналогичных случаях преобладают бессвязочные предложения или предложения со связкой *есть* (О. В. Патокова. Наблюдения над языком научной прозы, стр. 79—80 90).

господства роскоши и изящного вкуса (Русск. богатство, 1880, май); *Гоголь и Иванов — это люди совершенно разных миров* (Стасов, О знач. Иванова); *Получение письма* от тебя — *это маленькое свидание* (Л. Толст., п. жене, 27 июня 1871); Полное *отсутствие стремлений — это смерть* (Корол., п. К. К. Сараканову, 24 сент. 1888); Первая и главная *прелесть рассказа — это простота и искренность* (Чех., п. А. Н. Плещееву, 5—6 июля 1888); *Штрафные деньги — это собственные деньги рабочих,* вычеты из их заработка (Ленин, Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах, VI. Соч., т. 2, стр. 41).

При подлежащем-инфинитиве:

Верьте, что *не сметь сесть, не знать,* куда и как сесть,— *это самое мучительное чувство!* (Н. Павл., Именины); *Стыдиться — это* тоже *признак молодости* (Тург., Фауст, I); Но *не воспользоваться* рекомендацией — *это нелепость, это* приторный, смешной *пуризм* (Помяловск., Молотов); *Кормить* нищих и *поддерживать,* таким образом, нищенство, *это подвиг очень не головоломный* (Писарев, Кукольн. трагедия..., VII); Катков сказал, что дискать, *Терпеть* их — *это грех!* (А. К. Толст., Песня о Каткове, 1); *Подготовиться* на экзамен в сельские учительницы — *это* такие *пустяки* (Златовратск., Устои, 2, 2, I); *Жить и не видеть* его, *знать,* что он есть, *и не мочь подойти* к нему — *это какой-то неестественный факт, невозможность* (Речь Ф. Н. Плевако, 1880); «Хорошо *учиться»,* т. е. *быть* ловким *прощелыгой,* умеющим прилаживаться к тому, что требуется, или *быть* пустым *зубрилой — это одно, а знать — это другое* (Стасов, Училище правовед., II); Но *писать* для перевода — *это не то,* что писать для своих читателей (Корол., п. В. А. Гольцеву, 11 марта 1894); У матери *получить* письмо — *это событие* (Чех., п. Ал. П. Чехову, 24 окт. 1887).

Со второй половины XIX в. начинает распространяться употребление *это* в сочетании со связкой в форме прош. вр.

Уехать тихонько, не простясь со мной — *это была несчастная мысль* (С. Акс., Воспом., Гимназия, Период первый); Но *главное,* что занимало меня,— *это было спасти* других (Завалиш., Зап. декабр., 3, III); *Статьи* Гоголя — *это были отрывки* из его несостоявшихся лекций в университете (Стасов, Училище правовед., III); А *побывать* на Донце, на Малом Танаисе, воспетом «Словом» — *это была* моя давнишняя *мечта* (Бунин, На Донце, 1).

При постпозиции подлежащего:

Мне отдавали получаемые им газеты, и *это было мое дело распечатывать* их *и раскладывать* в порядке на особенном столе (Завалиш., Зап. декабр., 1, 1); *Это была бы,* однакож, великая *несправедливость — утверждать,* что... (Стасов, О знач. Иванова).

Примерно с середины XIX в. в результате контаминации *это* и *есть* в предложениях с именным сказуемым возникает связочное сочетание *это есть*. Вначале такому употреблению, по-видимому, был присущ оттенок разговорной непринужденности.

Утверждал, что *двенадцатый час — это есть самое то время,* когда хочется человеку есть (Тург., Два приятеля); У нас в молодом отечестве,— прибавляет он [Иванов] отцу,— *это есть* ощутительное *невежество — подавлять* таланты (Стасов, О знач. Иванова).

Распространение употребительности этого сочетания относится к более позднему периоду.

Особые явления в развитии сказуемых со связкой *суть*

§ 8. В истории связочных сказуемых особое место занимают построения с формой связки *суть*. Уже в языке XVIII и первых десятилетий XIX в. сказуемые с *суть* были специфической принадлежностью канцелярской и «ученой» речи [17]. В. В. Виноградов приводит интересное свидетельство А. А. Барсова о том, что «множественное *суть* малоупотребительно и кажется как бы дико» [18]. Сказуемые с этой связкой, имеющие в качестве присвязочной части творит. беспредложный (*деньги суть артериею войны*), родит. беспредложный (*все почти голоса суть тону мягкого*), косвенные падежи с предлогом (*таковые крестьяне не суть ко умножению хлебопашества*; *все сомнения его суть об орудиях* и т. п.), краткую форму или сравнительную степень прилагательного (*желания наши суть бесконечны*; *земли, которые лежат к Псковской губернии, суть гораздо хуже*), причастие (*законы государственные суть основаны на божественных*), в XIX в. уже не употребляются; в первые его десятилетия (а спорадически и позже) [19] они еще отмечаются иногда в намеренно стилизованной или подчеркнуто высокой речи, а также в речи научной.

[А ф и н я н] Весь город вопиет: «*разгневаны суть* боги» (Озеров, Эдип в Афинах, IV, 5); Ибо польские члены, с коими они должны иметь переговоры, *суть высших чинов* (Показания П. И. Пестеля, Вопрос комитета); Сии журналы *не суть ли* сами красноречивыми *доказательствами* исполинских успехов нашего просвещения (Пушк., Если звание любителя отеч. лит-ры...) [20]; Первые две [величины] *суть в обратном отношении* последних двух (Ф. Петрушевский, Общая феория величин пропорциональных, ЖДНП, 1823, июль); Наибольшая

---

[17] См. об этом: В. В. В и н о г р а д о в. Из истории русской лексики. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», XII. 1959, стр. 34.

[18] Там же.

[19] См.: J. J o h a n n e t. Указ. соч., стр. 117—118.

[20] Замечания о стилизованности данного текста см. там же, стр. 117.

[величина] с наименьшею *суть больше* двух прочих (Там же); Сколько сии утешения, вкушаемые в любви бога, *суть существенны* (ЖДНП, 1823, май).

Сказуемые со связкой *суть* и присвязочной частью — существительным в форме именит. падежа удерживались значительно дольше. В конце XVIII — нач. XIX в. основной сферой их применения были суждения тождества, часто — умозаключения афористического характера.

[Ростислав] Премены счастия *суть свойства* здешня света (Сумарок., Семира, II, 9); Почести мирские *суть пепл и дым* (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Науки *суть светила,* просвещающие души (Крыл., Почта духов, VIII); И самые венценосцы *суть* те же *человеки* (Клушин, Несч. М-в); Плоды побед *суть звуки* славы (Держ., На взятие Измаила); Огненные страсти, по словам одного англичанина, *суть курьеры* жизни (Карамз., Чувствит. и холодн.); Опасность, кровь, разврат, обман *Суть узы* страшного семейства (Пушк., Бр. разб.); Правила вообще *суть законоположения* произвольные (Атеней, 1828, № 23).

Употребление *суть* в предложениях этого типа удерживается приблизительно до середины XIX в. Еще в 30—40-х годах они нередки в научной и журнальной прозе.

Слова общественного языка *суть* только *знаки* (Отеч. зап., 1839, т. III); И те части, далее которых не может простираться деление, и *суть монады* (Петрашевск., Карм, словарь иностр. слов, 2 [Монада]).

В то же время нужно сказать, что в языке конца XVIII — первых десятилетий XIX в. построения с *суть* не были закреплены только за научными дефинициями или предложениями отвлеченного, умозрительного содержания; в пределах книжной и официальной речи они относительно свободно использовались и при характеристике определенных, конкретных явлений, событий, лиц.

Дать упражнение и тем российским писателям, кои *не суть члены академии* (Фонв., Друг честн. людей, Письмо от Стародума); Наши попы и церковники, имеющие малое просвещение без нравов, *суть наивреднейшие люди* в государстве (Щербат., Статистика, VI); И сии *суть главнейшие упражнения* башкирок в кочевке (Лепехин, Дневн. зап., 2); Ваше сердце и ваша к нему дружба *суть* верные мне *поруки* (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Трубецкому, 13/24 мая 1791); В Кремле *лучшие здания суть* соборная церковь и архиерейский дом (Озерецковск., Описание Колы); Сентябрь и октябрь *суть неудобные месяцы* для описывания Курильских островов (Головн., Зап., 1); Потомки его наследников *суть* доныне *одни из богатейших людей* в России (Пушк., Ист. Пугач., Примеч. к гл. 3); Впрочем, это *суть* только *догадки* (Показания П. И. Пе-

стеля); Кадожи, как говорят, *суть* главные *блюстители* масонских лож (Марл., Вечер на Кавк. водах).

Такие построения довольно устойчивы и в середине и второй половине XIX в. нередки в деловой научной прозе и журналистике.

Два замечательнейшие дерева в Европе, как по красоте, так и по летам, *суть* кордуйские *пальмы* (Телеск., 1831; № 2); Его симфонии *суть* роскошные *картины* звуков (Там же, № 1); *Любопытнейшие* из этих самобытных созданий народной поэзии *суть* сказки и песни (Отеч. зап., 1839, т. III); Предметы преподавания в лицее *суть*: 1) богословие..., 2) русская словесность (Устав Демидовск. лицея, I, ЖМНП, I, 1846, т. XLIX); Глубокие долины, находящиеся там, *суть* почти единственные *плодоносные земли* в целом Перу (Совр., 1847, т. V); Большинство тел, с которыми приходится иметь дело, *суть тела сложные* (Менд., Основы химии, 1, 2); Рубцы на руке Данилова *суть следы* бывших двух отдельных ран (Судебн. заключ., 1867); Эти слова *суть имена* (Потебня, Из зап., т. I—II, стр. 10); Подлежащее и сказуемое *суть члены* объясняемые и дополняемые (Там же, стр. 67) [21].

К концу XIX в. употребление построений с *суть* явно затухает: их функции окончательно сосредоточиваются в построениях с *есть*. Показательно, что именно в этот период учащаются случаи ошибочного с точки зрения старой нормы употребления *есть* вместо *суть* (даже в явно стилизованной речи): Мы *есть* первые *люди* жизни и настоящие *хозяева* в своем отечестве... М. Г., Ф. Г., XIII). Вообще же подобные ошибки отмечаются уже и в XVIII в.

Все те *жилы есть вдвое* (Кант., Письма о прир. и чел., 5); Действия и героев должно описывать не такими, *каковы они есть* (Крыл., Каиб); *Слезы* в подобном случае... *есть дар* божества (Добрынин, Зап., XXIX); *Силы* наши *есть резерв* деспотизму Священного союза (П. Г. Каховск., п. Ник. I); *Снега есть шлем,* надетый на великанов творения (Марл., Письмо к д-ру Эрману).

Ср. отмечаемые до 60—70-х годов XIX в. случаи употребления при аналогичных условиях связки *суть* в соответствии со старой нормой: *Карты суть душа* наших собраний (Крыл.), *Слезы суть* твоя *пища* (Клушин), *Таланты суть* для вас *богатство* (Карамз.), *Книги не суть повторение* лексикона (Пушк.), *Оба эти явления суть игра...* природы (М. Антонович) и т. п.

Что касается сказуемых с *суть* с присвязочной частью — полным прилагательным, то в первой половине XIX в. они употреблялись довольно свободно, так же как и имена существительные. Так, например, Пушкин свободно пользуется ими в журнальных

[21] Два последних примера заимствованы из статьи О. В. Патоковой «Наблюдения над языком научной прозы», стр. 80.

статьях и письмах и в соответствующих случаях даже правит первоначально написанное *есть* на *суть*: в окончательной редакции (Объяснения по поводу заметки об «Илиаде») (1830) во фразе «Нынешние отношения барона Дельвига к Н. И. Гнедичу *не суть дружеские*» сказуемым с *суть* заменено *не есть дружественные* первоначального варианта.

Позднее сказуемые этого типа отмечаются главным образом со словом *следующий* (Меры эти *суть следующие*; Науки, преподаваемые в гимназиях, *суть следующие* и т. п.) [22].

Итак, говорить об утрате употребительности *суть* в языке XIX в. было бы неверно. Но несомненно, что эта связка, окончательно превратившаяся в оторвавшуюся от парадигмы и застывшую словоформу, строго прикрепленную к определенным и узким сферам речи, в XIX в. была формой, все более ограничивающейся в своем употреблении и постепенно отмирающей. Этот процесс особенно ясно обнаруживается при сопоставлении судьбы сказуемых с *суть* с судьбой аналогичных конструкций с *есть*, продолжавших функционировать как форма живая и при определенных условиях достаточно активная.

Превращение сочетания *не есть* в устойчивую формулу отрицания

§ 9. Специфическому преобразованию подверглось в языке XIX в. сочетание *не есть*, первоначально выступавшее как свободное соединение отрицания и связки *есть* в предложениях тождества, широко представленных в описательной, научной и деловой прозе. На протяжении всего изучаемого периода в тех же сферах речи, что и предложения с *есть*, последовательно отмечаются отрицательные связочные конструкции типа *побои не есть средство к исправлению людей* (Фонв.), *вероятность не есть очевидность* (Карамз.), *сочинение канцелярских бумаг не есть труд* (Гриб.), *характер Пимена не есть мое изобретение* (Пушк.), *Москва не есть обыкновенный город* (Лерм.), *такая организация не есть исключительно гуманная* (Герц.), *симптом болезни не есть самая болезнь* (Черн.), *мартышкин труд не есть работа* (Писарев), *вселенная не есть случайная игра случайных сил и явлений* (Корол.) и т. п. Как по стилистической окраске, так и по общему характеру своего значения (подчеркнутое безусловное отрицание тождества) такие построения стояли в одном ряду с утвердительными связочными предложениями.

И в языке XVIII в. и позднее предложения с *не есть* сохранялись как собственно связочные. Об этом свидетельствуют случаи, когда *есть* в сочетании с отрицанием противопоставлено форме другого временно́го значения, например: О Троицком монастыре́ заметить здесь надобно, что он *был монастырь*, но больше *не есть*

[22] Об этом лексически замкнутом «книжном обороте», сохранившемся до начала XX в., см.: Д. Н. Овсянико-Куликовский. Указ. соч., стр. 113.

(Озерецк., Описание Колы). О том же свидетельствует и такое проходящее через весь XIX в. употребление, когда *не есть* находится в одном контексте, часто в составе одной конструкции с *есть* и соответственно две части конструкции или два предложения оказываются противопоставленными друг другу как утверждающая тождество и отрицающая его:

Понятие глагола developper *не есть такое особливое*, которое бы одному токмо французу пришло в голову; оно *есть* весьма *общее* (Шишк., Рассужд.); Будто неверность мужей *есть что-нибудь новое*, будто она *не есть отличительная черта* человека хорошего тона? (Совр., 1847, т. V); Это ослабление голосов, враждебных правде, *не есть обстоятельство* случайное.., но *есть явление* непрочное по своей случайности (Черн., «Губ. оч.» Щедр.); Но она *не есть смесь* железа с влажным воздухом,— она *есть* новое *тело* (Менд., Основы химии, 1, 1); Доказывали наблюдателю, что видимое им здание *не есть храм муз,* но *есть кутузка* или сибирка (Гл. Усп., Будка, 1); Русский либерал *не есть русский либерал,* а *есть не русский либерал* (Дост., Идиот, 3, I). Сюда же: Умственный труд *есть и не есть сила производящая* (В. Одоевск., Русск. ночи, 5); Разделение работ *есть и не есть* главнейшая *причина* народного богатства (Там же, 5).

В то же время несомненно, что внутри отрицательных связочных предложений происходили качественные изменения, направленные на слияние связки с отрицательной частицей и превращение сочетания *не есть* в стилистически окрашенную формулу собственно отрицания, в своеобразную вариацию отрицательной частицы. Показателями этого процесса могут служить следующие факторы — собственно грамматические и стилистические.

1. Построения с *не есть* приобретают способность употребляться в одном ряду с отрицательными предложениями с *не* как их синтаксические синонимы, например:

[Литература] *не есть жизнь* народа нашего, а разве одна из блистательных отраслей общежития его: она *не* народный *дар слова, не* народный *глагол,* а одно изящное выражение народа (Вяземск., Фонвизин, I).

Уже в начале XIX в. эти две конструкции были, по-видимому, взаимозаменяемы. Ср. характерную правку Пушкина, заменяющего фразой «Его подражание *не есть* постыдное *похищение* — признак умственной скудости» первоначальный вариант: «Подражание сие *не знак* постыдной скудости, *не* дерзновенное *похищение*» (Фракийск. элегии).

2. Построения с *не есть* оказываются противопоставленными утвердительным предложениям с бессвязочным сказуемым:

Между тем *это не есть страна* аристократического крупного землевладения, напротив: *это страна* землевладения до того мелкого, что... (Русск. богатство, 1880, июнь).

3. Аналогичное явление наблюдается при таком употреблении именных сказуемых, когда первое имеет при себе отрицание (*не есть*), а второе, утверждаемое, является бессвязочным:

Цель бытия человека в отношении к нему самому *не есть страдание, а* наиполнейшее *наслаждение* жизнью (Петрашевск., Проект об освобожд. крестьян). То же с *не суть*: Они [мысли] *не суть плод* глубокого размышления, *но* первые, так сказать, *идеи* (Карамз., Нечто о науках); Лица, созданные Шекспиром, *не суть,* как у Мольера, *типы* такой-то страсти, такого-то порока; *но существа* живые, исполненные многих страстей (Пушк. Table-talk, XVIII) [23].

4. Предложения с *не есть,* перерастающим в собственно отрицание, раздвигают границы своего применения; так, например, их использование становится возможным в языке поэзии:

Я полюбил тебя... Твой взор *не есть* несчастному *укор* (Полеж., А. П. Лозовскому).

Однако интересно, что и в стихах такие построения часто несут на себе след своей принадлежности к официальной речи, ср.:

Для нас закон царя *не есть закон* судьбы (Языков, Н. Д. Киселеву); Я говорил: «В наш век прогресса Девиз и знамя наших дней *Не есть* анархия идей» (Курочк., Сон на Новый год).

Так разными путями шел в языке XIX в. процесс формальных преобразований и ограничений глагольной связи.

Развитие соотношений связочных и бессвязочных местоименных сказуемых

§ 10. В истории употребления местоименных сказуемых со связкой *есть*, так же, как и в сказуемых с именем существительным, отражается тенденция к сосредоточению их в научной, философской, деловой письменности. Естественным следствием такого стилистического закрепления явилось и характерное лексическое ограничение: в составе связочного сказуемого устойчиво сохраняются лишь местоимения определительно-выделительных значений, вводящие точную дефиницию понятия. Показательна в этом смысле не спадающая на протяжении всего XIX в. употребительность фразеологизированного сказуемого *есть не что иное, как* в предложениях тождества типа: наука *есть не что иное, как* приведенная в систему *опытность*; честолюбие *есть не что иное, как жажда власти*; литература *есть не что иное, как отражение жизни* и т. п.

---

[23] Несомненное свидетельство превращения *не суть* в собственно отрицание — употребление его в устойчивом сочетании *не суть важно*: Почерк безобразный, противно читать, но *это не суть важно* (Чех., п. А. Н. Плещееву, 23 апр. 1888).

Аналогичны по значению и по употребительности связочные сказуемые с именной частью фразеологического характера типа *есть не больше (более) как, есть больше ничего как.*

Самая даже жизнь Булгарина *есть больше ничего, как повторение* жизни Байрона (Гоголь, п. А. С. Пушкину, 21 авг. 1831); «Капитанская дочка» Пушкина, по-моему, *есть не больше как беллетристическое произведение* (Белинск., п. В. П. Боткину, 16 апр. 1840); Ваша гипотеза необходимого перевеса первой силы над второй *есть не более как мечта,* произвольная *утопия* (Милютин, Мальтус и его противники, Совр., 1847, т. V); Этот молодой человек *есть не более не менее как сын покойного П.* (Дост., Идиот, 2, VIII [стилизация газетной статьи]).

По отношению к другим местоимениям в составе связочного сказуемого (*есть то, есть то самое, есть таков, есть нечто, есть ничто*) отмечается явное сокращение употребительности и сосредоточение этих форм в конструкциях дефинитивного характера, главным образом в сфере философской, научной и деловой речи.

Таким образом, местоименные связочные сказуемые в своем развитии подчиняются тем же закономерностям, что и собственно именные сказуемые: стилистические ограничения влекут за собой ограничения семантико-лексические.

§ 11. Особого рассмотрения требует развитие четырехчленного соотношения сказуемых *что — что есть — что такое — что такое есть.* Во второй половине XVIII — нач. XIX в. основные линии этого соотношения и тенденции его дальнейшего развития вырисовываются в следующем виде.

Связочное сказуемое *что есть* (*что суть*) употреблялось при обозначении отыскиваемого тождества, внутренней сущности субъекта в предложениях, представляющих собой поиски дефиниции. Такие построения были широко распространены в научной и философской прозе, в художественной литературе, в письмах соответствующего содержания.

[Оснельда] Но *что сие есть* смерть? Порог из света вон (Сумарок., Хорев, III, 2); И тогда *что есть* государство? Колосс, державшийся цепями (Фонв., Рассужд. о истребившейся в Росс. формы гос. правл.); В каждом суде был бы хотя один член, понимающий, *что есть* юриспруденция или законоучение (Радищ., Путеш., Подберезье); Ибо *что есть* истинное масонство? Христианская нравственность и деятельность ее (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 7 ноября 1790); *Что есть* поэт? Искусный лжец (Карамз., К бедн. поэту); Руссо пишет о науках, об искусствах, не сказав, *что суть* науки, что искусства (Карамз., Нечто о науках); А я, как сирота, одним одна сижу, И *что есть* детская приветливость — не знаю (Крыл., Кукушка и Горлинка).

Свободнее употреблялись сказуемые аналогичного значения со связкой *был, буду*.

Сердце не знает законов и перестает любить, когда захочет: *что ж будет* супружество? несносное бремя (Карамз., Юлия); В самом деле, *что был* Тредьяковскпй, как не вечный труженик? (Пушк., Table-talk, ⟨XL⟩); Представьте себе человека без имени и пристанища..., отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, *что́ должны быть* нравственные сочинения такого человека (Пушк., О зап. Видока); Но там, в моих мечтах *Что* я теперь, *что был* — позабываю (Козлов, К морю); Но *что будет* искусство без науки? — шарлатанство (Атеней, 1828, № 22); *Что ж* ныне *стал* наш мощный богатырь? (Шевырев, Послание к А. С. Пушкину).

Под влиянием развивавшегося творит. предикативного такие сказуемые постепенно выходят из употребления, уступая свое место построениям *чем был, буду*.

Рядом со *что есть,* в том же значении употреблялись предложения со сказуемыми *что такое есть;* однако сфера их распространения, по сравнению с предложениями с *что есть,* была явно далека от высокой речи: они отмечаются в речи персонажей, в сатирической прозе.

Вы не знаете, *что такое есть* мыслить (Крыл., Мысли философа по моде): Я бы вечно не знал, *что такое есть* прихожая знатных (Крыл., Почта духов, XXVI); Должен наизусть знать политику, *что такое есть* двор (Там же, XXXIV); Ежели бы могли мы узнать точно, *что такое есть* душа сама в себе, то нам все бы открылось (Карамз., П. р. п., Мейсен, 13 июля 1789 [слова студента] [24].

С начала XIX в. в соотношение этих двух форм сказуемого активно вступает бессвязочное (и с *был, будет)* сказуемое *что такое.* Первоначально оно несло явную окраску разговорности, в первой половине XIX в. довольно устойчиво сохранявшуюся.

Со временем опишу Варшаву; ты увидишь, *что такое* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 3 апр. 1818); Если бы она знала, *что такое* моя лень, она бы не сердилась на меня (Жуковск., п. А. П. Киреевской, июнь 1822); Нужно ль вам истолкованье, *Что такое* русский бог? (Вяземск., Русский бог); Вы укоряете наших журналистов за то, что они не сказали нам: *что такое был* Вальтер Скотт? *Что такое* нынешняя французская литература? *Что такое* наша публика? *Что такое* наши писатели? (Пушк., Письмо к издателю); *Что ж такое был*

[24] Ср. в поздней стилизации — при изображении намеренного подлаживания под народную речь: Ты растолкуй мне, *что такое есть* ваш мир? — перебивал его Базаров. — И тот ли это самый мир, что на трех рыбах стоит? (Тург., Отцы и дети, XXVII).

язык? — Уголовный преступник, которого водили по городу (Лажечн., Лед. дом, 2, 1); Ну, слушайте же, *что такое* эти мертвые души (Гоголь, М. д., 1, IX); Никак не могли узнать, *что такое был* Чичиков (Там же, 1, X); И судопроизводство узнаете, и людей тоже. Тут и поймете, *что такое* отыскивать оправдание и куда это ведет (Герц., Мимоездом);— Ну, а сам господин Базаров собственно *что такое*? — спросил он с расстановкой.— *Что такое* Базаров? — Аркадий усмехнулся.— Хотите, дядюшка, я вам скажу, *что* он собственно *такое*?... Он нигилист (Тург., Отцы и дети, I).

После 30-х годов в сложившемся соотношении *что есть — что такое* происходят существенные изменения, обусловленные общими стилистическими перемещениями и проникновением конструкций разговорной речи в сферу речи письменной. В предложениях, обозначающих отыскиваемое тождество, основной формой сказуемого становится сочетание *что такое,* очень быстро освободившееся от присущей ему ранее стилистической окраски некоторой сниженности, разговорности. С 30-х годов XIX в. начинают последовательно и со все возрастающей частотностью отмечаться случаи употребления *что такое* не только в стилистически нейтральной, но и в «высокой», книжной речи, в поэзии, публицистике, в журнальной и научной прозе и т. п.

И *что такое* история? Отголосок прошлого (С. Глинка, Зап. о М., 9); *Что такое* Чацкий? Человек, который мечтает о высшей любви (Белинск., п. М. А. Бакунину, 26 февр. 1840); Мы показали выше, *что такое был* римский tributium (Т. Грановский, Историч. лит-ра во Франции и Герм., Совр., 1847, т. V); [Г р а ж д а н и н] А *что такое* гражданин? Отечества достойный сын (Некр., Поэт и гражданин); Нет,— чутко прислушиваться к голосу, хотя бы самому тихому, самому робкому голосу сомнения...— вот *что такое* искренность мыслителя и писателя (Корол., Памяти Белинского).

Показательны случаи безразличного соседствующего употребления в сказуемом *что такое* и *что.*

Что такое был теоретический интерес и страсть истины и религии во время таких мучеников разума и науки, как Бруно, Галилей и пр., мы знаем; знаем и то, *что была* Франция энциклопедистов во второй половине XVIII века, а далее? (Герц., Б. и д., 4, XXV).

Результатом быстрого и интенсивного проникновения местоименного сочетания *что такое* в сферу функционирования местоимения *что* (*что есть*) явилось то, что это сочетание принимает на себя некоторые более частные функции местоимения *что*, ранее закрепленные только за этим словом (см. § 12): с 30-х годов XIX в. отмечаются случаи употребления *что такое* в сказуемом, обозначающем большую внутреннюю значимость, существенность или, напротив, незначимость и несущественность субъекта.

Что такое были бы все цели, все труды человечества без любви (Лерм., Вадим), X); Схватились за ум и узнали, *что был такое* покойник (Дост., Госп. Прохарчин); Теперь она знает, *что такое* она *будет* на подмостках, если когда-нибудь попадет туда (Боборык., Китай-город, 3, IX); Да и воротилой-то он сделался только на одни чужие деньги... *Что* он *такое был*? Учитель (Там же, 5, XIII); Представьте же себе, *что такое будет* то художественное создание, для которого существуют подобные этюды, уже и сами по себе chefs d'oeuvr'ы (Стасов, Худож. выст. 1879 г.).

К концу XIX в. предложения с *что есть* явно сходят на нет. Уже в начале века они воспринимаются как подчеркнуто высокая, риторически окрашенная форма, ср.:

— Но скажите, ради бога, князь,— сказала она несколько возвышенным голосом,— вы советуете батюшке не быть строгим судьею, а между тем сами внушаете в него недоверчивость к невинности дочери его! Как согласить это? — *Что есть* невинность? — спросил князь еще возвышеннее (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, XIII).

В XIX в. сочетание *что есть* в основном сохраняется в сказуемом придаточного предложения. Значение сказуемого здесь несколько иное: *что* в нем собственно указательное, и элемента «поиска» внутренней сущности предмета здесь нет.

Надеюсь, что скоро сознаю себя тем, *что я есть*,— без пошлого смирения и пошлой гордости (Белинск., п. В. П. Боткину, 19 февр. 1840); как ординарность, которая ни за что не хочет остаться тем, *что* она *есть* (Дост., Идиот, 4, I); Стал тем, *что* он *есть* в настоящую минуту (Боборык., Китай-город, 2, II).

§ 12. На фоне активного и меняющегося соотношения *что есть — что такое есть — что такое* в предложениях со значением отыскиваемого тождества употребление в аналогичных конструкциях бессвязочного *что* было явлением нехарактерным и ограниченным как стилистическими, так и хронологическими рамками. В XVIII в. такие построения почти не отмечаются. Случаи вроде: Платочек паутинной государыня послала к Палласу, чтобы он растолковал *что* се? (Н. А. Львов, п. Держ., 19 июня 1786), крайне редки. В поэзии такие формы встречаются чаще: по-видимому, здесь сказывались требования ритма.

Что она? — Порыв, смятенье. И холодность, и восторг (Д. Дав., Поэтическ. женщина); *Что́* вдохновенье, *что́* свобода — В часы неволи помнил я (Языков, Вторая присяга); Поэт свободен. *Что* награда Его высокого труда? (Языков, Поэт свободен. Что награда...); С тревогой дум, надеждой примиренной, Подумал я: несчастье ... *что* оно? (Козлов, Стансы). Ср. в прозе в риторически окрашенном контексте:

Предвижу еще один вопрос: что же ты, занимавшийся столько лет исторической психиатрией, открыл ли какие-нибудь средства лечения? *Что* же плод твоих трудов? (Герц., Докт. Круп., II).

Бессвязочные (с *был, буду*) предложения со сказуемым *что* в языке конца XVIII — нач. XIX в. в своей основной массе имели ярко выраженную смысловую специфику. Характерным значением сказуемого в предложениях типа *что́ жизнь для побежденных?; ты знаешь, что́ он для меня; что́ бытие наше?* было указание на то, что субъект является средоточием каких-то существенных, важных качеств, что он внутренне глубоко зна́чим или, наоборот, что в нем такие качества отсутствуют, что он лишен этой внутренней значимости[25]. *Что* в таких предложениях всегда акцентируется, в нем сосредоточивается большая смысловая нагрузка. Такие предложения несли в себе окраску приподнятости, подчеркнутой эмоциональности.

Что я в неизмеримой области творения? — спрашивала она у самой себя (Карамз., Юлия); Покинув вас, почувствовала живее, *что́* ты мне (М. А. Мойер, п. Елагиным, 13 сент. 1822).

То же значение во многих случаях обнаруживается и в предложениях с *был, будет, стал, станет, бывал* и под.:

Посмотри на всех оперных девок, они великолепием своим кажутся графинями: но *что были бы* они без любовников? (Крыл., Почта духов, VII); Ободрись И вспомни, *что бывал* ты прежде, Как мудрым в чувствах подражал (Карамз., К самому себе); *Что был* ты, человек, с Природою один? Ничтожный раб ее, живущий боязливо (Карамз., Протей).

Такие построения сохраняют широкую употребительность на всем протяжении XIX в.

Что будет она в доме, откуда ее скоро изгонят холодность мужа и воля государыни? (Лажечн., Лед. дом, 4, 7); Он обходительный такой, добрый, ласковый. Ну, *что* я перед ним, ну *что*? (Дост., Бедн. люди, июня 26); И *что* я теперь? Куда я гожусь? (Гоголь, М. д., 1, XI); Ну что если мой капитал погибнет? *Что* я тогда *буду?* (И. Панаев, Сомнительные существования. Искра, 1859, № 3); Ты один можешь все это сделать. Он убит, он совершенно пал духом,— ты знаешь сам, *что* ты *был* для него (Герц., Б. и д., 5, XLVI); Помни, что княгиня — твоя благодетельница, и молись о продолжении ее дней. *Что была бы* ты без нее? (Там же, 3, XX); Знал и я Изнеможение страданья,— Но *что была* печаль моя? (Некр.,

---

[25] Для предложений с *что есть* такое значение было совершенно не характерно. Отмечаются лишь единичные случаи — в языке Карамзина: Сказал самому себе: «*Что есть* жизнь человеческая? Что бытие наше? Один миг, и все исчезнет!» (Сперра-Морена); Увы! *Что есть* мудрость мудрого, когда падение соломинки может разрушить ее (Цветок на гроб моего Агатона).

Несчастные, 2); Лежит над миром, как попона, Лишь «власть стихийного закона»... Так *что́* Наполеон? (Минаев, Война и мир).

На основе такого употребления в местоимении *что* развивается особое значение, которое делает возможным в дальнейшем переход этого слова в класс частиц: это значение несущественности, «неважности», незначительности того, о чем идет речь:

Любовь — но *что* любовь? Она Без Вакха слишком холодна, А с Вакхом слишком удалая (Языков, Налей и мне, товарищ мой).

Особенно ясно это значение начинает выступать в предложениях с дательным косвенного объекта.

Что вольным соседей завистных вражда И темные рати Андрея? (Языков, Новгородск. песня 1170 г.); *Что знатным и толпе* сраженный гладиатор? (Лерм., Умирающий гладиатор); *Что тебе* эта скорбь вопиющая, *Что тебе* этот бедный народ? (Некр., Размышл. у парадн. подъезда); [Шмага] *Что нам* природа: леса, горы, луга? (Остр., Без вины виноватые, IV, 2).

Важной ступенью в переосмыслении *что* и в утрате им собственно местоименного значения были развившиеся в разговорной речи построения с *что* в постпозиции по отношению к имени:

— Да нам, главная причина, награда *что*! Нам бы только господь привел помереть с чистым покаянием (Горбунов, Петр Петрович); Служба *что*. Сам себя веди аккуратно, только и всего (Корол., Чудная, 1) [26].

Итак, для русского литературного языка XIX в. характерна, с одной стороны, тенденция к ограничению функций местоименного сказуемого в форме именит. падежа местоимения *что* — без связки и со связкой *есть* (*был, будет*) — и к закреплению за ним особого и узкого значения. С другой стороны, для этого же периода характерен рост употребительности сказуемостно значимого сочетания *что такое* и развитие в этом сочетании смысловых оттенков, ранее закрепленных только за местоименным сказуемым *что* (без связки и с *был, будет*).

Развитие соотношений связочных и бессвязочных инфинитивных сказуемых

§ 13. Развитие соотношений связочных и бессвязочных инфинитивных сказуемых шло разными путями в зависимости от того, сочетался ли инфинитив с подлежащим-именем или с подлежащим-инфинитивом.

В научной и официально-деловой речи конца XVIII — нач. XIX в. при подлежащем-имени довольно свободно упо-

[26] О развившемся на основе такого употребления функционировании *что* в качестве частицы см.: Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, стр. 154—155.

треблялось связочное инфинитивное сказуемое — как в изречениях афористического характера (а), так и в предложениях, сообщающих об определенных, конкретных явлениях и событиях (б).

а) Первая и труднейшая *должность* человека *есть победить* свои страсти (Крыл., Мысли философа по моде); Человеколюбия *примета есть не скучать* (А. И. Плещеев, п. А. М. Кутузову, 21 июня 1791); *Способ* наскучить людям *есть быть* с ними беспрестанно; *способ* живо наслаждаться их обществом *есть видеться* с ними изредка (Карамз., Рыц. нашего вр., 8); *Правило* комика *есть забавлять и приносить* пользу (И. Дм., О русск. комедиях); *Жребий* человечества *есть* вообще — *обманываться* (В. Е., 1802, № 15).

б) Ваш *долг есть: сохранять* законы, На лица сильных *не взирать*, Без помощи, без обороны Сирот и вдов *не оставлять* (Держ., Властит. и судьям); *Намерение* мое *не есть* лично кому-нибудь *досаждать* (Шишк., Рассужд., II); Первое *чувство* всякого доброго сердца *есть сожалеть* о сих несчастных (В. Е., 1802, № 13); Лучшее *средство* преодолевать те искушения, от которых мы ничем избавиться не можем...,— лучшее средство, говорю, *есть не огорчаться* ими (Советы, служащие к предохранению от искушений, ЖДНП, 1823, авг.); Поймешь ли ты, что царский *долг Есть не душить*, как лютый волк, По алчной прихоти своей Мильоны страждущих людей (Полеж., Ал. Петр. Лозовскому).

В языке XVIII в. отмечаются случаи употребления в функции связки глагола *состоять* (*состоит, состояло*). Показательно, например, их употребление у Щербатова:

Должность сей Коллегии *состоит собирать* положенные оброки с деревень, отдавать внаймы земли и мельницы (Статистика, VI). Ср. у Державина: Генерал-прокурорская *обязанность состоит* прилежно *смотреть* за Сенатом (Зап., VIII).

Эти формы рано утратились: они уступили место, с одной стороны, построениям бессвязочным, с другой стороны, неразложимым глагольно-именным сочетаниям *состоит в том (что, чтобы), заключается в том (что, чтобы)*.

Как уже отмечалось, инфинитивные сказуемые со связкой *есть* были стилистически окрашены; в соответствии с общей тенденцией развития, к 30—40-м годам XIX в. они уходят из употребления. Возобладавшим членом соотношения оказались бессвязочные построения.

При подлежащем — отвлеченном существительном бессвязочное (и с *было, будет*) сказуемое-инфинитив широко употребляется на протяжении всего изучаемого периода. В качестве подлежащего здесь выступают слова *дело, долг, должность, обязанность, судьба, назначение, способ, средство, забота, свойство, жребий, желание, достоинство, старание, признание, мысль, страсть, удовольствие, добродетель, привычка* и т. п.

Желание их *было разделить* между собою отцовское наследство (Болот., 1, 3); Единое их *веселие — грызть* друг

друга; *отрада* их — *томить* слабого до издыхания и *раболепствовать* власти (Радищ., Путеш., Чудово); Ваш *долг* — *спасать* от бед невинных, Несчастливым *подать покров,* От сильных *защищать* бессильных, *Исторгнуть* бедных из оков (Держ., Властит. и судиям); Видно, что *участь* моих писем — *пропадать* (А. М. Кутузов, п. Ф. М. Кутузову, 4/15 марта 1791); Главное *право* русского дворянина *быть помещиком,* главная *должность* его *быть добрым помещиком* (Карамз., Письмо сельск. жителя); *Должность* их *была показывать* дорогу (Головн., Зап., 1); У каждого свое честолюбие; *мое* — *прослыть* вольнодумцем в понятии рабскидумцев (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, март 1821); Нет, нет! Мой *жребий: ненавидеть* Равно тиранов и рабов (Рыл., Наливайко, (4)); Другая *цель* журналов — *давать* благое *направление* литературным занятиям (Моск. телеграф, 1825, № 3); Главное *правило* у них: *не быть смешным* (Никитенко, Дневн., 24 янв. 1826); Самое затруднительное для писателя *дело: говорить* о самом себе (В. Одоевск., Русск. ночи, Предисл.); Неужто, говорили они, *цель* «Современника» — *следовать* по пятам за «Библиотекою» (Пушк., Письмо к издателю); Неужели, думал я, мое единственное *назначение* на земле — *разрушать* чужие надежды (Лерм., Кн. Мери, 13 июня); *Высочайшая степень* просвещения — *знать себя* (С. Глинка, Зап. о М., 3); Их *удел* — *утонуть* с головою в толпе (Герц., Зап. одн. мол. чел., Юность); Мое *призвание* — *жить* (Помяловск., Мещ. счастье); [Пальцов] *Программа* жалкая его — *Не делать* ровно ничего (Некр., Медвежья охота, 1, 3); Его *удел* — *смешить* нас всех (Минаев, Шут); Твоя *судьба* — на гранях мира *Не снисходить, а возвышать* (Фет, Горная высь); *Дело* суда — *оказывать покровительство* честным людям и хозяйствам, *не давать хода злоупотреблениям* (В. Е., 1890, сент.).

Конструкция эта во второй половине XIX в. активизировалась, соответственно расширялся круг слов, выступающих здесь в роли подлежащего. С одной стороны, это расширение было связано с пополнением отвлеченными существительными. Так, в последние десятилетия XIX в. в публицистике, очерках, политической литературе постоянно употребляется в этой роли существительное *задача.*

Задача партии *защищать* интересы рабочих и *представлять* интересы всего рабочего движения (Ленин, Проект и объяснение программы с.-д. партии. Соч., т. 2, стр. 96); И не ясно ли, что первая *задача* суда *была оградить* присяжных от этих слухов, первая *задача* печати — *внести* в эту тучу слухов освещение, точность и критику (Корол., Мултанск. жертвоприношн., Приносятся ли вотяками человеческ. жертвы?).

К концу века в письменную речь начинают свободнее проникать бессвязочные построения, в которых сказуемое-инфинитив со-

единяется с подлежащим — словом или сочетанием, несущим в данном контексте более узкое, конкретное значение.

В хибарке живут супруги Шаховские. Их *профессия — зажигать* фонари (Корол., Дело Бейлиса, На Лукьяновке, III); Итак, двадцать две копейки, глубокий снег, под снегом — вода, *работа — валить* и *таскать* на себе бревна (Корол., В голодн. год, XIV); Мысль ваша — мысль живая, и, по-моему, она идет куда следует. *Совет — позаботиться* о форме, об ясности (Корол., п. К. Н. Вентцелю, 9 мая 1889).

С описанным процессом связано и распространение в языке XIX в. предложений с инфинитивным сказуемым и подлежащим — местоимением *это,* указывающим на нечто предшествующее или известное.

Просил меня перевести для него несколько арий из какой-то новой оперы... *Это,* что называется, *загребать жар чужими руками* (Жих., Зап. совр., II, 24 дек. 1806); Я еще не имею полного понятия о всех опекунских обязанностях; но ведь *это не море выпить!* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 26 апр. 1815); Скажите: стреляют обыкновенно с двенадцати шагов? Иные и с десяти? Стало быть, *это* наверно *быть убитым или раненым?* (Дост., Идиот, 3, III).

На общем фоне развития и активизации бессвязочных построений инфинитивные сказуемые со связкой *есть* оказывались нежизнеспособными и постепенно выходили из употребления. С середины XIX в. этот процесс был поддержан распространением инфинитивных сказуемых со связочным *это.*

Им казалось, что самое блаженное *состояние* на земле — *это* вечно *отдыхать* (Помяловск., Молотов); Первая *мысль,* которая пришла ему в голову, *это — оставить* дом Обросимова (Там же); Ведь как ни вертись, а *верх мудрости и твердости* для меня *это* только *радоваться* чужою поэзиею (Фет, Мои воспом., I, IX); Лучшая *услуга,* какую пресса может оказать в этом деле, *это — дать* по возможности полное и точное *изображение* хотя бы одной стадии этого... дела (Корол., Мултанск. жертвоприношн., К отчету о мултанск. жертвоприношн.).

С этого же времени начинают последовательно отмечаться случаи обратного словопорядка в конструкциях с *это,* в которых инфинитив выступает в функции подлежащего.

Я боюсь, *не старчество ли это останавливаться* на них [воспоминаниях] так долго (Герц., Б. и д., 1, VI); Чувствую, что *это* с моей стороны *свинство — не сделать* этого до сих пор (Корол., п. Н. К. Михайловскому, сент. 1892); *Какое это великое счатье — жить, существовать* в мире, *дышать, видеть* небо, воду, солнце! (Бунин, Тишина).

Таким образом, в истории соотношений типа *Самое блаженное состояние есть отдыхать — Самое блаженное состояние — отдыхать* и *Самое блаженное состояние это отдыхать,* так же

как и в аналогичном соотношении именных сказуемых, первый член ряда оказался утраченным.

§ 14. При предикативном соединении двух инфинитивов в языке второй половины XVIII — нач. XIX в. действовало соотношение построений со связкой *есть*, бессвязочных построений и построений со связочным *значит*: *Любить есть страдать — Любить — страдать* и *Любить — значит страдать*; позднее в этот ряд вступили конструкции со связочным *это* и *это значит*.

Сферой употребления построений с *есть*, так же как и в других описанных выше случаях, была официально-книжная речь. В подавляющем большинстве случаев это были сентенции, умозаключения, изречения афористического характера.

Услышанному быть ее кротчайшим слухом *Есть* новым в бытии *животвориться* духом! (Лом., Письмо о пользе стекла); *Жить* долго *есть терять* милых (Карамз., Зап. о моск. достопамятн.); *Предвидеть есть* по-настоящему *судить* о будущем (В. Е., 1802, № 15); *Переводить* мысль *не есть переводить* слова (Шишк., Примеч. на письмо деревенск. жителя в «Сев. вестн.»).

В первые десятилетия XIX в. такие построения отмечаются еще более или менее регулярно при тех же смысловых и стилистических ограничениях.

Но *служить* в Польше *не есть служить* Польше (А. И. Тург., п. Вяземскому, 25 авг. 1817); *Любить* разлуку — между нами — *Есть не любить* своих друзей (Вяземск., Коляска, I); *Очищать* русскую литературу *есть чистить* нужники и *зависеть* от полиции (Пушк., Н. Н. Пушкиной, 6 мая 1836); *Надеяться* от бога чего-то по-нашему лучшего *есть предписывать* ему действовать в нашем смысле (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 20 янв. 1847)[27].

К середине века такое употребление затухает. Однако в отличие от именных сказуемых бессвязочные конструкции не оказались здесь возобладавшими.

Бессвязочные (так же как и со связкой *было*) построения с инфинитивами в роли обоих главных членов как в XVIII, так и в XIX в. были малоупотребительны, по-видимому, в силу несомненной негибкости самой конструкции. Более или менее регулярное употребление их фиксируется примерно до 60-х годов XIX в.

Что жить? *Жить* — мпг летяща время *Едва почувствовать, познать, Познать* ничтожество — *страдать, Страдать* — и скорбно чувство мук *Уметь* еще сносить без скук (Держ., Успокоенное неверие); Но *плакать было* для нее *любить* (В. Е., 1802, № 18); Но *откладывать* — только *терять* для себя и для

---

[27] Материалы см. также: Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 299.

милых, но самому *не теряться* для них (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 12 ноября 1823); *Назвать* его в глаза обманщиком *было подвергнуть* себя погибели (Пушк., Кап. д., VIII); *Приехать* только для того, чтобы сказать «прости», *было бы платить* дорогою ценою за тяжкое сердечное мучение (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 10/22 июня 1847); А *приехать* к вам во второй раз *было бы* наверное *губить* вас (Черн., Что делать?, 1, IV).

Построения со связочным *значит* (*значило*) [28] были известны уже во второй половине XVIII — нач. XIX в. Однако случаи употребления их в это время редки.

Быть беспрестанно с тем, кому душа наша нечувствительно предается, *значит возрождать* силу любви (Клушин, Несч. М-в); *Делать* таковые переводы *не значит ли учиться* русскому языку из книг французских? (Шишк., Рассужд., II); *Роптать* на людей знатных и сильных — *значит* в волнующееся озеро *кидать* каменья (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, XII); В нашем положении *откупить* цензорское разрешение *значит обязаться* не огласить ни одной мысли (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, февр. 1821).

Постепенно такие построения активизируются и становятся широко употребительны. Лишенные какой-либо ярко выраженной стилистической окраски, эти конструкции быстро вытеснили как бессвязочные соединения двух инфинитивов, так и соединения со связкой *есть*. Построения с *значит* имеют характер обобщения, часто афористичны; нередки случаи лексического тождества главных членов.

Признаваться в беспорядках сего состояния *не значит защищать* себя и его приятности (ЖДНП, 1823, май); *Отдать под суд* еще *не значит осудить* (П. Г. Каховск., п. Ник. I); *Свидеться* на короткое время *значит* только снова *растравить* горькое чувство расставанья (Гриб., п. С. Н. Бегичеву, 1824); *Соединить* в одних руках несколько журналов *значит допустить* пагубную монополию в нашей литературе и *предать* ее на произвол одной партии (Никитенко, Дневн., 15 сент. 1841); *Соблюдать* все сии правила *значит писать* правильно (Атеней, 1828, № 23); *Презирать* критику *значит презирать* публику (Пушк., Опыт отражения некот. нелит. обвинений); *Писать* единственно языком разговорным *значит не знать* языка (Пушк., Письмо к издателю); Меня *убить значит сделаться* моим *благодетелем* (Лерм., Вадим), VIII); *Оправдываться не значит ли признаваться?* (Н. Павл., Маскарад, I); *Продолжать* путешествие *значит идти* на верную смерть (Совр., 1847, т. V);

---

[28] О связочной функции *значит* см.: И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русск. языка. Изд. 3. СПб., 1854, стр. 286, § 362; А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 264.

Поступать так *значит обвинять* отца за сына (Петрашевск., Как следует поступать по этому делу); *Воспрещать* ребенку резвиться — *значит отравлять* самые лучшие минуты жизни и *омрачать* самую чистую, светлую радость (Писемск., Тыс. душ, 1, II); Они полагали, что *делить* предрассудки народа — *значит быть* с ним в единстве (Герц., Б. и д., 4, XXX); *Восставать* против этого *не значит ли вопиять* против истории (С.-Щ., Губ. оч., Юродивые, Озорники); *Защищать* молодое поколение *значит защищать* свои собственные убеждения (Писарев, Реалисты, III); *Остаться не будет ли значить — поддаться* чувству, *обольститься* его внушениями (Черн., Что делать?, 3, XVII); Так *действовать — значит предрешать* дело (Речь защитн. А. В. Лохвицкого, 1867); *Бросить* пьесу — *значит бросить* надежду на гешефт (Чех., п. Н. А. Лейкину, 15 ноября 1887); *Сказать* слишком много иногда *значит не сказать* ничего (Корол., п. Н. К. Вентцелю, 9 мая 1889).

К концу XIX в. такие построения приобретают массовую употребительность.

Одновременно с этими процессами развивается связочное функционирование *значит (значило, значило бы)* в предложениях типа *Уйти значит то же, что сдаться.* Прямое номинативное значение *значит* здесь также утрачивается [29].

Но *хотеть* русский язык располагать по французскому... *не то ли самое значит,* как хотеть, чтоб всякий круг знаменования российского слова равен был кругу знаменования соответствующего ему французского слова? (Шишк., Рассужд.); *Преследовать* теперь за свободомыслие *не то ли же будет значить,* что бить слепого..., которому показан свет (Зап. В. И. Штейнгеля Ник. I); *Не поспевать* за всеобщим движением просвещения, в наши дни *значит то же,* что, во времена древних греков и римлян, говорить варварским языком или, в средние готические веки, не уметь изломать копья в турнире (Телеск., 1831, № 1); *Действовать* в пользу этой наивности *значит то же,* что стремиться, чтобы газета пребывала вечно юною (Совр., 1847, № 12).

В XIX в. формируется новое связочное сочетание — *это значит.* Первой стадией его образования были случаи употребления связочного *значит* в сочетании с инфинитивом при подлежащем — местоимении *это,* указывающем на какую-либо ситуацию или действие. Такое употребление уже в начале XIX в. было обычным.

...Принужден был пойти на хлебы к семейному солдату: *это значило иметь* с хозяином общий обед и ужин за услов-

---

[29] В соединениях имен номинативное значение *значит* держится дольше и след этого значения в той или иной степени всегда сохраняется, ср.: Оттого де ныне с голоду Умираю, словно тварь, Что был глуп и честен смолоду, Знал, *что значит бог и царь* (Некр., Филантроп).

ленную цену (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); Все это знают, все это видят, и правительство равнодушно терпит. *Не значит ли это поощрять* преступления *и водворять* разврат? (П. Г. Каховск., п. Ник. I); Он мне раз говорил, что скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что *это значило бы продавать* свою благотворительность (Лерм., Кн. Мери, 13 мая); Я не хочу и не смею вас беспокоить моим постоянным присутствием. *Это значило бы злоупотреблять* вашей добротой (И. Пущин, п. М. А. Фонвизину, 14 июня 1840); Я желал бы их проклятых Хорошеничко пробрать, Но ведь *это* на богатых *Значит* бедных *натравлять?* (Некр., Песни о свободн. слове, VII, 4); Мой отец дал ему тотчас отпускную; *это* было поздно и *значило сбыть* его *с рук* (Герц., Б. и д., 1, II).

На основе такого употребления складывается новое связочное сочетание — *это значит,* соединяющее два инфинитива.

Но *везти* жену в распутицу, которая везде скоро начнется, *везти* малюток, *это значит предаваться* произвольно верному худому (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 7 марта 1848); *Быть убежденным* в противном и *позволять* продолжать себе жизнь — *это значит поставлять себя в противоречие,* которое... (Петрашевск., Наброски речей); *Наполнять* всю жизнь взаимною любовью, *не видеть* в жизни ничего выше и обаятельнее взаимной любви, *не уметь,* в случае надобности, отказаться от этого наслаждения, — *это значит не иметь понятия* о настоящей жизни, *это значит не подозревать,* как велик и силен человеческий ум (Писарев, Кукольн. трагедия..., VIII); Очевидно, что *выделить* из письменности те или другие произведения, писанные на юге, и механически *сопоставить* их как историческое явление *это будет значить* насильственно *вырвать* их из естественной связи и *поставить* в чисто искусственную и потому фальшивую систему (А. Н. Пыпин, Особая история русск. лит-ры, В. Е., 1890, сент.); Самим *делать* впервые — *это значит* неизбежно впадать в разные ошибки (Ленин, п. М. А. Ульяновой, А. И. Ульяновой-Елизаровой и М. Т. Елизарову, 6 дек. 1898. Соч., т. 37, стр. 135).

Конструкции с *значит* и *это значит* в языке XIX в. абсолютно возобладали как над связочными (с *есть),* так и над бессвязочными соединениями двух инфинитивов.

Итак, литературный язык XIX в. характеризуется развитием системы соотношений связочных и бессвязочных сказуемых, с одной стороны, в направлении возобладания бессвязочных форм; с другой стороны, в направлении интенсивного развития новых связок и связочных образований. Конструкции со старой связкой *есть* и особенно *суть* становятся категорией, ограниченной и формально, и стилистически, и лексико-семантически.

В результате всех этих процессов система соотношений связочных и бессвязочных сказуемых в конце XIX в. оказывается

существенно отличающейся от тех же соотношений во второй половине и в конце XVIII в.

Двучленное соотношение типа *Театр есть училище нравов — Театр — училище нравов* перерастает в соотношение четырехчленное: *Театр есть училище нравов — Театр — училище нравов — Театр — это училище нравов* и *Театр — это есть училище нравов*. Первый член этого ряда — сказуемое со связкой *есть* — превращается в несвободную конструкцию, ограниченную стилистически и лексико-семантически, а также категориально (со стороны категории и формы знаменательного слова в присвязочной части). Очень активными в этом ряду оказываются развившиеся в XIX в. сказуемые со связочными *это* и *это есть*.

В соотношении типа *Его должность есть собирать оброки — Его должность — собирать оброки* и *Его должность — это собирать оброки* два последних члена ряда оказываются абсолютно возобладавшими.

В трехчленном соотношении типа *Любить есть страдать — Любить — страдать* и *Любить — значит страдать* бессвязочные построения и построения с *есть* регулярную употребительность утрачивают; зато этот ряд соотношений пополняется построениями с *это значит (Любить — это значит страдать);* сказуемые со связочными *значит* и *это значит* становятся здесь наиболее активными членами ряда.

ИЗМЕНЕНИЯ В СООТНОШЕНИЯХ ИМЕНИТЕЛЬНОГО И ТВОРИТЕЛЬНОГО ПРЕДИКАТИВНОГО

Система соотношений именительного и творительного предикативного в XVIII — нач. XIX в.

§ 15. Соотносительное употребление именит. и творит. предикативного в русском литературном языке нового времени было и остается одним из самых сложных соотношений в системе форм сказуемого вообще. Сложность этого соотношения объясняется тем, что в нем обнаруживается перекрещивающееся влияние и взаимодействие самых разнообразных факторов — синтаксических, морфологических, семантических, лексических и стилистических. На выбор той или другой формы предикативного имени оказывают влияние наличие или отсутствие связки или выполняющего связочную функцию полузнаменательного глагола; лексическое значение такого глагола; его форма и временно́е значение; категориальное значение присвязочного слова; его семантика; временно́е значение предложения в целом; стилистическая окраска контекста, принадлежность его к той или иной сфере речи. Исторически меняющееся взаимодействие всех этих факторов делает картину соотносительного употребления именит. и творит. предикативного очень сложной и запутанной, а иногда и противоречивой.

Во второй половине XVIII в. соотношение именит. и творит. предикативного наблюдается в следующих видах сказуемого:

сказуемое со связкой *есть, суть:* сия речь *есть доказательство* того, что...— сия речь *есть доказательством того,* что...;

бессвязочные сказуемые: я *причина* того, что...— я *причиной* того, что...; он здесь *начальник* — он здесь *начальником;* я снова на несколько дней *затворник* — я снова на несколько дней *затворником;*

сказуемые со связкой *быть* в форме прош., буд. вр., повелительного и сослагательного наклонений: он *был (будет, был бы) офицер* — он *был (будет, был бы) офицером; будь офицер — будь офицером;* он *был (будет, был бы) умен, умный* — он *был (будет, был бы) умным; будь умен, умный — будь умным;*

сказуемые с полузнаменательными глаголами: он *сделался* мой *кумир* — он *сделался* моим *кумиром;* селение *называлось Дубки* — селение *называлось Дубками;* он *стал умен, умный* — он *стал умным;* дом *остался недостроен* — дом *остался недостроенным;*

трехчленные сказуемые с инфинитивом при модальном глаголе или при краткой форме прилагательного *рад, должен* и под.: он *хочет быть разбойник* — он *хочет быть разбойником;* царь *должен быть судья, министр и воин* — царь *должен быть судьей, министром и воином; обязан быть осторожен — обязан быть осторожным; мог быть замечен — мог быть замеченным;*

двухчленные сказуемые с причастной формой полузнаменательного глагола: младший сын *учинен наследник* всего имения — *учинен наследником* всего имения; селение *названо Дубки* — селение *названо Дубками;*

сказуемостно функционирующие сочетания со знаменательными глаголами: он *вырос красавец — вырос красавцем; лежал болен, больной — лежал больным.*

В основных чертах эти соотношения сохраняются и в современном языке. Они с большей или меньшей степенью полноты и подробности описаны в ряде общих курсов и во многих специальных исследованиях [30].

---

[30] А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1831, стр. 244 и сл. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Указ. соч., стр. 155—176; И. И. Огиенко. Правильность и чистота русской речи. Заметки по стилистике русской речи. Воронеж, 1912, стр. 42—43; В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Изд. 3. Пг., 1915, стр. 195; А. А. Шахматов. Указ. соч., раздел «Двусоставные согласованные предложения»; A. Mazon. L'attribut en russe littéraire moderne. «Зборник у част А. Белића». Београд, 1937; Г. И. Рихтер. Синтаксическая синонимика в совр. русск. лит. языке. «Русск. яз. в шк.», 1937, № 3, стр. 55—57; А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 228—238; Н. С. Василенко. Конструкции с творит. падежом в совр. русск. лит. языке. Канд. дисс. М., 1947; И. Я. Сахаров. Функции творит. падежа в совр. русск. лит. языке. Канд. дисс. Л., 1947; А. А. Камынина. Синонимическое употребление второго именит. и творит. предикативного имен существительных в совр. русск. языке. Канд. дисс. М., 1954;

Система соотносительных по значениям форм сказуемых с именит. и творит. предикативным складывалась в русском языке постепенно. Соответствующие процессы и пути проникновения творит. предикативного в сферы исконного функционирования второго именит. с древнейших времен до XVIII в. изучены довольно подробно[31]. В результате этих исследований вырисовывается следующая картина развития соотносительного употребления изучаемых форм в русском языке до XVIII в.

В памятниках до XV в. именит. предикативный абсолютно преобладает над творительным; этот последний возможен лишь при очень ограниченных условиях, а именно: он допустим при употреблении в сказуемом имен существительных очень ограниченной

О. М. Лабартkава. Способы выражения сложного сказуемого (на материале русск. лит. языка XIX в.). Канд. дисс. Тбилиси, 1955; Н. А. Донец. Именит. и творит. предикативный имени существительного в совр. русск. языке. Канд. дисс. Рига, 1956; Н. А. Донец. Возможность употребления только именит. предикативного имени существительного в совр. русск. лит. языке. «Уч. зап. Рижского пед. ин-та», 5, 1958; Н. А. Донец. Параллельное употребление обеих синонимических конструкций с именит. и творит. имени существительного в совр. русск. языке. «Уч. зап. Рижского пед. ин-та», 5, 1957; Г. Н. Грудцева. Составное и сложное сказуемое в совр. русск. языке. «Вопросы русск. языкознания», кн. III. Львов, 1958; А. А. Камынина. Употребление второго именит. имен существительных в совр. русск. языке. «Русск. яз. в шк.», 1958, № 2; Hengst Karlheinz. Der prädikative Instrumental im Russischen. «Fremdsprachenunterricht», 1958, H. 3, Berlin; В. М. Таманъ. Употребление именит. и творит. падежа в составе сказуемого. «Język rosyjski». Warszawa, 1960, rok 13, N 5; R. Mrázek. Příspěvek k teorii jmenného přísudku; его же. Užívání prostého instrumentálu v současne ruštině. «Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české», II. Praha, 1961.

[31] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Изд. 2. Харьков, 1888, стр. 510 и сл.; Д. Н. Овсянико-Куликовский. Указ. соч., стр. 155—170; Ernst Fraenkel. Das prädikative Instrumental im Slavischen und Baltischen und seine syntaktischen Grundlagen. «Archiv für slavische Philologie», Bd. 40. Berlin, 1926; О. В. Патокова. К истории развития творит. предикативного в русск. лит. языке; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II (Исторический комментарий). Изд. 4. Киев, 1953, стр. 269—273; Л. В. Соловьева. Именное сказуемое в памятниках эпохи формирования русского национального языка; А.С. Феоктистова. К истории составного сказуемого в древнерусском языке (На материале некоторых новгородских памятников письменности XI—XVI вв.). Канд. дисс. М., 1954; В. И. Чагишева. Вторые именит. падежи в русск. лит. языке XVIII в.; Е. Г. Лебедева. Синтаксические функции творит. падежа существительных в языке памятников XVII в. «Уч. зап. Саратовского гос. пед. ин-та», вып. XVII, 1955; А. В. Клевцова. Выражение составного сказуемого в личном (двусоставном) предложении в памятниках Петровского времени. Канд. дисс., М., 1955; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 89—173; А. В. Исаев. Второй именит. и творит. предикативный имен существительных в языке Московского летописного свода конца XV в. «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та». Филол. науки, т. XVII, вып. V, ч. 3, 1958; А. В. Даневич. Способы выражения сказуемого в языке русских повестей второй половины XVII в.; Г. Н. Аверьянова. Составное именное сказуемое с именем существительным в присвязочной ча-

семантики: это слова, называющие человека по должности, сану[32]. Творит. предикативный был возможен в сочетании с полузнаменательными глаголами (обычно) [33], а также с формой прош. вр. глагола *быть* (редко), причем в последнем случае предложение несло значение прежде прошедшего времени. Уже для этого периода характерна тенденция, которая и в дальнейшем останется главенствующей: чем конкретнее значение выполняющего связочную функцию глагола, тем легче именит. падеж как падеж номинации уступает место творит. падежу как падежу объекта. Отсюда и отмечаемое в той или иной форме всеми исследователями исконное различение именит. и творит. предикативного по постоянству или временности обозначаемого ими предикативного признака. Именно в силу этой тенденции при глаголах, обозначающих переход из одного состояния в другое (*учинитися, творитися*), уже в древнейшую эпоху явно преобладает творит. предикативный, а при связке *быть* в форме прош. вр. — наиболее отвлеченной по своему значению — и в древнейший период и позднее, вплоть до настоящего времени, наблюдаются постоянные колебания между именит. и творит. предикативным — в зависимости от того, несет ли в себе *был* значение чистой связки или значение глагола бытия, т. е. в зависимости от большей или меньшей степени его конкретности.

В XV—XVI вв. в общем сохраняется то же положение, но отнесенность к прежде прошедшему времени уже не является обязательной. В памятниках, обнаруживающих сильное церковнославянское влияние, творит. предикативный употребляется редко и преимущественно в сочетании с инфинитивом (*учнет писатися воеводою, хочет быти царевичем*); соответственно, например, в письмах Ивана Грозного к Курбскому этой формы нет совсем, а в письмах Курбского она встречается. К середине XVII в. творит. предикативный оказывается уже довольно употребительной конструкцией, более или менее последовательно отмечающейся, в сочетании с инфинитивом, причастием прош. вр. (*послан воеводою*) и формой *был* (*-а, -о, -и*), от имен существительных — названий лиц по должности, роду занятий [34]. С формами буд. вр. и повели-

---

сти (На материале памятников повествовательного жанра XVII в.). «Уч. зап. Новгородского гос. пед. ин-та», т. III. Филол. вып. 1958; Е. И. Гурьева. Об особенностях выражения составного сказуемого в русск. лит. языке XVIII в., стр. 235—239.

[32] За исключением единичного в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи: *Да не будет* Новый Торг *Новгородом*, ни Новгород *Торжком* (см.: Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. ИОРЯС, т. XXIV, кн. 2, 1919. Пг., 1923, стр. 64).

[33] Ср. сходное положение в старославянском языке, отмеченное в статье К. И. Ходовой «Значения творит. беспредложного в старославянском языке» («Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIX, 1960, стр. 130—132).

[34] Отмечая аналогичное лексическое ограничение в древнем польском языке, Н. Х. Иванова пишет, что в сочетании с глаголами, обозначающими становление, появление, «эти существительные и создали данной конструк-

тельного наклонения глагола *быть* творит. предикативный употреблялся редко; с полузнаменательными глаголами возможно было употребление обоих предикативных падежей. Творит. предикативный прилагательного по-прежнему не употреблялся.

Во второй половине XVII в. русская письменность оказалась под непосредственным влиянием киевской культуры, находившейся, в свою очередь, под сильным польским воздействием. В польском языке к этому времени творит. предикативный был уже активной категорией не только среди существительных, но и среди прилагательных[35]. В этом же направлении идет развитие творит. предикативного и в русском языке. Однако лексико-семантические ограничения остаются еще довольно устойчивыми: в форме творит. предикативного в XVII в. отмечаются почти исключительно существительные — названия лиц по временному признаку (по должности и чину и шире — по роду занятий вообще), но не слова, называющие лиц по неизменному свойству[36].

В XVIII в.— в петровскую и послепетровскую эпоху — употребительность творит. предикативного возрастает и он начинает проникать в ранее для него не свойственные высокие стилистические сферы. Расширяется лексический круг существительных, способных употребляться в творит. предикативном: сюда вовлекаются слова, называющие лиц по действию, по временной функции, а также слова, называющие отвлеченные понятия; распространяется употребление творит. предикативного со связкой в формах буд. вр. и повелительного наклонения; исконное для именит. и творит. предикативного разграничение по временности и постоянству признака в это время еще сохраняется, но оно уже не является абсолютным и строго соблюдаемым; в сферу действия творит. предикативного начинают втягиваться имена прилагательные и категориально входящие в класс прилагательных местоимения и причастия — сначала при полузнаменательных глаголах. С конца XVII в. отмечается проникновение в русский язык синтаксического полонизма — творит. предикативного бессвязочного (Второй чин поезжаня, протопоп с крестом, тысецкой, а тот тысецкой в поезду *большим человеком*. Котошихин[37]) и со связкой *есть*, *суть*

ции ее значение — временного, нехарактерного, непостоянного признака субъекта» (Н. Х. Иванова. Творит. предикативный падеж в польском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 8). Однако это толкование является упрощенным: значение конструкции создали не слова; это значение заложено в самом сочетании соответствующих глаголов с творит. падежом как падежом объекта.

[35] О развитии творит. предикативного в польском языке см.: Н. Х. Иванова. Указ. соч.

[36] Показательно, например, что в Житии Аввакума, где творит. предикативный представлен довольно широко, такие обозначающие неизменное свойство слова, как *отец*, *мать*, *сын*, *дочь*, отмечены только в именит. падеже (см.: Л. В. Соловьева. Указ. соч., стр. 9).

[37] Пример заимствован из указанной работы Л. В. Соловьевой, стр. 9.

(Деньги *суть артериею* войны. Письма и бумаги Петра Вел. [38]). В языке XVIII в. эти формы представлены преимущественно в интермедиях, в комедиях, в переводной литературе.

Так к середине XVIII в. сложилась описанная выше система соотносительного употребления именит. и творит. предикативного. Стилистическое разграничение этих двух форм в общем шло по линии разграничения языковых средств высокого и среднего слога: творит. предикативный не имел той окраски «высокости», которая в некоторых случаях (но далеко не всегда) могла быть обнаружена во втором именительном [39].

Под пером Карамзина творит. предикативный получил дальнейшее развитие. Карамзин сознательно укрепляет оборот с творит. предикативным как конструкцию, удобную для повествования, способную к передаче тонких смысловых оттенков и близкую к разговорной речи,— в отличие от второго именит., тяготеющего к высокому слогу. Творит. предикативный у Карамзина явно преобладает над именительным во всех случаях, когда в языке XVIII в. эти конструкции были полностью взаимозаменяемы: в сказуемых, строящихся с существительными, называющими отвлеченные понятия, а также лицо по действию, состоянию, занятию; в сочетании с полузнаменательными глаголами, со связкой *быть* в формах буд. вр. и повелительного наклонения, в сочетаниях с инфинитивом; он активизируется и в сказуемых адъективных.

Карамзин оказал несомненное влияние на своих современников и последователей: конец XVIII — первые десятилетия XIX в. характеризуются активизацией творит. предикативного в журнальной и эпистолярной прозе, в художественном повествовании, в стихах. Однако распространенный тезис о том, что «после Карамзина ничего принципиально не менялось» [40], что в XIX в. эта конструкция «осталась в тех же рамках, что и у Карамзина», и «в общем уже в течение ста лет картина употребления творит предикат. в субстантивных и связочных предложениях остается почти без изменения» [41], неверен: соотносительное употребление этих двух конструкций в литературном языке XIX в. не было стабильным.

Бесспорным остается то общепризнанное положение, что в языке XIX в. творит. предикативный в целом был и до настоящего времени продолжает быть очень активной категорией. Он не только проникал в те области функционирования, которые в предшествующие периоды были закреплены за вторым именит. в составе двучленной конструкции, но и распространял свое влияние

---

[38] Пример заимствован из работы В. И. Чагишевой «Вторые именит. падежи...», стр. 83. См.: также Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 270.

[39] См.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 271.

[40] Там же.

[41] О. В. Патокова. Указ. соч., стр. 22, 37; См. также: А. В. Даневич. Указ. соч., стр. 170.

на одночленные конструкции, в частности на безличные предложения (см. «Изменения в системе безличных предложений», § 6).

Однако ошибочным было бы предположение, что именит. предикативный легко и быстро «сдавал свои позиции» [42]. Он был достаточно стоек на всем протяжении изучаемого периода и стоек именно в основной массе конструкций, т. е. в конструкциях бессвязочных и в конструкциях со связкой *был*. В некоторых случаях он оказался сильнее творит. предикативного (см. ниже о бессвязочных сказуемых). Именно эта устойчивость второго именит. определила собой наличие в литературном языке XIX в. массового параллелизма конструкций, таких, когда при абсолютно одинаковых условиях употребления — и в смысле общего временно́го значения предложения, и со стороны семантики входящих в сказуемое слов, и по условиям контекста — равно возможно было употребление и именит. и творит. предикативного.

С другой стороны, во многих типах соотношений можно легко выявить условия преимущественного употребления той или другой формы.

Рассмотрим характерные для XIX в. тенденции исторического движения во всех перечисленных выше случаях соотносительного употребления именит. и творит. падежей, принимая за исходный момент состояние этих соотношений в литературном языке второй половины XVIII — нач. XIX в.

Развитие соотношений именительного и творительного в бессвязочных сказуемых и в сказуемых со связкой *есть*, *суть*

§ 16. Соотношение связочных — с *есть* и *суть* — сказуемых в форме именит. и творит. предикативного (*сие есть доказательство — сие есть доказательством, они суть порука, препона — они суть порукой, препоной*) во второй половине XVIII в. и движение этих соотношений в первых десятилетиях XIX в. рассмотрены в главе «Изменения в соотношениях связочных и бессвязочных сказуемых», § 3. Здесь отмечены абсолютное преобладание бессвязочных форм и нерегулярность конструкций со связочным творит. в языке второй половины XVIII в. Однако до начала XIX в. связочное сказуемое с творит. падежом, обозначающее предикативный признак как непостоянную функцию субъекта, еще строится с довольно широким кругом отвлеченных существительных.

---

[42] Между тем нередко приходится сталкиваться именно с таким односторонним и упрощенным освещением этого сложного процесса. См., например: Н. А. Д о н е ц. Именит. и творит. предикативный имени существительного в совр. русск. языке, стр. 17—18; Н. А. Д о н е ц. Возможность употребления только творит. предикативного имени существительного в совр. русск. лит. языке, стр. 64—65, 71 и др.; Е. Г. Л е б е д е в а. Указ. соч., стр. 359; В. И. Ч а г и ш е в а. Указ. соч., стр. 78; В. М. Т а м а н ь. Указ. соч., стр. 14, 16—17.

Тако самые те права собственности крестьянской... *суть препоною*, чтоб... (Щербат., Статистика, III); О том все дела мои... *доказательством есть* (Шаховск., Зап., 1, От издателя); А доверие царское... *есть основанием* к тому, чтоб... (Добрынин, Зап., XLIV); Сия книга *есть* наилюбопытнейшим *памятником* и практическим *образцом* для повелевающих и исполняющих, и не меньше историческою *истиною* на белорусской край тогдашних времян (Там же, XXXV); Он... *есть* всегда его *другом* (Н. Н. Трубецкой, п. А. М. Кутузову, 4 авг. 1791); Путешественники же посещают Швейцарию совсем не для наук, а только для гулянья, которое *не есть предметом* (М. И. Невзоров, п. И.В. Лопухину, 20 янв. 1791); Ваши правилы *суть* мне *порукою* вашей твердости (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Трубецкому, 24 июня — 4 июля 1791); *Причиною* богатства его *есть* тайная связь (Карамз., П. р. п., Париж, мая... 1790); [Мужчины] в пожилых летах *уделом есть* важность (Изм., Евгений, 4, VI); Чтением тех многочисленных романов, которые, по словам злобных критиков, *суть забавою* для дураков и ядом не только для девиц, но и для юношей (Там же, 5, IV); Главною *причиною*, для которой не сидят в лавках астраханские купцы, *суть* рыбные их промыслы (Озерецковск., Описание Колы).

В течение первых десятилетий XIX в. происходит явное затухание этих конструкций — при ярко выраженных стилистических ограничениях и все возрастающей лексической несвободности: они строятся почти исключительно со словами *причина, цель, доказательство, порука.*

[Креон] Не Полиник, поверь, *есть целию* войны (Озеров, Эдип в Афинах, I, 4); Не подумайте, что *причиною* оной [радости] *есть* выкуп моего имения (Нарежн., Два Ивана, 3, XXIII); О боже мой! *не есть* ли сие *доказательством* того, чему нас твое слово научает (А. В., О ложном благополучии людей мира, ЖДНП, 1823, май); Тому *причиной есть* явное предпочтение, делаемое правительством всем иностранцам (П. Г. Каховск., п. Ник.I); Сии журналы *не суть ли* сами красноречивыми *доказательствами* исполинских успехов нашего просвещения (Пушк., Если звание любителя отеч. литературы...); Главною *целию* Демидовского лицея *есть* распространение основательных сведений по части камеральных наук (Устав Демидовск. лицея, I, ЖМНП, 1846, XLIX).

Таким образом, судьба синтаксического полонизма «*есть* (*суть*) + творит. падеж» ясна: к 20—30-м годам XIX в. он перестает употребляться [43]. Значение связочных (с *есть, суть*) конструкций — установление тождества — вступало здесь в антагони-

[43] Истории этих конструкций посвящена указанная статья J. Johannet, стр. 111—118.

стическое противоречие с грамматическим значением творит. предикативного, в силу своего исконного объектного значения выражавшего признак, не открываемый в субъекте как его постоянное свойство, а приписываемый субъекту как такой, который присущ ему на протяжении какого-то временно́го отрезка.

§ 17. Отмечая возможность употребления бессвязочного творит. предикативного в литературном языке XVIII—XIX вв., все исследователи так или иначе указывают на ярко выраженную лексическую несвободность этой конструкции: творит. падеж здесь возможен лишь от существительных — названий лиц по должности или деятельности, а также от некоторых отвлеченных существительных (*причина, вина, порука, залог, доказательство, пример* и др.) [44]. Эта лексическая несвободность была обусловлена специфическим значением бессвязочного творит. предикативного по сравнению с именительным.

Соотносительное употребление той и другой конструкции было возможно далеко не всегда. Во всех случаях выражения тождества — полного или частичного,— а также везде, где предикативный признак мыслился как исходящий от субъекта, неотъемлемый от него и связанный с ним отношениями абсолютного постоянства,— там соотносительности не было и именит. падеж был единственно возможной формой бессвязочного сказуемого. Именно поэтому только именительный возможен был, например, в сказуемых, строящихся с именами существительными собственными (Москва *не Рим*), названиями по родственным отношениям (*мать, отец, дочь, сын, брат, сестра* и т. д.), по национальной или сословной принадлежности (*россиянин, немец*; *дворянин, купец*); по постоянному и характерному качеству (*глупец, красавец, сластолюбец, ленивец, трус, лжец, плут, невежда, рутинер, гений* и т. п.), по неизменному признаку (*слепец, безумец*), по роду деятельности, порожденной внутренними способностями, одаренностью лица (*художник, живописец, поэт*), по состоянию, являющемуся результатом предшествующей деятельности и ставшему неотъемлемым признаком его носителя (*питомец, воспитанник, ученик* [кого, чей]) [45]. Во всех этих случаях бессвязочный творит. преди-

[44] См., например: О. В. Патокова. К истории развития творит. предикативного, стр. 34; Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в., стр. 331—332; Н. А. Донец. Параллельное употребление обеих синонимических конструкций с именит. и творит. имени существительного, стр. 111; Н. А. Донец. Именит. и творит. предикативный имени существительного. В последней работе ошибочно утверждается, что конструкции с бессвязочным творит. предикативным (он уже пять лет *лесником*) в XVIII и XIX вв. не встречаются. Автор почему-то полагает, что «они характерны исключительно для языка нашего времени» (7).

[45] Ср. у одного и того же автора два характерных употребления именит. предикативного — разных с точки зрения соотношения с творительным: а) Все актеры его труппы большею частью Anfänger из петербургских мастеровых. Даровитая мамзель Штейн, играющая русалку, Амалию, Луизу и проч. — булочница, брат ее — *переплетчик*, Литхенс — *каретный обой-*

кативный был невозможен и соотносительности двух конструкций не было.

Такая соотносительность была всегда, если признак мыслился не как исходящий от самого субъекта, заложенный в нем, а как приобретенный им, приписанный ему и поэтому так или иначе являющийся его временным состоянием, не связанным с субъектом отношениями абсолютного постоянства. Поэтому в сказуемых, строящихся с именами существительными — названиями лиц, равно возможен был и именит. и творит. падеж, если существительное называло лицо по должности (*директор, начальник, полковник, церемониймейстер, советник* и т. д.), по временной деятельности или временному состоянию (*предвестник, представитель, поборник, хранитель, изгнанник, беглец, помощник, свидетель, соучастник, затворник, победитель, пленник, защитник* и т. п.), по изменчивому возрастному признаку (*младенец, ребенок*), по внешнему виду (*щеголь, франт*). Употребление обоих предикативных падежей возможно было также в сказуемых, строящихся с существительными, называющими отвлеченные понятия и употребленными в прямом или переносном значении — при характеристике субъекта по его непостоянной функции, преходящему состоянию (*причина, вина, порука, залог, пример, надежда, утешение, отрада, закон, орудие, жертва, добыча, казнь, щит* и др.).

Чем же был обусловлен выбор того или иного предикативного падежа там, где их соотносительное употребление было возможно?

Творит. предикативный в бессвязочном сказуемом находим там, где такое сказуемое обозначает временное пребывание в состоянии, переход в состояние или выявление состояния, т. е. тогда, когда оно по смыслу соотносительно со сказуемыми, строящимися с участием глаголов *состоять, пребывать, находиться, служить* (в значении «работать»), *выступать, остаться, назначить (назначен), стать*. Это значение особенно отчетливо выступает в сказуемых, строящихся с существительными конкретного значения — названиями лиц по должности, по роду общественной деятельности. В предложении «У меня внучек в полку-та твоем *каптенармусом*» (Копиев, Обращ. мизантроп, V, 11) сказуемое *каптенармусом* значит «является, состоит, служит каптенармусом»; в предложении «Теперь он *губернским секретарем*, по милости Алеевцева» (Добрынин, Зап., XXXI) сказуемое *губернским секретарем* значит «стал, назначен, состоит, служит губернским секретарем». Аналогичные значения выявляются и во всех приводимых ниже предложениях.

щик..., Кан — *садовник*, Беренс—*портной* (Жих., Зап. совр., II, 20 янв. 1805) и: б) Все эти актеры — сами *декораторы*, сами *костюмеры*, сами *машинисты*, сами *портные*, сами *копиисты* (Там же). В первом случае замена именительного творительным невозможна: сказуемое обозначает здесь неотъемлемый от субъекта признак — его специальность. Во втором случае творительный возможен: сказуемым обозначается деятельность непостоянная, сопутствующая.

Он бранит и меня и всех моих благодетелей за то, что я *губернским секретарем,* а он степенью ниже меня (Добрынин, Зап., XXXIV); Генералам, кои *шефами* полков, иметь по одному офицеру (Именной указ 26 ноября 1796); Как все переменилось ныне во Франции! Дессен *капралом*! Дессен в мундире! (Карамз., П. р. п., Кале, 1790); *Директором вод* Ив. Ник. Новосильцев (Жих., Зап. совр., I, 16 июля 1805); Vivat! Полиции нет; она присоединена к Министерству внутренних дел, коего *управляющим* граф Кочубей (А. И. Тург., п. Вяземскому, 5 ноября 1819); Ай да царь, ай да царь, Православный государь! Князь Волконский — баба *Начальником штаба* (Рыл. и Бестужев, Царь наш, немец прусский...).

Именно в силу этих значений при бессвязочном творит. предикативном обычны обстоятельственные слова, обозначающие время, место проявления признака, его отнесенность к лицу или лицам: *ныне, теперь, уже, по-прежнему, несколько лет, всё* (в смысле «продолжает»), *в первый раз, здесь, там, у нас* и т. п.

[Праволов] Кто *стряпчим у него?* [Наумыч] Кто *стряпчим*? нет ни духа (Капн., Ябеда, II, 1); Мне очень приметно было, что он *уже провинциальным секретарем,* а я еще *провинциальным протоколистом* (Добрынин, Зап., XXXIII); Самый тот, который *ныне у нас портным* (Болот., 1, 16); Подослал я своего друга, который *в сих местах надзирателем благопристойности* (Крыл., Почта духов, IX); Я *старостою здесь* над водяным народом (Крыл., Рыбья пляска); Есть лесная контора, *в коей директором* Петр Кузьмич Ниман (Челищ., Путеш.); *Послом там* на место графа Стакельберга г-н Булгаков (А. И. Веревкин, п. А. М. Кутузову, 31 дек. 1790); Естьли исключить маркиза Галло, который *теперь послом* во Франции (В. Е., 1802, № 13); Сказывали, что он *уже офицером гвардии* (Изм., Евгений, 5, 1); Он *по-прежнему здесь лесничим* (Жих., Зап. совр., I, 16 июля 1805); Я *уже несколько лет в знаменитом городе сем судьею* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, XIII); Мы делаем у меня Арзамас, и я *председателем в первой и, вероятно, единственный раз* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 2 янв. 1817); Он *уже сто лет сенатором!* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 27 ноября 1820); Капитан Норов, что *ныне* в отставке *подполковником* (Показания П. И. Пестеля); ...Тимковского, который *теперь губернатором в Бессарабии* (Там же).

Семантическая ясность такой модели подтверждается употреблением в ее составе вопросительного или указательного местоимения, ср.:

Где-то он ныне? *Чем-то* и при какой должности? (Болот., 2, 98); Не можете ли вы мне сказать, *чем* он ныне и служит ли еще? (Там же); Князь Никита Юрьевич был у нас до сего генерал-прокурором и первейшим человеком в государстве!

Да разве он ныне уже *не тем*? — Никак,— отвечал князь: — он и ныне не только *тем же* и таким же генерал-прокурором как был, но... (Там же, 93).

Такие сказуемые входили в трехчленный ряд соотношений с именит. предикативным и с очень активными в то время сказуемыми с полузнаменательными глаголами: Балашов *генерал-губернатором — генерал-губернатор — состоит (назначен) генерал-губернатором;* Теперь он *губернским секретарем — губернский секретарь — служит (состоит, назначен) губернским секретарем.*

Сказуемое в форме именит. падежа не заключало в себе того значения, которое было характерно для творит. предикативного. Смысловой акцент в таком сказуемом сосредоточивался на значении наличия собственно бытия, готового признака:

«Зеркало света» не есть издание общества, коего я *член* (М. Антоновский, п. Державину, 30 апр. 1786); Спрашивали в то время, кто *директоры* типографической компании и кто *члены*? (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 28 ноября 1790); С июня месяца 1800 года я *советник* (Добрынин, Зап., XLVI); А он был что? — мальчишка, Так, школьник, писаришка! Теперь *асессор, кавалер*! (Изм., Собачья зависть); Карамзин и даже Измайлов *не члены* Академии (И. Дм., п. Д. И. Языкову, 3 авг. 1804).

То же соотношение было у сказуемых, строящихся с существительными — названиями лиц по временной деятельности или временному состоянию, функции. Во второй половине XVIII — нач. XIX в. здесь выступал довольно широкий круг существительных.

[Правдин] А я уже три дня *свидетелем* ее добронравия (Фонв., Недоросль, III, 5); Я... снова на несколько дней *затворником* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 2 марта 1821); Но это ли честолюбие надежным *вожатым* на пути почестей? (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 6 дек. 1818); *Зачинщиком* ли он нового у нас поэтического языка? (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 7 авг. 1819); Только не думай, что *я побудителем* его ревности (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 6 июня 1819); Я здесь твоим *проводником,* Сам Феб меня просил о том (Пушк., Тень Фонвизина); [Арист] Кто смеху здесь *предметом*? (Гриб., Мол. супруги, 13); Он тверд, покоен, невредим..., И гордым мужеством везде *Подпорой* власти и народу (Рыл., Гражд. мужество); Сколь много для царей труда! Деяний их *судьей* — потомство (Рыл., Артемон Матвеев); *Соперником* у меня — Милорадович (Гриб., п. С. Н. Бегичеву, 4 янв. 1825); Держася круговой поруки, Как заразительной чумы, Забав, досад, вражды и скуки Взаимно *вкладчиками* мы (Вяземск., Коляска, I).

Соотношения с именит. предикативным здесь были те же, что и у сказуемых, строящихся со словами — названиями лиц по должности, общественной деятельности. Грамматическое значение

творит. предикативного здесь поддерживалось еще и лексическими значениями существительных, называющих лицо по временному состоянию.

Ср. сказуемые в форме именит. падежа:

[Оскольд] Что ею ты любим, *свидетель* я тому (Сумарок., Семира, I, 4); [Правдин] Злодеяние, которому я сам *свидетель* (Фонв., Недоросль, V, 3); Узнав, что я *исполнитель* больше повелений, нежели самовластной дел решитель (Добрынин, Зап., XLVI); Воскликнула: «Мирослав убит! Иоанн *победитель*!» (Карамз., Марфа Посадн., 2); Иногда Юлия вооружается против женщин: Арис их *защитник* (Карамз., Юлия); И должен я того хвалить, Кто общих бед *содетель?* (Вост., Ода счастию); Сей твердый меч, сей дар твоей руки *Предвестник* мне победы над врагами! (Вяземск., Прощание воина); *Защитник* твой — Гомер, твои *судьи* — потомки! (Рыл., Послание к Н. И. Гнедичу).

Употребление обоих предикативных падежей характеризует также бессвязочные сказуемые, строящиеся с существительными — названиями отвлеченных понятий и определяющие субъект по его функции, преходящему состоянию, по его непостоянному отношению к чему-либо. Здесь выделяются, с одной стороны, случаи переносного, метафорического употребления слов (а), с другой стороны, употребление отвлеченных существительных в их прямых номинативных значениях (б). Творит. падеж употреблялся и в том и в другом случае довольно широко.

а) Петрова дщерь вам ввек *залогом* (Лом., Ода 1761 г.); [Моина] Моя рука в сей день *наградой* снисхожденью (Озеров, Фингал, II, 3); [Димитрий] Мне мир *пустынею,* свет солнца ненавижу (Озеров, Дим. Донск., V, 5); [Ксения] И я *источником* печали тяжкой сей! (Там же, V, 1); [Гекуба] Под Троей все легли, все *снедию* могилы (Озеров, Поликсена, II, 3); Твой совет *законом* мне (Д. Дав., Мудрость); Ему дано еще право личным весом управлять весами всемирными. Какое право неоцененное, употребленное в благо! Какое гибельное, буде оно — слепым *орудием* прихоти, ленивого беспечия! (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 3 дек. 1820); Поля, где кровь текла рекою, Где тлеют кости сыновей, Одеты жатвой золотою — Твоей *добычею,* злодей! (Козлов, Из трагедии Николини); Твоею *жертвою* — я сам (Козлов, Отр. из 4-й песни «Чайльд-Гарольда»); Рушитель сил, левпафан дубовый, Гроза твердынь, народов и царей — *Игрушкою* бунтующих зыбей (Козлов, К морю).

б) Что приращению оружия *причиною?* (Лом., Петр. Вел., 2); Однако добродетель моя в том *порукою,* что... (Чулк., Пересмешн., 3); [Щепетильник] Однако тому не зеркало *виною* (Лукин, Щепетильн., VII); Мне ничего не стоит доставить ему чин, чему явным *доказательством* мой дворецкий (Крыл.,

Почта духов, XI); А мне так песни *утешеньем* На старости моей (Изм., Горлица и малиновка); Стучал напрасно в ворота; Ему мяуканье *ответом* В окно смотрящего кота (Вяземск., Первый отдых Вздыхалова); В грозе, нпчем не отразимой, Темницу друга разделять, С ним вместе плакать, с ним страдать Ее *надеждою* любимой (Козлов, Кн. Нат. Бор. Долгорукая, 2, VIII); Навек страданье Ее *уделом* (Там же, 2, IX); *Ценой* утрата наслажденью (Козлов, К А. И. Тургеневу); *Мученьем, отрадой* ему на земли Лишь образ ее незабвенный (Козлов, Байрон).

Особенно распространен был творит. предикативный от слов *причина, вина,* лексически обозначающих отношения между признаками [46].

Рядом для тех же групп возможен был и именит. падеж. Обращает на себя внимание тот очень существенный факт, что чем абстрактнее было значение существительного в сказуемом, тем более ослабленным, менее заметным было то различие в значениях именит. и творит. предикативного, которое охарактеризовано выше. При сопоставлении сказуемых в предложениях *что этому причиной?* и *что этому причина?, совесть в том порукой* и *совесть в том порука* и т. д. между ними очень часто не удается установить никакого смыслового различия — так, как это оказывается возможным по отношению к сказуемым в предложениях типа *я здесь старостою* и *я здесь староста.* Поэтому сказуемые типа *вина* и *виной, причина* и *причиной, доказательство* и *доказательством, порука* и *порукой* часто оказывались синтаксическими дублетами.

Именит. предикативный для переносно употребленных и отвлеченных существительных в конце XVIII — нач. XIX в. был обычен.

Любите их, любите веру. Она свирепости *узда* (Лом., Ода, 1762 г.); [Прямиков] Закон *подпора* мне и *щит* (Капн., Ябеда, I, 1); Пример двора для нас *закон* (Карамз., Его имп. величеству...); [Эдип] Злодеев торжество *предшественник* их казни (Озеров, Эдип в Афинах, III, 3); [Гекуба] Я *источник* бед плачевной сей стране (Озеров, Поликсена, II, 1); Отчизны щит, гроза врагов, Он *достояние* веков (Рыл., Гражд. мужество).

Причина сему изданию леность (Трутень, 1769, I); [Прямиков] *Порука* сабля в том (Капн., Ябеда, III, 5); Слезы мои — *доказательство* моего о тебе соболезнования (Клушин. Несч. М-в); [Агамемнон]. Приам тебе *пример* (Озеров, Поликсена, I, 2); И в мире старцу *утешенье* Природа, мудрость и

---

[46] Ср. аналогичное положение в польском языке (см.: Н. Х. Иванова Автореф. указ. дисс., стр. 12)

покой (Пушк., Руслан и Людмила, 1); Извини мое чистосердечие, но оно *залог* моего к тебе уважения (Пушк., п. П. А. Плетневу, ноябрь — дек. 1822).

§ 18. Каковы были в XIX в. тенденции развития соотношений именит. и творит. предикативного в бессвязочном сказуемом?

Здесь прежде всего нужно констатировать тенденцию к устранению дублетности, к сосредоточению комплекса близких, накладывающихся друг на друга значений в одной, семантически наиболее емкой синтаксической форме. В рассматриваемом соотношении такой формой был именит. падеж, и значения, выражавшиеся бессвязочным творит., постепенно рассредоточивались между именит. предикативным и глагольно-именным сказуемыми с полузнаменательными глаголами. Сам круг значений творит. бессвязочного сужается: во второй половине XIX в. он утрачивает значения выявляющегося или становящегося признака (см. стр. 76—77); в нем постепенно закрепляется узкое, ограниченное значение, совпадающее со значением сказуемых, строящихся с глаголами *состоять, выступать, находиться, служить* (он здесь *сторожем — состоит, служит сторожем*). Таким образом, за творит. бессвязочным закрепляется функция выражения признака, присущего субъекту на протяжении более или менее длительного периода времени. В этом своем значении бессвязочный творит. остается живой, но лексически несвободной конструкцией, причем эта лексическая несвободность все возрастает: если раньше творит. бессвязочный строился с существительными — названиями лиц по функции, по временному состоянию, по деятельности вообще, то теперь, в силу сужения семантики этой конструкции, здесь закрепляются только существительные — названия лиц по должности, по роду общественной деятельности. С другой стороны, в составе этой конструкции закрепляется несколько слов отвлеченного значения, вступивших на путь синтаксической фразеологизации отдельной словоформы (*причиной, виной, порукой;* см. стр. 77—78).

В первые десятилетия XIX в.— примерно до конца 30-х годов (а иногда и позднее, особенно в поэтическом языке) — творит. бессвязочный был еще довольно активен. Эта активность проявляется как в частоте употребления, так и в том, что эта форма сказуемого сохраняет способность выражать не только наличие, но и выявление, становление признака, а следовательно, сохраняет и относительную широту возможностей лексического наполнения модели.

В этот период еще возможно употребление изучаемой формы для выражения становящегося или непосредственно выявляющегося признака — функция, к концу XIX в. утратившаяся. Отмечается бессвязочный творит., равнозначный со сказуемыми, строящимися с глаголами выявления, движения, перемещения, конкретного действия, а также обозначающий признак в плане будущего, как

www.ruslang.ru

с существительными, называющими лицо (а), так и с существительными отвлеченных и переносных значений (б).

а) Но ты, верно, ищешь в моем письме праздничных новостей, то есть милостей? Вот оне: Алексей Васильчиков, что женат на Архаровой, *шталмейстером* и сидеть в Конюшенной конторе с жалованьем (А. И. Тург., п. Вяземскому, 9 апр. 1819); В Москве новый митрополит Серафим, а Филарет — *Тверским и членом Синода* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 19 марта 1819); Ах, милый мой! Ты *королем* страны родной, Твоим сединам как пристанет Корона царская (Пушк., Полтава, 2, вариант) [47]; Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы; Григорий Отрепьев *мирянином* (Пушк., Б. Г., Корчма на Литовск, границе, авторск. ремарка).

б) Прошу, чтобы службу ты мне сослужил. Потом пусть *добычей* орлятам твоим С кровавым, с отважным я сердцем моим (Козлов, Умирающий гайдук); Творец судил: навек страданье ее *уделом* (Козлов, Кн. Нат. Бор. Долгорукая, 2, IX); О, тот не человек! тот изверг кровожадный! Тому *анафемой* потомство и семья! (Д. Сушков, Людской суд); Но отмстил ему Иегова! *Казнью* жизнь ему сама (Хомяков, Навуходоносор).

Значения этих сказуемых: «будет, назначен шталмейстером»; «будет, назначен членом Синода»; «будешь королем»; «одет мирянином»; «станет добычей»; «будет уделом»; «будет анафемой»; «стала казнью».

В стихах И. Козлова, вообще обнаруживающего большое пристрастие к творит. бессвязочному, в такой конструкции отмечены формы притяжательного местоимения — употребление, не свойственное литературному языку того времени [48].

Младенец мой С моей подругой незабвенной Живут в стране твоей святой; И, может быть, я буду с ними, И там они навек *моими!* (Чернец, IX); Матильда, друг милый, навек ты *моей!* (Беверлей).

Другим показателем активности творит. бессвязочного в начале XIX в. может служить употребление этой конструкции для обозначения предикативного признака как частной функции, временного состояния субъекта. И в сказуемом и в подлежащем здесь выступают существительные конкретных значений.

На затылке кивера, Доломаны до колена, Сабли, шашки у бедра, И *диваном* — кипа сена (Д. Дав., Песня стар. гусара);

---

[47] В окончательной редакции Пушкин отказался от этой формы: О, милый мой, Ты будешь *царь* земли родной! (Полтава, 2).

[48] Ср. редкий случай построения этой конструкции с прилагательным: Того стремления человечества к его нормальному состоянию, которое обнимало всю Европу в конце прошедшего и начале настоящего столетия и которое доселе еще *заметным и замечательным* (Петрашевск., Карм. словарь иностр. слов, 2, «Наивный»).

Наблюдения над человеческим телом делаются, когда это тело еще *зародышем* или уже *трупом* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 3 дек. 1818); Всякое награждение было бы мне теперь в тягость; а ключ и всегда — *награждением* видным, но не приличным (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 7 апр. 1818); Есть более сорока чисто литературных произведений, *темою* которых Амур и Психея (Отеч. зап., 1839, т. III).

По-видимому, это было употребление, развившееся уже в XIX в. в результате общей активности этой конструкции.

После 30-х годов XIX в. употребление творит. бессвязочного ограничивается как в количественном отношении, так и в возможностях лексического наполнения модели.

Живой и относительно активной остается эта конструкция при условии вхождения в нее существительных — названий лиц по должности, по виду общественной деятельности — только для обозначения признака наличествующего («является», «состоит», «выступает», «служит»). Такие построения сохраняют устойчивую употребительность на протяжении всего XIX в.

Он хотя из мещанского состояния, но поведения хорошего и трезвого, и *сидельцем* в суконном ряду (Погорельск., Двойник, 2,5, Лафертовская маковница); Говорят, есть, в некотором роде, высшая комиссия, правление, понимаете, эдакое, и *начальником* генерал-аншеф такой-то (Гоголь, М. д., 1, X); А Настасьин двоюродный брат *сторожем* в том департаменте (Дост., Бедн. люди, сент. 15); Ты уже давно здесь *дворником?* (Лерм., У графа В... был музыкальный вечер); — Я сплю спокойно, зная, что он *полицмейстером* в Петербурге (Герц., Б. и д., 4, XXXIII); Он уже двадцать лет *старшиною* благородного собрания (С.-Щ., Губ. оч., Мои знакомцы, Порфирий Петрович); Я тут *комиссионером* винокуренного завода (Бажин, Степан Рулев, VI); Из Оренбурга пешком пришел учиться, занимался историей, уж он теперь *профессором* (Слепц., Трудн. время, IX); Теперь он *адмиралом* и *сенатором* (А. И. Дельв., Полвека русск. жизни, 1, 2); На днях встретил здесь Штакеншнейдера, того самого, который *прокурором* в Харьковском окружном суде (Дост., п. жене, 21 июля 1874); Предложил мне взять в кредит билеты на пароход, в компании которого он *членом* (Л. Толст., п. жене, 1878); Купили дом, зажили опять, пустились в аферы... Какой-то завод, *компаньоном* в подряде (Боборык., Китай-город, 2, VI); Я же вот третий год *исправником* (Эрт., Гард., 1, VIII).

Соотношения с именит. предикативным на протяжении XIX в. у этих сказуемых остаются теми же, что описаны в § 17.

Что касается сказуемых, строящихся с существительными — названиями лиц по функции, временному состоянию или действию, то во второй половине XIX в. такие построения резко идут на убыль. Здесь постепенно устанавливаются довольно определен-

ные лексические ограничения: в сказуемое может входить слово, называющее лицо по внешнему виду или поведению (*франт, щеголь, молодец, кавалер)* (а) либо по временной общественной функции (б).

а) Да что это с вамп, раздушены, распомажены, *франтом таким*? (Дост., Двойник, III); Ребята! смотри, *молодцами* у меня! (Л. Толст., Севаст. в мае, 11);— *Каким* вы *молодчиком*! — прибавила она с улыбкой, оглядывая мое новое платье (Л. Толст., Детство, XVI); Куда ни пойдешь,— везде он *кавалером,* и руку сейчас согнет (Боборык., Китай-город, 1, IV); Входите, входите сюда ...э, да каким вы, так сказать, щеголем! (Эрт., Гард., 1, VIII).

б) Софья Ивановна вот уже два года, как подала одну просьбу, и *ходатаем* за нее Юлиан Мастакович (Дост., Пб. летопись); Я к тебе *свахой,* Петр Андреевич (М.-Печ., Бабушк. россказни, II); Ты меня затащил, а Книф передергивал. Не узнаешь? Птицын-то *свидетелем!* (Дост., Идиот, 1, X); Свадьба, *посаженым* — главнокомандующий (Боборык., Китай-город, 3, III).

Особенно устойчивым оказывается употребление в таком сказуемом слова *свидетель.*

После 30—40-х годов наблюдаются существенные качественные изменения в функционировании в роли бессвязочного творит. предикативного существительных отвлеченных. Здесь закрепляются как обычная и стилистически нейтральная форма несколько слов — *причина*, *вина*, *порука*, в самом своем лексическом значении несущие указание на отношения между предметами. По существу, здесь уже для первой половины XIX в. можно говорить о формировании синтаксического фразеологизма: творит. предикативный в этих случаях не совпадал по своему значению с тем общим значением пребывания в состоянии, которое было характерно для аналогичных конструкций с существительными — названиями лиц (ср.: *я здесь сторожем* и *я причиной его несчастья).* И если между сказуемыми в предложениях *я здесь сторожем* и *я здесь сторож* устойчиво сохраняется смысловое различие, то в предложениях *я причиной его несчастья* и *я причина его несчастья* никакого смыслового различия установить не удается: творит. падеж здесь оказывается семантически немотивированной формой. Ср.:

Тому *причина* право лень (Пушк., Е. О., Путеш. О.)

Может быть, *причина* этого — моя ограниченность (Белинск., п. В. П. Боткину, 16 апр. 1840).

Он подумает, что Валериан тому *причиною* (Пушк., А. П. В., VI)

Я не знаю, *причиною* ли тому воображение или что другое, но... (Из п. В. П. Боткина 1857 г., Фет, Мои воспом., I. VIII)

Мой друг, вот бог тебе *порука* (Пушк., Е. О., 3, XXXIV)

Тому *вина* зависть, капитан (Марл., Ам.-Бек, XII)

Но вот тебе господь бог *порукою* (Загоск., Ю. М., 1, IX)

Если я не составил себе карьеры — *виною* благородство моей души (Искра, 1859, № 5)

Таким образом, творит. падеж здесь превращается в сложившийся на наших глазах своеобразный синтаксический идиоматизм, генетически восходящий к конструкции, которая в сравнительно недавнюю пору была живой и обладала своим особым значением.

Итак, в соотношении «именительный — творительный предикативный» в бессвязочном сказуемом именит. падеж оказался сильнее творительного, который на протяжении XIX в. испытывает последовательные ограничения по всем линиям своего употребления. Чем объясняется это явление? Прежде всего тем, что бессвязочный творит. был двусмыслен: он обозначал как пребывание в состоянии, более или менее устойчивое наличие признака, так и его выявление, становление; в первом значении он мог совпадать с именит. падежом, во втором — со сказуемыми, включающими в свой состав полузнаменательные глаголы. В силу общего стремления к устранению дублетности эти две живые и активные конструкции и сосредоточивали в себе выражение соответствующих значений. Этот процесс был поддержан общей активизацией именит. бессвязочного, вызванной ослаблением связочных конструкций с *есть, суть* (см. «Изменения в соотношениях связочных и и бессвязочных сказуемых»). Не могло здесь не оказать влияния и то, что огромное количество случаев употребления именит. предикативного вообще не знало возможности параллельного употребления творит. падежа (см. § 17) [49]. Кроме того, именит. падеж в сказуемом был формой, координируемой с подлежащим; при употреблении творит. падежа такой координации форм не было, и это тоже могло ослаблять его позиции.

Развитие соотношений именительного и творительного в сказуемых со связкой *был*

§ 19. На всем протяжении изучаемого периода рядом употреблялся — и продолжает употребляться — именит. и творит. предикативный при связке *был* (*-а, -о, -и*). В XIX в. именно здесь

[49] Возобладание именит. предикативного над творительным — явление, не исключительное в славянских языках. Так, например, в статье «Предикативные функции творит. и именит. падежей в совр. словацком лит. языке» («Научные зап. Ужгородского гос. ун-та», т. XXVIII, 1957) М. В. Симулик отмечает, что «творит. предикативный при связке *byt'* к нашему времени идет на убыль. Вытеснение категории творительного вторым именительным наблюдается главным образом в том случае, когда именная часть составного сказуемого выражена конкретным существительным, обозначающим профессию, должность» (стр. 155).

больше всего проявлялся массовый параллелизм этих форм, определявшийся тем, что связка *был* давала широкий диапазон колебаний от значений более конкретных к значениям отвлеченным. Где проходила смысловая грань между сказуемыми типа *был офицер* и *был офицером*, чем определялся выбор той или другой формы и каковы были тенденции развития, движения их соотносительного употребления в XIX в.?

Еще в 1831 г. А. Востоков дал правильное определение общего смыслового различия этих двух форм. Он писал: «Сказуемое, состоящее из существительного, привязывается к подлежащему... глаголом прошедшего времени *был*: но только тогда, когда говорится о природном состоянии предмета, а не о случайном, зависящем от каких-либо дел его, напр.: *Адам был первый человек. Каин и Авель были дети Адамовы.* Когда же обозначается состояние случайное, какими-либо делами приобретаемое, тогда глагол *был* обращается в сказуемое, а существительное служит дополнительным к оному словом и полагается в падеже творительном; напр. *Адам был первым земледельцем. Каин был убийцею брата своего*» [50]. Соглашаясь с Востоковым («Востоков наметил верный путь к определению этой разницы» [51]), Потебня уточнил, конкретизировал и развил этот тезис. Исходя из того же понимания творит. предикативного как падежа объекта, он писал: «В *он был офицером* все грамматическое содержание предложения мыслится в три одинаковые приема...: *был* есть не связка, а самостоятельное сказуемое; *офицером* — дополнение к нему, стало быть, нечто мыслимое не в подлежащем, а особо от него, несмотря на частное совпадение, и в то же время особо от сказуемого. В этом заключен намек на субъективную возможность совмещения с тем же подлежащим и сказуемым других подобных объектов: «был тем-то», стало быть, «был и чем-то другим». Рассматривая творит. предикативный согласно с происхождением его от творит. образа, можно сказать, что он вызван предчувствием соподчиненности данного состояния другим состояниям, еще не вошедшим в сознание, но близким к этому. Упомянутая соподчиненность должна быть отличаема от более объективной временности, случайности, неважности признака ...В *он был офицер* ...подлежащему ...противопоставляется лишь один сложный член, составное сказуемое. Мысль здесь не останавливается на связке *был* и пользуется ею лишь для перехода от подлежащего к мыслимому в нем атрибуту. Этим между подлежащим и предикативным падежом устанавливается такая связь, что в момент речи нет побуждения приписывать к подлежащему другой признак, кроме данного в согласуемом падеже. В этом последнем признак представляется не непременно несменяемым, существенным, «прирожденным», «независимым от дел»

[50] А. Х. Востоков. Указ. соч., § 121, стр. 244.
[51] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 483.

подлежащего, а лишь без отношения к соподчиняемости. *Он был офицер*; конечно, говоря объективно, он был и многим другим, более существенным, напр. человеком; но в *он был офицер* мысль обо всем этом от говорящего далека» [52].

Многие после Востокова и Потебни обращались к вопросу о смысловом различии именит. и творит. предикативного; предлагались новые определения, старые отвергались как неверные и неприемлемые; описывались целые серии частных условий употребления того или другого падежа. Но никто не сказал ничего принципиально нового, такого, что снимало бы тезис, выдвинутый Востоковым и углубленный Потебней. С одной стороны — «природное состояние предмета» и «отсутствие соподчиненности данного состояния другим состоянием», с другой стороны — «состояние случайное, какими-либо делами приобретаемое» и «соподчиненность данного состояния другим состояниям». Разные критерии, выдвигаемые Востоковым и Потебней,— это разные стороны одного общего явления: заключенного в сознании говорящего отношения к признаку как к главенствующему, в данной ситуации для говорящего существеннейшему (именит. падеж) или как к такому, который стоит в ряду других, пусть не названных признаков, соподчинен им и лишь с той или другой целью «выдвигается» говорящим из этого ряда (творит. падеж).

Говорим ли мы о том, что в противопоставлении именительного и творительного заключено противопоставление «постоянного и характерного свойства предмета» и его «временного состояния» [53], «постоянного, характерного и необходимого, обычного» признака и признака «непостоянного, нехарактерного, изменчивого, случайного» [54]; признака, «заложенного в предмете» и «лежащего вне предмета» [55]; «родового» и «особенного» [56], «постоянного, вневременного тождества» и «временного тождества» [57]; «номинативного значения и его отсутствия» [58], признака, утверждаемого в «качестве готовой принадлежности субъекта» и «в качестве возникшего свойства субъекта» [59], признака абсолютного и относи-

---

[52] А. А.Потебня. Указ. соч., стр. 504.

[53] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 196; Н. А. Донец. Именит. и творит. предикативный имени существительного в совр. русск. языке, стр. 4; Н. А. Донец. Параллельное употребление обеих синонимических конструкций..., стр. 111; Г. Н. Грудцева. Составное и сложное сказуемое в совр. русск. языке, стр. 163.

[54] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русск. языка, стр. 166—167.

[55] О. В. Патокова. К истории развития творит. предикативного в русск. лит. языке, стр. 37.

[56] П. Перевлесский. Начертание русского синтаксиса, 1847, стр. 4—5.

[57] А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 228.

[58] А. А. Камынина. Употребление второго именит. имен существительных в совр. русск. языке, стр. 25.

[59] Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 93.

тельного [60] — в основе всех этих противопоставлений лежат противопоставления, найденные и сформулированные Востоковым и Потебней. И уже вторичными, производными от этих основных, определяющих смысловых различий являются условия употребления той или другой формы, идущие от лексического значения входящего в сказуемое существительного,— такие, как преимущественное употребление в форме именит. падежа собственного имени, названия лица по отношениям родства, по национальной или сословной принадлежности, существительного с оценочно-характеризующим значением или обязательно требующего при себе определения (типа *хороший человек, умная женщина*) и др. [61]

§ 20. Во второй половине XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. употребление именит. и творит. предикативного при *был* более определенно, условия выбора той или другой формы более четки, чем в конце XIX в. и позднее. В процессе развития языка в XIX в. творительный в этом соотношении оказался категорией более активной, более сильной [62], именительный — категорией убывающей. Утверждение, что «сравнительно строгая дифференциация в употреблении творительного предикативного и второго именительного наметилась довольно поздно, приблизительно с эпохи Пушкина» [63], по отношению к построениям с *был* не соответствует действительности: именно в послепушкинскую эпоху складываются такие — приближающиеся к современным — соотношения, когда выбор того и другого падежа зачастую оказывается внутренне немотивированным [64], когда при *был* становятся «почти одинаково употребительны» обе формы (причем «оборот с творительным все-таки встречается чаще») [65] и установление смысловой дифференциации между этими двумя конструкциями нередко оказывается в непосредственной зависимости от изобретательности и остроумия исследователя.

Во второй половине и в конце XVIII в. дело еще обстояло иначе: соотношение именительного и творительного при *был* было достаточно внутренне мотивировано и их смысловые различия воспринимались довольно четко [66].

---

[60] А. Mazon. Указ. соч., стр. 364 и сл.

[61] См. работы А. А. Камыниной, Н. А. Донец, В. М. Тамань и др. Чрезвычайно показательно употребление именит. предикативного в аналогичных условиях в современном польском языке. См.: Н. Х. Иванова. Указ. соч., стр. 9, 11.

[62] См. интересное наблюдение Б. Эйхенбаума о развитии «творительного сказуемостного» в языке поэзии (Б. Эйхенбаум. Анна Ахматова. Опыт анализа. Пг., 1923, стр. 50 и сл.).

[63] А. А. Камынина. Синонимическое употребление второго именит. и творит. предикативного, стр. 7.

[64] Ср. аналогичное положение в современном словацком литературном языке (см.: М. В. Спмулик. Указ. соч., стр. 143).

[65] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 196.

[66] Интересные наблюдения над соотносительным употреблением именительного и творительного при *был* в мемуарах конца XVIII в. см.: А. Л. Ле-

Исследование памятников разных жанров второй половины XVIII в. (исключая Карамзина, о котором речь должна пойти особо) дает еще довольно четкую картину соотносительного употребления именительного и творительного при *был*. Творит. падеж с большой степенью последовательности употребляется в следующих случаях: 1) при определении субъекта по временному (часто в плане прежде прошедшего) пребыванию в должности, чине; 2) при определении субъекта по непостоянному состоянию, временной функции — с существительными *свидетель, зритель, самовидец, слушатель, доноситель, собеседник, провожатый, участник, основатель, восприемник, виновник, сообщник, гонитель* и под., а также с отвлеченными существительными; 3) при определении субъекта по его отношению к чему-либо — с существительными *причина, порука, препятство, помешательство* (в значении «помеха»), *пособие* (в значении «помощь») и под.

1)...Игуменом Филиппом, который после *был митрополитом Московским* (Мордв., Зап.); Уже тогда *был тайным советником* (Шаховск., Зап., 1); Под Нарвою *был* он *генерал-майором* и лейб-гвардии Преображенского полку *подполковником* (Нащокин, Зап.); Дани или доходов чрез целые десять лет, в которые он *царем был*, не брал (Рычков, Опыт Каз. ист., III); Мой отец *был* в то время еще *армейским подпоручиком* (Болот., 1, 3); *Полковником был* он *уже давно* (Там же, 1, 12); От тех времен, когда они *были* вместе при дворе императорском *певчими* (Добрынин, Зап., XXVI); Знал меня, как я *был повытчиком* (Там же, XXXI); В то время *был* еще *копиистом* (Изм., Евгений, 1, I); Виделось во сне, что будто он еще был *сержантом* (Там же, 5, I).

2) Четыре месяца *был* он *свидетелем* моей жизни (Фонв., п. сестре, 28 янв. 1764); Покойный граф Захар Григорьевич *был* тут моим *слушателем* (Фонв., Чистосердечн. признание, 2): Мы собрались и поехали оба вместе, а слуга Ахалев *был* у нас *провожатым* (Чулк., Пригож. повариха); В сих днях *был восприемником*... младенца Федора (Васильев, Дневн., 1—5 сент. 1775); ...возмущения, в которых они *участниками были* (Щербат., Статистика, V); В деревне Красная Мечеть *были* мы *зрителями* как смешного, так и жалостного башкирского суеверия (Лепехин, Дневн. зап., 2); Ни язык мой, ни перо мое *не были* никогда *производителями* никакой сатиры (Держ., п. кн. Дашковой, 25 ноября 1783); Но сей корчмарь *был*, конечно, либо подкуплен, либо и сам еще *сообщником* (Болот., 1, 27); Не оставила без подозрения и деда моего, хотя он и *не был ни доносителем, ни свидетелем* (Добрынин, Зап., IV).

б е д и к. Предикативное употребление имени существительного в мемуарной литературе второй пол. XVIII в. «Наукові зап. Кам'янець-Подільського пед. ін-ту», т. XI, серія іст.-філол., 1962.

Менее регулярным было употребление в составе сказуемого, обозначавшего непостоянное состояние, временную функцию субъекта, имени существительного с отвлеченным значением.

[Гамлет] Отец! любовница! о имена драгие! Вы *были счастьем* мне во времена другие (Сумарок., Гамлет, III, 7); Мнение его *не было* для меня *новизною* (Добрынин, Зап., XL); Если что *было* мне в моей старости *отрадою и утешением,* то все уже с нею умерло (Там же, XXIV).

3) Что мне беззнатный род *препятством не был,* Чтоб внесть в Италию стихи эольски (Лом., Я знак бессмертия себе воздвигнул); Что ж *было* тому *причиной,* я не знаю (Николев, Розана и Любим, Объяснение); Но нетерпеливость... Карпова *была* тому *помешательством* (Рычков, Опыт Каз. ист., VII); Я по нем *был порукою* (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Он *пособием был* в насыщении сладострастия своего начальника (Там же).

С той же степенью последовательности употреблялся в сказуемом при связке *был* именит. падеж при следующих условиях: 1) при определении субъекта по его неотъемлемому, неизменному признаку — с существительными — названиями лиц по национальной принадлежности, по отношениям родства, по вероисповеданию, сословной принадлежности, по роду постоянной деятельности, а также с существительными — именами собственными; 2) при определении субъекта по его внутренним свойствам, качествам, чертам характера — с существительными оценочно-характеризующих значений и с сочетаниями типа *бедный человек, знатная особа, умная женщина* и т. п.; 3) при определении субъекта по признаку, который в контексте данного сообщения открывается в субъекте как главный, характернейший, что практически ведет к установлению между субъектом и предикатом отношений тождества.

1) Хоть *не был* он *француз* и *не был* также *грек,* Он *русский был,* но был прекрасный человек (В. Майк., Елисей, 2); Сей Едигер *был сын* астраханского царя Казыма (Рычков, Опыт Каз. ист., X); [Скотинин] Ведь и давича *был* я тот же *Скотинин* (Фонв., Недоросль, IV, 7); Петр III *был* внутренне *лютеранин* (Щербат., Статистика, VI); Двое господ Голубцовых, которые *были дети* одного сенатского секретаря (Болот., 1, 11); Каиб *был один из восточных государей* (Крыл., Каиб); Пожелтелый мундир, замасленные на обшлагах три лыка, смелый его и горделивый вид заставляли догадываться, что сей сержант *был фельдфебель* (Изм., Евгений, 4, V); Отец его *был* честный *типографщик* (Там же, 1, IV).

2) Ир *был человек бедный* (Лом., Росс. грам., § 516); А Не́рон всем *была* известная *скотина,* Он матерью своей ругался и отцом (В. Майк., Нерону острый ответ дворянина);

Но тот, о коем я хочу сказать теперь, Ни образом своим, ни нравом *не был зверь* (Богд., Душенька, 1); Писец, Хоть *был хитрец*, Хоть *был мудрец*, Умел и лепетать, бормочут как в Париже, Да ростом ниже (Трутень, 1769, XI, Сказка [А. О. Аблесимова]); Он *был человек добродетельный* и истинный *христианин* (Фонв., Чистосерд. призн., Вступл.); Молодая моя супруга *была набитая дура* (Фонв., Друг честн. людей, Наставл. дяди своему племяннику); Она *была* хотя обветшалая, однако *щеголиха* (Чулк., Пересмешн., 1); Архиерей Тихон Якубовский *был*, по своему сану, *особа важная* (Добрынин, Зап., VII); Воевода *был не дурак* (Там же, XXIV); Она *была старуха добрая; старуха богомольная, старуха честная*; *старуха большая*; *старуха толстая* (Болот., 1, 4); Что касается до ее мужа, то *был* он *наипростейший старичок* и *сущая курочка* (Там же, 1, 15); Жена его *была старушка самая шлюшечка и человек препростой* (Там же, 1, 15); Из сего изволите увидеть, *не плут ли* староста покойный *был* (Держ., п. Ф. И. Васильеву, апр. 1786); Здраво мыслил, но *был ласкатель* (Храповицк., Дневн., 4 апр. 1788); Выучился есть устрицы и *был* до них *великий охотник* (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Покойник *был дурак*! (Крыл., Вельможа); Кот этот *был злодей* (Изм., Черн. кот).

3) [Ростислав] И все то *был один обман!* (Сумарок., Семира, II, 2); [Граф и Добровидов] Отец твой нам истинный *друг был* (Кропот., Фомушка, II, 4); Кто *был* в трудах неутомленный, Прямой *отечества отец*? (Держ., Монумент Петра Великого); Ты бедных *был благотворитель*, И вечных насладися благ; *Ты просвещенья был любитель*, И божества сияй в лучах (Держ., Урна); Сей слух *был клевета* (Фонв., Чистосерд. призн., 2); Сочинения мои *были острые ругательства* (Там же, 2); Был в области своей *порядка насадитель, Художеств и наук был друг и покровитель* (Фонв., Лисица — кознодей); Мой отец Корнилий *был* для Глухова *живой* своих времен *исторический архив* (Добрынин, Зап., XXVI); Все подьячие *были* ему *друзья и братья* (Болот., 1, 16); Неужели веселости, тобою вкушенные, *были сон и мечта*? (Радищ., Путеш., Выезд); Болезнь его *была* сильная *лихорадка* (В. Я. Колокольников, п. И. В. Лопухину, 17 июня 1791); Слова их совершенная *была ложь* (Лепехин, Дневн. зап., 2); [Сумбуров] Отец его *был* мне хороший *приятель* (Крыл., Модн. лавка, II, 4); Беспутства *был* он *образец* (Крыл., Стыдливый игрок); Он в красноречии Платона *был наследник* (Крыл., Прихожанин); Маленький Милов *был* живой *портрет* большого (Изм., Бедн. Маша, 2); Между современников своих *был* он горящее *светило* (Клушин, Несч. М-в).

Таковы были основные линии соотносительного употребления творит. и именит. предикативного при *был* во второй половине и в

конце XVIII в. Но полной последовательности в выборе той или другой формы в это время уже не было. При явных показателях активизации творительного мы в это время все же нередко встречаем именительный там, где, в соответствии с описанными выше тенденциями, ожидали бы встретить творительный. Такое употребление находит отражение, главным образом, в памятниках, связанных с нормами высокого стиля (трагедия, ода, риторическая, философская проза, афористическая речь, государственные бумаги); однако оно отмечается и в мемуарах, письмах, в деловой речи, в поэзии и художественной прозе.

Так, именительный при *был* в это время еще мог сохраняться при определении субъекта по временному пребыванию в должности, чине, звании и т. п. (а); по непостоянному состоянию, временной функции (б); по его отношению к чему-либо — с существительным, в своем лексическом значении несущим указание на такое отношение (в).

а) В царствование великого императора Петра Алексеевича он употреблен был в разные и нужные посылки и *был* его величества *генерал-адъютант* (Нащокин, Зап.); В 1762 году *был* я уже *сержант гвардии* (Фонв., Чистосердечн. призн., 2); Тогда на Черном море заводился корабельный коронной флот, а *подрядчик* на поставку корабельных лесов *был* орловской купец Фурсов (Добрынин, Зап., XLII); Тогда *был* ты жив, *царь*, всесилен. Но днесь... (Радищ., Письмо к другу).

б) [Х о р е в] И ты пять лет мне сам *свидетель был* вседневно, Страшился ль я когда врагов во время гневно? (Сумарок., Хорев, II, 2); Деревянный конь *был инструмент и способ* ко взятию города Трои (Лом., Кратк. руководство к риторике, § 19); в озлословлении самых тех, которые истинные *были* тому *созидатели* (П. И. Панин, п. Фонвизину, 12 янв. 1772); Невидимый Зефир, воздушный Нимф носитель, Который *был* ее *спутник и хранитель* (Богд., Душенька, 2); Секретарь Б. меня обманул. Он слишком много воспользовался, а я только *был* на него *работник* (Добрынин, Зап., XLIV); Любопытное для меня *зрелище* тут *было* трепание и приуготовление льна на продажу (Болот., 1, 20); ...найтить того города жителей, кто первые *были начальники и уговорители* народа к выходу на встречу злодеям со крестами и со звоном (А. Бибиков, п. Державину, 29 дек. 1773); Следовательно, они или своею изменническою волею, или обольщением, но уже *были враги и злодеи* отечества (Держ., п. А. Бибикову, 5—6 янв. 1774); Известно, что вора и злодея Пугачева *гнездо* прежде произведения его злодейства *были* селения раскольнические на Иргизе (Тайное наставление... Держ., 6 марта 1774); В печали и унынии вы *были сопутники* (Радищ., Дневн. одн. недели).

в) Сие *была причина* его гонения (Держ., п. И. В. Гудовичу, 6 июля 1786); Ибо сие и *была причина* строгого нашего содержания под стражею (Радищ., Житие Уш.); Ты знаешь, сердечный друг, что точность *была одно из* первейших наших *условий* (А. М. Кутузов, п. И. В. Лопухину, 14/25 февр. 1791).

Следует однако подчеркнуть, что во второй половине XVIII в. подобное употребление уже не соответствовало общей тенденции развития соотносительного функционирования именит. и творит. предикативного при *был,* находилось в противоречии с этой тенденцией.

Напротив, в соответствии с общей тенденцией активизации творит. предикативного находится его употребление там, где во второй половине XVIII в. более обычен был именит. падеж. Это наблюдается в двух случаях: во-первых, при определении субъекта по признаку, в данной речевой ситуации открываемому в субъекте как главенствующий, т. е. при «наложении» признаков и установлении отношений тождества; особенно явно это ощущается при лексическом совпадении подлежащего и сказуемого (а); во-вторых (реже), при определении субъекта по его внутренним качествам, свойствам (б). И в том, и в другом случае творит. падеж не выполнял никаких особых стилистических функций.

а) И тако сей закон *был* им *выгодою,* а *не наказанием* (Щербат., Статистика, V); Знаки военного достоинства не храбрости *были уделом*, но подлого раболепия (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Слезы сии *были* более *слезами* удовольствия (Болот., 1, 24); Дубовицкий храм *был храмом* нашего благоговения и поклонения (Добрынин, Зап., XXIX); Благопочитание, честность и добродетели... *были* в глазах его *химерою, свойствами,* приличными одним простолюдинам (Изм., Евгений, 1, IX).

б) Брат мой *был* чрезвычайным *охотником* до сего катанья (Болот., 1, 22).

Что касается адъективных сказуемых, то во второй половине XVIII в. именит. падеж здесь продолжает господствовать. Творительный употребляется еще редко и почти исключительно в предложениях, содержащих указание на время проявления признака, на его отнесенность к конкретной ситуации.

Была она только тогда *трезвою*, когда вставала поутру с постели (Чулк., Пригож. повариха); Он уже тогда ко мне *не был*, так как прежде, благосклонен, а к стоящему вместе со мною зятю его... весьма *ненавистным* (Шаховск., Зап., 1); ...нести еще службу капральскую, к которой я нимало еще *не был способным* (Болот., 1, 13); Она в превеликой горести и печали своей не внимала никаким представлениям и *была* совершенно *неутешною* (Там же, 1, 16); Сие мгновение *было* для меня *небесным* (Клушин, Несч. М-в).

Крайне редким было в то время употребление творительного в адъективном сказуемом для обозначения признака постоянного, вне отнесенности к определенному моменту или периоду времени.

Хоть *был бессильным, слабым, тощим,* Но он низверг Приамов град И подвиг совершил Данаев (Держ., Первая песнь Пиндара).

§ 21. Как уже было сказано выше, Карамзин оказал большое влияние на дальнейшее распространение творит. предикативного в русском литературном языке. Он применяет эту конструкцию последовательно, постоянно. Везде, где по описанным выше условиям предпочитался творит. падеж, Карамзин пользуется именно им. Соответственно именительный употребляется им ограниченно, в тех случаях, когда он был общеязыковой нормой, т. е. при двух условиях: во-первых, при характеристике субъекта по неизменному, неотъемлемому признаку — по национальной, сословной принадлежности, по постоянным отношениям родства, по постоянной деятельности и т. п. (Эта девица *была дочь* Г. Гейдеггера. П. р. п., Цирих, 1789; Отец Лизин *был* довольно зажиточный *поселянин.* Бедн. Лиза; Древние жители островов Рюгена и Борнгольма *были славяне.* О-в Борнгольм); во-вторых, при характеристике субъекта по его внутренним свойствам, качествам, чертам характера — с существительными и сочетаниями слов оценочно-характеризующих значений (Вольтер, говорит он, *был человек умный.* П. р. п., Женева, ноября 1, 1789; Они *были* подлинно *красавицы.* П. р. п., Виндзор, Лондон, июля... 1790; Генрих IV *был царь мудрый и благодетельный.* Похв. слово Екат. II, III). При обозначении временной функции или непостоянного состояния субъекта именит. падеж у Карамзина встречается в единичных случаях и (за исключением сказуемых со словом *свидетель*) преимущественно в стихах (Когда нам жизнь *была не* тягостное *бремя,* Но радостный *восторг.* На разлуку с П ***; Он с честью был *министр,* со славою *поэт.* Стихи к портрету И. И. Дмитриева).

Активизация творительного под пером Карамзина ярко проявилась в тех предложениях, в которых признак как бы отвлекается от субъекта как существеннейший, в плане данного сообщения главенствующий, никаким другим признакам не соподчиненный и таким образом определяющий субъект с той стороны, которая в данном сообщении одна важна и нужна для его характеристики. В таких предложениях, устанавливающих между субъектом и предикатом отношения тождества (ср.: *сей слух был клевета — сей слух есть клевета*), во второй половине XVIII в. устойчиво сохранялся именит. падеж. У Карамзина он здесь не исключен, но очень редок и отмечается преимущественно в стилистически окрашенных, высоких контекстах. Вот некоторые примеры:

Чувства его *были — пламя* (П. р. п., Женева, ноября... 1789); По гипотезе ученых берлинцев, он *был орудие* тайных

иезуитов (Там же, Лейпциг, 19 июля 1789); Ты *был* мне *образ* божества (Раиса); Петр Первый *был* всему *начало* (Ода на случай присяги); Сын Фебов *был* всегда *хранитель* алтарей (Протей); Но предки мои *были друзья* Вадимовы (Марфа Посадн., 1); Он молился во глубине души своей..., и молитва его *была — благодарность!* (Рыц. нашего вр., 7); Их *стихия была* слава (Похв. слово Екат. II, 1).

В языке Карамзина в предложениях такого значения именит. падеж явно уступает место творительному. Если предложения с именительным в его поэзии, художественной прозе и журналистике здесь единичны, то предложения с творительным исчисляются многими десятками, причем чем более зрелым становится творчество Карамзина, тем последовательнее он вводит здесь творительный и избегает именительного.

[Портрет] маркизы де Шатле, которая *была* ему *другом,* и *более нежели другом* (П. р. п., Женева, 2 окт. 1789); Сердце человеческое *было* для него *не совсем тарабарскою грамотою* (Прекрасн. царевна и щастл. карла); Сия наружность *была* в глазах ее *образом* прекрасной души (Там же); Великий Александр, земли завоеватель, Для современников *был* также *образцом* (К Шекспирову подражателю); Ломоносов *был* первым *образователем* нашего языка (Пантеон росс. авторов); Сатиры его *были* первым *опытом* русского остроумия и слога (Там же); Он любил побежденных неприятелей, ибо они *были* живыми его *трофеями* (Там же, 1); Сие минутное, щастливое забвение было последним *благодеянием* судьбы для новогородцев (Марфа Посадн., 3); Вы *были радостью* семейства (Освобожд. Евр.).

Показательна активизация такого употребления в предложениях с лексически совпадающими подлежащим и сказуемым.

И всякое его движение *было* для нее движением радости (Юлия); Минуты учения *были* для него *минутами* наслаждения (Рыц. нашего вр., 12).

В результате распространения творительного на месте именительного в таких предложениях происходит как бы внутреннее смещение смысла: вместо определения субъекта по характерному признаку осуществляется определение его по функции.

Карамзин раздвигает границы употребления творительного и в другом направлении: эта форма нередко используется у него при характеристике субъекта по внутренним качествам, т. е. со словами и сочетаниями, несущими в себе качественно-характеризующее, оценочное значение.

Он был редким человеком (у нас в России) по деятельности ума своего и страстной охоте к историческим наукам (Пантеон росс. авторов); Он *был нежным отцом и супругом* (Историч. воспом.).

Если принять во внимание, что вместе с тем Карамзин проявв-

ляет исключительную последовательность в употреблении творит. предикативного везде, где эта форма во второй половине XVIII в. уже закрепилась, т. е. при определении субъекта по непостоянному, временному состоянию (Франция *была* тогда *театром* междоусобной *войны*. П. р. п., Женева, 1790; Я *был* некогда *секретарем* у графа NN. Великий муж русск. грамматики), по эпизодической функции (Я *был слушателем* в беседе цирихских ученых. П. р. п., Цирих, 1789), а также по отношению к чему-либо (Разделение государства *было виною* бедствий его. Марфа Посадн., 1), то еще раз подтвердится тот тезис, что языковая практика Карамзина сыграла очень большую роль в укреплении и развитии творит. предикативного в русском литературном языке его эпохи.

В системе адъективных сказуемых с *был* карамзинское употребление остается в рамках действовавших во второй половине XVIII в. тенденций: именит. падеж (краткая форма) здесь явно преобладает. По подсчетам О. В. Патоковой, количественное соотношение здесь было 100 к 6[67]. Однако показательно, что в языковой практике Карамзина становится более свободным употребление творительного для обозначения признака постоянного, не отнесенного к какому-либо определенному временному моменту.

Лиза в городе жила, Но *невинною была* (Выбор жениха); Стоял за Русь, за прах отцов И *был* без гордости *счастливым* (Освобожд. Евр.); Имел чувствительное сердце, *был* философом и *набожным* (Белая магия или Полезный шарлатан [Перевод]).

§ 22. В послекарамзинскую эпоху основные линии соотносительного употребления именит. и творит. предикативного сохраняются. Никакого «беспорядочного смешения» этих двух предикативных падежей в первой половине XIX в. не происходит. Основной ареной борьбы изучаемых форм в этот период оказывается очень определенный круг сказуемых: те, в которых признак мыслится как «не соподчиненный» другим, такой, который в плане данного сообщения один отыскивается в субъекте и выдвигается из ряда других, в данный момент из сознания говорящего вообще исключенных, «отодвинутых». Для языка второй половины XVIII в. здесь характерен именит. падеж (см. § 20). Однако, поскольку названный семантический признак был относительно неустойчив (значение несоподчиненного состояния могло легко переходить в значение непостоянной функции), постольку именительный и творительный именно здесь оказывались легче всего взаимозаменяемы. Движения и смещения, активно развивавшиеся в языке Карамзина, в послекарамзинскую эпоху расширяются и распространяются. Творительный оказывается в этой области категорией чрезвычайно активной; именительный постепенно отступает.

---

[67] См.: О. В. Патокова. К истории развития творит. предикативного в русск. лит. языке, стр. 20.

Стилистические критерии, сферы преимущественного употребления той или другой формы установить трудно. С одной стороны, несомненно, что именительный устойчивее держится там, где сильны старые традиции, куда труднее проникает новое; но в языке писателей к этому присоединяется не всегда поддающийся объяснению фактор излюбленности, индивидуального вкуса; сочетание этих разнохарактерных моментов делает картину соотносительного употребления именительного и творительного в сказуемых описанного выше значения очень пестрой и противоречивой. Поэтому предлагаемые ниже наблюдения над преимущественным употреблением той или другой формы представляют собой изложение самых общих впечатлений, но никак не точных выводов.

Так, мы часто встречаем творит. падеж в журнальной прозе, в языке таких живо откликавшихся на все новое авторов, как И. Дмитриев, Вяземский, Жихарев, Марлинский, Погорельский и др.

Обнаруживается..., что первый ребенок *был плодом* их любви (Жих., Зап. совр., I, 28 ноября 1805); Ваш мир *был храмом* всех богов (Тютчев, А. Н. М.); Италия *была средоточием,* из коего лучи просвещения распространились во все области (ЖДНП, 1823, май); Голова его *была хранилищем* запаса сравнений, уподоблений, сентенций (И. Дм., Взгл. на мою жизнь 2,5); Тридцатилетняя война *была* последним судорожным *напряжением* рыцарского духа (Телеск., 1831, № 1); Этот миг изумления и раздумья *был мигом* его погибели (Марл., Ам.-Бек, IV); Этот сад *был сборным местом* всего Петербурга (Лажечн., Лед. дом, 1, 3); Лира Ломоносова *была отголоском* полтавских пушек (Вяземск., Фонвизин, I).

Творит. падеж в подобных случаях начинает уже осознаваться как норма. Характерно замечание «Телескопа» по поводу Пушкинского *быв приятель*[68]. *«Быв приятель покойному родителю* нельзя сказать, а должно: *быв приятелем»* (Телеск., 1831, № 21).

Именит. падеж в таких сказуемых преобладает в поэтическом языке Востокова, Рылеева, Кюхельбекера, В. Раевского, Языкова, в письмах Жуковского, у раннего Гоголя, в прозе Одоевского, Павлова, Шевырева и др.

Веселость чистая *была* его *стихия* (Вост., Тленность); *Первое* мое *движение* по какому-то верному предчувствию *была* радость (Жуковск., п. А. П. Киреевской, июль 1817); Уж много лет прошло в изгнанье. В глухой и дикой стороне *Спасение и упованье Была* святая вера мне (Рыл., Войнаровск., 2);

---

[68] *«Быв приятель* покойному родителю Ивана Петровича, я почитал долгом предлагать и сыну свои советы» (Пов. Белкина, От издателя). Ср.: Не потому ли, что, *будучи начальник,* не хочу носить одинакое платье с подчиненными своими офицерами (Головн., Зап., I).

Содержание его *было:* изящная проза и стихи (Моск. телеграф, 1825, № 3); *Намерение* общества *было* введение в государство конституции (Показания П. И. Пестеля); Видимые ваши *занятия были* фрунт, солдаты (П. Г. Каховск., п. Ник. I); Эта страсть ... *была,* кажется, единственное *окошко,* через которое душа его заглядывала в мир поэтический (В. Одоевск., Русск. ночи, 3); Любовь *была* мне *жизнь* и кончится только с жизнью! (Марл., Страшн. гадание); Моя преданность к герцогу *была* только *личина* (Лажечн., Лед. дом, 4, 6); Каждый день *был* для меня *и горе и радость* (Н. Павл., Именины); Я видел, что все важные вопросы *были одна забава* (Н. Павл., Маскарад, II); Дары поэзии святой! Ужель вы *были сновиденье?* (Языков, Элегия); И голос ее *был вопль* отчаяния, *звуки* страдания невыносимого (И. Панаев, Дочь чиновн. человека, VIII, Отеч. зап., 1839, т. III); *Основа* нашей связи *была* духовная родственность (Белинск., п. М. А. Бакунину, 20 февр. 1840); Взглянуть на эти знакомые места... *было* истинное *наслаждение* (И. Пущин, п. Е. А. Энгельгардту, 25 янв. 1840); Все, что ни говорила она далее, *было повторение* почти одного и того же (Гоголь, М. д., 1, IX); Ее голос и вид *были* громкий *протест* (Герц., Сорока-воровка).

Естественно, что преимущественное употребление той или другой формы в языке писателя или в каком-либо специальном жанре (публицистика, официальные бумаги и т. п.) не исключает употребления здесь же и другой формы; напротив, такое параллельное употребление предполагается, так как формы эти сосуществовали активно и начинали свободно употребляться рядом, без какой-либо внутренней мотивировки. Поэтому то, что сказано выше о сферах преимущественного употребления той и другой формы, есть лишь характеристика некоторых и притом самых общих тенденций.

Как уже отмечено, в выборе той или другой конструкции большую роль играл индивидуальный вкус. Этот момент излюбленности, личного пристрастия делает анализ соотносительного употребления именительного и творительного в сказуемом еще более затруднительным. Так, например, в прозе Нарежного явное и несомненное предпочтение отдается именит. падежу.

На сей раз замечание князя Чистякова *было одно из правильных замечаний* (Росс. Жилбл., 1, XII); Вздохи ее и колебание груди *были не следствие* горести сердечной, как прежде, а кроткого упоения любви и надежды (Там же, 1, VIII); Хотя она и подпала заблуждению, но оно *было* больше *плод* разгоряченного воображения, нежели истинной страсти (Там же, 2, VIII); Но их непринужденность, их слезы...— *были обман и притворство!* (Там же, 3, XII).

Творительный в сказуемых такого значения встречается у Нарежного значительно реже.

То же нужно сказать — по отношению к более позднему периоду — о ранней прозе Лермонтова, который в сказуемых со значением несоподчиненного признака пользуется творительным очень ограниченно, а именительным — свободно.

Их одежды *были изображения* их душ: черные, изорванные ((Вадим), I); В год, описываемый мною, каждая жизнь *была роман* (Там же, XI); Он *был враждебный гений* этого дома (Там же, VI); Их радость *была исступление* (Там же, XV); Этот взор *был* остановившаяся *молния* (Там же, II); Белый султан и красивый кавалерийский мундир *были* по-видимому *явление* необыкновенное на четвертом этаже (Кн. Л., VII); Понятия же этого общества *были* такая *путаница*, которую я не берусь объяснить (Там же, VI).

С другой стороны, такой писатель, как С. Глинка, в своих «Записках о Москве» (1837), выдержанных в риторическом, приподнятом тоне, предпочитает в подобных случаях творительный.

Супруг *был щитом* правоте и невинности; супруга его *была ангелом* благотворительности (гл. 1); Отдача Москвы *не была потерею* отечества (гл. 4); Двенадцатый год девятнадцатого столетия *был* живым и громким *уроком* в превратности жребия человеческого (гл. 6); Надежда,— сказал один писатель,— заем у судьбы. Наполеонов заем у судьбы *был займом* всемирного обладания (гл. 8).

Показательно, что там, где перед автором не стоят собственно писательские, художественные задачи, где вопросы специального языкового отбора не находятся в центре внимания пишущего, там наиболее полно отражается возможность безразличного употребления именительного и творительного в сказуемых со значением несоподчиненного признака. Именно такое употребление находим, например, в «Записках» капитана Рикорда о его плавании к японским берегам (1816 г.).

Ярким примером проявления индивидуального вкуса, личного «пристрастия» к той или другой форме может служить употребление именительного и творительного предикативного в языке Пушкина. Тонко чувствуя значения обеих конструкций, Пушкин в то же время там, где это было можно, явно отдает предпочтение именит. падежу.

В сказуемых, обозначающих несоподчиненный признак, у Пушкина одинаково часто встречаются обе формы: он последовательно сохраняет здесь именительный при *был* как равноправный и равнозначный с творительным.

Для старика *была закон* Ее младенческая воля (Бахч. фонт.); В гармонии *соперник* мой *Был* шум лесов, иль вихорь буйный (Разговор книгопродавца с поэтом); Он *был*, о море, твой *певец* (К морю); *Самый неприятный анекдот было* то, что сломались у меня колеса (п. П. А. Вяземскому, 9 ноября 1826); *Первые произв(едения)* Боратынского *были* элегии

(Стихотв. Евг. Борат.); Три клада В сей жизни *были* мне *отрада* (Полтава, 2); Поэмы Оссиановы *были* поддельные, новейшие *произведения* (Когда Макферсон...); И праздно мыслить *было* мне *отрада* (В начале жизни школу помню я); [М о ц а р т] Да! Бомарше ведь *был* тебе *приятель* (М. и С., II); Ненависть к нововведениям *была* отличительная *черта* его характера (Барышня-кр.); *Было* ли *зло* местничество? (О дворянстве); И молча обмененный взор Ему *был* общий *приговор* (Е. О., 8, XXIV); Беспокойное любопытство, более нежели жажда познаний, *была отличительная черта* ума его (Александр Радищев); Бунт их *был заблуждение,* мгновенное *пьянство,* а *не изъявление* их негодования (К. д., Пропущенная глава).

И пламень роковой За дерзкий взор мне *был наградой* (Руслан и Людмила, 1); Но голос твой мне *был отрадой* (Ф. Н. Глинке); Науки точные *были* всегда главным и любимым его *занятием* (О предисловии г. Лемонте...); Слог восточный *был* для меня *образцом* (п. П. А. Вяземскому, 1825); [С а м о з в а н е ц] Ты мне *была* единственной *святыней* (Б. Г., Ночь. Сад. Фонтан); Был привязан к человеку, коего жизнь *была загадкою* (Выстрел, I); Представил он мирное успение праведницы, которой долгие годы *были* тихим, умилительным *приготовлением* к христианской кончине (Пик. дама, V); Лизавета Ивановна *была* домашней *мученицею* (Так же, II); Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам *был первым нашим университетом* (Путеш. из М. в Пб.); Инквиз(иция) *была потребностию века* (Там же, (Торжок), Черн. ред.); Первыми его *опытами* в стихотворстве *были* подражания Горацию (Дельвиг); Та, которая разговаривала у дверей с г. А(брамовичем), *была,* вероятно, *повелительницею* харема, *сокровищницею сердец* (Путеш. в Арзр., 5); Главною его *слабостию была* страсть к прекрасному полу (К. д,. I).

Выбирая ту или другую форму в сказуемом со значением несоподчиненного признака, Пушкин иногда сознательно заменяет творительный именительным:

Окончательная редакция	Первоначальный вариант
Благороднейшее изо всех приобретений человека *было* сие животное гордое, пылкое... О прозе (1822)	*Благороднейшим из всех завоеваний* человека *было* сие животное...

С другой стороны, есть случаи и обратной замены:

Невинные странности москвичей *были признаком* их независимости. Путеш. из М. в Пб., Москва (1834—35)	Невинные странности москвичей *были* также *признак* их *независимости.*

Формы эти были для Пушкина равнозначны и взаимозаменяемы: рядом, иногда в одном и том же контексте, в сказуемых одинакового значения находим и ту и другую:

[Стихотворец] Мне *богом было* — «я», любви *предметом* — «я» В «я» заключалися и братья и друзья, Лишь «я» *был* мой *и царь и демон обладатель;* И что всего тошней, лишь «я» *был* мой *читатель* (Исповедь бедн. стихотворца); [Герцог] Он *был друг* деду моему (Ск. рыц., III); [Герцог] Вы деду *были другом* (Там же).

Широко применяя именительный при *был,* Пушкин очень часто использует его для обозначения признака как временного, непостоянного состояния или эпизодической функции. Случаи такого употребления многочисленны. Приведем лишь некоторые примеры.

[Стихотворец] Отец, я бедный однодворец, Сперва *подьячий был*, а ныне стихотворец (Исповедь бедн. стихотворца); Спачала *были* мы *друзья*, Но скука, случай, муж ревнивый... (Кокетке); [Дон Гуан] Так, разврата Я долго *был* покорный *ученик* (К. гость, IV); В то время *был* еще *жених* Ее супруг (Е. О., 2, XXX); Красавицы не долго *были Предмет* его привычных дум (Е. О., 1, XXXVII); Было время, литература *была* благородное, аристократическое *поприще* (п. М. П. Погодину, около 7 апр. 1834); Чет⟨ыре⟩ брата Орловы... *были* до 1762 году бедные *гв⟨ардейские⟩ офицеры* (Ист. Пугач., Черн. редакция); Торжок *был* в то время *деревушка* (Table talk, ⟨XLIX⟩); Когда наш круг судьбы соединили, Чему, чему *свидетели* мы *были!* (Была пора: наш праздник молодой...).

Однако творительный в таких случаях, по-видимому, осознавался Пушкиным как форма более современная и, может быть, более простая, более близкая к разговорной речи. Показательны замены:

Окончательная редакция	Черновая редакция
Некогда Москва *была сборным местом* для всего русского дворянства. Москва (1834—35)	Нек⟨огда⟩ Москва *была место,* где соединялось русское дворянство.
Он в первой юности своей *Был жертвой* бурных заблуждений И необузданных страстей. Е. О., 4, IX	Он в бурной юности своей *Был жертва* долгих забл⟨уждений⟩...

§ 23. Итак, основным и определяющим процессом в развитии соотношения именительного и творительного при *был* в первой половине XIX в. было активное взаимодействие этих двух форм в сказуемых со значением несоподчиненного признака — при явных показателях резкой активизации конструкций с творительным.

В середине и второй половине XIX в. в таких сказуемых продолжается начавшийся с конца XVIII в. процесс развития недифференцированного употребления двух падежных форм. Смысловые различия между ними в сказуемом со значением несоподчиненного признака, и всегда бывшие очень слабыми и неустойчивыми, окончательно стираются: в сказуемом с таким значением именительный и творительный при *был* становятся синтаксическими дублетами. Этот тезис подтверждается анализом большого количества самых разнообразных текстов второй половины XIX в., относящихся к художественной литературе, публицистике, деловой речи, переписке и т. д.

Существование двух дублетных, равнозначных форм, возможность их безразличного употребления, естественно, предполагает возобладание одной и ограничение, постепенное исчезновение другой. Такой ограничивавшейся, сокращавшей употребительность формой был именит. падеж.

К концу века в сказуемом со значением несоподчиненного признака именит. падеж становится категорией, несущей окраску некоторой устарелости, а творительный приобретает права литературной нормы. С 40-х годов XIX в. он получает массовую употребительность. Вот некоторые примеры.

Малейшее чье-нибудь невнимание к мадаме *было уголовным преступлением* (Вельтм., Саломея, 4, 1); Эта мера ...*была* только *преддверием* к другим, более решительным (Т. Грановск., Историч. лит-ра во Франции и Герм., Совр., 1847, т. V); Кто мог подумать, что даже свидетельства веры народа *были* пустым *обманом,* его молитвы — *словами,* лишенными смысла? (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, № 12); Самолюбие *было двигателем* даже его внутренних побуждений (Л. Толст., Севаст. в авг. 1855 г., 1); Но эти слезы *были* только *тенью* того мученья, что чувствует теперь мое сердце (Писемск., Тыс. душ, 2, III); Бог, свет и человек *были* главнейшими *предметами* отвлеченных созерцаний (Пирогов, Вопросы жизни, Морск. сб., 1856, июль); Ж. Санд *была живым средоточием* всего своего соседства в Ноане (Герц., Б. и д., 4. XXX); Не зайти к Лопуховым четыре дня сряду *было делом необыкновенным* для Кирсанова (Черн., Что делать?, 3, XI); Меня быстрота увлекала, Она *была* лучшим *врачом* для меня (Некр., Русск. женщины, Кн. М. Н. Волконск., IV); Все эти господа *были предтечами* нынешних бюрократов (Сверб., Зап., I); Каждая из ее ролей *была* ее *торжеством* (Там же, I); Беседовать с ним *было* истинным *наслаждением* (Тург., Лит. и житейск. воспом., IV); В этом прелестном уголке, где для нас все *было отдыхом, радостью и весельем* (Корол., О Гл. Ив. Успенском, III); И вся затеянная им комедия упрямого отказа от предлагаемой власти *была* только *уловкой* (Ключевск., Курс. русск. ист., III, XLII).

Возобладав над именительным в сказуемых со значением несоподчиненного признака, творительный начинает распространяться и в сферу сказуемых с другими значениями. Этот процесс начался еще в конце XVIII в., но тогда случаи подобного употребления не были массовыми, они носили эпизодический характер (см. § 20). В языке Карамзина можно отметить несколько случаев употребления творительного при *был* для обозначения постоянного, неотъемлемого признака (он *был редким человеком*, он *был нежным отцом и супругом*; см. § 21). Позднее такое употребление начинает постепенно распространяться. Творительный при *был* становится возможен для обозначения не только временной функции или несоподчиненного признака, но также и для обозначения признака неотъемлемого, постоянного: при определении субъекта, во-первых, по сословной принадлежности, по отношениям ближайшего родства, постоянной деятельности или постоянному состоянию (а), во-вторых, по постоянным внутренним свойствам, качествам, чертам характера — с существительными и сочетаниями оценочно-характеризующих значений (б). До 40—50-х годов XIX в. творительный здесь еще редок. Но во второй половине XIX в. такое употребление учащается и к концу века становится все более обычным.

а) Ганнибалы, Сципионы и Кесари *были полководцами*, но никто из них *не был поэтом, оратором и полководцем* вместе (Атеней, 1828, № 23); И в мыслях таких побрел он за телом, как будто Сам *был роднею* покойнику (Жуковск., [Каннитферштан]); Отец Джона Теннера, выходец из Виргинии, *был священником* (Пушк., Джон Теннер) [69]; Отец мой *был диаконом* (Герц., Докт. Круп., I); Мой герой (вы, может, и не подозреваете этого) *был конно-егерским офицером* (Герц., Долг прежде всего, Вместо продолжения); Батюшка *был управителем* огромного имения князя П-го (Дост., Бедн. люди, июня 1, I); Двери их были открыты всякому, кто мог выдержать экзамен и *не был ни крепостным, ни крестьянином* (Герц., Б. и д., 1, VI); По безумным блуждая дорогам, Нам безумец открыл Новый свет; Нам безумец дал Новый завет — Ибо этот безумец *был богом* (Курочк., Безумцы ⟨1862⟩); Родной мой дед по матери, Василий Иванович Обрезков, *был двоюродным братом* дипломата-узника (Сверб., Зап., I); Брат его *был актером и любимцем* московской *публики* (Там же, I); Плясал вкруг ковчега Давид, Но *был и царем, и пророком* (Д. Минаев,

[69] Показательно, что в других подобных случаях, по-видимому, под воздействием собственно лексического фактора, Пушкин отказывается от конструкции с творительным в пользу именительного:

Окончательная редакция	Черновая редакция
Он *был крестник* императрицы Елисаветы и умер в 1809 году. (Ист. Пугач. Замеч. о бунте, 1834).	*был крестником*

Смех); Надо сказать, что Строгий *был кумом* Вонифатия *и крестным отцом* Петра (Златовратск., Устои, 1, 3, I); По своей специальности Степан Иванович Клименков *был медиком* очень искусным (Бусл., Мои воспом.); Отец его *был фабрикантам* (Ленин, Фридрих Энгельс. Соч., т. 2, стр. 6); Боярство, аристократия породы, *было правящим классом* (Ключевск., Курс русск. ист., III, XLI) [70].

б) Она *была женщиною необыкновенной* по уму и сердцу (Пушк., Русск. Пелам, I); Я сам *был охотником до картинок* (С. Акс., Воспом., Гимназия, Период второй); Нет надобности доказывать, что наш подьячий старых времен *был хорошим семьянином* (Черн., «Губ. оч.» Щедрина); Этот подьячий и огромное большинство его товарищей вовсе *не были людьми дурными* (Там же); Андрюша *был фразером* (Помяловск., Андрей Федорыч Чебанов); Салтыков, одним словом, *был типом знатного и просвещенного русского* (Сверб., Зап., I); Хорошей ли работы она [бронзовая фигура] была или нет, и потому *дорогой* ли *вещью была или дешевой*, я никогда не интересовался знать (Черн., Воспом. об отнош. Тург. к Доброл.); Ни та, ни другая не были красавицами (Фет, Мои воспом., I, III); В душе он *был прирожденным музыкантом* (Там же, I, I) [71].

В то же время следует подчеркнуть, что в сказуемых со значением постоянного и неотъемлемого признака именит. падеж на протяжении всего изучаемого периода остается очень устойчив, и здесь нужно говорить не о вытеснении его творительным, а лишь о частичном проникновении творительного в исконную и постоянную сферу функционирования именительного. Активное и массовое проникновение творительного в эту сферу, по-видимому, началось позднее — уже в XX в.

§ 24. Интересное явление наблюдается в XIX в. в движении сказуемых, выраженных именит. падежом в сочетании с *был* и обозначающих временное пребывание в состоянии. На протяжении всего XIX в. такие сказуемые сохраняют относительную употребительность (ср. обычность таких конструкций

---

[70] Таким образом, утверждение, что в современном русском языке (понимая под современным языком и язык XIX в.) «названия по принадлежности к общественному классу» при связке *был* употребляются только в форме именит. падежа (см.: Н. А. Донец. Возможность употребления только именит. предикативного имени существительного в совр. русск. лит. языке, стр. 104), не отвечает действительному положению вещей.

[71] См. также: E. Haertel. Untersuchungen über Kasusanwendungen in der Sprache Turgenevs. «Archiv für slavische Philologie», 1912, Bd 34, H. 1—2, стр. 101: *великими людьми* этой эпохи *были*... См. материалы в работе: Н. А. Донец. Именит. и творит. предикативный имени существительного в совр. русск. языке, стр. 7—11; здесь примеры типа: Она *была интересной женщиной* (Тург.); Гришин *был неплохим парнем* (А. Толст.); Жена Хижняка *была мастером жизненных дел* (Коптяева).

в языке Пушкина); однако круг их частных значений явно сужается. В XVIII в. такие сказуемые могли обозначать как более или менее длительное пребывание в состоянии (*был* тогда *генерал; прежде* вы *были* с ним *друзья;* с детства он *был* мой *любимец; был* я тогда *веселый и добрый мальчик*), так и эпизодическую, случайную функцию (я *был победитель, свидетель, зачинщик* и т. п.) (см. § 20). В первой половине XIX в. у сказуемых с именительным сохраняются оба этих значения, причем значение эпизодической функции отмечается еще довольно регулярно.

[Чацкий] Пред кем я давиче так страстно и так низко *Был расточитель* нежных слов! (Гриб., Горе от у., IV, 14); Я пошел путем-дорогой, Вера *был вожатый* мой (Жуковск., Путешественник); Мы *были заговорщики* против вас (П. Г. Каховск, п. Ник. I); Польские *депутаты были* князь Яблоновский и Гродецкий (Показания П. И. Пестеля); И месяц *был* один *свидетель* молчаливый Последних и невинных радостей моих! (Лерм., К гению); *Сосед* его по левую руку *был* какой-то рыжий господин (Лерм., Кн. Л., VI); А мы, бедные пешеходы,— что же? Мы *были зрители,* а те *актеры* (Никитенко, Дневн., 2 мая 1839); А Чичиков приходил между тем в совершенное недоумение решить, которая из дам *была сочинительница* письма (Гоголь, М. д., 1, VIII); Первый *утешитель,* явившийся ей, *был* малютка Анатоль (Герц., Долг прежде всего, V).

Однако выражение эпизодической функции, так же, как и выражение отношения, уже в XVIII в. закреплялось за творительным при *был.* И во второй половине XIX в. именительный в таких сказуемых явно и резко идет на убыль и становится категорией стилистически окрашенной.

Именительный в сказуемых, обозначающих непостоянное, но более или менее длительное пребывание в состоянии (обозначение более или менее постоянных отношений между людьми, деятельности, рода занятий, должности (а), а также качественной характеристики (б)), на протяжении всего XIX в. устойчиво сохраняется: его поддерживали сказуемые аналогичного значения и лексического наполнения, обозначающие постоянный и неотъемлемый признак (ср. *он был генерал* и *он был тогда генерал, мы были с ним друзья* и *в то время мы были с ним друзья*). Лексическое содержание, значение хотя и непостоянного, но длительно присущего признака и наличие рядом аналогичных по содержанию конструкций со значением абсолютно постоянного и неотъемлемого признака, в которых именительный при *был* оставался хотя и нарушаемой, «расшатываемой», но все же нормой (см. § 23),— все это обеспечивало таким сказуемым на протяжении всего XIX в. устойчивую употребительность.

а) Мы с твоим барином *были приятели* (Лерм., Максим Максимыч); Он *был друг* невинных дней (Козлов, Обманутое

сердце); А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! *был* женат и *семьянин* (Гоголь, М. д., 1, VI); Через несколько месяцев он *был любимец* Дрейяка (Герц., Долг прежде всего, IV); Эти люди *были* тогда уже *литераторы* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Издавна *был* он мне в печали *друг и брат* (А. Толст., Усни, печальный друг); Мелхиседек *был* некогда простой *плотник* и отчаянный *раскольник* (Герц., Б. и д., 1, VI); Точно мужик, управляешь Плугом, а *был генерал*! (Некр., Дедушка, XII); [Маркиз Павлов] Милорд, вы *были враг* когда-то монополий? (Курочк., Лорд и маркиз); По наружности он и Лопухов *были* опять *друзья* (Черн., Что делать?, 3, XI); С той поры *хозяин* дома *был* сын его (Там же, 1, I); Он *был* тогда двадцатилетний красивый *полковник* гвардейской артиллерии (Сверб., Зап., I); Он уже *был кандидат* Московского университета и *магистрант* по истории (Бусл., Мои воспом.); А Мишка *был* в это время уже *хозяин, мужик,* обремененный горем и семьею (Бунин, Вести с родины).

б) Он уже *не был* такой *богач*, каким воображал себя (Бутк., Пб. вершины, 1, Порядочн. человек, VIII); До сих пор я *был баловень* жизни (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 20 янв. 1847); Государство Российское началось с творца его, Петра Великого, до появления которого *было* оно *младенец* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); А порядочные-таки мы *были* с тобой *ёрники* в свое время! (С.-Щ., Губ. оч., Талантл. натуры, Лузгин); *Московские львы* с 1825 года *были:* Пушкин, М. Орлов... (Герц., Б. и д., 4, XXVI); Карл Иванович через неделю *был свой человек* в дамском обществе нашего сада (Там же, 3, XXI); Запоем пил и *был буян,* Когда домой являлся пьян (Некр., Убогая и нарядная, 1); Некотда, во-первых, он *был* рьяный *«политик»* — и пострадал (Златовратск., Устои, 2, 3, I); А «Русская жизнь» *была* вначале *гадость* полнейшая (Корол., п. А. М. Пешкову, 4 июля 1895); Я в то время *был* еще *почти сумасшедший человек* от всех этих мултанских впечатлений (Корол., п. В. М. Соболевскому, 21 окт. 1895).

Творит. предикативный в адъективных сказуемых в XIX в. развивается очень медленно: процесс этот был осложнен и замедлен параллельным развитием предикативного функционирования полных форм прилагательных в именит. падеже (см. «Изменения в соотносительном употреблении полных и кратких форм прилагательных в составе сказуемого»). Однако движение творительного было здесь несомненно поступательным. После Карамзина он все свободнее начинает употребляться не только в сказуемом, обозначающем непостоянный, временный признак, как это было в XVIII в., но и в сказуемом, обозначающем признак постоянный, вне отнесения к какому-либо моменту или периоду времени.

Презревший свет, дух гордый мой Тебе *покорным был* (Козлов, Прости); Сии общества *не были* к нему *неблагодарными* (ЖДНП, 1823, май); И ревность прежняя моя *Была неправой и смешною* (Борат., Бал); Такое решение вопроса об уничтожении рабства *было* единственно *годным или возможным* (Петрашевск., Проект об освобожд. крестьян); Этот поцелуй *был первым и последним* (Тург., Фауст, IX); Для него все нескучные и непошлые люди *были прекрасными* (Герц, Б. и д., 5, XLIV); Говорят, что я *был* всегда *серьезным*, никогда сам по себе не играл (Завалиш., Зап. декабр., 1, I); Авторитет Герцена *был всемогущим* (Черн., Воспом. об отнош. Тург. к Доброл.); Сама же панихида... *была неказистой* (Чех., п. Н. А. Лейкину, 8 февр. 1887).

Грамматисты еще в начале XX в. относились к таким построениям настороженно. Так, В. И. Чернышев прямо указывал, что «оборотов с творительным необходимо избегать» [72].

Замедленность развития творительного в адъективных сказуемых — явление, характерное и для других славянских языков, например польского [73], словацкого [74]. Однако эта замедленность не означает отсутствия поступательного движения; к середине XX в. адъективные сказуемые с *был* в русском литературном языке стали достаточно активны [75].

Характеризуя развитие творительного с *был* в XIX в., О. В. Патокова писала: «До XVIII в. творительный с *был* только от существительных, обозначающих должность и т. п.; после, в то время, как с другими глагольными формами творительный охватывает беспорядочно, непоследовательно самые разнообразные существительные, независимо от общего значения предложения, в предложениях с *был* творительный расширяет область своего употребления последовательно, проникая только в те предложения, которые по общему своему значению ближе подходят к предложениям с дополнением. В предложения же, не удовлетворяющие этому условию, творительный предикативный и до сих пор не проник» [76]. Этот вывод нуждается в существенных уточнениях. Как было показано выше, движение творительного с *был* в XIX в. было очень сложным и далеко не таким последовательным, как можно было бы ожидать, если бы этот падеж в языке XIX в. сохранял свое объектное значение. Но это значение творительным при *был* в XIX в. было уже полностью утрачено, и развитие его определялось не значением формы собственно падежа, а значением сказуемого

---

[72] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 194.
[73] См.: Н. Х. Иванова. Указ. соч., стр. 12—13, 15.
[74] См. М. В. Симулик. Указ. соч., стр. 152.
[75] См. Ф. К. Гужва. Творит. предикативный прилагательных в русской советской художественной литературе. «Наукові записки Сумського пед. ін-ту», т. 6. Серія філол., вип. 2, 1956.
[76] О. В. Патокова. Указ. соч., стр. 35—36.

в целом. В одних случаях — в сказуемых со значением несоподчиненного признака — это развитие было последовательным и очень интенсивным; в сказуемых со значением постоянного и неотъемлемого признака оно было замедлено и осложнено действующими по нескольким линиям соотношениями с именительным. Понять процессы развития творительного вне его сложных и меняющихся соотношений с именительным невозможно, и нельзя изображать движение этих соотношений только как «победное шествие» творительного, как это делается в очень многих исследованиях.

Развитие соотношений именительного и творительного в сказуемых со связкой *буду* (*будешь* и т. д.), *будь*

§ 25. Тенденция развития соотношений типа *буду супруга — буду супругой* и *будь супруга — будь супругой* по своему характеру совпадали с тенденцией развития соотношений типа *была супруга — была супругой;* но в сказуемых с *буду* (*будешь* и т. д.) соотношения именительного и творительного были значительно проще, они не были осложнены теми многими добавочными факторами, о которых говорилось выше. Это объясняется, по-видимому, тем, что развитие творительного при связке в форме буд. вр. относится к более позднему периоду, чем развитие этой формы при *был,* и употребление сказуемых типа *буду супругой* до XVIII в. отмечается как явление редкое и нерегулярное. Поэтому соотношение двух предикативных падежей здесь не успело стать таким сложным и разветвленным, как это было при многозначной по своей природе связке *был.*

Во второй половине и в конце XVIII в. сказуемые в форме именительного и творительного при *буду* (*будешь* и т. д.) могли иметь три значения: во-первых, значение отнесенного в план будущего постоянного, устойчивого признака, предстоящего длительного пребывания в состоянии; во-вторых, значение будущего перехода в состояние, собственно становления этого состояния; в-третьих, значение непостоянной функции, недлительного пребывания в состоянии в плане будущего.

В сказуемых со значением предстоящего постоянного признака в плане будущего в XVIII в. абсолютно преобладал именит. падеж; в такие сказуемые входили чаще всего имена существительные или целые сочетания, называющие субъект по постоянному признаку, по роду длительной деятельности.

Он *будет* сих даров *бессмертный проповедник* (Лом., Поздравит. письмо Гр. Гр. Орлову); Правление его *будет правление тиранское* (Фонв., Рассужд. о истребившейся в России... формы гос. правл.); [Софья] Во всю жизнь мою ваша воля *будет* мой *закон* (Фонв., Недоросль, III, 2); [Советник] Вышед замуж, почитай свекровь свою; она *будет* тебе *и мать, и друг, и наставница* (Фонв., Бригадир, II, 1); Ты в мире

будешь бог любови И счастье наше обновишь (Держ., На шведский мир); Ах! зло под солнцем бесконечно, И люди *будут — люди* вечно (Карамз., Посл. к Дмитриеву); Друзья! Он *будет* наш *отец*; Он добр и любит россов нежно! (Карамз., Ода на случай присяги...); *Не будем* же вперед *такие дуры*, Чтоб почитать орлов знатнее нас (Крыл., Орел и куры); Но русский, воспитанный французом, всегда *будет больше француз, нежели русский* (Шишк., Рассужд.); Но Сумароков *будет* всегда *Сумароков* (Там же).

Значение будущего перехода в состояние, собственно возникновения состояния, становления признака выражалось именительным редко.

[Лукьян] Чрез час *будешь* ты моя *жена*, Анютушка будет моя (Княжн., Несч. от кареты, 1, I); Скажите, что любезен он — И страшный Мизогин вдруг *будет... Селадон*! (Карамз., Послание к женщинам).

Столь же редким для именительного было выражение будущей непостоянной функции, назначения, причем, как правило, такие сказуемые строились со словами или сочетаниями, заключающими в своих значениях элемент качественной характеристики или оценки, например:

Без сего *будем* мы *весьма худые изобретатели и вводители новостей* (Шишк., Рассужд.).

Таким образом, функционирование именительного при *буду* (*будешь* и т. п.) было ограничено в основном лишь первым из названных выше значений; соответственно намечались и ограничения в возможностях лексического наполнения модели.

Творительный при *буду* (*будешь* и т. д.) употреблялся преимущественно для обозначения собственно возникновения, становления признака, а также для обозначения недлительного пребывания в состоянии в плане будущего. Лексическое наполнение этой конструкции, получившей к концу XVIII в. широкую употребительность, было свободным.

В значении будущего перехода в состояние, возникновения, становления признака:

Уверяют, что сей проповедник *будет* за сию проповедь *епископом* (Фонв., п. сестре, апр. 1773); Сие приближение подает мне надежду, что в. п. *будете начальником* и в нашем краю (Н. И. Тимашев, п. Державину, 18 июня 1786); Самой мир сей истребится, *Пеплом будет* в некий день (Карамз., Щастье истинно хранится...); Да меня все обнадеживают, что в новый год верно *буду гвардейским прапорщиком* (Изм., Евгений, 4, V).

Характерно, что при отрицании обычен творительный, независимо от лексического значения существительного: в сказуемом отрицается возможность становления признака (*не буду* = «не стану»).

[Семира] *Не буду,* Ростислав, *супругой* я твоею (Сумарок., Семира, II, 2); Неужель теперь *не будешь* нежной *матерью* для них? (Карамз., Молитва о дожде); Сей человек никогда *не будет* мне *другом* (Карамз., П. р. п., Обонь, 1789).

В значении эпизодической функции, непостоянного пребывания в состоянии:

Пошла: куда? И кто с ней *будет провожатым*? (Богд., Душенька, 3); [Палемон] В надежде, что небо не оставит их и *будет* им *защитою* в опасностях (Карамз., Нат. боярск. дочь); *Не будет* оно *украшением* слога, а токмо одним модным словцом (Шишк., Рассужд.); Так *будем, будем* равнодушно Мы *зрительми* его чудес (Держ., Фонарь).

Сюда же относится обозначение признака по характеру отношения (с существительными типа *вина, причина, порука* и т. п.).

Ты *виною будешь*, если мать восплачет о сыне своем (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Он *причиною будет* возрождению истребленного в России зла, хвастовства древния породы (Там же, Тосна).

Описанное соотношение уже в конце XVIII в. нарушалось в пользу творит. падежа, который вторгался в область функционирования именительного, обозначая признак как предстоящее постоянное, длительное пребывание в состоянии [77]. Особенно активно это проникновение осуществляется в языке Карамзина.

Он *будет* мне *другом* всегда (Фонв., п. Ф. И. Фонвизиной, 22 февр. 1764); Отныне *будешь* ты Венериной *рабою* (Богд., Душенька, 3); Они о тебе оба *будут* теперь *попечителями* и тебя не оставят (Болот., 1, 12); [Вспышкин] Ты нам *будешь* всегда *приятелем* (Крыл., Пирог, I, 9); Москва *будет* всегда истинною *столицею* России (Карамз., Зап. о моск. достопамятностях); Оды его *будут* всегда *драгоценностью* российской Музы (Карамз., Пантеон росс. авторов).

§ 26. В языке XIX в. описанные соотношения сохраняются как основа дальнейшего развития.

В первые десятилетия продолжают оставаться редки и к середине XIX в. практически сходят на нет случаи употребления «*будет* + именит. падеж» в значении перехода в состояние, выявления («окажется», «сделается», «станет»).

Увидите, что еще до снега он *будет* у нас *гений* (И. Дм., п. А. И. Тургеневу, 18 июня 1820); Не губи меня, девица! А как *буду* я *царица*, Я пожалую тебя (Пушк., Ск. о мертв. ц.); Она вообразила себе, какой *удар* для нее *будет* известие о сватовстве Владимира (Погорельск., Монастырка, 1, VI).

---

[77] О возможности колебаний сказуемых типа *будет славный малый* и *будет славным малым* см. «Отеч. зап.», 1847, т. LIII, отд. VI, стр. 51—52 (рец. на «Начертание русского синтаксиса» П. Перевлесского).

В сказуемом такого значения в XIX в. закрепился творит. падеж. При этом, однако, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что граница между значением постоянного пребывания в состоянии и значением собственно перехода в состояние была и все время продолжала оставаться очень зыбкой и неустойчивой и объективных критериев для установления того или иного значения часто не существует. Поэтому уже сама форма именит. падежа часто ведет к пониманию будущего признака как постоянно присущего субъекту, хотя говорящий, может быть, и имеет в виду значение лишь собственно перехода, возникновения признака.

До 30—40-х годов XIX в. относительную употребительность сохраняют сказуемые с именительным для обозначения признака как непостоянной функции в плане будущего. Здесь обычно употребление таких существительных, как *жертва*, *спаситель*, *защита*, *награда*, *радость*, *искушение* и т. п.

«Игрок» будет выслан из Москвы в понедельник. Право, он *будет подарок* русскому театру (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 26 окт. 1816); И общая любовь мне *будет щит* От тайной сердца укоризны (Рыл., Борис Годунов); Вы *будете* благодетельный *спаситель* отечества от многих бедствий (А. И. Якубович, п. Ник. I); Мы *будем* верные и бесполезные *жертвы* (Из показаний К. Ф. Рылеева); Он мыслит: «*Буду* ей *спаситель*» (Пушк., Е. О., 6, XVII); И *будешь* ты *награда* Супругу лучшему (Пушк., Анджело, 3, VII); Сие молчание *будет* самый ужасный для меня *признак* (Гоголь, п. матери, 26 мая 1825); В чаду томительного сна мне радость *будет искушенье*! (Козлов, Элегия); И *пища* многих *будет* смерть и кровь (Лерм., Предсказание).

Во второй половине XIX в. такое употребление постепенно затухает — также под влиянием развития творит. предикативного. Случаи остаточного употребления отмечаются, главным образом, в поэтическом языке (ср. у Тютчева: Не просто *будет* он *воитель*, Но *исполнитель* божьих кар,— Он совершит, как поздний мститель, Давно задуманный удар. 1856).

На всем протяжении XIX в. сохраняют употребительность сказуемые с именительным, обозначающие постоянный признак в плане будущего. В языке Пушкина, например, они представляют основной массив сказуемых с именительным при *буду* (*будешь* и т. д.).

Одна моя надежда — Зоя: Женюсь, и *буду* вам *родня* (М. Е. Эйхфельдт); Как здесь, ты *будешь* там *сенатор*, Как здесь, почтенный *литератор* (Ода Дм. Ив. Хвостову); Тебе я *буду сын* и *друг*, Послушный, преданный и нежный, Твоим сынам *кунак* надежный, А ей — приверженный *супруг* (Тазит); Дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы *будем старые хрычи*, жены наши — *старые хрычевки*, а детки *будут слав-*

ные, молодые, веселые ребята (п. П. А. Плетневу, 22 июля 1831); Петушок мой золотой *Будет* верный *сторож* твой (Ск. о зол. пет.); А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не беда; мальчик привыкнет к вину и *будет молодец*, во Льва Сергеевича (п. Н. Н. Пушкиной, 30 июня 1834).

Многочисленны аналогичные конструкции и в языке других писателей первой трети XIX в., в журналистике, научной прозе и т. п.

В середине и второй половине XIX в. сказуемые этой формы и значения сохраняются, но лексическое наполнение их становится еще более определенным и узким; сюда входят теперь уже почти исключительно существительные, называющие лицо по постоянному признаку: по отношениям постоянного родства, национальной или сословной принадлежности, по роду постоянной деятельности, по характеру постоянных отношений (*друг, враг* и т. п.), по чертам характера, внутренним качествам. Постепенно такие сказуемые приобретают некоторый оттенок разговорности, начинают связываться с формой непринужденного повествования или диалога.

Даже вопреки желанию господ, наделяющих ее [лошадь] громкими именами Ахила, Гектора..., она все-таки *будет* для *кучера не Ахел* и *не Нектор*, а *Васька* (Лерм., Кн. Л., I); И сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что *будет титулярный советник* (Гоголь, Шинель); Жениться! Вот выдумал! *Какой же* ты *будешь порядочный человек*, когда женишься? (Бутк., Пб. вершины, 1,. Порядочн. человек, V); Я уверена, что вы *будете счастливейший муж* (Гонч., Обыкн. ист. 2, III); *Каллиграф* у меня, господа, дочка *будет*, право, *каллиграф*! (Писемск., Тыс. душ, 1, II); *Будешь редкое явление*, *Чудо* родины своей (Некр., Песня Еремушке); Взять жену умнее себя — беда: *будет командирша* над мужем (С. Акс., Сем. хрон., Женитьба молодого Багрова); Учись, Митя: выучишься — *чиновник будешь*, нас с матерью кормить будешь (Черн., Что делать?, 2, VIII); Нажив деньги, знайте, я *буду человек* в высшей степени *оригинальный* (Дост., Идиот, 1, XI); Воспитание его с угощениями и баловством мне кое в чем не нравится, но он верно *будет славный малый* (Л. Толст., п. жене, 8 дек. 1864); Мы с тобой *будем товарищи*,— объявил он Фоме (М. Г., Ф. Г., III); Считай ты чужую жизнь выше всего, а свою — ниже всего. Только тогда *будешь настоящий человек* (Эрт., Гард., 1, XI); Что же, малый красивый, умный, *будет хороший хозяин* (Бунин, Заря, всю ночь, 1).

Устойчиво сохраняется именит. падеж в сказуемых, лексически совпадающих с подлежащим: здесь наиболее ясно выступает значение постоянного, неотъемлемого признака.

Колос, который вырастает из этой грязи от солнечного света, *будет здоровый колос* (Черн., Что делать?, 3, III); *Стул*,

сделанный с любовью, всегда *будет хороший, красивый и прочный стул* (М. Г., Ф. Г., XII).

Как уже сказано, в языке XIX в. творительный при *буду* (*будешь*) активно распространяется. Он становится абсолютно преобладающей формой для выражения собственно перехода в состояние, становления признака (Известно стало уже всем, что *императором* России *будет* зять прусского короля, Николай. Сверб., Зап., II), для выражения функции, назначения, недлительного пребывания в состоянии (Юридическая сторона дела *будет* еще раз *предметом* компетентного обсуждения. Корол., Мулт. жертвоприношн., III); для выражения отношения (*будет причиной, виной, порукой* и т. п.).

Все чаще, обычнее становится употребление творительного для обозначения постоянного, длящегося состояния в плане будущего. Уже в конце XVIII в. такое употребление не было исключением. После Карамзина оно распространяется и все больше проникает в эту исконную для именительного сферу его действия.

Когда педанты предрекали, Что ввек *повесой буду* я (Пушк., Е. О., черн. ркп., 8, Ia); И ты, Светлана, навсегда Там *будешь другом* мне сердечным! (Козлов, К Светлане); До тех пор ваше отвлеченное законодательство всегда *будет* пустою *мечтою,* или, лучше, оно всегда *будет привидением,* созданным для того, чтобы пугать и тревожить людей (ЖМНП, 1836, 1); Давай «Рим» — это *будет* превосходною *беллетрическою статьею* (Белинский, п. В. П. Боткину, 16 апр. 1840); Вы уж слишком сильно все принимаете к сердцу; от этого вы всегда *будете несчастнейшим человеком* (Дост., Бедн. люди, авг. 5-го); До конца жизни *буду* я ему *послушною женою* (Дружинин, Пол. Сакс, X).

Широкое распространение творительного в сказуемых такого значения уже в начале 30-х годов дало А. Х. Востокову возможность утверждать, что «...когда *буду, будешь, будь* и пр. употреблены положительно, тогда существительное ставится в творительном падеже: напр. *Он будет богачом. Будь честным человеком*» [78].

Именительный и творительный при связке в форме повелительного наклонения во второй половине XVIII в. употреблялись в составе как простого, так и сложного предложения; такие сказуемые выражали три круга значений: собственно повеление — в обращении ко 2-му лицу; пожелание, волеизъявление, обращенное к любому лицу (*пусть буду* [*будешь, будет*] *кто кем*); обусловленность — в составе сложного предложения. Во всех этих случаях для языка XIX в. характерна тенденция к распространению творительного и к постепенному ограничению именительного. Относительную устойчивость этот последний проявляет при обозначении собственно повеления, когда в состав сказуемого входит

[78] А. Х. Востоков. Русская грамматика, § 121, стр. 245.

имя, называющее лицо не по функции, временному состоянию, а по более или менее постоянному, устойчивому признаку (ср. аналогичное положение в сказуемом со связкой буд. вр.). Тот же лексический фактор является в XIX в. условием относительной устойчивости именительного при *будь* в составе сложного предложения (*будь* он *дворянин*, он поступил бы так же). Вообще в составе сложного предложения со значением обусловленности творительный получает распространение сравнительно поздно — примерно с 20-х годов XIX в. Востоков еще отмечает здесь как норму только именительный [79].

Таким образом, в XIX в. сказуемые с формами именительного и творительного при *буду* (*будешь* и т. д.), *будь* развиваются в русле общей тенденции движения соотносительного употребления и размежевания функций присвязочного именит. и творит. предикативного.

В соотношении адъективных сказуемых типа *буду умен — буду умный — буду умным* конструкция с творительным ни в XVIII, ни в XIX в. не была сильнейшим членом ряда. Если оставить в стороне вопрос об употребительности краткой формы, имевшей свою специфику (см. «Изменения в соотносительном употреблении полных и кратких форм прилагательных в составе сказуемого»), то в соотношении *буду бедный — буду бедным* сказуемое с именительным и в конце XVIII и на протяжении всего XIX в. было не менее, а в некоторых случаях — при признаках знаменательности связки — и более активной формой, чем сказуемое с творительным. Это объясняется, по-видимому, с одной стороны, общей активизацией полных форм в сказуемостной функции, с другой стороны, тем, что полные формы, обозначавшие признак постоянный и устойчивый, в функции сказуемого при *буду* (*будешь* и т. д.) «подравнивались» под падежную форму выступавшего в той же конструкции существительного (ср. *будет умный — будет умник*, *будет красивый — будет красавец*). Смысловые различия между адъективными сказуемыми типа *будет умный* и *будет умным* в языке XIX в. определить трудно; каких-либо тенденций в области их разграничения по условиям лексического наполнения или по стилистическим признакам установить пока также не удается.

Развитие соотношений именительного и творительного в сказуемых с полузнаменательными глаголами и в трехчленных сказуемых

§ 27. Уже древнейшие памятники русского языка свидетельствуют о широкой употребительности сказуемых, выраженных сочетанием творит. падежа с полузнаменательным глаголом.

[79] Там же, § 121.

Значение глагола здесь соответствовало значению падежной формы, и сказуемые типа *стал* (*назвался, сделался* и т. п.) *царем* были той конструкцией, которая на всем протяжении зафиксированной истории русского языка теснила и ограничивала конструкцию типа *стал* (*назвался, сделался*) *царь*. Ко второй половине XVIII в. развитие этих соотношений пришло к такому этапу, на котором сказуемые с творит. падежом как существительного, так и прилагательного стали формой господствующей и не знающей никаких ограничений, а сказуемые с именительным употреблялись ограниченно.

Круг полузнаменательных глаголов, формирующих сказуемое в сочетании с творит. падежом [80], в этот период был очень широк. Это были глаголы следующих семантических групп:

1) пребывания в состоянии: *бывать, состоять, пребывать, находиться, обретаться, служить, приходиться, приводиться, оставаться, происходить* (в сие время люди *бывают* уже *супругами, отцами*; он *обретается* при мятежниках *поверенным в делах*; в школе *нахожусь последним учеником*; для прочих сие *пребывает тайною*; ножи *служат* им *обороною* от лесных зверей; игуменья *приходится* мне *теткою*; *доводится кумом*; негры там *остаются невольниками*; *состою известным* о предприятии вашем);

2) называния, «отнесения» к чему-либо: *называться, зваться, именоваться, прозываться, наречься, величаться, слыть, считаться, почитаться, полагаться, числяться, честься* (жители *вятчанами именуются*, предок мой *назывался Еремеем; я слыву мартинистом*; *нарекся Августом*; *считалась красавицей*; правдоподобие *полагается* главным *условием* драматического искусства; в службе *числялся сержантом;* разум мой *почитается острым*);

3) выявления, обнаружения: *казаться, сдаваться, оказаться, найтись, очутиться, представляться, выходить, мниться, зреться, глядеть, смотреть, высмотреть, выглядеть, сказаться* (три дни *тремя неделями показались*; вся окружность *представляется* огромною *ландкартою*; улица *глядела пустынею*; он *высмотрит молодцом*; весть сия *оказалась баснею*; *очутился* я в отставке *капитаном*; на вид он *смотрит тридцатилетним*; язык того времени нам *сдается натянутым*; полковник *нашелся* совершенно *невинным*; разнесшийся слух *выходит справедливым*);

4) самообнаружения, самовыявления: *явить себя, оказать себя, чувствовать себя, держать себя, объявить себя, представлять себя, почитать себя, считать себя, ставить себя, показывать себя, открыть себя, выдавать себя, находить себя, полагать себя, воображать себя, воображаться, прикидываться, сказываться, выстав-*

---

[80] Подробное описание этих конструкций в современном языке и классификацию полузнаменательных глаголов см. в названных выше статьях Р. Мразека о функциях творит. падежа и о формах именного сказуемого.

ляться, объявляться, изображаться, показываться, выказаться (яви себя великим миру; *чувствует себя государем; почитал себя светским человеком; считаем себя философами; выдают себя судьями* в словесности; *полагал себя* достаточно *обеспеченным; объявил себя* в глазах публики *дураком; оказал себя благоразумным; выказывал себя строгим; показывается* в вас *влюбленным; сказался больным; выставляется педантом; объявился святым; воображается героиней; прикидывается другом; выставляет себя либералом*);

5) перехода из одного состояния в другое: *становиться, делаться, учиниться, обернуться, твориться* (*стал пленником, сделается камнем; учинился знаменитым*; ведьма *обернулась сорокою*; пустыня *творится садом*).

Сказуемые в сочетании с творит. падежом на всем протяжении XIX в. были чрезвычайно активны и обладали массовой употребительностью.

Эта активность поддерживалась и тем, что сам класс вспомогательных глаголов в XIX в.— особенно во второй его половине — быстро развивался и обогащался.

1. В этот период проходит путь от знаменательного слова к служебному глагол *являться*. Глагол этот в XVIII—XIX вв. употреблялся в сочетании с творительным как знаменательный (*являться* — «прибывать», «приходить») и как полузнаменательный («оказываться, «выступать»). И в том и в другом случае в предложении присутствует или указание на объект, к которому направлено действие (Ты *всем являешься посланницей небес.* Д. Дав., Договоры; Поочередно *является перед почтеннейшей публикой клоуном, Кассандром, паяцом.* Григорович, Пб. шарманщ., V), или на место, время действия (И вот она *в саду моем Явилась барышней уездной. Пушк., Е. О., 8, V; В последних сценах* Ральф *является* настоящим *героем.* Писемск., Тыс. душ, 1, V), или на то, что это действие стоит в ряду других, последовательно сменяющих друг друга (*Сняв* мокрую, косматую шапку, *отпутав* шаль и *сдернув* шинель, проезжий *явился* молодым, стройным *гусаром.* Пушк., Станц. смотр.; *Занемогал ли кто,* Кетчер *являлся сестрой милосердия и не оставлял* больного, пока тот оправлялся. Герц., Б. и д., 4, Н. Х. Кетчер). Собственно связочное употребление этого глагола начинает более или менее последовательно отмечаться приблизительно с конца 20-х годов XIX в. и развивается в научной и политической прозе, в журналистике, позднее — у писателей-разночинцев. В случае связочного функционирования глагола *являться* такое сказуемое оказывается равнозначным с собственно связочным сказуемым с *есть, суть* (Всякая светлая мысль *является преступлением* против общественного порядка. Никитенко, Дневн., 15 апр. 1834; Таким образом, монады *являются* живыми, действующими *силами природы.* Петрашевск., Карм. слов. иностр. слов, 2, Монада). К концу XIX — нач. XX в. глагол *являться* становится самым активным связочным глаголом.

2. По-видимому, к самому концу XIX в. относится пополнение класса полузнаменательных глаголов словом *выступать* (*выступить*): в сочетании с творительным в нем развивается значение выявления, обнаружения признака. Однако в конце века и при таком употреблении в этом глаголе еще очень сильно его полнознаменательное, номинативное значение:

> Каких нашептываний чужих слушаются, каких собственных жалостных неразумий *выступают проповедниками*? (Стасов, Оплеватели Верещагина); На наших глазах Давид-Фридрих Штраус *выступил*, в «Старой и новой вере», *поклонником* Бисмарка, *защитником* войны и смертной казни (В. Е., 1890, сент.).

3. На протяжении всего XIX в. пополняется круг глаголов самовыявления, самообнаружения: в сравнительно поздней фиксации (начиная с середины XIX в. и к концу века все учащаясь) отмечаются сказуемые с глаголами *вести себя, держать себя, проявить себя, возомнить себя, ощущать себя*: *дéржите себя дикобразом* (Бутк., Пб. верш., 2, Партикулярн. пара); *вел себя джентльменэм* (Помяловск., Молотов); *ощущает себя несостоятельным* (С.-Щ., Губ. оч., Казусн. обст., Дорога); *держат себя хозяевами* (П. Федоров, Соловки); *чудотворцем себя возомнит* (М. Г., Ф. Г., IX); *проявил себя* плохим *корректором* (В. И. Ленин, п. М. А. Ульяновой, 10 янв. 1899, Соч., т. 37, стр. 147). Вообще же глаголы самовыявления активизировались с 20—30-х годов XIX в.

Взаимодействие именительного и творительного в сказуемых с полузнаменательными глаголами в XIX в. шло под знаком затухания и ограничения построений с именительным, который уже в предшествующие периоды истории языка, и тем более в XVIII в., был в этих построениях формой явно вытесняемой и затухающей. Прежде всего, самый круг полусвязочных глаголов, с которыми сочетался именительный, был значительно у́же того, который функционировал в сочетании с творительным.

В конце XVIII — нач. XIX в. возможно было сочетание именительного (как имени существительного, так и прилагательного в полной форме) с глаголами а) пребывания в состоянии (*бывать, пребывать, доводиться, оставаться*); б) называния (*именоваться, нарицаться, называться, зваться, прозываться, слыть*); в) выявления и обнаружения (*казаться, оказываться, выйти*) и г) перехода из одного состояния в другое (*становиться, делаться, учиниться*) [81].

С существительными:

а) А усердие мое и непоколебимая верность *бывают* всегда лучшая пред вами *опора* (А. Бибиков, п. Екат. II, авг. 1772); Они *остаются* внутренно по-прежнему *идолопоклонники* (Щербат., Статистика, V); Отныне горы ввек Альпийски *Пребудут* россов *обелиски*, Дымящи холмы — *алтари* (Держ., На переход Альпийских гор); Он *доводился* мне *дед* (Болот., 1, 29).

б) Сей довод *называется энтимема* (Лом., Кратк. руков. к риторике, § 119); Они народ полуночный... и *нарицаются* от Волги реки *болгары* (Рычков, Опыт Каз. ист., I); Меньшая царска дочь, От коей многие вздыхали день и ночь, У греков потому *Психея называлась*. В языках же других, по толкv мудрецов, *Слыла* она *Душа*; при переводе слов, У русских *Душенька* она *именовалась* (Богд., Душенька, 1).

в) Посмотрите когда густую рощу, *покажется* в старости своей *ровесница* свету (Капт., Письма о прир. и чел., 3); Ме-

[81] Неверное утверждение В. И. Чагишевой (указ. соч., стр. 102), что в XVIII в. «при глаголах-связках вещественного значения второй именительный отмечен в редких случаях только при связках *называться, стать, становиться*», основывается на недостаточном изучении материалов.

сяц, что уехал, мне *казался* один *год* (Суворов, п. Д. И. Хвостову, 4 авг. 1791); [Бригадир] Вот тебе пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иван, чтоб я отгадал ее, так *дурак-от выйдешь* ты (Фонв., Бригадир, IV, 4) [82].

г) И *стал* он наконец *любовник*, а *не тать* (В. Майк., Скупой); [Щепетильник] Искренность *стала безделица*, честь *безделка*, совесть *безделюшка* (Лукин, Щепетильн., 5); Сие место ...*учинилося вертеп* разбойников (Щербат., Статистика, VI); Полна земля вся кавалеров, И целый свет *стал бригадир* (Держ., На счастие); Человек тогда *становится* просто *человек* (Радищ., Путеш., Чудово); Какие искусные и остроумные *писатели*, благодаря французам, *становимся* мы в российском языке! (Шишк., Рассужд.).

С прилагательными:

Нрав в ней *сделался упрямой* (Трутень, 1769, XXIX); Вся власть его *становится беззаконная* (Фонв., Рассужд., о истребившейся в России... формы гос. правл.); Баня *вышла негодная* (Храповицк., Дневн., 26 мая 1788); Предприняли исправлять то, что им *суровое казалося* (Щербат., Статистика, V); Глаза у него переменились и *сделались страшные* (Болот., 1, 22).

Как видно, именительный совсем не сочетался с глаголами самообнаружения, самовыявления. Возможно, что это объясняется (помимо того общего основания, что значение именительного само по себе противоречит значению непостоянного признака) сравнительно поздней активизацией этой группы глаголов, которая совпала с явным затуханием именительного при полузнаменательных глаголах вообще.

Это затухание протекало неравномерно. Раньше других перестают употребляться сказуемые с глаголами *пребывать*, *нарицаться*, *именоваться*, *слыть*, *учиниться* в силу устаревания самих этих глаголов; приблизительно к середине XIX в. оказываются за пределами литературного употребления сказуемые с именительным с глаголами *зваться*, *прозываться*. Сказуемые с другими глаголами — *бывать*, *оставаться*, *называться*, *казаться*, *выходить*, *становиться*, *делаться*, *оказаться*, *получиться*,— постепенно убывая количественно и ограничиваясь стилистически, удерживаются на протяжении всего XIX в. Но бытование их в литературном языке

---

[82] Ср. в текстах, отражающих разговорную речь и просторечие, употребление как полузнаменательных также глаголов *выехать*, *пойти*: [Бригадир] Я тебя научу, как с отцом и заслуженным человеком говорить должно. Жаль, что нет со мною палки, *эдакой скосырь выехал*! (Фонв., Бригадир, III, 1); [Матвей] Вот еще *янька какой выехал*! (Плавильщ., Бобыль, II, 7); [Кривосудов] Ты знаешь, ведь у нас и заячие уши Рогами назовут, то *пойдут* уши *тпруши* (Капн., Ябеда, IV, 4; видоизмененный текст из басни Н. Львова «Львиный указ»).

этого периода в ряде случаев сопровождается развитием разных ограничительных условий.

1. Сказуемые с глаголом *бывать* со значением непостоянного пребывания в состоянии (основное для соответствующих конструкций с творительным) сохраняют более или менее регулярное употребление до 30—40-х годов XIX в.

Но я *бываю враг* картин, Когда прелестницы желают Быть только ими для мущин (Карамз., Стихи на слова..., 2); Нередко и скупец... *Бывает* сирых *друг* и нищих *благодетель* (Карамз., Посл. к женщинам); Употребление и навык часто *бывают враги* рассудка (Шишк., Рассужд.); И Долгорукие князья *Бывали* втайне им *друзья* (Пушк., Езерский, 2-я ред., VIII).

В середине и второй половине XIX в. такое употребление резко сокращается. Но сказуемые, называющие признак как устойчивое, постоянное качество, оказываются гораздо более сильной категорией: они сохраняются на всем протяжении XIX в.

Холодные люди вообще *бывают* великие *эгоисты* (Карамз., П. р. п., Лондон, 1790); Все девушки, состоящие на правах воспитанниц, дальних родственниц, demoiselles de compagnie и тому подобное, обыкновенно *бывают* или низкие *служанки* или несносные *причудницы* (Пушк., Роман в п., 1); Люди воздержные *бывают* обыкновенно *сухие*, *эгоистические люди* (Герц., Б. и д., 4, XXIX); Хорошие практики всегда *бывают* плохие *теоретики* (Слепц., Трудн. время, VIII).

Такое положение отвечало общей тенденции сохранения именительного в сказуемых со значением постоянного, устойчивого признака и при *был*, *будет*. Показательно в этой связи, что адъективные (с полной формой прилагательного) сказуемые с этим глаголом в XIX в. не относятся к числу исчезающих форм: они характеризуют субъект по постоянному признаку.

2. Сказуемые с глаголом *называться* в XVIII в. были обычны: Озеро, которое *называется Святое* (Мордв.); Первейшая особа между башкирцами *называется старшина* (Лепехин); Я *называюсь Правдин* (Фонв.,); По Сувору *стали называться Суворовы* (Суворов); Одежда лопарская *называется печо́к* (Озерецковск.) и т. д. Рядом широко и свободно употреблялся творит. падеж. Однако именительный был почти обязателен там, где существительное, следуя за глаголом, вводило «новое», т. е. сообщало приводимое впервые название, часто терминологического характера.

Человеческая кожа вся в скважнях, которые *называются пбры* (Кант., Письма о прир. и чел., 5); Первая вольность *называется перенос*, вторая — *опущение* (Лом., Росс. грам., § 85); Сие перенесение слов *называется* от риторов *метафора* (Лом., Кратк. руков. к риторике, § 83).

Тенденция сохранить в таких случаях именит. падеж проходит через весь XIX в. Вообще при выделении, акцентировании

собственно названия в таком сказуемом продолжает употребляться именительный:

Некоторые имена я помню: Жуковский *назывался Светлана;* А. И. Тургенев — *Эолова Арфа;* С. П. Ж.— *Громобой:* Д. Н. Б.— *Кассандра,* Ф. Ф. Вигель — *Ивиков Журавль;* Д. П. С.— *Резвый Кот.* С. С. Уваров — *Старушка* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Такие вещи, бесспорно, есть, они *называются: истина, справедливость, свобода, труд, честь, совесть* и проч. (Н. Михайловск., Медн. лбы и вареные души).

Конструкции эти сохраняются в языке на общем фоне массового развития при глаголах называния творит. предикативного, который проникает, в частности, и в определения терминологического характера (ср. например, в «Основах химии» Менделеева широкую употребительность конструкций типа: Тела, способные к кристаллизации, *называются кристаллоидами,* 1, 1; Этот газ *называется кислородом.* 1, 1).

Примерно с 40-х годов XIX в. получает последовательное отражение в художественной литературе идущее из разговорной речи употребление именительного при *называться* для выражения иронической оценки, отрицательного отношения:

А тут щука сама в зубы лезет, а мы спим ...*а еще рыболовы называются*! (Гонч., Обыкн. ист., 2, IV); Ну, чего вы реветете среди улицы, *а еще генерал называется, военный человек* (Дост., Идиот, 4, IV); *А называетесь генерал.* Не умеете вовремя подмазать ревизора (Г. Усп., Разоренье, III, I).

Творит. падеж в сказуемые такого значения не проник. Это связано, по-видимому, с тем, что именительный часто вообще является единственно возможной формой в сказуемых с ярко выраженным эмоционально-оценочным значением [83]. Таковы, например, построения полуидиоматического характера с глаголами *даться, достаться, выискаться: я ему не дура досталась, я вам не кухарка далась у печки стоять* и т. п. (см. § 32).

3. Специфические ограничения наблюдаются в XIX в. в функционировании сказуемых с именит. падежом с глаголами *казаться, оказаться, выйти, стать.* В сказуемых со значением собственно выявления, обнаружения признака именительный здесь был вытеснен творительным. Так, в предложениях типа: Но наш Монах *Эол* пред ней *казался* (Пушк.), И так писал я двадцать лет И *вышел* я — такой *поэт*, Каким я выйти мог (Некр.) именит. падеж в XIX в. был формой исчезающей: значение выявления, обнаружения безусловно закрепляется за творит. предикативным. Но у сказуемых с такими глаголами был специфический оттенок значения: они могли выражать не собственно выявление признака, а

---

[83] См.: А. А. Камынина. Синонимическое употребление второго именит. и творит. предикативного имен существительных в совр. русск. языке, стр. 5.

признак, кем-либо в субъекте предполагаемый, находимый, открываемый как его постоянное качество, характерное свойство; предложения с такими сказуемыми оказывались в прямом соотношении с предложениями, заключающими в себе модальные слова *кажется, выходит, оказывается (что...)* [84]. И именительный в сказуемых такого значения обнаруживает в языке XIX в. значительную устойчивость.

Покорнейше прошу, если впредь угодно будет вам иметь дело со мною, ничего не поручать г. Фаддееву — ибо он *кажется человек ненадежный* и *неаккуратный* (Пушк., п. К. А. Полевому, 11 мая 1836); Ибо в смысле-то, здесь мною подразумеваемом, маточка, все мы, родная моя, *выходим* немного *сапожники* (Дост., Бедн. люди, сент. 5); Иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле *выходит* совершенная *Коробочка* (Гоголь, М. д., 1, III); Ведь вы *выходите* просто *подлец*, душенька Харитон Сидорыч (Некр. и Станицк., Три стр. света, 2, IV); Все, что говорил староста, *оказалось правда* (Корол., В голодн. год, XVIII).

§ 28. История развития трехчленных сказуемых с *может, долженствует, должен* в своих основных тенденциях совпадает с историей развития сказуемых с полузнаменательными глаголами. Именит. падеж в составе трехчленного сказуемого с модальными глаголами и модально значимыми краткими прилагательными уже в конце XVIII в. употреблялся гораздо ограниченнее, чем творительный. Здесь отмечены соединения только со словами *мочь, хотеть, желать, долженствовать, должен*: Где каждый следственно *может быть* завсегда или *тиран*, или *жертва* (Фонв.); *Ты хочешь быть*, Глупон, Шекспиров *подражатель* (Карамз.); Простой, средний и даже высокий слог российский конечно *не должен быть* точный *славенский* (Шишк.) [85].

Такие формы, обозначающие собственно возможность, долженствование, проходят через XIX в. как явно затухающие; конструкции с именительным, в которых субъект характеризуется по непостоянному состоянию, после 20-х годов приобретают окраску высокости, риторичности. После 60-х годов отмечается лишь еди-

---

[81] Ср.: [Х в а т о в] Только такой, сударь, озорник, что сказать нельзя... Просили его, чтоб он деньги счел, а он этого и не сделал. [Ч е с т и н] Так поэтому он и *стал озорник*? (Плавильщ., Бобыль, III, 7).

[85] Существование в языке этих форм сказуемого, где возможность понимания именительного как падежа объекта исключается,— один из аргументов против той точки зрения, согласно которой в совершенно равнозначных построениях (*хочешь быть подражателем*) творительный не входит в состав сказуемого, а является «предикативным детерминантом». Впрочем, здесь в значительной мере спор идет о словах, так как, назовем ли мы творит. падеж в таких построениях «творит. предикативным» или «предикативным определением»,— суть дела не изменится: творит. падеж здесь обязателен, он является структурно необходимым членом сказуемостно значимой конструкции.

ничные случаи употребления таких сказуемых, причем, как правило, с существительными, называющими предмет по постоянному признаку или внутреннему свойству: Настоящий врач, милостивый государь, *должен быть и повар, и духовник, и судья* (Герц.); Поляки говорили, что всякий поляк *должен быть католик* (Завалиш.); И я *хочу* вам *быть второй отец* (А. К. Толст.).

Без специальной стилистической окраски и без лексико-семантических ограничений трехчленные сказуемые с формами *может, долженствует, должен* в сочетании с именительным в языке XIX в. сохраняют относительную употребительность лишь при выражении закрепившегося за этой формой специфического значения предположительности (ср. аналогичную судьбу построений типа *он кажется человек ненадежный, все это оказалось правда*, см. § 27).

Кажется, этот Колосов *должен быть человек с воображением очень пылким* (Жих., Зап. совр., II, 5 янв. 1807); Привезенный нами японский начальник Такатай-Кахи *долженствовал быть человек известный своему правительству* (Рикорд, Зап.); А нынешний остаток стен *может быть только Акрополь* (Гриб., Пут. зап., XI); Легко отгадал, что этот хладнокровный барышник *должен быть крестьянин* какого-нибудь помещика, поручившего ему продажу своих лошадей (Погорельск., Монастырка, 1, VII); Наш директор *должен быть* очень *умный человек*. Весь кабинет его уставлен шкафами с книгами (Гоголь, Зап. сумасш., окт. 4); [Живновский] *Проходимец должен быть* этот лекаришка! (С.-Щ., Губ. оч., Просители, IV); Они *могут быть прекрасные люди* по сердцу, но они дурно воспитаны (Черн., Вредн. добродетель); Объявил, что писем нет, а взял их какой-то русский. Русский *мог быть приказчик с хутора* (Л. Толст., п. жене, 8 июля 1871) [86].

Творительный в составе трехчленных сказуемых и в XVIII и особенно в XIX в. был очень активен. К концу XIX в. он становится абсолютно преобладающей формой в сказуемых типа: *может назваться поэтом, хочет быть вожаком, начал* (*перестал, продолжает*) *быть кумиром, должен быть примером* и т. п. По сравнению со второй половиной и концом XVIII в., период конца XIX—нач. XX в. дает здесь картину явного расширения круга как входящих в сказуемое модальных глаголов (обозначающих волеизъявление, решение, возможность, способность, расположенность, готовность, вынужденность и т. п.), так и круга сочетающихся с ними инфинитивов. Все это — прямое свидетельство продуктивности и массовой употребительности данной конструкции в XIX в.

---

[86] Творит. падежу такое значение не было свойственно. Карамзинское «На дверях маленькой хижины, которая *должна быть жилищем отшельника*, видите надпись» (П. р. п., Эрменонвиль, 1790) представляет собой редкое и нетипическое отступление от общего правила.

§ 29. Лишь по отношению к одному виду трехчленного сказуемого с творительным можно говорить о затухании и даже о полной утрате употребительности. Это — синтаксический галлицизм типа *кажется быть доказательством, стал быть удивлением, мнится быть возвышенным*[87]. Построения этого типа возникли как вариант синтаксической кальки с номинативом (см. ниже). В XVIII в. такие сказуемые употреблялись довольно широко, причем именная часть здесь могла быть выражена как существительным (а), так и прилагательным и причастием (б).

а) Мы обедали вместе и *казались быть* по-прежнему *приятельми* (Добрынин, Зап., XXXIV); Он... *стал быть удивлением* не только своих современников, но и наших времен (Из п. М. М. Филозофова, 1769); Наша Чудская копь *казалася* нам *быть доказательницею* и того, что... (Лепехин, Дневн. зап., 2); [Море] не инако как пологою и прекрасною синею *горою быть казалось* (Болот., 1, 28); Вольность *казалася быть душою* всего маскированного собрания (Крыл., Почта духов, IX); С того времени *стали быть* помещики таковыми *властителями* над имением и жизнию крестьян и холопей своих (Пнин, Опыт о просвещении, В чем состоять должно истинное просвещение?).

б) Женщина весьма молодая рвалася больше всех и *казалась быть отчаянною* жизни (Чулк., Пересмешн., 9); [О с т р о м ы с л о в] ...о таком человеке, который *считал себя быть счастливым* (Кропот., Фомушка, IV, 2); И *казалися* они *быть охотными* к провожанию нас на гору (Лепехин, Дневн. зап., 2); Супруг с оракулом *казался быть согласным* (Богд., Душенька, 2); [Человеческий разум] *кажется быть возвышенным* до самой высочайшей степени (Крыл., Почта духов, XL); Новоизобретенное слово «сослов» не означает того смысла и не имеет такой силы, как греческое «синоним», а потому и к заступлению его места *не признается быть способным* (И. Н. Болтин, Примеч. об академич. словаре).

Этот галлицизм в конце XVIII в. не воспринимался как форма, чуждая русскому языку. Показательно, что он употребляется даже Шишковым:

Слова, которые по выговору *кажутся быть русскими* (Рассужд.); Воздушные огни... *кажутся* нам *быть ниспадающими звездами* (Там же); Сие последнее мнение... *кажется быть вероятнее прочих* (Там же); Сие подобие хотя и *кажется быть затмевающим* смысл и поставленным здесь не у места, однако... (Там же).

---

[87] См. об этом: Л. А. Б у л а х о в с к и й. Иностранные элементы в русской художественной литературе и отношение к ним в первой пол. XIX в. «Научные зап. Харьковского гос. пед. ин-та иностр. языков», т. I, 1939, стр. 11—12; е г о ж е. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 320.

Аналогичные сказуемые с формой именит. падежа — собственно калька — в XVIII в. также были довольно широко распространены. В качестве знаменательной части здесь выступали имена существительные (а) и прилагательные в полной (б) и краткой (в) форме (ср. франц. *ils semblent être des amis*; *elle parut être contente* и т. п.).

а) Мне всякая волна *быть кажется гора* (Лом., Петр. Вел., 1); [Кий]. И быв любовником *стал* паки *быть Хорев* (Сумарок., Хорев, IV, 1); [Филимон] Ведь он сильной ворожища И мне *стался быть дружища* (Аблес., Мельн.-колдун, I, 3); Болгары, по описанию Геродота и Плиния, *видятся быть Агрипеи*, народ смирный и набожный (Рычков, Опыт Каз. ист., II); [Бренский] Иль Ксении родитель Обетов пред концом *престанет быть хранитель*? (Озеров, Дим. Донск., I, 5).

б) *Первое и главнейшее* [основание] мне *кажется быть* сие (Лом., Письмо о правилах росс. стихотв.); Плавание его *начинает быть* некак *поспешное* (А. И. Бибиков, п. Екат. II, ноябрь 1769).

в) [Гамлет] *Не зрюсь способен быть* я к долгу своему (Сумарок., Гамлет, III, 7); [Клавдий] Когда ж Офелии я *стар являюся быть*, Ты можешь властию к любви ее склонить (Там же, II, 1); Уже высокий всход с землей *быть мнится равен* (Лом., Петр Вел., 2); Когда действие вещи другим полезно, а самой *вредно быть представляется* (Лом., Кратк. руководство к риторике, § 76); Лед толст и *зрился быть надежен* (В. Майк., Лестные друзья); *Вероятно быть кажется* и то, что... (Тайное наставл. Державин., 6 марта 1774); Следование того эскадрона дальнейшее *не нужно быть кажется* (Ордер гр. П. А. Румянцева, 12 авг. 1775); Уравнение площади *казалося нам быть удивительно* (Лепехин, Дневн. зап., 2); Князьки *являются* более других *быть склонны* к российскому правлению (Щербат., Статистика, V); Что в Кремле и в Белом городе *примечательно быть кажется* (Озерецковск., Описание Колы); *Запрещен стал быть* им переход с места на место (Пнин, Опыт о просвещении, В чем состоять должно истинное просвещение?) [88].

Два первых десятилетия XIX в. были той гранью, за которой прекращается употребление этой конструкции [89]. «Собственно синтактические галлицизмы, т. е. выходящие за пределы литературного подражания (стиля, словесной манеры) и отражающие перенимание самой структуры синтагм и расположения слов, эквива-

[88] Примеры употребления таких сочетаний в языке начала XVIII в. см.: Л. Я. Кирина. Функции форм прош. вр. глагола в публицистико-деловом языке первой трети XVIII в. «Наукові зап. Станіславського держ. пед. ін-ту», 1961, т. 5, стр. 93.

[89] Отдельные примеры см.: Л. А. Булаховский. Иностранные элементы в русской художественной литературе, стр. 11—12.

ленты которых существовали в русской речи, не были, вообще говоря, особенно значительны и в языке XVIII в. и быстро идут на убыль в первые два десятилетия XIX. В течение третьего десятилетия настороженное внимание к ним со стороны авторов, редакторов, критиков и читателей приводит к окончательной ликвидации того, что еще опознавалось как галлицизмы» [90].

Развитие соотношений именительного и творительного в причастных сказуемых

§ 30. Сказуемые, строящиеся соединением страдательного причастия с формой творит. падежа, в языке XVIII в. могли быть двучленными (*отправлен волонтером*) и трехчленными (*назначен быть переговорщиком*). Каждая из этих двух конструкций в языке XIX в. имела свою судьбу.

В языке второй половины XVIII — нач. XIX в., преимущественно в деловой речи, широко употреблялись двучленные сказуемые типа: *пожалован секунд-ротмистром, определен губернатором, Волга река Таисом именована, признан царем и самодержцем, взращена прямою новгородкой, отставлен полковником, записан в артиллерию сержантом, оглашено дурачеством, был сделан гетманом, выпущен был лейб-гвардии бомбардир-сержантом, провозглашен безбожником и ослушником, переведен в Москву главнокомандующим, в паспорте показан был выходцем из Польши, Булгаков сделан почт-директором, государственным секретарем именован М. М. Сперанский, представлен правительству сорванцом и якобинцем, причислен к министерству чиновником по особым поручениям* и т. п.

С аналогичными построениями с именительным здесь не было соотношения: он сочетался только с глаголами называния. В XVIII в. конструкции типа *назван Иоанн* отмечаются редко, но приписываемая обычно этим сочетаниям стилистическая окраска высокой или официальной речи обнаруживается в них далеко не всегда.

> Сей меч хранился там под страхом И в сказках *назван Самосек* (Богд., Душенька, 2); Итак, понеже они всегда вещь или деяние знаменуют, по справедливости *знаменательные части слова названы быть могут* (Лом., Росс. грам., § 40); Крестился, и во святом крещении *наречен был Симеон* (Рычков, Опыт Каз. ист., XII); И *назван* погост *Перхинской* (Челищ., Путеш.). Ср. у Пушкина: Люблю я дружеские враки И дружеский бокал вина Порою той, что *названа Пора меж волка и собаки* (Е. О., 4, XLVII).

В первые десятилетия XIX в. эти формы уходят из литературного употребления.

---

[90] Л. А. Булаховский. Иностранные элементы в русской художественной литературе, стр. 11.

Конструкции с творительным, сохраняя на протяжении всего XIX в. устойчивую употребительность, примерно с 30-х годов в некоторой своей части ограничиваются в связи с активизацией равнозначных построений с *как* и *в качестве*.

Конструкции с сочетанием *в качестве*, строящиеся с причастиями глаголов *принять, призвать, привлечь, назначить, выпустить, отправить, послать, дать* и под., отмечаются уже в XVIII в.

Послан в Петербург... *в качестве поверенного* от монастыря (Добрынин, Зап., XLII); *Был принят* в дом Негодяевых *в качестве гувернера и учителя* их сына (Изм., Евгений, 1, IV).

В XIX в. употребительность таких сочетаний возрастает. Ср. некоторые материалы из языка второй половины и конца XIX в.

Выпущен первоначально *в качестве домашнего учителя музыки* (Писемск., Тыс. душ, 1, III); *Был отправлен* главнокомандующим Румянцевым Задунайским *в качестве пристава* (Сверб., Зап., 1); К следствию *был привлечен в качестве обвиняемого* счетчик Литвинов (Судебн. заключ., Дело Мельницкого, 1882); Куда он *был командирован в качестве одного из главных деятелей* (Фет, Мои воспом., I, V); *Был командирован в качестве военного врача* куда-то далеко на Кавказ (Бусл., Мои воспом.).

Равнозначные сочетания с *как* активизируются несколько позже — с 20—30-х годов XIX в.:

Ленский Везде *был принят как жених* (Пушк., Е. О., 2, XII); Тогда чин выслуженный... *будет дан как награда* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 8 мая 1835); Признает только те власти неприкосновенными, которые ...им же *восстановлены как вассалы* (Герц., Зап. одн. мол. чел., Последн. праздник дружбы).

Подробнее об этих соотношениях см. § 32.

Во второй половине XIX в. входящие в соотносительный ряд построения *принят* (*назначен, привлечен* и т. п.) *кем — принят в качестве кого* и *принят как кто* сосуществуют в языке как равнозначные и различающиеся — далеко не всегда ясно и последовательно — стилистическими оттенками и возможностями лексического наполнения. В этом трехчленном ряду построения с творительным все время остаются элементом активнейшим (ср. то же положение с собственно глагольными сочетаниями, см. § 33) [91].

С причастиями глаголов называния, а также с причастиями *рожден, создан, сделан* и др. конструкции с творительным в языке XIX в. продолжают оставаться формой, не входящей ни в какой ряд соотношений (*рожден нищим, не создан дамским кавалером, одет был щеголем, сделан председателем, зала назначена приемною комнатою* и т. п.).

§ 31. Что касается трехчленных конструкций типа *назначен быть переговорщиком, рожден быть поэтом,* то судьба их

---

[91] Аналогична была история сочетаний творительного с возвратными глаголами в их соотношении с сочетаниями с *как* и *в качестве*: *посылается исполнителем — посылается как исполнитель — посылается в качестве исполнителя; выбирался посредником — выбирался как посредник — выбирался в качестве посредника.*

в XIX в. была различна и определялась их значением и функционально-смысловыми соотношениями с другими образованиями.

В тех случаях, когда трехчленная конструкция входила в функционально-смысловые соотношения со структурами целевого значения (*рожден быть поэтом — рожден, чтобы* [*для того, чтобы*] *быть поэтом*), она сохранялась в языке как их стилистически окрашенный эквивалент.

Мария *рождена быть королевою* (Карамз., П. р. п., Париж, апреля... 1790); Она *сотворена быть*, кажется, *моею* (Карамз., Лилея); О, зачем я *рождена Вящуть* бедной *сиротою!* (Козлов, Обманутое сердце); Женщина *создана быть помощницей* человека (Иванов, п. Чижову, 1847. Стасов, О знач. Иванова...); Его недавняя жизнь *обречена быть* и *недолгою жизнью* (Черн., Что делать?, 3, VIII).

Там, где такой соотносительности не было, трехчленное сочетание было равнозначно с двучленным (*назначен быть переговорщиком — назначен переговорщиком*):

Сей дом *был* Вакховой *назначен быть столицей* (В. Майк., Елисей, 1); С их стороны *избраны* вы таковым же *быть посредником* (Держ., п. Н. Н. Демидову, 4 июля 1783); *Назначен быть переговорщиком* (Рикорд, Зап.); Мы точно *назначены* судьбою *быть приготовителями* праздника (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, март 1821).

Трехчленные сочетания такого значения, уже во второй половине XVIII в. отмечающиеся как форма редкая и в какой-то мере искусственная, в первые два десятилетия XIX в. выходят из литературного употребления, уступая место сочетаниям двучленным. Ср. аналогичную судьбу сказуемых с собственно глаголом (см. § 29).

Развитие построений с творительным падежом при знаменательном глаголе

§ 32. Творит. падеж при знаменательном глаголе в сочетаниях типа *родился героем, прибыл губернатором* и т. п. не является предикативным в том смысле, как это имеет место в сочетаниях со связочными и полусвязочными глаголами. По терминологии чешских грамматистов, имя здесь — «творительный предикативного детерминанта» (doplněk), а не компонент собственно сказуемого. Однако, как уже было сказано, наличие равнозначных конструкций, в которых с знаменательным глаголом сочетается собственно сказуемостный именительный падеж (ср. *пришел весел* в соотношении с *пришел веселым*), как будто ослабляет силу аргументации этих лингвистов. Во всяком случае, такое сочетание, обозначающее сложный признак субъекта, в составе предложения нечленимо.

Соотношение именительного и творительного имени существительного при знаменательных глаголах во второй половине и в конце XVIII в. уже не было живым, действующим в системе литературного языка соотношением. Именительный в таких конструкциях был крайне редок и стилистически ограничен; он сочетался с отдельными глаголами движения, выявления или исчезновения, пребывания в состоянии (*ходить, являться, родиться, умереть, взрастать* и др.) [92]. Такие сочетания уже в XVIII в. носили подчеркнутую окраску высокости, приподнятости.

Из них исшедшие потоки Несут из крутизны мета́ллически соки, Богатства, здравия *являются ключи* (Лом., Петр Вел., 2); О вы, российски героини, Что в вечности превыше звезд *Сияете* уже *богини,* Земных оставя низкость мест! (Лом., Ода 1752 г.); Расти, дитя, расти прелестным, А возмужав, *явись герой!* (Держ., На рождение вел. кн. Мих. Павл.); Не все ли виды нам природы Лишь бывших мечт *явятся сонм?* (Держ., Бессмертие души).

В начале XIX в. такие конструкции иногда еще отмечаются в поэзии как средство придания стиху торжественного звучания.

Я горних *царь* светил *являюсь* (Пнин, Солнце неподвижно между планетами); Нет, не узрим уж лугов, Где мы *юноши взрастали,* Гордость радостных отцов! (Кюхельб., Пролог трагедии, 1, Мнемоз., 1824, ч. 2); Когда ж в витиях воссиял советом, Он тот же тихий *юноша ходил* (Там же, 3).

Пушкинское «И присмирел наш род суровый, И я *родился мещанин*» (Моя родосл.) является уже для того времени отражением исчезающего употребления.

В языке XIX в. именительный при знаменательном глаголе удерживается в разговорном употреблении и связанных с ним формах письменной речи при следующих ограничительных условиях: во-первых, в сочетании с глаголами *расти (вырасти), уродиться* — при условии вхождения в состав такой конструкции существительного с оценочным или качественно-характеризующим значением; во-вторых, в конструкциях полуидиоматического характера, в сочетании с глаголами *даться, достаться, выискаться* — с существительными тех же семантических групп; в этом последнем случае соотносительности с творительным не было.

---

[92] В народном языке — как отражение устойчивой формулы архаического характера: *Не огонь иду* — не о́божгу, *Не змея плыву* — не о́клюю (Барсов, Причитания Сев. края, I, 53. Цит. по кн.: Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русск. языка, стр. 164). Ср. речение пословичного характера: *живут не люди, умрут не родители.* По-видимому, с традициями народной речи связано употребление таких построений у некоторых писателей, например у Достоевского: Я боюсь, что ты *сон,* что ты *призрак* предо мной *сидишь* (Бр. К., 11, VIII); Ведь я все-таки перед вами *преступник сижу* (Там же, 9, IV).

1) *Молодчик* какой *вырос* сынок ваш (Вельтм., Саломея, 7, VI); Цыпленок *вывелся* положительно *калека* (М. Антонович, Письмо отца к сыну); Такая *чучела уродилась* (Черн., Что делать?, 1, I); *Дылда выросла* (Дост., Идиот, 4, I).

2) [Парамон] *Я те не чурка достался* (Плавильщ., Бобыль, V, 2); Нет-с, позвольте, *я не дура вам досталась скакать* всякой день то от вас к нему, то от него к вам *да тратиться* на извозчика (Вельтм., Саломея, 1, III); *Я ему не дура досталась молчать*, когда он несет всякий вздор (Герц., Докт. Круп., II); [Дерунов] Я, говорит, *не кухарка тебе далась* (С.-Щ., Губ. оч., Выгодн. женитьба, IV); Знаю, *какой ты пересмешник выискался* (Станюк., Отчаянный, II).

В языке XVIII в. творительный сочетался со знаменательными глаголами, объединявшимися значениями бытия, пребывания в состоянии, движения, появления или исчезновения, перехода из одного состояния в другое, приобретения состояния или его пресечения; в форме творительного в этих случаях всегда выступало имя, обозначающее лицо: *обретался главным командиром, присутствовала восприемницею, остался наследником, закоснел приказным служителем, живет здесь министром Американских соединенных провинций, стоял в списке третьим, служил унтерофицером, пишется царем, подписался свидетелем, выпросился волонтером, нанимаются приказчиками, сел судьею, поступает в труппу примадонною, вступил полупансионером, вышел в отставку секунд-майором, родился рохлею, умру рабом, поехал курьером, ездят работниками на судах, ходят лоцманами, возвратился солдатом, прибыл губернатором, выходят оттуда исправными офицерами, разойдемся врагами, расстались друзьями, вырос сорванцом, сдаюсь военнопленным, разоденусь хватом, нарядился чертом* и т. п. Такие конструкции были широко употребительны, и употребительность эта на протяжении XIX в. неуклонно возрастала.

В значительной своей части такие конструкции входили в соотношения с построениями с *как* и *в качестве* (ср. аналогичное соотношение в причастных сказуемых, см. § 30): *присутствует наблюдателем — присутствует в качестве наблюдателя — присутствует как наблюдатель*. Различия в значениях этих конструкций были очень незначительны и практически часто неуловимы. Среди этих трех конструкций построения с сочетанием *в качестве*, в силу его исходного, первоначального значения (*качество* — «положение», «роль» как деятельность [93]), были конструкцией самой несвободной. Круг глаголов здесь был ограничен глаголами бытия, пребывания в состоянии, движения, появления; в именной части первоначально могло выступать только название лица по деятельности или состоянию: *проживал в качестве маршала* (Бибик., Зап.); *пришли в качестве шпионов* (Головн.,

[93] Ср.: *служил в качестве майора — служил в должности, в ранге, в звании майора; начал в качестве писиста — начал в сане писиста* (*Служил в сане стряпчего с ключом.* Загоск., Ю. М., I, X; *Начать служебное поприще в сане писиста.* Бутк., Пб. верш., 2, Хорошее место, II).

Зап., 1); *присутствовал в качестве блюстителя порядка* (Никитенко, Дневн., 7 ноября 1837) и т. д. В отличие от соединений с творительным построения с *в качестве* не могли строиться с глаголами, обозначающими переход из одного состояния в другое, выявление или пресечение состояния; соответственно в такие сочетания не могли входить существительные качественно-оценочных значений (ср. *родился рохлею, умер невеждой, вырядился хватом* и т. п.). Стилистическая сфера применения сочетаний с *в качестве* и в XVIII в. и на протяжении всего XIX в. остается узкой и ограниченной: это была деловая речь, научное описание и вообще описательная проза, позднее — публицистика. С середины XIX в. круг слов, входящих в состав этой конструкции, расширяется: сюда начинают входить существительные неодушевленные (*форма, купленная в качестве малоподержанной пары.* Бутк., Пб. верш., 2, Партикулярн. пара). В этих случаях сочетание *в качестве* утрачивает раздельность, так как у слова *качество* здесь окончательно исчезает элемент значения «положение», «роль», «должность».

Рядом с построениями с *в качестве* построения с *как* оказываются категорией стилистически более свободной и в смысле лексического наполнения более емкой. В них включаются глаголы не только тех семантических групп, которые характерны для построений с творит. падежом, но и другой, более широкой семантики; в построения с *как*, в отличие от построений с *в качестве*, свободно (и преимущественно, а в XVIII в. почти исключительно) входят существительные, называющие лицо по внешним или внутренним свойствам и признакам: *остался* у казанцев *не яко царь, но как сущий пленник* (Рычков, Опыт Каз. ист., VIII); *проживет и кончит век как друг добра* (Рыл., Волынский); *пристал* к самозванцу... *как безнравственный и вредный негодяй* (Пушк., К. д., XIV), Стилистическая сфера их применения была более широкой и свободной.

В языке XIX в. все эти три вида построений находятся в постоянном взаимодействии, идущем для каждого из них под знаком возрастающей активности. Однако конструкции с творительным исконно были и продолжали оставаться самыми употребительными: во-первых, в них не было никакой специфики с точки зрения стилистической; во-вторых, они не знали никаких ограничений со стороны имени.

Изучение развития соотносительного употребления конструкций с *как* и *в качестве* относится не только к истории сказуемого, но в значительной степени также к истории сочетаний слов и к истории структурных осложнений простого предложения.

§ 33. Построения с творительным при знаменательном глаголе в языке XIX в. не только сохраняют устойчивую употребительность, но и явно активизируются. Прежде всего пополняется круг формирующих эту конструкцию глаголов в пределах перечисленных семантических групп. С первых десятилетий XIX в. в художественной прозе, в мемуарах, письмах, стихах начинают широко отражаться сочетания типа *летит помощником, скитаюсь сиротою, таскался писарем, выступил победителем, попал управляющим, записываются кандидатами* и т. п.

Тогда, о смерть! ко мне *помощницей лети* (Вост., Тленность); [Н е с т о р]. Мы *бродим* по земле *игралищем судьбы* (Озеров, Поликсена, 5, явл. последнее); [Б о я р и н]. Но вскоре туча стрел... *Спустилась* с свистом к нам *предшественницей* боя (Озеров, Дим. Донск., V, 2); А правда ли, что ваш святой По свету *бродит кузнецом?* (Жуковск., Суд в подземелье, 10); Там *скитаюсь* теперь *мертвецом* (Жуковск., Иванова ночь); Бессмертный вдруг отяжелел, Забыл свой сладостный

удел И *смертным* на землю *спустился* (Кюхельб., Поэты); Все они *существуют* там *старожилами* (И. Пущин, п. И. Д. Якушкину, 16 ноября 1839); Из лукавого раба он *воспрянул* снова дерзким *повелителем* (Лажечн., Лед. дом, 3, 1); *Возмужал и состарелся действующим лицом* на сцене страстей, политики и двора (Вяземск., Фонвизин, V); богатой фразеологией, в которой *хозяином раскинулся* русский дух (Герц., Зап. одн. мол. чел., Ребячество); *Переходит* в другую труппу уже *действующим лицом* (Григорович, Пб. шарманщ., V); Отец ее, подьячий бедный, *Таскался писарем* в приказ (Некр., Убогая и нарядная, 1); *Падали* всем *на голову* из сержантов *гвардии капитанами* в армейские полки (С. Акс., Сем. хрон., Степ. Мих. Багров, Переселение); Во многих местах живал, *Цыганом* больше *шлялся* (Бажин, Степан Рулев, VI); И что только им от этого толку, что они *прихвостнями* тотчас же *лезут?* (Дост., Идиот, 1, I); *Побывал* в Сербии и Болгарии *волонтером* (Боборык., Китай-город, 2, XXIX); *Триумфатором сбегал* по лестнице (Стасов, Училище правовед., II); Базиль *получил место* у одного здешнего промышленника *техником* (Ленин, п. М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 16 авг. 1898. Соч., т. 37, стр. 114).

С другой стороны, в конструкции с таким значением начинают проникать существительные, называющие не лицо, а предмет, явление.

И каждый мне предмет гласит..., Что ты зиждитель есть вселенной; И *что бы степью* лишь пустой Природа без тебя *стояла* (Пнин, Человек); Она [сабля] *хранится* у меня *памятником* моего странствования (Пушк., Путеш. в Арзр., V); Они [сравнения] *попали бы образцами* в Ноэлев «Курс словесности» (Герц., Зап. одн. мол. чел., Ребячество); Откуда взялись такие звуки в этой юной груди? Они... бывают выстраданы, *приходят наградой* за страшные опыты (Герц., Сорока-воровка); Имена начальников... *остались* в памяти народа живыми *трофеями* (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, дек.); Та вражда к молодым поколеньям Здесь начальные корни взяла, Что впоследствии *диким явленьем* В нашу жизнь так глубоко *вошла* (Некр., Недавнее время, IV); Отупение, душевный мрак, идиотизм *стояли* пред ним ярким *последствием* этих «высочайших минут» (Дост., Идиот, 2, V); ...с своей грозной комедией, на челе которой *стояло эпиграфом:* «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива» (Тург., Лит. и жит. воспом., II).

Однако такие конструкции не получили широкого распространения: они уступали место построениям с *как* и *в качестве* (*хранится памятником — хранится как памятник, остались трофеями — остались как трофеи, в качестве трофеев* и т. д.).

Другим свидетельством активности сказуемостно значимых сочетаний со знаменательным глаголом в языке художественной литературы XIX в. служит включение в круг таких сочетаний глаголов со значением речи, мысли, умственного восприятия.

Объяви везде, что тот, кто *признается* моему блюду *хозяином* и докажет это, получит его... Но никто *не признался хозяином* золотому блюду (Лерм., Ашик-Кериб); Есть другие области, в которых *я себя понимаю царем.* Зачем же *я* пойду без призыва, дюжинным резонером, вмешиваться в дела, возложенные провидением на избранных (Герц., Зап. одн. мол. чел., Патриарх. нравы г. Малинова); Прелестное время в развитии человека, когда дитя *сознает себя юношей* (Там же, Юность); Только тут я сам уважаю *себя* и *сознаю не дряньюю* (Белинск., п. В. П. Боткину, 16 апр. 1840); Я *признался* сперва совершенным *фурьеристом,* тогда как им не был (Петрашевск., Как следует поступать по этому делу); И *самого себя,* краснея, *узнаю* Живой души твоей безжизненным *кумиром* (Тютч., О, не тревожь меня укорой справедливой!); И перед ней мы смутно *сознаем Себя самих* лишь *грезою* природы (Тютч., От жизни той, что бушевала здесь...); Ваша повесть сидит у меня в голове потому, что в ней *я узнал себя Дублицким* (Л. Толст., п. С. А. Берс, сент. 1862).

Однако широкого распространения такие сочетания не получили.

Итак, в сочетаниях знаменательного глагола с творит. падежом существительного в течение всего XIX в. наблюдается рост употребительности и расширение возможностей лексического наполнения модели.

§ 34. Иное положение было с сочетаниями знаменательного глагола с прилагательным. При явном ограничении — собственно количественном и стилистическом — сочетаний типа *встал весел, вернулся пеш* равнозначные соединения с полной формой в именит. падеже оказываются в языке XIX в. категорией неуклонно развивающейся; построения с творительным рядом с ними характеризуются прежде всего более ограниченной употребительностью. В соотношении типа *дом стоит пустой* и *дом стоит пустым*[94] первый член ряда в языке XIX в. ведет себя как сильнейший и активнейший. Объяснить это, по-видимому, можно как одно из проявлений общего процесса активизации адъективных сказуемых с полным прилагательным в форме именительного падежа (см. «Изменения в соотносительном употреблении

---

[94] Соотносительности не было в конструкциях с глаголами выявления, обнаружения; здесь был возможен только творительный: *притворялся слепым, сказался больным, сознавали себя виновными, отрапортуюсь больным, прикинулся влюбленным, жизнь рисовалась светлой и радостной.*

полных и кратких форм прилагательных в составе сказуемого»).

Круг знаменательных глаголов, с которыми во второй половине XVIII в. сочетались полные прилагательные (в форме именит. и творит. падежей), в общем совпадает с тем, который определен выше для сочетаний с именем существительным в творительном (см. § 33). Приблизительно по тем же путям идет здесь и пополнение. Однако в адъективных сочетаниях пополнение это было значительно более ограниченным: прилагательные, входившие в такие сочетания, исконно не знали смысловых ограничений, а следовательно, и семантические ряды их — в рамках этих сочетаний — в XIX в. никак не могли пополняться; отсюда относительная лексико-семантическая стабильность и глагольной формы, а следовательно и всей конструкции. И все же в XIX в. здесь отмечается расширение «возможностей» глагола. Истоки этого процесса, по-видимому, следует искать в поэзии и романтической прозе 20—30-х годов, ср.:

Мой темный жизненный поток *Безвестный потечет* в истленье (Кюхельб., К Вяземскому); Он *вспрянул бледный, трепетный* (Кюхельб., Адо, 8); ...Где я *веселый пировал* (Козлов, Бессонница); Вотще он *стонет исступленный* (Хомяков, Два часа); Когда я вдоль реки широкой *Скитаюсь мрачный, одинокий* (Веневит., К моей богине); Но тогда лишь собиралась Пряморусская война; *Многогромная скоплялась* Вдалеке — и к нам примчалась Разрушительно-грозна (Языков, Денису Вас. Давыдову); Но взор спокойный, чистый твой В меня *вперился изумленный* (Лерм., Н. Ф. И... вой); Она *обернулась* ко мне *бледная*, как мрамор (Лерм., Кн. Мери, 27 июня).

В дальнейшем такие сочетания не выходят за пределы художественной литературы. В целом же сказуемостное функционирование сочетаний типа *хлеба родились сильные, дети ходят босые, встал из-за стола голодный, упал мертвый, вскочил неодетый, выехал здоровый, дом стоит пустой, возвратился разбитый и усталый, приехал пьяный, лежал больной, бродил нагой, расстались довольные друг другом* и т. п. в XIX в. остается устойчиво активным во всех сферах литературной речи. Аналогичные построения с творительным остаются формой живой, но гораздо менее употребительной [95].

Если наложить систему соотношений именит. и творит. предикативного конца XIX в. на систему тех же соотношений в конце

---

[95] Утверждение, что конструкция типа *встала бодрою и живою* «в литературном языке XIX. в. сильно развилась, вытеснив собою конструкцию с именительным предикативным» (О. М. Лабартква. Способы выражения сложного сказуемого [На материале русск. лит. языка XIX в.], стр.8—9), необоснованно.

XVIII в., то ясно будут видны происшедшие за столетие изменения.

Соотношение собственно связочных сказуемых (*сие есть доказательство — сие есть доказательством*) полностью утрачивается.

Соотношение именит. и творит. бессвязочного в результате ограничения значений творительного и роста его лексической несвободности перерастает в соотношение конструкции активной и лексически свободной с конструкцией узкой по значению, лексически замкнутой и при определенных условиях трансформирующейся в синтаксический фразеологизм.

Соотношение именительного и творительного при *был* развивается по пути активного проникновения творительного в сферу исконного функционирования второго именительного; однако это распространение не является фронтальным: в сказуемых со значением неотъемлемого признака именительный уступает свои позиции очень медленно и постепенно. В том же направлении эволюционирует и соотношение именительного и творительного при связке в форме буд. вр. и повелительного наклонения. Наибольшая устойчивость именительного обнаруживается в адъективных сказуемых.

При полузнаменательных глаголах употребление именительного к концу XIX в. оказывается ограниченным рядом собственно смысловых факторов, опирающихся, как правило, на лексическое содержание приглагольного имени; там, где таких ограничений нет, творительный при полузнаменательных глаголах закрепляется как общеязыковая норма. Аналогичная тенденция наблюдается и в развитии трехчленного сказуемого.

Соотношение именительного и творительного имени существительного при знаменательном глаголе утрачивается: творит. падеж в таких сочетаниях оказывается формой абсолютно возобладавшей; именит. падеж сохраняется при ограниченном круге глаголов как форма, практически не соотносительная с творительным. В адъективных сочетаниях имеет место обратное отношение: именит. падеж здесь оказывается формой устойчиво преобладающей.

Соотношение именительного и творительного при кратком страдательном причастии к концу XIX в. утрачивается: абсолютно возобладавшей оказывается форма творит. падежа.

В XIX в. литературный язык окончательно освобождается от чуждых его духу синтаксических калек — трехчленных сказуемостных сочетаний типа *кажутся быть друзья* (*друзьями*), *стал быть удивлением* и под.

ИЗМЕНЕНИЯ В СООТНОСИТЕЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОСТАВЕ СКАЗУЕМОГО

Основные тенденции развития соотносительного употребления двух форм прилагательного в сказуемом до конца XVIII в.

§ 35. Соотносительное употребление полных и кратких форм имен прилагательных в составе сказуемого имеет давнюю и сложную историю, протекавшую, как и в большинстве других славянских языков, под знаком постепенного развития предикативного функционирования полных форм и ограничения форм кратких [96]. Основное смысловое различие этих двух форм в составе сказуемого было подготовлено и предопределено их исконным категориальным различием, проявлявшимся и в функционировании атрибутивном, тогда, когда полные прилагательные еще не знали сказуемостной функции: в отличие от полных, краткие формы и в атрибуте несли в себе оттенок «энергичности», предикативности, обозначали признак, «применяющийся к предмету как результат акта мысли» [97].

Когда полные формы начали более или менее последовательно употребляться в роли сказуемого (приблизительно с XIV—XV вв.) [98], то в этой функции они несли в себе явные следы своего атрибутивного употребления; их значение в сказуемом было очень определенным и узким: они могли выражать только постоянный и неизменный признак предмета как его качественную характеристику. Это находило отражение и в форме конструкций: предложения с адъективным сказуемым, выраженным полной формой, были всегда нераспространенными, постпозиция сказуемого по отношению к подлежащему была обязательна. Первоначальной сферой употребления полных форм в сказуемом были безыскусственные описания, тесно связанные с обиходной речью и чуждые специальной литературной обработке.

---

[96] Общий обзор взглядов русских языковедов на соотносительное употребление двух форм прилагательного в сказуемом см.: Ф. К. Гужва. Исследование об употреблении кратких и полных форм прилагательных в русской советской художественной литературе. Канд. дисс. Киев, 1952; его же. Обзор изучения функций кратких и полных прилагательных в совр. русск. лит. языке. Сумы, 1958.

[97] См.: Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи. ИОРЯС, т. XXIII, кн. 1, 1918, стр. 45, 51—52 и др.

[98] См.: Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русск. лит. языке XV—XVIII вв. Автореф. канд. дисс. «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка АН СССР», вып. 1, 1948 (там же см. литературу вопроса). См. также: В. Л. Георгиева. Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке. Канд. дисс. Л., 1952.

В языке XVI в. полные формы прилагательного в сказуемом распространяются, но сфера их употребления продолжает оставаться еще ограниченной: это оригинальная повествовательная литература, бытовая описательно-дидактическая проза, памятники профессиональной речи. В XVII в. границы предикативного употребления полных форм расширяются: они проникают в язык законодательных актов и юридических документов, в научно-популярную прозу, в исторические сочинения; типы конструкций с полным прилагательным в сказуемом обогащаются, становятся более многообразны [99].

В конце XVII — нач. XVIII в. исконно русские формы предложений с полными прилагательными в сказуемом встретили на своем пути поток новых и чуждых русскому языку конструкций, хлынувших с славянского юго-запада — из польского и украинского языков — вместе с переводами театральных действ и произведениями новых риторических жанров [100]. Эти конструкции имели свои специфические формальные приметы: связку *есть, суть* в составе сказуемого (*ты есть счастливый*); наречие образа действия или меры и степени при прилагательном (*сколь есть богатый*; *не так безумные есмя*); широкое использование в составе сказуемого связки в форме буд. вр. и повелительного наклонения; ничем не ограниченное употребление предикативного прилагательного в форме творит. падежа; свободное сочетание прилагательного с глаголом движения или временного пребывания в состоянии (*пришел нагий*). Русским конструкциям все эти черты в то время были чужды.

Первая половина XVIII в. дает картину широкого и беспорядочного употребления полных прилагательных в сказуемом, обусловленного взаимодействием собственно русских и инославянских конструкций. Язык некоторых писателей этого времени свидетельствует об эклектическом соединении тех и других форм

---

[99] Истории соотносительного употребления полных и кратких форм в составе сказуемого в русском языке до XVIII в. и первой половине XVIII в. посвящен ряд специальных исследований; кроме названных выше диссертационных работ Н. Ю. Шведовой и В. Л. Георгиевой, см.: Л. В. Соловьева. Указ. дисс.; А. В. Клевцова. Указ. дисс.; ее же. Имя прилагательное в краткой форме в составе сказуемого. «Уч. зап. Новгородского гос. пед. ин-та», т. III, Филол. выпуск, 1958; ее же. Имя прилагательное в полной форме в составе сказуемого (На материале памятников Петровского времени). «Уч. зап. Новгородского гос. пед. ин-та», 1961, т. VI, вып. 1; В. И. Медведева. Семантико-грамматические функции именных и местоименных форм прилагательных в языке русских памятников XVI—XVII вв. Канд. дисс. Л., 1955; А. В. Даневич. Указ. соч., Е. И. Гурьева. Указ. соч., стр. 239—245.

[100] В специальном исследовании Г. Гуннарссон (G. Gunnarsson. Recherches syntaxiques sur la décadence de l'adjectif nominal dans les langues slaves et particulièrement dans le russe. Stockholm — Paris, 1931) ошибочно видит в этих конструкциях исходный момент предикативного функционирования полных форм прилагательных в русском языке.

(например, язык раннего Тредьяковского). Хотя уже к середине XVIII в. инославянские формы явно ограничиваются в своем употреблении, однако несомненно их общее влияние на дальнейшую активизацию предикативного функционирования полных форм прилагательных, в частности на развитие адъективных сказуемых с творит. предикативным [101], а также на развитие употребления полных форм прилагательных при связке в форме буд. вр. и повелительного наклонения.

Одновременно с развитием предикативного функционирования полных форм прилагательных, как другая сторона этого процесса, происходило постепенное сужение предикативного функционирования форм кратких. Первоначально, когда полные формы или совсем не могли выступать в роли сказуемого или выступали в этой роли очень ограниченно, краткие формы, естественно, свободно выражали все значения, способные выявляться в предикате: ими обозначалось и собственно качество, и качественное состояние; и признак постоянный, неизменный, и признак временный, случайный. Отмеченное выше исконное категориальное значение кратких форм не отражалось на их сказуемостном функционировании, так как они были здесь формой единственно возможной.

Обычно указывается, что для современного русского языка различие между полными и краткими прилагательными в сказуемом есть различие качества и качественного состояния [102]: при употреблении краткой формы предикативный признак мыслится как заложенный в самом предмете, в акте предицирования не приписываемый субъекту, а в нем отыскиваемый, от него отвлекаемый и потому неизбежно воспринимаемый как отнесенный к определенному периоду времени, охватывающему или все время существования субъекта, или только какой-нибудь отрезок этого времени [103]; при употреблении полной формы признак мыслится как известная отвлеченная категория качества, под которую подводится, которой характеризуется субъект — также или

---

[101] История сказуемых, выраженных именем прилагательным в форме творит. падежа, рассматривается в главе «Изменения в соотношениях именительного и творительного предикативного».

[102] Как будет показано ниже (см. § 39), этот тезис нуждается в существенном уточнении.

[103] Именно это значение дает многим исследователям основание говорить о «глагольности» кратких форм в сказуемом в отличие от «субстантивности» форм полных. Из относительно ранних работ, специально посвященных этому вопросу, см.: J. Fontenoy. De l'adjectif attribut au nominatif avec la copule «быть». — Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer. Paris, 1925, p. 362—374; A. Mazon. Указ. соч. Мысль о субстантивности полных прилагательных в сказуемом лежит и в основе утверждения, будто бы при таком прилагательном всегда подразумевается определяемое имя; именно так пытались объяснить полные формы в сказуемом некоторые грамматисты XIX в; см., например: И. Перевлесский. Практическая русская грамматика, ч. 3. Начертание синтаксиса. Изд. 4. СПб., 1857, стр. 122.

на всем протяжении своего существования или лишь в определенный отрезок времени [104]. В древнерусском языке и даже еще в языке XVIII в. этого соотношения не существовало: полные формы, как и теперь, выражали собственно качество субъекта, но всегда только качество постоянное, свойственное субъекту на всем протяжении его существования; краткие формы выражали и качественное состояние и собственно качество, т. е. они могли иметь то значение, которое сейчас закрепилось только за полными формами. Ошибкой многих исследователей и грамматистов является попытка наложить современные отношения — в их упрощенном и обедненном виде — на язык предшествующих эпох: в качестве основного различия кратких и полных форм прилагательных в сказуемом часто указывается временность и постоянство обозначаемого признака [105]. Но, во-первых, временность и постоянство признака — значения, производные от основного, в современном языке ставшего не только категориальным, но и функциональным расхождения значений двух форм прилагательных; во-вторых, в современном языке различие в сказуемом двух форм прилагательных по постоянству и временности обозначаемого признака не только не выдерживается, но явно разрушается.

Из сказанного видно, что в древнерусском языке расхождение двух форм прилагательных исконно шло как внутрикатегориальное расхождение значений форм — независимо от различия их синтаксических функций. Это было расхождение по семантическому признаку: качество (полная форма) — качественное состояние (краткая форма). В определенный период развития языка это семантическое различие форм, в древнейшую эпоху последовательно отражавшееся в различии функций (краткая форма — сказуемое и несущее в себе оттенок предикативности определение, полная форма — только определение, лишенное «энергичности»), оказалось в сложном взаимодействии с новым явлением — разви-

---

[104] См. об этом: А. А. Шахматов. Синтаксис, стр. 192; В. В. Виноградов. Русский язык. М. — Л., 1947, стр. 262 и сл., 404; А. Е. Бескровный. Категория состояния и краткие прилагательные в русск. лит. языке. «Уч. зап. Петропавловского гос. пед. ин-та», вып. IV, 1960, стр. 9—10; Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в совр. русск. лит. языке. «Уч. зап. МГУ», вып. 150, 1952, стр. 86—87; И. Н. Дымарская-Бабалян. О нарушении параллелизма кратких и полных прилагательных в сказуемых. «Научные труды Ереванского гос. ун-та», 1961, т. 74. Серия филол. наук, вып. 4.

[105] Противопоставление кратких и полных форм по временности и постоянству признака проходит через все школьные грамматики второй половины XIX — нач. XX в. (более ранние школьные грамматики вообще не признавали за полными формами прав на предикативное функционирование). В наше время эта точка зрения особенно ясно выражена в работах Т. П. Ломтева. См.: Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. «Уч. зап. Белорусского гос. ун-та»., Серия филол., вып. II, 1941, стр. 176; его же. Очерки по историческому синтаксису русск. языка. стр. 134—135.

тием предикативного функционирования полных форм. Этот быстро активизировавшийся процесс «сбивает» и осложняет первоначальную картину: проникая в область исконного функционирования кратких форм — в сказуемое, полные формы постепенно развивают в себе способность в сказуемостной функции выражать не только собственно качество, но и качественное состояние субъекта.

Соотношения сказуемых с полными и краткими формами прилагательных в конце XVIII — нач. XIX в.

§ 36. В результате всех описанных выше процессов к середине XVIII в. сложилось довольно сложное соотношение сказуемых, строящихся с полными и краткими формами имен прилагательных.

Говоря о соотносительном употреблении двух форм прилагательных в сказуемом, мы имеем в виду только явления непосредственной соотносительности, т. е. те случаи, где замена одной формы другой была возможна без всякого изменения смысла. Поэтому при дальнейшем анализе не принимаются во внимание случаи употребления той или другой формы, обусловленные: 1) лексико-сематическим расхождением форм, например: *оная паперть теплая* («отапливаемая»; прилагательное *теплый* в этом значении не имеет краткой формы); *я об этом неизвестен* («не знаю»; полная форма не имеет соответствующего значения); 2) отсутствием у краткого прилагательного той или другой формы рода или числа, например: *он лыс* (краткая форма женск. и средн. рода отсутствует); 3) расчленением фразеологической единицы, например: *наша вера правая* (ср. устойчивое сочетание *правая вера*) и некоторыми другими факторами лексико-семантического и грамматического порядка[106].

К этому времени полные формы в сказуемом окончательно укоренились в системе языка и собственно конструктивных различий у построений с полными и краткими формами уже не было. Исследователи описываемых соотношений в русском литературном языке нового времени обычно указывают на следующие основные конструктивные и смысловые различия предложений с полными и краткими формами в сказуемом: 1) построения с полными формами обозначают постоянный признак субъекта, построения с краткими формами — признак временный; 2) краткие формы господствуют там, где при адъективном сказуемом есть управляемое слово; 3) краткие формы явно предпочитаются в тех случаях, когда в предложении имеется указание на степень признака; 4) полные формы предпочитаются в «конструкциях принадлежности», содержащих указание на принадлежность ли-

---

[106] См. об этом: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 262 и сл.; Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в совр. русск. лит. языке, стр. 74—84; В. П. Тимофеев. Лексико-семантическое и морфологическое соотношение кратких и полных форм имен прилагательных в совр. русск. языке. Канд. дисс. М., 1955 и др.

цу, отнесенность к месту или времени (*у меня, здесь, там* и под.) [107].

Для понимания развития изучаемых соотношений в литературном языке XIX в. важно подчеркнуть, что перечисленные различия были абсолютны и строго выдерживались лишь до XVII в., а уже во второй половине XVIII в. они не только не были абсолютными, но в некоторых случаях начинали стираться. Остановимся подробнее на каждом из названных различий по отношению к языку второй половины и конца XVIII в.

1) Обычно указывается, что сказуемые, выраженные полными формами прилагательных, обозначали и обозначают признак постоянный и лишь в самое последнее время в современном языке в них развивается способность выражать непостоянный, временный признак субъекта. Между тем уже во второй половине и в конце XVIII в. сказуемые — полные формы прилагательных могли употребляться для обозначения непостоянного, временного, случайного признака. Правда, такое употребление фиксируется далеко не во всех стилях и жанрах письменности, а лишь там, где так или иначе находила отражение разговорная речь, ср.:

Сия особа *была тогда знаменитая* в полку нашем (Болот., 1, 25); Потому что любовь моя *все еще чрезвычайная* к неблагодарному (А. И. Плещеева, п. Н. М. Карамзину, 7/18 июля 1790); Ахти! да корму нет ни крошки у него! И водопойка вон *пустая!* (Изм., Соловей и Ворон); Хозяйка сахарцу ей уделит кусочек: А сахар *нынче дорогой!* (Изм., Осел и собака).

Там, где такого отражения не было, временный признак устойчиво выражался краткой формой, и в сказуемых с таким значением краткие формы в этот период явно господствовали.

Немецкий язык *по то время был убог, прост и бессилен, пока* в служении употреблялся язык латинский (Лом., [О пользе книг церк.]); Ты *последние часы был* при нем *безотлучен* (Радищ., Житие Уш.); Ты *беспокоен,* ты *печален;* сердце твое страдает (Карамз., Филалет к Мелодору); В девять часов вышел он из своей комнаты. Глаза его *были красны,* лицо *бледно* (Карамз., П. р. п., Женева, 2 февр. 1790); Князь опять явился вместе с прочими гостями; *был весел, забавен* (Карамз., Юлия).

---

[107] См.: А. Е. Бескровный. Предикативное функционирование полной формы прилагательного в русск. лит. языке. «Труды Краснодарского гос. пед. ин-та», т. VIII, 1941; Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. I; Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в совр. русск. лит. языке; О. К. Балашвили. К истории предикативного употребления имен прилагательных в русск. языке. «Труды Тбилисского гос. пед. ин-та», т. 9, 1952; Р. Биркадзе. Имя прилагательное в сказуемом. «Труды Тбилисского гос. ун-та», т. 83. Серия филол. наук, II, 1959.

2) Способность распространяться зависимым существительным уже в середине XVIII в. не была исключительной принадлежностью кратких форм: полные формы в сказуемом свободно принимали «управляемое» слово [108]. Случаи многочисленны; вот некоторые из многих возможных иллюстраций.

Недра ее все *богатства полные* (Кант., Письма о прир. и чел., 3); *С простым* ты *был простой*, Ты мудр был с мудрецами (Васильев, Дневн., 18 мая 1774); [Правдин] Это уж так давно, что я думал *для вас* и *не новое* (Копиев, Обращ. мизантроп, II, 7); Сие путешествие *было для меня* первое и следственно *трудное* (Фонв., Чистосердечн. призн., 2); Вся экзерциция *была от прежней отменная* (Болот., 1, 32); Голос *был подобный во всем человеческому* (Там же, 23); Благородные россияне *были* конечно прежде *сердцем и душою*, нежели *именем благородные* (Карамз., Похв. слово Екат. II, 2); 1802 год *был* мирный для Европы, но *важный* своими великими государственными *феноменами* (В. Е., 1803).

Отличие от кратких форм здесь состояло в том, что последние «управляли» именем свободнее, возможности распространяться зависимым существительным были у них шире, чем у полных форм. Так, если полные формы в сказуемом в этот период могли распространяться родит. падежом без предлога (*достойный зрения, полный богатства*) и с предлогами *для, от* (*странный для меня, от прежней отменная*), творит. падежом без предлога (*благородный сердцем, красивый лицом*) и с предлогом *с* (*простой с простым*), винит. падежом с предлогом *в* (*в России новый*), дат. падежом без предлога (*тебе незнакомый*), то возможности кратких форм были в это время значительно шире. Отмечаются случаи распространения предикативного краткого прилагательного винит. падежом с предлогами *про, на* (*умен про себя, скуп на время*), дат. падежом с предлогом *к* (*нечувствительны к делам монархини*); у краткой формы шире были возможности распространения родит. падежом с предлогом *от* (*улицы узки от огромности домов; чист от поношения; от природы туп*) [109]. Впрочем, нельзя быть уверенным, что отсутствие фиксации этих видов «управления» для полных форм не объясняется просто недостаточной изученностью материалов.

3) Указание на степень признака в изучаемый период свободно могло присутствовать при сказуемом, выраженном не только краткой формой, но и полной.

---

[108] Ср. свободное присоединение «управляемого» слова к полному прилагательному-сказуемому в современных народных говорах. См.: Г. Ф. Мясников. Предикативное использование полных и кратких прилагательных в современных говорах русск. языка. «Уч. зап. Курганского пед. ин-та», вып. 2, 1959, стр. 68—71.

[109] См. А. Х. Востоков. Русская грамматика, гл. «О управлении слов», стр. 252—315.

Народ здешний с природы *весьма скотиноват* (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777/11 янв. 1778); [Лошадь] имеет недурные стати и *нарочито резва* (Держ., п. А. П. Ермолову, 5 июля 1786); Он был росту выше среднего, *довольно тучен* (Добрынин, Зап., XXIV).

Язык его был очень поворотлив, и разум *довольно вертлявый* (Чулк., Пересмешн., 7); Расстояние *было не весьма близкое* (Шаховск., Зап., 1); Сколь прекрасен сей лес, *столь жалостное* его состояние (Лепехин, Дневн. зап., 2); [Княгиня] Сия истина *не весьма новая* (Фонв., Друг честных людей, Разговор у кн. Халдиной).

4) В «конструкциях принадлежности», содержащих в себе указание на принадлежность лицу, отнесенность к месту, времени, предпочитались полные формы [110].

В прежних пещерах проход *был* местами *весьма трудный* для обвалившегося каменья (Лепехин, Дневн. зап., 2); Скотоводство *тут чрезвычайное* (Щербат., Статистика, III); *От самого устья до города по обе стороны реки* берега *низкие, ровные* (Челищ., Путеш.); Надеяние на самого себя *было у меня худое* (Болот., 1, 28); По счастию, *была тогда* погода *теплая* и день *красный* (Там же, 1, 32); Ночь *тогда была весьма холодная и темная* (Изм., Евгений, 5, V); Вкус *у нее странный* (Карамз., П. р. п., Лондон, июля... 1790).

Однако краткие формы в таких построениях далеко не были исключением.

В Монпелье житье наше *было не тщетно* (Фонв., п. Ф. И. Фонвизиной, 11/22 марта 1778); Комната *у меня чиста и светла* (Карамз., П. р. п., Лейпциг, 14 июля 1789); Там, где течет Майн и Рейн, думал я, *там* небо *чисто,* дни *красны* (Карамз., П. р. п., Франкфурт, 29 июля 1789).

Таким образом, обычно указываемые для современного языка основные конструктивные и смысловые различия между адъективными конструкциями с краткой и полной формой прилагательных уже в конце XVIII в. практически не существовали; дело сводилось не к конструктивно-смысловым различиям, а к преиму-

---

[110] Описание и анализ функций полных форм прилагательных в таких конструкциях см.: J. Fontenoy. Указ. соч., стр. 368; А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 225; А. Е. Бескровный. Полупредикативность как переходная ступень в развитии предикативности полной формы прилагательного. «Труды Краснодарского гос. пед. ин-та», т. VII, вып. I, 1938, стр. 173—174, 176—177; его же. Предикативное функционирование полной формы прилагательного в русск. лит. языке, стр. 49—50; Н. Ю. Шведова. Соотношение именных и членных форм прилагательных при предикативном их употреблении в художественной прозе Карамзина. «Матлы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. I. М.—Л., 1949, стр. 26; ее же. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого, стр. 116—119; M. Benson. Attributive postposition in modern Russian. «Revue des études slaves», Paris, 1959, t. 36, p. 41—46.

щественному употреблению той или другой формы при определенных условиях.

§ 37. Для полноты характеристики функционировавших в русском языке конца XVIII в. конструкций с адъективным сказуемым следует еще остановиться на построениях со связкой в форме буд. вр. и повелительного наклонения, а также с полузнаменательными и знаменательными глаголами.

При связках в форме буд. вр. и повелительного наклонения в этот период во всех стилях и жанрах явно преобладают краткие формы: бой для нас *неравен будет* (Фонв.), описание мое *будет скудно* (Эмин), сочинение сие *будет* несколько *пространно и велико* (Болот.), ослепление твое *будет сугубо* (Радищ.), *будешь безопасен* от всех подысков (Крыл.), ваше имя *будет незабвенно* (Карамз.), *не будь* к болтанью *строг* (Держ.), *будь чистосердечен* (Фонв.) и т. д.

Полные формы при связке в форме буд. вр. единичны; однако указать их точную стилистическую прикрепленность было бы затруднительно: они проникают в разные жанры, отражающие разные формы речи.

Все сочинения *будут* совсем *новые* (Фонв., Друг честн. людей [Предисл.]); Молчание мое никогда *не будет самопроизвольное* (Е. И. Голенищева-Кутузова, п. А. М. Кутузову, 27 ноября 1790); ...Отчего марш *будет ровный* и ровняться легко можно (Воинск. устав 1796 г., ПСЗ, XXIV); Красноречие наше *будет бесподобное!* (Шишк., Примеч. на письмо деревенск. жителя в «Сев. вестн.») Ср. при подразумевающейся связке: Тишина рано или поздно настанет — но какова будет тишина сия? Естьли *мертвая, хладная, мрачная?* (Карамз., Мелодор к Филалету).

Показательно, что полные формы при *буду, будь* в это время еще часто носят несколько искусственный характер, связывающий их с инославянскими конструкциями начала века (см. § 35). Таково, например, употребление их в прозе Щербатова; особенно ярко такое употребление обнаруживается в трагедиях Озерова (см. § 38).

Нередко можно встретиться с утверждением, что при полузнаменательных глаголах полные формы прилагательных в именит. падеже не употребляются. Однако это не так. Уже материалы второй половины и конца XVIII в. свидетельствуют о возможности употребления полной формы в именит. падеже при глаголах пребывания в состоянии, выявления и обнаружения, перехода из одного состояния в другое: *бывать, происходить, казаться, показаться, делаться, сделаться, стать, становиться.*

Зима *происходила* весьма *слабая* с великими ветры (Нащокин, Зап.); [Маланья] Вить все морские долго *холостые бывают* (Кропот., Фомушка, IV, 4); Баня *вышла негодная* (Храповицк., Дневн., 26 мая 1788); Вся власть его *становит-*

ся беззаконная (Фонв., Рассужд. о истребившейся в России... формы гос. правл.); Предприняли исправлять то, что им *суровое казалось* (Щербат., Статистика, V); Глаза у него переменились и *сделались страшные* (Болот., 1, 22); Презрение наше к Бокуму с того времени *стало совершенное* (Радищ., Житие Уш.); Ужин *бывал прекрасный* (Карамз., Моя исповедь); *Сколько бы* он [навык] *ни сделался общий* (Шишк., Рассужд.) [111].

Однако такое употребление не было широким. Подавляющую массу конструкций с полузнаменательными глаголами составляли адъективные сказуемые с краткой формой. Самый круг глаголов, с которыми они могли сочетаться, был значительно шире. Практически это были все глаголы «des Werdens» [112]: *бывать, стать, становиться, делаться, сделаться, учиниться, прийти* (в значении «стать», «оказаться»), *прийтись, остаться, оставаться, пребыть, пребывать, казаться, показаться, представляться, представиться, зреться, оказаться, оказываться, выйти, выходить, найтись, находиться, явиться, слыть, называться.* Массово, без каких-либо жанрово-стилистических ограничений употребляются в это время сказуемые типа *бываю весел, стал любезен, становится низок, сделался хром, пришелся дорог, чувствительны учинятся,* просьбы *остались тщетны, пребуду тверд, покажется страшен, непонятны представятся,* коль ты мне *приятен зришься* (Держ.), *окажутся ослушны, выйдет смешон,* он *жив находится* передо мною (Чулк.), река *нашлась неглубока, явись благосклонна, сердит слывет, называлось свято* и т. п.

В сочетаниях с полнознаменательными глаголами «вещественного движения и пребывания в состоянии» [113] в описываемую эпоху еще преобладали краткие формы; сочетания типа *шли пеши, стоит пуст, ехал пьян, проснулся голоден, спали безоружны, молод умер, встал слаб, ходит бледен, лежит болен, возвратились благополучны, пришел невесел* во второй половине XVIII в. употребляются без каких-либо стилистических ограничений — в стихах и в прозе, в мемуарах, письмах, научных описаниях и т. д. Этого нельзя сказать о сочетаниях с полными формами, употреблявшимися довольно широко, но не в поэзии, а преимущественно в описательной прозе, в записках, письмах, в текстах, отражающих живую речь [114]. Здесь они употреблялись рядом с краткими

---

[111] Материалы см. также в статье: А. Е. Бескровный. Предикативное функционирование полной формы прилагательного в русск. лит. языке, стр. 21.

[112] См.: А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 178.

[113] Там же, стр. 178—179.

[114] Это объясняется исконным распространением таких сочетаний именно в описательной прозе (первоначально — только с глаголами, обозначающими постоянное состояние, с конца XVII в. — с глаголами вещественного движения).

формами, без какой-либо стилистической или смысловой дифференциации. Ср. у одного и того же автора:

Потом *шли пешие* до деревни Телекиной (Мордв., Зап.)

Потом *пеши шли* до деревни Масельги (Мордв., Зап.)

И, вышед из судов, *перешли пешие* до деревни Койкинич полверсты (Там же)

Из Повенца *пошли пеши* (Там же)

Уверяли меня, что Свидаль *стоит* передо мною *не мертвый, но живой* (Чулк., Пригож. повариха)

Однако со всем тем *проснулся голоден* (Чулк., Пересмешн., 9)

Дети *ходят оборванные* и почти *босые* (Фонв., Друг честн. людей, Разговор у кн. Халдиной)

Да и в кого здесь влюбляться? Все немки *ходят бледны*, как смерти (Фонв., п. сестре, 22 февр. 1764).

Мы до него *пешие шли* с версту (Челищ., Путеш.)

А сами за неспособностию ехать, *ишли* около реки через погост Надвонц *пеши* (Челищ., Путеш.)

Случилось мне войтить в его горницу, где он один *пьяным расхаживал* (Болот., 1, 31)

И утоп-то в реках, и запемогто, и *лежит болен*, и умер, и так далее (Болот., 1, 16)

Он, простясь и расставшись с ними, *пошел пешой* к монастырю (Добрынин, Зап., XLII)

Возвратились домой *сыти* (Добрынин, Зап., XI)

В конце XVIII в., по-видимому, под пером Карамзина, сочетания с полными формами утрачивают окраску «простоты» и обиходности и в прозаической речи становятся стилистически равноправны с аналогичными сочетаниями с краткими формами. Вот некоторые характерные сопоставления карамзинского употребления:

Возвращалась домой *весела и покойна* (Нат. боярск. дочь)

Согревала Леона нежными поцелуями, когда он, приехав, *вбегал холодный* в кабинет ее (Рыц. нашего вр., 12)

Ныне поутру *встал* я совершенно *здоров* (П. р. п., Берлин, 4 июля 1789)

Счастлив, кто *выедет* из Парижа *здоровый* (П. р. п., Париж, мая... 1790)

Безоружен и спокоен явился он среди мятущегося народа (П. р. п., Женева, 1790).

Он вонзил кинжал в грудь свою и *пал мертвый* на помост храма (Сиерра-Морена)

Из которых один [камень] несмотря на усилие волн, стремящихся сокрушить его, *стоит непоколебим* (П. р. п., Эглизау, 14 авг. 1789)

Сельская наша красавица *вышла замуж непорочная* душою и телом (Рыц. нашего вр., 1)

Конструкции со сказуемым — прилагательным в форме твор. падежа к концу XVIII в. вошли в язык, но употреблялись очень ограниченно: по подсчетам О. В. Патоковой, на 100 случаев употребления адъективного сказуемого в форме номинатива приходилось приблизительно 6 случаев творит. предикативного, причем последний встречается почти исключительно при обозначении непостоянного, временного признака [115].

§ 38. На основании сказанного выше уже можно сделать некоторые заключения о стилистической дифференциации полных и кратких форм предикативных прилагательных в языке конца XVIII в. Дифференциация эта существовала, но она не была полной и до конца последовательной. Несомненно, что полные формы, там, где их употребление не определялось влиянием инославянских образцов, были связаны с разговорной речью и с повествованием, далеким от высокой книжности. Поэтому они невозможны, например, в изречениях афористического характера (*Война бедственна, Всякие насильственные потрясения гибельны* и т. п.). В то же время и краткие формы в сказуемом далеко не были категорией, чуждой разговорной речи и непринужденной манере языкового выражения. Они были всеобщи и стилистически нейтральны [116]. В конце XVIII в. намечаются как бы три линии обусловленных факторами стилистического порядка соотношений полных и кратких форм в сказуемом.

С одной стороны, продолжалась и укреплялась традиция предикативного употребления полных прилагательных в тех формах письменности, которые не были связаны со старой книжностью, отражали живое употребление, нормы обиходной, разговорной

---

[115] См. главу «Изменения в соотношениях именительного и творительного предикативного», § 21.

[116] Некоторые сведения об употреблении тех и других форм у писателей XVIII в. см. в статье: А. Е. Бескровный. Из истории предикативного употребления полных прилагательных в русск. лит. языке XVIII—XIX вв. «Уч. зап. Петропавловского гос. пед. ин-та», вып. IV, 1960. Впрочем, ценность предложенных здесь наблюдений и подсчетов снижается, во-первых, тем, что автор совсем не обращает внимания на роль в языке XVIII в. тех инославянских образцов, о которых говорилось выше, и все случаи употребления полных форм в сказуемом стремится объяснить влиянием живой разговорной речи (см., например, его объяснение этих форм в прозе Тредьяковского); во-вторых, тем, что в своих подсчетах соотношений полных и кратких форм автор не разграничивает, с одной стороны, реально действовавшие соотношения и, с другой стороны, те случаи, когда факторы лексико-семантического или словообразовательного порядка делали замену одной формы другой практически невозможной.

речи. В мемуарах и письмах, в речи персонажей (особенно последовательно в комедийных жанрах) отражается очень широкое и свободное употребление адъективных сказуемых — полных прилагательных наряду с формами краткими. Ярким примером здесь может служить жизнеописание А. Болотова, в своем повествовании постоянно пользующегося такой конструкцией, ср.:

Моление мое *было непритворное* (1, 29); Удивление мое *было чрезвычайное* (1, 26); Другое приключение *было смешное* (1, 23); Дорога *была хорошая* (1, 17); Страх мой *был кратковременный* (1, 9); Дорога *была гладкая*, лошадь *смирная* (1, 9) и т. д.

Рядом, в тех же значениях употребляются краткие формы:

Собственно берег, где вода прикасается до земли, *был низок и ровен* (1, 28); Все труды и старания его *были бесплодны* (1, 24); Печь сия *была тепла и неугарна* (1, 15); Крик и вопль мой *был тщетен* (1,7); Потомки Осиповы *были немногочисленны и недолговечны* (1, 3) и т. д.

То же соотношение наблюдается и в бессвязочном сказуемом (типа *дорога хорошая — дорога хороша*).

С другой стороны, у писателей, ориентировавшихся на интеллигентское употребление и с большим разбором пользовавшихся конструкциями обиходно-разговорной, непринужденной речи, в это время наблюдается очень «осторожное» употребление полных прилагательных в сказуемом: допускаются лишь конструкции безусловно отстоявшиеся, со строго определенными значениями. Наиболее яркий пример такого отношения к этим конструкциям — употребление их Карамзиным. Широко и неограниченно пользуясь построениями с краткой формой, Карамзин в своем творчестве обращается далеко не ко всем типам построений с полной формой. Здесь у него отмечаются лишь те конструкции, которые составляют исконный фонд таких образований: бессвязочные и со связкой *был* сказуемые, обозначающие собственно качественную, постоянную характеристику предмета (Солдаты по большей части *старые*. П. р. п., Данциг, 22 июня 1789; Ночь *была ясная*. Остров Борнгольм); «конструкции принадлежности» (*Домик у него прекрасный*. П. р. п., Берн, 10 сент. 1789; *На польской границе осмотр был не строгий*. П. р. п., Поланга, 3/14 июля 1789), сочетания с знаменательными глаголами [117].

Наконец, во второй половине и в конце XVIII в., иногда даже еще в начале XIX в., как остаточное явление можно наблюдать следы тех инославянских конструкций с полными прилагательными, о которых говорилось выше. Здесь имеются в виду прежде все-

[117] Подробное описание соотносительного употребления полных и кратких прилагательных в сказуемом в художественной прозе Карамзина см. в статье: Н. Ю. Шведова. Соотношение именных и членных форм прилагательных при предикативном их употреблении в художественной прозе Карамзина.

го оставшиеся чуждыми русскому языку адъективные сказуемые со связкой *есть, суть* типа: Должность исправника *есть великая и многотрудная* (Щербат., Статистика, VI); Такое зрелище *есть* совершенно *новое* для европейца (В. Е., 1802, № 19). Подобные конструкции отмечаются в текстах, далеких от живой разговорной струи (см. главу «Изменения в соотношениях связочных и бессвязочных сказуемых», § 3). Кроме того, отражением инославянских традиций являются построения с адъективным сказуемым — полной формой прилагательного в стихотворных произведениях высокого стиля. Таково, например, употребление этих форм в трагедиях Озерова:

[Бренский] Перед отечеством мой *будет* стыд *безмерный,* Что пережил тебя оруженосец верный (Дим. Донск., IV, 6); [Посол] С ним страшный исполин, наездник Челубей, Чья грудь *широкая,* как бы стена средь боев (Там же, I, 3); [Ксения] Ваш призываю суд: *пусть будет беспристрастный* (Там же, IV, 5); [Старн] И вознесенный холм над Старновой могилой Ввек *будет,* так как я, *безмолвный и унылый* (Фингал, II, 2); [Гекуба] *Благословенная была б* моя кончина (Поликсена, II, 1). Ср. с местоимением: [Поликсена] *Какая* в ярости богов неутомимость! (Поликсена, II, 5).

Здесь, несомненно, может быть установлена непосредственная историческая связь с идущими со славянского юго-запада аналогичными конструкциями в произведениях высоких риторических стилей и в драматургии начала XVIII в.

Развитие соотношений сказуемых с полными и краткими формами прилагательных в XIX в.

§ 39. Итак, исходный для литературного языка XIX в. момент развития изучаемых соотношений характеризовался, с одной стороны, уже осуществившимся разрушением системы исконных конструктивных и смысловых различий между построениями с полными и краткими формами прилагательных в сказуемом — при устойчиво сохранявшемся различии категориальных значений этих двух форм; с другой стороны, таким распределением по сферам употребления, при котором построения с полной формой оказывались категорией стилистически значимой, в то время как аналогичные построения с краткими формами продолжали быть стилистически нейтральны [118].

Эти отношения — как конструктивно-смысловые, так и стилистические — удерживались приблизительно до начала 30-х годов XIX в. Показательно, например, что поэтический язык этого времени практически не знает полных форм в сказуемом: краткие

[118] См. об. этом: А. В. Клевцова. Имя прилагательное в краткой форме в составе сказуемого, стр. 147.

формы здесь продолжают господствовать [119]. Смысловые соотношения также остаются прежними; характерно, что в это время краткие формы в сказуемом устойчиво сохраняют способность выражать постоянный и «неподвижный» признак, т. е. такое сказуемое, наряду с полными формами, свободно выражает «подведение» субъекта под ту или иную качественную характеристику. Вот несколько неизбежно случайных примеров из произведений разных жанров первых десятилетий XIX в.

Сердечно рад, что вы здоровы и что погода *хороша* (Вяземск., п. жене, 12/13 июля 1826); Улицы Ируня *узки и кривы* и дома по большей части снаружи *нечисты* (ЖДНП, 1823, авг.); Улицы *были тесны и кривы;* избы *низки* (Пушк., Кап. д., III); Темя и рога светло-карие, уши впереди и у корня *белы,* назади *коричневаты,* грива *рыжевата* и верхняя часть ног также испещрена, как и тело, нижняя *одноцветна.* Брюхо и ляжки внутри *белы* (Подробн. сведения о жирафе, Атеней, 1828, № 18); Погода испортилась, *дождлива и сыра* (Гоголь, п. матери, 29 сент. 1830); Ход комедии *жив,* но *не развязен* (Телеск., 1831, № 1); Осматривали гимназический дом: он *ветх и гадок* (Никитенко, Дневн., 1 авг. 1834).

В то же время в художественной прозе — в авторской речи и в речи персонажей,— в мемуарах, дневниковых записях, письмах в этот период продолжает активно развиваться предикативное употребление полных форм. Богатые материалы дают здесь записки Жихарева, Головнина, И. Дмитриева, проза Нарежного, переписка Вяземского с Тургеневым, путевые записки и письма Грибоедова, письма и художественная проза Жуковского, Батюшкова, Пушкина. Тезис о том, что в это время в предикативном употреблении полных форм происходил «процесс преодолевания литературно-языковых традиций, сложившихся в предшествующем столетии [120], неверен. Это было не преодолевание традиций, а естественное продолжение того идущего из предшествующих эпох процесса, который в языке XVIII в. получил дальнейшее развитие и нашел отражение в письменности, тесно связанной с живой языковой практикой.

30—40-е годы XIX в. в истории соотносительного употребления полных и кратких форм в сказуемом были новым этапом. В это время меняются внутренние, смысловые соотношения этих двух конструкций. При сохранении категориального различия самих форм прилагательного, их значения в составе сказуемого претерпевают существенные изменения, естественно подготовленные

---

[119] Материалы о предикативном и полупредикативном употреблении кратких форм в языке первых десятилетий XIX в. см.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в., стр. 320—325.

[120] А. Е. Бескровный. Из истории предикативного употребления полных прилагательных, стр. 80.

всем ходом предшествующего развития. Если раньше краткая форма, как форма слова, всегда обозначавшая качественное состояние, в функции сказуемого могла обозначать не только качественное состояние, но и собственно качество, т. е. выражать предикативный признак и как открываемое в субъекте свойство, и как отвлеченное качество, под которое субъект «подводится», которым он характеризуется, то теперь за краткой формой в сказуемостной функции закрепляется как ее характерное и специфическое значение выражение только первого из названных значений, т. е. качественного состояния, открываемого в субъекте как его свойство — постоянное или временное. Так из формы функционально многозначной краткая форма превратилась в форму однозначную, и ее категориальное, парадигматическое значение совпало с ее значением в составе сказуемого: качественное состояние стало единственным значением краткого прилагательного — и как формы слова и как члена предложения. С другой стороны, полное прилагательное в это время окончательно закрепляет за собой «право» выражать в сказуемом временный, непостоянный признак субъекта, т. е. обозначать признак как качественное состояние: эта функция из эпизодической и лишь возможной становится обычным свойством полной формы. Поэтому требует уточнения и поправки общепринятый тезис о том, что различие полных и кратких форм в сказуемом в современном языке всегда есть различие качества и качественного состояния (см. § 35): полная форма в сказуемом, как форма очень активная, уже в языке XIX в. обнаруживает несомненную тенденцию к экспансии в сферу значений форм кратких [121].

Из сказанного не следует, что краткая форма в это время полностью утратила способность выражать в сказуемом собственно качественность и тем более что полная форма в этой функции целиком сосредоточила в себе значение качественного состояния. Но в этот период постепенно нараставшие тенденции употребления активизировались и переросли в характерные функциональные свойства обеих форм. То, что в течение XVIII — нач. XIX в. накапливалось исподволь, подготовлялось употреблением, теперь превратилось в языковую закономерность.

Окончательно «передав» функцию выражения предикативного признака как собственно качества полной форме, уступая свои позиции и в выражении качественного состояния, краткая форма прилагательного резко ограничивается в употреблении; «упадок» ее становится в это время особенно заметен. Он проявляется не

---

[121] Ср., например: Сеня, необидчивый ты человек, миловидный, любезный! ты *прост*, ты *добродетельный*, слышал? Это от добродетели твоей происходит: а *буйный* и *глупый-то* я, побирушка-то я (Дост., Госп. Прохарчин); А был, сударь, со мной один случай, что попал я и на честного вора. — Как на честного! Да какой же вор *честный*, Астафий Иваныч? (Дост., Честн. вор).

только в том, что форма эта сокращает употребительность, а конструкции с адъективным сказуемым — краткой формой становятся очень определенны и узки по своему значению; с «упадком» краткой формы была непосредственно связана утрата употребительности некоторых специфических типов предикативно значимых построений.

Так, в языке XVIII — первых десятилетий XIX в. очень распространено было употребление при предикативном кратком прилагательном инфинитива, оказывавшегося с прилагательным в отношениях объектных или целевых: *любопытен знать, надежен увидеть, отважен противиться, усерден посещать, нескучлив говорить, слаб сопротивляться, жаден знать* [122] и т. п. После 30-х годов такое употребление затухает; в языке остаются лишь некоторые из таких сочетаний, с ограниченным и непополняющимся кругом прилагательных: *не властен изменить, рад слышать, счастлив узнать, предостерегать горазд, молод спорить, ловок плясать* и др.[123]

После 20-х годов XIX в. почти совсем перестают употребляться в функции сказуемого сочетания кратких форм с причастиями на *-н, -т* типа: [стог] *поставлен был высок* (В. Майк., Медведь и волки); Сия сатира довольно *хороша* для нашего театра *переделана* (Лукин, Щепетильн., Письмо к г. Ельчанинову); Щенидин *пойман был жив* на бою (Рычков, Опыт Каз. ист., VII); Вход в них *сделан* столь *низок, что...* (Головн., Зап., 1).

Такова же была судьба сочетаний кратких форм с местоимениями *каков, таков* типа: *Таков был* Петр врагам *ужасен* (Лом., Ода 1746 г.); Не знаю даже я, *каков тяжел* челнок (Крыл., Пруд и река). Уже в первые десятилетия XIX в. они используются преимущественно в стилизованной речи, ср.:

> *Таков* ли *храбр* ты на коне, Как на траве с младой девицей? (Вост., Светлана и Мстислав, 3); Не дрогнул бы князь, *таков* он *смел* (Катен., Мстислав Мстиславич).

В это время наблюдаются также изменения в соотносительном употреблении полных и кратких форм при знаменательном глаголе в сторону ограничения последних. Примерно до конца 20-х годов здесь сохраняются те отношения, которые сложились к концу XVIII в. (см. § 37): полные формы приобрели права литературности, краткие формы широко употребляются и в поэзии господствуют. У Пушкина мы видим еще преобладание кратких

---

[122] См. об этих сочетаниях: А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 369—371; А. В. Попов. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, стр. 49—51.

[123] В литературном языке полная форма в таких сочетаниях в сказуемостной функции не закрепилась; в говорах отмечается широкое употребление конструкций типа: *я ленивая работать, жадный был выпить, спорить бойкая, я прясть была досужая, они учиться охочие* и т. п. (см. М. Ф. Мясников. Указ. соч., стр. 73).

форм; однако в прозе и письмах обычны и полные формы (в поэзии они представлены единичными случаями употребления). В послепушкинскую эпоху сочетания знаменательного глагола с краткой формой сосредоточиваются в поэзии и романтической прозе; в языке отдельных прозаиков середины и второй половины XIX в. такие сочетания еще нередко встречаются, но в целом вторая половина века дает яркую картину сосредоточения их, с одной стороны, в языке поэтическом, с другой стороны, в языке, воспроизводящем старую или «народную» речь; ср., например, обычность такого употребления в стилизованной прозе Мельникова-Печерского, в эпических частях «Устоев» Златовратского; в письмах Л. Толстого — уже явно как отражение уходящего употребления. Сокращение употребительности сочетаний типа *весел пришел, стоит пуст* осуществлялось в непосредственной связи с распространением сочетаний типа *пришел веселый, стоит пустой* (см. § 40).

Из сочетаний с полузнаменательными глаголами и из состава трехчленного сказуемого (*долженствует быть неразлучен, может быть любезен, умеет быть смел, остерегайся быть скромен, не хочу быть злопамятен; должен быть безопасен, готов казаться глуп, рад быть полезен* и т. п.) краткие формы прилагательных примерно с середины XIX в. постепенно вытесняются (с разной степенью интенсивности при разных глаголах) [124] формами творит. падежа [125]; ср. аналогичный процесс в сказуемом с именем существительным (см. «Изменения в соотношениях именительного и творительного предикативного», § 28).

История лексико-семантических расхождений полной и краткой формы одного и того же прилагательного требует специального исследования. Однако несомненно, что в XIX в. процесс этих расхождений активизировался, причем, как правило, полные формы оказывались семантически более емкими, чем краткие. Это

---

[124] «При глаголах, означающих возникновение какого-либо признака (*стать, сделаться, бывать, казаться, остаться* и под.), качественное прилагательное, входящее в состав сложного сказуемого, ставится в именит. пад. краткого окончания или в творительном полного: он *стал придирчив* (и *придирчивым*); от торговли он *сделался беден, а не богат* (и *бедным, а не богатым*); город *показался* мне *многолюден* (лучше: *показался* мне *многолюдным*); он *остался непреклонен*, и я, когда он меня попросит о чем-либо, *окажусь* тоже *непреклонным*; воздух *становится холоден*; вода *становится теплой*; старики *бывают ворчливы* (и *ворчливыми*); он *очутился одинок* (и *одиноким*). Вторая форма употребляется все-таки чаще, особенно в женском роде. Лучше сказать: она *казалась богатой*; она *сделалась раздражительной*; она *очутилась одинокой* и т. п.» (В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 194).

[125] Описание трехчленного сказуемого в современном русском языке см.: Г. П. Домашенкина. Типы трехчленного сказуемого в двусоставном предложении. Филол. сборник [Хабаровского гос. пед. ин-та], вып. I, 1959. Там же см. литературу вопроса.

также способствовало синтаксическому обособлению и ограничению кратких форм.

Как уже сказано, в литературном языке середины и второй половины XIX в. краткие формы в составе сказуемого становятся категорией с узким и определенным значением качественного состояния. Это свое значение они сохраняют и в современном языке. Поэтому неверно утверждение, что в предложениях *ночь была тиха* и *ночь была тихая* полные и краткие прилагательные в сказуемом «нисколько не отличаются друг от друга» [126]: различие значений сказуемых здесь определяется закрепившимися в языке категориальными и функциональными различиями полных и кратких форм. Когда в письмах Л. Толстого к жене мы встречаем рядом:

Сафедин, не любимый вами — прелесть: *покойный, добрый, смирный и сильный* (ноябрь 1883)

и:

Что за прелестная лошадь! *Смирна, сильна, росла, красива и быстра* (25 окт. 1884), то разница в значениях сказуемых здесь несомненна: она определяется теми различиями, которые сложились к этому времени в категориальных и функциональных значениях двух форм прилагательного.

§ 40. Как уже было сказано выше, после 30-х годов XIX в. наблюдается дальнейшая активизация и укрепление полных форм прилагательного в составе сказуемого. Этот процесс непосредственно был связан с развитием реалистического направления в литературе, с обращением к новому герою, со вступлением в литературу и журналистику новых демократических сил. Со стороны собственно языковой развитие адъективных сказуемых с полной формой прилагательного находится в непосредственной связи с теми ограничениями в значении и функциях кратких форм, о которых говорилось выше.

В чем выразилась эта новая ступень в развитии предикативного функционирования полных форм? Прежде всего это был резкий количественный рост в употреблении и утрата прежних стилистических квалификаций. Хотя грамматисты XIX в. и не признавали прав полных форм на сказуемостное функционирование, формы эти не только продолжают широко употребляться, но с середины века проникают в самые различные сферы письменной речи: они становятся обычны в журнальной прозе и публицистике, в деловой, научной и отвлеченно-философской речи. Вот некоторые материалы.

Все так, но *пустая* жизнь его. Да отчего же она *пустая?* Он вжился в природу (Герц., Докт. Круп., I); Религиозность Мурильо *страстная, пламенная,* замирающая в восторге мистических видений, и в то же время *не чуждая, не враждеб-*

[126] Р. Биркадзе. Указ. соч., стр. 36—37.

ная миру, *нежная* и любящая (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, дек.); Служение их *независимое и бескорыстное* (Н. Фролов, Исправит. тюрьмы в Швейцарии, Совр., 1847, май); Но эти успехи *временные* (Петрашевск., п. П. А. Кузьмину); *Новое* только то на свете, что хорошо было забыто (Пирогов, Вопросы жизни, Морск. сб., 1856, № 9); Выражение лица его *было* постоянно *глубокомысленное* (И. Панаев, Пб. лит. промышленник); Докажут, что наши объяснения *ложные* (Курочк., Теория полемики); Последствия такой красноречивой мимики *были неблагоприятные* (Искра, 1859, № 6); Указать на эти интересы и доказать, что они действительно *существенные* (Писарев, Реалисты, IV); Дело *важное, запутанное, сложное* (Речь защитн. Лохвицкого, 1867); Сказал, что образ действий его *недобросовестный* (Милютин, Дневн., 1, 21 дек. 1873); Антагонизм между идеалом и стремлением, поэзией и философией науки и общества *глубокий и непримиримый* (В. Б., Поэзия и философия агрономии, I, Русск. богатство, 1880, май); Все его взгляды *были прекрасные и чистые* (Стасов, Училище правовед., I); Впечатление на свидетеля, произведенное Мельницким, *не мимолетное*, а основанное на 20-тилетней честной службе обществу (Судебн. заключ., 1882); Положение этой литературы действительно *особенное, сложное и запутанное* (А. Пыпин, Особая ист. русск. лит-ры, В. Е., 1890, сент.); Деятельность его *была неимоверная* (Бусл., Мои воспом.); Посмотрим, *справедливые* ли эти правила и достаточно ли охраняют они права рабочих (Ленин, Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах, VI. Соч., т. 2, стр. 50).

С другой стороны, полные формы в сказуемом получают доступ в язык поэзии,— первоначально, по-видимому, как средство речевой характеристики, ср.:

Да полно, что! гляди, плешивый! Не побоюсь тебя; Ты, видно, сроду *молчаливый*; Так знай же про себя (Катен., Убийца); Где запоздал он? ...Уж пора Ему примчаться, От Днепра Тут недалеко ...Конь *надежный* (Рыл., Гайдамак).

Однако позднее это ограничение исчезает.

Пусть свод неба *чистый*, Пусть и луг *росистый* С влажною тропой; Тих и бор дремучий (А. Мансуров, Песнь страдальца); В очах моих все русское прямое — *Прекрасное, великое, святое* (Козлов, Киев); Он вечно тот же, вечно *новый* (Пушк., Отрывки из путеш. Онегина); День *ненастный, темный*; тучи Низко, низко над горой (Языков, Элегия); И каждого узнаю по лицу, Вот первый: он *насмешливый, угрюмый* (Кюхельб., До смерти мне грозила смерти тьма); Так, ты жилица двух миров, Твой день — *болезненный и страстный*, Твой сон пророчески *неясный*, Как откровение духов (Тютч., О, вещая душа моя!); Да, ты для них умерла!... Но

для меня ты *живая* (Надсон, В тине житейских волнений, 2); День *будет ласковый, хороший* (Бунин, Листопад); Курган *был жесткий, выбитый* (Бунин, После битвы); Ночь *будет ясная, веселая* (Бунин, Луна еще прозрачна и бледна).

Показательно, что, по наблюдениям исследователей, в ранней романтической поэзии Некрасова преобладают краткие формы в сказуемом, а в стихах и поэмах 60—70-х годов — полные [127].

При воспроизведении разговорной, в частности диалогической речи полные формы начинают абсолютно преобладать, становятся нормой. Краткие формы в таких контекстах придают речи книжный, искусственный характер. Ср., например, у Чернышевского:

— Но ведь эта теория *холодна.*— Теория *должна быть* сама по себе *холодна.* Ум должен судить о вещах холодно.— Но она *беспощадна.*— К фантазиям, которые *пусты* и *вредны.*— Но она *прозаична* (Что делать?, 2, VIII).

Именно в этот период начинает складываться та норма, в соответствии с которой «для образованных русских *он добр* рядом с *он добрый*» становится «формой немного архаической» [128].

Косвенным показателем окончательного закрепления полной формы в сказуемом в качестве литературной нормы может служить такая черта. В языке XVIII в. и первой трети XIX в. нередко наблюдаются случаи употребления при одном подлежащем двух или более адъективных сказуемых, выраженных разными формами прилагательного:

Скатерти, салфетки *тонкие, чисты* (Фонв., п. сестре, 11/22 сент. 1784); Хвост и грива *жиденькие*, но зато *мягки*, как шелк (Жих., Зап. совр., I, 1 апр. 1805).

То же самое при непосредственном соседстве предложений с адъективными сказуемыми:

Черты лица ее *были суровы*, и платье *простое* (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Разговор ее был *протяжен*, голос *томный* (Рикорд, Зап.); Дорога *необыкновенная*, а письмо, по обыкновению прежнему, *худощаво* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 25 июля 1819); Глаза их *серы*, волосы *русые* или *рыжие* (Пушк., Ист. с. Г.).

После 30—40-х годов XIX в. такая «несогласованность» форм — явление редкое; краткие формы «подчиняются» полным, «подравниваются» к ним, и в аналогичных ситуациях обычно фиксируется соседство двух полных форм, типа: Погода же *ужасная, холодная и дождливая* (Дост., п. жене, 25 мая 1867) или: Лоб *большой*, ноздри *широкие*, крупные губы плотно сжаты (Помяловск., Мещ. счастье).

Со стороны своей стилистической характеристики полные формы в сказуемом к середине XIX в. становятся категорией, употребительность которой не ограничивается какой-либо определенной сферой. Когда говорится о том, что конструкции эти в отличие от сказуемых с краткими формами относятся «к разговорно-бы-

---

[127] См.: А. Е. Бескровный. Из истории предикативного употребления полных прилагательных, стр. 80—81.

[128] J. Fontenoy. Указ. соч., стр. 374. См. также: В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 193—194.

товой речи»[129], то обычно упускается из виду тот существенный момент, что они уже с 30—40-х годов XIX в. получили широкое распространение также и в речи художественной, журнальной, научной, деловой (см. стр. 146 и след.). Вслед за известной характеристикой А. М. Пешковского[130], исследователи пишут о том, что в отличие от кратких форм, характеризующихся книжностью, отвлеченностью, сухостью, категоричностью и сжатостью, полные формы несут в себе экспрессию «ласки, интимности и напевности»[131]. Но ни в авторской художественной речи, ни в публицистике, ни в научной и деловой прозе полные формы ничего подобного не выражают; получив всеобщее распространение, они стали категорией стилистически нейтральной. На фоне этой нейтральной категории краткие формы в сказуемом начинают выступать как категория стилистически значимая; ограничив систему своих функций, «замкнувшись» в определенный круг конструкций, эти формы действительно приобрели экспрессию отвлеченности и категоричности.

Осуществлявшаяся в 30—40-х годах XIX в. активизация полной формы в сказуемых, обозначающих качественное состояние, нашла свое внешнее выражение в том, что значительно свободнее, чем раньше, эти формы начинают употребляться для обозначения признака временного, проявляющегося в той или иной степени или в определенных условиях отнесенности к лицу, месту, времени и т. д.

Обозначение временного, случайного, эпизодического признака с середины XIX в. становится в повествовательной речи для полных форм в сказуемом их обычной функцией.

> Тут уж все пришлось одно к одному; и природа *была такая слезливая,* и погода *холодная,* и дождь (Дост., Бедн. люди, 21 авг.); Он дышал тяжело. Походка его *была неровная и сердитая* (Некр. и Станицк., Три стр. света, 2, VI); Дом *был пустой:* походили они по комнатам, пошныряли,— нигде никого (Герц., Б. и д., 2, XI); Перед ними прохаживался капитан: он делал им смотр и ругался, а сам был пьян. Солдаты тоже *были пьяные* (Слепц., Трудн. время, V); Я всегда *веселая,* и когда *грустная,* все-таки *веселая* (Черн., Что делать? 3, III); Все лица *были бледно-желтые,* под цвет тумана (Дост., Идиот, 1, I); *Невеселый был* Лучкин в это славное солнечное утро (Станюк., Максимка, VIII); *Такой* он *был*

---

[129] См., например: J. Fontenoy. Указ. соч., стр. 369—370; А. Е. Бескровный. О стилистическом использовании кратких и полных прилагательных в русск. лит. языке. «Труды Краснодарского гос. пед. ин-та», 1941, т. VIII; О. К. Балиашвили. Указ. соч.

[130] См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 222.

[131] См. А. Е. Бескровный. О стилистическом использовании кратких и полных прилагательных в русск. лит. языке.

милый, что она чуть не расцеловала его (Боборык., Китай-город, 2, XIV).

Широкое распространение получают предложения, в которых при адъективном сказуемом, выраженном полной формой прилагательного, присутствует указание на степень признака, причем учащаются случаи, когда признак определяется как проявившийся неполно, частично.

Девчонка и всегда-то *была не больно казистая* (Корф, Как люди богатеют, Совр., 1847, т. V); Мое образование... *было не совсем заурядное* (Писемск., Тыс. душ., 2, VI); Погода *довольно благоприятная* (Милютин, Дневн., 1, 24 ноября 1873); Но число их... *было почти ничтожное* (Гл. Усп., На старом пепелище, 3); И это представление, как для моей покровительницы, так и для меня, *было не совсем удачное* (Сверб., Зап., I); Ночь *была* по поводу полнолуния *почти светлая как день* (Фет, Мои воспом., I, III); Положение мое относительно «Нового обозрения», таким образом, *довольно затруднительное* (Корол., п. Э. И. Короленко и М. Г. Лошкаревой, 20 дек. 1880); Но его чудачество *было более или менее сознательное* (Бусл., Мои воспом.); Однако радость *была не вполне ослова-тельная* (Корол., В голодн. год, Заключение); А. [Мещерякова] очень и очень хороший человек, *дикая немного,* но удивительно прямая и хорошая (Крупск., п. М. И. Ульяновой, 11, сент. 1898. Ленин. Соч., т. 37, стр. 475); *Неприятная ужасно* эта возня с квартирой (Ленин, п. М. А. Ульяновой, 29 авг. 1895. Соч., т. 37, стр. 15).

Тот же процесс укрепления полных форм в сказуемом, обозначающем признак, так или иначе ограничиваемый в своем проявлении, отражается в обогащении возможностей распространения полного прилагательного в сказуемом «управляемыми» именами. С середины XIX в. более или менее последовательно фиксируется при адъективном сказуемом — полном прилагательном родит. падеж с предлогом *до* (*легкомысленный до глупости*), винит. падеж с предлогом *на* (*скорый на слова*), предл. падеж с предлогом *о* (*заботливый о деле*) и др.

Впрочем, она всегда *была* что-то *такая больная на вид* (И. Панаев, Дочь чиновн. человека, VIII, Отеч. зап., 1839, т. III); Мы почти все *легкомысленные до сумасбродства* (В. Соллог., Тарантас, VI); Видишь, он *какой заботливый о тебе* (Черн., Что делать? 2, VIII); Время, повторяю, *было смирное по духу* и *трескучее по внешности* (Тург., Лит. и жит. воспом., I); Они *были* бойкие, речистые, *скорые на* дерзкое или насмешливое *слово* (Эрт., Гард., 1, X); *От слез* ее вся грудь рубашки Фомы *была мокрая* (М. Г., Ф. Г., III).

В сочетаниях со знаменательными глаголами с середины XIX в. явно возобладали полные формы (*стоял бледный, лежит больной, сидел мрачный, пришел угрюмый, воротился задумчивый, встали*

голодные, прибежал расстроенный, родился хромой и т. д.). Краткие формы сосредоточиваются в это время в речи поэтической (см. § 39). В повествовании, при воспроизведении разговорной речи сочетания с краткими формами приобретают в этот период оттенок устарелости или превращаются в устойчивые речения (*приехал цел и невредим* и т. п.). Говоря о современной ему языковой практике, Потебня писал, что при глаголах вещественного движения и пребывания в состоянии «мы ставим прилагательные членные», а краткие прилагательные, особенно в поэтическом языке, остаются возможными из-за влияний «архаических и великорусских областных» [132]. К концу века краткие формы в таких сочетаниях все более ограничиваются, уступая место, с одной стороны, полным формам, с другой стороны, сочетаниям с наречиями (платок *хорош вышился — хорошо вышился, стою неподвижен — стою неподвижно)* [133]. По значению оба типа сочетаний прилагательных с знаменательным глаголом были дублетны, ср.:

Александр Игнатьич не рассказывал, что с ним было потом, но он *вышел от него бледный, как платок.* То же самое случилось и с одной знатной дамой высшего общества: она тоже *вышла от него бледна, как платок,* вся в слезах (Дост., Хозяйка, I, 3).

Укрепление полных форм в сказуемом проявляется и в том, что они активно вытесняют краткие формы из «конструкции принадлежности». Построения типа: *Няня у нас хороша* (Дост., п. жене, 30 мая 1872); *Снегá в этом году были громадны* (Фет, Мои воспом., I, X); *Почерк у тебя хорош* (Чех., п. М. П. Чехову, 6—8 апр. 1879), *Это явление в деревне не часто* (Корол., В голодн. год., X) к концу века явно убывают: они уступают место конструкциям с полным прилагательным, которые принимают на себя функцию выражения не только постоянной, но и временной отнесенности признака к предмету.

Я не мог сообразить никакой мысли, и *глаза у меня были,* как мне после сказали, *дикие и неподвижные* (С. Акс., Воспом., Гимназия, Период первый); *Холод до того здесь сильный*

---

[132] А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 180. См. также: В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 195; В. П. Пискарев. Некоторые неясные вопросы структуры простого предложения. «Научные зап. Харьковского гос. пед. ин-та», т. 20. Лингв. серия, 1957, стр. 78—86. Здесь же см. литературу вопроса.

[133] См. об этом: А. А. Потебня. Указ. соч., т. I—II, стр. 385; А. В. Попов. Указ. соч., стр. 94; В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 195. Ср. отражения характерных колебаний в языке одного и того же писателя еще в XVIII в.: [Саламанида] Да что ты *не бела набелилась* и мало нарумянилась? (Матинск., СПб. гост. двор, II, 2); [Улита] Вот он меня таки колачивал, коли *не бело набелюсь* (Там же, II, 7). Ср. также невозможное в современном языке, с одной стороны: Река *была недалека* (Богд., Душенька, 3) и, с другой стороны: Сердечно радуюсь, что вы и К[атерина] Я[ковлевна] *находитесь благополучно* (П. И. Новосильцов, п. Державину, 11 окт. 1786).

(хотя солнце светит и ярко), *что...* (Дост., п. жене, 17/29 апр. 1870); *Вид у мордвы был спокойный, речи разумные, ровные* (Корол., В голодн. год, Заключение); *Платья на них совсем мокрые* (Корол., п. А. С. Короленко, 2/14 авг. 1893); *Лицо у нее было серьезное,* губы плотно сжаты (М. Г., Ф. Г., VI); *Лица у обоих были красные, и речь не совсем твердая* (Эрт., Гард., 1, V); *Позы у них были внимательные, лица красные* (Бунин, Костер).

В истории русского литературного языка XIX век ознаменовался обогащением и развитием разнообразных построений с полупредикативными членами. Развивается и полупредикативное функционирование полных прилагательных. Именно в это время в систему средств литературного синтаксиса входят многочисленные конструкции, в которых роль полной формы прилагательного как бы колеблется между атрибутивной и предикативной [134]. Такое употребление отчасти было известно и раньше. В XVIII в. фиксируются конструкции типа: *Съезды продолжались у них по-прежнему очень частые* (Болот., 1, 24) или: *Ассигнации для того сделаны крупные, чтобы...* (Храповицк., Дневн., 18 янв. 1788). Однако в XIX в. система конструкций с полупредикативными полными прилагательными заметно обогащается и усложняется. Так, после Карамзина получили распространение сочетания существительного с постпозитивным полным прилагательным, всегда заключающие собой описание какого-либо явления, развернутую мысль и выражающие умозаключение, широкое обобщение: Только один раз шел снег, и через несколько часов растаял; но все вершины гор им покрыты. *Вид странный!* (П. р. п., Женева, 26 янв. 1780); Но вот что делает честь Академии: в зале ее, между многими изображениями славных авторов, стоит Пиронов бюст! *Мщение великодушное*! (П. р. п., Париж, мая..., Академии). Под пером Крылова, Грибоедова, Пушкина, Гоголя и других писателей первой половины XIX в. развиваются и другие виды полупредикативных конструкций, в которых словопорядок, синтаксическое окружение и интонация наполняют прилагательное предикативным значением, типа: *Знакомые, печальные места!* (Пушк.); *Безумный!* Что он тут за чепуху молол! (Гриб.); *Угрюмый, страшных мыслей полный,* Он пробегал очами волны (Пушк.) и др. Такое функционирование возникло поздно — уже как результат укрепления и активизации в литературном языке собственно сказуемостного употребления полных форм [135].

---

[134] Полупредикативности полных прилагательных посвящена статья А. Е. Бескровного «Полупредикативность как переходная ступень в развитии предикативности полной формы прилагательного». Здесь дан анализ различных факторов, создающих полупредикативность, понимаемую, однако, неоправданно широко.

[135] Ошибочно предположение, что полупредикативность полных форм исторически является переходной, промежуточной фазой в развитии их

Таким образом, к концу XIX в. полные прилагательные в сказуемом получают всеобщее распространение; употребительность кратких форм последовательно ограничивается.

Показательно, что в говорах, не знающих «давления» книжной традиции, этот процесс пошел значительно дальше, чем в литературном языке: по значению постоянства и временности признака употребление полной и краткой формы здесь вообще не различается; качественное состояние как непостоянный признак свободно выражается полными формами таких прилагательных, которые в литературном языке закрепились в этой функции только за формами краткими (он *виноватый;* этот Ванюшка *живой* еще; твой мужик *целый*; а я *несогласный*; этот билет *действительный* на наш поезд); лексические расхождения обеих форм здесь часто вообще не улавливаются, что приводит к свободному употреблению полных форм там, где литературный язык допускает только формы краткие *(хороший из себя;* только *этим и живая;* отбыл два года, *теперь свободный);* при *буду, будь, сделался, стал, бывает, оказался* и других глаголах господствует полная форма [136]. Таким образом, народные говоры дают как бы «в чистом виде» картину победы полных форм прилагательных в предикативной функции.

Изучение основных тенденций развития полных и кратких форм прилагательных в сказуемом в литературном языке XIX в. показывает, что в этот период сложились такие соотношения, при которых эти две формы как бы поменялись ролями: сказуемые с полной формой становятся конструкцией, не знающей никаких ограничений и расширяющей круг своих значений; краткие формы из категории с неограниченными сферами употребления и широкими смысловыми возможностями становятся категорией семантически узкой и стилистически прикрепленной. Давние традиции, массовость употребления этих форм в недалеком прошлом, естественно, способствуют их сохранению и в языке XIX в.: по отношению к этому периоду можно говорить лишь о явном ограничении, но никак не об утрате кратких форм в сказуемом. Однако общая, сильная тенденция к распространению и закреплению в сказуемом полных форм несомненна.

ИЗМЕНЕНИЯ В СООТНОСИТЕЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ МЕСТОИМЕННЫХ СКАЗУЕМЫХ С *КАКОВ, ТАКОВ — КАКОЙ, ТАКОЙ*

§ 41. Хотя *каков* и *какой, таков* и *такой* — это не формы слова, а разные слова (ср. различие формальное: *каков — каковой, таков — таковой),* однако смысловое расхождение между ними совпадало с расхождением между краткими и полными формами

предикативности, ступенью, подготовляющей скачок атрибутивного прилагательного в новое качество — в предикативность (см. А. Е. Б е с к р о в н ы й. Полупредикативность как переходная ступень..., стр. 220; е г о ж е. Предикативное функционирование полной формы прилагательного, стр. 4). Этот тезис опровергается всей историей развития предикативного функционирования полных прилагательных, возникшего и длительное время существовавшего в границах простой двучленной фразы.

[136] См. Г. Ф. М я с н и к о в. Указ. соч.

прилагательного (см. § 35). *Каков, таков* несли в себе значение качественного состояния; для слов *какой, такой* это значение было не характерно: они выполняли в предложении собственно указательную функцию. Со словами *какой, такой* связывалось понятие о признаке, мыслимом как известная отвлеченная категория качества, под которую подводятся, которой характеризуются те или другие конкретные предметы или явления; со словами *каков, таков* — понятие о признаке, заложенном в самом предмете, отвлекаемом от предмета, в нем отыскиваемом и поэтому всегда мыслимом в конкретном временно́м плане существования данного предмета.

Таким образом, в противопоставлении словесных пар *каков — какой* и *таков — такой* уже было дано соотношение внутреннего и внешнего, качественности и собственно указательности. Это различие довольно четко выступает при сопоставлении их функционирования в роли сказуемого в конце XVIII — первой половине XIX в.

К а к о в, т а к о в:

Скажи, скажи о сем герое, *Каков* в войне, *каков* в покое, *Каков* умом, *каков* душой, *Каков* и всякими делами (Держ., Решемыслу); *Какова-то* вам *была* встреча в Тамбове, а нашему губернатору хоть куды (Д. М. Свистунов, п. Державину, 16 марта 1786); Увижу, *каков* я был, *как* думал и мечтал (Карамз., П. р. п., Кронштадт, 1790); Тишина рано или поздно настанет — но *какова* будет тишина сия? (Карамз., Мелодор к Филалету); И когда я сделаюсь Вшивою горкою, в письмах моих вспомню, *каков бывал* я Везувием (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 5 июля 1819); *Каков-то будет* для меня этот год? (Гоголь, п. матери, 1 янв. 1830); *Каковы будут* выводы из его опытов? *Каковы* результаты его наблюдений над людьми? (Черн., Русск. чел. на rendez-vous).

Что вы себя невозвратно потеряли и что он уже к вам *не таков* (Держ., п. Н. А. Львову, 18 янв. 1784); *Таковы* люди: привычка делает их нечувствительными к самым ужасам натуры (Карамз., О моск. землетрясении); [С о ф и я] Кого люблю я, *не таков:* Молчалин за других себя забыть готов (Гриб., Горе от у., I, 5); *Таково было* мне первое приветствие в любезном отечестве (Пушк., Путеш. в Арзр.).

К а к о й, т а к о й:

[П а с к в и н] Украли нынешнею ночью с меня и крест. [С о с т р а т а] *Какой* он *был* и велик ли? (Сумарок., Опекун, I, 2); *Какая ж бы,* он мнит, причина Сея холодности была? (Вост., Светлана и Мстислав, 1); Не дали мне знать, когда и куда едете и *какой* ваш адрес (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 13 окт. 1835); *Какие* же *могут быть* способы освобождения крестьян? (Петрашевск., Проект об освобожд. крестьян).

Многие зрелища *бывают* здесь *такие,* которые могут похвалиться только первым сбором (Крыл., Почта духов, XLIV); Потеха *была такая,* что государыня забыла свою болезнь и хохотала до слез (Лажечн., Лед. дом, 3, 7); Лицо его ...*было* почти *такое же,* как у многих худощавых стариков (Гоголь, М. д., 1, VII); Август *такой,* какого не запомнишь в Петербурге (Никитенко, Дневн., 18 авг. 1841).

Как видно из приведенных материалов, местоимения *какой* и особенно *такой* очень часто выступают в качестве опорных компонентов в структуре сложного предложения.

Для уяснения внутренних смысловых различий между *каков, таков* и *какой, такой* показателен тот факт, что *каков, таков* часто употребляются в сочетании с глаголами выявления, обнаружения, перехода из одного состояния в другое, движения, т. е. там, где речь идет о выявлении, самообнаружении или становлении признака.

Ибо изо всего города один только я *остался таков же,* каков был и при вас (Д. М. Свистунов, п. Державину, 14 апр. 1786); [Скалыгин] Веть ныне приказные-то *становятся не таковы,* не много эдаких, каков ты (Матинск., СПб. гост. двор, I, 8); После первого приветствия спросил, *каково показалось* мне виденное мною? (Карамз., П. р. п., Цирих, 1789); Глава вторая. *Каков он родился* (Карамз., Рыц. нашего вр., 2 [название главы]); Ты видишь, *какова я стала!* Кому теперь меня любить? (Изм., Горлица и малиновка); *Каков* он тебе *показался?* Печален, задумчив? (Пушк., Барышня-кр.); Ах, *не таков* в минувши годы *являлся* ты своим врагам (Хомяков, Новгород); Вот он *каков приехал* из-за границы-то, сам на себя не похож! (Вельтм., Саломея, 7, IV).

Для местоимений *какой, такой* подобное употребление в XVIII — нач. XIX в. не было характерно: отмечены лишь редкие случаи употребления слова *такой* в форме творит. падежа в сочетании с глаголами *казаться, остаться.*

Однако то смысловое различие, которое описано выше как характерное для сказуемых-местоимений *каков — какой, таков — такой,* ни в XVIII, ни тем более в XIX в. строго и последовательно не выдерживалось. Местоименная природа этих слов делала возможным как употребление *каков, таков* в собственно указательной функции, так и употребление *какой, такой* с оттенком качественного значения. Провести здесь четкие смысловые границы очень часто бывает невозможно. В бессвязочных сказуемых и при связке *был, будет* в изучаемый период многочисленны случаи возможной взаимозаменяемости местоимений *каков* и *какой, таков* и *такой.*

Для уяснения дальнейшего развития этого соотношения важно подчеркнуть, что местоимения *какой, такой* уже в конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. нередко употреблялись

при обозначении внутренней качественной характеристики субъекта, т. е. со значением, характерным для слов *каков, таков,* например:

Старался узнать не только то, какие я имею знания, но и *какие* мои моральные правила (Фонв., Чистосердечн. признание, 2); [Л и з и а с] Теперь ты уже видишь, дражайшая Дафна, *какое было* ее намерение (Карамз., Аркадской памятник, XIII); Но *какое* же *было* его удивление и вместе горесть, когда увидел, что... (Надежн., Два Ивана, 3, VII).

Мое мнение *такое,* но не знаю, как примет его общество (Чулк., Пересмешн., Предуведомление); Блины уж *были не такие,* с припекою — зато прекислые, сырые (Изм., Блины); Если бы Радищева, для удаления, сделали наместником или послом, тогда эпитет п о ч е т н ы й был правилен и прекрасен; но его ссылка *была не такая* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 24 дек. 1820); [С в и с т а л о в а] Его ж *такие* сочиненья, что сам едва ль он их поймет (Гриб., Проба интермедии); Давно... что делать? ...Но *такая* Уж наша доля полковая! (Борат., Эда).

С другой стороны, в этот же период еще нередки случаи употребления *каков, таков* в собственно указательном значении — обычно в сложных конструкциях с определительными отношениями частей. Однако это, как правило, встречается тогда, когда речь идет о внутренних свойствах, качествах.

Нашел за себя такого неустрашимого воителя, *каков был* старый граф (Жих., Зап. совр., II, 16 янв. 1807); Я не переживу и одной такой ночи, *какова была* прошедшая (Погорельск., Двойник, 2, 5, Лафертовская маковница); Конечно, трудно разгадать такого человека, *каков был* Суворов (Отеч. зап., 1839, т. III).

Ночь мне *была такова* же, как и день (Добрынин, Зап., XV); Если опека *будет такова,* как должно (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 26 апр. 1815); *Каков* я прежде *был, таков* и ныне я: беспечный, влюбчивый (Пушк., Каков я прежде был, таков и ныне я...).

Такова была довольно пестрая картина соотносительного употребления местоимений *каков, таков* и *какой, такой* в русском литературном языке конца XVIII — первых десятилетий XIX в. И все же, несмотря на эту пестроту и отсутствие строгой последовательности в выборе того или другого местоименного слова, основная и довольно устойчивая в языке линия этого соотносительного употребления определяется как различение этих пар слов по значениям качественного состояния и собственно указательности.

Именно этим определилось развитие в местоимении *каков* новых качественных значений, реализующихся в разговорной речи и связанных с ней формах письменности. Так, под влиянием постепенного ослабления местоименного значения становится воз-

можным употребление слова *каков* в смысле «каково самочувствие, поведение» и у́же: «как себя чувствует физически, как здоровье» — всегда в нераспространенной конструкции.

Он подошел к больной и ласковым голосом спросил у нее, *какова* она? — Умираю, умираю,— отвечала старушка (Карамз., П. р. п., Цирих, 1789); [Добров] *Какова* ты? [София] Теперь лучше. [Добров] Ну, слава богу! Лишь бы ты была здорова! (Карамз., Софпя, I); Жаль мне, что я не знал о дне рождения Павлуши... *Каков* он? Здоровьем и поведением? (Вяземск., п. жене, 9 июня 1826); Поклонитесь Гнедичу. Получил ли он мои гекзаметры? *Каков* он? (Жуковск., п. А. П. Юшковой, 20 апр. 1828); Что ты, моя женка? *Какова* ты и дети? (Пушк., п. жене, 14 сент. 1833); Наталья Павловна, привстав, Осведомляется учтиво, *Каков* он? что нога его? Граф отвечает: ничего (Пушк., Гр. Нулин).

Другой смысловой оттенок, появляющийся в слове *каков* под влиянием его обычного употребления для обозначения качественного состояния, — это указание на характер отношений между людьми (*каков* = «в каких отношениях находится»).

Каков ты с министрами? (Пушк., п. П. А. Вяземскому, 16 марта 1830).

Активно развивается в слове *каков* значение оценочное: оно начинает широко применяться в восклицательных и вопросительных предложениях для выражения той или иной степени внутреннего качества.

Чеботарев действительно три раза переделывал свой свод, покамест не добился до точного и непогрешительного порядка в повествовании евангельских происшествий. *Какова* добросовестность и *каково* терпение! (Жих., Зап. совр., I, 8 февр. 1806); В первый раз в жизни ему приходилось отвечать на просьбу отказом; да ведь и просьба же *была какова!* (Тург., Затишье, V); Лжет, клевещет и в конце концов... крадет десять тысяч... *Каков типчик*? (Чех., Модн. эффект).

Наконец, в слове *каков* укрепляются конструктивно-обусловленные значения в составе устойчивых оборотов: *каков собой, каков лицом, каков характером, каков родом* и под.

А видел ли слона? *Каков собой* на взгляд! (Крыл., Любопытный); *Каков* же он *собой?* заметил ли ты, Цези? Черный или белый? (Похититель ребенка, Совр., 1847, т. V); Кому три горницы, кому две..., глядя, *каков* кто *родом* (М.-Печ., Стар. годы, IV).

§ 42. Как мы видели, уже в конце XVIII — нач. XIX в. наблюдается тенденция к нарушению того охарактеризованного выше разграничения в употреблении *каков, таков* и *какой, такой,* которое отчасти опиралось и на саму грамматическую природу этих слов как членных и нечленных прилагательных. С середины XIX в. это разграничение было окончательно нарушено в связи

с интенсивным развитием предикативного функционирования полных форм прилагательных и активизацией в этой связи предикативного функционирования слов *какой, такой.*

Естественно, что в непосредственной связи с теми ограничениями, которые действовали в XIX в. по отношению ко всему разряду кратких форм прилагательных, процесс стирания различий в сказуемостных значениях изучаемых местоимений шел, с одной стороны, по пути резкого сокращения функционирования слов *каков, таков,* сопровождавшегося закреплением в них как основного и единственного их исконного значения качественного состояния; с другой стороны, этот процесс шел по линии интенсивного развития функционирования в роли сказуемого слов *какой, такой* (в форме именит. и особенно в форме творит. пад.), их ничем не ограничиваемой экспансии в сферу исконных значений и функций слов *каков, таков* и, в связи с этим, развития в местоимениях *какой, такой* значения качественного состояния.

Во второй половине XIX в. местоимения *каков, таков* употребляются уже только в собственно сказуемостной функции (сочетания типа *каков умен, таков весел* фиксируются только как средство стилизации), со значением внутреннего качественного состояния, причем употребление это к концу века постепенно сокращается.

Я догадывался, *каков должен быть* этот взгляд (Герц., Б. и д., 2, XIII); *Каковы были* мои отношения к Добролюбову — этого нельзя было не понимать (Черн., Воспом. об отнош. Тург. к Доброл.); ...доктрина Льва Толстого, апеллирующая, *какова ни была* ее внутренняя ценность, к высшим свойствам человеческого духа (В. Е., 1890, сент.); Не знаю, *каковы покажутся* мне теперь наши конки (Корол., п. А. С. Короленко, 4/16 сент. 1893); Посмотрим, *каковы-то* здесь зимы (Ленин, п. М. И. Ульяновой, 6 ноября 1900. Соч., т. 37, стр. 231).

Якубович *был не таков.* Отвлеченные разговоры не пугали его (Панаев, Лит. воспом., 1, IV); Да вы, например, разве вы *таков*? — А *каков же*, Вера Павловна? (Черн., Что делать?, 2, VIII); *Таковы ли бывают* отцы, От которых герои родятся? (Некр., Недавнее время, IV); Но *таков* наш российский почтамт, который делает, что хочет, что вздумается ему (Дост., п. жене, 17/29 июля 1874); Кристально чистый образ Белинского не разрушит уже никакая самая придирчивая историческая критика. Он *был* именно *таков* (Корол., Пам. Белинск.).

Что касается употребления местоимений *каков, таков* в рассмотренных выше узких качественных значениях (см. § 41), то во второй половине и особенно к концу XIX в. это употребление также сокращается — в связи с общим сокращением употребительности самих этих слов. Устойчивым оказывается лишь значение оценочное: оно закрепляется в системе языка.

Употребление местоимений *какой, такой* в функции сказуе-

мого во второй половине XIX в. чрезвычайно активизируется. В формах обоих предикативных падежей — именительного и творительного — такие сказуемые проникают во все сферы речи и сосредоточивают в себе все те значения, которые раньше были разделены между местоименными парами *каков, таков* и *какой, такой*. Учащаются случаи употребления местоимений *какой, такой* для обозначения «качественного состояния», т. е. такого предикативного признака, который является основной и характерной внутренней принадлежностью субъекта, в нем отыскиваемой, от него отвлекаемой.

Вот *какой был* Ноздрев! (Гоголь, М. д., 1, IV); Что такое общество или государство, *какая* его цель? (Петрашевск., Проект об освобождении крестьян); В чем состоит цель нашей жизни? *Какое* наше назначение? (Пирогов, Вопросы жизни, Морск. сб., 1856, июль); Мне захотелось перешагнуть лет за сто и посмотреть, *какая будет* их участь (Герц., Б. и д., 3, XXI); Я, кажется, могу догадаться, *какая* собственно причина этого внезапного отъезда (Тург., Накануне, XVII); *Какой был* теперь характер дня Веры Павловны (Черн., Что делать?, 3, XVI); — Так вот ты *какая*! — Сергей говорил Некр., Русск. женщины, Кн. М. Н. Волконск., II); В денежном отношении наши самарские дела *вот какие будут*: придется отдать Тимроту от 2000 до 3000 (Л. Толст., п. жене, 13 июля 1872); Откуда же у Щедрина была эта великая сила и *какая была* основная нота его смеха? (Корол., О Щедрине, I); Что такое Галицкая Русь? Где ее прошедшее? *Какое* национальное будущее, к которому она должна стремиться? (А. Н. Пыпин, Особая ист. русск. лит-ры, В. Е., 1890, сент.).

Но климат что ли мешал или материал уже *был такой*, только никак не шло казенное здание выше фундамента (Гоголь, М. д., 1, XI); Нынче ты все сердишься. Прежде ты *не такой был!* (Писемск., Тыс. душ., 2, VIII); Вспоминая страдания, выносимые от отца, она думала, что так и надобно, что *такое* положение женщины на свете (Герц., Долг прежде всего, V); Смолоду, однако, жизнь его совсем *не такая была* (С.-Щ., Губ. оч., Прошл. времена, Второй расск. подьячего); *Такое же бывает* твое расположение духа, когда ты вдруг вздумаешь ревновать (Л. Толст., п. жене, 7 дек. 1864); Мой план, хотя и очень неопределенный, *такой*: как приеду в Самару, так найду Боля (Л. Тост., п. жене, 4 сент. 1876); Видно, *родился я такой* (Бунин, На Донце, 3).

В конце XIX в. такое употребление становится все более обычным; соответственно сокращается употребительность местоимений *каков, таков*.

Таким образом, изменение соотношений между *каков, таков* и *какой, такой* в сказуемом в русском литературном языке XIX в. может быть охарактеризовано как осуществление тенденции к

стиранию смысловых дифференциаций и к сосредоточению разных оттенков сказуемостного значения в словах *какой, такой.*

§ 43. В русском литературном языке конца XVIII — нач. XIX в. в соотносительном употреблении в сказуемом вопросительного предложения (собственно вопроса и косвенного вопроса) находились местоименные сочетания *кто таков — кто такой.* Между ними были смысловые различия, которыми и определялся выбор той или другой формы.

Местоимение *кто* семантически было более емко, чем эти сочетания. Оно употреблялось тогда, когда вопрос касался общественной принадлежности или общественного положения лица, его деятельности, имени, причем обычно тогда, когда речь шла о третьем лице (или лицах), а не при непосредственном обращении к собеседнику.

На вопрос мой, *кто* он *был,* узнал я, что то был старого покрою стряпчий (Радищ., Путеш., Тосна); *Кто был* Арис? Молодой человек, воспитанный в чужих краях (Карамз., Юлия); Но *кто* он? Какие законы осуждают любовь несчастного? (Карамз., О-в Борнгольм); И на вопрос ее: *кто* они? еще с тайным удовольствием ответствовали: вольные люди Новгородские! (Карамз., Марфа Посадн., 3); Нетерпеливо желаю узнать, *кто* первые заговорщики? (И. Дм., п. А. И. Тургеневу, 1 сент. 1820); И твердый глас самосознанья не возвестил ему, *кто* он (Языков, Поэт); Но наш герой, *кто б ни был* он, уж верно был не Грандисон (Пушк., Е. О., 3, X); *Кто ж* та *была,* которой очи Он без искусств привлекал (Там же, 2, [XXX] XX, Беловые рукописи); *Кто были* сии смышленые сообщники, управлявшие действиями самозванца? (Пушк., Ист. Пугач., Замеч. о бунте, 15).

Местоимение *кто* в сказуемом в этот период часто фиксируется в высокой, торжественной речи, где *кто таков* обычно не отмечается. В этих случаях оно возможно и в непосредственном обращении к собеседнику.

— *Кто ты* храбрый юноша? — спросил государь (Карамз., Нат. боярск. дочь).

Кто таков употреблялось обычно в разговоре, тогда, когда вопрос касался личности, имени определенного — чаще одного — лица и был непосредственно обращен к собеседнику.

[Чужехват] Я тебя, старуха, от роду не видывал, и *кто* ты *такова,* я не ведаю (Сумарок., Опекун, I, 20); Подъехав ко мне, стали они у меня спрашивать, *кто* я *таков?* (Чулк., Пересмешн., 8); [Влас] А твоя милость *кто таков?* [Хватов] Моя милость? Игнат Хватов (Плавильщ., Бобыль, I, 2); Спрашивал их с вежливостию, *кто* они *таковы,* откуда, куда и зачем ехали (Изм., Евг., 3, VI); Царь в гневе закричал: «Бесстыдница какая! Как смела ты войти, и *кто* ты *такова?»* (Изм., Происхожд. и польза басни); [Звездова] Кто ты *таков?* [Федька] Я слуга-с Евлампия Аристарховича (Гриб. и Катен., Студент, III, 7).

Впрочем, для второй половины XVIII — первых десятилетий XIX в. нередки случаи употребления *кто таков* и в более широком смысле — при вопросе о личности, социальной принадлежности, характере деятельности.

Трудно было нам разобрать, *кто* это *таков,* лица его не видно было (Чулк., Пересмешн., 4); Я поразведал, *кто* они

таковы (Фонв., Друг честн. людей, Письмо от Стародума); — Это злодей...— ответствовали ему: — это возмутитель...— *Кто б* он *таков ни был,* — сказал государь, — велите его представить пред меня (Крыл., Почта духов, XLV); *Кто таков* именно первый основатель нашей фамилии *был?* (Болот., 1, 1); Но кто и подлинно скажет мне, *кто таков* в самом деле этот господин Светлозаров? (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, XV).

Кто такой по своему употреблению могло совпадать и с *кто,* и с *кто таков*; однако это сочетание в составе сказуемого имело окраску подчеркнутой разговорности и непринужденности; здесь сказывалось влияние стилистического соотношения слов *таков* и *такой* как краткого и полного прилагательных.

[А н ю т а] Я старостина дочь Анюта. [Х в а т о в] А ты *кто такой?* (Плавильщ., Бобыль, II, 6); Пожалуйста, напиши, *кто такой* сержант, который претензию на Алексея Афанасьевича имеет, как его зовут (Н. А. Львов, п. Державину, 19 июня 1786); *Кто бы такие были* эти два новые светила на нашем Парнасе? (И. Дм., Д. И. Языкову, 27 окт. 1805); Он не дает зашаливаться ученикам своим, *кто бы* они *такие ни были* (Жих., Зап. совр., I, 25 марта 1805); А меня принуждала обещать хранить тайну и никак не разведывать, *кто* она *такая*! (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, VI).

На протяжении XIX в. охарактеризованное соотношение изменялось в сторону сокращения употребительности сочетания *кто таков* и роста употребительности сочетания *кто такой.*

Кто таков и *кто такой* в первой половине XIX в. становятся равноправными формами сказуемого при вопросе о личности, имени, — чаще всего в непосредственном обращении к собеседнику, но возможно и в отношении 3-го лица или лиц. В этом соотношении двух местоименных сочетаний *кто такой* было формой активизирующейся, что непосредственно связано с развитием соотношений между словами *таков* и *такой* (см. § 41). Принимая во внимание, что такой писатель, как Карамзин, вообще избегает сочетания *кто такой,* показательно почти безразличное употребление *кто таков* и *кто такой* у крупнейших писателей первой половины XIX в. — Пушкина и Гоголя.

К т о т а к о в

У Пушкина:

Зачем он здесь? *Кто* он *таков?* (Е. О., 8, VII)

Увидев меня во фраке, он спросил, *кто* я *таков* (Путеш. в Арзр., 4)

К т о т а к о й

[Б а с м а н о в] Пустого мне не говори; я знаю, *Кто* он *такой* (Б. Г., Ставка)

— Позвольте спросить, *кто* вы *такой* и за кого вы меня принимаете? (Егип. ночи, I)

Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину... — *Кто* ты *таков?* — спросил он у самозванца (Ист. Пугач., 8)

У Гоголя:

А *кто таков* Манилов? — Помещик, матушка (М. д., 1, III)

Старался я угадать, *кто таков* сам помещик, толст ли он (М. д., 1, VI)

Но не мешает известить читателей, *кто таков был* поручик Пирогов (Невск. просп.)

Да *кто* же он в самом деле *такой?* (М. д., 1, IX)

Сказал: «Любопытно бы, однако же, знать, *кто бы такая была писавшая!»* (М. д., 1, VIII)

Кто такой этот Плюшкин? — спросил Чичиков (М. д., 1, V)

А когда все тут же в один голос спросили: *«Кто таков* этот капитан Копейкин?» — почтмейстер сказал: «Так вы не знаете, *кто такой* капитан Копейкин?» (М. д., 1, X).

Во второй половине XIX в. продолжает действовать тенденция к сокращению употребительности сочетания *кто таков* и к активизации *кто такой* [137]. Это последнее сочетание вступает в активное соотношение с сказуемостно функционирующим *кто* и постепенно начинает принимать на себя его функции.

Итак, основные тенденции соотносительного употребления *каков, таков* и *какой, такой* в составе сказуемого в общем определялись развитием соотношений полных и кратких форм прилагательных в той же синтаксической функции.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СКАЗУЕМЫХ, ВЫРАЖЕННЫХ ФОРМАМИ КОСВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ

Изменения в употреблении сказуемых, выраженных предложно-падежными сочетаниями

§ 44. В истории употребления сказуемых, выраженных предложно-падежными сочетаниями, в языке XIX в. наблюдается характерная закономерность: по отношению к сказуемым, включающим в свой состав существительные конкретных значений, можно констатировать общую устойчивость предикативного функционирования данного сочетания, отсутствие сколько-нибудь ясно выраженных тенденций к изменениям, к ограничениям или

[137] В контекстах, окрашенных подчеркнутой разговорностью, второй компонент этого сочетания может оформляться по среднему роду (*кто такое*), по-видимому, под влиянием активизировавшегося сочетания *что такое*, ср.: А ты видно не знаешь, *кто такое* Антигона *была*? (Боборык., Китай-город, 3, V).

расширениям употребительности и т. п.; по отношению к сочетаниям, включающим в свой состав существительные отвлеченных значений, обнаруживаются процессы, связанные с изменениями в их предикативном функционировании.

Так, устойчиво, без каких-либо ясно выраженных тенденций к изменениям удерживается в литературном языке XIX в. сказуемостное функционирование существительных конкретно-предметных значений в форме родит. падежа с предлогами *из, без, с, после, для, вместо* и др. (эта шляпа *из войлока,* мы с тобой *из одного края,* судно наше *было без палубы,* телятина у него *со своего скотного двора,* наряд этот *не для тебя,* я ему *буду вместо отца* и под.), дат. падежа с предлогом *по* (рога у них *были по аршину),* винит. падежа с предлогом *через* (день рождения моего *через неделю),* творит. падежа с предлогами *с, за* (она была *с заплаканными глазами,* посетитель *за дверью),* предл. падежа с предлогами *в, на, при, о* (гостья *была в шелку, обед на столе, все были при саблях,* моя молитва *будет о тебе*) и др.

На протяжении всего XIX в. устойчивую употребительность в роли сказуемого сохраняют предложно-падежные сочетания, обозначающие пребывание в числе лиц (он еще *в недорослях, был в гардемаринах, служил в колонновожатых),* отнесенность к категории лиц или предметов (Разумовский *был из певчих,* полк его *из лучших; я не из числа льстецов,* я *был в числе визитеров, попал в число разбойников,* слух о волшебнике *принадлежит к числу нелепых басен; хочу в капралы, произведен в конторщики, согласен в свидетели,* их улица *не годится в наши переулки)* [138].

Чем конкретнее значение имени существительного, тем стабильнее предикативное функционирование соответствующего предложно-падежного сочетания [139].

Иное положение было со сказуемостным функционированием сочетаний, строящихся с существительными отвлеченных значений. Для целого ряда таких сочетаний в языке XIX в. здесь дей-

---

[138] См. А. Х. Востоков. Русская грамматика, стр. 313 (изд. 1835 г.). А. А. Потебня. Значение множественного числа в русск. языке. «Филол. зап.», 1888, тр. 166; Х. М. Сайкиев. Конструкции с винит. падежом в совр. русск. языке. «Вопросы изучения русск. языка», Алма-Ата, 1955; J. Kout. Konstrukce typu *поступить в летчики.* «Rusko-české studie», Sbornìk Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk a literatura, II, 1960. Подробное описание предикативного функционирования разных предложно-падежных сочетаний в современном языке см. в статье: Я. И. Рословец. Предложно-падежные формы в предикативной функции в совр. русск. языке. «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», Русский язык. Статьи и исследования. М., 1960.

[139] Это положение, естественно, не распространяется на те случаи, когда само это сочетание, независимо от возможных его функций, обнаруживает тенденцию к сокращению употребительности. Ср., например, устаревшие в XIX в. конструкции типа: я был тогда *по шестому году*; тогда рубль серебряный *был в рубль десять копеек ассигнационных*; эта храмина *о двух дверях* под.

ствует тенденция к резкому ограничению возможностей словесного наполнения, нередко приводящему к идиоматизации самой модели.

В отличие от многих предложно-падежных сочетаний с существительными конкретных значений, сочетания с отвлеченными существительными в сказуемостной функции находились в непосредственных смысловых соотношениях со сказуемыми других форм — глагольными, причастными, именными (ср.: письмо это *будет* мне *в утешение — будет утешением;* все *в молчании — все молчат;* река *служит к украшению* города — служит *украшением;* разговор *был без пользы — был бесполезен;* советы *остались без исполнения — остались неисполненными* и т. п.). В этом соотношении равнозначных или близких по значениям форм первый член ряда неизменно оказывался вытесненным: сохранение сказуемостного функционирования предложно-падежных сочетаний в качестве живой модели оказывалось здесь в противоречии с общей тенденцией к устранению дублетности, к освобождению от множественности однофункциональных конструкций и к закреплению в качестве нормы наиболее сильных и семантически емких моделей. По отношению к изучаемым сочетаниям этот процесс поддерживался еще и тем, что мотивированность соединения элементов в них часто оказывалась утрачивающейся или уже стертой.

§ 45. В конце XVIII — первой половине XIX в. в широком употреблении было сказуемостное функционирование сочетаний родит. падежа отвлеченных существительных с предлогом *без*. Сказуемые, выраженные такими сочетаниями, в своей основной массе были соотносительны со сказуемыми, выраженными или прилагательными с приставками *без-, не-* (*без жалости — безжалостен, без успеха — безуспешен, без нравственности — безнравственен, безо лжи — нелжив, без терпимости — нетерпим*), или глагольным словом (*был без сомнения — не сомневался, без движения — не движется, осталось без исполнения — осталось не исполненным*).

Но *было б* ваше все старанье *без успеху* (Лом., Письмо о пользе стекла); Я *без сумнения был*, что... (П. Кречетников, п. Державину, 27 апр. 1774); Такая похвала *была ли безо лжи?* (Богд., Душенька, 2); Знал часть счетную, но *был* впрочем *без сведений* и почти *без нравственности* (Добрынин, Зап., XXXI); Он *сделался без ума, без памяти* (Болот., 1, 22); Причина любви *бывает без причины* (Карамз., Прекрасн. царевна и щастл. карла); [Пирр] Уста жреца *остались без слов* (Озеров, Поликсена, I, 3); [Старн] *Без гнева* я; спокойна духом будь! (Озеров, Фингал, I, 2); [Поездка] *была бы* почти *без пользы* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 16 янв. 1819); Мне *будет* красоты улыбка, разговор Тогда *без наслажденья* (Н. Павл., Элегия); Она *казалась без памяти* (Пушк., К. д., VII); Молитвы *будут без плода* (Борат., Цы-

ганка, VI); Наставник *без* всякого *педантизма* (Атеней, 1828, № 21); Это нравоучение... *останется без действия* (Марл., Ревельск. турнир, I); От мира в обители скрыта она, Где жизнь *без надежды* и ночи *без* сна (Лерм., Песня); *Была без радостей любовь*, Разлука *будет без печали* (Лерм., Договор); Но желания мои *остались без исполнения* (Погорельск., Монастырка, 1, I); И меркнет свет, и мысли *без движенья* (Козлов, Гимн Орфея); Ей стало жаль, что я так одинок, так *без привета* (Герц., Зап. одн. мол. чел., Ребячество); Взгляд его *был* вовсе *без* всякого *значения* (Гоголь, Невск. просп.); Я совершенно *без забот* насчет житейских ежедневных нужд (И. Пущин, п. Е. П. Оболенскому, 29 февр. 1840); Он ... *был без* малейших *способностей* (Дост., Бедн. люди, июня 1, II); Ты *без жалости*, Петр Иваныч! (Гонч., Обыкн. ист., 2, II); Со злобой дня души постыдный торг *Стал* для меня *без смысла и* значенья (А. К. Толст., Земля цвела); И тут он *становился без всякой терпимости, без* малейшего *снисхождения и сострадания* (Герц., Б. и д., 1, V).

Приблизительно до 60—70-х годов XIX в. такие сочетания в сказуемостной функции сохраняют употребительность как конструкция, со стороны имени ограниченная лишь общим значением отвлеченности.

В процессе развития соотношений таких сказуемых со сказуемыми адъективными и глагольными сказуемые, выраженные предложно-падежными сочетаниями, оказываются категорией вытесняемой. Это вытеснение идет по линии сокращения употребительности, сопровождающегося ограничением возможностей словесного наполнения модели. В сказуемостном употреблении закрепляется считаемый ряд наиболее привычных, постоянно употребляемых сочетаний, превращающихся в лексически замкнутые конструкции, утрачивающие одно из основных свойств продуктивной синтаксической схемы — возможность свободного наполнения в пределах заданных категорией знаменательных слов. После 60—70-х годов в литературном языке в сказуемостной функции закрепляются сочетания *без чувств, без памяти, без признаков* (чего), *без претензий, без последствий, без применения, без употребления, без опровержения, без результата, без перемен* и др.

Почти постоянное разъединение наших приятелей *не осталось без последствий* (Тург., Отцы и дети, XVII); Нет ни одного человека, который *был бы* совершенно *без* всяких *признаков* чего-нибудь хорошего (Черн., Что делать?, 2, IX); Он был ...без всяких претензий (Сверб., Зап., II); Громкие фразы рескрипта *останутся без* всякого практического *применения* (Милютин, Дневн., 1); Другие части развалин *оставались без* всякого *употребления* (Фет, Мои воспом., I. II).

Сказанное не означает, что во второй половине XIX в. аналогичные сочетания с другими словами совершенно перестали упот-

ребляться. Речь здесь, как и в других случаях, которые будут рассмотрены ниже, идет об определившейся тенденции развития, а не о закончившемся процессе.

§ 46. В обратном смысловом отношении с описанными выше конструкциями с родит. падежом с предлогом *без* находились предложно-падежные сочетания с творит. падежом с предлогом *с*. До 60—70-х годов XIX в. это было свободное, ничем не ограниченное употребление в роли сказуемого сочетаний, обозначающих наличие у субъекта как внутреннего качества (а), так и внешнего признака, свойства, черты поведения (б): *с разумом, с достоинствами, с сентиментами, с умом, с затеями, с идеями, с душой, со вкусом, с правилами, с характером, с образованием, с дарованиями, с силою воли, с одушевлением, с чувствами, с талантом, с головой, с бодрым духом, с дородством, с имением, с хорошим родством, со связями, с неограниченной властью* и т. п.

а) [Щедров] Он еще и *с затеями?* (Николев, Розана и Любим, I, 6); Свадьба их *была с* великими *странностями* (М. Д. Бастидонова, п. Державину, 16 февр. 1786); Сей Б. был *с счастливым умом* (Добрынин, Зап., XLIV); [Старн] Чей хитрый взгляд прельстил дочь слабую мою И чрез кого я *стал* без чад моих, без чести, С одною грустию, *с одним желаньем* мести (Озеров, Фингал, II, 1); Прошу вас прислать речь Жуковского: уверен, что она *будет с идеями* (И. Дм., п. А. И. Тургеневу, окт.— ноябрь 1819); Он... *с прекрасною, хотя и пылкою душою* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 5 авг. 1819); Он — *с умом необыкновенным* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 21 апр. 1820); Молодой человек *был... с деспотическими привычками* (Завалиш., Зап., декабр., 1, VI); Она, казалось, *была* совсем *с разбитыми мыслями* (Дост., Идиот, 3, II); Хочется, *чтоб* ты *была* (как оно и есть) более тонкой работы и *с бóльшими умственными интересами* (Л. Толст., п. жене, 10 дек. 1864).

б) Из коих иная прядет, иная шьет; только всякая *с делом* (Аблес., Мельн.-колдун, III, 1); Больной *остался с параличом* (Добрынин, Зап., XXVII); Помещики от вас *и с деньгой и с дородством* (Вяземск., Зимн. карикат., Ухабы); Та и другой *с хорошим родством* (Марл., Испытание, IV); Я *оказался с лучшими отметками* (Завалиш., Зап., декабрь, 1, IV); Призмы *бывают* или *с четырехгранным сечением,* или *с шестигранным* или *с удвоенным числом граней* (Менд., Основы химии, 1, I).

Во второй половине XIX в. свободное употребление таких сочетаний становится редким: в функции сказуемого стабилизуется лексически замкнутый и непополняемый ряд: *со странностями, с характером, с головой, с достоинством, с (дурными, хорошими* и т. п.) *наклонностями, со связями* и др.

Вообще сказуемостное функционирование сочетаний в форме творит. падежа с предлогом *с* в XVIII — нач. XIX в. было свободнее, чем в конце XIX в. и тем более чем в современном языке.

Широко употребительны были предложения вроде: *они все были с багровыми лицами* (Нарежн.), *он был с горбом* (И. Дм.), *помещики от вас с деньгой* (Вяземск.), *она с идеальным выражением в лице* (Писемск.) и т. п. Развитие соотносительного употребления таких сочетаний с так называемыми конструкциями принадлежности (*у них были багровые лица*) постепенно привело к возобладанию этих последних и к ограничению употребительности сочетаний с творит. падежом.

§ 47. В языке XVIII в. и в течение всей первой половины XIX в. довольно свободно употреблялись в роли сказуемого сочетания отвлеченных существительных в форме дат. падежа с предлогом *к*.

[Ростислав] *К* лютейшей *казни* мне глаза ее прелестны! (Сумарок., Семира, III, 7); Великое ваше имя *останется к* вечной во всех частях света *похвале* (Васильев, Дневн., 24 июля 1774); Что по тогдашним обстоятельствам весьма *было бы к моему повреждению* (Шаховск., Зап., 1); Поездка в Россию *была бы* ей *к добру* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 10/22 июня 1847); Она [ложь] *была бы* и *к гибели* тех, которые поверили бы (Герц., Б. и д., 5, XXXVI) [140].

Во второй половине XIX в. в языке закрепляется лишь несколько таких сочетаний: *к лучшему, к чести* (кого-либо), *к добру*. С другим лексическим наполнением отмечаются редкие случаи как свидетельства остаточного употребления:

Это только *ко вреду будет* (Дост., п. жене, 1/13 июня 1874).

Аналогичные изменения претерпевает предикативное функционирование сочетаний отвлеченных существительных в форме винит. падежа с предлогом *в* [141]. В XVIII — первой трети XIX в. такие сказуемые обычны.

Сие мучительное воображение ныне мне *в игрушку* (Кант., Письма о прир. и чел., 6); [Кий] А милость винному, преступнику прощенье Не редко и царю и всем *в отягощенье* (Сумарок., Хорев, V, 1); В тогдашние времена и действительно *было* сие *в диковинку* и *в* великую *редкость* (Болот., 1, 10); Таковой *бы* и арестант *был в наказание* надзирателю (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 28 ноября 1790); Письмо твое *будет* мне *в утешение* (Радищ., п. А. М. Кутузову, 6 дек. 1791); Всем то *было в примету* (Добрынин, Зап., XXXII); [Эдип] Любви к родителю *в пример* потомству *будь*! (Озеров, Эдип в Афинах,

[140] Ср. отражение народной речи в былине: Мне богасьвицо *не к надобью*, У меня есть своего, да все останется (Из былин М. Крюковой. Цит. по статье: А. З. Трубачев. Из наблюдений над глагольными формами в языке былин. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та», т. 100. Труды кафедры русск. языка, вып. 6, 1961, стр. 170).

[141] По терминологии А. В. Попова, это — один из винительных независимых — «винительный образа и результата на месте сказуемого», известный всем индоевропейским языкам (см. А. В. Попов. Указ. соч., стр. 161).

II, 1); [Антигона] Мой прах вам *будет в казнь* (Там же, V, 3); Уже *не в пользу* покаянье (Жуковск., Баллада); И *в сладость* песнь его *была*: Душа невольно ожила (Жуковск., Шильонск. узник); И прах твой *будет в посмеянье,* И гроб твой *будет в стыд и срам* (Кюхельб., ⟨На смерть Чернова⟩); Тюрьма мне *в честь — не в укоризну* (Рыл., ⟨Надпись на крепостной тарелке⟩); Быть может, завтра *в наслажденье* Ей *было б* мрачное сомненье (Козлов, Кн. Нат. Бор. Долгорукая, 2, III); *Будь* пир твой *в стыд* тебе, гостям твоим *во вред!* (Вяземск., Зимн. карикат., Ухабы, Обозы); Имя дворянина, час от часу более униженное, *стало* наконец *в притчу и посмеяние* разночинцам (Пушк., Опроверж. на критики, III); [Князь] Он людям *в посмеянье* (Пушк., Русалка, Днепр. Ночь); Ему потом *уж стали в бремя* Затеи девы удалой (Борат., Цыганка, IV); *Будь* же это *не в упрек,* а в *урок* тебе! (Марл., Ам.-Бек, VI); А письмо сие *да будет* ему *в памятник,* что нужда и крайность делают (А. Иванов, п. отцу, 1833. Стасов, О знач. Иванова); Да, *будет,*— кто-то тут сказал,— Им *в память* этот день кровавый! (Лерм., Я к вам пишу: случайно! право).

Во второй половине XIX в. активность такого употребления явно ослабевает: в соотношении со сказуемым, выраженным именит. или творит. падежом (*будет в упрек — будет упрек, упреком; было б в наслажденье — было б наслажденьем*), предложно-падежные формы, естественно, оказались категорией малоактивной. Во второй половине XIX в. случаи свободного употребления таких сочетаний еще отмечаются, но уже как отражение исчезающей языковой практики или как прием стилизации.

И мне *в тревогу и смущенье* Шум собственных моих шагов И сердца каждое биенье (Вяземск., Зачем вы, дни? — сказал поэт...); Каждое утро буду тебе писать покамест; и это мне *в потребность* (Дост., п. жене, 18 мая 1867); И это мне *в наслаждение!* И это мне *не в боль,* а *в наслаждение!* (Дост., Прест. и наказ., 1, II); А что властвовать задумали, паче меры захотели выситься над нами, то им *в стыд, во срам, в позор и поношенье*! (М.-Печ., На горах, 4, 12).

В языке XVIII — XIX вв. некоторые такие сочетания характеризуются большой частотой употребления. Таковы были сочетания *в тягость, в диковинку, (не) во вред, в шутку, в ущерб, в наказание, в помощь, (не) в убыток* и др. Эти сочетания и сохраняются в языке как следы недавно еще живой модели, утрачивающие ее основные качества: мотивированность соединения частей и свободу лексического наполнения.

§ 48. И в XVIII в. и позднее, на протяжении всего XIX в., в широком употреблении в роли сказуемого были сочетания предложного падежа с предлогом *в*. Не говоря уже о существительных конкретных значений (он *в городе,* все *в шелку*

и мехах и т. п.), неспадающей употребительностью характеризуются сочетания типа *в моде, в обычае, (не) в ходу, (не) в ладах, в употреблении, в обыкновении, в обязанности,* в (чьей-н.) *воле, в* (чьем-н.) *вкусе, (не) в привычках, в распоряжении* (кого-н.), *(не) в* (чьей-н.) *натуре* и т. п. а также сочетания, требующие инфинитива: *(не) в праве говорить, (не) в силах молчать, (не) в состоянии идти, в необходимости подчиниться* и т. п. Правда, здесь можно говорить о сокращении употребительности или утрате отдельных сочетаний, таких, как *в виду, в памяти, в предмете, в нравах, в тоне, в возможности* и др. Ср. в языке конца XVIII — первой половины XIX в.:

Происшествие *в памяти* у многих (Жих., Зап. совр., I, 7 янв. 1806); Одна только независимая жизнь *была в виду* моем (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 4); У нас теперь не то *в предмете* (Пушк., Е. О., 1, XXVII); ...Избравшая в женихи человека без чести и правил, потому только, что он *в тоне* (Марл., Вечер на бивуаке); Здесь это *в нравах* (Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, дек.).

С инфинитивом:

Нашлись в необходимости прибегнуть к человеку, который... (Моск. Мерк., 1803, июль); Я *буду в возможности снабдить* его хорошею статьею (Жих., Зап. совр., II, 25 мая 1807); Я *буду* уже *в возможности содержать* себя собственными трудами (Гоголь, п. матери, 10 февр. 1831); Я *был в духе ругаться* (Пушк., п. Вяземскому, 5 ноября 1830).

Однако в целом вся эта группа сочетаний в сказуемостной функции устойчиво сохраняется.

Более активные процессы сужения рядов и лексического ограничения моделей происходят в системе тех сочетаний, которые обозначают внутреннее состояние, поведение субъекта, либо его внешнее состояние или характеристику по отношению к чему-нибудь.

Группа сочетаний, обозначающих внутреннее состояние, поведение субъекта, в языке конца XVIII — нач. XIX в. была очень широка. Сюда входили такие сочетания, как *в мысли* (*в прежних, тех же мыслях* и т. п.), *в надежде, в печали, в кручине, в горе, в рассеянии, в сердце, в гневе, в бешенстве, в ожесточении, в смятении, в нервах, в послушании, в повиновении, в неизвестности, в незнании, в колебании, в авантаже, в слабости, в покое, в волнении, в унынии, в думе, в бесчувствии, в рассудке, в удовольствии, в торжестве, в удивлении, в мрачности, в раскаянии, в сокрушении, в беспокойстве, в досаде, в огорчении, в горести, в задумчивости, в размышлении, в заботе, в радости, в раздумье, в прискорбии, в неудовольствии, в негодовании, в недоумении, в изумлении, в нерешительности* и мн. др.

[Оскольд] В тот день, как ты погиб, *был* город сей *в надежде!* (Сумарок., Семира, I, 4); [Вскипятилин] Все

почти *в развращении или невежестве,* а если кто *ни в том, ни в другом,* так тот по уши *в сумнении и недоверчивости* (Клушин, Алхимист, III); И Душенька о нем *в незнании была* (Богд., Душенька, 2); Я *в превеликих трусостях был,* и теперь еще *есть* (Хемн., п. М. А. и Н. А. Львовым, 2 июля 1783); И покамест Польша *будет пребывать в такой слабости, в каковой* она ныне *обретается,* то... (Щербат., Статистика, II); Я *был* весел, *в удовольствии* (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Он, сказывают, *в раскаянии* (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 30 сент. 1790); Я *в тех же мыслях,* как и вы (Е. И. Голенищева-Кутузова, п. А. М. Кутузову, 27 ноября 1790); Госпожа Лицемеркина нынче *в великой горести* (Изм., Евгений, 5, XIII); Я когда *бываю* в душевном *прискорбии,* тогда... (Добрынин, Зап., XXX); Наш молодец *в кручине и печали* (Крыл., Пастух); Все воинство *пребывало в тишине и в молчании* (Карамз., Нат. боярск. дочь); Все арабты *в торжестве* (Карамз., Граф Гваринос); С целым миром бы в любви (Карамз., Песнь мира); Во весь вечер *была в рассеянии* (В. Е., 1802, № 14); А я *могу ли быть в покое*? (Изм., Ягненок и поросенок); Тургенев *в сокрушении* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 14 авг. 1818); Я *в беспокойстве* за брата Сергея (А. И. Тург., п. Вяземскому, 23 марта 1821); [Блестов] Ваш друг *в веселом нраве* (Гриб. и Жандр, Притворн. неверность); [Эльмира] Мой муж *в рассеянье* (Гриб., Мол. супруги, 5); [г. N]. Вы *в размышленье*? (Гриб., Горе от у., III, 4); Покоен он: но так *в покое* Байкал пред бурей мрачным днем (Рыл., Войнаровск., 1); Хозяин *был* чрезвычайно *в духе* (Пушк., Выстрел); Ты *в горе?* (Козлов, Кн. Нат. Бор. Долгорукая, 1, XI); Он *в думе* мрачной и глубокой (Там же, 2, VIII); Я весь *в* каком-то *бесчувствии* (Гоголь, п. П. П. Косяровскому, 2 сент. 1827); Я теперь почти *в* совершенной *радости* (Гоголь, п. матери, 17 янв. 1826); Будто природа *в тоске* перед грозою (Марл., Изменник, III).

Примерно с середины XIX в. намечается ограничение в употреблении таких сочетаний; сохраняются лишь те, которые, употребляясь чаще других, превратились в устойчивые сочетания лексикализованного характера: *в смятении, в унынии, в недоумении, в опасении, в тревоге, в изумлении, в затруднении, в заблуждении, в отчаянии, в смущении, в замешательстве, в задумчивости, в восторге, в претензии, в ударе, в (неприятном и* т. п. *) расположении, в (плохом* и т. п.) *настроении, в здравом уме, в памяти* и др.

Однако, как уже подчеркивалось выше, такое ограничение было лишь ярко выраженной тенденцией; процесс здесь не был закончен. Поэтому и в середине, и во второй половине XIX в. мы нередко встречаем такие сочетания и в более свободном лексическом наполнении.

Был в заботе (Дост., Слабое сердце); Я *не в бешенстве и не в преувеличении* (Белинск., п. И. Тургеневу, 19 февр./3 марта 1847); *Остался в* решительном *ожесточении* (Писемск., Тыс. душ, 3, V); *Был в тоске* (Дост., п. жене, 8 июня 1872); Никогда я *не был бы в силе и в надежде* (Дост., п. жене, 4 апр. 1868); Травы *в рыдании* (Фет, В лунном сиянии); Только *бы* ты *была в сильном, энергичном духе* (Л. Толст., п. жене, 1877); Она *в аккуратности* (Л. Толст., п. жене, 1 сент. 1884); Государь *был в колебании* (Милютин, Дневн., 1, 9 янв. 1874); Вы опять *в нервах* (Эрт., Гард., 1, I); Мы все *в тоске, в тревоге* (Бунин, Запустение).

Аналогичный процесс происходит и в группе тех сочетаний, которые обозначают внешнее состояние субъекта, его деятельность или характеризуют его по отношению к чему-нибудь: *в доверенности, в счастии, в пышности, в красоте, в силе, в почтении, в славе, в чести, в уважении, в приязни, в послушании, в ненависти, в презрении, в гонении, в поношении, в подозрении, в строгости, в нищете, в бедности, в несчастье, в утешении, в гибели, в рабстве, в запрещении, в зависимости, в плену, в узах, в цепях, в трудах, в отдохновении, в движении, в противоречии, в опасности, в бездействии, в стремительности, в неизвестности, в забвенье, в запустенье, в приготовлениях, в исправности, в беспорядке, в готовности, в целости, в вражде, в тяжбе, в войне, в ссоре, в дружбе, в споре, в переписке, в силах, в слабости, в чувствах* и др. Как и предложно-падежные сочетания предыдущей группы, в начале изучаемого периода такие конструкции в роли сказуемого были очень употребительны.

[Гертруда] Ты *в ненависти,* князь, мой сын любим в народе (Сумарок., Гамлет, II, 2); [Оснельда] Я *в бедности, в плену,* я в узах в сей стране (Сумарок., Хорев, IV, 7); [Гамлет] Смотри, *в какой* я *стал,* Офелия, *судьбине* (Сумарок., Гамлет, III, 3); Астроном весь свой век *в* бесплодном *был труде* (Лом., Письмо о пользе стекла); [Добровидов] Он у ней *был в повелениях* (Кропот., Фомушка, V, 1); [Скалыгин] Тот *остается* во весь свой век *в презрении и бедности* (Матинск., Спб. гост. двор, III, 2); Якобы город Яик от злодеев *в* крайнем *утеснении* (П. Кречетников, п. Державину, 21 апр. 1774); Он *в чести,* а я *в гонении* (Д. М. Свистунов, п. Державину, 14 апр. 1786); Здесь слово «откуп» *в* крайнем *презрении и поношении* (Фонв., Друг честн. людей, Ответ [Взяткину]); Постройка повеленных вашим в.-пр. кирпичных сараев *в недействии* (Держ., п. И. В. Гудовичу, 30 марта 1786); [Церковь] и поныне *в* совершенной *крепости* (Добрынин, Зап., XXV); Он уже *не в такой большой силе* у двора (Крыл., Каиб); Успех сего посольства *остается в неизвестности* (Карамз., Нат. боярск. дочь); Страсть его *не была в противоположности* с добродетелью (Там же); Воображение мое *было*

во всей своей бурной стремительности (Карамз., П. р. п., Веймар, 21 июля 1789); Имя хорошего писателя *сделалось бы* у нас *в* таком же *уважении,* как и у других народов (Шишк., Рассужд.); Эти оранжереи в настоящее время года *бывают во всей пышности и красоте своей* (Жих., Зап. совр., I, 13 марта 1805); Он *был в* чрезвычайной *слабости* (Изм., Бедн. Маша, 2); [К р е о н] Ты изгнан, *в бедности; я в славе,* друг царю (Озеров, Эдип в Афинах, III, 2); Весь мир *в отдохновенье!* (Д. Дав., Элегия V); Все горе прежнее *в забвенье* (Козлов, Чернец, V); Министры *были в силе и доверенности* (В. И. Штейнгель, Зап. Ник. I); Солдаты *в* ужасной *строгости* (Пущин, п. родителям и сестрам, окт. 1827); Все красное лето Мы *были в красе* (Тютч., Листья); [Имения] или *в тяжбе,* или *в казенном запрещении* (Телеск., 1831, № 4); Блистовский *был в отсутствии* (Погорельск., Монастырка, 2, XIV); Муж ее *в несчастии* (Лажечн., Лед. дом, 4, 11); *Оказался во всей черноте:* измучил жену язвительными упреками (Марл., Вечер на бивуаке).

К концу XIX в. из общей массы таких сочетаний устойчивую употребительность сохранили лишь некоторые: *в бедности, в нищете, в запустении, в употреблении, в сношениях, в целости, в сохранности, в исправности, в опасности, в отсутствии, в движении, в бездействии, в беспорядке, в противоречии, в зависимости, в чести, в силе, в уважении, в ссоре, в родстве, в переписке* и др. Но это уже не была живая и продуктивная синтаксическая модель.

Сочетания с другим, более свободным наполнением во второй половине XIX в. отмечаются уже редко и нерегулярно:

Огарев... *был* совершенно *в том направлении,* как я (Герц., Б. и д., 4, XXXII); Вы *в счастье,* Леонид Сергеич, вы *в почестях!* (С.-Щ., Губ. оч., Просители, VIII); Такие должности... *были* тогда *в дурной славе* (Завалиш., Зап. декабр., 2, VI); *Трудно было быть более в гибели,* но работа меня вынесла (Дост., п. жене, 18 ноября 1867); Со всеми ими Иванов *находился в* ближайшем *соприкосновении, в* интимнейшем *обмене* мыслей (Стасов, О знач. Иванова).

Лексическое «усыхание» модели легко прослеживается на судьбе сочетаний, объединенных более узкой, определенной семантикой. В качестве иллюстрации можно привести сочетания, характеризующие субъект по состоянию болезни.

Вплоть до середины XIX в. такие сочетания были вполне обычны и употребительны:

[Ч у ж е х в а т] Она *в* жестокой *горячке* (Сумарок., Опекун, I, 10); Другие дети *в той же болезни, в скарлатине* (Карамз., п. А. И. Тургеневу, 17 ноября 1815); От ваших советов он *будет в чахотке* (Жих., Зап. совр., I, 16 авг. 1805); Я здесь *в насморке* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 28 сент. 1818); [Э л ь м и р а] Вы больны — *в жару* (Гриб., Мол. супруги, 13);

Он весь *был в немощи* (Д. Дав., Эпитафия); *В коклюше* обе (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 14 июля 1829); Я *приехал* на воды весь *в ревматизмах* (Лерм., п. С. А. Раевскому, конец 1837); Несчастный *был в* жесточайшем *припадке падучей болезни* (Дост., Хозяйка, I, 2); Ты совсем *в лихорадке* (Дост., Слабое сердце).

Такое употребление отмечается и во второй половине XIX в., но уже как затухающее и часто связанное с привычной для пишущего старой языковой манерой.

Костомаров *лежит в тифе* (Дост., п. жене, 7 февр. 1875); Встал *в* ужасной *лихорадке, в ознобе и жаре* (Дост., п. жене, 10 авг. 1873); Дети у ней *в скарлатине* (Дост., п. жене, 2 янв. 1872); Сам председатель *лежал в* сильных *страданиях подагры* (Милютин, Дневн., 1, 13 июня 1873); Коля и Анюта без надежды *в кори* (Курочк., Веселые разговоры); Меньшая девочка *была в поносе* 3 месяца (Л. Толст., п. жене, 12 ноября 1866); Тот побирается, тот *в падучей,* тот *в чахотке* (Л. Толст., п. жене, 2 марта 1882); Саша *в насморке* (Л. Толст., п. жене, 9 сент. 1893); Она *в гриппе* (Л. Толст., п. жене, 20 окт. 1893).

К концу века такое употребление резко ограничивается: здесь возобладала «конструкция принадлежности»: *у него чахотка, у детей корь* и т. п. В системе языка сохранилось лишь несколько сочетаний этой группы: *в жару, в бреду, в чахотке.*

Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в сказуемостном функционировании сочетаний, характеризующих субъект по наличию или отсутствию у него денежных средств, определенных сумм и т. п. В языке XIX в. еще живыми и вполне употребительными были идущие из XVIII в. предложения вроде: Теперь я *в деньгах* (Борат., п. И. В. Киреевскому, янв. 1832); [Купец] *считался в десяти миллионах* (Сверб., Зап., I); Крестьяне... *были в недоимках* (Там же, II); Я к тому времени *буду в капиталах* (Боборык., Китай-город, 4, IX); Все думал так: вот *буду в стах тысячах,* а потом *в двухстах, трехстах* (Там же, 2, XVII); Он *будет в двухстах тысячах дохода* (Там же, 4, XXIX); Работник *бывал в штрафах* процентов на 15 (Судебн. заключ. 1886). К концу века сохраняются лексикализовавшиеся сочетания *в выигрыше, в проигрыше, в долгу.*

§ 49. Проявлением той же общей тенденции к перерастанию модели в непродуктивную и словесно замкнутую схему был процесс создания таких синтаксических фразеологизмов, в которых предложно-падежное сочетание обрастало добавочными грамматическими элементами. Это были конструкции с отрицанием.

В языке второй половины и конца XIX в. в качестве таких синтаксических фразеологизмов функционируют, в частности, сочетания с отрицанием и с родит. пад. с предлогом *без: не без греха, не без пользы, не без способностей, не без слабостей, не без причины, не без основания, не без умысла* и др. Эти сочетания вычлени-

лись из ранее свободной синтаксической модели, еще до середины XIX в. широко функционировавшей в сказуемостной функции.

Впрочем, *была* она и *не без приданого* (Чулк., Пригож. повариха); [В а к у л а] *Не без кумов-то* вить и я здесь, слава богу! (Крыл., Подщипа, I, 8); [С ы н] И дама к нему *не без склонности* (Фонв., Бригадир, I, 3); Они *были не без разума* (Болот., 1, 15); Левек, как писатель, *не без дарования, не без достоинств* (Карамз., П. р. п., Париж, мая... 1790); Но и самый ум едва ли *не без дела* (Там же, Семейств. жизнь, Лондон, июля... 1790); Конечно, я *не без грехов* (Изм., Волк и лисица); Он *не без сведений* (Жих., Зап. совр., II, 21 янв. 1807); Сие обыкновение *не без исключения* (Рикорд, Зап.); Алексей также *был не без работы* (Головн., Зап., 1); Вздор мой *не без истины* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, апр. 1813); [Р о с л а в л е в с т а р ш.] И я *не без добродушия, не без сострадания* (Гриб. и Вяземск., Кто брат, кто сестра, 12); Беклешов *был не без просвещения* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 5); Она *была не без надзора* (Борат., Эда); Вид дикий, но *не без живописи* (Вяземск., п. жене, 24 авг. 1826); Эта рукопись *будет* для вас *не без занимательности* (В. Одоевск., Русск. ночи, 2); Радость *была не без примеси* печали (Никитенко, Дневн., 11 февр. 1833); Комната *была*, точно, *не без приятности* (Гоголь, М. д., 1, II); А между тем Александр *был не без дела* (Гонч., Обыкн. ист., 2, III); Небо *не без туч* (Герц., Б. и д., 5, XXXV); Пусть тот, чья честь *не без укора*, Страшится мнения людей (А. К. Толст., Пусть тот, чья честь не без укора...); Рисунок *не без упреков*, колорит без большой теплоты (Стасов, О знач. Иванова).

К концу XIX в. число таких сочетаний резко ограничивается и они превращаются в непополняемый ряд фразеологизирующихся построений (ср. тот же процесс в развитии безличных предложений; см. «Изменения в системе безличных предложений, § 34).

Аналогичные процессы происходят с сочетаниями дат. падежа с предлогами *к, по*. На основе некогда свободного употребления складываются фразеологизмы *не к добру, не к чести, не ко времени, не по вкусу, не по нутру, не по характеру, не по средствам, не по плечу, не по силам* и др.

Ср. ранее лексически более свободное употребление в сказуемом сочетаний с отрицанием:

[Ч у ж е х в а т] А медные деньги мне *не по мысли* (Сумарок., Опекун, I, 6); Если ж пышность, сан, богатство — *Не по склонностям* твоим... (Держ., Дар); Сильные лекарства, которые давали милорду, *казались* мне совсем *не по болезни* (Смерть лорда Байрона, Моск. телеграф, 1825, № 1); Осмеливаемся заметить г. издателю, что сии статьи *не по его журналу* (Там же, № 2); Бедняге, вероятно, *не по климату пришлась* полярная шуба под тропиками (Марл., Письмо к д-ру Эрману).

Результатом того же общего процесса «застывания» некогда свободных сочетаний в рамках лексически замкнутой схемы явилось образование синтаксических фразеологизмов с предл. падежом: *не в ладах, не в ходу, не в духе, не в состоянии и др.*[142]

Исследователи современного языка обычно относят такие сочетания к «образованиям наречного типа» и даже просто к наречиям, к «категории состояния», к «предикативам» и т. п. Однако очевидно, что, фразеологизируясь, такие сочетания далеко не всегда порывают свои исконные смысловые и функциональные связи с соответствующими свободными предложно-падежными соединениями.

Итак, по отношению к сказуемым, строящимся с участием предложно-падежных сочетаний, включающих в свой состав существительные отвлеченных значений, к середине XIX в. в литературном языке определяется тенденция к ограничению функционирования и к переходу их в непополняемый ряд конструкций лексикализованного характера. По отношению к сочетаниям с разными падежами и предлогами степень лексической несвободности оказывается неодинаковой: здесь отмечаются колебания от еще довольно широкого, нестабилизовавшегося ряда до единичных фразеологизмов. Процессу утраты такими сочетаниями свойств собственно синтаксической модели способствовала утрата предлогом своего первичного значения и, как результат этого, развившаяся в сочетании немотивированность соединения компонентов: в конструкциях типа *к похвале, к надежде, в стыд, в наслаждение* и т. п. значение соединения предлога с именем стало настолько общим и отвлеченным, что это соединение уже перестало восприниматься как вообще имеющее какой-нибудь внутренний смысл. Ограниченные лексически, утратившие мотивированность соединения компонентов, такие сочетания, ставшие считаемыми, теряли основные конструктивные свойства собственно модели. Поэтому естественно, что, находясь в ряду регулярных функционально-смысловых соотношений с живыми и активными формами глагольных, причастных и именных сказуемых, они превращались в категорию не только убывающую, вытесняемую, но и изменяющую постепенно свое синтаксическое качество.

Изменения в сказуемых, выраженных родительным квалитативным[143]

§ 50. Своими особыми тенденциями характеризуется история употребления сказуемых, выраженных беспредложным родит. в

[142] Перечни таких сочетаний в современном русском языке см. в указанной выше статье Я. И. Рословец.

[143] Здесь характеризуются лишь самые общие тенденции в развитии данной конструкции. Более подробное рассмотрение ее истории в языке XIX в., материалы и литературу вопроса см. в статье: Н. Ю. Шведова Из истории родительного квалитативного в русск. лит. языке XVIII—XIX вв. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. V, М., 1962.

обязательном сочетании с согласуемым словом (так называемый родит. квалитативный): он *веселого нрава, недалекого ума, небольшой учености;* эта картина *была изрядной живописи* и т. п.

В конце XVIII — нач. XIX в. такие сказуемые функционировали довольно свободно и круг входящих в них существительных был относительно широк. В течение XIX в. происходит постепенное сокращение предикативного функционирования этих сочетаний.

На судьбу таких сказуемых решающее влияние оказывал факт наличия или отсутствия у них регулярной соотносительности с другими видами сказуемых. Там, где такая соотносительность была, в употреблении родит. квалитативного наблюдались специфические изменения; там же, где такие сказуемые не имели рядом с собой соотносительных по значению сказуемых других форм,— там они оказывались устойчиво употребительными и как синтаксическая модель не претерпевали существенных изменений.

Так, не имели регулярной соотносительности с другими видами сказуемых и поэтому устойчиво употреблялись и продолжают употребляться в сказуемом сочетания, включающие в себя слова, называющие категорию, вид, разновидность (товар был *первого сорта, различного разбора, средней руки, особого рода* и т. п.); внутреннее качество, свойство, ценность (подарки сии *невеликой цены, отличного качества, разных достоинств* и т. п.); форму, размер, вес (зверь этот *громадного размера, средней величины, странной формы* и т. п.); возраст (он был *средних лет, глупого возраста);* цвет (потолок сделался *кофейного цвета,* мерин был *гнедой масти);* неопределенно большую группу, совокупность чего-либо, обычно — лиц (сей вождь был *скифского племени,* они *разных наций, графского рода, купеческого состояния* и т. п.); происхождение (он *благородной крови, плебейского происхождения*); общественное направление или вероисповедание (все жители *христианской веры, разных исповеданий, католического закона* и т. п.). Помимо слов перечисленных семантических групп, в предикативно функционирующие сочетания с родит. квалитативным, не имевшие регулярных функционально-смысловых соотношений со сказуемыми других форм, могли входить отдельные слова отвлеченной семантики (он *высокой жизни, воздержного жития,* все списки *подобного стиля,* платье мое было *последней моды,* картина сия *изрядной живописи, худого тиснения, европейского искусства,* письмо *вашей руки* и т. п.).

В целом для таких сказуемых довольно отчетливо намечаются определенные пределы возможностей лексического наполнения. И если можно говорить о каких-либо тенденциях в их развитии в языке XIX в., то это были изменения отношений между моделью и наполняющим ее словесным материалом. Для основной массы описываемых сочетаний характерно — со стороны имени существительного — неразнообразное и повторяющееся лексическое напол-

нение (ср. сочетания со словами *форма, величина, толщина, цвет, размер, рост, сорт, вес, фасон, лет* (родит. падеж), *вид, вера, нация, свойство, происхождение* и др.). Сказуемые, строящиеся такими сочетаниями, употреблялись везде, постоянно, массово, и это соединение лексической узости с широкой употребительностью ставило их в положение своеобразных устойчивых образований.

Характерно, что прочно удерживаются в языке именно сочетания с повторяющимся лексическим наполнением. Сочетания с существительными, не столь регулярно и постоянно употреблявшимися в их составе, в течение XIX в. обнаруживают явную тенденцию к сокращению и постепенному исчезновению. В этом смысле показательна судьба сочетаний с названными выше нерегулярно употреблявшимися в их составе существительными отвлеченной семантики. Более или менее последовательно они отмечаются до 60—70-х годов, а дальше употребляются главным образом сочетания, ставшие устойчивыми единицами полуфразеологического характера: *хорошего (дурного) тона, последней (новейшей) моды, высокого полета, нового пошиба, подобного (известного* и т. п.) *стиля, гражданской архитектуры* и др. Таким образом, здесь происходит ограничение словесных средств наполнения модели и в целом развитие идет по линии стабилизации форм с узким и однообразным словесным составом и утраты сочетаний с такими словами, которые включались в них не столь регулярно.

В то же время сама модель предикативно функционирующих сочетаний, не соотносительных с другими формами сказуемого, была живой, и образования эти не представляли собой непополняемого ряда: с появлением новых слов соответствующей семантики они свободно и естественно становились компонентом такого сочетания (ср. относительно позднюю фиксацию предложений типа: он *низкого класса, практической сферы,* облик его *был не русского типа,* мы *другого направления* и т. п.).

§ 51. Наряду с описанными сказуемостными сочетаниями с родит. квалитативным, в языке XVIII—XIX вв. функционировали такие сочетания, которые входили в систему регулярных соотношений со сказуемыми других форм. Выделяется четыре вида таких сочетаний по характеру соотношений: 1) соотносительные с наречно-адъективными соединениями; 2) соотносительные с личными глаголами или с причастно-именными конструкциями; 3) соотносительные с адъективно-субстантивными сочетаниями в творит. падеже с предлогом *с* и с «конструкциями принадлежности»; 4) соотносительные с адъективно-субстантивными сочетаниями в родит. падеже с предлогом *из.* Все эти сочетания на протяжении XIX в. претерпевали существенные изменения как со стороны употребительности, так и со стороны норм лексического наполнения.

1. К сочетаниям, соотносительным с соединениями прилагательного с наречием, относились сочe-

тания с существительными, образованными от качественных прилагательных (или словообразовательно соотносительных с ними по корневой морфеме) и называющими внешний или внутренний признак, свойство, качество; прилагательное при таком существительном обычно обозначает меру, степень признака или его оценку (она *была чрезвычайного пригожества*, сей человек *беспримерного высокомерия*, хор наш *будет удивительного совершенства*, он *был примерной аккуратности, непомерной силы*, этот ученик *понятливости необычайной*, лицо его *было замечательной красоты* и т. п.). В конце XVIII — первой половине XIX в. такие сочетания в роли сказуемого были широко употребительны. Они находились в активном и регулярном соотношении с адъективными сказуемыми, определяемыми наречием: *чрезвычайного пригожества — чрезвычайно пригож, чрезвычайно пригожий; беспримерного высокомерия — беспримерно высокомерен, беспримерно высокомерный* и т. п. Адъективные сказуемые были массово употребительны и не знали никаких лексических ограничений. В этом соотношении сочетания с родит. квалитативным были формой вытесняемой: литературный язык второй половины XIX в. дает несомненную картину сокращения их употребительности. Но это было не просто количественное убывание: рядом с уменьшением употребительности самих сочетаний происходит как бы «усыхание» входящего в них лексического материала — резкое сужение самого набора формирующих сочетание лексем. Здесь прежде всего нужно констатировать тенденцию к утрате сочетаний со словами относительно частных, дифференцированных значений. К концу века все реже отмечаются сочетания с существительными, называющими конкретное частное свойство или определенную черту характера, поведения. Сохраняют относительную употребительность сочетания со словами *сила, красота, белизна, крутизна, яркость, важность* и др. под.

В отличие от сказуемых, не имеющих соотносительности со сказуемыми других форм, сочетания типа *огромной важности, замечательной белизны, ужасной силы, редкой красоты* и под., по существу, утрачивают признаки живой синтаксической модели: они продолжают функционировать в языке как уже имеющийся ряд конструкций с неполняющимся набором словесных элементов.

2. Сочетания, соотносительные с личными глагольными или с причастно-именными конструкциями. Примерно до середины XIX в. более или менее регулярно функционируют в роли сказуемого сочетания, строящиеся соединением отглагольного имени (со значением действия) и согласуемого слова с притяжательным значением (эти цветы *моего сажанья*, картина была *твоего рисованья*, стихи оказались *Гётева сочинения*, хлебы были *сестрина печенья, собственного приготовленья* и т. п.). Сказуемые этого типа находились в регулярных соотношениях, во-первых, с личными глагольными конструкциями (*его сочинения — он сочинил*), во-вторых, с причастно-именными

конструкциями с формой страдательного причастия, также в перфектном значении (этот фарс *его сочинения — им сочинен*). В этой системе соотношений сочетания с родит. квалитативным, лексически ограниченные и относящиеся к убывающей категории, явно уступали активным и массово употреблявшимся конструкциям с личным глаголом или причастием.

К описанным сочетаниям с собственно глагольными именами по словообразовательным связям и общей семантике примыкают такие сочетания с соотносительными с глаголом существительными, в которых согласуемое слово не обязательно имеет притяжательное значение, а само имя не обозначает непосредственно действия по глаголу (вещь *хорошей работы, своих трудов, иноземной отделки,* мастера были *отличной выучки,* рыба *ночного улова, прошлогоднего соления, своего запаса,* эта мука *своего размола, нового привоза* и т. п.). Соотношения с глагольными и причастными конструкциями для таких сочетаний в роли сказуемого не были регулярными и имели особый характер, поскольку согласуемое слово здесь не обязательно несло в себе указание на «действователя», а само имя непосредственно не соотносилось с глаголом как название действия. И сказуемые, выраженные такими сочетаниями, строящимися с участием довольно ограниченного набора имен, сохраняют употребительность на протяжении всего изучаемого периода.

3. Сочетания, соотносительные с адъективно-субстантивными сочетаниями в творит. падеже с предлогом *с* и с «конструкциями принадлежности». В языке XVIII — первой половины XIX в. активен был ряд соотношений типа: *он такого мнения, недалекого ума — с таким мнением, с недалеким умом — у него такое мнение, недалекий ум; эта девица красивого лица — с красивым лицом — у этой девицы красивое лицо.* В предикативной функции такие сочетания в XIX в. последовательно убывают. Сокращение их употребительности идет разными путями: как по линии собственно количественного убывания, так и по линии ограничения возможностей лексического наполнения модели.

Основной массив в этой группе составляют сочетания с существительными, называющими склад интеллекта, психики, совокупность внутренних свойств (этот человек *недальнего разума, миролюбивого нрава, деятельного характера, холодного темперамента, скептического склада, неуступчивого духу, добрейшей души, неустрашимого духа, незлобного сердца, умнейшей головы* и т. п.). Эти сочетания в функции сказуемого были широко употребительны до 60—70-х годов XIX в. Лишь к концу века можно констатировать их постепенное сокращение.

Соотношения этих конструкций со сказуемыми, выраженными сочетаниями с творит. падежом, не были устойчивы и постоянны. Предикативно значимые сочетания типа *с крутым нравом* уже

с середины XIX в. сами являются ограничивающимися (см. § 46). Гораздо более стабильным было соотношение родит. квалитативного с «конструкциями принадлежности» (*он счастливого ума — у него счастливый ум*). Эти последние, широкие по значению и входящие в разные соотносительные ряды, оказывались более сильным членом ряда; построения с родительным постепенно уходят из сказуемостного употребления. Этому процессу способствовало еще и то, что в тех случаях, когда с формой родит. падежа имени соединялось прилагательное, способное характеризовать человека со стороны его общих психических и интеллектуальных свойств, такие сочетания оказывались однозначны с адъективными сказуемыми и часто уступали им место: он *веселого нрава — веселый, характера независимого и честного — независим и честен, недалекого ума — недалек, недалекий, неустрашимого духа, — неустрашим* и т. п.

Рядом с сочетаниями, строящимися со словами *нрав, ум, характер* и т. п., в аналогичный ряд соотношений выстраивались сочетания со словами, называющими отдельные стороны интеллекта или внутреннего склада (начальник мой *отменных дарований, строгой чести, безукоризненной нравственности, счастливой памяти, увлекательной любезности, других привычек, редких достоинств, разных добродетелей, честных правил, ограниченных способностей, благородных качеств* и т. п.). Эти сочетания, до середины XIX в. вполне употребительные, после 60-х годов отмечаются крайне редко, как явно исчезающие. И здесь, так же, как для сочетаний предыдущей группы, существовало трехчленное соотношение: *он других привычек, больших дарований, счастливой памяти — он с другими привычками, с большими дарованиями, со счастливой памятью — у него другие привычки, большие дарования, счастливая память*. Сочетания с творит. падежом и здесь были слабы и неустойчивы и сравнительно рано перестали употребляться; «конструкция принадлежности» возобладала и в этих случаях.

Такова же была судьба сказуемых, выраженных сочетаниями с существительными, называющими черты внешности, физического склада и состояния (он *приятного лица, крепкого сложения, завидного здоровья*), круг познаний, совокупность понятий или навыков (этот *человек больших сведений, глубокой учености, приятного обхождения* и под.), образ мышления, взгляды (*я тех же мыслей, других чувств, убеждений, идей, понятий*). Из числа этих групп наибольшую устойчивость проявили сказуемые со словами более обобщенных, менее дифференцированных значений (*он слабого здоровья, крепкого сложения, слабой комплекции, приятной наружности* и т. п.). В течение всего XIX в. они отмечаются как вполне употребительная конструкция. Сохраняют употребительность также сказуемые, формирующиеся с существительными, называющими предметы и явления, могущие быть неотчленяемым

признаком их обладателя *платье было модного узора, книги различного содержания* и т. п.

4. Сочетания, соотносительные с адъективно-субстантивными сочетаниями в родит. падеже с предлогом *из*. Такие сочетания строились с участием существительных двух различных семантических групп: во-первых, с существительными, называющими место, организацию, относительно узкую группу лиц (*он не нашей роты, семинарии, секты, партии,* оные особы *были фамилии знатной,* Бонапарте всегда *был Бриссотовой партии* и т. п.); во-вторых, с существительными, называющими материал, из которого что-либо изготовлено (солнце *стало точно красной меди,* пантолоны *были какой-то непонятной допотопной материи,* ворота *толстого дерева* и т. п.). В обоих случаях сочетания с родит. падежом в предикативной функции постепенно уступали место конструкциям с *из*; сохранились отдельные сочетания, стоящие на пути к лексикализации: *лошади орловского* (*своего* и т. п.). *завода, он не робкого десятка; мебель красного дерева* и др.

Итак, родит. квалитативный в роли сказуемого в русском литературном языке конца XVIII — нач. XIX в. употреблялся шире и свободнее, чем во второй половине и в конце XIX в. Эта широта и свобода употребления выражалась как в чисто количественных показателях, так и в том, что возможности лексического наполнения этой модели были значительно менее ограничены, чем это имеет место позднее.

Те сочетания, которые не были постоянно соотносительны с другими конструкциями, сохраняли устойчивую употребительность на протяжении всего изучаемого периода. Развитие их шло по линии изменения отношений между моделью и ее словесным наполнением. Соединение массовой употребительности с узостью и неразнообразием постоянно повторяющегося лексического состава ставило такие сочетания в положение синтаксической модели, характеризующейся все возрастающим ограничением возможностей словесного наполнения.

Те сочетания, которые входили в соотносительные ряды с другими конструкциями, в течение XIX в. претерпевали значительные изменения как со стороны употребительности, так и со стороны норм своего словесного наполнения. Во всех видах соотношений сочетания с родит. квалитативным были категорией слабейшей и вытесняемой, так как они представляли собой узкую, малоактивную и лексически ограниченную категорию.

В отличие от продолжающих оставаться продуктивной синтаксической схемой сочетаний не входящих в соотносительные ряды с другими конструкциями, сочетания, являющиеся одним из членов соотносительного ряда, утрачивают основное качество живой модели — способность включать в свой состав новые слова. Сохраняющиеся сочетания продолжают функционировать или как

считаемый ряд построений с неполнояющимся набором стержневых лексем, или как лексикализованные единства. Общей является здесь тенденция к утрате сочетаний со словами относительно частных, дифференцированных значений и к сохранению сочетаний со словами менее дифференцированных, обобщенных значений.

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИЧАСТНЫХ СКАЗУЕМЫХ И В ИХ СООТНОШЕНИЯХ СО СКАЗУЕМЫМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ

Изменения в употреблении сказуемых - причастий на *-м*

Эволюция сказуемостного употребления причастий на *-м* от глаголов разных классов

§ 52. Во второй половине XVIII в. значительно шире и свободнее, чем в конце XIX в., употреблялись конструкции со сказуемым, выраженным глагольной формой со страдательным значением. Это прежде всего относится к предложениям со сказуемым — страдательным причастием настоящего времени (с суффиксом *-м*). Такие сказуемые в составе пассивных конструкций использовались не только в официальной, деловой речи, но и в драматургии, в повествовательной, описательной, сатирической прозе, в мемуарах и письмах; встречаются они и в поэтической речи. Причастия на *-м* в этот период употребляются:

в бессвязочном сказуемом: Везде начальник *уважаем:* Тобой он мудро *избираем* (Карамз., Ода на случай присяги);

при *был, будет*: *Был* он *почитаем* от многих почтенных особ (Изм., Евгений, 5, IV); Сей податель *будет* без сумнения *вопрошаем* от любопытного князя (Держ., п. В. С. Попову, апр. 1785);

при *был бы:* Не будет никакого порочного поступка, который *не был бы извиняем* (Крыл., Почта духов, XXXI);

при полузнаменательных глаголах *бывать, стать, сделаться, казаться*: Деревни *стали отнимаемы*, правы *нарушаемы* (Щербат., Статистика, VI); Почему и во все *б* нынешнее военное время никуда *отлучаемы* они *не бывали* (От конторы опекунства иностранных Державину, 19 апр. 1774); *Показались* ему черты и признаки его лица *знаемы* (Болот., 1, 2); *Сделался он любим* и *почитаем* во всем городе и уезде (Там же, 1, 5);

при знаменательных глаголах: Так в бисере стекло, подобяся жемчугу, *Любимо* по всему земному *ходит* кругу (Лом., Письмо о пользе стекла);

в составе трехчленных сказуемых: Новые распоряжения и учреждения *сочиняемы быть стали* (Шаховск., Зап.,I); [Демифон] Сколько беззакония *должны быть разглашаемы*, столько *должны прикрываемы быть* наши слабости и прошибки (Сумарок., Ядовитый, 5); *Не мог* тебя ласкать, *ласкаем быть* то-

бой! (Карамз., Посл. к женщинам); Потребные деньги *отпускаемы быть долженствуют* (Именной указ, 18 ноября 1796); Едва *успел* тобой *быть знаем* (Держ., На смерть Бибикова).

Относительно широкая употребительность кратких страдательных причастий на *-м* в сказуемостной функции, вызванная, по-видимому, влиянием французского синтаксиса [144], сохранялась и в языке первых десятилетий XIX в. «Из сложных форм спряжения, в последнее время все сокращавшихся в своем употреблении, в первой половине XIX в. еще относительно нередки в качестве сказуемых страдательные формы несов. вида, состоящие из причастий на *-м* и вспомогательного глагола. Их мы встречаем не только в научной прозе, сильно тяготевшей к старославянским типам, но и в языке значительно более живой и близкой к разговорной речи беллетристики, переписки и под.» [145]

Конструкции со сказуемым — причастием на *-м* отмечаются в это время в контекстах, далеких от стилистической окраски высокости или официальности, и с причастиями таких глаголов, которые никак не связаны с высокой лексикой:

Не один *был* лес и смола от нас *отправляемы* (Челищ., Путеш.); Сноны... *были обмолачиваемы* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Склонность ржевских жителей к механике); Стены... *обкладываемы были* мрамором (ЖДНП, 1823, май); ...что я мало обтерся, что мало *был прижимаем* злом (Гоголь, п. матери, 1 марта 1828); Лезгины... *были опрокидываемы* с большим уроном себе (Марл., Подвиг Овечкина и Щербины); ...*бывают* весьма больно *поколачиваемы* (Гоголь, М. д., 1, IV); Завтрак ...*был покупаем* поочередно (Бутк., Пб. верш., I, Сто рублей).

В первой половине XIX в. далеко еще не были столь явны те ограничения в образовании и употреблении причастий на *-м*, которые определились для современного литературного языка [146].

---

[144] См.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 220.

[145] Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в., стр. 318. Там же см. многочисленные примеры употребления.

[146] В специальном исследовании о страдательных причастиях наст. вр. в современном литературном языке Е. С. Истрина отмечает продуктивность этих образований для четырех продуктивных групп переходных глаголов: 1) на *-ать*, *-ять* (*сплетать*, *надевать*); 2) на *-ывать*, *-ивать* (*разыскивать*, *подписывать*); 3) на *-овать*, *-ировать* (*волновать*, *ликвидировать*, *военизировать*) и 4) 2-го спряжения на *-ить* (*приносить*). Внутри этих групп ограниченно употребительны причастия от бесприставочных глаголов первой и четвертой групп (*бросаемый*, *говоримый*) и, в силу «громоздкости и непроизносимости соответствующих причастий по ударению», причастия от глаголов второй группы (*приготавливаемый*). Причастия от глаголов непродуктивных классов (*пасо́мый*, *ведо́мый*, *зако́нный* и под.) для современного языка признаются архаическими образованиями (См. Е. С. Истрина. Грамматические заметки. I. Причастия страдательные наст. вр. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. XX, 1939).

Правда, и в этот период основную массу сказуемостно функционирующих причастий на *-м* составляют причастия от тех же групп глаголов, которые обнаруживают легкость образования и продуктивность этой категории в современном языке. В разных жанрах и формах письменности свободно употребляются в роли сказуемого причастия от приставочных глаголов на *-ать, вать* (*вверяем, возбуждаем, возлагаем, вопрошаем, воспрещаем, вспоминаем, выдаваем, вызываем, вынуждаем, выражаем, доставляем, затрудняем, защищаем, избираем, извиняем, избавляем, истощаем, исполняем, наблюдаем, награждаем, назначаем, обитаем, ободряем, обвиняем, объясняем, отнимаем, отвергаем, отпускаем, осаждаем, отправляем, переправляем, побуждаем, подаваем, побиваем, погребаем, поглощаем, понижаем, посещаем, подстрекаем, почитаем, позволяем, подавляем, преподаваем, прерываем, презираем, предпочитаем, принимаем, приглашаем, присылаем, продолжаем, раздаваем, разоряем, сбираем, сжигаем, смягчаем, составляем, сопровождаем, сочиняем, стесняем, ссылаем, убиваем, уважаем, угощаем, удовлетворяем, ускоряем, употребляем, управляем, ускоряем* и др.), от глаголов на *-овать, -евать* (*ассигнуем, впечатлеваем, вспомоществуем, волнуем, врачуем, исследуем, подогреваем, предводительствуем, преследуем, последуем* [несов.], *публикуем, рифмуем, руководствуем, торжествуем, чувствуем* и др.), от приставочных глаголов на *-ить* (*выносим, выводим, доводим, находим, превозносим, переводим, проводим, производим, произносим, приносим, сносим* и под.). Такие причастия на всем протяжении XIX в. сохраняют употребительность в составе сказуемого.

В то же время во второй половине XVIII — нач. XIX в. значительно шире и свободнее, чем в конце XIX в. и тем более чем в современном языке, употребляются в составе сказуемого причастия от бесприставочных и опростившихся глаголов на *-ать* (а), от бесприставочных глаголов на *-ить* (б), от глаголов непродуктивных классов (в).

а) Едва *успел* тобой *быть знаем* (Держ., На смерть Бибикова); *Не мог* тебя ласкать, *ласкаем быть* тобой! (Карамз., Посл. к женщинам); [Наслаждение] *может и должно быть* снова *желаемо* (Карамз., П. р. п., Цирих, 1789); [Народ] *должен быть* сам от себя *спасаем* (Карамз., О моск. мятеже); Книги сии редко *читаемы бывают* (Шишк., Рассужд.); ...И тот, кем он *внимаем был* (Жуковск., Ивиковы журавли); По суровости своего климата никем *не может быть обитаема* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Рыбн. ловля с острогою); Сердце его было пусто, голова *не обитаема* умом (Там же, 2, Благоденствие прибрежн. крестьян); Многочисленным народом обеих столиц почти 20 лет ежедневно *был видаем* (Бибиков, Зап.); С посрамлением... *лишаемые были* начальства (Там же); *Был терзаем* желанием играть какую-нибудь роль в области словесности (Вяземск., Ст. зап. кн., 1); [Р е п е-

тилов] Каким-то демоном *внушаем* (Гриб., Горе от у., IV, 4); Отовсюду *делаемы были* приношения деньгами (Моск. телеграф, 1825, № 3); Пушкины *были* гонимы и явным образом *обижаемы* (Пушк., Опроверж. на критики, III).

б) Гладкий понт часто *холмим* (Держ., Весна); Люди *хвалимы бывают* по их степеням и счастию (Добрынин, Зап., XXI); *Не могло быть терпимо* сие лютое и безрассудное истязание (Карамз., Похв. слово Екат. II, 2); Дотоле *будешь* свято *чтима,* От подданных *боготворима* И *славима* из рода в род (Карамз., К милости); *Был судим* в убийстве (Карамз., П. р. п., Лондон, июля... 1790); Я *был палим* благородною страстию напоминать о себе вселенной! (Вяземск., Ст. зап. кн., 1); Хотя *был* я и *учим* наукам... монахами (Нарежн., Росс Жилбл., 5, XIII); *Были... даримы* и потчуемы (Нарежн., Два Ивана, 2, III); Нами ты *была любима* И для милого *хранима* (Пушк., Ск. о мертв. ц.); О, сколько смертных здесь *крушимы!* (Козлов, Обетов. земля); И сколько лет Я памятью *томим* (Лерм., К Л.).

в) Здесь *терпим* всякой образ веры (Карамз., П. р. п., Лондон, июля... 1790); Ты, друг, прими, в знак дружбы, мой пирог, Как древле *был приемлем* хлеб с солонкой (Вяземск., Посл. к А. И. Тург.); Дивною твоей луною *Был* я по морю *ведом* (Кюхельб., Ницца); Причина тому ясно *видима* (П. Г. Каховск., п. Ник. I); Австрийцы *ненавидимы* (Вяземск., Ст. зап. кн., 3); [Приношения] *доводимы* до высочайшего сведения (Моск. телеграф, 1825, № 3), Ты *не была, не будешь* мною *зрима* (Козлов, К Италии); Роком злобным я *гоним* (Полеж., К друзьям); Он *был* заманчивым свиданьем К свиданью новому *влеком* (Борат., Цыганка, V).

К концу XIX в. употребление в сказуемостной функции причастий на *-м* от бесприставочных глаголов на *-ать, -ить* и от глаголов непродуктивных классов постепенно затухает. Если еще в середине века (а в поэзии и позднее) такое употребление сохраняется довольно устойчиво [147], то в конце века оно уже оказывается отражением уходящей нормы и отмечается главным образом у писателей, связанных со старой языковой практикой.

Были даваемы объяснения (Милютин, Дневн., I, 29 июля 1873); *Были делаемы* г-жою Огаревой неприятные ее-

---

[147] *Был носим*, как говорится, на руках (Гоголь, М. д., 1, VIII); *Руководим был* просвещенным патриотизмом (Вяземск., Фонвизин, X); Криводушно *судимы* иностранными путешественниками (Там же, VI); В память их *творимы были* молитвы (В. Соллог., Тарантас, XII); Не здесь *был величаем* Великий праздник молодости чудной (Тютч., Итак, опять увиделся я с вами); Самолюбие мое постоянно *было ласкаемо* похвалами учителей (С. Акс., Воспом., Гимназия, Период второй); Тот, кто столько тобою *был чтим* (Некр., Рыц. на час); Он *был храним*, Взамен конвоя псом своим Одним (Курочк., Царь Додон).

мужу распоряжения (Черн., Восп. об отнош. Тург. к Добролюбову).

Причастия *любим, чтим, мучим, томим* оказываются относительно устойчивы как отдельные закрепившиеся в языке словоформы.

Что касается «громоздких и непроизносимых по ударению» [148] причастий от глаголов на *-ывать, -ивать*, то тезис о том, что они «встречаются редко», материалами языка XIX в. не подтверждается. В деловой и повествовательной прозе конца XVIII — первых десятилетий XIX в. они вообще были формой, свободно функционировавшей в составе сказуемого.

[Округи земли] *могли обделываемы быть* (Щербат., Статистика, III); Слабость сил в человеке... *бывает* разными нечаянными случаями *поддерживаема* и возвышаема (Радищ., Житие Уш.); Благосклонность Надежды Михайловны *должна быть оказываема* одному тебе (Изм., Евгений, 5, III); Всем-то *был* он [рисунок] *показываем*, всем-то расхваливан (Болот., 1, 15); Пока не осталось в них [руках] все то, что онымп *захватываемо было* (Добрынин, Зап., XV); Переводы... *должны приналравливаемы быть* к своему языку (Шишк., Рассужд.); *Выкидываемы бывают* во время сильного волнения (Озерецковск., Описание Колы); *Были* две сестры *воспитываемы* в городском пансионе (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, I); Супружества ...*могут быть рассматриваемы* с трех сторон (Там же, 6, I); Внимание и соболезнование, которое ему от всех россиян *оказываемо было* (Рикорд, Зап.); *были рассматриваемы* (Там же); Стены ...*обкладываемы были* мрамором (ЖДНП, 1823, май); Без пощады *были расстреливаемы* (Там же, авг.); Летописи народные везде *бывают* подробно *рассматриваемы* (Моск. телеграф, 1825, № 1); он *был* ими *обманываем* (П. Г. Каховск., п. Ник. I); С художественной точки зрения сие стихотворение *не должно быть и рассматриваемо* (Телеск., 1831, № 1); Народная история *была обезображиваема* (Там же, № 2); *желал быть наказываем* (Лерм., <Вадим>, I, IV); *обеспокоиваемы были* кабардинскими наездниками (Марл., Ам.-Бек, XIV); *испрашиваемо было* мое разрешение (Министерск. распоряжение, ЖМНП, 1836, янв.); Он *был останавливаем* незнанием самых первоначальных стихий (Гоголь, Портрет, 1).

В языке поэзии эти формы не употреблялись, но, по-видимому, не по соображениям стилистического порядка, ср.:

Я чувствовал, как конь дышал, Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей (Лерм., Люблю я цепи синих гор).

После 40-х годов такое употребление несколько сокращается. Однако говорить об утрате употребительности причастий от гла-

[148] См.: Е. С. Истрина. Грамматические заметки, I, стр. 10.

голов на *-ывать, -ивать* в составе сказуемого нельзя. Они остаются живой категорией, функционирующей в описательной, деловой, научной прозе, в публицистике.

Уличение кражи *было наказываемо законом* (Вяземск., Фонвизин, VI); Производительная сила земли... *может быть увеличиваема* (Совр., 1847, т. V); ...землею, которая ими *была обрабатываема* (Петрашевск., Проект об освобожд. крестьян); Принадлежит к одной из тех злых истин, которые... *не должны быть высказываемы* (Л. Толст., Севаст. в мае, 16); Развитие ее с самых ранних лет никогда *не было задерживаемо* (Некр. и Станицк., Три стр. света, 2, IV); Письма ...*были запечатываемы* (С.-Щ., Губ. оч., Порф. Петр.); Володя *был воспитываем* в правилах субординации (Там же, Влад. Конст. Буеракин); Писатели ...*были* им *осмеиваемы* (Черн., Оч. гоголевск. периода, 2); Это *было* положительно ими *высказываемо* (Там же, 4); *Бывали* ли наши крепостные ... *закладываемы, променяваемы* или *отбираемы* за долги (Сверб., Зап., II); Допущение в Академию гимназистов ...*было испрашиваемо* мною (Милютин, Дневн., 1, 6 сент. 1873); Всякое усилие ...*должно быть рассматриваемо* как средство к водворению спокойствия (Корол., В голодн. год., XI); Необходимо, *чтобы* штрафы все без исключения *были* правильно *записываемы* (Ленин, Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах, V. Соч., т. 2, стр. 38).

Таким образом, в языке XIX в. сложилось то, в общем сохранившееся и до настоящего времени положение, при котором одни группы причастий на *-м* в составе сказуемого сохраняли употребительность, другие — утрачивали. Такое положение непосредственно определялось характером производящего глагола: переходные глаголы продуктивных классов (приставочные на *-ать, -ить, -ывать, -ивать,* глаголы на *-овать, -евать*) были и продолжают оставаться живой базой образования соответствующих причастий; бесприставочные глаголы на *-ать, -ить* дают такие образования ограниченно, что связано главным образом с характером их лексических значений и специфическими сферами употребления, оказывающимися в противоречии со стилистическим значением категории причастий на *-м;* от непродуктивных глаголов причастия на *-м* сохраняются лишь как отдельные архаизировавшиеся словоформы. Таким образом, тезис о том, что в литературном языке XIX в. причастия наст. вр. страдательного залога употреблялись только «в единичных случаях» [149], что в современном языке «причастия несов. вида как настоящего, так и прошедшего времени... полностью вытеснены из области сказуе-

---

[149] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русск. языка, стр. 198.

мого» [150], оказывается в противоречии с реальной языковой действительностью.

Основные тенденции развития категории причастий на *-м* в целом и их сказуемостного функционирования, в частности, правильно определены в работах А. А. Потебни [151], позднее — Л. А. Булаховского и Е. С. Истриной. Говоря об отношении к этой категории М. В. Ломоносова, подчеркивавшего ее непродуктивность и несвойственность русскому языку [152], Л. А. Булаховский писал: «Вся эта извне занесенная в русский язык морфологическая категория, вопреки отношению к ней авторитетнейшего грамматика XVIII в., не только выжила, но и, за некоторыми исключениями, развивалась на русской литературной почве» [153]. Этот тезис полностью совпадает с тем выводом, к которому приходит Е. С. Истрина: «Причастия на *-м* в литературном русском языке, несомненно, были связаны с церковнославянским влиянием в известную эпоху; но они были усвоены языком не только как отдельные формы, а как категория; жизненность этой категории как раз обнаруживается в том, что она вошла в продуктивную систему глагольных образований и оторвалась для современного русского языка от глаголов непродуктивных, сохраняющих только единичные причастные формы (ср. *ведомый*), притом — готовые, а не образуемые. Категория эта как категория продуктивная имеет свою историю развития в языке, и для ее характеристики важно именно ее развитие, ее отношение к системе современного языка, а не ссылка на церковнославянское влияние в прошлом» [154]. Такая оглядка на церковнославянское происхождение причастий на *-м* иногда мешает правильному освещению современного состояния этой категории [155].

[150] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русск. языка, стр. 178.

[151] «Нынешний русский литературный язык, развившийся из древнего языка почти без перерывов..., малым чем отличается от ст.-слав. и др.-р., так как сохраняет оба причастия. Он лишь слегка отмечает некоторые сочетания прич. наст. страд. как более архаические, менее употребительные, но удерживает их. Может показаться, что неловко сказать *был ругаем*, но все-таки это по-русски и отличимо без всяких объяснений от вполне обычного *был руган*» (А. А. Потебня. Из зап., т. I—II, стр. 148—149).

[152] «Страдательные причастия настоящие, кончащиеся на *-мый*, происходят... только от глаголов российских, у славян в употреблении бывших, напр.: *венчаемый*, *пишемый*, *подаемый*, *видимый*, *носимый*, но по большей части приличнее полагаются в риторических и стихотворческих сочинениях, нежели в простом штиле или в просторечии. От российских глаголов, у славян в употреблении не бывших, произведенные, напр.: *трогаемый*, *качаемый*, *марaемый*, весьма дики и слуху несносны» (М. В. Ломоносов. Росс. грам., § 444, стр. 547—548). Аналогичные взгляды развивались Буслаевым (см.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, § 198, стр. 376.).

[153] Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка., т. II, стр. 220.

[154] Е. С. Истрина. Грамматические заметки, I, стр. 17.

[155] Отражение некоторой предвзятости в изложении этого вопроса можно найти в соответствующих главах монографического исследования о рус-

Изменения соотношений сказуемых-причастий на *-м* и сказуемых-глаголов с аффиксом *-ся*

§ 53. История сказуемых, выраженных причастиями на *-м*, определяется, с одной стороны, историей их соотношений со сказуемыми, выраженными глаголами с аффиксом *-ся*, с другой стороны — развитием соотношений пассивных и активных конструкций. Отношения между элементами трехчленного соотносительного ряда типа: *он врачуем лекарем — он врачуется лекарем — его врачует лекарь* никогда не были отношениями равнозначного соответствия, и теоретически возможная смысловая взаимозаменяемость их в пределах определенного контекста в действительности не может быть осуществлена без более или менее ясно выраженных смысловых смещений и нарушений исходного коммуникативного задания. Между этими конструкциями всегда существовали различия и смысловые и стилистические.

Пассивные конструкции со сказуемым, выраженным причастием на *-м*, исконно были категорией, свойственной книжной речи и далекой от речи разговорной. Такое положение, определившееся старославянским происхождением самой этой категории причастий, отмечается многими исследователями. В древнерусском языке до XIV в. конструкции эти строились «по старославянским образцам» [156], «поддерживались литературными традициями» [157] как формы «книжные» [158]; в XVI в. они тоже принадлежат литературно-книжной речи и «церковным официальным документам» [159]; в XVII в. и в Петровскую эпоху эта стилистическая окраска сказуемых — причастий на *-м* сохраняется [160]. Не изменилась она и в XVIII в. Лишь в последние его десятилетия сфера употребления этих конструкций расширяется; как уже отмечено выше, они проникают в такие области письменной речи, которые смыкаются с разговорной формой литературного языка — в переписку, мемуары, в художественную прозу. По мысли Булаховского, активизация системы страдательных оборотов была связана с «иностранным влиянием» [161]. В первой половине XIX в. они употребляются до-

---

ском глаголе А. В. Исаченко («Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким». Морфология, ч. 2. Братислава, 1960).

[156] Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 217—220.

[157] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русск. языка, стр. 195.

[158] Его же. Исследования в области истории белорусского синтаксиса, стр. 262—263.

[159] С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952, стр. 22, 25.

[160] Л. В. Соловьева. Именное сказуемое в памятниках эпохи формирования русского национального языка, стр. 12—13; А. В. Клевцова. Выражение составного сказуемого в личном (двусоставном) предложении в памятниках Петровского времени, стр. 15.

[161] Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 220.

вольно широко; позднее обнаруживается тенденция к некоторому их сокращению — как вследствие сокращения употребительности некоторых групп причастий на *-м* (см. § 52), так и вследствие причин собственно синтаксического характера. К концу XIX в. пассивные конструкции со сказуемым — причастием на *-м* закрепляются как живая грамматическая категория, связанная хотя и далеко не со всеми, но все же с относительно широкими стилистическими сферами языка [162]. В современном языке сфера употребления этих «пассивных оборотов» охватывает «официально-канцелярские, научно-технические, газетно-публицистические и примыкающие к ним повествовательные стили» [163]. В конце XVIII — нач. XIX в., как уже сказано, эта сфера была более широкой; однако и в то время пассивные конструкции с причастием на *-м* далеко не были категорией стилистически нейтральной.

Конструкции с глаголом на *-ся* (*он врачуется лекарем*) по своему стилистическому значению также не были нейтральны: в предшествующие эпохи они несли в себе окраску книжности и характеризовались очень ограниченной употребительностью [164]. Ломоносов определяет их как «к славянскому свойству склоняющиеся выражения» [165]. Роль их в литературном языке XIX в. незначительна — и не только в силу их стилистической ограниченности. Конструкции эти характеризуются неустойчивостью, «зыбкостью» своего грамматического значения; собственно страдательное значение четче и определеннее выражается конструкциями с причастием, чем конструкциями со страдательным глаголом: «Возвратная форма 3-го лица в страдательном значении ...гораздо менее выражает пассивное состояние субъекта, чем страдательно-причастная конструкция (ср., например, *поле вспахивалось колхозниками* и *поле было вспахиваемо колхозниками*)» [166]. Причина этого явления — в зыбкости границ между страдательным и средневозвратным значением глаголов на *-ся*. Здесь нет ни возможности, ни необходимости подробно останавли-

---

[162] См.: Е. С. Истрина. Грамматические заметки, I, стр. 16; Н. Э. Беркович. Страдательный оборот в разных стилях совр. русск. языка. В кн.: Вопросы русского языкознания. Саратов, 1961; В. Ф. Ильина. О стилистических особенностях действительных и страдательных оборотов в совр. русск. языке. В кн.: Мат-лы XXII научной конференции Саратовского пед. ин-та. Гуманитарные науки, 1961.

[163] В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 640. См. также: А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 360, 547 и сл.

[164] См.: С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 22—24.

[165] М. В. Ломоносов. Росс. грам., § 510, стр. 562.

[166] В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 640. Ср. также: «Формы на *-мый, -тый, -ный*, если они употребительны от данного глагола, употребляются преимущественно перед возвратными формами как специальные выразители страдательного значения» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 137)

ваться на этом вопросе: он изучен и освещен в ряде специальных работ [167]. Общий вывод бесспорен: «Форма на *-ся* лишь по нужде и лишь с большим трудом приобретает страдательное значение. Только сопровождающий эту форму творительный падеж действующего лица или острая потребность в нем заставляют понимать ее страдательно. Без этих же привходящих условий формы возвратного залога получают обычно какое-нибудь из остальных своих значений (ср. *книга читается многими* и *книга читается легко, забор красится маляром* и *эта дама очень красится, стороны примиряются судьей* и *стороны примиряются друг с другом*» [168]. Таким образом, «морфологическая соотносительность между формами страдат. и действит. залога нарушена, полустерта» [169], а следовательно, нарушена и прямая синтаксическая соотносительность сказуемых — причастий на *-м* и глаголов на *-ся*. В языке XIX в. процессы взаимопроникновения страдательного и средневозвратного значений в возвратных глаголах были очень активны; они оказывали непосредственное воздействие на судьбу трехчленного ряда типа *он врачуем (кем) — врачуется (кем) — его врачуют* (*врачует* [*кто*]).

В результате тех процессов смещения значений, которые происходили в возвратном глаголе, и вся конструкция с возвратным глаголом, ослабляющим или утрачивающим страдательное значение, оказывалась стилистически менее определенной, более свободной и семантически более емкой. Не случайно и Шахматов [170], и Булаховский [171] отмечают бóльшую обычность и употребительность, бóльшую близость к разговорной речи собственно глагольных конструкций.

Что касается третьего члена ряда — активной конструкции, то она была стилистически нейтральна и массово употребительна. Но по значению она, естественно, никогда полностью не «накладывалась» на пассивную конструкцию, так как замена грамматического субъекта состояния грамматическим субъектом действия неизбежно влекла за собой семантический сдвиг во всем сообщении. Смысловая взаимозаменяемость была в отношениях этих конструкций только редкой возможностью, определявшейся

---

[167] А. А. Шахматов. Синтаксис, § 546, 548, 549, стр. 477—481; В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 632—633; С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 23; Е. А. Иванова-Яковская. Страдательные обороты в совр. русск. лит. языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1952, стр. 13—15; Б. Н. Головин. О взаимосвязи категорий вида и залога в совр. русск. языке. «Уч. зап. Вологодского гос. пед. ин-та», т. 12, 1953, стр. 390—394; Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в., стр. 315; А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 361.

[168] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 137.

[169] В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 640.

[170] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 471.

[171] Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 220.

рядом собственно языковых условий (см. § 57) [172]. В то же время в общем соотношении действительных и страдательных «оборотов» в процессе развития литературного языка XVIII—XIX вв. первые оказывались развивающимися, вторые — сокращающимися. Объясняется это не только стилистической нейтральностью и массовой употребительностью активных конструкций, не только их смысловой емкостью, но и тем существенным фактором, что они, по сравнению с пассивными конструкциями, обладали неограниченными возможностями выражения временных значений [173].

Итак, сокращение употребительности причастных пассивных конструкций в литературном языке XIX в. не следует изображать как процесс, обусловленный только «усыханием» категории причастий на *-м*. Такое объяснение было бы односторонним и неверным. Как было показано выше, вся основная масса причастий на *-м* в XIX в. сохраняет свою употребительность и продуктивность и сокращение употребительности соответствующих конструкций лишь отчасти связано с изменениями в употребительности самой категории причастий на *-м*. Основная причина этого сокращения — в общем изменении соотношений пассивных и активных конструкций в сторону распространения вторых и убывания первых; этот рост активных конструкций был обусловлен не только дальнейшей активизацией конструкций с переходными глаголами (типа *его врачует лекарь*), но и развитием средневозвратных и общевозвратных значений в глаголах на *-ся* — за счет значений страдательных и, как следствие этого, преобразованием соответствующих пассивных конструкций в активные — особенно в случаях неодушевленности творительного субъекта; ср.: *он врачуем лекарем — он врачуется лекарем*: при трансформации причастной конструкции в собственно глагольную пассивное значение сохраняется; но: *он терзаем желанием — он терзается желанием:* та же трансформация переводит конструкцию из плана пассивного в план активный.

§ 54. Во второй половине и в конце XVIII в. пассивные конструкции со сказуемым — страдательным причастием на *-м* входили в разные ряды соотношений. Это были ряды трехчленные и двучленные; внутри каждого из этих основных типов были свои разновидности.

---

[172] Не вызывает возражений вывод Р. А. Маркарян, что «обратимость этих оборотов существует лишь как потенциальная возможность — в живом контексте она не реализуется» (Р. А. Маркарян. Синонимика действительных и страдательных конструкций и употребление страдательных оборотов в совр. русск. языке. «Научные труды Ереванского гос. ун-та», т. 57, ч. II, 1956, стр. 68). См. также: Е. А. Иванова-Янковская. Указ. соч., стр. 16—19; Е. С. Никитина. К вопросу о синонимии действительных и страдательных оборотов. В кн.: Вопросы русск. языкознания. Саратов, 1961.

[173] См. об этом: Б. Н. Головин. Указ. соч., стр. 396.

1. Трехчленные ряды строились конструкциями со сказуемым — причастием на *-м*, конструкциями со сказуемым — глаголом на *-ся* и активными конструкциями. Здесь выделяются две разновидности соотношений.

1) *Начальник всеми был уважаем — начальник всеми уважался — начальника все уважали;*

Начальник был уважаем — начальник уважался — начальника уважали.

В этом виде трехчленного соотношения обе пассивные конструкции выражают собственно страдательное значение; активная конструкция — определенно-личная или неопределенно-личная (в зависимости от наличия или отсутствия указания на производителя действия) — находится в непосредственных смысловых соотношениях с конструкциями пассивными.

2) *Я был терзаем желанием — я терзался желанием — меня терзало желание;*

Они обучаемы были математике — они обучались математике — их обучали математике.

В этом виде трехчленного соотношения второй член ряда ослабляет или совсем утрачивает страдательное значение; активная конструкция — определенно-личная или неопределенно-личная — по смыслу непосредственно соотносительна с пассивной.

2. Двучленные ряды строились пассивными конструкциями с причастием на *-м* и одной из возможных соотносительных конструкций — с глаголом на *-ся* или с активной конструкцией.

1) Соотношения причастных конструкций с конструкциями с глаголом на *-ся* — при отсутствии соотношения с активной конструкцией.

Его понятия оскорбляемы на каждом шагу — его понятия оскорбляются на каждом шагу;

На лугах слышимо было мычание стад — на лугах слышалось мычание стад.

Соотношения с конструкцией без глагола на *-ся* здесь нет, так как в данном сообщении важен именно субъект состояния, субъект же действия несуществен и настолько неопределенен, что может и совсем не мыслиться и не подразумеваться. В конструкции с глаголом на *-ся* пассивное значение или стирается, ослабляется (первый пример) или совсем поглощается значением средневозвратным (второй пример).

2) Соотношения причастных конструкций с активными конструкциями — при отсутствии соотношений с конструкциями с глаголом на *-ся*.

Хлеб ими не знаем — хлеба они не знают;

Там они были гонимы — там их гнали.

Соотносительности с конструкцией с глаголом на *-ся* здесь нет, так как соответствующие глаголы с *-ся* или вообще не существуют

или по тем или другим причинам неупотребительны; активные конструкции находятся в ближайших смысловых соотношениях с конструкциями пассивными.

Рассмотрим подробно основные тенденции развития каждого типа соотношений в русском языке XIX в.

§ 55. Трехчленное соотношение типа *начальник всеми уважаем — всеми уважается — начальника все уважают* было одним из наиболее типических. Причастные конструкции, входившие в такие соотношения, и во второй половине XVIII, и в первые десятилетия XIX в. употреблялись довольно широко. Они были соотносительны по значению активными конструкциями — определенно-личными и неопределенно-личными предложениями — в зависимости от того, заключали ли они в себе указание на деятеля (а) или нет (б).

а) Сей податель *будет* без сумнения *вопрошаем от* любопытного *князя* (Держ., п. В. С. Попову, 1 апр. 1785); Все, что достаток крестьянский лучшего мог снискать, *сносимо и приуготовляемо было бабами* (Болот., 1, 2); *Был* он *почитаем* много *от* многих почтенных *особ* (Изм., Евгений, 5, IV); Младшие *предводительствуемы были старшими* (Радищ., Житие Уш.); Слова, кои *употребляемы были предками* нашими (Шишк., Рассужд.); *Был от него посещаем* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, X); *приглашаем был патриархом* как гость, как друг (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2. Церковь); Первые труды Карамзина *были* с жадностью *принимаемы публикою* (Пушк., Ист. русск. народа, соч. Н. Полевого, I); Слезы сии отчасти *возбуждаемы были пуншем* (Пушк., Станц. смотритель); Это гибельное разделение *было* кроме того *вспомоществуемо и ускоряемо* необыкновенными *обстоятельствами* (ЖМНП, 1836, янв.).

б) Только одне женские рифмы в российских стихах *употребляемы были* (Лом., Письмо о правилах росс. стихотворства); [Дромон] Ежели *бы* пасквильщики *сожигаемы были;* не было бы обществу убытка (Сумарок., Ядовитый, 7); *не были* они *посвящаемы и определяемы* к местам (Добрынин, Зап., VIII); критика *будет стесняема* (И. Дм., п. Д. И. Языкову, янв. 1806); *предлагаемы были* подарки (Рикорд, Зап.); *признаваем был* за одного из лучших романистов (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, Примеч., 1) Поминки *отправляемы были* ежегодно (ЖДНП, 1823, май); Они [погрешности] *не будут вспоминаемы* над его могилой (Моск. телеграф, 1825, № 1); Пугачев *был подозреваем* в воровстве (Пушк., Ист. Пугач. Об «Истории Пугачевск. бунта»); Стрелы, которые во множестве *находимы были* в Пле (Гоголь, п. матери, 2 февр. 1830); Ни одно имя со времени существования Парижа, *не было* так *превозносимо* (С. Глинка, Зап. о М., 7).

Рядом с этими конструкциями как равнозначные употребля-

лись пассивные конструкции с страдательным глаголом. Они чаще, чем причастные конструкции, отмечаются в речи непринужденной, окрашенной разговорностью.

Весь сей день наслаждались мы зрением прекрасных картин и *оскорблялись* на каждом шагу встречающимися *нищими* (Фонв., п. родным, 5/16 окт. 1784); Итак, в один день — ни думано, ни гадано — *наряжаюсь* я в сию секретную посылку (Болот., 2, 87); *Гонялся* только по ней скот на реку и в поля в летнее время (Там же, 2, 102); Катится с первой ступени оной на самый низ, *подымается Мишкою, сажается им* в карету (Изм., Евгений, 5, II); Феофаны, Кантемиры давно уже *не читаются* (Шишк., Рассужд.); Я до сих пор еще *не выпускаюсь* на воздух (П. В. Киреевск., п. Н. М. Языкову, 6 дек. 1833); Даже «Московские ведомости» *не получались* в Липовке (Герц., Долг прежде всего, II).

В стихотворной речи конца XVIII — первых десятилетий XIX в. пассивные конструкции с глаголом страдательного значения также предпочитались причастным конструкциям как более подходящие для формы стиха.

Плутон в расселинах мятется, Что россам в руки *предается* Драгой его металл из гор (Лом., Ода 1747 г.); Цари, царицы в плен *влеклись* (Держ., На взятие Измаила); Ты *провождаешься зефиром* (Держ., На шведский мир); Так, свирепыми *волнами* Сколько с нею *ни делюсь,*— Им не век шуметь со льдами (Держ., Препятствие к свиданию с супругою); Тобой, надежда, нам любезна, *Тобой* мы *движимся,* живем (Н. И. Тург., Дневн., 5 февр. 1806); По той реке два челнока *Несутся* быстрыми *волнами* (Козлов, Два челнока); Нет друга нашего, его навеки нет! Недолго мир *им украшался* (Батюшк., На смерть И. П. Пнина); И клубами быстрые тучи, Сея частым дождем, *неслися силою* вихря (Катен., Ахил и Омир).

Конструкции со сказуемым—глаголом с аффиксом *-ся* в это время, по-видимому, воспринимались как более простые, современные, более близкие к живой речи, чем конструкции с причастием на *-м*. Показательно в этом смысле, что в собственно глагольных построениях субъект действия крайне редко выражался родит. падежом с предлогом *от* — формой, уже тогда воспринимавшейся как устаревающая. Эти случаи отмечаются в стихах:

И самые бессмертны боги Забав *сражаются от стрел* (Держ., Первая песнь Пиндара); И гидр лилейных бледный сонм *От гроз* твоих *да потрясется* (Держ., Флот); Они *от дел своих казнятся* (Крыл., Безбожники); Солнца свет почти *затмился От великого числа* Тех, которые стремились На Гвариноса все вдруг (Карамз., Граф Гваринос); И только тем *от* злой *судьбины* Не вовсе *сокрушился* я, Что... (Козлов, Отр. из 4-й песни «Чайльд Гарольда»).

У собственно глагольных страдательных конструкций было еще одно преимущество, открывавшее им доступ в такие сферы языкового выражения, где требовались семантически гибкие и выразительные формы: по сравнению со сказуемыми — причастиями на *-м* конструкции с глаголом страдательного значения обладали более богатыми и разнообразными возможностями выражения временных значений.

В языке XIX в., как и в современном языке, основным временным значением сказуемых, выраженных причастием на *-м*, было значение действия не одноактного, единичного, а длящегося или повторяющегося. Ими обозначалось действие «вневременное», т. е. распространяющееся на любой временной план (Сии два слова «приятность, польза» почти каждым *понимаемы* посвоему. Нарежн., Росс. Жилбл., Предисл.); действие обычное, постоянное (Он здесь вообще *нелюбим и презираем*. А. И. Тург., п. Вяземскому, 5 ноября 1819); конкретное, определенное, но не одноактное действие (Еще до появления в свет этой книги она уже *была осуждаема и превозносима*. Никитенко, Дневн., 3 янв. 1830); повторяющееся многоактное действие (Глубокая тишина изредка *была прерываема* грустным звуком труб. Отеч. зап., 1839, т. IV).

Правда, в языке второй половины XVIII — первых десятилетий XIX в. возможно было употребление причастий на *-м* и в сказуемом со значением одноактного, единичного, недлительного действия в плане прошлого. Такое употребление сближало по смыслу сказуемые типа *был приглашаем* со сказуемым с причастием прош. вр. сов. вида (*был приглашен*), ср.: Носящий звание и должность здесь архитектора, за неприсылкою из Петербурга по сие время нашего, упоминаемый мною в прежнем моем к в. с. письме канцелярский служитель *отправляем был* осмотреть строящуюся каменную церковь в вотчине вашей (Держ., п. гр. А. Р. Воронцову, апр. 1786). Речь здесь идет о конкретном и единичном, связанном с определенным моментом факте посылки канцелярского служителя для осмотра строящейся церкви; *был отправляем* равнозначно здесь с *был отправлен*. Такое употребление было очень ограниченным; однако в первые десятилетия XIX в. оно было возможно.

Показателем именно такого «одноактного» значения причастных сказуемых типа *был отправляем* может служить употребление их в одном ряду со сказуемым, выраженным причастием прош. вр. сов. вида (*был отправлен*) или глаголом сов. вида. Это сложные или осложненные предложения, в которых сказуемые взаимозависимых частей объединены единством временного значения.

> Все сии чиновные люди *приглашаемы были* мною в каюту и *угощаемы* по европейскому обыкновению тем, что у нас *случилось* (Рикорд, Зап.); Некоторые безделицы были ими

взяты с собою на берег: все оные без изъятия *были* кунаширским начальником *рассматриваемы* и японским матросам *не позволили* ничего при себе оставить (Там же).

На возможную временну́ю недифференцированность этих форм в сказуемом указывает их взаимная мена в рукописях Пушкина.

Окончательная редакция	Черновая редакция
Но бомбы падали в снег и угасали, или тотчас *были заливаемы* (Ист. Пугач., 4)	Бомбы, метаемые из крепости, падали в снег и угасали или тотчас *были залиты*
Кар *был* пред сим *употреблен* в делах, требовавших твердости, и даже жестокости (Там же, Замечания о бунте)	Кар *был* пред сим *употребляем* в делах, требовавших твердости или даже жестокости
Мистерии Ростовского, трагедии царе⟨вны⟩ С⟨офьи⟩ Алекс⟨еевны⟩ *были представлены* при ц⟨арском⟩ дворе (О народн. драме и драме «Марфа Посадница»)	Мистерии Дмитрия Ростовского *были представляемы* при ц⟨арском⟩ дворе

Ср. также: Несколько раз мятежники спешась ударяли в копья, но всегда *были опрокинуты* (Пушк., Ист. Пугач., 4).

В данном сопоставлении важно не то, на какой форме Пушкин остановился окончательно, а то, что он стоял перед возможностью обдумывания, выбора, что было колебание — в то время как для языка середины и второй половины XIX в. и тем более для современного языка такое колебание уже невозможно, так как временные значения причастных форм строго определились.

После 30—40-х годов употребление в сказуемом причастий на *-м* в значении одноактного действия утрачивается.

Таким образом, основны́м временны́м значением причастных страдательных конструкций с формой на *-м* было и оставалось значение неодноактного действия. Система временных значений собственно глагольных страдательных конструкций была значительно богаче. Они могли выражать не только разные виды неодноактного действия, но и действие недлительное, одноактное, ср.: Этим поступком за один раз *уничтожалось* Тайное общество (Якушк., Зап. I). *Уничтожалось* здесь значит «оказывалось уничтоженным»; для формы было *уничтожаемо* выражение такого значения было нехарактерно. Сопоставление временны́х «возможностей» этих двух форм показывает, что собственно глагольная форма оказывается значительно более емкой. Так если

форма *употреблялся* может обозначать 1) действие многократное *(употреблялся иногда)*, 2) одноактное (видел, как все это за один раз *употреблялось* в пищу) и 3) просто длительное действие в плане прошлого *(употреблялся* по разным делам), то форма *был употребляем* адекватно выражает лишь третье значение; для выражения первого значения должно служить сочетание *бывал употребляем*, для второго — *оказывался употребленным*.

Если сопоставить систему временных значений страдательных конструкций причастных, собственно глагольных (с формой на *-ся*) и действительных, то причастные конструкции окажутся в этом смысле наиболее ограниченными и узкими, а действительные — самыми богатыми и выразительными.

Примерно с 40-х годов XIX в., в связи с активизацией деловых жанров, научной прозы и публицистики, в соотношении описываемых двух видов пассивных конструкций происходит сдвиг в сторону закрепления в употреблении причастных конструкций там, где нужно было точно и недвусмысленно выразить страдательное значение [174] в строго определенном временно́м плане. Употребительность пассивных конструкций с собственно страдательным глаголом на *-ся* начинает явно ограничиваться [175]. Причастные же конструкции в течение всей второй половины XIX в. в письменной речи сохраняют устойчивую употребительность. В то же время они приобретают в этот период более определенную стилистическую характеристику, закрепляясь за такими формами речи, которым не свойственна разговорная окраска, непринужденность и непосредственность изложения.

Это гибельное разделение *было* кроме того *вспомоществуемо* и *ускоряемо* необыкновенными обстоятельствами (ЖМНП, 1836, янв.); *Чтобы не были подаваемы* воспитанниками статьи им не принадлежащие (Министерск. распоряжения, ЖМНП, 1836, февр.); Пиччини *был предпочитаем* великому Глюку многими из современников своих (Отеч. зап., 1839, т. III); Солдаты беспрестанно *были ободряемы* офицерами (Совр., 1847, т. V); Акции его *были* с жадностью *разбираемы* (Там же); С тою землею, которая ими *была обрабатываема* (Петрашевск., Проект об освобожд. крестьян); Репетиции *были* беспрестанно *прерываемы* посторонними разговорами (Панаев, Лит. воспом., 1, III); *Встречаемы бы-*

---

[174] Показательно, что даже при явно страдательном значении глагола на *-ся* он все же при желании мог быть переосмыслен как глагол собственно возвратный, ср.: [П р я м и к о в] Правдив ли слух по городу несется, Что барышня твоя уж замуж *отдается*? [А н н а] Что *отдается*, в том, наверное, вам лгут; Но то не солгано, сударь, что *отдают* (Капн., Ябеда, I, 2).

[175] Во второй половине и в конце XIX в. употребления вроде толстовских *тучи ...быстро гнались ветром* (В. и м., 3, 1, XIV); *толпы раненых... шли, ползли и на носилках неслись с батареи* (Там же, 3, 2, XXXII) становятся очень редки.

ли с сочувствием (Елисеев, Хроника прогресса); *Не были признаваемы* за людей политических (Завалиш., Зап. декабр., 3, X); *Был* он *подозреваем* в крайнем либерализме (Сверб., Зап., II); Из этой категории молодых людей *будут допускаемы* в вольноопределяющиеся не все (Милютин, Днев., 1, 11 дек. 1873); Не раз он *был* прямо *уличаем* в неверных ложных показаниях (Там же, 1, 14 июля 1874); Капитал ...*был поверяем* весьма редко и поверхностно (Судебн. заключ. 1882 г.); Благосклонно *принимаем был* в Спасском, семейством Тургеневых (Фет, Мои воспом., I, IX); ...вывозу, который также *не будет допускаем* в чужие пределы (В. Е., 1890, сент.); *Был награждаем* вниманием прекрасного пола (Бусл., Мои воспом., В.Е., 1890, окт.); ...требовать на основании закона, *чтобы* штраф *не был назначаем* (Ленин, Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах, III. Соч., т. 2, стр. 28).

«Официальность», книжность конструкций с причастиями в языке второй половины XIX в. ярко выступает при сопоставлении употребления разных страдательных конструкций у одного и того же автора. Так, например, Чернышевский, в своих литературно-критических статьях и исследованиях широко пользующийся причастными конструкциями (см., например, в «Очерках гоголевского периода...»: *это было всегда признаваемо его противником; он был вынуждаем к этому беспрестанными нападениями*; *все наши талантливые писатели были им осмеиваемы*; *это было ими высказываемо много раз* и т. п.), в частном письме скорее обращается к форме страдат. глагола: Ваши достоинства *признаются* мною почти против воли (п. Некрасову, 5 ноября 1856).

Таким образом, в том типе трехчленного соотношения, в котором сказуемые обеих пассивных конструкций имели страдательное значение, причастные конструкции сохранились как наиболее ясный по смыслу и стилистически характерный член соотношения. Активность соответствующих действительных конструкций не оказала существенного влияния на судьбу конструкций страдательных, так как полного смыслового совпадения у них никогда не было.

§ 56. Второй вид трехчленного соотношения — соотношение типа *я был терзаем желанием — я терзался желанием — меня терзало желание; отправляем был осмотреть церковь — отправлялся осмотреть — меня отправляли осмотреть церковь.* В этом типе соотношения слабейшим членом ряда оказывались причастные конструкции: они не выдерживали «напора» построений с чрезвычайно активными и развивающимися глаголами средневозвратного значения. Можно было бы привести обширные материалы, свидетельствующие о недифференцированности в глаголе с *-ся* страдательного и средневозвратного значения, причем при отсутствии указания на деятеля или при указании на деятеля — не-лицо

средневозвратное значение всегда оказывается возобладавшим. Ср.:

Се лик Дмитревского, любимца Мельпомены, Который русский наш театр образовал, Искусством коего *животворились* сцены (Жих., Воспом. ст. театр., I [Стихотв. Яковлева]).

Причастные конструкции, входящие в этот тип соотношений, более или менее последовательно употреблялись до 30—40-х годов XIX в., причем с гораздо меньшей регулярностью, чем конструкции, соотносительные с построениями с глаголами собственно страдат. значения. Как уже отмечено, они могли быть соотносительны или с предложениями определенно-личными (а) или с неопределенно-личными (б). Однако практически ближайшей и непосредственной соотносительностью для них была соотносительность с конструкциями со средневозвратными глаголами.

а) Я давно *был терзаем желанием* играть какую-нибудь роль в области словесности (Вяземск., Ст. зап. кн., 1); Он *был* заманчивым *свиданьем* К свиданью новому *влеком* (Борат., Цыганка, V); Где сердце жителей *волнуемо страстями* (Лерм., Жалобы турка); Как я страдал и сколько лет Я *памятью томим* (Лерм., К Л.); Он везде *руководим был* просвещенным *патриотизмом* (Вяземск., Фонвизин, X).

В более позднем употреблении — редко.

Самолюбие мое *было* покуда *удовлетворяемо* похвальными *отзывами* моего снисходительного наставника (Панаев, Лит. воспом., 1, II); Он *был одушевляем* на работу *желанием* быть полезен русскому обществу (Черн., Заметки при чтении «Посмертн. изд.» стихотв. Некрасова); Не писал тебе и все время *был мучим совестью* (Чех., п. Ал. П. Чехову, 13 мая 1883).

Ср. возобладавшие в языке построения со средневозвратными глаголами: *терзался желанием, волнуется страстями, удовлетворяется похвальными отзывами, одушевляется желанием* и т. п.

б) И зачем *предпринимаема была* сия ходьба на гумно? (Болот., 1, 22); Господь присутствен И *чувствуем* везде (Карамз., Гимн); После обеда *повторяемо было* то же, что перед закускою (Добрынин, Зап., XXIII); Они *были обучаемы* математике (Бибиков, Зап.); *Если бы* я *не был отрываем* ежеминутно от пера и стола (А. И. Тург., п. Вяземскому, 2 апр. 1819); *Чтоб* никто из иностранных учителей... *не определяем был* в гражданскую службу (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 7); Лезгины ... всегда *были опрокидываемы* с большим уроном себе (Марл., Подвиг Овечкина и Щербины); Отчего удача Фонвизина редко *была повторяема* впоследствии? (Вяземск., Фонвизин, III); *Были вооружаемы* для нападения и для обороны (Совр., 1847, т. V).

К середине века явно возобладали построения со средневозвратными глаголами типа: *предпринималась ходьба, после обеда*

повторялось то же, они обучались математике, если бы я не отрывался ежеминутно от пера, чтоб никто не определялся в службу и т. д. Распространение таких глагольных конструкций, естественно, ослабляло категорию «пассивных оборотов» в целом и укрепляло, расширяло и без того сильную и доминировавшую категорию «действительных оборотов».

§ 57. 1. Двучленное соотношение причастной конструкции с собственно глагольной (*на лугах слышимо было мычание стад — на лугах слышалось мычание стад*) также развивалось в сторону укрепления собственно глагольных конструкций за счет конструкций причастных. Эти последние сохраняли употребительность примерно до 30—40-х годов XIX в., причем менее жизнеспособными оказывались те, сказуемые которых были соотносительны со сказуемыми — глаголами средневозвратного значения.

Гладкий понт часто *холмим* (Держ., Весна); И на брегах озелененных *Слышимо было* мычанье стад (Вост., К Борею в мае); О, сколько смертных здесь *крушимы!* (Козлов, Обетов. земля). Ср.: понт *холмится, слышится* мычанье, смертные *крушатся* и т. д.

В других случаях, когда в соответствующем глаголе с *-ся* сохранялся оттенок страдательного значения, причастные конструкции оказывались более устойчивыми.

«Спаси господи» *повторяемо было* нещадно (Добрынин, Зап., VII); Наказания *были* до того *смягчаемы*, что... (Бибиков, Зап.); Требования их *были* охотно *исполняемы* (ЖДНП, 1823, май); Отечественные таланты... щедро *были награждаемы* (Пушк., Заметки по русск. ист. XVIII в.); Спи книги вместе с прочими *были разбираемы* в различных журналах (Телеск., 1831, № 1); Чтобы все статьи сего устава *были исполняемы* в точности (Устав имп. Спб. Акад. наук, II, ЖМНП, 1836, февр.); Ко дню рождения *приготовляемы были* сюрпризы (Гоголь, М. д., 1, II); Отчеты... *не были публикуемы* (Совр., 1847, т. V); Озеров служил, *был награждаем* (Жих., Воспом. ст. театр., II); Его ...рыцарские понятия *были оскорбляемы* на каждом шагу (Герц., Б. и д., 4, XXIX); *Были проектируемы* и даже *производимы* перемены (В. Е., 1890, сент.).

Все же возобладавшими оказались соответствующие собственно глагольные конструкции: *наказания смягчались, статьи устава исполнялись, приготовлялись сюрпризы* и т. д.

Соотносительности с активными конструкциями с переходным глаголом здесь практически не было: субъект действия здесь всегда крайне неопределенен, а субъект состояния единственно важен; при трансформации его в объект смещаются акценты сообщения и искажается исходное «коммуникативное задание».

2. Причастные пассивные конструкции входили в двучленный ряд соотношений с «действитель-

ными оборотами» (без глагола с *-ся*), если в языке не было соответствующих глаголов с *-ся* или если такие глаголы были почему-либо неупотребительны. Так, предложения: *Я любим Львовым* (Н. Ф. Эмин, п. Державину, 16 июня 1786) или *Австрийцы ненавидимы* (Вяземск., Ст. зап. кн., 3) могут быть соотнесены только с «действительными оборотами» с невозвратными глаголами — с определенно-личным или неопределенно-личным значениями: *Меня любит Львов, Австрийцев ненавидят*; соответствующих глаголов на *-ся* не существует. Причастные конструкции этого типа во второй половине XIX в. становятся редки: их место занимают личные глагольные предложения. В XVIII — первых десятилетиях XIX в. такие причастные конструкции были довольно употребительны.

По недоброхотству ко мне они *были гонимы* (Держ., п. И. В. Гудовичу, 6 июля 1786); Она *была* во всем уезде *знаема* (Болот., 1, 5); Чаще Евгения *были* ею *услуживаемы* (Изм., Евгений, 5, XII); *Когда бы* я и *не был провожаем* к стихотворцу, то ... (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, VIII); К суду и тот, кто молвил слово, И тот, *кем* он *внимаем был* (Жуковск., Ивиковы журавли); Сердце его было пусто, голова *не обитаема умом* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Благодеяние прибрежных волжских крестьян); [Сафир] Он *женою обожаем* (Гриб., Мол. супруги, 5); Причина тому ясно *видима* (П. Г. Каховск., п. Ник. I.); *Пусть буду* век тобой *любим* (Языков, Элегия); История и критика *были незнаемы писателями* (Моск. телеграф, 1825, № 1); Тупость его только тем и *была выносима,* что молчалива и добродушна (Минаев, Дневн. темн. чел.); Николай *был ненавидим,* особенно войском (Завалиш., Зап. декабр., 2, I); Тот, кто столько тобою *был чтим* (Некр., Рыцарь на час).

Ср. невозможность построений с *-ся:* «кем внимался», «голова не обитается умом», «он обожается женою», «пусть век тобой люблюсь», «она во всем уезде знается» и т. п.

В некоторых случаях невозможность использования возвратного глагола была обусловлена конструктивно: он был неприменим в пределах определенного типа придаточного предложения.

Ежели Мирен не наплучших в России слуг имеет, так, по крайней мере, не боится, *чтоб он ими был проклинаем* (Трутень, 1769, VI).

Тенденция к возобладанию «действительных оборотов» с невозвратным глаголом в этом типе соотношений была поддержана тем, что при трансформации именно данного типа причастных конструкций обычно выдерживался словопорядок, обеспечивающий сохранение исходных смысловых и логических акцентов, ср.: *тот, кем он внимаем был — тот, кто ему внимал*; *она была во всем уезде знаема — ее во всем уезде знали*; *Николай был ненавидим, особенно войском — Николая ненавидели,*

особенно войско; *голова его не обитаема умом* — в голове его не обитает ум.

Для языка второй половины XVIII в. можно было бы говорить еще об одном типе двучленных соотношений — о соотношении причастных (обычно с отрицанием) конструкций с односоставными предложениями, обозначающими неизбежность, обязательность, невозможность. Предложения типа: [Честин] Эта потеря ничем в сердце моем *не загладима* (Плавильщ., Бобыль, II, 10) или: [Ветхокрасова] Коли я на кого рассержусь, тогда *не упросима* (Клушин, Алхимист, 8) по значению и функциям были соотносительны с предложениями типа: Эту потерю ничем *не загладить* (*не загладишь, невозможно загладить*) или: Тогда меня *не упросить* (*не упросишь, невозможно упросить*). Однако прослеживать движение этих соотношений можно только в связи с процессом перехода причастий на *-м* в класс имен прилагательных; возможно, что уже и в языке XVIII в. в случаях, подобных приведенным выше, мы имеем дело не с причастиями, а со словами качественных значений, т. е. с прилагательными.

§ 58. Как уже отмечено в § 52, во второй половине и конце XVIII в. свободнее, чем в языке XIX в., употреблялись страдательные причастия на *-м* в составе сказуемого, включающего полузнаменательный глагол, а также в составе трехчленного сказуемого.

Сказуемые с глаголами *стать, сделаться, казаться* (*показаться*), *находиться* были относительно редки и уже в первые десятилетия XIX в. выходят из употребления. Там, где была соотносительность со сказуемыми, выраженными глаголом с *-ся*, эти последние оказались возобладавшими (ср.: *Деревни стали отнимаемы, правы нарушаемы.* Щербат., Статистика, IV — *деревни стали отниматься, правы нарушаться*).

Наиболее употребительны были такие сказуемые с глаголом *бывать;* они последовательно фиксируются в деловой, научной, описательной прозе приблизительно до 30—40-х годов XIX в.

Почему и во все *б* нынешнее военное время никуда *отлучаемы* они не *бывали* (От Конторы опекунства иностранных Державину, 19 апр. 1774); Ранними морозами хлеб *бывает побиваем* (Щербат., Статистика, III); *Бывал* весьма хорошо ими *принимаем* (Изм., Евгений, 5, IV); А такие люди, известно, ежели *бывают почитаемы,* то еще более ненавидимы (Добрынин, Зап., XXXVIII); [Филалет] Тот, гоняясь за призраком блаженства, *бывает гоним* существенною тоскою (Карамз., Разговор о щастии); Книги сии редко *читаемы* бывают (Шишк., Рассужд.); Политические вопросы никогда *не бывали* у нас *разбираемы* (Пушк., Опыт отражения некотор. нелит. обвинений, (§ 4)); Жаркой пояс ...часто *бывает посещаем* европейцами (Атеней, 1828, № 19); Он *бывал смущаем* резкостью мнений (Вяземск., Фонвизин, III).

Во второй половине XIX в. такое употребление явно убывает [176], уступая место конструкциям с возвратными глаголами

[176] Ср. у Чернышевского, часто тяготеющего к старым языковым нормам: *бывал приглашаем* цензор (Воспом. об отнош. Тург. к Доброл.); *не бывал приглашаем* на эти собрания (Там же).

(бывал приглашаем — приглашался, книги редко читаемы бывают — редко читаются и т. п.).

В первые десятилетия XIX в. уходят из общего употребления и носящие риторический оттенок сочетания причастия на *-м* со знаменательным глаголом. Ср. в «Записках» А. А. Бибикова (1817 г.): *Покоился* на лаврах, *благословляем* соотчичами; *Отправился* в обратный путь, *благословляем* и осыпан живейшими знаками уважения.

Из трехчленных сказуемых были малоупотребительны и к 30-м годам XIX в. практически совсем утратились синтаксические кальки — сказуемые с глаголами *стать, начать, продолжать* и с инфинитивом глагола *быть:*

Неприятель *стал быть видим* (Нащокин, Зап.); Новые распоряжения и учреждения *сочиняемы быть стали* (Шаховск., Зап., 1); Крестьяне *не престают* разными пронырствами заводчиков *разоряемы быть* (Щербат., Статистика, III); С тех пор страна сия *стала быть управляема* герцогами (ЖДНП, 1823, авг.); Около сей эпохи древняя Кантабрия *начала быть разделяема* на части (Там же); Он *не переставал быть обитаем* (Отеч. зап., 1839, т. III).

В сказуемых с фазовыми вспомогательными глаголами причастия уступили место инфинитиву возвратного глагола (*страна стала управляться, крестьяне не перестают разоряться* и т. п.).

Наиболее устойчивы оказались трехчленные сказуемые с *должен, может* (*не должен быть разглашаем, могут быть добываемы*): их функционирование в литературном языке XIX в. в целом подчиняется тем же закономерностям, что и функционирование простых причастных сказуемых, соотносительных со сказуемыми — страдательными глаголами (первый тип соотношений; см. § 54). Трехчленные сказуемые с другими глаголами и предикативно значимыми словами и сочетаниями (*достойна быть поклоняема, долженствует быть приносима, имеет быть ассигнуемо, успел быть знаем, удостоился быть поправляем, страшусь быть любим, имею честь быть руководим* и др.), как формы тяжеловесные, с подчеркнутой стилистической окраской высокости и риторичности, рано вышли из употребления. В языке XVIII — нач. XIX в. они еще встречаются.

Едва *успел* тобой *быть знаем,* Лишен тебя я роком лютым (Держ., На смерть Бибикова); [Милон] *Имею счастье быть любим* (Фонв., Недоросль, II, 1); Те одни *достойны быть любимы,* которые... (Крыл., Рассужд. о дружестве); Жертву, которая *долженствовала бы быть приносима* единой токмо добродетели (Крыл., Почта духов, XXXVII); *Удостоился* в сочинениях своих *поправляем быть* сим славным мужем (Радищ., Житие Уш.); Любви, которая едина *достойна поклоняема и почитаема и последуема быть* (М. М. Херасков, п. А. М. Кутузову, 7 окт. 1790); На вопрос: «как *хочет быть судим?*» от-

вечает: «по совести и закону моего отечества» (Карамз., П. р. п., Лондон, июля ... 1790); *Не имею чести быть* еще *знаем* (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Трубецкому, 30 дек. 1791); Счеты ... *долженствуют* от них *предоставляемы* быть уже в Военную коллегию (Именной указ, 30 ноября 1796); Оное *долженствует быть* в русском языке *изображаемо* (Шишк., Примеч. на письмо деревенск. жителя в «Сев. вести.»).

Итак, общий вывод о развитии сказуемых — причастий на *-м* в их соотношении с собственно глагольными конструкциями, может быть таков: там, где причастные конструкции находились в функционально-смысловых соотношениях с собственно страдательными глагольными построениями, они сохранились в языке как живая категория, наиболее точно выражающая страдательное значение. Во всех остальных случаях «страдательность» отступала и причастные конструкции уступали место построениям с глаголами средневозвратного значения. Важнейшим фактором, поддерживавшим распространение активных конструкций (как со средневозвратным, так и с собственно переходным глаголом), была их стилистическая нейтральность и всеобщность — при менявшейся, но никогда не утрачивавшейся стилистической окрашенности и ограниченности конструкций причастных.

Изменения в значении и употреблении сказуемых, строящихся с причастиями на *-н*, *-т*

Ограничения в употреблении бессвязочного сказуемого аористного и плюсквамперфектного значений

§ 59. Сказуемые, выраженные страдательными причастиями на *-н*, *-т* от переходных глаголов сов. вида [177], были в языке и XVIII и XIX в. категорией чрезвычайно активной и массово употребительной. При отсутствующей связке или связке в форме прош. вр. ими выражались значения перфектное (Мои объятия тебе *отверзты*. Карамз., О-в Борнгольм), аористическое (В дорогу *сказан был* наряд. Богд., Душенька, 1) и плюсквамперфектное (Священник загородной церкви, который нас венчал, *был не подкуплен*, а *упрошен* мною; слезы мои тронули старца. Карамз., Нат. боярск. дочь). Для русского языка нормой, идущей из предшествующих эпох, было отсутствие связки при выражении перфектного значения и наличие связки при выражении аористического и плюсквамперфектного значений.

---

[177] Единичные случаи употребления в начале XIX в. в этой функции причастий переходных глаголов в непереходном значении, по-видимому, объясняются французским влиянием, ср.: Или Франция была не та, или он уж был не тот. Или он уже был не лев, или Франция твердо *решена была* когти льву подстричь (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 14 дек. 1819). Сюда относится известное употребление в черновой редакции примечания к первой пес-

Развитие этих сказуемых в языке XIX в. шло в двух направлениях: во-первых, по линии освобождения от некоторых форм функционирования, противоречивших традициям и установившимся общим нормам языка, во-вторых, по линии дальнейшего развития соотношений со сказуемыми, выраженными возвратными глаголами.

В языке XVIII — нач. XIX в. в формах письменности, далеких от разговорной стихии, отмечается довольно широкое употребление бессвязочных причастных (на *-н, -т*) сказуемых для выражения аористического и плюсквамперфектного значений. В работах Л. А. Булаховского [178], П. С. Кузнецова [179], А. В. Клевцовой [180] и других приводятся материалы, подтверждающие распространенность такого употребления. Так, по свидетельству П. С. Кузнецова, в исторической и естественно-научной прозе Ломоносова при выражении аористического и плюсквамперфектного значений бессвязочные формы преобладают. Обычны они в таком употреблении и у других писателей XVIII — нач. XIX в.

> Он с ними ехал до Казани, где от губернатора, яко спион французский, *заарестован и прислан* в Санктпетербург (Кант., п. Остерману, 14 ноября 1735); Хозяину трудно было отважиться есть сие кушанье, кое *принесено*, по его мнению, из толь странного места (Курганов, Письмовник); Когда же *даны* ему деньги, он сказал: не правду ли я говорил, что философ всегда богат (Там же) [181]; В скором времени по прибытии нашем в Москву я увидел позорище, для всех чрезвычайное, для меня же и новое; смертную казнь. Жребий Пугачева решился. Он *осужден* на четвертование. Место казни было на так называемом Болоте (И. Дм. Взгл. на мою жизнь, 1, 1).

Значительно более редким, но возможным было аналогичное употребление в сказуемом причастий на *-н, -т* от глаголов несовершенного вида.

не Полтавы» (Мазепа сватал свою крестницу—но *был отказан*), в окончательном тексте исправленное (Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему *отказали*). По поводу этого употребления Пушкин писал: «Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах пять грамматических ошибок (и справедливо): ... 4) *был отказан* вместо *ему отказали*... Я всегда был им искренне благодарен и всегда поправлял замеченное место» (Опроверж. на критики, I).

[178] Л. А. Булаховский. Из русского синтаксиса первой половины XIX в. «Наукові зап. Харківского держ. пед. ін-ту», т. X, 1947; его же. Русск. лит. язык первой пол. XIX в., стр. 316—318.

[179] П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русск. языке. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 6, 1948; его же. К вопросу о сказуемостном употреблении страдательных причастий в русск. лит. языке XVIII — нач. XIX в. «Труды Ин-та русск. языка АН СССР», т. II, 1950.

[180] А. В. Клевцова. Указ. дисс.

[181] Примеры из «Письмовника» Курганова заимствованы из статьи П. С. Кузнецова «К вопросу о сказуемостном употреблении страдательных причастий», стр. 138.

[Секретарь] Дело батюшки вашева в учрежденной комиссии *рассматривано* (Сумарок., Ядовитый, 12); Сей кнут, что вор украл, ему же пригодился: Он *пытан* тем кнутом (В. Майк., Вор); А от канцелярии ко мне *не присылан,* и где он, не знаю (В. Е. Тишин, п. Державину, 7 апр. 1774); *Спрашиван,* буду ли говеть? (Храповицк., Дневн., 9 апр. 1788) [182].

В более позднем употреблении:

Критика г-на Лелевеля на «Историю» Н. М. Карамзина, сначала занявшая многих, едва ли кем-нибудь *читана* в прошедшем году: так была она незначительна и суха (Моск. телеграф, 1825, № 3).

Бессвязочное употребление причастных сказуемых аористного и плюсквамперфектного значений держалось в течение первых трех — четырех десятилетий XIX в., преимущественно в языке писателей, «по возрасту и по манере принадлежащих XVIII веку» [183]. Показательно, например, что в языке Пушкина такое употребление последовательно отмечается лишь в его «Истории Пугачева».

Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей *прочтен* возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачеву (Ист. Пугач., 8); Граф. П. И. Панин *назначен* главноначальствующим, когда уже Пугачев переправился через Волгу (Там же, Об «Ист. Пугач. бунта»); Жена Пугачева, сын и две дочери (все трое малолетные) были отосланы в Казань, куда *отправлен* и родной его брат, служивший казаком во второй армии. Между тем *отобраны* следующие подробные сведения о злодее (Там же, 4).

Ср. в той же «Истории Пугачева» характерные замены:

Последняя редакция	Рукописные варианты
За ушедшими *послана* погоня и почти все были переловлены (1)	*послана была* погоня
Три дня после в Казани получено было утвержденное в Петербурге решение суда, по коему Пугачев *приговорен* к наказанию плетьми (2)	*приговорен был*

Древнерусскому языку несвойственно было бессвязочное употребление причастных сказуемых с аористным или плюсквампер-

---

[182] Материалы см. также в работах Л. А. Булаховского и П. С. Кузнецова.

[183] Л. А. Булаховский. Из русского синтаксиса первой половины XIX в., стр. 42.

фектным временным значением. В памятниках до XVI в. оно отмечается редко [184]. В памятниках XV—XVI вв. «причастие с нулевой связкой или с настоящим временем вспомогательного глагола может обнаруживать некоторые колебания в употреблении и наряду с обычным для него перфектным значением выражать также действие, целиком отнесенное к прошлому (без какого бы то ни было указания на результат). Однако это в большей степени наблюдается у писателей, подвергшихся влиянию, идущему с Запада. Так, например, для XVI в. можно указать на сочинения Курбского» [185].

Такое употребление развилось в языке XVIII в. Истоки его толкуются двояко: или как влияние безличной бессвязочной конструкции на *-но, -то* (*сказано — сделано, об этом не раз говорено*; ср. укр. *козаченька вбито*), или как влияние латинского языка — международного научного языка того времени. Первая гипотеза выдвинута Л. А. Булаховским, вторая — П.С. Кузнецовым. Эта последняя представляется более аргументированной и более убедительной.

Навеянное иноязычными образцами употребление не удержалось в русском языке, уже к середине XIX в. почти полностью восстановившем старую норму, которая в разговорной речи никогда и не колебалась. Во второй половине XIX в. случаи бессвязочного употребления причастия на *-н, -т* в сказуемом аористного или плюсквамперфектного значения отмечаются как редкие факты остаточного употребления и обычно всегда могут быть объяснены как «более или менее субъективные отклонения от естественного, обычного построения фразы» [186]. Ср. единичные случаи такого употребления в языке писателей середины и второй половины XIX в.:

Прибавим, что он был друг Суворову, *уважен* Фридрихом Великим и *воспет* Державиным (Вяземск., Фонвизин, V); Снасти были натянуты, и концы их или висели в красиво убранных гирляндах или *уложены* в правильных бухтах (Станюк., Вокруг света на «Коршн.», 1, 2, I); И в тот же момент взвились кормовой и носовой флаги, и приподнятые раньше брамреи *повернуты* поперек (Там же).

С причастиями несов. вида:

Возок этот *делан* около царствования Анны Иоанновны (Герц., Зап. одн. мол. чел., Патриарх. правы г. Малинова);

---

[184] См.: А. С. Феоктистова. К истории составного сказуемого с присвязочной частью, выраженной причастием страдательного залога прош. вр. (На материале новгородских памятников письменности XII—XVI вв.).— В кн.: Исслед. по лексикологии и грамматике русск. языка, М., 1961, стр. 204.

[185] П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий, стр. 38.

[186] Л. А. Булаховский. Из русского синтаксиса первой половины XIX в., стр. 41.

Вам ли *пет* Привет последний, и мои приветы Уж вас не тронут? (Кюхельб., На смерть Якубовича); И вот, как нарочно, подвертывается эта благословенная семейка Муромских. Глупый тур вальса завязывает самое пошлейшее волокитство. Дело *ведено* лихо: вчера дано слово, и через десять дней я женат (Сухово-Коб., Свадьба Кречинск.) [187], «Холера» умерла, как умирает обыкновенный человек, пришибенный ударом кола, а убийцы *суждены* и осуждены судом (Корол., Мултанск. жертвоприношн., Мултанск. жертвоприношн., II).

Развитие соотносительного употребления причастных сказуемых и сказуемых-глаголов с аффиксом *-ся*

§ 60. Сказуемые, выраженные страдательными причастиями на *-н, -т*, находились в регулярных функционально-смысловых соотношениях со сказуемыми, выраженными возвратными глаголами: *был сужен — судился*.

В языке XVIII — нач. XIX в., как и в более ранние эпохи [188], причастия на *-н, -т* от глаголов несов. вида употреблялись ограниченно. Ограничение это было собственно количественное и стилистическое (преимущественно описательная, повествовательная, мемуарная проза); словообразовательные ограничения для причастий на *-н*, отмечаемые для современного языка [189], в то время еще не определились.

Пел дела такого человека, Каков во всех странах *не слыхан был* до века (Лом., Петр Вел.); *Умоливан был* чудотворный Ченстоховский образ богородицы (А. И. Бибиков, и. Екатерине II, авг. 1772); [Правдин] Грустно бы было, ежели *бы* подлинно осторожные и учтивые люди еще больше *были бранены*, нежели невежи (Копиев, Обращ. мизантроп, IV, 2); Они от кого-нибудь *были* тут *обеспокоиваны* (Рычков, Опыт Каз. ист., I); *Чтобы* все законы *были* в выписке *вписываны* (Щербат., Статистика, VI); Деньги *выдаваны были* (Держ., п. А. А. Безбородке, май 1783); Чтоб им все услуги *оказываны были* (Держ., п. Д. М. Свистунову, 11 марта 1786); Он *бы истязан был* в Тайной (Н. Н. Трубецкой, п. А. М. Кутузову, 13 февр. 1791); Как ты по милости ее *был* им *покровительствован*

---

[187] Пример заимствован из статьи Л. А. Булаховского «Из русского синтаксиса первой половины XIX в.», стр. 41.

[188] См. Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 220; Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса, стр. 267 и сл.

[189] «Среди самих страдательных причастий на *-н* не все одинаково вышли вовсе из употребления: хотя малоупотребительны, но возможны образования *несен, седен, копан, колочен* и под., не образуются же соответствующие формы от тех глаголов, у которых примета вида отличается в корне: *посылать, призывать, отрывать, забирать, затирать*» (Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 220).

(Крыл., Почта духов, XI); *Воспитываны были* очень хорошо (Болот., 1, 9); За что *оказывана была* мне таковая от всех любовь (Там же, 1, 25); Тогда ордена *жалованы были* очень редко (Добрынин, Зап., XLVI); После ужина *будет играна* маленькая комедия (В. Е., 1802, № 14); Стихи ...никому *не были читаны* (Жих., Зап. совр., I, 16 янв. 1805); Сертюк его целую неделю *не чищен*, волосы столько же времени *не чесаны* (Нарежн., Росс. Жилбл., 4, I); Белой камень *вожен был* из Старицы (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Пятый день плавания); Я *был преследован* судьбой (Кюхельб., Жребий поэта, 2); Дороги *были переделываны* (П. Г. Каховск., п. Ник. I); Много из того, что он делал, *было делано* им в насмешку (Моск. телеграф, 1825, № 1); Они [план и фасад дома] *сняманы* без масштаба (Гоголь, п. матери, 10 сент. 1826); Таковое собрание *было держано* в Шамбери (Телеск., 1831, № 2) [190].

Сказуемые, выраженные такими причастиями, находились в функционально-смысловых соотношениях со сказуемыми, выраженными возвратными глаголами (*были воспитываны — воспитывались, деньги выдаваны были — выдавались, дороги были переделываны — переделывались* и т. д.). Там, где такой прямой соотносительности не было, действовали соотношения с определенно-личными и неопределенно-личными предложениями (*ты был им покровительствован — он тебе покровительствовал; они были бранены — их бранили*). Глагольные сказуемые в этом типе соотношений в XVIII в. были формой, абсолютно преобладавшей над сказуемыми причастными. В языке XIX в. они окончательно возобладали. После 30-х годов для причастных сказуемых ясно определяется лексическое ограничение: относительную употребительность в сказуемом сохраняют отдельные формы на *-т*, а также причастия от глаголов *читать, говорить, писать, играть, делать, вести* и некот. др.

Тосты *были питы* за успехи русского образования (Никитенко, Дневн., 6 февр. 1832); Проект мой *будет читан* (Там же, 12 июля 1841); Но, полно, *говорено* ли это *было*? (Лажечн., Лед. дом, 3, 9); Разговор затянулся за столом предлинный, но, впрочем, как-то странно он *был веден* (Гоголь, Коляска); Помещаю его [журнал] в том виде, как он *был писан* (Герц., Зап. одн. мол. чел., Годы странствования); Комедии Фонвизина *были читаны и играны* в Петербурге и в Москве (Вяземск., Фонвизин, I); «Мизантроп» *был игран* в первый раз в Москве (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Плавильщикову *были деланы* предложения о перемещении его в Петербург (Жих., Воспом. ст. театр., II); Он переделывал и те не-

[190] Примеры подобного употребления см. также в работах: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 202; В. Н. Кретова. Употребление причастий в разговорной речи. «Изв. Воронежского гос. пед. ин-та», 1956, т. 20, стр. 20.

многие, которые *были писаны* не им (Черн., Оч. гоголевск. периода, 2); Из всего, что *было говорено* выше ... (Писарев, Реалисты, IX); Войны, которая *была ведена* не без примеси в нее политики (Сверб., Зап., II).

К концу века и такое употребление затухает. Случаи типа: Лошади прекрасно *содержаны* (Фет, Мои воспом., I, I); Появление небольшого собрания стихотворений Тютчева в «Современнике» *было приветствовано* в нашем кругу (Там же, I, V) в это время являются уже отражением утраченной нормы.

Что касается соотношения сказуемых — причастий сов. вида со сказуемыми — возвратными глаголами (типа *избран — избрался*), то здесь абсолютно возобладавшим оказался первый член ряда. Как уже отмечено выше, возвратные глаголы гораздо менее четко и лишь при определенных ограничительных условиях (наличие указания на активный субъект действия) выражали собственно страдательное значение [191]. Поэтому там, где такое значение должно было быть выражено ясно и недвусмысленно, всегда предпочитались формы страдательных причастий. Нет необходимости подтверждать специальными иллюстрациями общеизвестный и бесспорный тезис о массовой и не спадающей употребительности сказуемых типа *избран, был* (*будет, был бы*) *избран* и о слабости и малой употребительности рядом с ними сказуемых, выраженных возвратным глаголом со страдательным значением (*избрался, изберется*). Исследователи отмечают, что и в предшествующие эпохи развития языка страдательные глаголы сов. вида «имели сугубо книжный характер, воспроизводились в письменности по традиции и были непродуктивными, точнее, отмирающими» [192].

В языке XVIII — первых десятилетий XIX в. употребление в сказуемом возвратных глаголов сов. вида в собственно страдательном значении еще не было исключением; оно отмечается и в поэзии (очень часто у Державина), и в разных жанрах прозаической речи. Глаголы в таком сказуемом чаще всего выступают в форме буд. вр., однако формы прош. вр. не невозможны.

[Полоний] Над дщерию моей уже свершился суд: Сим тайна в вечное молчанье *пренесется* (Сумарок., Гамлет, V, 1); Теперь *дадутся* нам полезные законы, Восстановятся здесь правдивые суды (В. Майк., Лягушки, просящие о царе); Кто

---

[191] См. у Л. А. Булаховского («Русск. лит. язык первой пол. XIX в Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 315) интересный анализ значений таких форм в употреблении Вельтмана: Домик Дарьи Ивановны как будто снова *оделся* цветом: крыша *покрылась* железным листом, стены *законопатились*, снаружи *обились* новым тесом, внутри *обклеились* обоями (Саломея). Рядом с этими формами сказуемые «с точным страдательным значением» (*была покрыта, были законопачены* и т. д.) характеризуются как «сухие». Ср. совершенно аналогичное употребление у Измайлова (Евгений, 4, I): Вдруг в гостиной *разогнулись* два ломберные столика, *поставились* на оные горящие свечи, *положились* карты и мел.

[192] С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 24.

объявит о поднявшем оное, тому *дастся* награждение (Трутень, 1769, VI); Тогда ко мне придут Музы, И лирой *возгласишься* ты (Держ., Благодарность Фелице); Другим вельможам я не равен, И самой смертью *предпочтусь* (Держ., Лебедь); Портрет для него кн(язя) Смоленского готов и *пошлется* с первым случаем (Н. И. Тург., п. С. И. Тургеневу, 17 дек. 1816); Рубашка твоя также к тебе *пришлется* (Н. И. Тург., п. С. И. Тургеневу, 24 апр. 1820); Уверил прочих сенаторов, что *пришлется* другая резолюция (И. Дм., Взгляд на мою жизнь, 3, 8); Аттестат *вышлется* к тебе на днях (Гриб., п. В. К. Кюхельбекеру, 27 ноября 1825); Во Франции *запретится* книга, и в самом скором времени в России она явится (П. Г. Каховск., п. Левашему, 24 февр. 1826); Я стал взирать [его глазами], Мне жизни *дался* бедный клад (Пушк., [Мое] беспечное незнанье ...); Наконец придет же время, когда все это *купится* и когда шинель будет сделана (Гоголь, Шинель); Другие вслед ему, Прекрасной обольщенные мечтою, *Пожалися* годиной роковою (Кюхельб., Участь русск. поэтов); Потом *узнались* все обстоятельства дела (Герц., п. Н. А. Захарьиной, 25 дек. 1835).

После 40-х годов XIX в. такое употребление резко идет на убыль и к концу века почти полностью утрачивается. У отдельных писателей оно остается как показатель пристрастия к старой норме. Ср. у Л. Толстого:

Но нынче *получилась* от него телеграмма (п. жене, 3 ноября 1892).

Изменения в сказуемостном употреблении причастий на *-н*, *-т* в сочетаниях с другими словами

§ 61. Закрепляясь в языке в составе простого и с собственно связкой сказуемого, выражающего страдательное значение, краткие страдательные причастия на *-н*, *-т* в других предикативно значимых конструкциях сокращают употребительность, уступая место более активным формам.

Так, после 20-х годов XIX в. почти полностью утрачивается еще известное в XVIII в. употребление таких причастий в сочетании с кратким прилагательным или местоимением [193].

Когда предлагаемая вещь чрезвычайно *велика или мала представлена будет* (Лом., Кратк. руководство к риторике, § 112); Злодейской вольностью плененная Москва *Казалась* в пропасти *погребена жива* (Лом., Петр Вел., 1); *Сделан* он

[193] «Чем дальше продвигаться в древность славянского языка, тем чаще должны встречаться обороты, как *ста прост*, *падоша ници*, с прилагательными в именительном на месте позднейшего наречия... Ср. у Грибоедова *куда как чуден создан свет*, между тем как мы скажем *чудно*» (А. А. Потебня. Из зап., т. I—II, стр. 176—177).

крайне *пространен* (И. Н. Болтин, Примеч. об академич. словаре); Правосудие *было оказываю таково*, каково бывает для притесненных (Добрынин, Зап., XLVI); Казармы *набиты были полны* сими злодеями (Болот., 1, 31); [Фамусов] Куда как *чуден создан* свет! (Гриб., Горе от у., II, 1).

Употребление таких сочетаний во второй половине и тем более в конце XIX в. уже не отражает активного функционирования их в системе языка.

Исчезает и употребление в сказуемостной функции сочетания двух кратких страдательных причастий (Поутру он *найден убит и обобран*. Добрынин, Зап., XLII): вторая форма здесь была полностью вытеснена формой творит. падежа (*найден убитым и обобранным*).

Возобладал творит. падеж и в сочетаниях причастий с полузнаменательными глаголами, обозначавшими пребывание в состоянии или переход из одного состояния в другое (*бывать, пребывать, находиться, оставаться, становиться, казаться*). Сказуемостные сочетания типа: Все в свете суете *подвержено живет* (Трутень, 1769, XII); *Находились* на ней *написаны* шесть литер (Чулк., Пересмешн., 3); Злоба ... *пребудет* в мрак *удалена* (Карамз., К милости) характерны лишь для высокой речи XVIII — нач. XIX в. Несколько употребительнее были сочетания типа *кажется отдалено* (Кант., п. императрице, 1738), *бывают обкрадены* (В. Е., 1802, № 20), земля *осталась не запахана* (Щербат., Статистика, VI), *становится изукрашен* и под. Однако и здесь после 30—40-х годов XIX в. возобладавшими оказались сочетания с творит. падежом.

Несколько особняком стояли в языке XVIII в. сочетания кратких страдательных причастий с глаголом *стать* (*стали истреблены, стал отторгнут* и т. п.). Результативное значение, заложенное в глаголе, здесь «дублировалось» грамматическим значением причастия. Уже в языке XVIII в. такие сочетания носили несколько искусственный характер.

[Ростислав] В нещастный день я *стал* тобою *вспламенен* (Сумарок., Семира, II, 3); И *станем* оба мы друг другом *биты* (Трутень, 1769, XI); Луга все *стали отданы* крестьянам (Щербат., Статистика, VI); Федор Васильевич *возненавижен стал* обоими супругами (Радищ., Житие Уш.); Золотой рудник, который по преданию *открыт стал* тамошним поселянином (Челищ., Путеш.); Хорошо ли лук мой гнется? Не *испорчен* ли чем *стал*? (Держ., Купидон); *Отворен* ему *стал* вход к архиерею во всякое время (Добрынин, Зап., XIX). Ср. позднее, в начале XIX в.: И дух мой *стал* ему *открыт* (Шевырев, Таинство дружбы).

Отмеченное совпадение значений глагола и причастной формы влекло обязательное «упрощение», распадение таких сочетаний и их конечную утрату. В процессе взаимодействия с простыми причастными сказуемыми (луга *стали отданы* крестьянам — *отда-*

ны) и со сказуемыми глагольными (*стал открыт — открылся*) описываемые сказуемостные сочетания утратились. Случаи их употребления в середине и второй половине XIX в. единичны (например: Я *стал окружен* литературной атмосферой. Фет, Мои воспом., I, I).

Второй половиной и концом XVIII в. было ограничено употребление кальки типа *начат строить* (в значении «начал строиться»).

В оном же году *зачаты строить* в С.-Петербурге гвардейские слободы (Нащокин, Зап.); Гавань, которая *зачата была делать* при государе императоре Петре Великом (Там же); Священническими руками *начат* ров *копать* (Там же).

Ближе к нормам русского языка было такое сочетание с возвратным глаголом страдательного значения (*начат строиться*).

Кабинет минеральной ...*начат собираться* (Щербат., Статистика, VI); Вода *отливаться* еще *не начата* (Челищ., Путеш.); Золотой рудник *разрабатываться начат* в 742 году (Там же).

Однако ни то, ни другое сочетание не закрепилось в языке: соответствующее значение выражалось образованиями с собственно глаголом, ср.: Дело ... *начинает остановляться* (Держ., п. Бибикову, 27 марта 1774); Сад вокруг галереи только что *начинает разводиться* (Жих., Зап. совр., I, 16 июля 1805). Отражением стремления выразить страдательное значение всего сочетания в первом его компоненте были фиксируемые в конце XVIII — нач. XIX в. соединения с первым глаголом в возвратной форме:

Подрядчиком с каменщики *началась производиться* работа (Нащокин, Зап.); Палаты, которые *начались строиться* (Там же); Окладная книга многажды *начиналась делаться* (Щербат., Статистика, VI); Со времени счисления Олимпиад *началась* (*писаться*) верная история (Н. И. Тург., Дневн., 9 июля 1807); Карамзина история *началась печататься* (Н. И. Тург., п. С. И. Тургеневу, 30 ноября 1816).

Сочетания кратких страдательных причастий на *-н, -т* со знаментальными глаголами в языке XVIII — нач. XIX в. не были категорией, закрепленной за какой-нибудь узкой сферой речи; они употреблялись в поэтическом языке и в описательной повествовательной прозе, в драматургии — в языке персонажей.

Так варварство твоим перуном Уже *повержено лежит* (Лом., Ода 1750 г.); [Витозар] Уж наше воинство почти *плененно зрилось* (Сумарок., Семира, V, 7); [Киприс] Вить вы князь Радугин, и к нам *пожаловали званны*? (Сумарок., Три брата совместники, 18); Против Семеновских слобод последней роты *Стоял воздвигнут* дом с широкими вороты (В. Майк., Елисей, 1); *Висит* уже *спущен* мой флаг (Держ., Пиррс); Ключи и поныне еще *стоят окопаны* кадьми (Лепехин, Дневн. зап., 2); Сие дело и по сей 1777 год *лежит не окончено* (Щербат., Статистика, VI); *Расстаюсь* с ним *погружен* в грусть и несказанные сомнения (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Тру-

бецкому, 28 окт./8 ноября 1791); И *гниет* он [лес] *не покрыт и не складен* порядочно понапрасну (Челищ., Путеш.); [Вороты] спокойно *стоят заперты* (Озерецковск., Описание Колы); Лошаденка моя *стоит* у забора *не запряжена* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, IV); Вероятно, он к вам *доехал не поврежден* от дороги (Жуковск., п. А. П. Юшковой, 20 февр. 1828).

В XIX в. в литературной речи такие сочетания закрепляются как специфическое средство поэзии, приобретая ярко выраженную стилистическую окраску:

Я в хаосе звуков *лежал оглушен* (Тютч., Сон на море); *Стою очарован* над бездной твоей (Жуковск., Море); Летят перед ним его рабы, *Летят облачены* в перуны, *Повиты* пламенем и мглой (Кюхельб., К богу); Так *будешь жить обворожен,* Безвестной власти *покорен* (Козлов, Обворожение); Возвратясь в свой замок дальный, *Жил* он строго *заключен* (Пушк., Сц. из рыц. вр., Замок Ротенфельда); И *не забыт умру* я (Лерм., 1831-го июня 11 дня); А нынче утренним морозом Они *стоят опалены* (Фет, Георгины).

Отражением старого, более свободного употребления остаются в языке середины и второй половины XIX в. случаи использования таких сочетаний в разговорной речи и связанных с ней контекстах:

— Отчего же они там похоронены? — Кто? ... Детки-то? — а *некрещены померли* (Помяловск., Мещ. счастье); Он [нож] у меня все в книге *заложен лежал* (Дост., Идиот, 4, XI [Слова Рогожина]); Тот побирается, тот в падучей, тот в чахотке, тот *скорчен лежит,* тот жену бьет (Л. Толст., п. жене, 2 марта 1882).

Развитие в литературном языке XIX в. трехчленных сказуемых, включающих в свой состав краткое страдательное причастие на *-н, -т* (*мог быть произведен, уповаю быть повышен, не захочет быть изувечен, боится быть раздавлен, имеют быть завоеваны, долженствовал быть составлен, привык быть окружен* и т. п.), подчинялось общим тенденциям развития трехчленных сказуемых с краткой формой прилагательного: здесь шел постепенный процесс вытеснения краткой формы формой творит. падежа. Наиболее устойчивой краткая форма причастия оказалась в сочетаниях с *должен, достоин;* сказуемостные соединения типа *должен быть одет, достойны быть упомянуты* остаются нормой на протяжении всего XIX в.

Изменения в употреблении сказуемых — страдательных и действительных причастий в полной форме

§ 62. В языке второй половины XVIII в., отчасти и начала XIX в. свободнее, чем в последующее время, употреблялись в сказуемостной функции полные формы страдательных (на *-м*

и *-н, -т*) и действительных причастий — без связки, с *был* (*буду* и т. д.) и с полузнаменательными глаголами.

Как оная неделя *называемая* расслабленного, было из Уменского собору крестное хождение по городу (Васильев, Дневн., 4 мая 1775); Они [чувствия] *были неудобь изобразимые* пером (Болот., 1, 2).

Разум его *был* учением *просвещенный* (Фонв., Чистосердечн. призн., 3); Сие место великолепное и *усаженное* деревьями (Фонв., п. родным, 20 ноября/1 дек. 1777); Мало обращений делается, да и те не искренние, а токмо по неволе *учиненные* (Щербат., Статистика, V); Здание же это было большое, *сделанное* из прекрасного леса, и конечно недешево стоило японскому правительству (Головн., Зап., 1); Карта у них для сего *была скопированная* с русского академического глобуса (Там же, 1); Баталия сия... совсем *была* сначала *потерянная* королем (Болот., 2, 84); Они [письма] *были наполненные* шутками умными и плохими, вопросами о Полине (Пушк., Росл.).

Она [задача] принадлежала к фальшивым правилам и всем арифметистам довольно известная, а именно *касающаяся* до стада гусей и повстречавшемуся (sic!) с ним одного гуся (Болот., 1, 7); Изрекшия страницы лицо *казалося* веселым и вещественным *сияющее* блеском (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Которых число, в сравнении со многими миллионами земледельцев в России, *было ничто не значущее* (Бибиков, Зап.).

Полные формы причастий в сказуемом могли сочетаться и со связкой *есть, суть*.

Они [письма] *суть* большею частию к должности моей *относящиеся* (Держ., п. И. Б. Пестелю, 24 марта 1786); Желания его *суть развлеченные* в разные стороны и разными предметами (А. М. Кутузов, п. А. А. Плещееву, 17/28 дек. 1790).

Употребление в роли сказуемого полных форм причастий на *-м* уже в XVIII в. было редким и к концу века практически полностью утрачивается. Причастия на *-н, -т* и действительные причастия сохраняют эту функцию: их сказуемостное употребление — правда, очень неактивное, но достаточно устойчивое — проходит через весь XIX в. Такое употребление поддерживалось развитием в этих формах качественных значений: приобретая свойства прилагательных, такие причастия вливались в разряд слов, в языке XIX в. развивавших чрезвычайную активность как сказуемостно функционирующие формы. Однако и не будучи осложнены собственно качественными значениями, полные формы действительных и страдательных (на *-н, -т*) причастий сохраняют способность конструировать сказуемое. В наибольшей степени это относится к действительным причастиям. Вот некоторые примеры.

День *был* южно *палящий* жаром, все ликовало (Герц., Зап. одн. мол. чел., Последний праздник дружбы); Долго его

путь *был* особый и *не сопровождавшийся* известностию (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Лицо молодого человека *было*, впрочем, приятное, тонкое и сухое, но бесцветное, а теперь даже досиня *иззябшее* (Дост., Идиот, 1, 1); Публика здесь очевидно ужасно церемонная, тонная, все *старающаяся* смахивать на гран-монд (Дост., п. жене, 28 мая 1872); Выражение какое-то *блуждающее*, что-то *отыскивающее*, где-то далеко-далеко *копающееся и роющееся* (Стасов, Художеств. выставки 1879 г., 2); Трава здесь всюду скудная, низкая, песочная, *поспевающая* не ранее конца июля (П. Федоров, Соловки).

В меньшей степени сохраняют сказуемостную функцию (без связки, с формами связки быть и полузнаменательных глаголов) полные формы страдательных причастий на *-н*, *-т*. Однако такое употребление в XIX в. не исключено.

Воспитание этой школы с самого его начала и до конца *есть* совершенно отличное, *направленное* исключительно к достижению одной известной, практической цели (Пирогов, Вопросы жизни, Морск. сб., 1856, июль); А на полянке в саду ... было еще жарче, потому что место *было закрытое* от ветра густым-прегустым вишняком (Гарш., То, чего не было); Лицо у него *было искаженное* внутренней болью, одна бровь поднялась значительно выше (Корол., О Гл. Ив. Успенском, VI).

Активными и устойчиво употребительными в разных сферах языка остаются в XIX в. сочетания полных причастий со знаменательными глаголами: *лежит поверженный, возвратился побежденный, шли вооруженные, письмо залежалось неоконченное, вышли примиренные, ушел успокоенный, остановился пораженный, явился вооруженный, входит неузнанный, поехала обласканная, сидел измученный, бумаги валялись скомканные, вскочил испуганный; приеду омолодившийся, возвратились трепещущие* и т. д.

ИЗМЕНЕНИЯ В СКАЗУЕМОСТНОМ ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ И СОЧЕТАНИЙ

Изменения, связанные с развитием значений форм времени

§ 63. В литературном языке XIX в. глагольное сказуемое не претерпевало собственно формальных изменений. Если в именных или причастных сказуемых, входивших в соотношения с другими предикативно значимыми формами, удается в этот период обнаружить те или иные колебания, рост или сокращение употребительности, изменения функций или значений, то движения в собственно глагольном сказуемом носят в это время несколько иной характер.

Наиболее активные, широкой волной проходившие процессы в глагольном сказуемом обнаруживаются в литературном языке XIX в. там, где осуществляется непосредственная связь с движениями в системе значений форм времени. С конца XVIII — первых десятилетий XIX в. через посредство художественной речи в литературный язык вливаются и закрепляются в нем все те многообразные экспрессивно-стилистические и модальные значения временных форм глагола, которые позднее стали восприниматься как собственно строевые явления общеязыковой системы [194].

При изучении истории литературного языка, стилистических движений и смысловых перемещений временных форм индикатива, правильным представляется разграничение их значений на значения собственно грамматические, экспрессивно-стилистические и модальные [195]; если первые, соотнося факты действительности с определенным временным планом, лишены каких-либо функций выражения субъективно-эмоциональных отношений, то вторые и третьи несут эмоционально-экспрессивную и субъективно-модальную нагрузку, причем в последнем случае может даже иметь место затушевывание категориального значения временной формы и возобладание собственно модального значения (ср. *не пойму* в значении «не могу понять»).

Те изменения, которые в процессе развития русского языка происходили в собственно грамматических значениях временны́х форм индикатива, завершились задолго до изучаемого

---

[194] Описание значений форм времени глагола в современном русском языке см.: К. С. Аксаков. О русских глаголах. М., 1855; Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941; Л. Размусен. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. ЖМНП, 1891, июнь; А. А. Шахматов. Синтаксис; S. Karcevski. Système du verbe russe. Prague, 1927; А. М. Пешковский. Русский синтаксис; В. В. Виноградов. Русск. язык; В. Н. Брегвадзе. Значения временных форм глагола в совр. русск. языке. Тбилиси, 1949; его же. Значения форм наст. вр. в русск. языке. «Труды Тбилисского гос. пед. ин-та», VI, 1949; П. С. Поспелов. Категория времени в грамматическом строе совр. русск. языка. Докт. дисс. М., 1953; его же. О значении форм прош. вр. на *-л* в совр. русск. лит. языке. «Труды кафедры русск. языка МГУ», вып. 128, кн. 1, 1948; его же. Прямое и относительное употребление форм наст. и буд. вр. глагола в совр. русск. языке. «Исслед. по грамматике русск. лит. языка», М., 1955; А. В. Исаченко. Грамматический строй русск. языка, ч. 2: его же. La structure sémantique des temps en russe. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. LV, f. 1, 1960; A. G. F. Van Holk. On the semantic mechanism of the russian tenses. s'Gravenhage, 1958; H. Křížková. K problematice aktuálního a neaktuálního užití časových a vidových forem v češtině a v ruštině. «Československá rusistika», 4, 1958 и др.

[195] См.: В. М. Лещинская. Модально-экспрессивное употребление времен глагола в русском и немецком языках и вопросы его перевода. Автореф. канд. дисс. Киев, 1952.

нами периода: они были связаны с утратой имперфекта и аориста, с падением связки в перфекте, с изменениями в системе буд. вр. Лексикализующиеся реликты имперфекта и аориста в литературном языке XVIII в. функционировали уже только как стилистическое средство с узкоограниченной областью применения [196]. Сложившаяся к XVIII в. система собственно грамматических значений форм времени [197] в последующее столетие не претерпевала изменений [198].

К концу XVIII в. сложилась и современная система экспрессивно-стилистических значений временны́х форм глагола. Осуществившееся к этому периоду упрощение системы времен — установление единой формы прош. вр., сокращение форм буд. вр.,— устранив «прикрепленность» тех или иных форм к выражению определенного временно́го отрезка, создало предпосылку для дальнейшего развития уже заложенного и реализовавшегося в языке свойства глагольных форм «переносить всю систему временны́х соотношений в прошлое или будущее при перенесении туда момента речевого сознания» [199].

Как исконное и постоянно активное средство экспрессивно окрашенной, выразительной речи функционировали в это время формы наст. вр. несов. вида со значением настоящего исторического (praesens historicum) [200]. В XIX в., с развитием художест-

---

[196] См., например: Б. В. Кривенко. Сказуемое, выраженное формами глагола прош. вр., в памятниках публицистики первой половины XVIII в. «Уч. зап. Липецкого гос. пед. ин-та», 1958, т. 2, стр. 167; его же. Глагольное сказуемое в двусоставном и односоставном предложении по памятникам русской публицистики первой половины XVIII в. Автореф. канд. дисс. Л., 1961; Л. Я. Кирина. Функции форм прош. вр. глагола в публицистико-деловом языке.

[197] Значения эти были таковы: у глаголов несов. вида — значение настоящего (действие постоянное; действие «вневременное»; действие, осуществляющееся в момент речи), прошедшего (действие, предшествующее моменту речи, с выявляющимися в контексте значениями прошедшего «изобразительного», «качественно-описательного» и «аористического»), будущего сложного (действие, целиком протекающее в плане будущего); у глаголов сов. вида — значение настоящего-будущего (действие, следующее за моментом речи; действие обычное, постоянное; действие, предшествующее другому и его обусловливающее) и прошедшего (значения аористическое, перфектное, плюсквамперфектное).

[198] Возможно, что к изменениям в собственно грамматическом значении прош. несов. в XIX в. следует отнести развитие у этой формы значения перфектного (ср.: Ты литературен, ты *читал*, ты умеешь восхищаться. Дост., Подросток. См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 562). Однако недостаточная изученность языка XVIII в. не позволяет с полной уверенностью сделать этот вывод.

[199] П. М. Криворучко. Категория времени предикативного признака. Автореф. канд. дисс. Львов, 1950, стр. 11.

[200] Употребительность формы прош. вр. несов. вида в этом значении в памятниках разных веков и в народной речи отмечается многими исследователями. См., например: П. Г. Стрелков. Синтаксис пермских ска-

венной речи, с усложнением и обогащением приемов авторского изложения, настоящее историческое еще более активизируется и обогащается. Ср. относящееся к этому периоду развитие «настоящего сценического», полностью вытеснившего собой известное в драматургии начала и середины XVIII в. (особенно в интермедиях) аналогичное употребление в авторских ремарках форм будущего простого (типа: *Паки посмотрит и глаголет; впадет в яму* и т. п.) [201].

Развиваются в этот период и другие — также некоторые для русского языка — экспрессивно-стилистические употребления форм времени: прошедшего в значении конкретного будущего (молчать, или вы *пропали*), настоящего несов. в значении будущего (через час я *еду*), будущего в значении настоящего «предположительного» (до него верст пять *будет*). Широкое распространение в художественной речи получают все идущие из разговорной стихии экспрессивно значимые употребления форм будущего простого: в значении результативного привычного действия (живем рядом, а *увидишься* раз в неделю), в значении действия, повторявшегося в плане прошлого (всегда он бывало так: то *согласится*, то опять *заспорит*).

Движение всех этих форм в разных жанрах художественной литературы XIX в., широкое проникновение их в те виды письменной речи, которые тесно соприкасались, с одной стороны, с художественной литературой, с другой стороны — с разговорной

зок. «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», Отд. обществ. наук, вып. II, 1931, стр. 42—43; Т. С. Розанова. Настоящее и будущее простое время глагола в памятниках русской письменности XI—XVI вв. Автореф. канд. дисс. М., 1952, стр. 10—11; С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 174; Г. Н. Аверьянова. Особенности синтаксиса сатирических произведений и повестей XVII в. Автореф. канд. дис. Л., 1955, стр. 11; М. В. Мирзоева. Употребление времен в исторических трудах М. В. Ломоносова. «Уч. зап. Азербайджанского ун-та», 1955, № 8, стр. 70; Б. В. Кривенко. Сказуемое, выраженное формами глагола наст. вр., в памятниках публицистики первой половины XVIII в. «Труды Воронежского гос. ун-та», т. 60, вып. 2. Сб. ист.-филол. фак-та, 1957, стр. 82—83; его же. Глагольное сказуемое в двусоставном и односоставном предложении по памятникам русской публицистики первой половины XVIII в.; А. В. Бондарко. Настоящее историческое глаголов несов. и сов. видов в языке русских памятников XV—XVII вв. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 173, 1958; Л. Я. Кирина. Указ. соч., стр. 95 и сл. О praesens historicum в современном языке, кроме названных выше работ Аксакова, Некрасова, Потебни, Шахматова, Виноградова и др., см. также: П. С. Кузнецов. К вопросу о praesens historicum в русск. лит. языке. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», VIII, 1949; H. Křížková. K problematice praesentu historického v rustině a v češtině. «Sovětská jazykověda», roč. V, seš. 4, 1955; А. В. Бондарко. Настоящее историческое глаголов несов. и сов. видов в славянских языках. Канд. дисс. Л., 1958 (машинопись).

[201] См.: H. Křížková. K problematice praesentu historického..., стр. 253; А. В. Бондарко. Настоящее историческое ... в языке русских памятников; А. В. Исаченко. Грамматический строй русск. языка, ч. II, стр. 459—460; здесь см. литературу вопроса.

речью, взаимодействие их с другими глагольными формами в той сложной и искусной «игре видовыми и временными оттенками», которая характерна для творчества Крылова, Пушкина, Языкова, Боратынского, Лермонтова, Гоголя, Гончарова и др. [202], не может быть рассмотрено в настоящей главе. Это предмет специального монографического исследования, возможно — даже нескольких исследований. Вероятно, в результате специальных разысканий обнаружатся новые, развившиеся только в языке XIX в. оттенки уже сложившихся в языке экспрессивно-стилистических значений глагольных форм времени. Так, можно предположить, что художественная проза середины и второй половины XIX в., с ее обращенностью к внутреннему миру героя, была той почвой, на которой развилось и активизировалось употребление форм наст. вр. «для изображения воображаемых в будущем фактов как бы происходящими», ср.: То я воображаю себя уже на свободе, вне нашего дома. Я *поступаю* в гусары и *иду* на войну. Со всех сторон на меня *несутся* враги, я *размахиваюсь* саблей и *убиваю* одного, другой взмах — *убиваю* другого, третьего (Л. Толст., Детство) [203].

В экспрессивно окрашенном повествовании, строящемся по нормам разговорного монолога, развилось и укрепилось употребление формы будущего простого в сочетании с частицей *как* для выражения стремительного наступления действия в прошлом (*как крикнет!*). До XVIII в. такое употребление вообще не отмечается [204]; оно возникло сравнительно недавно на базе старых союзных конструкций типа: «И *как станет* против того столба и побеже прямо».

С другой стороны, некоторые экспрессивно-стилистические значения форм времени в языке XIX в., по-видимому, несколько ограничиваются в своем употреблении. Так, например, отмечается, что «в русском языке XVIII в. перфективный презенс в узуальном значении применялся гораздо свободнее, чем сегодня» [205]. В мемуарах середины XVIII в. отмечается очень свободное и широкое употребление форм будущего простого в значении действия, повторявшегося в прошлом: Вдова, хотя и *увидит* такие шалости своего племянника, однако более ничего *не скажет* (Зап. М. Д. Данилова); Стала эта земля оседать и с лесом несколько сажен опускаться в реку, или в залив, где мы стоим; и так ужасно лес *зашумит* под самое наше судно; и так нас кверху подымет,

---

[202] См.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в., стр. 307 и сл.

[203] См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 209.

[204] См.: А. В. Бондарко. Настоящее историческое ... в языке русских памятников, стр. 61.

[205] См.: А. В. Исаченко. Грамматический строй русск. языка, ч. 2, стр. 455. См. также: А. В. Бондарко. Настоящее историческое глаголов несов. и сов. видов в славянских языках. Автореф. канд. дисс. Л., 1958, стр. 9.

и в тот ущерб *втянет*. И так было очень долго (Зап. Н. Б. Долгорукой) [206].

Модальные значения форм времени также исконны для русского глагола. Исследователи древнерусского языка отмечают употребление будущего простого для выражения субъективной возможности или невозможности (я с тобой *не справлюсь* в значении «не могу справиться»), побуждения (ну, *плывем!*) [207]. Литературный язык XIX в., вообще чрезвычайно активизировавший разнообразные средства выражения субъективной модальности, не только широко использует уже сложившиеся в языковой системе модальные значения глагольных форм, но и обогащает эти значения. Так, по-видимому, уже в XIX в. в систему литературно-языкового выражения проникают такие модальные значения глагольных форм, как гипотетически-побудительное значение в формах прош. вр. несов. вида (Почему же ты молчишь? *Пошел и поговорил* с ним откровенно, т. е. «пошел бы и поговорил бы» в значении «пойди и поговори») или значение внутреннего отрицания в формах будущего сложного (*Стану* я *слушать*, что бабы болтают) [208].

§ 64. В русле той же тенденции шло в XIX в. обогащение литературного языка такими формами сказуемых, которые своими корнями уходили в народно-разговорную речь, богатую разнообразными средствами выражения субъективной оценки, модального отношения. Эти формы широкой волной вливаются в язык сатирической прозы, комедии, притчи уже в XVIII в. В дальнейшем они получают права литературности в художественной речи вообще, а с середины XIX в. начинают проникать и в язык публицистики. Таковы были сказуемые, строящиеся соединением глагола с разнообразными модально-экспрессивными частицами, инфинитивом глагола конкретного действия (он *ну хохотать*), так называемыми междометными глаголами (*хвать, бах, шасть* и т. п.), формами, омонимичными с повелительным наклонением (*случись* тогда непастье) и др. Взаимодействие этих форм с экспрессивно и модально значимыми формами прошедшего, настоящего и будущего простого и с разными видовыми образованиями открывало перед литературным языком небывалые возможности экспрессивно-худо-

---

[206] Примеры заимствованы из кн. А. В. Исаченко. Грамматический строй русск. языка, ч. 2, стр. 455.

[207] См.: А. А. Потебня. Из зап., т. IV, стр. 102. Подробное рассмотрение временных форм, совмещающих со своим основным грамматическим значением модальный оттенок возможности-невозможности, см.: В. М. Никитевич. Некоторые модальные функции глаголов изъявит. наклонения в совр. русск. языке. «Вопросы изучения русск. языка», Алма-Ата, 1955; его же. Об одной модальной функции форм буд. вр. сов. вида в совр. русск. языке. «Изв. АН Каз. ССР», Серия филол. и искусствоведения, 1955, вып. 3—4; Т. С. Розанова. Указ. соч., стр. 13.

[208] См.: Д. Н. Шмелев. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в совр. русск. языке.— ВЯ, 1958, № 6.

жественного выражения. Басни Крылова были первым блестящим образцом собственно смысловых и изобразительных возможностей этого синтеза [209]. Влияние языка Крылова на последующее развитие приемов экспрессивно-художественного выражения средствами глагола вообще, глагольного сказуемого в частности — огромно.

В XIX в. в языке художественной литературы — повествовательной прозы (первоначально — через речь персонажей), комедии и т. п. жанров — как яркое средство реалистического воспроизведения «живого разговора» распространяются разнообразные сказуемостно функционирующие сочетания, строящиеся соединением двух однаковых глагольных форм. Таковы были сочетания типов: *пойду погляжу, не перестает плачет, стоит не шелохнется, сидит думает, знает болтает, взял да и распечатал, ждет не дождется, стучу-стучу, служил — не служил, ускользнет как ускользнет, идет да идет* и др. Такие сочетания — характерная принадлежность разговорной речи; уже в XVIII в. они находят отражение в тех жанрах письменности, которые опирались на систему языковых средств «живого разговора» и в какой-то степени отражали эту систему. Однако ни количественно, ни по сферам применения таких сочетаний язык XVIII в. не может сравниться с языком XIX в.: только в XIX в. можно наблюдать широкое, художественно направленное использование этих форм как несомненных примет литературного изложения, окрашенного реалистической экспрессией «разговорности» [210].

Изменения в употреблении форм повелительного наклонения в неимперативных значениях

§ 65. В языке XVIII в. активным было употребление простой формы повелительного наклонения в разных неимперативных значениях. Помимо устойчиво сохранявшегося и в языке XIX—XX вв. употребления этих форм в составе условных и уступительных конструкций, а также в реализующихся в разговорной речи и всегда конструктивно обусловленных модальных значениях — невозможности действия (я таких знаю: ходит — *не подступись*), осуждаемого и «наказуемого» действия (— За что? — А за то, что *не*

---

[209] См.: В. В. Виноградов. Язык и стиль басен Крылова. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», т. IV, 1945.

[210] Подробный анализ сказуемостного функционирования таких сочетаний, а также соединений глагольных форм с частицами и междометиями см. в кн.: Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Там же — литература вопроса. Из последних работ см.: H. Křížkova. Opakování slov jako prostředek intenzifikace v ruštině a v češtině. «Rusko-české studie». Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze, Jazyk a literatura, II, 1960; Д. Н. Шмелев. О «связанных» синтаксических конструкциях в русск. языке. ВЯ, 1960, № 5.

каркай), действия, характеризующего «безвыходность» положения (*хоть топись!*), действия трудного или неосуществимого (*напутали, теперь разберись-ка*) [211] — в языке XVIII в. относительно широкой употребительностью характеризуется неимперативное функционирование этих форм для выражения пожелания и долженствования — вне ограничений тем или иным значением лица [212]. Такое употребление было для русского языка исконным [213].

В памятниках языка середины и второй половины XVIII в. употребление простых форм повелительного наклонения со значением пожелания, направленного не ко 2-му лицу (*погибни белый свет* — «пусть погибнет») [214], не было прикреплено к какой-либо определенной стилистической сфере языкового выражения: оно отмечается как в высокой речи — поэтической и прозаической (а), так и в контекстах с подчеркнуто разговорной окраской (б). В деловой, научной речи, в официальных документах такое употребление было, по-видимому, полностью исключено.

а) [Хорев] *Погибни* все теперь величество и слава (Сумарок., Хорев, V, явл. последн.); Кто силен, никому *не делай* тот обиды; Но кто бессилен, тот терпящим *сострадай*. Им руку помощи, сколь можно, *подавай* (Держ., Эпистола И. И. Шувалову); *Исчезни* память кровожадных Аттил ... Но *цвети* имя героев, которые разили врагов отечества (Карамз., Похв. слово Екат. II, I); Тебе вся тварь хвалу *пой* хором, *Кури* Натура фимиам! (Карамз., Всеобщая молитва).

б) Никто *не поминай* нам подлости ходуль И к пьянству твоему потребных красоуль (Лом., Зубницкому); [Кащей] Нет, *делай* он то, что мне полезняе (Сумарок., Лихоимец, I, 6); Пускай погибнет свет, Лишь только мне *сыщись* любезная собака (В. Майк., Наказание ворожее); [Сквалыгин] Кто должен, тот *плати* (Матинск., Спб. гост. двор, III, 8); [Добров] Он его [дело] кладет под красное сукно; А там — спокойна ночь; *лежи и прей* оно (Капн., Ябеда, V, 1).

---

[211] См.: Д. Н. Шмелев. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в совр. русск. языке. «Русск. яз. в шк.», 1961, № 5.

[212] См.: A. Mazon. L'emploi des aspects du verbe russe. Paris, 1914, стр. 71 и сл.; А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М.—Л., 1941, стр. 178; его же. Синтаксис, стр. 201—203; В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 592—593, 600; А. В. Исаченко. К вопросу об императиве в русском языке. «Русск. яз. в шк.», 1957, № 6, стр. 10; его же. Грамматический строй русск. языка, ч. 2, стр. 495—502; Д. Н. Шмелев. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения, стр. 50 и сл.

[213] См., например: П. Глаголевский. Синтаксис языка русских пословиц. СПб., 1873, стр. 14 и сл.; А. А. Потебня. Из зап., т. IV, стр. 187; Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 307; Б. В. Кривенко. Сказуемое, выраженное глаголами в форме повелительного и сослагательного наклонений..., стр. 62—63.

[214] Ср. характерную контаминацию: Кто хочет, тот *пускай сердись*, Над нашей шалостью острись (Гриб., Проба интермедии, Куплеты).

Примерно до 40-х годов XIX в. в языке сохранялись традиции употребления, идущие из XVIII в.: формы повелительного наклонения в значении пожелания, обращенного не ко 2-му лицу, продолжают функционировать как стилистически не закрепленное средство: они отмечаются в трагедии (у Озерова), широко используются в поэзии и в художественной прозе, в письмах и т. п.

[Старп] *Померкни* блеск венца и честь моей державы, *Погибни* вся страна, пускай погибну сам, Лишь бы мой враг погиб (Озеров, Фингал, II, 2); Господину же критику отвечать не намерен... *Топчи* он сколько хочет мою книгу, лишь *не мни* подсолнечника в огороде моем (И. Дм., п. А. И. Тургеневу, 1806); Старцы, мщенья, мщенья! Злодеям казнь, их *сгибни* род! (Жуковск., Ивиковы журавли); Но всякий отец *представь* себя на моем месте, и он застенает (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, XX); Пожалуй, *свободничай* оно [самодержавие], как хочет, на словах и *великодушничай*, но дела́ заглушат пустые слова (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 24 марта 1819); Благодарю милую Машеньку... и нежно целую; *перецелуй* она также за меня сестриц и Павлушу (Вяземск., п. жене, 14 авг. 1826); Прости, отчизна, край любезный, Прости, мой дом, моя семья; Я за оградою железной, Уже не свой вам больше я! *Не жди* отец меня с невестой, *Сломись* венчальное кольцо; *Застынь* мое на свете место, Не быть мне мужем и отцом! (Ф. Глинка, Не слышно шуму городского); [Лиза] *Минуй* нас пуще всех печалей И барский гнев, и барская любовь (Гриб., Горе от у., I, 2); Была ужасная пора .... Об ней начну повествованье. И *будь* оно, друзья, для вас Вечерний, страшный лишь *рассказ*, А *не* зловещее *преданье* (Пушк., Медн. всадник, вариант Вступления); [Барон] И гром еще не грянул, боже правый! Так подыми ж, и меч нас *рассуди*! (Пушк., Ск. рыц., III); Звезды и ленты пронесут за гробом предка, и потомок *приобрети* их сам, если они ему нравятся (Н. Полевой, Вольный мученик); [Сара] *Будь* ей теперь моя судьбина! *Томись* она, *крушись* она! С тоски *иссохни*, как лучина! *Умри* она! (Борат., Цыганка, VII); И даже в желобах решетки были вделаны, так что мышь без спросу *не подумай пролезть* ни туда, ни оттудова (Марл., Замок Эйзен); Одна мысль, как пожар, обхватила ее. *Раздумывай, береги себя* другая, а не она! (Лажечн., Лед. дом, 2, 5); Кто не умеет с быстротою во всякое время нейтрализировать и обобщать свои понятия..., тот *не берись* за дело трудное и смелое философа-пропагатора, тот *ешь* в постные дни капусту и *читай* «помилуй мя, боже». И *не навязывайся* к нам в спутники (Петрашевск., Черновик письма К. И. Тимковскому).

Л. А. Булаховский отмечает такое употребление как характерный стилистический прием высокой поэзии первой половины

XIX в.[215] — в отличие от прозы, использующей формы повелительного наклонения в таком значении лишь «в особо патетических местах»[216]. Однако, как показывают материалы, неимперативное употребление формы повелительного наклонения в значении пожелания в пределах художественной литературы, записок, эпистолярных форм речи не было стилистически закреплено как средство выражения высокой патетики. В этих сферах речи оно было всеобще и стилистически нейтрально.

После 40-х годов XIX в. сфера распространения изучаемых форм ограничивается: они сосредоточиваются в разговорной речи и в тех жанрах литературы, которые близки к разговорной речи или — в определенных контекстах — ориентируются на ее художественное воспроизведение. В высокой и патетически окрашенной речи неимперативное употребление форм повелительного наклонения в значении пожелания с середины XIX в. затухает, уступая место синтетической форме (*пусть погибнет*)[217]. Напротив, в речи непринужденной, окрашенной субъективной экспрессией говорящего, оно устойчиво сохраняется.

Что пятьдесят тысяч, уж *пропадай бы* они (Вельтм., Саломея, 7, III); Уж лучше *сгори* вещь, а вору услужить досадно, не хочется (Дост., Честн. вор); Посуда, окна, домашние *не попадайся*: исколотит (Писемск., Тыс. душ, 1, I); Барыню заведет, да еще и не одну, а, как турецкий паша, двух либо трех, и *коленопреклонствуй* перед ними вся губерния (Там же, 3, IV); А *пропадай* они совсем, мне-то что до них за дело? (Помяловск., Молотов); Но мечты людские несбывчивы, а сожаленья — бесплодны. Кому не вынулся хороший нумер — *щеголяй* с пустым, да и *не сказывай* никому (Тург., Лит. и жит. воспом., II); Конец вечера он будет ей читать сонеты Эредиа, а там шустрый кандидат *сиди себе* с своим патроном и *улаживай* свою карьеру! (Боборык., На ущербе, 1, XI); Ежели на том свете будут кормить такими же щами, то, черт ее побери, хоть сейчас *приходи* холера (Эрт., Гард., 1, XII).

Что касается употребления форм повелительного наклонения в значении собственно долженствования (без оттенка пожелания),

---

[215] «Для поэзии первой половины XIX в., особенно первой четверти, характерно частое, в духе ее архаизирующих тенденций, употребление формы повелит. накл. ед. ч. в функции 3-го и — несколько реже — первого лица» (Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в., стр. 300). Там же см. многочисленные примеры употребления.

[216] Там же.

[217] У писателей, связанных со старыми языковыми традициями, такое функционирование форм повелительного наклонения и в более позднее время остается живым средством построения приподнятой, торжественной речи, ср.: Давайте ж, князь, подымем в честь богине Ваш полный, пенистый фиал! Богине в честь, хранящей благородно Залог всего, что свято для души, Родную речь ... *расти* она свободно И подвиг свой великий *доверши*! (Тютч., На юбилей кн. П. А. Вяземского).

то оно и в языке XVIII в., и позднее фиксируется главным образом в разговорно окрашенных контекстах и, таким образом, стилистическая прикрепленность его в течение изучаемого периода остается устойчивой.

[Лесник] Я же *стереги* лес, да я же в Москву и дров *наруби* (Николев, Розана и Любим, I, 4); [Остромыслов] На предбудущее никто *не кладись* (Кропот., Фомушка, IV, 1); [Хватов] И *подай* я, и *прими* я, и *одень* я, и за ним и перед ним, все я (Плавильщ., Бобыль, II, 7); Постильйоны, или кучера, coachmen, останавливаются раза три пить в трактирах — и никто *не смей* им сказать ни слова! (Карамз., П. р. п., Лондон, 1790); [Рославлев] Он весел и поет! он счастлив и любим! А Ленский между тем *смиряйся* перед ним! (Гриб. и Жандр, Притворн. неверность, 9); *Не смей* я даже наказывать преступников — кричат: тиран, деспот! (Лажечн., Лед. дом, 2, 7); Дорóгой взвидела ли моя Мариуленька пригожий цветок на лугу и манила его к себе ручками — *стой* табор за цветком (Там же, 3, 3); Филат и на базар *сбегай, и свари, и подай, и вычисти, и вымой, и убаюкай* Васеньку, *и накорми* его кашкой, *и понянчи* его, и везде Филат, и на все ему время (Вельтм., Саломея, 10, V); Смертельно хочется домой отдохнуть,— «нет, нет, нет, не пущу вас, Мавра Ивановна!» — Мавра Ивановна и *оставайся*. Мавра Ивановна и *ночуй*, когда то угодно Саломее Петровне (Там же, 1, V); Где розы, там и тернии — Таков закон судьбы! Бедняк *живи* в губернии: Там дешевы прибы (Некр., Говорун); Все-то сотрудники манкировали, и я один *вертись* за всех (Дост., п. жене, 13 авг. 1873); Проиграл в карты пять — десять тысяч, а какой-нибудь разнесчастный мужик *работай* на него, *голодай* (Эрт., Гард., 1, V).

Таким образом, после 40-х годов, когда употребление простых форм повелительного наклонения со значением пожелания ограничило сферу своего функционирования (см. выше), все случаи неимперативного употребления форм повелительного наклонения оказались сосредоточенными в тех сферах языка, которые были связаны с разговорной речью и так или иначе отражали ее нормы. Показательно в этом смысле свидетельство В. И. Чернышева о том, что «школа и печать избегают прекрасного живого оборота с повелит. наклонением в значении условия» и других неимперативных употреблений этой формы [218].

Что касается функционирования форм повелительного наклонения в собственно императивном значении, то в языке XIX в. изменения коснулись здесь сочетания императива с формой *пожалуй, пожалуйте*. В языке XVIII — первых десятилетий XIX в. это еще было свободное в смысле словорасположения сочетание

[218] См. В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 239—240.

двух форм императива с общим значением вежливого побуждения.

Пожалуйте останьтесь в моем доме (Чулк., Пригож. повариха); [Князь] Да *скажи пожалуй*, что это за люди? (Коншев, Обращ. мизантроп, II, 1); Но вы *пожалуйте* с одной стороны *не пужайтесь*, а с другой не почитайте себя хлопотником (Держ., п. А. А. Саблукову, апр. 1786); *Чтоб* вы, когда впредь случится вам слова мои толковать, *пожаловали* получше в них *вразумлялись* (Шишк., Примеч. на письмо деревенск. жителя в «Сев. вестн.») [219].

Такое употребление «устарело уже в первой четверти прошлого столетия» [220]. Позднее сочетания типа *пожалуй скажи* распадаются: форма *пожалуй* (*пожалуй-ста*) перерождается в модальное слово.

Утрата сказуемостного функционирования деепричастий

§ 66. Сказуемостное функционирование деепричастий широко распространено в русских говорах [221]. Оно отмечается и в описательной прозе, мемуарах, письмах конца XVIII в., причем без оттенка стилистической сниженности. Значение таких конструкций — всегда перфектное; в середине XIX в. об этом писал П. Билярский, отметивший такие построения в «петербургском наречии»: «Англичане говорят: *I am writing, he is sleeping*: кто же возьмется уверять, что эти обороты однозначащи и совершенно безразлично употребляются со словами: *I write, he sleeps?* Разница между тем и другим выражением для нас делается ощутительною посредством существующего в петербургском наречии оборота: *он уж вставши, он был вставши, ушедши*. Нужно ли доказывать, что эти обороты не совсем то же, что *встал* и *ушел* и что этими последними не могут быть вполне заменены первые?» [222]

---

[219] Материалы см. также: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в., стр. 302—303.

[220] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 171.

[221] См.: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. «Бюллетень диалектол. сектора Ин-та русск. языка АН СССР», вып. 4, 1948; П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. «Мат-лы и исслед. по русской диалектологии», т. II, М.—Л., 1949; В. И. Чернышев. Описательные формы наклонений и времен в русск. языке. «Труды Ин-та русск. языка АН СССР», т. I, 1949; Л. К. Дмитриева. К вопросу о значении и генезисе отпричастных форм (На материале современных псковских говоров и псковских летописей). В кн.: Псковские говоры. I. Труды Первой псковской диалектологической конференции 1960 г., Псков, 1962; В. И. Трубинский. О лексической базе предикативного деепричастия в псковских говорах. Там же.

[222] П. С. Билярский. Сколько главных частей в предложении? ЖМНП, 1857, ч. XCIV, отд. II, стр. 281.

Вот некоторые примеры деепричастных сказуемых в XVIII в.:

Площадь, которая вся *заросши* лесом (Мордв., Зап.); Лед весьма *был стеснившись* (Там же); Внутри она [церковь] уже многократно переправлена и *осевши* в землю сажени с две (Челиц., Путеш.); Отужинавши в трактире, где мы *были приставши*, поехали сухим путем (Там же); Государь Петр Великий ... со своим флотом, от чрезвычайной вдруг сделавшейся бури, *был забежавши* в Унскую губу (Там же); Бабушка отправляла свой поклон и *была нагнувшись* (Болот., 1, 4); Я ему дала сто рублей денег и взяла вексель, потому что он *был промотавши* (М. Бастидонова, п. Державину, 19 окт. 1786); Голова его была обнажена ..., левая щека, нос и уши *побелевши и распухши от мороза* (Изм., Евгений, 5, VIII).

В первой половине XIX в. еще можно встретить такое употребление как стилистически нейтральное. В. И. Чернышев писал: «В языке второстепенных писателей и в переводах 30—40-х гг. Белинский не раз отмечает подобное, по-нашему, малограмотное употребление деепричастия» [223]. Как и Билярский, Чернышев видит истоки такого употребления в петербургском просторечии [224]. Действительно, большинство случаев сказуемостного употребления деепричастий отмечено у писателей-петербуржцев, часто при воспроизведении речи чиновников (у Гоголя, Буткова):

Итальянец *был спрятавшись* в самом мрачном углу галереи (Зотов, Замок Сен-Жермен) [225]; Выходит барин. Рожи у Григория и Ивана вдруг *становятся насупившись* и сурьезны (Гоголь, Лакейская, 6, авторск. ремарка); Он после канунешной субботы *будет* косить глазом и *заспавшись*, так ему нужно будет опохмелиться (Гоголь, Шинель); Петрович точно после субботы ... *был* совсем *заспавшись* (Там же); Я вчера был уже *пришедши* в департамент, когда ... (Бутк., Пб. верш., 1, Битка; разрядка автора); Старая девица-барышня *была* в легком платье и совершенно *обнаживши* костлявую шею (Писемск., Боярщина, 2, VI).

В то же время сказуемое-деепричастие уже в первой половине XIX в. используется писателями как характерологическое средство воспроизведения речи слуг, персонажей «из народа»:

— Видно, князь недавно в Петербурге? — прибавила она. — Только вчера с дороги-с. Они хотели видеть Валериана Михайловича; однако ж когда узнали, что вы *не выехавши*,

---

[223] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, § 518, стр. 240.

[224] «Переходя из языка петроградской прислуги в язык образованных классов, подобные выражения встречаются изредка и в современной петроградской печати» (там же).

[225] Пример заимствован из указанной работы В. И. Чернышева, стр. 240.

просили доложиться (Марл., Испытание, VII; в речи слуги; разрядка автора); Тонсь сватался к ней благородный (Слышь, учитель-ста *врезамшись был*) (Некр., В дороге).

Было бы ошибкой утверждать, что в XIX в. эти формы полностью исчезают из живой речи носителей литературного языка. Их свободное, специально ничем не обусловленное употребление во второй половине века отмечается в частной переписке.

Я вчера, например, ничего не сделал с Самариным, потому что *был уставши* (Л. Толст., п. жене, 1867); Сережа спал мало и *был раскисши* (Л. Толст., п. жене, 1874); Я — *не выспавшись,* и очень устал (Л. Толст., п. жене, июль 1879); Страшно *была уставши* (Книппер, п. А. П. Чехову, 25 дек. 1901). Ср. в авторской речи писателя: Собаки *были* так *уставши,* что... (Куприн, Псы. Веч. М., 24 авг. 1963).

В общем разговорном употреблении, как полностью фразеологизировавшееся и стилистически окрашенное осталось сказуемостное употребление формы *выпивши*[226]. Интересно, что в просторечии по этому образцу могут строиться другие деепричастные сказуемые от глаголов той же семантики.

Уже был достаточно *«зарифившись»* и еще шлел языком (Станюк., Нянька, XI); Чижик и боцманша, оба красные, *были клюнувши* (Там же).

Изменения в сказуемостном функционировании и в составе глагольных сочетаний с субъектным инфинитивом

§ 67. В языке второй половины XVIII — нач. XIX в. чрезвычайно активным было функционирование в роли сказуемого сочетаний личного глагола с субъектным инфинитивом. Грамматическая природа этих сочетаний и их синтаксические свойства в этот период были такие же, как и в современном языке; состав глаголов, которые могли сочетаться с субъектным инфинитивом, естественно, был несколько иным. На протяжении XIX в. круг этих глаголов постепенно изменяется. Процесс этот связан с движениями в словарном составе языка. Об исторически меняющемся составе сочетающихся с субъектным инфинитивом глаголов Потебня писал: «Возможно полное перечисление таких глаголов в разных пе-

---

[226] См. В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 240; Л. А. Дерибас. Редкие случаи употребления деепричастий и деепричастных конструкций в совр. русск. языке. «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», т. 89, вып. 6, 1956; Н. Ю. Шведова. Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса ... ВЯ, 1960, № 6, стр. 21—22.

риодах языка было бы, конечно, полезно; оно могло бы обнаружить известные течения языка там, где мы, при неполноте материала, каким располагаем, видим только неподвижность» [227].

Изменения в составе таких глаголов в языке XIX в. были связаны не только с судьбой отдельных слов: в некоторых случаях резко сокращались целые семантические группы глаголов и отдельные сохранявшиеся сочетания с такими глаголами оказывались на пути к фразеологизации.

В языке второй половины XVIII — нач. XIX в. выделяются следующие семантические группы глаголов, сочетавшихся с субъектным инфинитивом.

1) Глаголы со значением воленаправленного действия (волеизъявления, желания, решения, согласия, ожидания, попытки, стремления, надежды): *определил послать* офицера; *заблагорассудит ехать; упражнялся приумножать* себе друзей; *удержался говорить*; всеми силами *трудятся* несогласие без войны *утушить;* себя *прославить ищут; постараюсь выведать; покушается препятствовать; добиваются узнать; тщатся последовать; алчет возобновить* свои силы; *уповал получить* известную сумму; *чает возродиться; намеряется основать* заводы; казни лютыя *отважился вкусить; отведаем* мы это *сделать; обнадежился* армию *остановить; изготовился сказать* речь; *предприял следовать* его советам; *прилежит переписывать* дела; *старается сделать* себе партию; многие свои авантажи *потерять склоняется;* княгиня *убедилась принять* меня; *закаялся играть; располагал заплатить* долг; *вознамерились расстаться; осмелюсь представить; приближиться не отваживались;* признанием ее *не смел и помыслить* воспользоваться; *ласкаюсь* его *увидеть; обещал постараться; взялся лечить; рассудил засесть* в деревне; *положил возвратиться* в город; *допытываюсь узнать*; *устремляются делать* мне затруднения; *печется покорить* всех ее державе; правительство *не рассудило* Азова *возобновлять; ожидал быть оправдан; усиливаюсь искать* места; сам *назвался съездить* к г. Яковлеву; *установили* между собою *не давать* ему обедать; *и не помышляли сбирать* на стол; *испытывал подражать* их искусству; *силится успеть; охотился понять* его слова; о сродниках своих не слишком *знать горячился; не интересовался знать; домогался приобресть;* царю своему жизнь *отъяти покусился; ждет собрать* плоды; *дерзни* святилище *изобразить; вызвался*

---

[227] А. А. Потебня. Из зап., т. I—II, стр. 369. Различающиеся в деталях, но в общем сходные друг с другом семантические классификации этих глаголов в современном языке см. в работах: А. И. Моисеев. Словосочетания с зависимым инфинитивом в совр. русск. лит. языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 156. Серия филол. наук, вып. 15, 1952; О. И. Лабарткава. Указ. дисс.; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русск. языка, стр. 68—69; И. Н. Дымарская-Бабелян. О составном глагольном сказуемом в совр. русск. языке. «Научные труды Ереванского гос. ун-та», т. 57, Серия филол. наук, вып. 4, ч. II, 1956.

идти; сговорил, помолвил жениться; рассудил выдать дочь за дворянина; *затеял испробовать; любопытствовал видеть; не заботился узнать* и др. под.

2) Глаголы со значением временно́й характеристики: *отложили дать ответ; медлит исполнить; мешкал идти; поспешали соединиться; предускорил донести;* о полевой команде *оставляю донесть* до будущего отправления; *ускоряй вкусить* блаженство; *успел решиться; откладывал писать; торопится жить; участил ездить; опоздал родиться.*

3) Глаголы со значением начинания, продолжения, прекращения: *начал строить; пустился спорить; стали играть* в бабки; *приступим говорить; принялся переводить; пошел врать; бросились читать; ударился бежать; продолжал быть беззаботен; забудет* сердце *биться*[228]; *остановись писать; не перестаю удивляться; оставим доискиваться; отложите взводить* на мысль печали тень; *уймись дурачиться; отстаньте свататься* на моей дочери; *не покидал упражняться* в чтении.

4) Глаголы со значением мысли, речи, восприятия: *полагает* меня *унизить; мыслит обогатиться; мнил иметь* ее женой; *рассудил отправиться* назад; *не помышлял проситься; думает сделать* новую географию; *не усумнился поверить; писать* более ничего *не придумаю; считаю быть* у вас между 15 и 20 июля; *не поколебался жертвовать; не догадалось* ружье *осекнуться; воображал найти* в нем помощника; *озаботился приготовить; вспомнил приказать; имеют в виду распространяться* к востоку; *не поколебался осудить; отчаялась видеть* тебя в Москве; *предположил произвесть* впечатление; *не отречетесь помогать; отговаривался выпить; отрицается идти; грозился* меня *выгнать; унимал* меня *отужинать; я бы не заикнулся назвать* тебя зятем; *поговаривает завести* замо́к; *сулится убить; назвался* ко мне *обедать* и др.

5) Глаголы со значением возможности, долженствования: *может вздумать; возможет удержать; рискую потерять;* едва *одолел вымолвить; долженствуете сделать* удовлетворение; место Бергколлегии *надлежало быть* в Екатеринбурге; получа сие, *имеете* вы *ехать* в Симбирск.

6) Глаголы со значением умения, познания: *не смыслишь* ты о чести *рассуждать; рассудить разумеет*; родовых наследств *беречь не знают; узнала* дельный смысл от шуток *отличать;* всех подроб-

---

[228] Ср. случаи употребления *забыть* в значении «перестать»: Где ветр в лесах *шуметь забыл* (Лом., Ода 1739 г.); [М а т в е й] *Забудет* он у меня *сватать* за тебя Анюту (Плавильщ., Бобыль, II, 4); *Испытысать* судьбы *забудь* (Держ., Успокоенное неверие); Товарищ мой, видя, что он начинает нас вправду тащить, *забыл* тогда более *хоробриться* (Болот., 1, 18); И, радостям умрев, *забудет* сердце *биться* (Карамз., Гимн); Он весь покраснел, *забыл пить и есть* (Карамз., П. р. п., Базель, 1789); [Н а т а ш а] Ты никогда *гусарить не забудешь* (Гриб., Своя семья, II, 1).

ностей *описать не упомню; удосужусь сделать; обучался почитать; умел ценить; перенимал* у своего отца *пить; разучился писать* письма; *не умудрился уберечь* и др.

7) Глаголы со значением боязни, предостережения, опасения, угрозы: *стыдится говорить; не погнушался прийти;* законы *нарушать блюдитесь; лгать не устыжался; не пренебрегай писать* к нам; развратных людей *принимать хранился; побить* их я *не отчаиваюсь; опасается ехать; совещусь* вас *утруждать; боюсь* к нему *адресоваться; страшится ввергнуться* в волны; *сомневается сказать; трепетал и помыслить; остерегается повстречаться; тяготится принять* молодого человека; *ужасался сделать* ее несчастною; *не устрашается забыть* свою славу; *не струсил покуситься* на такое отчаянное дело; *робею познакомиться; не испугался остаться* в этой хижине: *берегитесь омрачить* минуту разлуки; *краснела* перед ним *говорить; грозит обрушиться* и др.

8) Глаголы со значением внутреннего состояния, назначения, пристрастия, привычки: *довольствуется знать*; *извадился* к нам *приходить; дурачиться обык; наскучил ездить; любите шуметь; унизил себя кушать* наши сухари; *усчастливился поднесть* стихи; *просить не нуждаюсь; скучает проводить* в любови целый день; *мужайся* победой *возблистать; ленится писать; не презирал давать* совет; *радуюсь вернуться*; *довольствовался* с ним *раскланяться*; *понерадел узнать*; окольным путем *ходить презираю*; *утешается делать* мне загадки; *устал бродить; заслуживает иметь* своего летописца; *стоит быть известен*; сия крепость *служит учинить* препятствие шведам; *не утерпел заехать* к своим; *умилосердись прислать* и др.

9) Глаголы со значением движения, обнаружения, пребывания в состоянии, конкретного действия (в сочетаниях с целевыми отношениями компонентов): *ходил навестить* дядю; *отбыл лечиться; пустился плыть* морем; сегодня *пожалует* к нам *читать* стихи; *еду хлопотать; наклонился обнять* сына; *бросился искать; летит возвестить* свою победу; *теснятся войти; потащился искать* правосудия; *лег уснуть; приступили осмотреть* коляску; *сел караулить; подсел играть; побываю повидаться;* после обеда *были* в музее *смотреть* картины; *устремляются расторгнуть* узы порабощения; *схватились рубиться; сыскался* кто-то на ней *жениться;* у нас законы *являются угнетать* совесть; *родился поедать* чужой хлеб; *остановились ночевать* у крестьянина; *поселился жить* в деревне; *ловил поцеловать* руку; *несу показать; достал* эти стихи *прочесть; видеть* Душеньку *вздевает* он очки; в боях *сражался спасти* царя; *суетилась приводить* в порядок свой гардероб и др.

10) Глаголы со значением обязательности, неукоснительности, незамедлительности: *не премину донесть; не укоснел прийти; не умедлю взять меры*; о чем *не оставьте* мне *подать* точные сведения; *не упущу* неусыпно *стараться;* если случай допустит, *не пропущу* вам *услужить*; *не умешкайте* меня *уведомить;* полюбя меня, *не*

пропускали внушать преосвященному, что я малый добрый; *не проронил сказать* [229] и др.

11) Глаголы с ослабленным значением воленаправленного действия и внутреннего состояния, входящие в формулы вежливости: *пожалует* обо мне *вспомнить*; *удостоюсь увидеть; удостойте объявить*; *извольте подписать*; *потрудитесь расчесться*; *сподобился увидеть; благоволите принять; соизволил приказать; не откажите принять; не беспокойтесь приходить* и др. Ср. богатую фразеологию аналогичного значения: *будьте добры уведомить, примите труд пожаловать, имею честь докладывать, имею удовольствие беседовать, имел счастие знать, сделайте одолжение заехать, сделайте милость ответить, принимаю смелость напомнить* и др.

Таковы были в языке конца XVIII — нач. XIX в. семантические группы глаголов, сочетавшихся с субъектным инфинитивом. На протяжении XIX в. состав этих групп не оставался стабильным, неизменным. Одни из них пополнялись и расширялись, другие сужались, ограничивались. Так, пополнялись и активизировались группы глаголов, обозначавших воленаправленное действие, мысль и внутреннее восприятие, познание. С другой стороны, сокращаются, «усыхают» те группы, в которых глагол лексически опустошен.

Резко сокращают употребительность, стилистически ограничиваются и экспрессивно переосмысляются формулы вежливости. В официально-торжественной, подчеркнуто витиеватой речи XVIII — нач. XIX в. можно встретить даже «трехчленные» соединения этого типа:

> [Х в а т о в] Барин мой конечно не изволит знать, что вы изволите жить в здешнем селе, а то бы он конечно *не преминул иметь честь донести* вам должное свое почтение (Плавильщ., Бобыль, II, 9); *Извольте* завтра *благоволить отправить* за Волгу... 200 человек казаков (Держ., п. Денисову, май 1774).

Ср. позднее — в воспроизведении купеческой речи:

> Да вот вы *извольте соблаговолить посмотреть* (Боборык., Китай-город, 5, XXVII).

В интеллигентской речи такие формулы уже с начала XIX в. воспринимались иронически, ср.:

> Я хочу, чтобы они знали, что есть мнение в России, от коего не ускачешь на почтовых лошадях, как ни рассыпайся мелким бесом по белому свету. Это мнение не рушительное: первый желаю и молю, чтобы все сделалось у нас именною волею и чтобы, по словам Милорадовича, он *«изволил соизволить», но соизволь же!* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 20 янв. 1821).

---

[229] Ср.: Его высочество *не проронил сказать* г-ну Шубину: «а я знаю ваших приятелей» (Добрынин, Зап., XLVII).

В дальнейшем формулы вежливости сосредоточиваются в узко-официальной речи; в иных контекстах они употребляются как стилизующее средство или наполняются иронической экспрессией. Количественно они резко ограничиваются. Показательно, что исследователи современного языка рассматривают такие отдельные сохранившиеся сочетания как фразеологизмы [230].

В языке XIX в. сокращают также употребительность сочетания с глаголами, обозначающими неукоснительное, незамедлительное действие; круг этих глаголов к концу века сокращается, сфера функционирования самих сочетаний ограничивается рамками подчеркнуто официальной речи.

Особого рассмотрения требуют изменения в функционировании сочетаний с отдельными глаголами со значением долженствования, начинания, мысли и восприятия.

§ 68. В официальной и торжественной речи, в деловых описаниях в XVIII в. довольно широко употреблялся в сочетании с субъектным инфинитивом глагол *иметь* для обозначения долженствования, предстояния. По единодушному мнению исследователей [231], такое употребление было внесено в русский язык извне, вероятно — из польского языка, и никак не было связано со старыми русскими сочетаниями «*иму* + инфинитив».

Перевод на английском языке изготовлен и скоро *в печать выйти имеет* (Кант., п. императрице, 21 ноября 1735) [232]; [Сталверьх] Теперь, о государь! еще есть нечто ново: *Имею донести* тебе важнейшее слово (Сумарок., Хорев, IV, 1); Получа сие, *имеете* вы *ехать* в Симбирск (А. Бибиков, п. Державину, 29 дек. 1773); Поехал московский губернатор господин Остерман на встречу государыни и *дожидаться имеет* в городе Твери (Васильев, Дневн., 19—20 янв. 1775); Российская империя *не имеет опасаться* какой наглости от китайцев (Щербат., Статистика, II); Чтобы наряжен был немедленно курьер, которого он *имеет* в Петербург *отправить* с важными донесениями (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); О том обстоятельно *имеет* нам Адмиралтейств-коллегия *отрапортовать* (Именной указ, 12 ноября 1796, ПСЗ, т. XXIV); Должность фурьера на походе разбивать лагерь, командуя прикомандированными для разбития оного; *принимать имеет* в городах и деревнях квартиры, фураж и провиант (Воинск. устав, 1796, ПСЗ, XXIV); Помянутые шестнадцать лет *имели совершиться* октября 17-го дня сего года (Болот., 1, 23).

---

[230] См. А. И. Моисеев. Указ. соч., стр. 137.

[231] См. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис, стр. 118; В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 239; С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 161.

[232] Аналогичные материалы, извлеченные из работ Кантемира, см. в кн. С. П. Обнорского «Очерки по морфологии русского глагола», стр. 161.

Показательно, что вкладывая этот специфический канцеляризм в уста соответствующих героев, писатели XVIII в. иногда нарушали норму его употребления: стилистическая характерность «оборота» оказывалась весомее его прямого значения. Так, в комедии Матинского «Санктпетербургский гостиный двор» подьячий дважды использует сочетание *«имеет* + инфинитив» для обозначения наличествующего результата, тогда как обязательной языковой нормой было употребление *«имеет* + инфинитив» только для обозначения предстояния:

[Крючкодей] Я прошу, как уже и выше сего упомянул, сделать мне, в силу теперешних моих обстоятельств, отсрочку; понеже вексель ваш очень далеко *запрятан быть имеет* (II, 5; речь идет о уже запрятанном векселе); [Крючкодей] И у меня все дела так далеко *запрятаны быть имеют* [т. е. запрятаны], что никакой манирой найтить векселя невозможно (II, 8).

В языке XIX в. описываемые сочетания сохраняют ту же стилистическую окраску, но употребление их постепенно идет на убыль. Однако для этого периода такие сочетания не могут быть названы исчезающими: они «встречаются обыкновенно в языке канцелярском, в точных переводах, у нестрогих стилистов» [233], в «отзывающихся искусственностью», «неловких выражениях языка деловых бумаг и афиш» [234].

В языке художественной литературы, мемуарах, письмах сочетание *«имеет* + инфинитив» в значении обязательного предстояния, долженствования непременно употребляется как яркое средство воспроизведения официальной и канцелярской речи.

[Прохоров] Вы *имеете* ежегодно *получать* в определенные сроки четыреста пятьдесят рублей, и за прочтение печатаемых книг задельная плата с каждого листа по пяти копеек вам без задержки производиться будет (Гриб. и Катенин, Студент, III, 13); На крыльце кто-то его остановил за руку, примолвив: «Я *имею* с вами *поговорить*!» (Лерм., Кн. Л., II); Афиша, немного короче Невского проспекта, объявляла Петербургу о *«имеющем быть* сего числа» представлении (Бутк., Пб. верш., 2, Партикулярн. пара); Вдруг приказ: *имеет* такой-то полк *выступить* немедленно в поход (Вельтм., Саломея, 10, IV);... Что в зале дворянского собрания *имеет быть* бал, почему благоволят надеть белые жилеты те, кои ... (Гл. Усп., Будка, 1); С изображением на тарелках всех тех городов, которые изволил посещать и *имеет* на возвратном пути *посетить* великий наш путешественник (Сверб., Зап., I).

Ср. ироническое использование:

---

[233] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 239.

[234] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис, стр. 118.

Сад тоже развели, резеда цветет, а остальные цветы (левкой, душистый горошек, маргаритки, анютины глазки, флоксы) еще *имеют цвести* в более менее отдаленном будущем (Крупская, п. М. А. Ульяновой, 20 июня 1899. Ленин. Соч., т. 37, стр. 488).

Иногда такие сочетания фиксируются и в научном изложении.

Так как самое понятие цели есть понятие результата, который еще не достигнут, но *имеет быть достигнутым* (А. В. Попов, Синтаксич. исследования, II, 3); Борис готов был на меру, *имевшую упрочить* свободу и благосостояние крестьян (В. Ключевск., Курс русск. ист., III, XLI).

В собственно канцелярской, официальной речи описываемые сочетания устойчивы на протяжении всего XIX в.

В языке XIX в. можно наблюдать тенденцию осмыслить *имеет* в таких сочетаниях как глагол со значением наличия, обладания: оборот, не свойственный русскому языку, приспособляется к его семантической системе. Это обнаруживается в сочетаниях с инфинитивом глагола, обозначающего речь, сообщение. Впрочем, здесь можно предположить и влияние соответствующих конструкций немецкого языка.

Они не могли наговориться об одном и том же и всякий раз *имели* что-нибудь *прибавить* ко вчерашнему (Марл., Лейт. Белозор, VI); Я *не имею* ничего *сказать* тебе (Черн., Что делать?, 3, XXII); Спешу тебе ответить, хотя все еще *не имею* ничего *написать* определенного (Дост., п. жене, 20 июля/1 авг. 1874); Про «Новое время» пока еще ничего *не имею сказать* (Чех., п. М. П. Чеховой, 7/19 апр. 1887).

§ 69. С середины XVIII в. начинает последовательно отмечаться употребление синтаксического галлицизма — сочетания глагола мысли, восприятия (*думал, полагал, мнил, чаял, казался*) с инфинитивом для обозначения состояний, совпадающих во времени (*думал быть* вне России — «думал, что находится вне России»; *казался ловить* каждое слово — «казался ловящим, казалось, что ловит каждое слово»). Такое употребление, в конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. довольно широко распространившееся в художественной литературе и примыкающих к ней жанрах, противоречило исконно русскому употреблению таких сочетаний для обозначения состояний разновременных, следующих одно за другим: *думал быть* вне России — «думал, что буду вне России»; *мнит погибать* — «мнит, что погибнет, будет погибать» (а не «что погибает») [235].

С глаголами восприятия:

[Оснельда] Престол мой *кажется бежати* от меня (Сумарок., Хорев, III, 3); И чтоб их безгласна речь *Показалась*

[235] Единственно возможным «в нынешнем языке» Потебня признает: «*надеюсь, обещаюсь, клянусь быть* = *что буду* (а не *что есмь*)» (А. А. Потебня. Из зап., т. I—II, стр. 372).

медом *течь* (Лом., Разговор с Анакреоном); Сама природа тут *кажется призывать* людей к необленчивому земледелию (Щербат., Статистика, III); — Мурза! — Она вещала мне. — Ты *быть* себя *счастливым чаешь* (Держ., Видение Мурзы); Пещера *казалася* нам *иметь* в вышину сажен до десяти (Лепехин, Дневн. зап., 2); Дяде моему было сие хоть невероятно, однако он *казался* тому *верить* (Болот., 1, 18).

С глаголами мысли:

[Олег] Ты о ней вздыхал и мучился напрасно. Как ты ее *мнил быть*, она не такова (Сумарок., Семира, IV, 5); Не мнит лишь смертный умирать И *быть* себя он *вечным чает* (Держ., На смерть кн. Мещерск.); Однако в изумлении своем *чаешь быть* в цветущей Греции (Держ., Описание Потемкинского праздника); *Мнил я быть* в обетованной Той земле, где вечный мир; *Мнил я зреть* благоуханный Безмятежный Кашемир (Жуковск., Лалла Рук); Иногда *думаешь быть* вне России, ибо видишь других людей, другие обычаи (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); Графиня силилась подмечать только те поступки Левина, в которых *думала видеть* что-то угодное ее прихотливой воле (Н. Павл., Маскарад, I) [236].

После 30-х годов XIX в., в связи с обострившимся вниманием к галлицизмам и стремлением освободить от них литературный язык, эти сочетания перестают употребляться.

§ 70. Некоторых замечаний требует соотносительное употребление в сказуемом в языке XIX в. сочетаний с *буду* и *стану* как сложной формы буд. вр. несов. вида (*буду петь — стану петь*).

О несовпадающих условиях употребления *буду* и *стану* с инфинитивом писал еще Ломоносов: «Вспомогательные глаголы *буду* и *стану* не везде один вместо другого употреблены быть могут. *Буду* сопрягается с действительными и со страдательными равномерно: *буду писать, буду писан,* но хотя *стану писать* есть правильно, однако не говорится: *станет написано*» [237]. Действительно, функционирование *стать* в качестве вспомогательного глагола ограничено рядом специфических условий [238]. Это определяется тем, что в сочетаниях «*стану* + инфинитив» обычно присутствует оттенок значения начинательности [239]. Естественным оказывается

[236] Материалы и их анализ см.: Л. А. Булаховский. Иностранные элементы в русской художественной литературе и отношение к ним в первой половине XIX в., стр. 11—12; его же. Русск. лит. язык первой половины XIX в., стр. 266—267.

[237] М. В. Ломоносов. Росс. грам., § 534. В кн.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII. М.— Л., 1952, стр. 567.

[238] См. А. А. Фуксман. Сочетание инфинитива со вспомогательным глаголом *стану* в совр. русск. языке. «Краткие сообщения кафедры русск. языка Узбекского гос. ун-та», Самарканд, 1959.

[239] См. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис, стр. 116—117; А. А. Шахматов. Синтаксис, стр. 487; В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. В сб.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952, стр. 112.

предположение, что в сравнительно недавнем прошлом сочетания со *стану* яснее сохраняли раздельность своих компонентов, и *стану петь* отличалось от *буду петь* еще более отчетливо выраженным значением приступа к действию. Однако изучение материалов XVIII—XIX вв. не подтверждает мысли о том, что в XIX в. осуществлялась дальнейшая формализация *стану* в составе таких сочетаний. Существующее в современном языке соотношение в своих основных чертах сложилось уже в языке XVIII в. Это соотношение правильно определено Потебней: «В *стать* с неопред., кажется, следует различать, относительно степени формальности, с одной стороны, формы *стал, ставши, стать,* с другой — *стану*». Отмечая далее, что «первые в русск. лит. и влкр. столь же вещественны», как формы глаголов *приняться, пуститься, пойти* (*пошел врать*), Потебня пишет: «Но *стану* с неопред. ... в влкр. может, кажется, становиться чисто вспомогательным, так что, напр., *стану сказывать я сказки,* песенку спою (Лерм.) значит не „ich werde anfangen zu erzählen", а только „ich werde erzählen", с грамматическим оттенком начинательности» [240].

И в языке XVIII в., и позднее этот «грамматический оттенок начинательности» часто выступает очень ясно и определенно:

> Тотчас и без размышления *отвечать станет,* что... (Кант., Письма о прир. и чел., 6); На месть спешите нам Нарышкиных отдать, Или мы *станем* всех *бить, грабить и терзать* (Лом., Петр Вел., 1); Они, брося торговать виноградным вином, мехами и сладкими ягодами, *станут* с мечами в руках *доставать* древнюю императоров православных столицу (А. И. Бибиков, п. Екат. II, ноябрь 1769); Сложит корону, по примеру королевы Христины и, приняв веру католицкую, *станет жить* уединенно в Италии (Храповицк., Дневн., 28 июня 1788); Сам *бегать* за тобою, *Искать* тебя он *станет* (Держ., Гимн Сафы Венере); Дайте дружбу и свободу, *Стану петь, хвалить* природу, Как на воле соловей! (Ф. Глинка, К соловью в клетке); Когда же их поймают в минуту растерянности и *станут стыдить,* то... (Помяловск., Молотов); Они, не задумавшись даже, с усмешкой и гордостью *станут отрицать* такое влияние (М. Антонович, Письма отца к сыну).

С другой стороны, и в языке XVIII в. и в XIX в. обычны случаи употребления изучаемых сочетаний для обозначения «обычного будущего», без всякого оттенка значения приступа к действию:

> Спрашивали, как идет пьеса, что говорят актеры? Мне дозволено быть в тот вечер, как *станут* ее *играть* (Храповицк., Дневн., 28 дек. 1787); Я всякий день *стану* тебя *ожидать* (Пушк., Роман в п., 9); Лишь чужестранец молодой, Невольным сожаленьем, и молвой, И любопытством приведен сюда,

---

[240] А. А. Потебня. Из зап., т. I—II, стр. 363.

Сидеть на камне *станет* иногда (Лерм., 1831-го июня 11 дня); Угадывая, что мне *станут мешать* предаваться моим мечтам (С. Акс., Воспом., Гимназия, Период первый); Тогда авось и у себя чего-нибудь дождемся. А пока *станем довольствоваться* всегдашними нашими профессорами и академиками (Стасов, Худож. выст. 1879 г., 1).

О возможном отсутствии у сочетаний со *стану* значения начинательности свидетельствуют ранние случаи употребления их рядом с сочетаниями с *буду* — в одинаковом значении, в соседствующих и равнозначных контекстах; ср.:

Доколе, истукан прелестной, Мы *станем* жертвой нам бесчестной Твой тщетный *почитать* алтарь? Доколе *будем строить* храмы, Твои *чтить* замыслы упрямы, Прельщенная словесна тварь? (Лом., На счастье); Все *стану* над тобой *бояться* я несчастья: Чуть тучка ли над головой, Я *буду говорить*: ах! где-то братец мой! (Крыл., Два голубя); Зато ни в чем *не будешь* ты *нуждаться* И *станешь* у меня как в масле сыр *кататься* (Крыл., Крест. и лисица).

Судьба соотношения соединений «*стану* + инфинитив» — «*буду* + инфинитив» требует специального углубленного изучения. Все сказанное выше не означает, что в языке XIX в. это соотношение не претерпевало никаких изменений, что здесь не было стилистических, а может быть, и смысловых перемещений. Несмотря на то, что к концу XVIII — нач. XIX в. в системе языка характер этого соотношения уже определился, дальнейшие изменения в употребительности того и другого сочетания и в их стилистической прикрепленности, несомненно, заслуживают специального изучения [241].

---

[241] См. интересные работы: H. Křižkova. Vývoj opisného futura v jazucich slovanských, zvláště v ruštině. «Acta UP», Praha, 1960; ее же. Значение конструкций *стану* + инфинитив. «Русск. яз. в шк.», 1962, № 4.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 1. В русском литературном языке XIX в. безличные предложения были категорией очень активной и быстро развивающейся. По свидетельству исследователей, в древнерусском языке, вплоть до XVII в., употребительность таких основных типов безличных предложений, как глагольные и именные, самые формы конструкций и возможности их лексического наполнения были более ограничены, чем в новый период развития русского литературного языка [1].

[1] См.: А. А. Потебня. Из записок по русск. грам., т. III, Харьков, 1899, гл. XII («Устранение подлежащего»); А. В. Попов, Синтаксические исследования, I. Воронеж, 1881, стр. 122—123, 128, 174—178, 299; Д. Н. Овсянико-Куликовский. Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений. — ИОРЯС, 1900, т. V, кн. 4, стр. 1151, 1171—1178; Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. — ИОРЯС, т. XXIV, кн. 2 и т. XXVI, стр. 29—32, 45—51; Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса, стр. 50—51, 290—291; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 57—90; Н. Н. Арват. Безличные предложения в древнерусском языке (По материалам памятников новгородской письменности XI—XV вв.). Автореф. канд. дисс. Одесса, 1955; А. М. Смирнова. Безличные предложения в памятниках литературы и деловой письменности XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1954; А. А. Дибров. Безличные предложения в русской деловой письменности первой пол. XVII в. (На материале сборника памятников «Донские дела»). Автореф. канд. дисс. Ростов н/Д, 1955; Е. Н. Богданова. К вопросу об использовании безличных предложений в древнерусском языке (на материале памятника «Стоглав». «Уч. зап. Душанбинского гос. пед. ин-та», 1957, т. 19. Филол. серия, вып. 9; В. Е. Лянунова. Безличные предложения в памятниках письменности XVII в. (С главным членом, выраженным собственно безличными глаголами и личными глаголами в безличном употреблении без отрицания). «Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та», 1959, вып. 26; ее же. Безличные предложения в памятниках русск. письменности XVII в. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1962; А. Е. Выгорбина. Безличные предложения в древнерусском языке. «Уч. зап. Бухарского гос. пед. ин-та», вып. 9, 1960; ее же. Автореф. канд. дис., под тем же назв. М., 1961; Н. С. Зарицкий. Формы и функции возвратных глаголов. (На материале древнерусского языка). Киев, 1961, стр. 114—118.

В XIX в. в развитии безличных предложений в плане собственно синтаксическом действовала, с одной стороны, тенденция к установлению единообразного, нормализованного употребления конструкций: упорядочивается самый набор моделей, уходят устаревшие конструкции, устраняется множественность равнозначных конструкций; с другой стороны, развиваются безличные конструкции усложненных типов. В плане семантическом последовательно осуществлялась тенденция к освобождению безличных предложений от функции выражения таких значений, которые были свойственны предложениям двусоставным и — соответственно — к сосредоточению таких значений в личных предложениях. Важно подчеркнуть, что возобладание личных предложений над безличными имело место лишь при наличии ближайшей или непосредственной соотносительности конструкций, т. е. тогда, когда осуществлялось взаимодействие параллельно существующих языковых эквивалентов — форм и оборотов с одинаковой функцией или же с настолько тонкой дифференциацией значений, что она давала возможность колебаний в употреблении [2], типа: *требуется размышлений — требуются размышления; назначено быть спектаклю — назначен спектакль; от гофмаршала рекомендовано — гофмаршал рекомендовал*; *журналу должно иметь свою физиономию — журнал должен иметь свою физиономию* и под. Другие виды соотносительности, которые можно назвать частичной (неполной), практически не влияют на развитие соотносящихся конструкций, функции и значения которых настолько расходятся, что возможность колебаний в употреблении по существу исключена [3]. В плане стилистическом в языке XIX в. отмечается осуществление стилистической дифференциации различных безличных конструкций и в связи с этим сосредоточение некоторых их типов в определенных и узких сферах речи.

---

[2] См. об этом: О. В. Патокова. Наблюдения над языком научной прозы. «Наукові записки Харківської науково-дослідної катедри мовознавства», II, 1929, стр. 78. Именно о такой ближайшей соотносительности как об условии «замены личного оборота безличным» писал Ф. И. Буслаев (Ист. грам., стр. 384—385, § 201). См. также: Г. И. Рихтер. Синтаксическая синонимика в совр. русск. лит. языке. «Русск. яз. в шк.», 1937, № 3; В. А. Трофимов. Явления конструктивного параллелизма в синтаксисе совр. русск. языка. «Уч. зап. ЛГУ», 1955, № 180. Серия филол. наук, вып. 21.

[3] Ср. неразличение этих качественно различных видов соотносительности в статье: А. М. Копейкин. Синонимика безличных и личных предложений в совр. русск. языке («Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та», 1959, вып. 26). Приводимые здесь «синонимические конструкции» типа *мне обидно — я обижаюсь*, *мне приятно — я чувствую удовольствие*, *я не пою — мне не поется* и т. п. фактически не имеют отношения к конструкциям, находящимся друг с другом в регулярных функционально-смысловых соотношениях. Анализ непосредственных соотношений безличных и личных предложений см: Р. Ружичка. О трансформационном описании так называемых безличных предложений в совр. русск. лит. языке. — ВЯ, 1963, № 3.

Наконец, в плане собственно лексическом в этот период действовала тенденция к устранению множественности организующих предикативную основу безличных предложений равнозначных однокатегориальных слов — глаголов и предикативных наречий.

ИЗМЕНЕНИЯ В НАРЕЧНЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Система наречных безличных предложений в конце XVIII — нач. XIX в.

§ 2. Безличные предложения с главным словом — предикативным наречием в конце XVIII — нач. XIX в. были представлены следующими моделями.

1) Собственно наречные предложения, формируемые как предикативными наречиями на *-о*, так и наречиями других словообразовательных типов: *везде было мрачно и пусто*; *становилось поздно*; *в комнате сделалось светлее*; *невмоготу становится* и т. п.

2) Предложения, строящиеся сочетанием предикативного наречия с инфинитивом [4]. В языке конца XVIII в. это были преимущественно нераспространенные или мало распространенные предложения, в которых предикативное наречие и инфинитив находились в близком или непосредственном соседстве: *немудрено было полюбить нашего героя*; *огорчительно видеть, что...*; *всего описать невозможно; некстати было возражать; каково встретиться с ним в пустыне* и т. п. Очень активную группу внутри этого типа составляли предложения с наречиями долженствования, возможности, необходимости (*можно, неможно, должно, нельзя, надобно* и т. п.) [5].

Среди наречных и наречно-инфинитивных предложений особо выделяются предложения, строящиеся со связкой *есть*. Эта конструкция уже в языке XVIII в. была исчезающей; она отмечается в научной, философской прозе, в записках некоторых общественных деятелей.

> Получил я из Москвы от дяди моего ... некоторые представления со уведомлением, что *ему есть несколько полегче* (Шаховск., Зап., 1); Но *достойно есть удивления*, что... (Щербат., Статистика, VI, 1); *Истинно бо есть и непреложно:* достоинство заслуги и добродетель привлекают ненависть нередко и

---

[4] В дальнейшем для удобства обозначения такие предложения будем называть наречно-инфинитивными.

[5] Общую классификацию безличных предложений на основе «модального значения» главного слова см.: В. Я. Кургузова. К вопросу о лексической модальности и ее влиянии на структуру безличных предложений (На материале языка памятников 2-ой половины XVII в.). «Тези доповідей на звітно-наукову конференцію викладачів Чернігівського пед. ін-ту за 1960 рік». 1961.

самих тех, кои... (Радищ., Письмо к другу); Ибо теперь *очень нужно есть*, чтобы... (Держ., п. малыковскому протоиерею, 1774, без числа).

Человеку есть сродно лучшего желать (Кант., Письма о прир. и чел., 1); ... Научило бы меня здраво рассуждать о всех вещах постиженых, *о которых есть нужно рассуждать* (Там же); Оное предивное исправление, для достопамятности ведения, *в журнал записать всеконечно нужно есть* (Нацокин, Зап.); Однако, помянув о сем правительстве, горным начальством называемом, *нужно есть сказать* о его настоящем состоянии (Щербат., Статистика, III); *Не бесполезно есть о качестве сего произведения Псковской провинции помянуть* (Там же, III, I).

После 90-х годов XVIII в. такие построения практически перестают употребляться.

Многообразные способы распространения наречных и наречно-инфинитивных предложений в своей основной массе совпадали со способами их распространения в современном языке [6]. Особое место здесь занимали построения с дат. падежом, обозначавшим субъект бытия или выявления: *как этому быть, этому нельзя статься, здесь невозможно находиться кладу*, входившие в регулярные соотношения с личными двусоставными предложениями (см. § 3).

3) Рядом с наречно-инфинитивными предложениями типа *было (казалось) удивительно, что...* в конце XVIII в. уже функционировала равнозначная модель с формой творит. падежа: *было (казалось) удивительным, что...* Предложения с формой на *-о* в это время были конструкцией более активной.

4) Предложения, строящиеся с предикативным словом *нет*, по моделям: *нет новостей; нет нужды, что...; разъезжать нет мочи: ничего нет глупее поэта; нет в свете государства малолюднее; нет ничего легче, как* ... В это время еще функционировала исчезнувшая позднее конструкция, строящаяся сочетанием слова *нет* с формой сравнительной степени (С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон. *А легче нет.* Крыл., Муха и дорожные; Тетенька еще приказала вам написать, что *дяденьке нет лучше.* Приписка домашнего секретаря к письму Державина С. В. Капнисту, 8 июля 1816) [7].

---

[6] Подробное описание синтаксических связей и способов распространения предложений с предикативными наречиями см.: А. И. Валькова. Грамматические свойства предикативных наречий в совр. русск. языке. «Уч. зап. Ростовского н/Д гос. ун-та», т. 54. Общеуниверситетск. сборник, вып. 4, 1957; В. В. Бабайцева. Структура распространенных предложений с безлично-предикативными словами в совр. русск. языке. «Уч. зап. Кабардино-Балкарского пед. ин-та», вып. 2. Нальчик, 1957.

[7] Ср. случаи остаточного употребления в более поздний период: [Пальцов] Немного выиграл народ, *И легче нет ему покуда* Ни от чиновных мудрецов, Ни от фанатиков народных (Некр., Медвежья охота, 1, 3).

Изменения в соотношении безличных предложений с дательным субъекта и личных двусоставных предложений

§ 3. В системе литературного языка конца XVIII в.— нач. XIX в. некоторые виды наречно-инфинитивных предложений с дательным субъекта активно взаимодействовали с безличными глагольными и с двусоставными предложениями: *как этому быть — как это может быть*; *этому должно быть — этому надлежит быть — это должно быть*; *здесь невозможно находиться кладу — здесь не может находиться клад.*

Наречно-инфинитивные предложения с дательным субъекта различествовали в зависимости от значения инфинитива. С одной стороны, это были многочисленные предложения, в которых дат. падежом обозначался субъект любого действия или состояния: *умному человеку непростительно брать взятки*; *русскому дворянину казалось стыдно выехать из столицы*; *его величеству против крымского царя идти несходственно; подкрепиться им неоткуда; всем умирать будет должно; на оные горы взойтить человеку не можно* и т. п. Эти массово употреблявшиеся предложения и в дальнейшем устойчиво сохранялись в литературном языке.

С другой стороны, дат. падежом мог обозначаться субъект бытия, выявления (при глаголах *быть, статься*).

При порте Византийском, где *неудобно уже быть столице* (Храповицк., Дневн., 7 июня 1788); [Семен] Я уже придумал, *как и делу быть* (Крыл., Урок дочкам, 13); *Как этому* статься? (Карамз., Бедн. Лиза); Иногда думаю, *где быть у нас гульбищу*, достойному столицы (Карамз., Зап. старого моск. жителя); *Сему быть неприлично* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, XI); Чиновник делал свои распоряжения, *как быть шествию* (Головн., Зап., 1).

В предложениях с *нужно, должно, можно, надобно, нельзя* и под. круг инфинитивов в этой группе был шире: это слова со значением бытия, пребывания в состоянии, самовыявления, перехода из одного состояния в другое: *быть, случиться, продолжаться, сделаться, статься, выйти* в знач. «получиться» и под.

[Советник] *Этому статься нельзя* (Фонв., Бригадир, IV, 7); [Дюлиж] *Этому*, право, *статься нельзя*, чтобы она впрямь уж на русском языке песни пела (Сумарок., Ссора у мужа с женою, 19); [Фекла] *Да этому и быть не можно* (Капн., Ябеда, IV, 6); [Скалыгин] *Нельзя тому статься,* это пустое (Матинск., Спб. гост. двор, I, 4); Думаю, что где не достает силы полевого войска, *тут и должно крепостям быть* (Щербат., Статистика, III, 1); Но *сему статься не можно* (Рычков, Опыт Каз. ист., VII); Человек создан думать сперва о себе, а там о других; *иначе нельзя стоять свету* (Карамз., Чувствит. и холодн.); Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь *этому нельзя быть* (Карамз., Бедн. Лиза); *Должно*

случиться чему-нибудь важному (Жих., Зап. совр., I, 28 ноября 1805); *Бенефису его скоро быть должно*, а пиесы не присылают (Вяземск., к. А. И. Тургеневу, окт. 1815).

Сюда же относились — по форме, по общему значению долженствования и по своей исторической судьбе — причастные безличные предложения с *назначено*, *положено*, непосредственно соотносившиеся с двусоставными (*назначено быть свадьбе — назначена свадьба*).

Положено было на Ходынке для народа *разным веселъям быть* (Васильев, Дневн., 12—18 июля 1775); В училище *назначено быть спектаклю* (Клушин, Несч. М-в); *Свадьбе положено быть* перед Филипповым постом (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, XX).

К этой группе примыкали и собственно наречные предложения типа *этому давно*.

[Бертольд] Но видишь, Франц, *уже этому давно* (Пушк., Сц. из рыц. вр.); *Этому уже очень давно*, стоял здесь замок (Марл., Замок Эйзен); *Этому давно* (Н. Павл., Именины) [8].

Если предложения типа *ему нужно уехать*, *вам себя беспокоить напрасно*, *сердцу сладостно познать любовь* и т. п. не входили в регулярные соотношения с личными предложениями и поэтому в языке XIX в. сохраняли устойчивую употребительность, то судьба предложений с инфинитивами глаголов бытия, обнаружения, выявления была иной. Уже с 20-х годов XIX в. они резко идут на убыль, уступая место личным предложениям. Однако в течение всей первой половины XIX в. эти конструкции еще не имели характера устарелости, ср.:

Ведь *этому* когда-нибудь *надобно же было случиться* (Нарежн., Два Ивана, 2, IV); И *если уж должно быть опыту снова*, То рыцаря вышли, не пажа младова (Жуковск., Кубок); На что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость — *долго ли этому быть*? (Пушк., п. Л. С. Пушкину, янв.— нач. февр. 1824); *Слишком резкому замечанию*, что будто «русский в статской службе может быть лишь хорошим чиновником по особым поручениям», *странно очень сорваться с пера русского!* (Телеск., 1831, № 1); Фарсы их натянуты, тупы, и *как быть им иначе* под палкою или, что еще хуже, грозным взором Бирона? (Лажечн., Лед. дом, 2, 8); В полной уверенности, что *этому не должно быть иначе* (Марл., Вечер на Кавк. водах); Не принимая в соображение силу

---

[8] Ср. аналогичные функции дат. падежа в предложениях других типов; *Этому* было, ни мало ни много, тому назад десятка полтора лет (Лажечн. Лед. дом, 2, 4); *Всему этому* уже слишком год (Дост., Бедн. люди, июня 20) Спросите всех, служивших под его начальством, *чему* прошло уже почти двадцать лет (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Конечно-с, *этому* многие десятки лет прошли-с (С.-Щ., Губ. оч., Талантл. натуры, Горехвастов).

обстоятельств, при которых *возможно образоваться в обществе благородным привычкам* (Черн., «Губ. оч.» Щедрина).

Во второй половине XIX в. безличные предложения этого типа отмечаются как случаи остаточного употребления, чаще всего — в речи литературных персонажей.

Вышли из употребления и аналогичные предложения без указания на субъект или с родит. субъекта (при отрицании): *иначе и быть не можно: нельзя статься; невозможно быть;* случилось то, *чего быть невозможно* и т. п.

Никакой угловатой фигуры и всякой другой, неравные диаметры имеющей, в телах теплых, то есть во всех, *быть невозможно*, кроме сферической (Ломон., Рассужд. о твердости и жидкости тел, § 10); [Кривосудов] Он нашу дочь-воструху в Москве уж знал ... [Фекла] *Возможно ли быть*? (Капн., Ябеда, I, 9); Предсказывают, что через год случится и *чего совсем быть невозможно* (Крыл., Почта духов, XXV).

Ср. частое употребление у Пушкина:

[Молодой человек] *Не возможно быть,* Чтоб мы в своем веселом пированье забыли Джаксона! (Пир во вр. чумы); Мне писали, что Батюшков помешался: *быть нельзя* (п. Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной, 21 июля 1822); Ты находишь письмо мое холодным и сухим. *Иначе и быть невозможно* (п. П. А. Вяземскому, 14 авг. 1820); Под конец она [газета] была очень вяла; *иначе и быть нельзя* (п. П. А. Плетневу, 13 янв. 1831).

Такие конструкции уступили место глагольным предложениям (*иначе не может быть*; не может быть, *чтобы* ...).

Из построений типа *надобно этому быть* (*случиться*) устойчиво сохранялись лишь предложения со значением отрицательного отношения к сообщаемому, в которых утвердительная форма находится в противоречии с внутренним смыслом отрицания необходимости.

[Звездова] *Надо же быть такому несчастью*! В первый раз от роду соглашается со мною без отговорок и на мою же беду (Гриб. и Катенин, Студент, III, 5); Но вообразите мое несчастие: *надо же этому случиться*! Великодушный друг мой, доставлявший мне все это, скоропостижно умер (Гоголь, п. матери, 22 мая 1829); Ну, зачем все это? Ну, *надобно было всему этому быть*; вот непременно этому, вот именно этому, как будто нельзя было другому чему! И все было хорошо сначала, все были довольны и счастливы; так вот нет же, *надобно было*! (Дост., Двойник, IX); *Надо же быть такому несчастью.* Даже такой даровитый живописец, как г. Журавлев, точно на смех очень невыгодно представлен в Обществе выставок (Стасов, Худож. выст. 1879 г.).

Аналогична была судьба обозначавших долженствование глагольных предложений с дательным субъекта бытия,

существования, сохранявших широкую употребительность примерно до 20—30-х годов XIX в.

Главнейшее примечание г. Болтина осталось еще без решения, т. е. *каковому словарю быть надлежит* (И. И. Лепехин, п. Державину, 21 февр. 1784); На другой день *надлежало быть последнему свиданию* (Карамз., Бедн. Лиза); Приближаясь к тому месту, *где,* по описанию, *надлежало быть их могиле* (Карамз., П. р. п., Лион. марта ... 1790); *Ужину надлежало быть через час* (В. Е., 1802, № 14); До сего возвращения, по плану Марфы Петровны, *надлежало быть большим переменам* (Погорельск., Монастырка, 2. XIII).

Такие предложения позднее вышли из употребления, уступив свое место личным двусоставным предложениям (*ужину надлежало быть через час — ужин должен был быть через час*). Таким образом, в трехчленном ряду соотношений: *этому должно (надобно) было случиться — этому надлежало случиться — это должно было случиться* к концу XIX в. возобладал третий член ряда, по своей форме наиболее точно отвечающий выражению определенно-личного значения.

Развитие способов выражения субъекта, испытывающего состояние

§ 4. Как и в современном языке, в конце XVIII — нач. XIX в. в безличных предложениях имело место колебание в способах выражения субъекта состояния[9]: *мне непонятно — для меня непонятно*; *ему нет ничего невозможного — для него нет ничего невозможного.* Однако соотношение колеблющихся форм существенно отличалось от современного.

Употребление формы дат. падежа не было ограничено какими-либо лексико-семантическими факторами; он фиксируется при разных предикативных наречиях — наряду с формой родит. падежа с предлогом *для*: *им здесь тесно, душно, светло, удобно — для них здесь тесно, душно* и т. д.; *дворянину неприлично идти в писаки — для дворянина неприлично идти в писаки; ему было этого мало, недовольно — для него было этого мало, недовольно; тебе все равно — для тебя все равно*; *им полезно, приятно — для них полезно, приятно.* В этом соотношении форма дат. падежа была предпочитаемой и господствующей[10]. Сочетание *для* с родит. падежом в таких построениях было в это время формой относительно новой; в системе значений этого предлога центральное место продолжали занимать значения причинно-целевые, впоследствии

[9] По терминологии Е. С. Истриной — «косвенный субъект» (см. Е. С. Истрина. Субъект и подлежащее как синтаксические термины. «Уч. зап. Казахского гос. ун-та», т. XI. Алма-Ата, 1946, стр. 34.

[10] А. Х. Востоков считал ее единственно возможной (см. Русск. грам., ч. II, § 193, стр. 299).

утратившиеся. Поэтому безличные конструкции типа *для них полезно, для меня безразлично* рядом с построениями с дат. падежом оказывались семантически менее ёмкими: в них, как правило, обозначался субъект, испытывающий состояние, обусловленное внешними факторами, как бы направленное извне [11].

Река мелка или глубока — *Равно для рыбака* (В. Майк., Рыбак и щука). Ср. в безличных предложениях других типов: *Для великого героя не много чести сражаться с одними теми*, которые ... (Изм., Евгений, 2, III); Вот *беда для них, когда...* (Шишк., Рассужд.).

Дательный пад. не знал смысловых ограничений: он исконно и свободно употреблялся для обозначения субъекта состояния, как обусловленного внешними факторами, так и внутреннего физического или психического состояния; в этом последнем случае дат. падеж явно предпочитался, а при таких предикативных наречиях как *зябко, тошно, сиротливо, одиноко, завидно* и под. он был и остается единственно возможной формой обозначения носителя состояния.

Распространенность и явная предпочитаемость дательного падежа подтверждается и тем, что в предложениях с *нет*, где критерий внутреннего или внешнего «исхождения» признака не являлся определяющим и где поэтому форма родит. падежа с предлогом *для* была вполне возможна, в XVIII — первой пол. XIX в. явно преобладает дательный падеж, регулярно отмечаемый в таких конструкциях и в последующие десятилетия.

Ворчит: «*Мне нужды нет,* Пускай погибнет целый свет» (В. Майк., Наказание ворожее); *Приуготовленному человеку нет ничего незапного* (А. М. Кутузов, п. А. И. Плещеевой, 14/28 дек. 1790); [Поликсена] *На земле мне нет уж тишины, Мне нет уже отрад и нет надежды боле* (Озеров, Поликсена, IV, 1); *Здесь им отдыха нет,* а между тем нет и рассеяния (Вяземск., п. жене, 3 июня 1826); [Молодой человек] *...нам Причины нет печалиться* (Пушк., Пир во вр. чумы); *Нет ничего ему невозможного* (Атеней, 1828, № 23); Нет у вас родины, *нет вам изгнания* (Лерм., Тучи); *Тебе уж возрожденья нет* (Тютч., Сижу задумчив и один); *Мне вовсе нет особенной приятности думать...* (Черн., п. Н. Некрасову, 5 ноября 1856); *Лизе ничего опасного нет выходить замуж* (Л. Толст., п. жене, 1870, б. ч.).

---

[11] Показательно, что в адъективных сочетаниях *для* с род. падежом, отмечаемое в памятниках только с XVIII в., обозначает объект именно внешнего, объективно данного признака: *опасен, смертелен, тесен, тягостен* и т. п. *для кого*. См.: Р. С. Астрина. Адъективные словосочетания с дательным беспредложным в русск. языке XVII—XVIII вв. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та», 1960, № 148. Русск. язык, вып. 10, стр. 338 и сл. См. также: Л. Р. Евсеева. Употребление дат. беспредложного и родит. падежа с предлогом *для* при кратких и полных формах имени прилагательного. «Уч. зап. Дагестанского гос. ун-та», т. 8. Саратов, 1962.

Активное распространение родит. падежа с предлогом *для* в наречных и наречно-инфинитивных предложениях с формой на *-о* начинается со второй четверти XIX в. С этого времени отмеченное выше семантическое отличие его от дат. падежа начинает постепенно стираться:

Для него всегда *странно казалось смотреть* на огромное количество дворовых слуг (Жих., Зап. совр., II, 23 дек. 1806); *Не меньше и для нас было любопытно видеть японскую женщину* (Рикорд, Зап.); *Желать смерти для меня понятно* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 23 мая 1819); [Фамусов] Хоть честный человек, хоть нет, *для нас равнехонько* (Гриб., Горе от у., II, 5); *Для ума их в России тесно* (Из показаний В. М. Штейнгеля); *Для русского больно не иметь нации* (П. Г. Каховск., п. Ник. I); *Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно* (Пушк., п. В. А. Жуковскому, 31 окт. 1824); *Уже видеть графиню каждый день было для него необходимо* (Пушк., А. П. В., I); *Сделаться любовником известной красавицы было бы слишком трудно для начинающего* (Лерм., Кн. Л., III); *Для вас ... приятнее видеть свадьбу,* чем похороны (Марл., Испытание, VIII); *Было бы для меня больно и грустно, и досадно, и ничем не заплатимо,* если бы ... (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 3/17 июля 1841); *Лучше было бы забыть эти тяжелые напоминовения для вас ... да и для нас* (Герц., Б. и д., 1, I); *Для всех уже очевидно теперь,* что *необходимо для нас знать* о себе правду (Черн., «Губ. оч.» Щедрина); *Для режима наследственной опеки необходимо,* чтобы ... (Русск. богатство, 1880, май).

Ср. в безличных предложениях других типов:

Для молодой девушки главное выйти замуж (Гриб. и Катенин, Студент, II, 5); Это *для меня была бы пустая выгода рассказывать,* что... (ЖДНП, 1823, май); Но *для небесного могилы нет* (Лерм., 1831-го июня 11 дня); *Для г. Репина не чудо произвести в массе публики разногласия* (Стасов, Худож. выст. 1879 г.); *Просить же у Левинского для меня нож* (Чех., п. Н. А. Лейкину, 7 окт. 1887).

Во второй половине и в конце XIX в. конструкции с родит. падежом с предлогом *для* получают массовую употребительность; смысловые различия построений типа *мне полезно — для меня полезно* окончательно стираются.

В целом в литературном языке XIX в. в безличных предложениях можно констатировать тенденцию к расширению употребительности родит. падежа с предлогом *для* при обозначении субъекта состояния — за счет соответствующих форм. дат. падежа.

Этот процесс был отражением общей активизации и развития новых значений у построений с «*для* с родит. падежом» в системе глагольных и именных словосочетаний.

На протяжении XIX в. дат. падеж уступал свои позиции и в других случаях колеблющихся употреблений. Так, в XVIII — нач. XIX в. имели место колебания типа *мне на сердце стало легче — у меня на сердце стало легче*; *мне нет времени ждать — у меня нет времени ждать*. В первой половине XIX в. формы дат. падежа в этом соотношении были явно преобладающими.

Мне нет времени ждать (В. Е., 1802, № 18); *Ему теперь нет времени* (Жих., Зап. совр., II, 27 янв. 1807); На здешних дачах... *нет им средств жить* (Вяземск., п. жене, 25 мая 1826); Она бежит, он все вослед, И *сил уже бежать ей нет* (Пушк., Е. О., 5, XIV); Есть силы, *нет мне воли* (Кюхельб., Они моих страданий не поймут); *Мне*, право, *нет времени да нет и охоты пугаться*! (Марл., Страшн. гадание).

Однако постепенно употребление дат. падежа в таких построениях ограничивается и конструкции типа *у меня нет времени ждать*, *у неё нет сил бежать* оказываются возобладавшими,— так же, как и в предложениях утвердительных (*у меня есть время ждать*).

В развитии соотношений типа *ей дурно — с ней дурно* построения с дат. падежом также постепенно ограничиваются в употреблении [12]. Во второй половине XIX в. построения с творит. падежом с предлогом *с* явно расширяют употребительность.

Со мной дурно сделалось (С.-Щ., Губ. оч., Талантл. натуры, Горехвастов); *С нею дурно* (Черн., Что делать? II); *С героиней делается дурно* (Будильн., 1865, № 11); *С ним сделалось дурно* (Судебн. заключ. 1882 г.).

Активизация этих конструкций шла в общем русле развития предложений типа *с ней обморок*, *удар* и т. п.

Развитие конструктивных усложнений в системе наречно-инфинитивных предложений

§ 5. Как уже отмечено выше, в языке конца XVIII в.— нач. XIX в. наречно-инфинитивные предложения типа *немудрено узнать*, *жить здесь скучно* в смысле расположения своих главных компонентов были довольно определенны и структурно просты: предикативное наречие и инфинитив обычно находились в непосредственном соседстве [13] и были синтаксически нераздельны.

В палатках целое лето *жить было несколько жутко и*

---

[12] Ср. в двусоставных предложениях: Глаза ее закрылись; *ей сделалась дурнота* (В. Е., 1802, № 14); *Ему сделался удар* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, V).

[13] Аналогичное положение отмечается и для более ранних эпох. См., например: А. М. Смирнова. Безличные предложения со словами категории состояния, выражающими оценку действия или состояния, в памятниках литературы и деловой письменности XVI в. «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. XVII, Кафедра русск. языка. Филол. науки, вып. V, ч. 3, 1958.

скучновато (Болот., 1, 33); *Жить в Петербурге очень дорого* (Карамз., п. В. М. Карамзину, 12 июня 1816).

В процессе выработки новых форм логически расчлененного изложения этот исконный тип наречно-инфинитивных предложений видоизменяется и конструктивно усложняется. В конце XVIII — нач. XIX в. в письменной речи довольно широкое распространение получают предложения, в которых инфинитив вынесен вперед, отделен от предикативного наречия несколькими словами или целой конструкцией и ему противопоставлен.

Искать приличных слов К тому, что в множестве веков Блистало толь отменно, *Напрасно было бы, и было б дерзновенно* (Богд., Душенька, 1).

Такое расчленение инфинитива и предикативного наречия обычно отмечается тогда, когда последнее заключает в себе оценочно-характеризующее значение.

Отереть слезы бедного, *отвратить* грозную бурю от своего брата гораздо *похвальнее и важнее*, нежели приласкать человека добрым словом или улыбкою (Карамз., Нечто о науках); Я отвечал, что *бывать* у Александра Львовича *и не быть представленным* его супруге *было бы очень странно и неучтиво* (Жих., Зап. совр., II, 27 янв. 1807); [Эльмира] Подумайте — *читать* письмо чужое *низко* (Гриб., Мол. супруги, 13).

В последующие десятилетия, на протяжении всего XIX в. такие предложения укрепляются и в письменной речи получают устойчивую употребительность.

Но *пренебрегать* своими предками из опасения шуток гг. Полевого, Греча и Булгарина *не похвально*, а *не дорожить* своими правами и преимуществами *глупо* (Пушк., Новые выходки...); *Надеяться* на неизвестное в будущем и *презирать* возможное в настоящем *не будет ли несправедливо*? (Моск. телеграф, 1825, № 3); *Остаться* здесь, в старом овине, так близко от спящих палачей своих, *было бы безрассудно* (Лерм., (Вадим), XVIII); Иль вера в бога пустяки? *Сказать*, что нет его,— *смешно*; *Сказать*, что есть он,— *мудрено* (Полеж., Ал. Петр. Лозовскому); Но *выбрать* самую сухую и ограниченную эпоху русского самовластья и, опираясь на батюшку-царя, *вооружаться* против частных злоупотреблений аристократии, развитой и поддержанной той же царской властью,— *нелепо и вредно* (Герц., Б. и д., 4, XXX); *Требовать*, чтобы они в твоей голове уложили твои же противоречия,— *несправедливо* (Помяловск., Молотов); *Говорить* в этих случаях простым, базаровским языком гораздо *благоразумнее и достойнее* мыслящего человека (Писарев, Реалисты, X); *Перемешать* нашу и галицкую южнорусскую литературу в большинстве случаев, если не во всех, *будет рискованно* (Пыпин, Особая история русск. лит-ры, В. Е., 1890, сент.).

Несомненно, что в процессе усложнения структуры таких предложений отношения между инфинитивом и наречием в них претерпевали существенные изменения; появлявшаяся между инфинитивом и наречием пауза сказуемости отчетливо членила эти предложения на два состава. Точные языковые критерии того, когда такое предложение перестает быть безличным и становится двусоставным, не определены, хотя исследователи неоднократно обращались к этому вопросу [14]. Но общие условия, способствующие расчленению наречно-инфинитивного предложения на два состава, ясны: это препозиция инфинитива [15]; интонационное разделение инфинитива и предикативного наречия; их внешняя разъединенность, обусловленная распространенностью предикативно сочетающихся синтагм и устраняющая непосредственное примыкание; оценочно-характеризующее значение предикативного наречия. В языке XIX в. конструкции, развившие в себе сумму этих структурно-смысловых примет, были очень активны.

Показательно, что аналогичная тенденция к структурному осложнению и расчленению обрастающих дополнительными элементами компонентов наблюдается и в предложениях с формой творит. падежа.

Убить человека, столь сильно меня обидевшего, *казалось* мне *предосудительным* (Марл., Страшн. гадание); *Умолчать* о непосредственном получении их от графа *казалось* нам обоим слишком уже *бессовестным* (Сверб., Зап., II).

Изменения в соотношениях форм на *-о* и творительного предикативного в составе безличных предложений

§ 6. Во второй половине и в конце XVIII в. в предложениях с инфинитивом и в предложениях, вводящих придаточное, активно развивается соотношение формы на *-о* и формы творит. падежа

[14] Из последних работ см.: К. А. Тимофеев. Инфинитивные предложения в совр. русск. языке. Докт. дисс. М., 1951, стр. 238 и сл. (машинопись); А. И. Моисеев. Синтаксические наблюдения над употреблением инфинитива в русск. языке. «Уч. зап. ЛГУ» № 180. Серия филол. наук, вып. 21, 1955, стр. 48—69; L. Ďurovič. Predikatívne slová na *-o* s infinitívom a vedl'ajšou vetou v sučasnej ruštině. «Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR». Praha, 1956, № 4; M. Zatovkaňuk. Identifikace adjektivních a neohebných tvarů na *-o*. «Slavia», XXVIII, 1959, 1; В. М. Панфилов. К истории развития категории состояния или предикативов в русск. языке. Автореф. канд. дисс. Красноярск, 1961, стр. 13—14. (В этой последней работе видим неудачную попытку подменить синтаксический анализ школьным приемом «разбора», опирающимся на лексико-словообразовательные связи инфинитива с именами существительными).

[15] Утверждение структурного тождества моделей *весело кататься* и *кататься весело* находим в работе: C. L. Ebeling. Subject and predicate, especially in Russian. Dutch contributions to the Fourth International congress of slavists, 's-Gravenhage, 1958. Резюме см. в кн.: «Четвертый Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. 2. М., 1962, стр. 216—217.

(*было, казалось удивительно — было, казалось удивительным*) [16]. Такое соотношение отмечается при следующих условиях:

1) В предложениях с формами связки *было, будет.*

Отказаться от сего *было дурно и постыдно* (Болот., 1, 33); Ибо *не столь полезно было нравиться* государю, *сколь ужасно было не понравиться* визирю (В. Е., 1802, № 15).

Его *бояться*, как прежде, мне уже не годилось и *было бы излишним* (Болот., 1, 18); Здесь *неизлишним будет заметить* насчет многолюдства и трудолюбия японцев, что... (Головн., Зап., 1).

2) В предложениях с полузнаменательными глаголами *почитаться, казаться, сделаться, оказаться, учиниться, являться* (в знач. «казаться»).

Пристойно кажется, чтобы бездушным вещам быть ни мужеского, ни женского, но некоего третиего рода (Лом., Росс. грам., § 61); Ее императорскому величеству *известно учинилось*, что... (Шаховск., Зап., 1); *Странно кажется*, что... (Держ., п. И. В. Гудовичу, 30 марта 1786); *Покажется* иному *смешно*, иному *низко*, иному *нелепо*, что... (Радищ., Житие Уш.).

Кажется неминуемо здешних поселян *вооружить* (А. И. Бибиков, п. З. Г. Чернышеву, 30 дек. 1773); Мне весьма *трудно является* сии народы в христианский закон *привести* (Щербат., Статистика, V, I); Дяде *казалось* уже *неприлично переменить* свое намерение (Болот., 1, 18).

Ему *казалось сомнительным,* чтоб... (Головн., Зап. 1). Мне чрезвычайно *показалось любопытным взглянуть* на это состязание птиц (Жих., Зап. совр., I, 25 апр. 1805); *Продолжать* толь неудовлетворительные переговоры... *оказалось* вовсе *бесполезным* (Рикорд, Зап.).

В конце XVIII в. творит. падеж. в таких конструкциях представлен еще нерегулярно; формы на *-о* здесь явно преобладают. Показательно, что формы творит. падежа в это время фиксируются еще далеко не при всех полузнаменательных глаголах.

Конструкции с формой на *-о* удерживаются на всем протяжении XIX в.: они не устаревают и сохраняют употребительность во всех сферах речи; во многих случаях они оказываются предпочитаемыми. Так, в вводящих придаточное предложениях с

---

[16] Рассматривать здесь творит. падеж как форму безлично-предикативного слова на *-о* нет никаких оснований. Интересно, что А. И. Моисеев, анализируя такие конструкции и выдвинув тезис о том, что «безлично-предикативные слова имеют как бы своеобразный номинатив, сравнительную степень и творительный падеж», практически отказывается от этого положения, тут же утверждая, что в этих построениях «форма творительного падежа, конечно, уже не является безлично-предикативным словом» (См.: А. И. Моисеев. Синтаксические наблюдения... , стр. 66).

было, будет формы на *-о* практически не знали соотношения с формами творит. падежа.

Не удивительно будет, если... (Жих., Зап. совр., II, 17 янв. 1807); Весьма *хорошо будет*, естьли... (Рикорд, Зап.); *Желательно бы было*, для полноты нашей литературы, чтобы... (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *Было бы неестественно*, если бы... (Доброл., Опыт отучения людей от пищи); *Удивительно было бы*, если бы... (Там же).

В наречно-инфинитивных предложениях с *было, будет* форма на *-о* также была очень устойчивой; такие построения на протяжении всего XIX в. явно преобладают над построениями с творительным.

А *любопытно было бы знать* настоящие его мысли о «Дмитрии» (Жих., Зап. совр., II, 18 янв. 1807); *Непростительно было* (особенно в мои лета) пародировать, в угождение черни, девственное, поэтическое создание (Пушк. (Опровержение на критики)); В высшей степени *было бы нелепо и странно не сделать* того добра, которое мы можем сделать (В. Милютин, Мальтус и его противники, Совр., 1847, т. V); Но *безумно было бы требовать* от натуры, хотя бы и великой, того, чего в нее не было вложено (Стасов, О знач. Иванова); Но *было бы смело сказать*, что ... (Пыпин, Особая истории русск. лит-ры, В. Е., 1890, сент.); *Было бы* чрезвычайно *интересно проследить* причины этого явления (Корол., В голодн. год, VIII); Может быть, *не бесполезно было бы* тебе *съездить* в Петербург (В. И. Ленин, п. М. А. Ульяновой, 1 сент. 1901. Соч., т. 37, стр. 258).

Творит. падеж с примыкающим к нему инфинитивом в предложениях с *было, будет* был явно ограничен лексически: первоначально здесь выступают формы слов *излишне*[17], *необходимо*, и лишь к концу XIX в. распространяется в этих конструкциях употребление форм других слов.

Кажется, *не излишним будет обойти круг общежития*, в котором Фонвизин занимал столь почетное место (Вяземск.,

---

[17] По отношению к конструкциям, организуемым словами *излишно — излишне* и *лишнее — излишнее* фиксируются колебания самих слов в их разных категориальных значениях. В XVIII в. отмечаются построения со всеми названными формами: *вступать в изъяснения будет излишно* (А. М. Кутузов), *излишне маркизу жаловаться* (Кант.), *лишнее будет входить во все подробности* (Чулк.), *излишнее было бы благодарить тебя* (И. В. Лопухин). В XIX в. форма *излишно* выходит из употребления, относительно редко отмечается и форма *излишне*; по-видимому, как фактор индивидуального употребления можно отметить форму *лишне* (Сверх того *не лишне было ознакомиться* и с характером моей новой пациентки. С.-Щ., Губ. оч., Казуси. обстоятельства, Матушка Мавра Кузьмовна, II). Развитие конструкций с творит. падежом определило закрепление в литературном языке XIX в. построений со склоняемыми формами — *излишнее, лишнее* (первая форма преобладает в XVIII в. — нач. XIX в., вторая активна на всем протяжении XIX в.).

Фонвизин, V); Для читателя *будет не лишним познакомиться* с сими двумя крепостными людьми нашего героя (Гоголь, М. д., 1, II); Я не думаю, *чтоб было излишним сказать* несколько слов о содержании дворовых (Герц., Б. и д., 1, II); *Было* крайне *необходимым* не только *наблюдать* за точным исполнением докторских предписаний, но и *охранять* его собственность от расхищения прислуги (Завалиш., Зап. декабр., 3, X); *Было бы справедливым упразднить* добавочные (Чех., п. Н. А. Лейкину, 12 янв. 1887); По этому поводу, может быть, *не лишним будет сказать* два слова о жалобах на фабрикантов и инспекторов... (Ленин, Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах, V. Соч., т. 2, стр. 38).

Таким образом, регулярное соотношение было только в предложениях с полусвязочными глаголами *бывать, казаться, сделаться, учиниться, сказаться* и под. В этих конструкциях творит. падеж активно развивался — под влиянием аналогичных форм сказуемого двусоставного предложения. Быстрое развитие построений с творит. падежом естественно влекло за собой некоторый спад активности соотносительных построений с формами на *-о*. Однако на протяжении XIX в. эти две равнозначные конструкции сосуществуют без каких-либо ясно выраженных функциональных или жанрово-стилистических различий.

Построения с формой на *-о*:

Шиллеру *показалось* очень *досадно*, что... (Гоголь, Невск. просп.); Иному *покажется смешно*, что... (Дружинин, Пол. Сакс, II); *Невероятно кажется* воображению, чтоб... (Дост., п. жене, 21 июля 1874); Как он пробил себе трудный путь жизни, мне *осталось неизвестно* (Сверб., Зап., I); Ему *показалось странно*, что... (Боборык., Китай-город, 4, XXXIII); В прежнее время, еще не очень далекое, полагалось (и *бывало* действительно *справедливо*), что... (А. Н. Пыпин, Особая история русс. лит-ры, В. Е., 1890, сент.); *Становится известно*, что... (Корол., Дело Бейлиса, Присяжные ответили).

Ему *показалось забавно сделать* из меня неприятеля (Пушк., п. П. Вяземскому, 1 сент. 1822); *Играть роль* в этой комедии *казалось* Чарскому очень *неприятно* (Пушк., Егип. ночи, III); Но как гг. офицеры начали приглашать, то ему *показалось* очень *несогласно* с правилами общежития *отказаться* (Гоголь, Коляска); Мне *казалось неделикатно*, после насильственной разлуки, настаивать на добровольной (Герц., Б. и д., 3, XXII); *Несносно казалось* ему *не иметь* ни минуты покоя (Засодимск., Темн. силы, VI); Ему *казалось дико и нелогично сердиться* на них (Помяловск., Мещ. счастье); Просто *становится трудно поверить*, что... (Корол., п. Э. И. Короленко и М. Г. Лошкаревой, 6 окт. 1895).

Построения с формой творит. падежа:

Нам *казалось невероятным,* чтоб... (Борат., п. Жуковск., 1823); Мне *казалось* однако довольно *странным,* что... (Пушк., Письмо к изд. Моск. вестн.»); Между тем довольно *странным* покажется, что... (Телеск., 1831, № 2); Ему самому *казалось удивительным,* что... (Погорельск., Монастырка, 2, XXI); *Да не покажется* читателю *странным,* что... (Гоголь, М. д., 1, IX); Тебе, может быть, *покажется странным,* если... (Бутк., Пб. верш., 1, Почтен. человек, I); Все это прошло, даже *становится невероятным,* что было (Герц., Сорока-воровка); Может быть, *покажется странным,* что... (С. Акс., Сем. хрон., Жизнь в Уфе); Потом мне *показалось* немного *подозрительным,* чтобы... (Панаев, Лит. воспом., 1, II); Молотову *невероятным казалось,* чтобы... (Помяловск., Мещ. счастье); Вам *может казаться странным,* что... (Черн., Что делать?, 2, XIII); Мне все-таки *показалось неестественным,* что... (Дост., Идиот, 2, VIII); Им *показалось обидным,* что... (Тург., Лит. и жит. воспом., III); *Казалось бы* вполне *естественным,* чтобы... (Милютин, Дневн., I, 15 авг. 1873); Мне *осталось неизвестным,* откуда и как вышел на свет г. Андреев (Сверб., Зап., I); Наконец ему *делается необходимым,* чтобы... (Русск. богатство, 1880, май); *Осталось неизвестным,* пользовался ли он ее взаимностью (Бусл., Мои воспом., В. Е., 1890, окт.).

Мне *казалось унизительным ломать голову* над парою стихов и *насиловать* самого себя (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, I, 3); Теперь и более *сделалось* для меня *невозможным сохранить* какую-нибудь точность в переписке (Жуковск., п. А. П. Юшковой, 21 февр. 1826); *Притвориться* ничего не примечающим *казалось* ему *глупым*; *смеяться* над несчастием столь обыкновенным — *презрительным*; *сердиться* не на шутку — слишком *шумным* (Пушк., На углу маленькой площади..., II); Пестель возражал на это, что ему напротив *кажется и справедливым и необходимым поддержать* одобренный обществом устав (Из показаний К. Ф. Рылеева); *Сделалось невозможным отнимать* богатства (Атеней, 1828, № 22); В наше время уже *сделалось непростительным* человеку, как говорят, образованному, *не уметь* определить себе круга занятий (В. Одоевск., Русск. ночи, 2); Для меня, ученика семинарии, *казалось трудным и даже неприличным писать* о таких суетных предметах (Герц., Докт. Круп., I); Мне *показалось постыдным не отвечать* откровенностью на его честную откровенность (Тург., Ася, XIV); *Оказывалось нужным написать* какой-то адрес на конверте письма (С.-Щ., Губ. оч., Мои знакомцы, Княжна Анна Львовна); *Показалось* ему *смешным поддаться* какому бы то ни было нежному чувству (Славутинск., Читальщица, V); О князе вдруг *стало возможным говорить* вслух (Дост., Идиот, 2, I); Но билета во вз. кредите *заложить оказалось невозмож-*

ным (Дост., п. жене, 6 июня 1874); *Разобраться* в запутывавшей его массе впечатлений ему *становится невозможным* (Златоватск., Устои, 2, 3, I); Доводит притеснения до такой степени, что *становится невозможным разбирать* особо каждый случай (Ленин, Проект и объяснение программы с.-д. партии. Соч., т. 2, стр. 90).

Показательно, что к концу XIX в. расширяется самый круг полузнаменательных глаголов, сочетающихся в безличных конструкциях с формой творит. падежа: относительно позднее распространение получают в этих построениях глаголы *стать, становиться, остаться* (*стало, становилось невероятным, осталось неизвестным*).

Изменения в семантике предложений со значением возможности и долженствования в связи с развитием их соотношений с безличными предложениями других типов

§ 7. В конце XVIII — нач. XIX в. круг внутренних значений наречных безличных предложений со словами *льзя, можно, надобно, нужно, должно, нельзя, неможно, возможно, невозможно* был несколько иным, чем в литературном языке конца XIX и XX в. Выражая разные оттенки необходимости, долженствования, целесообразности, вынужденности, предстояния или предположительности, конструкции эти в некоторых случаях характеризовались способностью преимущественного обозначения какого-нибудь частного оттенка одного из названных общих значений. На протяжении XIX в., взаимодействуя с близкими или совпадающими по значению предложениями других структур, эти безличные конструкции претерпевали определенные изменения как со стороны своей семантики, так и со стороны употребительности.

В конце XVIII — нач. XIX в. в предложениях с дательным субъекта, строящихся со словами *можно, нельзя, неможно, возможно, невозможно* в сочетании с инфинитивом, ярко выражено было значение субъективной необходимости, обязательности, исходящей из внутреннего состояния субъекта.

[Офелия] *Возможно ли тебе* Офелью *не любить*? (Сумарок., Гамлет, III, 3); [Лукьян] Мне кажется, *никому нельзя* так много *любить*, как я тебя люблю (Княжн., Несч. от кареты, I, 2); [Князь] Она здесь и здорова, а *спокойной ей быть невозможно*, считая тебя мертвым (Коппев, Обращ. мизантроп, IV, 5); Узнал я тогда, что никак *мне неможно* было без вас *быть спокойным* (Чулк., Пригож. повариха); Истинно *невозможно мне изъяснить* того, что я чувствовал и чувствую (А. М. Кутузов, п. Е. И. Голенищевой, 14/26 янв. 1791); Говоря о Берг-Коллегии, *не можно мне не упомянуть* о учрежден-

ном при оной Горном училище (Щербат., Статистика, VI); [София] Я не достойна любви твоей. Никакое раскаяние не может мне возвратить ее. *Тебе нельзя простить меня, нельзя* (Карамз., София, II); *Нельзя мне* долее *таиться,* Давно плененному тобой! (Вост., Светлана и Мстислав, 2); *Мне нельзя подвергнуть* своей чести малейшему бесславию (Рикорд, Зап.); Но *как же можно было тебе казать* пиесу Карамзину? Не мудрено было догадаться, что он потребует очистки (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 18 апр. 1819); *Нам нельзя не проклинать* часа рождения своего (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 21 ноября 1820); [Фамусов] В мои лета *Не можно же пускаться мне в присядку* (Гриб., Горе от у., II, 2); [Дона Анна] Я грешу, Вас слушая,— *мне вас любить нельзя* (Пушк., К. гость, III); Вы присутственны моему сердцу, как мое прошедшее. *Мне с вами нельзя раздружиться* — это верно и навсегда! (Жуковск., п. А. П. Юшковой, 11 янв. 1823). Это значение обнаруживается и в предложениях с *должно:*

Но братья мои гибнут, и *мне должно умереть* с ними (Карамз., Марфа Посадн., 3); [Филалет] Все нервы его трепещут в живейшем восторге... Но что же? *Восторгу его,* по свойству, образованию души человеческой, минута от минуты *должно ослабевать* (Карамз., Разг. о щастии); Искусному *переводчику должно вникать* в свойство языка своего и *не располагать* ему по чужим выражениям (Шишк., Рассужд.); Имея на руках опекунство, *вам и думать не должно* о поездке в Дерпт (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 26 апр. 1815); Но *розе* суточной *должно временем дорожить:* для нее завтра не существует (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 19 дек. 1819); *Журналу должно иметь свою физиономию,* свой взгляд, свой дух (Вяземск, п. А. И. Тургеневу, 29 янв. 1821).

Безличные предложения, обозначавшие субъективную необходимость, находились в регулярном соотношении с личными предложениями с *мочь, должен* с тем же значением: *мне нельзя быть спокойным — я не могу быть спокойным: тебе не можно простить меня — ты не можешь простить меня; мне должно умереть с ними — я должен умереть с ними; мне невозможно объясниться — я не могу объясниться* и т. п. [18], ср.:

[Блестов] А вот они идут! — Однакож *не могу* С обеими теперь *быть вместе,*— убегу! (Гриб. и Жандр, Притворн. неверность, 3); Он мнил, безжалостный отец, что узы пламенных сердец *Мог разорвать* (Козлов, Чернец, VI).

---

[18] «К модальным безличным предикативам типа *надо, нужно, можно, нельзя, необходимо, несовможно, должно,* устар. *надобно* и др. теснейшим образом примыкают сочетания типа *я должен, я должна, мы должны* в значении «musém» или «mám (niečo urobit')» (А. В. Исаченко. Грамматический строй русск. языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 1. Братислава, 1954, стр. 336).

Каких-либо жанрово-стилистических различий в употреблении безличных и личных конструкций здесь, по-видимому, не существовало. На протяжении XIX в. употребление таких безличных конструкций последовательно сокращается: значению исходящей от определенного субъекта обязательности, внутренней необходимости более соответствовала форма личного предложения. Дольше других удерживаются предложения с этим значением со словами *нельзя, невозможно:* до 70—80-х годов XIX в. они отмечаются у разных писателей, в публицистике, в частной переписке и мемуарах.

Вот некоторые характерные примеры из памятников середины и второй половины XIX в.

Мне нельзя скрыть от тебя того, что я люблю Теолину (Б-ка для чт., 1834, № 12); *Мне невозможно* долее *притворяться*, мне нужны помощь и советы дружбы (Пушк., Роман в п., 6); — Княгиня,— сказал я: *мне невозможно отвечать* вам; позвольте мне поговорить с вашей дочерью наедине (Лерм., Кн. Мери, 27 июня); Забыл я шум младых проказ, Любовь, поэзию — но вас *Забыть мне было невозможно* (Лерм., Я к вам пишу: случайно! право...); А *мне нельзя ж свиньей явиться* в гостиную (Вельтм., Саломея, 3, II); Я не поеду! Я хоть в отставку! *Мне нельзя оставить* Марьи Ивановны (Там же, 10, IV); *Мне уже нельзя помышлять* ни об университетских лекциях, ни об окончании работ (Тург., Накануне, XXIII); *Ей нельзя было ненавидеть* мужа, иначе она погибла бы (Помяловск., Молотов); Но *мне невозможно высказаться...* поймите это (Помяловск., Мещ. счастье); *Этому желанию нельзя исполниться* (Черн., Что делать? 2, IV); Но *мне невозможно не сказать вам* откровенно моего мнения (Герц., Б. и д., 4, XXXII); Взгляд этот... уже не раз проявлялся в известных судебных процессах, и потому *мне нельзя оставить* его без внимания (Речь прокурора П. Н. Обнинского, 1880); Сам инспектор признает, что *ему нельзя открыть обмана,* если не укажут рабочие (Ленин, Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах, VI. Соч., т. 2, стр. 46).

Однако к концу века употребление таких предложений явно сокращается и значение субъективной необходимости сосредоточивается в личных двусоставных предложениях.

§ 8. В наречно-инфинитивных предложениях с *должно, надобно* с инфинитивом глаголов *быть, случиться* и с дательным субъекта в конце XVIII — нач. XIX в. активным было значение предположительности.

[Стародум] В минуты, когда мысль их обращается на их состояние, *какому аду должно быть* в душах и мужа, и жены? (Фонв., Недоросль, IV, 2); Мне пришли на мысль дни погребения родных моих, и *какому должно быть моему погребению*

(Фонв., Журнал путеш. в Ригу, Бальдон и Митаву, 1789); По обстоятельствам, *чудесам быть надобно*, коли вместо ожидаемой войны, услышим мы вести о вожделенном мире (А. И. Бибиков, п. Д. И. Фонв., 28 февр. 1773); Нетрудно было понять, что *надобно быть чему-нибудь необыкновенному* (Добрынин, Зап., XXII); Представь — дай волю воображенью — И рассуди ты это сам, *Какому должно быть движенью, Каким быть должно чудесам* В горящем сердце, в сердце новом, Когда ее увидел я? (Крыл., К другу моему); По сим речкам узнают коляне, *когда ветру надобно быть с гор Лапландии* (Озерецковск., Описание Колы); Мы решительно ничего не знаем, а *должно случиться чему-нибудь важному*, потому что кареты беспрестанно шныряют по Тверской (Жих., Зап. совр., I, 28 ноября 1805); Дерево срублено 1828. На нем *должно быть десяти кольцам*, если справедливо общее мнение (Телеск., 1831, № 2).

Безличные предложения со значением предположительности входили в систему регулярных соотношений с личными двусоставными предложениями с *должен: какому аду должно быть в его душе — какой ад должен быть в его душе*; *надобно случиться чему-то необыкновенному — должно случиться* (*случилось*) *что-то необыкновенное* [19]. Уже в первой четверти XIX в. личные предложения этого ряда возобладали над безличными; однако и они в свою очередь уступили место активизировавшимся во второй половине XIX в. построениям с вводным сочетанием *должно быть (должно быть, случилось что-то необыкновенное)*.

В предложениях с *надобно*, вводящих придаточное, таких прямых соотношений не было.

[Граф] *Надобно, чтоб* этот день назначен был к совершенному моему благополучию; я нашел здесь то, что мне всего дороже в свете (Копиев, Обращ. мизантроп, V, 8); *Надобно, чтоб* он был великий человек, потому что бесподобный сей государь удостаивал его своей доверенности (Челищ., Путеш.); А как в это время (сколько известно) никто из важных людей, кроме человека с железною маскою, не содержался в Бастилии, то *надобно, чтобы* журнал был его! (Карамз., П. р. п., мая 1790); *Надобно, чтобы* красота здешних мест сделала глубокое впечатление в Руссовой душе; все описания его так живы, и притом верны! (Там же, 1789).

---

[19] Ср.: [Граф] Однако кто-то едет. *Это должна быть она*; сердце мое привыкло ее узнавать (Копиев, Обращ. мизантроп, V, 6); Этот Нордек ехал так гордо, глядел так смело всем в глаза.., что.., признаюсь, меня взяла охота померять с ним силы, — *он должен быть славный человек* (Марл., Замок Нейгаузен, V); Известишь меня, ежели с Сережей будет не хорошо. *У него должен быть желудочный катарр* (Л. Толст., п. жене, 8 дек. 1864).

Однако и эти построения, калькирующие соответствующие конструкции французского языка, рано утратились. Функция выражения предположительности закрепилась за вводными словами и сочетаниями.

Итак, безличные наречные предложения, в которых значение субъекта состояния оказывалось в противоречии с объектной формой его выражения, были вытеснены личными конструкциями.

§ 9. Одним из характерных значений конструкций с *нельзя, чтобы; невозможно, чтобы; можно ли, что (чтобы)* было значение внутреннего недопущения.

[Гамлет] Проси, чтоб бог тебе вину твою простил. [Гертруда] *Нельзя, чтоб* он мне грех толь тяжкий отпустил (Сумарок., Гамлет, I, 3); Если же он с 27 на 28 число приходил домой ночевать, то *нельзя, чтоб* люди его принятой повестки ему не показали (Держ., рапорт кн. А. А. Вяземскому, 1779); *Можно ли, что* вы не писали ко мне от 14 февраля до 7 апреля? (Карамз., П. р. п., мая... 1790); [Фамусов] Да вместе вы зачем? *Нельзя, чтобы* случайно (Гриб., Горе от у., I, 4); [Оп а] Постой — *Нельзя, чтобы* навеки в самом деле Меня ты мог покинуть (Пушк., Русалка. Берег Днепра, Мельница); Вы хорошо сделали, что до сих пор не приступили к продаже хлеба. *Невозможно, чтоб* цены не возвысились (Пушк., п. И. М. Пеньковскому, 10 ноября 1834).

Такие предложения входили в соотношения с глагольными предложениями с *мочь: не может быть, чтобы*; *может ли быть, что.*

Уже к 40-м годам XIX в. глагольные предложения оказываются категорией возобладавшей, что естественно определялось активностью личных предложений с *мочь,* в течение XIX в. сосредоточивших в себе многие из тех частных значений возможности — невозможности, которые ранее выражались предложениями наречными.

Во второй половине XIX в. наречные конструкции со значением недопущения отмечаются редко, ср., например:

А там что скажет доктор. *Нельзя, чтобы* не вышло пользы (Дост., п. жене, 1/13 июня 1874).

Изменения в составе предикативных наречий, обозначающих возможность и долженствование, и связанные с этим процессы внутри соответствующих безличных предложений

§ 10. В XVIII в. в состав предикативных наречий, с участием которых строились предложения со значением возможности, необходимости, долженствования, входил ряд слов, позднее вышедших из литературного употребления. Так, потеряли употребительность

льзя, не можно, принуждено[20], *подлежательно*[21], *потребно*, позднéе — *должно, надобно*. Естественно, что, выходя из употребления, эти слова передавали свои функции организации соответствующей модели безличного предложения другим предикативным наречиям и словам других категорий. Вследствие этого сохранявшиеся слова *(надо, нельзя, можно, нужно, необходимо, возможно, невозможно)* и — соответственно — строящиеся с ними конструкции в ряде случаев становились семантически как бы более ёмкими.

Примером такого процесса может служить судьба конструкций со словом *нужно*. В XVIII в. значение необходимости в наречных безличных предложениях выражалось конструкциями с *нужно, надо, надобно, потребно, должно*. Значение внутренней, исходящей от субъекта необходимости построениями с *нужно* не выражалось: их функцией было выражение значения вынужденности, объективной необходимости, обязательности.

> Окажутся склонными и способными ко обучению высших наук и для того *нужно будет им остаться* при университете далее тех 20 лет их возраста (Нащокин, Зап.).

Ср. характерное соседство *дóлжно* и *нужно*, когда в первом случае *(дóлжно)* обозначается субъективная, внутренняя необходимость, а во втором (*нужно*) — вынужденность, т. е. необходимость, не связанная с внутренним состоянием субъекта:

> *Не должно* никогда неприятеля своего *презирать*, дабы, в случае нужды, *не нужно было* то с поспешением *делать*, что можно заблаговременно, с большими выгодами (Щербат., Статистика, II, I.)

С ослаблением активности построений с *дóлжно*, для которых выражение субъективной необходимости было одной из обычных функций, и в связи с общей тенденцией сосредоточения разных оттенков общего значения долженствования в относительно узком круге предикативно значимых форм, ко второй половине XIX в. в построениях с *нужно* вырабатывается функция выражения необходимости, исходящей из внутреннего состояния субъекта. Эта тенденция была поддержана и активизацией конструкций с *необходимо*, принявших на себя в качестве основной функцию выражения внешней обязательности. Такие процессы сложно переплетались с процессами изменения соотношений между безличными предложениями наречными и глагольными (см. § 17).

---

[20] А ежели надлежало ходить к мызнику, то *принуждено было обходить* двором под окнами с одного крыльца на другое (Болот., 1,34); Не нашли ни одного тетерева и ни одной птички, и *нам принуждено б было* с пустыми руками *идтить* домой, если б... (Там же, 1, 20); Рассеяли такой ужас в войске, что, как говорит Дион Агриппа, *принуждено было наказать* целый легион для удержания прочих в повиновении (ЖДНП, 1823, июль).

[21] [К р ю ч к о д е й] Того ради *подлежательно доправить* с тебя по самой справедливой справедливости бесчестья восемьдесят рублей (Матинск., СПб. гост. двор, I. 7).

Другой пример — история построений с *можно, нельзя* в их соотношении с построениями с *позволено, не позволено*.

Выражая объективную возможность или невозможность, предложения с *можно, нельзя* в XVIII — первых десятилетиях XIX в. находились в отношениях равнозначного соответствия с причастными предложениями с *позволено* (*не позволено*) с собственно безличным значением. Такие предложения, выражая всегда только объективную, не связанную с волей субъекта возможность или невозможность, отличались стилистической приподнятостью, свойственной вообще предложениям с собственно бессубъектным значением, сроднившимся с причастиями, образованными от глаголов велений, волеизъявлений (см. § 24).

В моих обстоятельствах *позволено*, кажется, *быть докучливым* (Карамз., п. М. Н. Муравьеву, 16 мая 1805); *Человеку в двадцать пять лет не позволено жить* для одного удовольствия (Карамз., Чувствит. и холодный); Государь мой! *позволено критиковать, но позволено ли клеветать*? (Шишк., Примеч. на критику, изд. в «Моск. Меркурии»); Но одно доброе *позволено говорить* об умерших, и справедливо (А. И. Тург., п. Вяземскому, 30 июля 1819); Если по одному *позволено судить* о многих, вот что я видел в доме богатого и знатного эмигранца (Гриб., Пут. зап., II); У вас есть мнение, что болезнь жены мечтательная, что она причудничает,— *позволено ли делать такие замечания* за две тысячи верст, не зная обстоятельств (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 10/22 июня 1847); *И рассеянному человеку позволено* хоть раз в жизни *сосредоточить* свои мысли *и принудить себя быть* вполне *рассудительным* (Совр., 1847, т. V).

Во второй половине и в конце XIX в. предложения с *позволено* в знач. «можно» (*не позволено* — «нельзя») — категория исчезающая: значение объективной возможности (невозможности) сосредоточивается в наречных предложениях с *можно — нельзя*.

Активность безличных предложений с *нужно, надо, нельзя, невозможно, можно, возможно* подтверждается и историей их соотношений с предложениями аналогичного значения с *нет, не было (мне нужно было поговорить — мне была надобность поговорить; невозможно понять — нет возможности понять*; ср.: *ему можно заняться чтением — ему есть возможность заняться чтением* и т. п.) [22]. В конце XVIII — первой половине XIX в. это соотношение было вполне реальным и «действующим». Случаи употребления обозначающих возможность или необходимость предложений типов *была возможность говорить — не было возможности говорить* в первой половине XIX в. довольно обычны; они отражаются и в

---

[22] Ср.: Ближайшим путем к нему *идтить была сущая невозможность* (Болот., I, 46).

языке некоторых писателей более поздней поры, например у Чернышевского:

Действительно ли *была ему возможность заняться* каким-нибудь ремеслом? (Черн., «Губ. оч.» Щедрина); *Мне*, разумеется, очень часто *была надобность оставлять* Некрасова и его гостей в зале и *уходить* в спальную одному, чтобы работать там (Черн., Воспом. об отнош. Тург. к Доброл.).

Здесь *не будет мне возможности избегнуть* его преследований (Пушк., Роман в письмах, 6); *Нет возможности* равнодушно смотреть на это лицо (В. Боткин, Письма об исп., Совр., 1847, дек.); Но *не полюбить* его *не было возможности*: сердце так и влеклось к нему (Тург., Ася, IV); Тогда *тебе не будет надобности прибегать* к этим ненадежным практическим выводам (М. Антонович, Письма отца к сыну); Играя помаленьку, каждый день, *возможности нет не выиграть* (Дост., п. жене, 22 мая 1867); *Ему не было надобности наживать* врагов (Гл. Усп., Разоренье, XI, 1).

Однако и в этом ряду соотношений безличные наречные предложения, строящиеся со словами *нужно, необходимо, невозможно* и т. п., оказались сильнейшим членом ряда; они характеризовались всеобщностью и массовостью употребления. Показательно, что двусоставные предложения описываемого значения сохранили употребительность лишь в ограниченных случаях (*случилась надобность, необходимость пойти* и т. п.).

§ 11. На фоне отмеченного выше общего сокращения состава безлично-предикативных слов со значениями возможности, долженствования и необходимости на протяжении изучаемого периода происходит и некоторое пополнение этого ряда: в XIX в. активизируется и завершается процесс перехода в разряд «предикативов» слова *необходимо;* во второй половине века в литературный язык входит несколько новых лексем, формирующих соответствующий тип предложения.

Наречие *необходимо* (в знач. «обязательно») в XVIII — нач. XIX в. свободно сочеталось со словами разных категорий, так или иначе обозначавшими необходимость, долженствование, обязательность: *необходимо нужен, необходимо надлежит ехать, необходимо должно знать, необходимо надобно быть, необходимо нужно, чтобы...* и т. п. Особенно употребительны были сочетания наречия с наречием (*необходимо должно, необходимо надобно, необходимо нужно);* такие сочетания и послужили основой вычленения *необходимо* в самостоятельное безлично-предикативное слово.

Употребление *необходимо* в роли главного члена безличного предложения в XVIII — нач. XIX в. отмечается как нерегулярное, часто при поддержке однозначного предикативного наречия той же семантической группы, например:

Тогда *нужно и необходимо вводить* новое (Речь гос. советника Порталиса, В. Е., 1802, № 3).

Однако с первых десятилетий XIX в. наречно-инфинитивные конструкции с *необходимо* начинают активно распространяться, проникая в самые разнообразные сферы речи.

Увидеть его *для меня* точно *необходимо*! (Жуковск., п. А. П. Киреевской, июль 1817); Уже *видеть* графиню каждый день *было для него необходимо* (Пушк., А. П. В., I); *Мне необходимо* иногда *слышать* ваш голос (И. Пущин, п. Е. А. Энгельгардту, 25 янв. 1840); Из этого *необходимо вывести* то *заключение*, что ... (Совр., 1847, т. V). Тоном, исполненным наивного убеждения, что действительно его *необходимо повесить* на фонарь (Герц., Долг прежде всего, IV).

Во второй половине XIX в. наречно-инфинитивные предложения с *необходимо* приобретают массовую употребительность. К этому же времени относится распространение безынфинитивных построений, по-видимому, первоначально в разговорной речи [23].

— Когда же вы, однако, думаете выехать? ... — *Мне необходимо* сегодня (Писемск., Тыс. душ, 2, VII); Хотел отыскать одну статейку в газетах ... крайне *необходимо* (Помяловск., Мещ. счастье); Да я же тебе говорю, что скоро вернусь. Мне *необходимо.— Необходимо...* Что ж? Прежде всего надо долг исполнять (Тург., Отцы и дети, XXI); Мне надо было выиграть. *Необходимо!* (Дост., п. жене, 22 мая 1867); Пожалуйте деньги... *Мне необходимо!* (Златовратск., Устои, 2, 3, I); Жалею, что не взял непромокаемого плаща. Здесь *необходимо* (Ленин, п. М. А. и М. И. Ульяновым, 18 мая 1897. Соч., т. 37, стр. 42).

Во второй половине XIX в. категория предикативных наречий пополняется словами *позволительно* и *немыслимо*.

Из этого, думаю, *позволительно извлечь вывод*... (Корол., В голодн. год, X).

Немыслимо, чтоб убийца, совершая преступление, оставлял все двери открытыми (Речь тов. прокурора М. Ф. Громницкого, 1867); *Проехать* тройкой тут *было немыслимо* (Фет, Мои воспом., I, X); Прислуги здесь найти нельзя, летом даже на время *немыслимо* никого *найти* (Ленин, п. М. А. Ульяновой, 30 сент. 1897. Соч., т. 37, стр. 61).

Итак, в развитии безличных наречных и наречно-инфинитивных предложений в русском литературном языке XIX в. обнаруживаются следующие основные тенденции:

тенденция к утрате устаревших моделей;

тенденция к структурному усложнению некоторых моделей;

тенденция к выработке дифференцированных средств выражения субъекта состояния;

[23] Замечание А. В. Исаченко о том, что «слово *необходимо* относится преимущественно к книжным стилям» (А. В. Исаченко. Грам. строй русск. яз., ч. 1, стр. 367), материалами XIX в. не подтверждается.

тенденция к передаче личным предложениям тех значений, которые, будучи обязательно связаны с представлением о субъекте состояния, так или иначе находились в противоречии с грамматической безличностью;

в системе предложений со значением долженствования, возможности, необходимости — тенденция к упорядочению набора слов, выступающих в качестве предикативного центра предложения, и к концентрации разных оттенков общих значений в относительно узком круге построений.

ИЗМЕНЕНИЯ В ГЛАГОЛЬНЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Система глагольных безличных предложений в конце XVIII — нач. XIX в.

§ 12. В литературном языке второй половины XVIII — нач. XIX в. глагольные безличные предложения были представлены сложной и разветвленной системой моделей. Это были как собственно глагольные предложения, так и предложения, строящиеся соединением спрягаемой формы глагола с инфинитивом. Безличные предложения строились или собственно безличными глаголами, или личными глаголами в безличном употреблении (без аффикса *-ся* и с аффиксом *-ся*) [24].

Безличные глаголы без аффикса *-ся* участвовали в формировании как собственно глагольных предложений, так и предложений, строящихся сочетанием спрягаемой формы глагола с инфинитивом: *родителю полегчало, нам не посчастливило, от него пашет вином, несет помадой, подмораживает, захолодало, засвежело, першит в горле, дыхание спирает, саднит, знобит, его всего повело; догадало меня поехать, его подмывало выйти, не личит тебе злословить, угораздило тебя выстрелить, надлежит знать* и т. п. Те же два вида предложений формировались безличными глаголами с аффиксом *-ся: ему не посчастливилось, непоздоровится, мастеру достанется от капитана, стошнилось, неможется, понездоровилось, неймется, так и осталось, мне сдается, что ..., разумеется, что ..., им не посидится, поется, перевалилось за тридцать, разведрится, распогодилось; приходится стреляться, привелось*

[24] Специальное описание глагольных безличных предложений в современном русском литературном языке см. в работах: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 200—201; Д. Н. Овсянико-Куликовский. Из синтаксических наблюдений; его же. Синтаксис русск. языка. Изд. 2. СПб., 1912; Н. Н. Дымарская-Бабалян. О безличных глаголах в совр. русск. языке. «Русск. яз. в шк.», 1956, № 2; Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения в совр. русск. языке. М., 1958; Е. А. Твердовская. Глагольные безличные предложения в совр. русск. лит. языке. М., 1955 (канд. дисс. и автореф.); J. Fodor. Subjektlose Sätze im modernen Russischen. «Studia Slavica Academiae scientiarum Hungaricae». T. III, 1. 1—4. Budapest, 1957; J. Bauer, R. Mrazek, St. Žaža. Příruční mluvnice ruštiny pro čechy. II. Skladba. Praha, 1960.

быть свидетелем, довелось нам ночевать в глухом месте, слуге наскучилось жить при мне, посчастливилось вступить в знакомство, рассудилось поехать, вздумалось попросить, красавице желается нарядиться, заблагорассудилось отвечать, не терпится прочесть.

Личные глаголы без аффикса *-ся* участвовали в формировании тех же двух видов безличных предложений: *храбрости прибудет, так иногда бывает с людьми, не выходит из головы, что ..., дошло до батюшки, редко проходило, чтобы ..., вышло иначе, дошло до драки, засело в голову, что ..., тает, дует, обсохло, моросит, больного трясет, шумит в ушах, разломило голову, в глазах зеленеет, в избе стихло, натекло с окошка, потягивает холодком, бурею прорвало мол, нас прибило к берегу; довлеет вступиться, предлежит кончить распрю, предстояло отправиться, стоит ли богатым быть, может статься, что..., не пристало ему быть музыкантом, прискучило таскаться, вспало на ум написать* и т. п. Те же два вида предложений формировались личными глаголами с аффиксом *-ся: об экзамене не упоминалось, такого здесь водится, о чем ей снилось, так и сделалось*; *случалось быть раздраженным, не удалось найти, ему недолго жить остается, спорить не годится, позволяется иметь аудиенцию, досталось ему командовать полком, учителя дразнить ни во что вменяется, понадобилось прибегнуть к займу.*

В системе предложений, строящихся с участием личного глагола, особое место занимали разной структуры предложения с формами глагола *быть: есть (было) о чем тужить, будь по-твоему, об отдыхе не было и в помышлении, будет тебе за труды.*

В особую группу выделялись предложения, в которых функцию стержневого слова выполняли неразложимые императивные сочетания устойчивого характера: *Дай боже мне* в Полыне *иметь бы дело* с одними поляками (Обрезков, п. Фонв., 1773); *Дай бог только здорову быть* (Хемн., п. М. А. и Н. А. Львовым, 2 июля 1783); *Даруй боже жить* здорово (М. Д. Бастидонова, п. Держ., 30 марта 1786); [Пан Чижевский] *Кривнуть душой нас бог оборони!* (Гриб. и Вяземск., Кто брат, кто сестра, 3); *избави нас боже угождать* кому-либо, *сохрани меня бог стать подражателем, дай нам господи жить и умереть вместе, сохрани боже ему быть счастливым, боже вас оборони уехать, спаси боже утаить, не приведи бог видеть, пошли бог силу принять эти уроки, благослови бог исполнить как задумано, храни тебя царица небесная забыть об этом.*

Рост употребительности глагольных безличных предложений в связи с пополнением класса собственно безличных и безлично употребляемых глаголов

§ 13. В языке XIX в. отмечается дальнейший рост употребительности и активизация безличных предложений, строящихся с собственно безличными глаголами. Этот процесс был связан с по-

полнением круга специально организующих эти предложения глагольных слов; многие личные глаголы в это время окончательно переходят в разряд безличных. Это было продолжение начавшегося ранее процесса становления категории собственно безличных глаголов на основе личных [25]. Естественно, что в результате такого перехода менялось и соотношение в употребительности личных и безличных конструкций с соответствующими глаголами.

В древнерусском языке круг собственно безличных глаголов был очень ограничен; до XVII в. не отмечается безличное употребление таких глаголов, как *водит, носит, манит, везет* и под.; безличное употребление глаголов с аффиксом *-ся* еще в XVII в. было ограничено возвратно-пассивными глаголами «бытийного» значения [26].

Еще в XVIII — первой половине XIX в. более или менее последовательно отмечаются случаи личного употребления таких ставших сейчас собственно безличными глаголов, как *вечереть, дождить, смеркаться, стемнеть, светать, рассветать, засвежеть, сгрустнуться, взгрустнуться, мечтаться, вериться, везти, стошнить, приспичить, подмывать, подобать, (не)доставать, (не)хватать, стать* (в знач. «хватить», «достать») и некоторых других. Эти глаголы уже в то время преимущественно употреблялись как безличные, но личное употребление их было еще возможно [27]. Это были случаи нерегулярного, остаточного употребления [28], однако тот факт, что относительно большая группа глаголов к XX в. полностью утратила существовавшие для нее еще в XIX в. возможности личного употребления, говорит об активно действовавшей в

[25] См. об этом: А. Е. Выгорбина. Предложения со сказуемым, выраженным «собственно безличным» глаголом. «Научные доклады высшей школы». Филол. науки, 1960, № 2. Автор пишет, что в обследованных ею памятниках старославянского языка и древнерусского языка XI—XV вв. «нет безличной формы, которую нельзя было бы вывести из личной» (стр. 58). См. ее же. Безличные предложения в древнерусском яз. В этой последней работе попытка доказать, что все безличные глаголы произошли из личных (в предложениях двусоставных), осуществляется слишком прямолинейно. Так, никакими материалами не подтверждается и не может быть подтверждено образование типа *ему нездоровится* от *он нездоровит*, *мирно* от *мы мирны*, *есть хлеба* от *есть хлеб*, *такожде бысть* от *бысть сеча* и т. п. (см. стр. 59 и сл.).

[26] См.: Н. С. Зарицкий. Указ. соч., стр. 115—118.

[27] Интересно, что в данном вопросе грамматическая теория опережала языковую практику: вслед за Востоковым (Русск. грам., § 88, стр. 204), Белинский, Буслаев, Смирнов, Классовский и другие грамматисты утверждают, что такие глаголы, как *дослеет, подобает, дождит, светает, смеркается, брезжит, тошнит* «суть безличные и личными никогда не могут быть» (В. Г. Белинский. Основания русск. грам., ч. I. М., 1837, гл. IV, стр. 46. См. также Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 200, стр. 383; А. Смирнов. Учебник русск. языка. Год первый. Изд. 2. М., 1851, стр. 83; В. Классовский. Русская грамматика. СПб., 1856, § 70, стр. 115).

[28] Некоторые материалы о личном употреблении современных собственно безличных глаголов и об отражении этого употребления в словарях см.: Н. Н. Дымарская-Бабалян. Указ. соч.

это время тенденции к пополнению класса собственно безличных глаголов.

Личное употребление таких глаголов как *везет*, *вечереет*, *светает*, *рассветает*, *смеркается* в XVIII — первой половине XIX в. было несвободным: эти глаголы сочетались с подлежащими — существительными очень узкой и ограниченной семантики. Так, личное употребление глагола *везти* (в формах *везет, везло*) отмечается в XIX в. почти исключительно в сочетании с существительным *счастье*.

Надо признаться, что *ему везло-таки счастье* (Дост., Идиот, 2, VIII); Солнце не вечно сияет, *Счастье не вечно везет* (Некр., Дедушка, XV); Мещанину Иванову положительно *везло какое-то слепое счастье* (М.-Сиб., Суд идет, Русск. мысль, 1899. ЛК).

Характерно толкование словаря: *Везет,* зн. «служит счастие» (Сл. 1847).

Ср., впрочем, у Грибоедова: [Антося и Лудвися] Фортуна нас и на запятки В свою повозку не берет, Но и без ней пути нам гладки, Пока нам *молодость везет!* (Гриб. и Вяземск., Кто брат, кто сестра, 18).

Для уяснения семантической эволюции этого глагола показательны разные случаи его каламбурного употребления.

[Пан Чижевский] Судьба проказница в насмешку Дает нам часто напрегай, Чему ж дивиться, что в тележку Впряжен твой барин невзначай? Имея счастье на примете, Век целый *возится* народ, Везде *возня* на этом свете: Кто *возит,* а кому *везет!* (Гриб. и Вяземск., Кто брат, кто сестра, 18); *Как бы ни повезло тебе счастие* (чего от души желаю), все-таки оно *не довезет* тебя туда, куда стремиться будешь (Погорельск., Двойник, 1, 1); Сначала *счастие* как будто бы и *не везло ему;* но вдруг, ни с того ни с сего, так *двинуло с места,* что у Прохора Васильевича сердце дрогнуло от радости (Вельтм., Саломея, 8, I); Риск Чарова, что называется, благороден, *счастье Чарову везет, как машина в 777 тысяч сил* (Там же, 9, III).

Первоначально личное употребление этого глагола было, повидимому, связано с жаргоном картежников. ср.:

[Хватайко] Нет, *дама не везет,* Так атанде; *авось мне вывезет валет* (Капн., Ябеда, III, 4); [Паролькин] Да лучше карты бросим: *Не стала дама везть* (Там же, III, 7).

Глагол *вечереть* в личном употреблении обычно сочетался с существительным *день,* но употреблялся и шире: *вечереет степь, вечереют небеса, вечереет сердце*, а также переносно (о человеке). Сл. АР и Сл. 1847 г. отмечают личное употребление этого глагола.

Твой *вечереет век* средь счастливой семьи (Батюшк., Тибуллова элегия, X); *Вечереет жизни день* (Ф. Глинка, Судьба

Наполеона); Уж *день* прохладно *вечерел* (Жуковск., Суд в подземелье, I); Переехал он в Калугу и там отшельником от мира тихо, но светло *вечерел* при семейном и любвеобильном очаге (Вяземск., п. Д. А. Оболенскому, 1875); Мой отдыхает ум и *сердце вечереет* (Вяземск., Ты светлая звезда); *День вечереет*, ночь близка (Тютч., День вечереет, ночь близка); Чуть *вечереют небеса* (Блок, Мой вечер близок и безволен); Я живу над зубчатой землею. *Вечерею* в моем терему (Блок, Без меня б твои сны улетали).

Личное употребление этого глагола встречается также у В. Озерова (Дим. Донск., I, 4), Д. Давыдова (Договоры), Погорельского (Монастырка, I, X), Фета (Ласточки) и др.

Глаголы *смеркаться, стемнеть, светать, рассветать, холодать* сочетались с существительными *день, небо, воздух* и под.

Глядит — и *день светает* (Крыл., Лиса); Наконец *день* рождества христова *светает* в тумане (Марл., Испытание, II); Знойный *воздух холодает* (Фет, Серенада); Уж *день рассветал* (Никитин, Рассказ ямщика); *Стемнело небо* (Некр., Несчастные, 2); И на этой дороге горит и *смеркается много звезд* (Помяловск., Молотов).

Употребление других глаголов было более свободным.

Дождить

Не паки ли Зевес в громах к Данае сходит? Не паки ль на нее он золотом *дождит* (В. Майк., Елисей, 4); Так милостью богов единых... Все процветают человеки! Блаженства лишь они *дождят* (Держ., Первая песнь Пиндара); Когда громами ты вещаешь и молнийным *дождишь* огнем! (Вост., Пиитическое созерцание природы); *Дождил* Россию жгучими лучами своего властолюбия (Лажечн., Лед. дом, 2, 6); Брызги *дождят* вокруг его (Марл., Ам.-Бек, VII); Воздух стонет от кликов, удары *дождят* (Марл., Роман и Ольга, III); Разумеется, возражения *задождили* отовсюду (Марл., Вечер на Кавк. водах).

Претить

Еще высоких мыслей страсть *Претит* тебе пред Анной пасть (Лом., Ода 1739 г.); [Оснельда] Когда тебе судьба *претит* меня любить (Сумарок., Хорев, I, 3). В поздней стилизации: [Лутониха] Ну, а коли *каша не претит*, Так садись — будешь пьян и сыт (Курочк., Принц Лутоня).

Стошнить

[Сара] Привык ты к беззаботной доле, Разгульной жизни, к вольной воле, *Стошнишь* порядочным житьем (Борат., Цыганка, VII); *Стошнил* все, что съел и выпил (А. Толст., Логутка).

Подмывать, приспичить

Цыгана *подмывали* тоже думы (Лажечн., Лед. дом, 2, 5); Я могу ..., пожалуй, стихи сочинять, коли *приспичит охота* (Тург., Новь, 1, IX).

(Не) доставать, (не) хватать, стать

[Олег] *Не достает* ему единый только *трон* (Сумарок., Семира, II, 1); Вынул из ящиков, вами присланные, мои книги. *Множество не достает* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, ноябрь 1818); Это почтенное *семейство* ужасно *недостает* моему сердцу (Пушк., п. Н. И. Гнедичу, 24 марта 1821); Здешние [башмаки] вам *станут*, верно, надолго (Гоголь, п. матери, 17 окт. 1831); *Вы недостаете* Москве (Борат., п. П. А. Вяземск., дек. 1832); Русые *волосы*, стянутые в густую упругую косу, *хватили бы* и на две головы (Корф, Как люди богатеют, I. V, Совр., 1847, т. V).

Подобать, настоять

Но ныне *настоит* в войнах иная *слава* (Лом., Петр Вел., I). В XIX в. в стилизованной речи: *Немота* перед кончиною *подобает* христианину (Некр., Орина мать солд.); Это был в их глазах блаженный на престоле, один из тех нищих духом, которым *подобает царство небесное*, а не земное (Ключевск., Курс. русск. ист., III, XLI).

Мечтаться, вериться

Не будет тень моя мечтаться пред тобою (Сумарок., Аристона, II, 4); У меня старинные *брони, латы, шлемы, щиты* и прочее *мечтались* беспрерывно в голове (Болот., 1, 11); Останетесь ли вы к ней равнодушною? Мне *это не верится* (Борат., п. А. Ф. Боратынской, 1814 или 1816).

Сгрустнуться

Молодые сгрустнулись о Дмитрицком (Вельтм., Саломея, 12, VIII).

Для всех перечисленных глаголов характерно резкое сокращение случаев личного употребления по направлению к концу XIX в. Естественным следствием этого процесса было расширение употребительности и активизация безличных предложений.

§ 14. Широкая употребительность и все возрастающая активность характеризует в XIX в. безличные предложения, строящиеся с личными глаголами. В систему безлично функционирующих личных глаголов вовлекаются все новые слова, причем такие, которые в силу специфики своих значений раньше не участвовали в формировании безличных предложений. Так, приблизительно с 30-х годов, в художественной литературе распространяется употребление в роли главного члена безличного предложения непереходных глаголов со значением конкретного действия. Соответственно появляются безличные предложения, которые Д. Н. Овсянико-Куликовский называл «относительно-бессубъектными» [29].

[29] Анализируя известный пример из рассказа Тургенева «Собака» (И представьте вы себе, господа: только что я задул свечу, *завозилось* у меня под кроватью! Думаю: крыса? Нет, не крыса: *скребет, возится, чешется*... Наконец, ушами *захлопало*!), Овсянико-Куликовский писал, что такие «обороты» нельзя считать абсолютно бессубъектными: «Здесь производитель при-

Мы от безделья разговаривали кой-что — как вдруг в круглой нашей зале *застучало, загремело* и кто-то завыл (Моск. телеграф, 1825, № 4); Сердце мое замлело, *в ушах гремело* и *звучало* (Марл., Страшн. гадание); — Что вам надо? — сказал Лугин с храбростью отчаяния. Его кулаки судорожно сжимались, и он готов был пустить шандалом в незваного гостя. *Под халатом вздохнуло* (Лерм., <Отрывок: «У графа В... был музыкальный вечер»>, 3); *Прозвучало* над ясной рекою, *Прозвенело* в померкшем лугу, *Прокатилось* над рощей немою, *Засветилось* на том берегу (Фет, Вечер); В стихах, понимаете, надо Уметь, как расставить слова, *Чтоб свистнуло* с первого взгляда (Курочк., Юмористам «Отеч. записок»); А завтра на заре вновь крылья зажужжат, Чтобы к незримому, к безвестному стремиться: Где за ночь *расцвело,* где первый аромат (Фет, Роями поднялись крылатые мечты); Опять, опять *нахмурилось,* опять Мелькает снег (Бунин, Северная береза).

Такие предложения получают распространение в языке художественной литературы [30].

О расширении круга формирующих безличные предложения личных глаголов свидетельствуют также предложения с переносно употребленными личными глаголами.

— Да,— искренно откликнулся он,— вон надо. *Засасывает* (Боборык., Китай-город, 5, XXVIII); Рабочий на даче не живет, в винт с докторами не играет... на что ему деньги? И г. директор издал проект о замене жалованья раздачей книжек духовно-нравственного содержания, но ... не вывезла кривая! *Лопнуло*! (Чех., Осколки моск. жизни, 1884) [31].

§ 15. В русле общей тенденции активизации безличных предложений, строящихся с личными глаголами, шел в XIX в. и процесс интенсивного развития безличных предложений с глаголами на *-ся*, образованными от личных невозвратных глаголов и называющих состояние лица [32].

... И прожектировав план, как *умелось,* так и расчертил (Болот., 2, 103); Борьбы стихий везде там след ... Пустыня в

знаков отсутствует, но его точка в мысли имеется и даже стремится проникнуть в сознание. Она темна, но весь интерес фразы в том-то и состоит, чтобы эту точку осветить. Подлежащего нет, но его ищут... Это, стало быть, обороты не абсолютно бессубъектные. Мы назовем их относительно-бессубъектными» (Д. Н. Овсянико-Куликовский. Из синтаксических наблюдений, стр. 1154; его же. Синтаксис, стр. 194—195).

[30] См.: Е. А. Твердовская. Указ соч., стр. 195 и след. Здесь примеры: *В санях упорно молчало* (Малышкин); *В прихожей затопталось и закряхтело* (Он же); [Из колодца] *отвечало басом* (Лит. газ.) и др.

[31] Впрочем, ср. еще в начале XIX в.: Во всем Петербурге *кипело* тогда и *волновалось*, и все готовились к сему торжеству (Болот., 2, 93).

[32] См.: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., стр. 381.— Развитие этого вида безличных предложений в современном языке отмечает В. В. Виноградов (Русск. язык, стр. 468).

сйротстве рыдает ...И там *уму* В тюрьме тюрьму Еще *придумалось устроить* (Батенков, Одичалый); Сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то *привыклось* и пошло на лад (Гоголь, Шинель); Пустился было объяснять, почему так вдруг *заробелось Семену Ивановичу* (Дост., Госп. Прохарчин); Всему живо *сочувствовалось* у нас (И. Пущин, Зап. о Пушк.); Люби, покуда *любится*, Терпи, покуда *терпится*, Прощай, пока *прощается* (Некр., Зеленый шум); *Вам так и рвалось кружиться и ликовать* в шумных хороводах толпы (Пирогов, Вопросы жизни, Морск. сб., 1856, июль); *Мне* то нездоровилось, то *грустилось* (Тург., п. Е. Е. Ламберт, 16—28 февр. 1861); О! как глубоко и радостно *вздохнулось Санину* (Тург., Вешн. воды, XXXVIII); — Что это ты так рано вернулся? — спросила Александра Павловна.— Так! *Соскучилось* (Тург., Рудин, V); *Старушке зевнулось* (Фет, Свеча нагорела); Мне подарили список, писан уставом, а заголовок хитро украшен рисунком. Прозывается он «Слово о двух мужиках». Признаться, *прочесть* его все *не удосужилось мне* (Златовратск., Устои, 3, 2, I); Вера Павловна спит после обеда, когда *заснется*, и даже любит, *чтобы заснулось* (Черн., Что делать?, 3, V); Ну, как вам *ужиналось* у Суворина? (Чех., п. Н. А. Лейкину, 4 марта 1886); В первую половину ссылки, должно быть, больше *смотрелось* назад, а теперь — вперед (Ленин, п. М. И. Ульяновой, 11 ноября 1898. Соч., т. 37, стр. 125) [33].

Чрезвычайно активизировались в литературном языке XIX в. предложения со значением расположенности к действию (типа *ему поется, дома им не сидится)* [34] — с глаголами безличного значения, соотносительными с личными глаголами без аффикса *-ся*. В письмах, мемуарах, художественной прозе на протяжении XIX в. в этой области отмечаются многочисленные новообразования — часто индивидуальные,— выступающие в роли предикативного центра соответствующего безличного предложения.

Когда вам хочется играть, то, верно, хорошо *играется* (П. А. Вяземск., п. жене, 29 июня 1826); У меня здесь вовсе нет книг, а писать — так *не пишется*, а шататься — так *не шатается* (П. А. Вяземск., п. жене, 26 июня, 1826); Ему *дремлется* (Марл., Вечер на Кавк. водах); И *верится*, И *плачется* (Лерм., Молитва); Ему *не гулялось, не ходилось*, не хотелось даже подняться вверх (Гоголь, М. д., 2, I); Посреди постоянных занятий как-то *не скучалось* (Вельтм., Саломея, 5, I); Чарову тяжело *зевалось* (Там же, 10, III); Мы еще чокну-

[33] О распространении предложений этого типа в литературном языке XX в. см.: М. А. Копейкин. Синонимика безличных и личных предложений в совр. русс. языке.

[34] О происхождении этих конструкций см.: А. В. Попов. Синтаксические исследования, I, стр. 299.

лись стаканами, но грустно *пилось* (И. Пущин, Зап. о Пушк.); И как-то *не шагалось* мне В всезрящей этой тишине (Некр., На Волге, 2).

Развитие конструктивных усложнений в системе глагольных безличных предложений

§ 16. Процесс вовлечения личных глаголов в систему средств, формирующих безличные предложения, отражается и на развитии предложений, строящихся с участием инфинитива. В языке XVIII в. широко представлены такие предложения с глаголами *стоить, мочь, зависеть, (не) мешать, наскучить, удаться, остаться, случиться, нравиться, понадобиться* и под. *(стоило слушать, может случиться, от тебя зависит возвратиться, случалось встречать, оставалось согласиться* и т. п.). Для таких предложений в языке XVIII — нач. XIX в. характерно тесное соседство спрягаемой формы и инфинитива, обычно при постпозиции последнего, а в случаях постпозиции спрягаемой формы — непосредственное или близкое следование ее за инфинитивом *(встречать его мне не случалось* и под.). Характерной чертой развития таких предложений в языке XIX в. было вовлечение в их состав нового, более широкого круга личных глаголов, обновление и пополнение унаследованного из ранних состояний узкого и ограниченного их ряда. Показательно, что это осуществляется главным образом в построениях с препозицией спрягаемой формы.

Меня *забавляло наблюдать* людей (Тург., Ася, I); *Не повредило* бы ему так поздно *сидеть*? (Дост., Идиот, 3, IV); Но Надю главным образом *интересовало видеть* подругу (Гл. Усп., Разоренье, V, 1); Мне *грозило* неожиданно *превратиться* в судью таких дел, которые... (Гл. Усп., На старом пепелище, 4); Очень *забавляло* меня *охотиться* с кем-нибудь, кто еще не знал Пэгаза (Тург., Лит. и жит. воспом., X).

Предложения вроде: *«Жить* с одними дураками, *презирать* их и *быть* от них *хвалиму наскучит* наконец всякому» (Изм., Евгений, 2, IV), в которых инфинитив и спрягаемая форма разобщены и могут быть разделены паузой сказуемости, в языке XVIII — нач. XIX в. сравнительно нечасты. Однако в XIX в., с развитием новых форм сложной фразы, такие предложения получают дальнейшее распространение [35].

Междометие О! может быть применено ко всевозможным движениям души; но *показать* между ними существенную разность — *зависит* от чтеца или от оратора (ЖДНП, 1823,

[35] Вопрос о том, следует ли такие предложения рассматривать как односоставные или двусоставные, в данном случае может быть оставлен в стороне, так же как и вопрос о принципах и методах «разбора» предложений типа *кататься весело* (см. § 5).

июль); Не забывай никогда, что *сокрушаться* о том, что не дано тебе, *ни к чему не служит* (Погорельск., Двойник, 1, 1); Отсюда *вытекает* для вас или для всякого умного производителя такого дела... *быть* в высочайшей степени *беспристрастными наблюдателями* (Петрашевск., Как следует поступать по этому делу); Но иногда *пройти* сторонкой В вопросе грозном и живом, Но *понижать* мой голос звонкой Перед влиятельным лицом — Увы! *вошло в мою натуру!* (Некр., Человек сороковых годов); *Проводить* каждый вечер около четверти часа у окна своей комнаты *вошло* у ней *в привычку* (Тург., Накануне, VI); Было бы унизительно не только для достоинства российской империи, но *противоречило бы* всем действительным отношениям русской жизни *находить* политическую *опасность* в народническом движении (А. Пыпин, Особая история русск. лит-ры, В. Е., 1890, сент.) [36].

Возможно, что формирование и укрепление этого типа построений было поддержано влиянием западноевропейских синтаксических образцов. Л. А. Булаховский писал о том, что «случаи, где в роли сказуемых к инфинитивам выступают глаголы, обычные в качестве личных, производят впечатление нерусских оборотов» [37].

Устранение множественности равнозначных безличных глаголов в связи с развитием соотношений безличных глагольных предложений с предложениями других типов

§ 17. Для системы глагольных безличных предложений в XVIII в. характерно функционирование нескольких равнозначных глаголов, специально конструирующих предложения соответствующего типа. Степень активности этих глаголов была неодинакова, однако важно, что все они были живыми формами, с участием которых выстраивались ряды равнозначных (или близких по значениям) и одинаковых по форме предложений.

Таковы были построения с глаголами долженствования — необходимости, находившиеся в системе регулярных соотношений с равнозначными наречными предложениями; построения с глаголами, обозначающими достаточность — недостаточность, соот-

---

[36] По-видимому, на основе таких построений формировались сложные конструкции, образуемые противопоставлением двух предикативно значимых синтагм с самостоятельными центрами — личной формой глагола и инфинитивом, например: Вообще *к великолепию* восточных государей *принадлежало*: *иметь* у трона своего, или в палатках, на цепи редких иностранных зверей (Атеней, 1828, № 18); Нас порядочно *бесило — стоять* в несколько шеренг битых два часа и делать «позиции» (Стасов, Училище правовед., IV).

[37] Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. I. Изд. 5. Киев, 1955, стр. 344.

носившиеся с наречными предложениями с *довольно, достаточно, полно;* построения с глаголами, обозначающими вынужденность. Развитие всех безличных предложений, строящихся с такими глаголами, характеризуется общей тенденцией к устранению их множественности и к сосредоточению разных оттенков единого значения в узком круге слов или в одном слове.

В языке XVIII в. круг глаголов, формировавших безличные предложения со значением д о л ж е н с т в о в а н и я, был шире, чем впоследствии. Наряду с широко употребительным *надлежит* и лишь входившим в употребление *следует* безличные предложения соответствующего значения строились также с глаголами *подобает, долженствует, не (годится)* и с архаизировавшимися уже тогда *достоит, довлеет* [38].

Предложения с *подобает, долженствует* уже в XVIII в. носили книжный характер; они употреблялись главным образом в деловой, официальной или торжественной речи; в стилистическом плане они стояли в одном ряду с наречными конструкциями с *потребно* (см. § 10). Уже с первых десятилетий XIX в. построения с *подобает, долженствует* уходят из употребления, сохраняясь в стилизованных контекстах или в речи носителей устаревших языковых норм.

> Голова ты, голова! Сказать Оленину, что я сочинил «Видение». Какие имел ты на это права? Нижé отцу родному *не долженствовало об этом говорить* (Батюшк., п. Гнедичу, ноябрь 1809); [С а т и р о с] Но мне,— Меня издавна злая клевета Считает рода вашего врагом,— *Мне подобает* пред лицом народа *Иное говорить* (Кюхельб., Пролог трагедии, 3, Мнемоз., 1824, ч. 2).

Тем более архаический характер носили в соответствующих конструкциях глаголы *достоит, довлеет* [39]. Случаи фиксации их

[38] Все эти глаголы в древнерусском языке были личными. Их безличное употребление в памятниках до XVIII в. отмечается многими исследователями. Так, в памятниках XI—XV вв. отмечено безличное употребление форм *достоит, подобает, довлеет* (Е. С. И с т р и н а. Синтаксические явления Синод. списка I Новг. летописи, стр. 45 и сл.; В. П. Б о р к о в с к и й. Указ. соч., стр. 57 и сл.; Н. Н. А р в а т. Безличные предложения в древнерусском языке, стр. 7). В памятниках XVI—XVII вв. отмечены *годится* (в знач. «следует»), *подобает, достоит, довлеет, надлежит* (А. М. С м и р н о в а. Безличные предложения в памятниках..., стр. 6—7; Е. Н. Б о г д а н о в а. К вопросу об использовании безличных предложений..., стр. 129, 132 сл; В. Е. Л я п у н о в а. Безличные предложения в памятниках письменности XVII в., стр. 310—311, 322). На основании названных исследований можно заключить, что соотношение этих глаголов в XVI—XVII вв. было таково: наиболее употребительна была форма *подобает*; за ней следуют *достоит* и распространившаяся особенно в XVII в. *надлежит; довлеет* уже в XVII в. было малоупотребительно; (*не*) *годится* отмечается преимущественно в памятниках неофициальной речи.

[39] *Довлеет* в значении «долженствует» в безличной конструкции в XVIII в. отмечается у Кантемира, Сумарокова, Фонвизина, Лукина, Матинского, Капниста, Болтина и других писателей. Интересно, что А. С. Шишков счи-

уже в XVIII в. редки; в XIX в. они отмечаются только как средство подчеркнутой стилизации.

Тебе, яко старшему сановнику думы нижегородской, *довлеет говорить* первому (Загоск., Ю. М., 2, V).

В основной ряд соотношений с соответствующими наречными предложениями в XVIII в. входили построения с *надлежит* и — к самому концу века — со *следует*.

Надлежит по значению непосредственно соотносилось с *нужно*. Основной функцией предложений типа *надлежит остаться* было выражение объективной обязательности. Сферой их употребления была преимущественно деловая речь, научная и описательная проза. В конце XVIII в., особенно под пером Карамзина, предложения с *надлежит* расширили круг своих значений: они обозначают: а) внутреннее отрицание утверждаемого, б) вынужденность, в) условие (*надлежало* в знач. «стоило»).

а) Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вам известна: *надлежало* еще *идти* сильным дождям; *надлежало, чтобы* я вздумал, к несчастью, ехать из Петербурга на перекладных и нигде не находил хороших кибиток (Карамз., П. р. п., Рига, 31 мая 1789).

б) Но скоро и во всех ложах раздался голос: «Вот Аббат Миолан!» так, что *высокому человеку,* который назывался совсем не Миоланом, *надлежало* как преступнику *бежать* из театра (Карамз., П. р. п., Париж, мая... 1790).

в) И какой народ так славно разорвал свои цепи? так славно отмстил врагам свирепым? *Надлежало только быть на престоле решительному, смелому государю:* народная сила и храбрость, после некоторого усыпления, громом и молниею возвестили свое пробуждение (Карамз., О любви к отечеству и народной гордости).

Однако конструкции с этими значениями не получили распространения в литературном языке XIX в. Основным значением предложений с *надлежит* продолжало оставаться значение объективной обязательности. В первой половине XIX в. они еще широко употребляются. Однако позднее они явно сходят на нет, уступая свое место соответствующим наречным предложениям и предложениям со *следует*.

Активизация и быстрое распространение предложений со *следует* (*следовало*) относится к началу XIX в. Первоначально глагол в них сохраняет свое основное лексическое значение, ср.: Но если бы в иных и не был я с ним согласен, так *из сего не следует* еще кричать на меня (Шишк., Примеч. на критику, изд. в

тал такое употребление неправильным. Упрекая современных ему писателей за то, что они «употребляют славенские слова не в тех знаменованиях, в каких они прежде употреблялись», он писал: «Вместо *надлежит* или *должно* говорят *довлеет*, которое слово значит *довольно*» (Рассужд. о ст. и нов. слоге, стр. 63).

«Моск. Меркурий»). На протяжении всего XIX в. предложения со *следует* остаются живой категорией, массово функционирующей в разных жанрах прозаической литературной речи. Предложения эти несли в себе значения внутреннего (субъективного) и внешнего (объективного) долженствования, обязательности, предстояния как необходимости.

И *следовало бы поехать*, но не поеду (Жих., Зап. совр., 1, 16 сент. 1805); *Следовало бы поддержать* «Мнемозину», *следовало бы дать ход* журналу Полевого (Борат., п. И. И. Козлову, 7 янв. 1825); *Следует обратить внимание* на один важный факт (Совр., 1847, т. V); Но из того, что прошедшее было хорошо, не следует, *чтобы* настоящим *следовало пренебрегать* (Черн., п. Н. А. Некрасову, 5 ноября 1856); Двух защитников обвиняемому *иметь не следует* (Речь защитн. А. В. Лохвицкого, 1867); На этот бенефис *следовало поехать* (Боборык., Китай-город, 4, XI); Насчет поездки в Питер *следовало бы подумать* (Чех., п. Н. А. Лейкину, 6 апр. 1886); *Следует получить* должные суммы за работу (В. Е., 1890, сент.).

С дательным субъекта действия или состояния [40]:

Мне следовало пожалованному быть через чин прямо в подпоручики (Болот., 1, 27); Скажи мне, когда *следует мне получить чин?* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 3 марта 1818); И сегодня еще *мне не следовало бы выходить* (Никитенко, Дневн., 8 ноября 1826); *Не следовало поэту рядить* свою героиню в сарафан и мех (Телеск., 1831, № 1); В его положении *следовало ему* прежде всего *отнестись* в Управу благочиния (Гоголь, Нос, 2); Он взялся писать о том, о чем *не следовало бы ему писать* (Белинск., п. В. П. Боткину, 14 марта 1840).

Предложения с дательным субъекта, так же как и другие предложения со *следует*, сохраняют устойчивую употребительность в течение всего XIX в., выражая, наряду с наречными предложениями с *нужно, надо, необходимо*, разные оттенки общего значения долженствования — необходимости.

Предложения с (*не*) *годится* как в языке XVIII в., так и в языке XIX в. не отличались широкой употребительностью; это объясняется, во-первых, их несколько «сниженной» стилистической окраской [41]; во-вторых, узостью их значения (они обозначали всегда долженствование, обусловленное внутренним состоянием субъекта); в-третьих, наконец, явно обнаружившейся к концу

[40] Субъект бытия выражается в этих предложениях только в составе формулы фразеологического характера *как тому и следует быть*: Время тянулось довольно вяло и скучно, *как тому и следует быть* (Помяловск., Молотов).

[41] [А н ю т а] Что это, батюшко, *годится ли вам, меня*, бедную, *обманывать* и с Матвеем *ссорить*? (Плавильщ., Бобыль, V, 3); Отцу моему с собою ее *взять* и в лагере при себе *держать не годилось* (Болот., 1,6).

XIX в. тенденцией этого глагола закрепиться в составе безличных предложений всегда в сочетании с отрицанием (В поэзии *не годится* давать градусы и минуты широты и долготы Петербурга. Черн., Заметки при чтении «Посмертн. изд.» стихотв. Некрасова).

Примерно в середине XIX в. ряд глаголов, участвующих в формировании безличных предложений со значением долженствования, пополняется глаголом *полагаться,* развившим значение долженствования на основе значения предположения [42]. Предложения типа *полагается, не полагается знать* оказались жизнеспособны: к концу XIX в. и позднее они получают распространение в речи, не связанной с официальными и книжными формами письменности.

Но тут пришло в голову мудрое правило: вредно, *не полагается баловать детей* (Бунин, Цифры, 2).

Таким образом, к концу XIX в. круг описываемых глаголов сократился и значение долженствования в глагольных безличных предложениях сосредоточилось в построениях со словами *следует, полагается, годится* (два последние — с явно выраженными ограничениями).

О глагольных безличных предложениях с дат. падежом субъекта бытия *(надлежало быть выборам)* см. § 3.

§ 18. В ряду предложений со значением достаточности — недостаточности основную массу составляли построения с *достанет, достает (не достанет, не достает).* Эти предложения в XVIII — первой половине XIX в. употреблялись для обозначения недостачи или достаточности чего-либо *(лишь бы только сил моих достало; для экспедиции не достает офицеров)* или отсутствия чего-либо как единственно недостающего *(у нас тебя недоставало; к усовершенствованию его благополучия недоставало офицерского чина).* Рядом с предложениями с *достает (не достает)* предложения со *станет, стает (не станет, не стает)* были конструкцией функционально ограниченной: они обозначали только недостачу или достаточность чего-либо: *денег станет, провианту не стало, хлеба не становится и на полгода, не ставало терпения* и т. п.; стилистически они были нейтральны.

Примерно с 20—30-х годов XIX в. в этот ряд активно вступают предложения с *хватит (не хватит), хватает (не хватает).* Вначале они несут в себе явно выраженную стилистическую окраску разговорности, а может быть и просторечности. Вспоминая о литературной деятельности писателей карамзинской поры, следивших за чистотой языка и «благородством слога», М. А. Дмитриев

---

[42] До этого глагол *полагаться* функционировал в значении «предполагаться», ср.: Когда, в каких местах *полагалось начать* открытые действия? (Показания П. И. Пестеля, Вопрос Комитета). Ср. отражение переходного состояния в значении этого глагола: По коренным законам общества в *танцующем кавалере ума не полагается!* (Лерм., Кн. Л. II).

писал: «Ни один из них не писал, как пишут нынче: *взойдти в дверь и войдти на лестницу*. Ни один не сказал бы: *не хватает на это;* а сказал бы: *не достало на это*. А нынче так пишут даже и дамы» [43].

Предложения с *хватит, хватает* вначале употреблялись, как и предложения со *станет, стает*, только для обозначения недостачи или достаточности чего-либо: *хватает денег, пять тысяч не хватит, не хватает присутствия духа, времени не хватит, воображения на это хватит* и т. д. Однако постепенно предложения с *хватит, хватает* начинают употребляться и для обозначения чего-либо как единственно недостающего *(этого еще не хватало, мне не хватает тебя и детей)*, в сочетании с инфинитивом *(не хватает заплакать)*, в роли предложения, вводящего придаточное с *чтобы (не хватает еще, чтобы...)*. Во второй половине и к концу XIX в. предложения с *хватает* (*не хватает*) получают самое широкое распространение, проникая через посредство демократической литературы даже в язык поэзии [44]. Соответственно предложения с *достанет* (*не достанет*) суживают сферу своего употребления и приобретают стилистическую окраску книжности. Сужается и круг существительных, входящих в эти предложения в качестве зависящего от глагола слова. В предложениях со значением недостачи или достаточности чего-либо это преимущественно слова, называющие свойства характера, психического склада: *не достает сил, терпения, ума, духа*; *достало у него характера и уменья* и т. п. Но предложения эти все же устойчиво сохраняются в литературном языке. Показательно, например, что при обозначении отсутствия чего-либо как единственно недостающего предложения с *достанет (не достанет)* и в конце XIX в. являются категорией стилистически нейтральной.

Ему, очевидно, *чего-то недостает*, и иногда он очень скучает (Дост., п. жене, 5 июля 1872); *Не достает только собственных имен и годов*, чтобы перед нами прошла настоящая историческая картина горнозаводского быта (В. Е., 1890, окт.).

Да, *недоставало еще, чтобы* Иван Щеглов надел форму контролера конножелезки (Чех., п. И. Л. Леонтьеву, 10 февр. 1888).

Предложения со *станет, стает* во второй половине XIX в. фактически были вытеснены из употребления предложениями с *хватит, хватает*; они отмечаются как редкие и явно исчезающие, в литературном языке получившие окраску некоторой устарелости

[43] М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. «Русский архив», М., 1869, стр. 94.

[44] Показательны расхождения грамматик: в середине 70-х годов В. Кеневич (Опыт учебника русского синтаксиса. Изд. 3, СПб. — М., 1874, стр. 6) характеризует предложения с *хватит* как «народные»; однако в это же время В. Стоюнин (Русский синтаксис. Изд. 2. М., 1875, стр. 38) выстраивает предложения с *достанет* и *хватит* в один ряд — без всяких стилистических квалификаций.

или замкнувшиеся в сферу просторечия. Сохранили употребительность лишь построения с личным местоимением, типа *его на это станет* [45].

Рядом со всеми названными выше глагольными предложениями в языке XIX в. функционировали предложения с *будет* (в знач. «достаточно», «довольно») [46]. В XIX в. *будет* выступало в таких предложениях уже как застывшая словоформа, оторвавшаяся от парадигмы глагола *быть* и обособившаяся как в формальном, так и в смысловом отношении. Эти предложения могли быть только утвердительными. Они употреблялись для выражения достаточности чего-либо с родит. падежом или без распространяющих слов, а также в сочетании с инфинитивом.

В стакан воды подлить... *трех капель будет* (Пушк., Ск. рыц., 1); *Будет и того, что* болезнь указана (Лерм., Герой н. вр.); За бранью дело у меня не станет. Покуда *будет с тебя и этого* (Белинск., п. В. П. Боткину, 14 марта 1840); [Гражданин] Ах! *будет с нас купцов, кадетов, Мещан, чиновников, дворян,* Довольно даже нам поэтов, Но нужно, нужно нам граждан (Некр., Поэт и гражданин); *Будет с него губернского фимиама,* обойдется без нашего (Тург., Отцы и дети, X); *Будет пока о городе,* пора и в деревню (Корол., В голодн. год. III).

Напрасно княжна после двух туров проговорила: *«будет»,* он понесся с ней и сделал еще тур, два, три. *«Будет»,* сказала она более настоятельно (Писемск., Тыс. душ, 2, V); Ну, *будет:* прости меня, если я тебе сделал больно (Л. Толст., п. жене, 15 июня 1883); — Софья Павловна! *Будет уж!* Мне надо говорить... Я пришел сказать вам что: *будет!* Надо поступать прямо ...открыто (М. Г., Ф. Г., VI).

Будет вам разговаривать (Гл. Усп., Разоренье, III, 2).

Предложения с *будет* находились в непосредственных смысловых соотношениях с предложениями с *хватит* и по стилистической окраске совпадали с ними.

Все глагольные предложения со значением достаточности — недостаточности были соотносительны с наречными предложениями того же значения со словами *полно, довольно, достаточно* (предложения с *достаточно — недостаточно* распространяются с первых десятилетий XIX в.). В целом эти наречные предложения в течение XIX в. сохраняли устойчивую употребительность, за исключением предложений с *полно.* Эти последние во второй половине XIX в. явно сократили употребительность, так как их значения целиком совпадали с соответствующими предложениями с

---

[45] О смешении винит. и родит. падежей в таких построениях см.: А. В. Попов. Указ. соч., стр. 128.

[46] О построениях с *будет* см.: А. А. Потебня. Из зап., т. III, стр. 439.

хватит, будет (у предложений с *довольно, достаточно* такого полного совпадения всех значений не было). В XVIII — первой половине XIX в. предложения с *полно* были широко употребительны. Значение достаточности — недостаточности в них всегда было отнесено к лицу (*полно мне, нам* и т. п.) или такая отнесенность подразумевалась.

Мне полно тех побед,— сказала,— Для коих крови льется ток (Лом., Ода 1747 г.); *Этой грамоты для тебя полно* (Крыл., Похв. речь в память моему дедушке).

[Бригадир] Жена, *не полно ль тебе врать?* (Фонв., Бригадир, III, 3); *Не полно ли,* братец, без причины *сердиться*? (В. Е. Тишин, п. Держ., 7 апр. 1774); Но *полно мне философствовать* (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 14 окт. 1790); *Полно быть в делах горячим* (Держ., К самому себе); С того времени *полно мне стрелять* по воронам, я оставил сию охоту другим (Болот., 1, 31); Наспу через час очнулся, И *полно* с той поры без пользы *воровать* (Изм., Мартышка и Кот); [Чацкий] Да *полно вздор молоть* (Гриб., Горе от у., IV, 4); *Полно врать.* Поговорим о поэзии (Пушк., п. А. Г. Родзянке, 8 дек. 1824); *Полно жить* этой деревянной жизнью! (Гонч., Обыкн. ист., Эпилог); *Полно нам с тобою жить* в столице (Дружинин, Пол. Сакс, V); *Полно роль-то играть сумасшедшего,* В сердце искру надежды *беречь!* (Некр., Застенчивость); *Полноте спать:* уж осьмой час (Л. Толст., Севаст. в авг. 1855 г.).

Полно о прошедшем (А. И. Тург., п. Вяземск., 27 авг. 1820); Но *полно!* Ни об чем говорить не хочется (Вяземск., п. жене, 17 июля 1826); Я сделал то, что мне совесть велела, но теперь *полно* (Тург., Накануне, XXVII).

§ 19. В значительной степени общей была семантика предложений, строившихся с специализированными глаголами со значением вынужденности или случайного наступления: *пришло, пришлось*[47], *привелось, довелось, досталось.* В соответствии с лексическими значениями глаголов, они выражали, во-первых, случайное, неподготовленное наступление чего-либо; во-вторых, вынужденность, неизбежно наступающую необходимость; в-третьих, собственно наступление, становление чего-либо.

Для XVIII — нач. XIX в. основной конструкцией, несущей в себе все перечисленные значения, были предложения с формами глагола *приходить, прийти (пришло, придет, приходит, приходило).*

---

[47] О возвратных глаголах, имевших в языке XVIII в. одинаковый или близкий круг значений с однокоренными невозвратными глаголами см.: М. В. Иониина. Категория вида и залога в русском литературном языке нач. XVIII в. Канд. дисс. Л., 1955.

Значение вынужденности, неизбежно наступающей необходимости несли в себе конструкции с *пришло (придет* и т. д.) в сочетании с инфинитивом.

Придет, может быть, *умереть* так, что никто не услышит и последнего моего вздоха (И. И. Дм., п. П. П. Бекетову, 25 ноября 1798); Так делать нечего: *пришло писать указ,*
Чтоб виноватую предать позорной казни (Крыл., Щука).

Значение собственно наступления, становления выражалось предложениями, строящимися сочетанием *пришло* (*приходит* и т. д.) с наречием или с предложно-падежной формой имени.

Трещит корабль, и рвутся все веревки, *Пришло не до издевки* (В. Майк., Корабль и лодка); [Кохтин] Ну, *пришло и нам,* знать, *круто!* (Капн., Ябеда, V, 7) [48].

Значение случайности, неподготовленного наступления чего-либо выражали предложения с *пришло* (*приходит* и т. п.) вне сочетания этой формы с названными выше зависящими от нее формами наречия или имени, а также, возможно, и вне сочетания с инфинитивом:

Я в пятницу пишу, а ты в пятницу хотела поехать к графине Наталье Володимировне; вот *приходит* в один день и в самый тот час, когда ты где-нибудь кушаешь (Суворов, п. Д. И. Хвостову, 11 июля 1794 [приписка дочери]); Смело начинайте журнал и называйте его, *как ни пришло,* «Зрителем», «Аргусом» или «Котомкою» (И. Дм., Письмо к изд. журн. «Моск. зритель»).

Предложения с формами глаголов *приходить, прийти* в XIX в. имели разную судьбу — в зависимости от выражаемого ими значения. Предложения со значением вынужденности и со значением случайного наступления чего-либо, подчиняясь общей тенденции к концентрации единых значений в узком круге лексем, а в данном случае еще и тенденции к выражению перечисленных значений возвратными формами, уже в самом начале XIX в. уступали место предложениям с формами глаголов *пришлось, привелось, довелось, досталось.* Предложения со значением наступления какого-либо состояния, в XVIII в. и в начале XIX в. очень активные, постепенно убывая, сохраняются в языке XIX в. как средство непринужденной речи.

Карман в чахотке мой, Ей-богу, я не лгу. Тургенев милый мой, *Мне жить приходит трудно!* (Из стихов В. Л. Пушкина, Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 12 окт. 1816); *Нам приходит не легко* (Пушк., Тадарашка в вас влюблен...); Проситель с жаром преследовал дело, и *бедному Дубровину приходило дозареза* (Борат., Перстень); Разбойники увидели, что *приходит им худо* (М. Погодин, Васильев вечер, Телеск., 1831, № 4); *Акулине пришло невмочь терпеть долее* (Григорович,

[48] Ср. личную конструкцию: Но, знать, *сердечное страданье Уже пришло ему невмочь* (Пушк., Е. О., 8, XXXII).

Деревня, VIII); Как *придет плохо*, так и рад в ноги кланяться (Некр. и Станицк., Три стр. света, 3, II); Михаил Иваныч в такое время стоял в передней и злился; а когда *ему приходило невмоготу*, он отправлялся дожидаться барышню за ворота (Гл. Усп., Разоренье, III, 2).

Однако и эти предложения во второй половине XIX в. уже почти исчезают: они уступили место предложениям с формами глагола *приходиться, прийтись*.

Предложения с *пришлось, приходилось (придется, приходится)* с начала XIX в. быстро распространяются и вытесняют собою предложения с *пришло, придет*. Это был очень активный процесс, обусловленный, с одной стороны, собственно лексическими факторами, с другой — большой активностью возвратных глаголов в системе безличных предложений вообще.

С начала XIX в. распространяются, вытесняя соответствующие построения с *пришло, приходило*, предложения типа *пришлось плохо, пришлось до дела*, выражающие наступление, становление чего-либо.

Других стихов *писать пришлось уж мне не в мочь* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 29 авг. 1821); Когда *невтерпеж приходится* благородному человеку (Пушк., п. П. А. Вяземск., янв. 1830); Я чувствовал, что Приимкову *тошно приходилось* (Тург., Фауст, IV).

К этому же времени относится и распространение предложений типа *пришлось (приходилось) согласиться*, обозначающих вынужденность, неизбежную необходимость.

Нет в виду никакой выслуги и, пожалуй, *придется* опять *приняться* за поэзию или таскаться по театрам (Жих., Зап. совр., II, 11 марта 1807); Видя, что *пришлось и мне разделить погибель* всей семьи (Пушк., К. д., Пропущ. глава); Еще неделя без денег — и *мне пришлось бы запереться* у себя в комнате (Никитенко, Дневн., 7 марта 1827).

Предложения с этим значением полностью вытеснили предложения с *пришло, приходит;* в XIX в. они получают массовую и все расширяющуюся употребительность. Однако показательно, что, например, в научную прозу они проникают позднее, чем в другие сферы письменной речи. Интересны в этом смысле сравнительные наблюдения О. В. Патоковой над научным языком Потебни и Шахматова; у Потебни предложения типа *приходится думать* крайне редки; в «Синтаксисе» Шахматова они уже обычны [49].

Значение случайно выпавшего состояния, неподготовленного наступления чего-либо также закрепилось за построениями с *пришлось, приходится:* уже с начала XIX в. они полностью вытеснили равнозначные конструкции с *пришло, приходит*.

---

[49] См.: О. В. Патокова. Наблюдения над языком научной прозы, стр. 81, 91.

Рядом с предложениями с *пришлось* (*приходится* и т. п.) в XIX в. функционировали предложения с *привелось, довелось, досталось*. В XIX в. основным значением предложений с этими глаголами было значение неподготовленного наступления чего-либо, случайно выпавшего кому-либо состояния (*привелось быть зрителем интересного зрелища; не приводилось читать; не довелось побывать*). Официальной книжной речи XIX в. эти построения не были свойственны.

В предложениях с *досталось* к значению случайности и неподготовленности почти всегда с большей или меньшей степенью отчетливости присоединялся элемент значения вынужденности, необходимости.

А *командовать ему не достанется.* Он не имеет головы и к тому неспособен (Храповицк., Дневн., 23 июня 1788); [Матвей] Коли ты барские мысли знаешь, так *нам и говорить с тобою не досталось* (Плавильщ., Бобыль, II, 7); Сего году оброки никуда не отправлены, то с божиею помощью и извольте на них церкви исправлять, *хотя бы досталось и прибавлять* заимообразно с крестьян, в счет предыдущих оброков (Суворов, п. Р. Я. Качалову, 3 марта 1789); ...Что если в наступающее время он не пристроит меня к прочной службе, то, может быть, оно не возвратится никогда или *возвращать его достанется с бо́льшею трудностью* (Добрынин, Зап., XXXIII); *Нам досталось играть последний акт* в европейской трагедии (А. И. Тург., п. Вяземск., 27 окт. 1812); Жаль только, что *мне не достанется отведать* клубники: отойдет к тому времени (Гоголь, п. матери, 14 мая 1826); Если бы в старину *досталось описывать* ее красоту, наши деды молвили бы просто: она была так хороша, что ни в сказках сказать, ни пером написать (Лажечн., Лед. дом, 1, 2).

С глаголом *достаться* формировались устойчивые выражения военно-канцелярской речи: *досталось (кому) в генералы, досталось (кому) в полковники, (эскадрону) досталось на аванпосты, досталось (мне) в дежурство* и т. п., широко употреблявшиеся в литературном языке XVIII — первых десятилетий XIX в.

Во второй половине XIX в. в предложениях с *досталось* оттенок значения вынужденной необходимости почти полностью исчезает, и они закрепляют за собой функцию выражения только случайного, неподготовленного наступления чего-либо.

В предложениях с *привелось, довелось* в качестве второстепенного и гораздо менее распространенного, чем значение случайности и неподготовленности, могло присутствовать также значение собственно вынужденности, необходимости. Оно было, по-видимому, более ранним, но отдельные случаи такого употребления отмечаются не только в XVIII, но и в XIX в. и даже в конце его. Несомненно в то же время, что для таких предложений это было значение исчезающее.

Характерно, что предложения этого значения не несут в себе стилистического оттенка разговорности и фиксируются в памятниках, не связанных с этой сферой речи. По-видимому, на более раннем этапе развития предложения с этими глаголами были лишены той стилистической разговорной окраски, которая развилась в них в XIX в.

Но я уже предварил, что буду в записках моих говорить и об авторской моей жизни; почему и *приведется* иногда *останавливаться* на мелочах (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, I, 2); Теперь *приводится упомянуть* о возможности этой поддержки лишь для того, чтобы ...(ЖМНП, 1857, ч. XCIV); Но, вероятно, в тогдашних разговорах наших о Тургеневе не было ничего особенно интересного Добролюбову, иначе они лучше сохранились бы в моей памяти, потому что мне *приводилось бы* и самому *оживляться* интересом к тому, что я говорил Добролюбову или слышал от него (Черн., Воспом. об отнош. Тург. к Доброл.).

Тем, кои ныне с такою торжественною самонадеянностью провозглашают себя первенцами новой жизни, *доведется видеть* себя заброшенными в запоздалые отпрыски иссохшего древа (Телеск., 1831, № 1); Но делать было нечего: *довелось согласиться* на отсрочку (Марл., Мореход Никитин); Зимой им каждый день *доводилось мерзнуть* (Решетников, Лотерея, 1); Должно быть, *доведется уже отложить* до возвращения, а то толку не добиться (Ленин, п. М. А. и М. И. Ульяновым, 7 авг. 1899. Соч., т. 37, стр. 200).

На основе значения вынужденной необходимости у ставших устойчивыми сочетаний *не приходится, не приводится, не доводится* сложилось значение отрицания возможности («нельзя», «не нужно», «не следует»).

Повелевать жене не приходится, а то будет худо (С. Акс., Сем. хрон., Молодые в Багрове); *Ему,* как гостю, *не приходилось и вмешиваться* в чужие дела (Тург., Отцы и дети, XXII); Да то, что *служить мне у вас больше не приходится:* жалованье маленькое (С.-Щ., Губ. оч., Мои знакомцы, Порфирий Петрович).

А собирать ходить им тоже не приводилось, потому что каковы ни-на-есть, а все же обер-офицерские дети (С.-Щ., Губ. оч., Казусн. обстоятельства, Первый шаг); *Здесь в указатель глядеть не приводится,* Можно здесь разом постичь, Что на картинах пред нами находится (Д. Минаев, К картине «Битая дичь»).

Мои доводы, что *бояться исчезновения тесинцев абсолютно не доводится,*— не подействовали (Ленин, п. М. А. Ульяновой, 7 июня 1898. Соч., т. 37, стр. 105); Пока не обживешься, да не осмотришься,— *звать гостей не доводится* (Ленин, п. М. И. Ульяновой, 18 мая 1897. Соч., т. 37, стр. 44).

Эти формулы, так же как и вообще предложения с данными глаголами, в XIX в. относились к области разговорной речи. Однако они могли проникать и в другие речевые сферы, ср., например, в судебной речи Ф. Н. Плевако:

> Слово обличения, сказанное моими двумя сотоварищами, должно было тяжело подействовать на подсудимого, и без нужды *быть продолжительным мне не приходится* (Дело Мельницкого, 1882).

Итак, в развитии функционирования безличных предложений с глаголами, обозначающими случайную, неподготовленную вынужденность, в литературном языке XIX в. происходили следующие процессы: сокращение круга организующих предложение глаголов; сосредоточение в сфере разговорной речи и связанных с ней жанров письменности предложений с глаголами *достаться, привестись, довестись* и закрепление в качестве общелитературного средства предложений с *приходится, придется;* сосредоточение значения вынужденной необходимости в предложениях с этими глаголами. В целом это была явная тенденция к возобладанию предложений с *придется, приходится* над другими равнозначными или близкими по кругу значений построениями, к закреплению этих предложений в качестве литературной нормы и к стягиванию в них всех оттенков значений вынужденности и случайности, ранее рассредоточенных в предложениях с другими глаголами.

Функционирование безличных предложений фразеологического характера

§ 20. В языке второй половины XVIII и XIX вв. функционировали конструкции фразеологического характера с глаголом *идти* и его производными; это были собственно безличные построения или построения, по форме двусоставные, в которых в качестве подлежащего выступало существительное *дело,* утратившее свое прямое номинативное значение и выполняющее местоименную функцию. Так выстраивались ряды соотносительных фразеологических конструкций: *дело дошло до* (*драки*) — *дошло до* (*драки*); *дело идет о* (*чести*) — *идет о* (*чести*); *дело пошло на* (*мировую*) — *пошло на* (*мировую*); *выходит дело, что — выходит, что; дело не пройдет без* (*ссоры*) — *не пройдет без* (*ссоры*); *дело вышло иначе — вышло иначе* и под. Сюда же: *не выгорит — дело не выгорит.*

В одних случаях здесь возобладали собственно глагольные конструкции, в других — конструкции со словом *дело.* Единой тенденции развития для XIX в. проследить не удается: здесь сложно взаимодействовали и противодействовали друг другу, с одной стороны, факторы общей активизации глагольных безличных предложений, с другой стороны — устойчивость глагольно-именной фразеологии и чрезвычайно широкая употребительность существительного *дело* в составе разных фразеологических оборотов.

Ограничимся примерами употребления тех и других построений в русском литературном языке XVIII—XIX вв.

Собственно глагольные построения.

Я никак не могу предполагать, чтобы *дошло до войны* (Кант., п. к имп. Иоанну Ант., 27/16 апр. 1741); Заспорил с барсом лев, потом *дошло до драки* (В. Майк., Лев, барс и крот); [Г ж. П р о с т а к о в а] Да коль *пошло на правду*, чему ты выучил Митрофанушку? (Фонв., Недоросль, V, 6); *Дошло до штыков* (Суворов, Проп. в Герольдмейст. контору, 1790); М-в начал с грамматики... *Дошло до глаголов* (Клушин, Несч. М-в); Уж если *пошло на пошлости*, так... (Жих., Зап. совр., I, 10 мая 1805); Занимаюсь прилежно, чтоб управиться с пропущенными лекциями, да *туго идет* — избаловался (Там же, 7 сент. 1805); *До дуэли не дошло*, а было близко (Там же, II, 18 февр. 1807); У лавки *Доходит* иногда *до давки* (Крыл., Паук и пчела); Отдай письмо Миллеру, тут *идет о судьбе*, а может быть и жизни несчастного (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 1 авг. 1818); У меня *чуть было не дошло до ссоры* с Булгариным (Никитенко, Дневн., 8 янв. 1828); Сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то привыклось и *пошло на лад* (Гоголь, Шинель); Меня морозом по коже подрало. Вот *до чего дошло* (Белинск., п. В. П. Боткину, 20 февр. 1840); А тут *пошло хуже да хуже* (Герц., Б. и д., 3, XXIV); Как встретимся мы с ним, *не пройдет без того, чтоб* не обломать ему бока (С.-Щ., Губ. оч., Казусн. обстоятельства, Матушка Мавра Кузьмовна); *Дошло до того*, что... (Сверб., Зап., II); С Рубцовым у них *шло на лад* (Боборык., Китай-город, 5, XXIV); попытался утром работать, но *не пошло* (Л. Толст., п. жене, 2 февр. 1884); — Вы не поверите — *дошло наконец до ужаса!* (М. Г., Ф. Г., III).

Построения со словом *дело:*

[С о в е т н и к] Не о птицах *предлежит нам дело, дело идет о разумной твари* (Фонв., Бригадир, II, 3); *Дело идет о твоей дочери!* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, XIV); Я сказал, что *дело идет о человеколюбии* (Там же, 2, II); Чиновники, читая японский перевод нашей бумаги, поверяли оной, и *дошло дело до того места*, где упоминается о сделанном курильцами обмане (Головн., Зап., 1); Я весь душа, когда *дело идет о хорошей рюмке вина* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 18 авг. 1821); Подумай об этом, да пожалуйста не слегка; *дело идет о жизни* (Пушк., п. Л. С. Пушкину, 4 сент. 1822); Ежели *дело дойдет до дела*, то я — непременный и усердный твой сотрудник (Борат., п. И. В. Киреевскому, 21 сент. 1831); *Дело идет о насущном хлебе* (Тург., Отцы и дети, X); Но от чиновников быстро *Дело дошло до тузов* (Некр., Публика, 5); Хоть бы *к ночи дело-то шло*, так все бы словно поскладнее было (Писемск., Тыс. душ, 3, I); Вот как: *на «ты» уже дело по-*

шло! (Там же, 2, VII); Но *до выводов у них дело не доходило* (Черн., Что делать?, 2, IX); *Дойдет до них дело* (Сверб., Зап., I).

Итак, на протяжении XIX в. система глагольных безличных предложений развивалась в двух основных направлениях: с одной стороны, шел процесс активизации основных типов этой конструкции — построений с безличными глаголами и построений с личными глаголами, употребленными безлично; с другой стороны, осуществлялось характерное и для других типов безличных предложений сокращение набора специально организующих безличные предложения однозначных слов и концентрация соответствующих значений в узком, но чрезвычайно активном и универсально употребительном круге глаголов.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРИЧАСТНЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Система причастных безличных предложений в конце XVIII — нач. XIX в.

§ 21. В древнерусском языке причастные безличные предложения, строящиеся с формами на *-но, -то* от переходных глаголов, были широко употребительны и массово распространены; лексические и собственно грамматические условия их образования были свободнее, чем в языке XVIII в. и тем более чем в языке XIX—XX в.[50] Специфическими чертами этих конструкций со стороны формы были: 1) отсутствие связки; 2) свободное, позднее литературным языком утраченное сочетание причастной формы с винительным прямого объекта: *рубец посечено, хмель вешено, вырезано инорог зверь, воду отнято, сбирано двадцатую деньгу* и т. п.[51]; 3) возможность образования безлично функционирующих

---

[50] См.: А. А. Потебня. Из зап., т. III, стр. 433 и след.; т. IV, стр. 203—204; А. А. Шахматов. Синтаксис, стр. 111—112; Л. А. Булаховский. Курс. русск. лит. языка, т. II (Ист. комм.), стр. 218—219; В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 73 и сл.; Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса, стр. 290; П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русск. языке; А. М. Смирнова. Безличные предложения в памятниках..., стр. 9—11; Н. Н. Арват. Безличные предложения в древнерусском языке, стр. 14; ее же. К вопросу об истории безличной конструкции с кратким страдательным причастием в русском языке. «Научный ежегодник [Черновицкого гос. ун-та] за 1958 г.» Отд. выпуск. Филол. фак-т, 1960.

[51] Эта конструктивная особенность причастных безличных предложений сохраняется в народных говорах. Кроме названных выше работ, см. об этом: Ф. П. Филин. Указ. соч.; П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах; С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 156—158; Л. Н. Макарова. Некоторые особенности предикативного употребления краткой формы страдательных причастий прош. вр. в русск. на-

причастных форм от возвратных глаголов с сохранением возвратной частицы: *условленось, договоренось, было боротось, сосватанось, женененось* и т. п. [52]

Со стороны смысловой эти конструкции характеризовались, во-первых, перфектным значением; во-вторых, тем, что они не несли в себе указания на причину действия и поэтому практически были освобождены от значения пассивности [53]; в-третьих, широким и свободным употреблением их для обозначения конкретного действия определенного лица: в памятниках разных веков, вплоть до XVII в., исследователи отмечают обычность предложений типа *сбегано, заехано, пострадано, не слыгивано, от Тимофея Яковлева написано* и т. п.[54]

В литературном языке второй половины и конца XVIII в. мы застаем следующую систему моделей причастных безличных предложений.

1) Предложения, строящиеся с причастными формами на *-но, -то* от переходных глаголов: винительный прямого объекта в составе таких предложений литературному языку в это время был уже неизвестен. В случаях указания на субъект действия этот последний обозначался или формой родит. падежа с предлогом *от* (*от гофмаршала приказано*), или творит. падежом (*гофмаршалом приказано*); косвенное указание на субъект в таком предложении выражалось родит. падежом с предлогом *у* или предложн. падежом с предлогом *в* (*у него решено; в законе постановлено*) (подробнее см. об этом ниже, § 23).

2) Как эпизодические формы (преимущественно в мемуарах и письмах) в XVIII в.— предложения, строящиеся с причастием, образованным от возвратного глагола с сохранением *-ся*.

одн. говорах. «Уч. зап. Балашовского гос. пед. ин-та», т. I, 1956; В. А. Матвеенко. Страдательно-безличный оборот в восточно-славянских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1962.

[52] См. об этом в названных выше работах А. А. Потебни, Л. И. Макаровой, Н. Н. Арват, В. А. Матвеенко. О сохранении таких конструкций в северновеликорусских говорах см. в этих же работах, а также в названных выше работах Ф. П. Филина, П. С. Кузнецова, С. П. Обнорского. См. также: А. А. Шахматов. Синтаксис, стр. 112; А. Б. Шапиро. Типы безличных предложений в русских говорах. «Мат-лы и исслед. по русск. диалектологии», т. II. М.— Л., 1949, стр. 209.

[53] См.: Дложевський. Де-що про природу речень типу «козаченька вбито» укрїнської літературної мови. «Сб. ОРЯС», т. CI, № 3, 1928, стр. 288.

[54] См.: А. А. Потебня. Из зап., III, стр. 233 и сл.; А. М. Смирнова. Безличные предложения в памятниках..., стр. 9—11; Н. Н. Арват. Безличные предложения в древнерусском языке, стр. 14; А. А. Дыбров. Безличные предложения в русск. деловой письменности..., стр. 5—7.— Ср. также распространенность таких предложений в современных северновеликорусск. говорах: *Нигде не бывано с моима робитничками. Как не едано*, так и не знаю, хорошо ли, нет. *Не уехано еще в Питер*, здесь живет (см. А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 209).

Условленось сейм отложить до будущего маия (Васильев, Дневн., 1/12 генв. 1774); У нас *смолвленось* так, чтоб никто почти из посторонних о сем съезде нашем не знал (Болот., 2, 111); С ним обо всем нужном *условленось и договоренось* (Там же, 1, 10); Я не мог утерпеть, чтоб не промолвить нескольких слов, кои сочтены колкими, и за них *рассержено*сь (Там же, 2, 139); Октября после 20 числа *уведомленось* в С.-Петербурге, что... (Нащокин, Зап.); Ко мне Иванов доставил одиннадцать виньет на утверждении, как у в. пр. с ним *договоренось* (А. Н. Оленин, п. Держ., без даты).

В XIX в. такое употребление уже не отмечается, хотя грамматики иногда и включают его в общие перечни безличных причастных предложений, свойственных нормализованной литературной речи [55].

3) Предложения, строящиеся с формами на *-емо, -имо* — всегда в сочетании со связкой *было, будет;* построения эти были лексически ограничены: в качестве предикативного центра здесь могли выступать только причастные формы, образованные от глаголов речи, мысли, веления и некоторых глаголов отвлеченного действия (*объявлять, доносить, замечать, рассуждать, предсказывать, предполагать, упоминать, запрещать, предписывать, позволять, предлагать, поручать, исполнять, поступать, ожидать* и некоторые др.). Круг этих форм в составе безличных предложений на протяжении XIX в. не пополнялся. С большей или меньшей степенью регулярности причастные предложения с *-емо, -имо* отмечаются до 30—40-х годов XIX в.— главным образом в памятниках официальной речи, в научной прозе, в письмах и мемуарах лиц, придерживавшихся старых языковых норм.

Специфической чертой семантической структуры всех причастных безличных предложений по сравнению с современным языком было то, что они могли широко употребляться как для выражения собственно бессубъектности, так и для обозначения действия или состояния определенного или неопределенного лица. Степень употребительности, стилистическая окраска и историческая судьба причастных предложений с каждым из этих значений были различны.

Изменения в употребительности причастных безличных предложений в связи с развитием их соотношений с личными глагольными предложениями

§ 22. Как уже сказано, в конце XVIII — нач. XIX в. безличные причастные предложения широко употреблялись для обозначения конкретного действия определенного лица. Не случайно среди примеров причастных безличных предложений в

[55] См.: А. Х. Востоков. Русск. грам., § 88, стр. 205; В. Классовский. Русск. грам., стр. 115.

грамматике Ломоносова большинство составляют конструкции именно этого значения: *думано было, бывало сижено* и т. п.[56] Основной тенденцией их движения в XIX в. была тенденция к ограничению употребительности и к закреплению соответствующих функций за личными глагольными предложениями.

Функция обозначения конкретного действия определенного лица была в основном свойственна предложениям, строящимся с причастиями, образованными от переходных глаголов веления, решения, речи, мысли; но они могли также строиться с участием глаголов и других семантических групп, причем не только переходных: *заплачено, покончено, пожито, выпито, целено, по рукам ударено* и т. п. Это могли быть: а) предложения с известным, но не названным субъектом действия; б) предложения с субъектом, названным формой родит. падежа с предлогом *от*; в) предложения с субъектом, названным формой творит. падежа; г) предложения, заключающие косвенное указание на субъект в формах падежей предложного (*в законе постановлено, в отчете объяснено*) или родительного с предлогом *у* (*у них решено, у меня об этом говорено*).

Такие предложения входили в сложную систему соотношений. Там, где субъект действия был назван, они соотносились с безличными глагольными (с *-ся*) и с личными двусоставными предложениями: *от гофмаршала рекомендовано — гофмаршалом рекомендовано — гофмаршалом рекомендуется — гофмаршал рекомендовал; законом запрещено — законом запрещается — закон запрещает; в «Опыте исторического словаря» умолчено — умалчивается — «Опыт исторического словаря» умалчивает*; *у докторов решено — доктора решили.* Там, где субъект действия был известен, но не назван, причастные предложения соотносились или с личными предложениями (*в Орле прожито хорошо — в Орле прожил хорошо*) или с неопределенно-личными предложениями со значением действия определенного субъекта (*велено к сердечному толкнуться — велели к сердечному толкнуться*) [57].

В предложениях с неназванным субъектом действия он восстанавливается из контекста и из общего смысла повествования.

> [Чужехват] Да в те же войду в царство небесное ворота, в которые и вы; а что *пожито* послаще и *жито* как хотелося, так то в барышах (Сумарок., Опекун, I, 4); [Еремевна] Вить ища *по рукам-та не ударено*, ваша дочь, ваша и воля (Копиев. Обращ. мизантроп, I, 8); Поднес франц[узские] книги моего выбора; *спрошено:* хороши ли? (Храповицк., Дневн.,

---

[56] М. В. Ломоносов. Росс. грам., § 523, стр. 565.

[57] Ср. у Востокова о соотношении неопределенно-личных предложений и личных предложений с причастным сказуемым: «Безличные множественного числа употребляются иногда в замену страдательного залога, напр. *книгу читают* вместо *книга есть читаема*, *его хвалят* вместо *он есть хвалим*» (Русск. грам., § 88).

6 окт. 1787 [о Екат. II]); *Говорено* о кадансированной прозе в последних пьесах, и *спрашивано* у меня, отчего сие происходит? (Там же, 12 дек. 1786 [о ней же]); [Г ж. П р о с т а к о в а] А с долгами-то разделаться? *Не доплачено* учителям (Фонв., Недоросль, V, 5); С самого приезда до светлого праздника *прожито* в Орле хорошо (Добрынин, Зап., XXVI).

Предложения этого типа в языке XIX в. постепенно идут на убыль, уступая место личным или неопределенно-личным предложениям. Однако, сокращая употребительность, они все же продолжают оставаться живой категорией и довольно регулярно отмечаются в художественной литературе, письмах, мемуарах и т. п.

[Л и з а] Однако *велено* к сердечному толкнуться (Гриб., Горе от у., IV, 11); Пришли доложить кабинет-министру, что какие-то святочные маски просят позволения явиться к нему. *Велено* пригласить (Лажечн., Лед. дом, 1, 6); Не знаю, как вы поступали противу других,— так *было поступлено* противу меня (Петрашевск., Как следует поступать по этому делу); — А квартальный зачем? — Не знаю зачем; говорит за тем, что за квартиру *не плачено* (Гоголь, Портрет, I); — Закусите! — потчевал Петр Михайлыч купца.— Благодарим покорно: *закушено* грешным делом! (Писемск., Тыс. душ., 2, IX); Рады ему, да и он-то того: *Выпито* вечно и сыт, слава богу (Некр., Дядюшка Яков); Эти опасения приняли к сердцу как Сережа, так и присутствовавшие тут же его приятели. Тотчас же *было приступлено* к обсуждению этого дела (Златовратск., Устои, 2, 2, I); Мой отец объявил мне, что он просил принца, и меня *велено* принять (Стасов, Училище правовед., I); Посмотри весь перевод и где *наврано* поправь (Крупская, п. М. И. Ульяновой, 30 марта 1900. Ленин, соч., т. 37, стр. 493).

Предложения, в которых субъект был назван при помощи родит. падежа с предлогом *от*, в языке конца XVIII в. еще были категорией живой и довольно активной [58]. Ломоносовым эта форма выражения субъекта (в применении к личным предложениям) отмечается как равноправная с формой творит. падежа [59]; еще в пер-

---

[58] Исследователи свидетельствуют о сравнительно позднем распространении конструкций с творит. субъекта и о древнейшем функционировании причастных предложений с субъектом, выраженным родит. падежом с предлогом *от*. См.: А. А. П о т е б н я. Из зап., III, стр. 433—435; А. А. Д и б р о в. Указ. соч., стр. 5, 13; А. М. С м и р н о в а. Указ. соч., стр. 10; Н. Н. А р в а т. К вопросу об истории безличной конструкции с кратким страдательным причастием в русском языке, стр. 193.

[59] «Страдательный глагол требует родительного с предлогом *от* или творительного без предлога: *книга твоя прочтена мною со вниманием*; *Дарий побежден от Александра, но убит от своих рабов*» (Росс. грам., § 506, стр. 561). См. также И. Т и м к о в с к и й. Опытный способ к философическому познанию российского языка. Харьков, 1811, стр. 86.

вых десятилетиях XIX в. она была активна в разных типах построений (*его величеству от министра народного просвещения доклад; поручения, от академии на них возлагаемые; предложен был от посла завтрак; от меня слишком бы жестоко было лишить ее моего присутствия; продаваемым предлагалось от графа выплачивать шесть копеек с рубля* и т. п.).

Рекомендовано было от обер-гофмаршала, чтобы... (Нащокин, Зап.); И троекратно *выпалено от стоящих полков* из ружья беглым огнем (Там же); Тово-то *от офицеров делать запрещено* (Васильев, Дневн., 8 янв. 1774); *От вашего превосходительства предписано* Польшею платить по семи грошей польских на милю на лошадь (Там же, 13 февр. 1774); А что был он болен, о том вам *от самого покойного,* как по делам вижу, *дано было знать* (Ф. Ф. Щербатов, п. Держ., 2 мая 1774); *От прусского двора ответствовано,* что... (Храповицк., Дневн., 22 июня 1788); Хотя *от меня* о занятии сего важного места и *писано* к его прев[осходительству] (П. Мансуров, п. Держ., 28 апр. 1774); Во всех оных двадцати двух станках *положено от казны* в год выпиливать тридцать три тысячи тесниц (Челищ., Путеш.); Опасались мы, *чтоб не велено было от командующего генералитета,* которому тотчас о прибытии моем рапортовано, меня в науках моих экзаменовать (Болот., 1,25); *Не дано* мне *знать* о том *от царскосельского начальника* (Карамз., п. В. М. Карамзину, 10 июня 1818); *От неприятелей запрещено было* хозяевам собирать плоды садовые и огородные (Добрынин, Зап., XLVII); О побеге его и покраже *публиковано от ней* в газетах (Изм., Евгений, 5, XIII); На эту статью *ответствовано от меня было* одною благодарностию (Рикорд, Зап.); *От него* строго *запрещено* ходить зрителям на пожар (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 26 и 27 дек. 1819); *От одного из оберпрокуроров представлено было* мне об определении в его канцелярию иностранца (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 7).

Предложения с *-емо, -имо* для обозначения действия определенного лица употреблялись крайне редко.

В сие время никому уже к шлюпу приближаться *от* бдительных *досинов позволяемо не было* (Рикорд, Зап.).

После 20-х годов XIX в. они практически совсем исчезли, уступив место или личным предложениям, или безличным предложениям с формой на *-о-сь* (*мною позволяемо не было — я не позволял — мною не позволялось*).

Что касается основной массы причастных предложений с субъектом действия, выраженным формой родит. падежа с предлогом *от,* то период их употребительности кончается также в 20—30-х годах XIX в. В более позднее время отдельные построения этого типа отмечаются или как средство намеренной стилизации речи (Точно так-с, ваше высокоблагородие! *от начальства* напстро-

жайше *было предписано-с.* С.-Щ., Губ., оч. В остроге, Посещ. второе) или в языке лиц, связанных со старыми языковыми нормами (*Мне поручено было от Крюднера* привести на другой день к присяге в нашей церкви двух воспитанников. Сверб., Зап., II).

Предложения этого типа прежде всего не выдерживали конкуренции с построениями с творит. субъекта, которые в языке XVIII в. функционировали как категория активная, хотя и ограниченная преимущественно сферой деловой, официальной речи. Тут же стилистическую окраску они сохраняют и в языке XIX в.

[Сорванцов] *Законом не запрещено* судье спать, когда и где захочет (Фонв., Друг честн. людей..., Разговор у кн. Халдиной); Дьячка *велено сенатом и синодом* возвратить из воинской службы (Добрынин, Зап., XIX); *Приказано было мною* открыть пальбу по городу с ядрами (Рикорд, Зап.); Так и *исполнено мною* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 6); Поступить полякам с цесаревичем так, как *нами поступлено будет* с прочими великими князьями (Показания П. И. Пестеля); Теперь *нами разобрано*, каким образом... (Отеч. зап., 1839, т. III); *Не нами заведено* заниматься особенно прилежно любовью в твои лета (Гонч., Обыкн. ист., 1, III); И *всеми стало решено:* Сойдет меж разных черных пятен И ваше «Черное пятно» (Д. М[инаев], Бенефицианту, Будильн., 1865, № 9); О предположенном еще задолго сооружении в Москве сего храма *было возвещено* во время похода 1813 года из чужих краев *императором Александром* особенным манифестом (Сверб., Зап., 1); Но с нашим Портосом, Епанчиным ... *покончено мною* окончательно (Дост., Идиот, 1, IX); *Комитетом положено* предоставить двум министрам разъяснить дело (Милютин, Дневн., I, 20 ноября 1873); *Было сознано массою общества,* что... (Черн., Заметки при чтении «Посмертн. изд.» стихотв. Некрасова); *Губернатором было приказано* пустить в ход нагайки (Судебн. заключение 1886 г.).

В предложениях с формой на *-емо:*

Это задача, о которой *было рассуждаемо* в заседании Лондонской хирургической коллегии *президентом сиром Генрихом Гельфордом* (Телеск., 1831, № 1).

Предложения, содержащие в себе косвенное указание на субъект действия, ни в XVIII, ни в XIX в. не отличались широкой употребительностью. Однако эти конструкции были более устойчивы в языке, чем построения с родит. падежом и предлогом *от.*

В «Монитёре» замечено, что ... (В. Е., 1802, № 14); *В одном из наших журналов дано было почувствовать,* что... (Пушк., Вастола, или Желания...); *В указе нашем,* правительствующему сенату того же числа данном, *изъяснено,* что... (Высочайш. повеления, ЖМНП, 1836 № 3); *В тех же*

известиях прибавлено, что ... (С. Глинка, Зап. о. М., 3); И в *«Опыте исторического словаря о российских писателях»,* изданном Новиковым, при жизни Фонвизина о том *умолчено* (Вяземск., Фонвизин, II); *В газетах было напечатано* о его кончине и погребении коротко и сухо (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *В законе постановлено,* что штрафные деньги не принадлежат хозяину... (Ленин, Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах, VI. Соч., т. 2, стр. 50).

Объявили, что *у них положено* все наши посты вдруг атаковать (Храповицк., Дневн., 24 июля 1788); Ссылаемся на то, что так *сказано у Канта, Оссияна* (Шишк., Рассужд.); Но табаку курить не давали, ибо *у них не позволено* курить на дворе в замке (Головн., Зап., 1); О свадьбе Ленского давно *У них* уж *было решено* (Пушк., Е. О., 3, VI); Здесь *у докторов за правило взято* послать хоть на неделю, после конца курса, подышать чистым воздухом (Дост., п. жене, 21 июля 1874); Старого архитектора Аничкина дворца, Дильдина, о котором *у меня* довольно *говорено* в первой главе (Стасов, Училище правовед., III).

Употребительность предложений, в которых указание на субъект действия осуществлялось при помощи сочетания *со стороны* (*кого*), в языке XIX в. явно ограничивалась.

...И совсем не похожего на такого буяна, как об нем *говорено со стороны г-на Соколова* (Добрынин, Зап., XXIII); Приказал дворовым людям стрелять из ружей в честь их; *со стороны конвоя* принцева тем же *ответствовано* (Нарежн., Росс. Жилбл., 4, X).

В целом функционирование причастных предложений для обозначения конкретного действия определенного лица в XIX в. явно идет на убыль: эта функция закрепилась за предложениями глагольными. Это было одним из проявлений общей тенденции к сосредоточению личных значений в системе личных предложений: в соотношении типа *министром* (*от министра, со стороны министра*) *приказано — министр приказал* второй член ряда оказался возобладавшим. Первый член соотношения оказался слабейшим и в ряду типа *министром* (*от министра, со стороны министра*) *рекомендовано — министром рекомендовалось.* В соответствии с общей тенденцией развития и активизации глагольных безличных предложений построения типа *не упоминалось, говорилось, в книге умалчивается* (*о чем*) рядом с *не было упоминаемо, говорено, умолчено* (*о чем*) в языке XIX в. оказались явно возобладавшими.

О развитии причастных предложений с беспредложным родит. и винит. падежом см. § 25, 27, 29.

О причастных предложениях типа *назначено быть свадьбе* см. § 3.

§ 23. Функция выражения действия неопределенного лица была основной функцией предложений с формами на *-емо, -имо*. Как уже отмечалось выше, сферой употребления этих конструкций была официальная и деловая речь.

В последнее Академии собрание *рассуждаемо было* о поданном мнении членом Академии Иваном Никитичем Болтиным (И. И. Лепехин, п. Держ., 21 февр. 1784); Имеют надзирание и за поступками башкирцев; смотрят, *чтобы* точно *исполняемо было* по посылаемым указам (Лепехин, Дневн. зап., 2); Не лучше сего *было поступаемо* в вызывании и в разборе поселения (Щербат., Статистика, IV, I); В Совете, при начатии войны с турками, *рассуждаемо было* о поборе с Лифляндии и Эстляндии (Храповицк., Дневн., 18 июня 1782); *Чтоб* с оными казенными лесами *поступаемо было* с сведения и распоряжения нашей Адмиралтейств-Коллегии (Именной указ 18 ноября 1796, ПСЗ, т. XXIV); Начальникам их в даваемых наставлениях *предписываемо было*, чтоб ... (Указ из Военной Коллегии, 1796, ПСЗ, т. XXIV); И к генерал-губернатору бумаги отправлены. *Ожидаемо было* дальнейшей резолюции (Добрынин, Зап., XII); Но генерал, так как *было* уже *предсказываемо,* не принимал никаких оправданий (Болот., 1, 27); *Было* в то время... *разговариваемо* обо мне и за столом у великого князя (Там же, 2, 147); Каждый департамент *предполагаемо было* составить из одного председателя и известного числа сенаторов (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 7); Об уступлении Польше завоеванных областей никогда *упоминаемо не было* (Показания П. И. Пестеля); Об этих происшествиях и многих подобных, говорят, *было доносимо* даже государю (Никитенко, Дневн., 26 июля 1839).

Причастные предложения этого типа находились в отношениях непосредственной функциональной и смысловой соотносительности с неопределенно-личными глагольными предложениями и с глагольными безличными предложениями с формами на *-сь: в доме о ней не было упоминаемо — в доме о ней не упоминали — в доме о ней не упоминалось*. Первый член этого ряда — причастные предложения — в силу своей явной стилистической окрашенности и узости сферы употребления, а также в силу несомненной отяжеленности конструкции был вытеснен равнозначными глагольными построениями. Примерно с середины XIX в. такие причастные предложения становятся конструкцией редкой и все более сужпвающей границы своего применения. Показательно, например, что они отмечаются в критической прозе Чернышевского, вообще нередко пользующегося устаревшими конструкциями.

До последнего времени *не было* у нас *отдаваемо* должной справедливости заслугам Надеждина в науке и литературе (Черн., Оч. гоголевск. периода, 4); В последнем отношении, как уже тысячу раз *было замечаемо* в наших журналах, Кры-

лов должен быть считаем одним из предшественников Пушкина (Там же, 1).

Предложения, строившиеся с формами на *-но, -то*, были непосредственно соотносительны с глагольными неопределенно-личными предложениями; ср. однозначное употребление этих форм:

Но между тем, сегодня уверяли меня, что ему *отказали* уже или, по крайней мере, *положено отказать* (А. И. Тург., к. Вяземскому, 28 сент. 1820); Воспитанника *выгнали* вон, ибо не знали, куда отослать его, а из снисхождения к богатой фамилии Простаковых *отписано было* к отцу, чтобы изволил прислать карету за девицами, дочерьми своими (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, 1).

Основной круг глаголов, с которыми строились безличные причастные предложения, обозначавшие действие неопределенного лица,— это глаголы решения, веления, речи, восприятия: *обо мне доложено было начальнику; в газетах помещено, будто...; об отпуске записано в журналах; о появлении моем тогда уже было рапортовано; сведано, что ...; об этом событии много говорено было в свое время; тамо определено зимовать; велено мне у двора обедать; повещено было всем съехаться ко двору; назначено было нашему полку стоять в Эстляндии* и т. п. Такие предложения во второй половине XVIII — нач. XIX в. сохраняли широкую употребительность в деловой и научно-описательной прозе, в мемуарах и письмах [60].

Обо мне *не отдано было еще в приказе* (И. Дм., к. И. П. Бекетову, 1777); И той зимы *публиковано было* о свадьбе его имп. высочества (Нащокин, Зап.); Поутру, как скоро рассвело, то *доложено было* обо мне их начальнику (Чулк., Пересмешн., 8); Уповая по крайней мере, что *записано* об их отпуске в журналах (Держ., к. императрице, 1785); Но никто не хотел возвестить о том властителю. «Почивает он», *ответствовано* умирающим англичанам (Радищ., Путеш., Чудово); Долго о сем *говорено было и советовано,* но наконец всех мнения согласны были на том, чтоб... (Болот., 1, 15); В течение времени *узнано,* что... (Добрынин, Зап., XLVI); Это настоящее событие, о котором, по свидетельству многих, немало *говорено было* в свое время (Жих., Зап. совр., I, 30 июля 1806);

---

[60] В памятниках тех же жанров XVII в. наблюдается массовое употребление причастных безличных предложений с таким значением: стольникам *сказано* в разные государства учиться; стольникам и стряпчим *велено* жить на Москве; *указано* быть воеводою стольнику князю Петру; *сказано* на службу боярину Шеину; *сказано* князь Якову в Белгород; *сказано* думному дьяку посланцем и т. п. (см.: Л. И. Таубенберг. Система глагольного и именного управления в русском языке конца XVII—нач. XVIII в. (На материале языка записок русских людей: «Дневные записки И. А. Желябужского 1682—1709 гг.», «Путешествие П. А. Толстого 1697—1699 гг.»). Канд. дисс. Л., 1958, стр. 52.

Ни в обществах, ни даже в журналах того времени *не говорено было* ничего об этих прекрасных стихотворениях (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, I, 3); Военные, повинуясь долгу, живут в Грузии, потому что так им *велено* (Пушк., Путеш. в Арзр., 2); О независимости Польши *было* глухо *говорено* (Показания П. И. Пестеля); Сегодня столице *объявлено* о заключении мира с персами (Никитенко, Дневн., 16 марта 1828); Дмитриев был уверен, что о Судиенках *оставлено и забыто* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

В сочетании с инфинитивом:

Сентября 25 *повещено было* первым пяти классам *съехаться* в 10 часов ко двору, ибо в тот день *назначено было крестить* новорожденного великого князя (Нащокин, Зап.); Я тогда весьма был рад, что *благословлено строить* церковь близ самой усадьбы моей (Там же); В 1766 году *прожектировано построить* Давыд-крепость (Щербат., Статистика, II, I); Сие письмо перехвачено профессорами, прочитано и *определено наказать* пересмешника (В. Я. Колокольников, п. И. В. Лопухину, 15 авг. 1791); Отправлен с нами был монах, которому в должность *предписано было наставлять* нас в христианском законе (Радищ., Житие Уш.); Всей команде *дано было выпить* по целой чарке водки (Рикорд, Зап.); Губернаторам, поступившим в областное управление, *предписано было иметь* неослабное внимание на все то, что действует на общее мнение... На них же *возложено внушать* поселянам надлежащие понятия о сем временном служении (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 6); Что бы я отвечал на этот вопрос, если бы мне *задано было разрешить* его — не знаю (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 3/15 янв. 1852).

В XVIII — нач. XIX в. такие предложения были употребительнее, чем в конце XIX в. и тем более чем в современном языке: к концу XIX в. неопределенно-личные глагольные предложения, стилистически нейтральные и употреблявшиеся без всяких лексических ограничений, возобладали над предложениями причастными. Это не значит, что последние перестали употребляться. Как категория деловой и книжной речи причастные предложения сохраняют употребительность на протяжении всего XIX в. Однако круг причастий здесь явно сужается: в последние десятилетия XIX в. отмечаются преимущественно предложения с формами *приказано, позволено, предоставлено, дано, назначено, положено, решено, отказано, постановлено, сказано* и под.

Сужение круга причастий, формирующих предложения, обозначающие действие неопределенного лица, особенно ярко обнаруживается в истории предложений, строившихся с такими причастиями, которые не входили в семантические группы глаголов велення, решения, восприятия или речи. В XVIII — первых десятилетиях XIX в. довольно широко употреблялись предложения паз-

ванного значения с причастиями, образованными от разнообразных глаголов конкретного действия.

После молебна *выстрелено* из 51 пушки (Васильев, Дневн., 14 июня 1775 г.); И от того, во время ночи, неоднажды в городе загоралось, однако всегда *тушено было* (Нащокин, Зап.); А 29 числа, при дворце ж, на 200 персон был ужин и балом *окончено* (Там же); Уголье сие не к самолучшим причислять должно, но к хрупким, ибо от малейшего удару копья расскакивалися: но может быть в глубине и при порядочной разработке *дойдено будет* и до крепкого (Лепехин, Дневн. зап., 2); Повсюду *было граблено* и разоряемо (Болот., 2, 84); Читали ли вы IV номер «Благонамеренного»? Мне кажется, в первой пиесе... *мечено* на Николая Михайловича (И. И. Дм., п. А. И. Тургеневу, март 1820); Я думал, что так *было делано* без вашего ведения (Гриб., Пут. зап., IV); С ними так же милостиво *поступлено,* как и с тобою (Нарежн., Два Ивана, 3, I); Покуда составлялся план, для выигрыша времени, *приступлено* было к ломке (Вельтм., Саломея, 6, III); Кажется, большие суммы на некоторое время *приостановлено выдавать* (Там же, 1, IV); — Эй! что же не накрыт стол? — Да *кушать не готовлено* (Там же, 4, IV).

Такие предложения уже с первых десятилетий XIX в. резко шли на убыль: по своему содержанию, определявшемуся лексическим значением причастной формы, они не были связаны со специфической сферой распространения безличных причастных предложений — с речью деловой, официально-книжной. Этому содержанию гораздо больше соответствовала форма неопределенно-личных глагольных предложений, которые в данном случае и возобладали над причастными.

Изменения в употребительности предложений с собственно бессубъектным значением

§ 24. В предложениях с собственно бессубъектным значением лицо, производящее действие, называемое глагольной основой, не названо и не мыслится. Поэтому в составе таких предложений нет и не может быть ни в какой форме указания на субъект действия. Прямых соотношений с другими типами предложений здесь также не было. Такие предложения строились с тремя группами слов: 1) с причастиями, образованными от глаголов веления, предназначения; 2) с причастиями, образованными от глаголов речи, мысли; 3) с причастиями, образованными от некоторых глаголов конкретного действия; причастие может распространяться инфинитивом. Все такие предложения устойчиво сохраняются в литературном языке на протяжении всего XIX в.

Предложения первой группы, строящиеся с формами *суждено, определено, (не) дано, назначено, предназначено, представлено,*

заказано, оставлено, обречено и под. (в сочетании с инфинитивом), обозначали не зависящее от воли лица, как бы предопределенное ему состояние. Субъект, испытывающий состояние, обозначался дат. падежом. Сами лексические значения перечисленных слов и общий смысл конструкции придавали таким предложениям некоторый оттенок приподнятости. Круг причастных форм на протяжении XIX в. здесь не пополнялся.

Мне *определено* несчастливу *жить* на свете (Кант., Письма о прир. и чел., 2); Потомству *предоставлено разбирать и утверждать* славу мужей великих (Фонв., п. П. И. Панину, 4 янв. 1772); Счастливы детские леты, коим *не дано чувствовать* в полной мере всего! (Добрынин, Зап., XXXIV); [Тезей] Увенчанным главам меж смертных нет судей: Богам *оставлено судить, карать* царей (Озеров, Эдип в Афинах, I, 4); Одним *назначено* дней миром *наслаждаться,* Другим — убийством *жить* и в дебрях *пресмыкаться* (В. Ф. Раевский, Послание П. Г. Приклонскому); Мы в небе скоро устаем — И *не дано* ничтожной пыли *Дышать* божественным огнем (Тютч., Проблеск); Зачем именно нам двум *суждено было жить* так далеко от друг друга? (М. А. Мойер, п. А. П. Елагиной, 19 апр. 1821); От колыбели до могилы им *пресмыкаться суждено* (Рыл., Войнаровск., 1); Тебе все *чувствовать дано,* Но жизнью ты не насладишься (Веневит., Поэт и друг); Только душам сильным, благородным *предоставлено владеть* равно тем и другим (В. Оболенск., О высоком и смешном, Атеней, 1828, № 23); Но *не суждено было исполниться* великой идее (Бутк., Пб. верш., I, Почтен. человек, II); Раскрывают им настоящий образ мыслей и поступков окружающих их людей и порядок вещей, господствующий в обществе, в котором *обречено* им *жить и умереть* (Петрашевск., Карм. слов. иностр. слов, 2, Мизантропия); Ему понравилось предсказание автора, что со временем Россия для всех народов будет обетованной землею и что ей одной *предназначено видеть* у себя начало благодатного тысячелетнего царствования христова (Жих., Воспом. ст. театр., III); Неужели *запрещено устроить* простое, мещанское счастье? (Помяловск., Молотов); *Не заказано* ветру свободному *Петь* тоскливые песни в полях (Некр., Газетная); Но его личности *было* еще *суждено возыметь* значительное влияние на мою жизнь (Тург., Лит. и жит. воспом., III).

К описанным формам относились также предложения с *позволено,* в которых значение предопределенности было отодвинуто. По смыслу и функциям они соотносились с предложениями с *можно, нельзя* и к середине XIX в. утратили употребительность под влиянием общей тенденции к сосредоточению значения возможности — невозможности в безличных предложениях наречных (см. § 10).

Вне сочетания с инфинитивом предложения этого значения могли строиться и с причастиями, образованными от глаголов речи, мысли (*сказано, написано, отказано* и под.).

[Платон Михайлович] И кто жениться нас неволит? Ведь *сказано* ж иному на роду... (Гриб., Горе от у., IV, 2); Ужели *сокрыто* от вас, что эта самая мысль страшила всех (В. И. Штейнгель, Записка Ник. I); Знать, уж мне *написано* так; вечно-то я зацепляюсь за что-нибудь постороннее (Дост., Бедн. люди, авг. 5); Нет! мне в божьих дарах *не отказано* (Некр., Застенчивость); Видно уж это в судьбах так *записано,* что человеку из мученья в мученье произойти нужно (С.-Щ., Губ. оч., Казусн. обстоятельства, Первый шаг).

Эти предложения также сохраняют употребительность в качестве конструкций с непополняемым рядом стержневых лексем. В целом причастные предложения первой группы в языке XIX в. устойчиво сохраняются как замкнутый ряд с узкой и определенной семантикой. В этом смысле показательно, что предложения типа *суждено судьбой, дано провидением* не вытесняются личными, хотя субъект действия в них и назван: по нормам своего бытования в литературной речи они «подравниваются» под предложения с отсутствующим субъектом (*суждено, дано вкусить, назначено страдать* и т. п.).

Предложения второй группы, строящиеся с формами *принято, замечено, сказано, упомянуто, доказано, разъяснено, запрещено* и под., выступают в роли главного, вводящего придаточное изъяснительного значения.

Ибо-де *примечено, что* коли бутылку поставить на стол, то один всю ее за столом выпьет (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777/11 янв. 1778 г.); *Замечено, что* землетрясения бывают осенью чаще, нежели в другое время года (Карамз., О Моск. землетрясении); Но давно *замечено* и многократно *повторено, что* всякое горе проходит (Бутк., Пб. верш., I, Сто рублей); *Принято,* например, *что* мальчиков следует держать свободнее, нежели девочек... *Принято, что* богатство — вещь хорошая (Черн., Русск. чел. на rendez-vous); До сих пор достаточно *не разъяснено,* кто решился приступить к арестам по доносу Майбороды (Завалиш., Зап. декабр., 2, X). Ср.: — Где об эфтом *вывешено, чтобы* не петь мужикам? (Гл. Усп., Разоренье, IX, 1).

Употребительность предложений этой группы также остается устойчивой на всем протяжении изучаемого периода.

Предложения третьей группы, строящиеся с причастиями некоторых глаголов конкретного действия (*занято, заперто, заведено* и т. п.), всегда вне сочетания с инфинитивом, обычно нераспространенные или распространенные обстоятельственными словами, в языке XVIII в. относительно редки; они отмечаются в контек-

стах, связанных с разговорной речью, в описаниях бытового характера, например:

Надобно было искать квартиры; никто не пускает — везде *было занято* (Болот., 1, 14).

Позднее такие предложения становятся более употребительны.

Все в комнате его дышало раем; *было* так светло, так *убрано* (Гоголь, Невск. просп.); Время обеда наступило; на стол *накрыто* (Вельтм., Саломея, 12, VII); В комнате *было* жарко *натоплено* (Гл. Усп., Кн. чеков, V); — Ишь,— говорил Михаил Иванович, следуя за Надей и глядя на разоренный двор,— ишь, *нагорожено!* (Гл. Усп., Разоренье, III, 2); — Не пущают!.. *Набито* страсть (Боборык., Китай-город, 5, XXIII); На диване еще *не было постлано* (Там же, 3, VIII); Пошел в Румянцевский музей, и по случаю Дагмаринского рождения *заперто* (Л. Толст., п. жене, 14 ноября 1866); В номерке *было прибрано,* светло, уютно (Чех., Степь, VIII).

Такие предложения во второй половине XIX в. находят довольно широкое отражение в художественной литературе — в описательных контекстах и в диалогах [61].

ИЗМЕНЕНИЯ В БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ С БЕСПРЕДЛОЖНЫМ РОДИТЕЛЬНЫМ И ВИНИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ ИХ СТРУКТУРЫ

Глагольные, причастные и наречные безличные предложения, как утвердительные, так и отрицательные, могут иметь в качестве обязательного элемента своей структуры беспредложный родит. или винит. падеж имени. По форме это падеж объекта, но по своему значению, выявляющемуся при сопоставлении этих предложений с равнозначными и функционально взаимодействующими с ними предложениями личными, этот объектный падеж во многих случаях непосредственно служит для обозначения субъекта действия или состояния, ср.: *дяди моего не отыскивалось, народу прибывало, заметно улыбку* и т. п. Развитие отрицательных и утвердительных предложений этой формы шло разными путями.

Изменения в употребительности отрицательных предложений с родительным падежом

§ 25. В языке XVIII — нач. XIX в., как и в современном языке, широко употреблялись безличные отрицательные предложения типа: *такой беды не бывало, никаких замешательств не произошло,*

---

[61] Их продуктивность дает даже некоторым исследователям основание утверждать, что причастный «безличный пассивный оборот» в русском языке «в подавляющем большинстве случаев» вообще «связан с выражением обстоятельственных отношений (*в комнате убрано, в коридоре накурено*)» (См.: Н. Н. Арват. К вопросу о сравнительной характеристике безличных пред-

многих зданий уже не существует, помощи не приходило, дяди моего в городе не случилось, не встретится препятствий, наследников не явилось, рукописей неизвестно, птиц не слышно, никакой обиды не учинено и т. п. На всем протяжении изучаемого периода для этой категории характерна неспадающая употребительность.

В одних случаях такие предложения непосредственно соотносились с двусоставными (*этих зданий не существует — эти здания не существуют, крепости не взято — крепость не взята* и т. п.), в других случаях прямой соотносительности не было.

Так, в системе глагольных предложений не входили в непосредственные соотношения с личными двусоставными предложениями, во-первых, предложения с формами связочного глагола *быть: не было конца их ласкам, не будет подражателей* и т. п.; во-вторых, предложения с формами глагола *стать: не станет возможности терпеть; ни денег, ни друзей не стало; юного певца не стало;* в-третьих, предложения с формами глагола *бывать,* употребленного не в значении нерегулярной повторяемости: *такой беды над нами никогда не бывало* (Болот., 1, 18); *Ни в какую зиму не бывало в Москве такого множества балов, как ныне* (Карамз., п. В. М. Карамзину, 9 янв. 1796); в-четвертых, в предложениях с глаголами *случиться* (в знач. «быть», «находиться») и *оказаться: графа не случилось в Петербурге, на станции не случилось лошадей, больного в комнате не оказалось*; в пятых, наконец, не были соотносительны с двусоставными предложения с усилительным *ни: не осталось ни копейки, не выпало ни минутки, не выросло ни кустика* и т. п. Во всех этих случаях безличные предложения не могли быть равнозначно заменены личными предложениями с теми же глаголами в сказуемостной функции [62].

В других случаях взаимная мена личного и безличного предложения была возможна. Но эта соотносительность с точки зрения смысловой часто является частичной, неполной. По сравнению с личными в безличных предложениях обычно есть оттенок некоторой неопределенности или обобщенности предмета, ср.: *не минуло года* и *не минул год, не возникло переписки — не возникла переписка* и т. п. [63] Показательны в этом смысле замены личных

ложений с кратким страдательным причастием в русск. и укр. языках. «Наукові записки Чернівецького держ. ун-та», т. 42. Серія філол. наук, вип. II, 1961, стр. 156).

[62] В более ранние эпохи возможности непосредственной соотносительности здесь были, по-видимому, шире. См.: А. А. Потебня. Из зап., т. III, стр. 481 и след. (см. там примеры из др.-р. языка: *таков пожар не бывал николиже во Пскове.* Пск. I, 313; *бысть мор в коних, он же не был николи же.* 1154. Лавр..., 2 234; *а жалованье им не даетца никакое.* Котош. 113; в Цареграде... улицы и дворы все камнем мощены, так *у них ни грязь, ни сор отнюдь не бывает.* Пут. Лукьян. 33 и мн. др.). См. также: М. И. Пигин. Из истории отрицательных безличн. предложений в русск. языке. «Лингв. сб», вып. 1. Петропавловск, 1962.

[63] Об «оттенке неопределенности» в таких конструкциях см.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 335. Говоря о возможно-

конструкций безличными в рукописях Пушкина:

Черновые редакции и варианты	Окончательный текст
...дабы никуда преждевременно *не дошло* о нем *известие* (Ист. Пугач., 2, Рукописные варианты)	...дабы никуда преждевременно *не дошло* о нем *известия*
Во Франции *не остались никакие памятники* чистой ро(мантической) поэзии (О поэзии классической и романтической)	*не осталось никаких памятников*

В противоположность безличным личные конструкции подчеркнуто указывают на определенный субъект:

Думают доказать доводами, что *бог не существует* (Фонв., Чистосердечн. призн., 3); Его императорское величество изволил повелеть, дабы от сего числа в С.-Петербургской крепости из пушки *выстрел* по утру и ввечеру более уже *не производился* (ПСЗ, XXIV, 1796); Журнал из Моздока в Тифлис получишь после, потому что *он* еще *не существует* (Гриб., Пут. зап., II); Хотя в 1612 году великолепная *церковь Святого Сергия,* высочайшая в России *колокольня, две башни* прекрасной готической архитектуры и *много других зданий не существовали* еще в Троицкой лавре, но... (Загоск., Ю. М., 3, V); *Владимир* уже *не существовал:* он умер в Москве (Пушк., Метель); При поступлении в университет *знание сих предметов* от них *не требуется* (Высоч. повеления, ЖМНП, 1836, № 2); До нашего 1812 года *не существовало правило касательно безусловной сдачи столиц* (С. Глинка, Зап. о М., 3); Вспомнила, что *выкройка для модного платья* еще *не находится в ее руках* (Гоголь, М. д., 1, IX); Тот же Григорьев заложил Попову еще какую-то пару серег; *серьги эти* также *не оказались* между вещами Попова (Речь тов. прокурора М. Ф. Громницкого, 1867); Мебель и уборка выписаны морем из Вены *(Одесса* тогда еще *не существовала*) (Сверб., Зап., I).

То же самое в причастных предложениях:

Теперь еще *ничто не решено* и *ничто не положено* (М. А. Мойер, п. А. П. Киреевской, 13 февр. 1816).

сти замены предложения *у меня не было в кармане ни гроша* предложением *ни один грош не был у меня в кармане*, Пешковский пишет, что «при этом происходит резкое изменение смысла — так сказать можно только про о п р е д е л е н н ы е предметы (например, если бы говорилось о ранее известных грошах). *Ни одного гроша не было* обозначает безденежье, и *гроши* сами по себе тут ни при чем. *Ни один грош не был* обозначает, что ни одного из тех г р о ш е й, о которых ранее говорилось, не было, хотя, быть может, были и рубли и тысячи рублей».

Таким образом, прямая и полная соотносительность безличных и личных предложений здесь была только тогда, когда в безличных предложениях обозначался конкретный и определенный предмет: *этой встречи не состоялось — эта встреча не состоялась, дяди моего не отыскивалось — дядя мой не отыскивался, ожидаемой помощи не приходило — ожидаемая помощь не приходила* и т. п. Глагол в таких предложениях обычно имел значение конкретного движения, выявления, обнаружения. На протяжении XIX в. соотносительное употребление этих форм не оставалось неизменным.

Для языка конца XVIII — первых десятилетий XIX в. характерно такое соотношение, при котором безличные предложения, строящиеся с глаголами конкретного движения, выявления, обнаружения, употреблялись довольно свободно и без каких-либо видимых стилистических ограничений.

Царя Казанского во дворе его, по многом искании, *не нашлось* (Рычков, Опыт. Каз. ист., XI); Но еще *указу не состоялось* (Держ., п. В. В. Капнисту, 7 авг. 1791); У меня *его* [хлеба] ныне *не родилось* (Держ., п. Д. Б. Мертваго, 18 окт. 1795); Предписано в доме описать имение; но *оного* ничего *не нашлось* (Держ., Зап., V); *Ответов его* в комитет еще *не поступило* (Держ., п. В. В. Капнисту, 27 ноября 1813); Купцов для дому и поныне нет, да и *жильцов также не находится* (М. Д. Бастидонова, п. Держ., 16 февр. 1786); *Не успело сего произойтить,* как... (Болот., 2, 96); Грустно мне было услышать от Жуковского, что *тебя* сюда *не будет* (Пушк., п. П. А. Плетневу, 1831); Ловлю все признаки летучих сновидений, Но в них *божественной не блещет красоты* (А. Одоевск., Два образа).

Аналогичное положение отмечается и для причастных предложений: в языке конца XVIII — нач. XIX в. они нередко несли в себе в форме родит. падежа указание на вполне определенный, конкретный предмет[64]. Здесь имела место прямая соотносительность с личными предложениями.

И приступили к крепости, которая называется Гагецберг, где войско российское претерпело не малый урон, а *крепости той не взято* (Нащокин, Зап.); *Вице-Президента* сея Коллегии *не означено* (Щербат., Статистика, VI, I); Однако еще и поныне *указа* сюды *не прислано* (Д. М. Свистунов, п. Держ., 30 марта 1786); *Хлебопашества, сельского рукоделия* в губернии не *поощрено* (ПСЗ, 1796, т. XXIV); Тогда еще

[64] «В предшествующие периоды такие предложения имели широкое распространение. Так, например, в «Записках» Желябужского (1682—1709 гг.), в «Путешествии» П. А. Толстого (1697—1699) исследователи отмечают обилие конструкций типа *того еще неведомо, мосту не сделано, пошлин не доправлено* (см.: Л. И. Таубенберг. Указ. соч., стр. 34).

подъезжачего подмосковного *Петровского дворца построено не было* (Держ., Зап., II); *Хлеба*, который ко мне от вас отправлен, по сю пору еще *не получено* (А. И. Васильев, п. Держ., 23 мая 1788); Намерение общества было введение в государство конституции, *которой полной написано не было* (Показания П. И. Пестеля); *Плана конституции Пестеля* также к нам *не было доставлено* (Показания К. Ф. Рылеева); Но *этой черты* не описано подробно в «Записках» Дмитриева (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); О русских журналах и не снилось никому, разве одному Новикову, *русской истории* тоже еще *не было открыто* (Герц., Долг прежде всего, IV).

В языке второй половины XIX в. такие предложения — как глагольные, так и причастные — явно ограничиваются в своем употреблении и становятся категорией стилистически значимой: они или несут в себе оттенок непринужденности, разговорности, или — в официальной речи — звучат как отражение старой нормы.

У меня и так всего четыре человека офицеров и *прислуги полной в строй не выходит* (Л. Толст., Севаст. в авг. 1855 г., 20); Но *не явилось еще никого — ни Семена Ивановича, ни попрашайки-пьянчужки* (Дост., Госп. Прохарчин); Где же Максим Петрович, который никого не грабил и вырос в «неблагоприятных обстоятельствах» русской жизни? Но *Максима Петровича не отыскивалось* (Гл. Усп., Разоренье, XI, 3); Может быть, *таких начал не лежит* в натуре других людей — я их не сужу; а в моей натуре лежит (Помяловск., Молотов); Не здешний он, этот человек, да и здесь *его* теперь *не находится* (Дост., Бр. К., 8, I); Так оно казалось и так бы на самом деле существовало, если б *не было замешано* тут молоденького существа, моей будущей героини, *Настеньки* (Писемск., Тыс. душ, 1, II); При обыске *этого сюртука не найдено* (Речь тов. прокурора М. Ф. Громницкого, 1867).

К концу века такие предложения в письменной речи уступают место личным двусоставным предложениям.

Процесс ограничения употребительности отрицательных безличных предложений с родит. падежом протекал в русле общей тенденции к сосредоточению определенно-личных значений в личных предложениях. Поэтому в тех случаях, когда в безличном предложении формой родит. падежа обозначался не определенный, данный, конкретный предмет, а предмет неопределенный, один из возможных (с наличествующим или возможным определением *такой*, *никакой*, *ни один*, *какой-нибудь*),— в этих случаях безличные предложения не уступали места личным.

Мост вислянский сорвало, но, сказывают, что *никого не погибло* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 7 янв. 1821); И *многих не пришло*. При звуке песней новых Почили славные в полях Бородина (Пушк., Воспом. в Царск. селе [Воспоминаньями смущенный...]); *Никого из важных особ* в Европе *не ис-*

чезло (Пушк., О железной маске); Время поэзии индивидуальной прошло, *другой* еще *не созрело* (Борат., п. Вяземск., дек. 1832); — А генерал-то проехал.— Какой генерал? *Никакого генерала не проезжало* (Вельтм., Саломея, 1, I); *Не шло* за ним *никого из соседей-помещиков*, но зато валила бесконечная толпа черного народу (Совр., 1858, т. LXVIII); *Русских молодых людей*, кроме Пирожкова, *не жило* в пансионе (Боборык., Китай-город, 4, II); Людмила Петровна сдержала слово: *старых и дурных дам* совсем *не входило* (Там же, 4, XXIV).

Тем более сохраняли употребительность те предложения, в которых неопределенно или обобщенно мыслимый предмет был выражен именем существительным отвлеченного значения или любым другим существительным с определением *никакой, такой* и т. п.: *не послано ответа, не найдено никакой разницы, никакого успеха не достигнуто, не оставлено ни одного экземпляра, запрещения не содержится, такой беды не случалось, пользы произойти не может, работы не перепадало, не предстояло никаких препятствий* и т. п. Соотносительные с ними личные двусоставные предложения к концу XIX в. вышли из употребления. В XVIII — нач. XIX в. они еще отмечаются.

Стрельцы хотя рабам судили дать свободу И, крепости поправ, сказали то народу; Однако *никакой не следовал успех* (Лом., Петр Вел., I); [Нарсим] *Не слыхано* еще на свете *зло подобно* (Лом., Тамира и Селим, 5, явл. последн.); [Клара] Так *едакое дело*, я чаю, никогда от начала мира во всей подсолнечной *слыхано не бывало* (Сумарок., Лихоимец, III, 2); В продолжение четырех столетий *не возникла* в Европе *ни одна отрасль наук или художеств* (ЖДНП, 1823, май); Я видел живописный Нейгаузен, и в нем *не раздавался* уже *звук стаканов, ни гром оружия* (Марл., Замок Нейгаузен, VIII). Ср. отражение уходящей нормы в «Записках» Свербеева: У нас *не существовали* в конторах *колодки*, к которым приковывались виноватые (I, стр. 28); В коренной России нигде *не случалось такое*, как там, *количество* продолжительных ябеднических *процессов* (I, стр. 218).

В течение XIX в. безличные предложения типа *не возникло ни одной отрасли наук, не случалось процессов, не слыхано подобного зла* и т. п. не только сохраняли устойчивую употребительность, но и явно активизировались; этому способствовало расширение семантических групп глаголов, способных выступать в качестве стержневого слова безличной глагольной конструкции: со второй половины XIX в. здесь последовательно отмечаются предложения, строящиеся с глаголами восприятия и речи.

Когда и во сне *не представлялось* теперешнего *свидания* (Дост., Идиот, 4, VIII); *Этого не могло и воображаться* Лопухову (Черн., Что делать?, 3, XXI); Во всем этом *не чуялось*

ею даже и того ничтожного *интереса и смысла,* которые... (Гл. Усп., Разоренье, V, 1); В помощнице или жене *не чувствовалось* ни малейшей *надобности* (Там же, V, 2); От пришельца *не спрашивалось* даже *никакого письменного вида* (П. Федоров, Соловки); Утомленные бестолковою борьбой, которой *не виделось конца* (Корол., Павловск. оч., I, IX).

Предложения с глаголами этой семантической группы получили распространение позднее — в литературном языке XX в.

Из предложений, строящихся с глаголами бытия, на протяжении XIX в. последовательно шли на убыль лишь предложения с *не имеется* (*не имелось*), *не находится* (*не находилось*), равнозначные с построениями с *нет* (*не было*) (*не имелось известий — не было известий, другого списка у меня не находится — другого списка у меня нет).* Уже в языке XVIII — нач. XIX в. предложения с *не находится, не имеется* были явной принадлежностью официальной речи и рядом со стилистически нейтральными построениями с *нет, не было* воспринимались как форма подчеркнуто книжная.

[Подьячий] В нем *чести не имеется* (Сумарок., Ядовитый, 13); [Крючкодей] *Не имеется никакого зазору* тебе поцеловать меня (Матинск., Спб. гост. двор, II, 4); Сии записки, которым *подобных* на языке нашем еще *не находится* (Шаховск., Зап., I, От издателя); На Кильдине *никаких крупных зверей не находится* (Озерецковск., Описание Колы); Тут *никакого жительства не имеется* (Там же); *Прописываемого* ж *дела* в том департаменте еще не имеется (Сенатск. указ 1796 г., ПСЗ, т. XXIV); Другого же его и *старшего сына,* а моего прежнего в играх сотоварища, *Михайлы Матвеевича,* тогда при нем *не находилось* (Болот., 2, 103); Так как *другого списка* у меня *не находится,* то приемлю смелость просить ваше превосходительство оный мне возвратить (Пушк., п. А. Х. Бенкендорфу, 29 ноября 1826); Но *донесений* сего генерала в военную коллегию... тут *не находится* (Пушк., п. А. И. Чернышеву, 8 марта 1833); Если в заседании не находится по крайней мере *двух третей наличных членов* (Устав Демидовск. лицея, II, ЖМНП, 1846, ч. XLIX).

В первой половине XIX в. эти построения еще сохраняют употребительность в соответствующих сферах речи; однако уже с середины века они выступают как средство стилизации в речи литературных персонажей или как формы явно устаревающие [65].

---

[65] Ср. аналогичные тенденции в употреблении двусоставных предложений с *имеется, находится*: В летописцах наших *имя города Казани не находится* (Рычков, Опыт Каз. ист., IV); Нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы *не находилась неизбежная фраза*: мы думали угодить публике (Пушк., О Мильтоне); Не знаю, *имеется ли елка* в Туруханске, но в Крутогорске она во всеобщем уважении (С.-Щ., Губ. оч., Праздники, Елка).

§ 26. На протяжении XIX в. сохраняли употребительность безличные отрицательные предложения, строящиеся с наречиями *нужно, надо, надобно, слышно, видно, заметно, приметно, известно, желательно.* Они вступали в непосредственные соотношения с личными двусоставными предложениями: *их не надобно — они не надобны, этой статьи мне не нужно — эта статья мне не нужна, срока возвращения неизвестно — срок возвращения неизвестен, всадников не видно боле — всадники не видны боле* и т. п. Все перечисленные наречия словообразовательно соотносительны с глаголами. Их ряд был устойчиво ограничен и не пополнялся. Пополнением ряда нельзя считать эпизодическое употребление форм, по значению совпадающих с одним из перечисленных наречий, например: Но особенной *разницы* ото всего этого для нас *не было чувствительно* (Стасов, Училище правовед., I) [66].

Ограничение употребительности этих конструкций в XIX в. коснулось прежде всего тех построений, в которых родит. падежом обозначался определенный, конкретный предмет. Показательна в этом смысле судьба предложений с *неизвестно.* В конце XVIII — нач. XIX в. предложения типа *этого неизвестно* отмечаются с относительной регулярностью.

> Но что он учинит, *того не известно* (Держ., п. Кречетникову, 7 апр. 1774); В полку *точного дня моего рождения неизвестно* (Болот., 1, 23); А что будет и чем кончится, *того всего* нимало еще неизвестно (Там же, 2, 106. Ср. с другими наречиями: *Фуража* им *не потребно* (Кречетников, п. Держ., 13 мая 1774); *Дороги было* вовсе *не видно* и *неприметно* (Болот., 2, 114).

В XIX в., особенно во второй его половине, предложения с *неизвестно,* несущие в себе указания на определенный предмет, отмечаются как формы устаревающие.

Потерявших всякую мысль о чем-нибудь высшем копеечного преферанса (*которого,* впрочем еще *не было известно*

[66] А. И. Валькова («Переходные» предикативные наречия в совр. русск. лит. языке. «Уч. зап. Курского гос. пед. ин-та», IX, 1959, стр. 90) приходит к выводу, что «переходность» наречий — «черта живая и продуктивная» и что «круг переходных предикативных наречий расширяется». (Ср. с е ж е. Предикативные наречия в совр. русск. лит. языке. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1961, стр. 12.) На самом деле это не так. Прежде всего родит.-винит. падеж как в отрицательных, так и в утвердительных предложениях (*не видно дороги, видно дорогу*) распространяет не слово, а предложение: следовательно, никакой «переходности» наречий здесь нет. Нельзя не замечать также, что тенденции развития отрицательных и утвердительных безличных предложений с родит. и винит. субъекта различны: если отрицательные предложения как категория в целом устойчиво сохраняются, то утвердительные предложения явно движутся в сторону лексического ограничения наполнения модели и стилистического ограничения (см. § 27—28). Приводимые А. И. Вальковой примеры «переходности» слов *понятно, ясно* не могут служить доказательством продуктивности изучаемого ею явления, так как эти слова связываются только с местоимением *ничего* (*ничего не ясно, ничего не понятно*), генетивное значение которого в современном языке в значительной степени стерто.

во времена Гофмана) (Черн., Русск. человек на rendez-vous); Других подлинных *рукописей Хемницера не известно* (Примечание Я. Грота к письму Хемницера, 1869); В старославянском *примеров* мне *неизвестно* (А. А. Потебня, Из зап., I—II, 1888, стр. 517) [67].

В целом в развитии категории отрицательных безличных предложений с родит. падежом в XIX в. обнаруживается тенденция к сокращению употребительности таких конструкций, в которых родит. падежом обозначается определенный, единичный предмет или лицо. Именно в этих случаях безличные предложения непосредственно соотносились с личными и в письменной речи уступали им свое место. В случаях же, когда родит. падежом предмет обозначался как обобщенный или неопределенный, прямой соотносительности практически не существовало и безличные предложения сохраняли и продолжают сохранять в литературном языке постоянную употребительность.

Изменения в употребительности утвердительных предложений с родительным и винительным падежом

§ 27. В литературном языке конца XVIII — первых десятилетий XIX в. свободно функционировали утвердительные глагольные безличные предложения, обязательно включающие в свой состав родит. падеж. Эти конструкции были исконными: в древнерусском языке, как и в других славянских языках, для них характерна широкая употребительность [68].

В конце XVIII — первой половине XIX в. родит. падеж функционировал здесь при глаголах определенных словообразовательных и семантических групп: это были: 1) глаголы без аффикса *-ся*, обозначающие бытие, появление, обнаружение или исчезновение (*быть, бывать, убывать* [69], *прибывать* и под.), а также 2) глаголы с аффиксом *-ся*, обозначавшие наличие, появление, исчезновение или необходимость (*оставаться, сохраниться, убавиться,*

---

[67] Пример заимствован из статьи: А. П. Вальькова. «Переходные» предикативные наречия в совр. русск. лит. языке, стр. 86.

[68] См.: А.А. Потебня. Из зап., т. III, стр. 438 и след.; А. А. Шахматов. Синтаксис, стр. 119; А. А. Дибров. Безличные предложения в русск. деловой письменности; В. Е. Ляпунова. Безличные предложения в памятниках..., стр. 316—317. Ср. широкое распространение таких конструкций в современных северновеликорусских говорах: Неужели *куниц* мне попало в колодези? Весной так у нас *песен найдется*; Заприте избу-ту: *мух-то налетит! Девушек-то собираец'и*. Особенно часто при *есть, бывает, было, будет*: *Есь* у нас *рек, озер, лесу. Есь всякого народа, всяких людей. Сесетер было. Тех волков есь*, пробегают. *Бывает пожаров*. В Москве *арбузов бывает*? (См.: Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 50—51; А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 206—207). Материалы см. также: П. Г. Стрелков. Указ. соч., стр. 17.

[69] См. у И. Тимковского («Опытный способ к философическому познанию росс. языка», стр. 72): «*убыло воды*, т. е. *убыла вода*».

уменьшиться, прибавиться, умножиться, требоваться, понадобиться и т. п.).

Сферой употребления таких предложений в названный период были преимущественно повествовательная проза, дневниковые записи, мемуары, письма, язык комедии. Однако какой-либо подчеркнутой стилистической окраски такие предложения не имели.

1) Такой великой *перемены* чинам в Европе редко *бывает* (Нащокин, Зап.); Они в живых, и *убыло кручины* (Катен., Мстислав Мстиславич); Авось *храбрости* в тебе *прибудет* (Загоск., Ю. М., 3, III); Что за беда — посидеть какую-нибудь неделю без обеда? *того ли еще будет* на жизненном пути? (Гоголь, п. матери, 30 апр. 1829); Мелкого нашего *народу* с каждым днем *прибывало* (И. Пущин, Зап. о Пушк.); Театров по губернским городам, *домашних театров,* тогда, если и *было,* то весьма немного (Вяземск., Фонвизин, I).

2) Однако сказать можно ныне о зверях, что *их* весьма *убавилось* (Щербат., Статистика, III, I); Бить мы везде начали злодеев, да только *сей саранчи умножилось* до невероятного числа (А. И. Бибиков, п. Фонв., 29 ноября 1774); Чрез сие *требуется* почти *отрешения* моего (Держ., п. И. В. Гудовичу, 6 июля 1786); *Прусаков уменьшилось,* может быть, по причине извести (Добрынин, Зап., XLVI); *Другой невесты,* может быть, и не скоро *сыщется* (Болот., 2, 112); С того времени *сочинений* ваших *прибавилось* (И. И. Дм., п. А. Х. Востокову, 23 дек. 1806); Как человек — он поступил очень благоразумно, но в герое поэмы *не благоразумия требуется* (Пушк., п. В. П. Горчакову, окт.-ноябрь 1822); Критика литературная у нас ничтожна: почему? Потому, что в ней *требуется не одного здравого смысла,* но и *любви* и науки (Пушк., «История поэзии» С. П. Шевырева); От людей, намеревающихся некогда принять обязанность воспитателя, *требуется* и врожденных к тому *способностей,* и собственного неусыпного *старания* (Атеней, 1828, № 21); Обыкновенно *требуется* более или менее продолжительного *времени* для приведения в некоторый покой или равновесие суждения публики (Отеч. зап., 1839, т. III); Было время, когда *требовалось исторических романов* по образцу Вальтер-Скота; ныне *требуется домашних, семейных романов,* на манер английских (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

В XVIII в. еще сохраняются следы идущей из древности большей свободы лексического наполнения этих конструкций со стороны глагола.

Пошел немалый снег, *которого* беспрерывно *шло* 29 часов (Нащокин, Зап.) [70].

---

[70] Ср. в указанной статье В. Е. Ляпуновой (стр. 317) примеры типа *пришло обжигальщиков и кирпичщиков.*

На протяжении XIX в. утвердительные глагольные безличные предложения с родит. падежом сужают сферу своего распространения и ограничиваются в употреблении [71]. По отношению к группе предложений со значением необходимости здесь действовали изменения соотношений с другими типами безличных и с личными предложениями; судьба предложений, в которых генитив имел не только субъектное, но и количественное значение (см. ниже), определялась развитием их соотношений с двусоставными предложениями, в которых в состав подлежащего входило количественное слово; наконец, определенная группа предложений подверглась частичной фразеологизации. В целом же такие предложения сосредоточивались в области разговорной речи.

Предложения с глаголами *требоваться, понадобиться* находились в непосредственных соотношениях с двусоставными предложениями с этими же глаголами и с формами *надобен, нужен, необходим,* а также с безличными наречными предложениями *с надобно, надо, нужно: для этого требуется глубокого размышления — для этого требуется (надобно, нужно) глубокое размышление — для этого надобно (нужно) глубокого размышления.* В этом соотношении глагольные безличные предложения не были сильнейшим членом ряда: в силу общей тенденции к закреплению личных значений за личными конструкциями здесь возобладали двусоставные предложения со сказуемым, непосредственно выражающим необходимость (*нужен*) [72].

В предложениях, строящихся с некоторыми глаголами бытия, нарастания, выявления, родительный субъекта одновременно мог иметь значение количественное: *наехало гостей, было разговоров, расплодилось жуликов, набралось постороннего народу* и т. п. [73]

---

[71] Замену таких предложений личными двусоставными В. И. Чернышев расценивал как свидетельство утраты языком его прежних достоинств — богатства и гибкости (см.: «Правильность и чистота русской речи», стр. 197).

[72] В литературном языке XIX в. из двух равнозначных слов — *нужен* и *требуется* — в составе личных предложений второе несло на себе явный налет архаизирующейся и канцелярской речи. Ср.: Для доведения пахотных полей до найденной степени урожайности *требовалось употребление* некоторых капиталов (Отеч. зап., 1839, т. III); А между тем в жизни *требуется труд* (С.-Щ., Губ. оч., Талантл. натуры, Лузгин); Купцу еще *требуется двор*, обнесенный забором с гвоздями (Гл. Усп., На старом пепелище, 4). Ср. стилистически нейтральные и возобладавшие в литературном языке: *нужно употребление капиталов, в жизни нужен* (*необходим*) *труд* и т. п.

[73] Сопоставляя сочетания с винит. и родит. падежами *куплю овчин и куплю овчины* и под. А. И. Томсон устанавливает в первых значение конкретной неопределенности (род. падеж обозначает «сплошную массу предметов в совокупности»), во-вторых, — значение конкретной определенности (вин. падеж обозначает «конкретное множество отдельных предметов»). Далее А. И. Томсон пишет: «Из предыдущего объясняется то с первого взгляда странное явление, что в известных языках genitivus partitivus является иногда в положении подлежащего, напр. «набралось воды, народу», «есть молодцов» (Бусл., Синт., 253); малорус. «е того цвіту по цілим світу»; «народу як дим идé»; серб. «кад има хљеба, нема соли» (Jagič, Beitr. z. slav. Syntax, 16, 17), лит. «sziañ-

Эти предложения были непосредственно соотносительны с двусоставными предложениями, в которых подлежащее выражалось сочетанием родит. падежа со словом *много*: *нашло много народу, расплодилось много жуликов, было много разговоров* и т. п. Эти последние по сравнению с безличными предложениями были стилистически нейтральны; они и закрепились в письменной речи в качестве литературной нормы.

При формах глаголов *быть, бывать* во второй половине XIX в. сохранилась преимущественно форма *всего,* обозначающая множественность предметов. Эти предложения образовали синтаксический фразеологизм.

Сам ли как пьяный в воду залез, али подвезли кто — шут знает. *Бывает всего!* (Писемск., Тыс. душ, 3, I); Тут *всего было:* танцевали в шестнадцать пар..., играли в горелки (Черн., Что делать?, 3, VI); Подмастерье рассказывал про свое имущество, что «*всего было*» (Гл. Усп., Нр. Растер. ул., III).

В целом глагольные безличные предложения с родительным (как со значением количественным, так и без этого значения) во второй половине XIX в. закрепились в языке как стилистически окрашенная категория, характерная для разговорной речи и связанного с ней непринужденного повествования.

Взял я свое добро, *деньжонок кой-каких было* (Дост., Честн. вор); Промочила ножки и хоть выжми шубку... *Было* мне *заботы* обсушить голубку! (Некр., Буря); Собака начнет ворчать, у него и *хлебца* в руке *есть,* и опять все затихнет (С.-Щ., Губ. оч., Прошл. времени, Второй рассказ подьячего); Вот есть об чем убиваться, об девчонке, *этого добра* еще *будет!* (С. Акс., Сем. хрон., Жизнь в Уфе); [И ж б у р д и н] Что-то там *комиссионеров наехало,* ровно звезд небесных (С.-Щ., Губ. оч., Что такое коммерция, I); А ведь в Петербурге каждинный божий день *народу намрет,* что снегу с подворотни навьет (Гл. Усп., Квитанция, I); *Народу* в дилижансе *убыло* (Фет, Мои воспом., I, VI); *Таких примеров бывало!* (Станюк.,

---

dẽn žmonȗ (род. мн.) pàs manę̀ ateĩs»—сегодня люди придут ко мне (см. Delb., Synt., I, 332). Дело в том, что только в прямом дополнении выработалось в праязыке особое формальное различие для «вещественных» и для «предметных» понятий, а именно, при первых употреблялся род. п., который таким образом по неизбежной ассоциации и сделался знаком представления неопределенного пространственно неограниченного вещества и сходного с ним представления множества предметов в совокупности. Поэтому род. пад. стал иногда по требованию реального значения появляться и в качестве подлежащего. Но так как подлежащее при личном глаголе было всегда в именительном п., то такой род. п. не мог делаться грамматическим подлежащим и глагол, за отсутствием грамматического подлежащего, принимает форму безличную. Это различие в значении понятно, напр., из сопоставления: «набралась вода» и «набралось воды», «наехали гости» и «наехало гостей» (А. И. Томсон. К вопросу о возникновении родит. падежа в славянских языках. — ИОРЯС, 1908, т. 13, кн. 3, стр. 293).

Нянька, VII); Провожали меня, точно на тот свет, *было даже и слез* (Корол., п. Э. И., Э. Г. Короленко и М. Г. Лошкаревой, 29 окт. 1879); А В. А-чу тоже *перепало работы!* (Ленин, п. М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 17 марта 1899. Соч., т. 37, стр. 176).

Может быть, *понадобится птичьих перьев* (Гоголь, М. д., 1, III); *Теста* со вчерашнего вечера еще *осталось* (Там же); *Тургеневых* вдруг в Париже *расплодилось* как мух (Из письма И. С. Тургенева 1859 г. Фет, Мои воспом., I, X); *Воздуху* для груди точно *прибавилось* (Дост., п. жене, 6 июля — 24 июня 1874); А уж там и раньше нас *набралось* голого *народу* (Гл. Усп., Нр. Растер. ул., I); Как ни придирайся к любезному отечеству, а *добрых людей водится* во всех губерниях (Боборык., На ущербе, 1, IV); *Жуликов расплодилось*, несть числа! (Боборык., Китай-город, 4, XXVII); *Денег* у нас едва ли *останется* (Л. Толстой, п. жене, 16 мая 1892); *Набралось* еще постороннего *народу* (Корол., Павловск. оч., Заключение).

Причастные предложения с родит. падежом уже в конце XVIII в. были характерной принадлежностью речи, не связанной с официальной письменностью: они отмечаются в дневниковых записях, в письмах, позднее — в повествовательной прозе.

Сей год *умножено* в Петербурге *полков* для дворцовой работы (Нащокин, Зап.); К тому *прибавлено* покупной *меди и олова* (Мордв., Зап.); *Всего приготовлено* вдоволь (Жих., Зап. совр., I, 28 сент. 1805).

В течение XIX в. эти конструкции в основном сохраняют употребительность в тех же сферах речи.

У каждого наружность, как сам он, разряжена: взору щедро *придано огня*, устам *улыбки*, щекам *румянцу*, движениям *ловкости*, всему стану *достоинства, важности, значения* (Вельтм., Саломея, 7, II); У меня, говорит, *работы навалено*! (Гл. Усп., Нр. Растер. ул., I); Анекдот до того становился изукрашен скандалами..., до того *придано было* ему разных фантастических и загадочных *оттенков*, ...что... (Дост., Идиот, 4, IX); *Нанесено было снегу* на ногах (Боборык., Китай-город, 3, XIV).

§ 28. Наречные предложения с родительным и винительным в конце XVIII — нач. XIX в. были конструкцией стилистически нейтральной. Круг предикативных наречий, способных иметь при себе родит. или винит. падеж, был ограничен словами *надобно, надо, нужно, потребно, заметно, приметно, видно, слышно*[74].

Потребно будет о нем *объяснения* (Держ., п. П. Мансурову, май 1774); По крайней мере *надобно* для них *таких*

[74] Анализ таких построений в современном языке см.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 408.

актеров, как Ла-Рив, Сен-При, Сен-Фаль (Карамз., П. р. п., 29 апр. 1790); *Потребно,* мню я, для сего Одну хоть *искру* воображенья (Пнин, Стихи на сон); Такой происходил вой, крик. шум и гарк, *какого* от создания мира едва ли *слышно было* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, XVIII) [75].

Такие предложения находились в регулярных соотношениях с личными двусоставными предложениями: *нужно объяснения — нужно объяснение, заметно улыбку — заметна улыбка, этого желательно — это желательно.*

На протяжении XIX в. сфера употребления таких предложений постепенно сужается. Стилистически нейтральное их употребление сохраняется примерно до середины XIX в., ср.:

Его замыслам стало душно, его чувству *нужно было* и *прохладу* воздуха и *простор* неба (Н. Павл., Ятаган, IX); *Надо* когда-нибудь *развязку* (Лажечн., Лед. дом, 3, 7); Вам *нужно мертвых душ?* (Гоголь, М. д., 1, V); Чаще же всего *заметно было* потемневших *двухглавых государственных орлов,* которые теперь уже заменены лаконической надписью: «Питейный дом» (Там же, 1, I); *Надобно было людей нового поколения,* не свихнутых, не подломленных (Герц., Б. и д., 4, XXX); Для этого *надобно* или особенную бесстрастную *стертость* или отвлеченные *занятия* (Там же, 4, XXV).

Во второй половине XIX в. из двух соотносительных конструкций двусоставные предложения утвердились в качестве нормы литературной речи, а безличные предложения с родительным и винительным сосредоточились преимущественно в области непринужденного повествования и разговорной речи. Косвенным свидетельством этого является то, что в это время такие построения начинают отмечаться преимущественно в речи литературных персонажей, в фельетонах, в дневниковых записях и письмах.

Мне *нужно света, простора* (Тург., Накануне, II); Вон Пруссия одна разрешает... Но разрешит ли она? Не *нужно* ли тут *помощь* «Петербургских» или «Московских ведомостей»?... Может быть *Германию нужно?* (Будильн., 1865, № 16); Мне не *поэзию надо,* я знать хочу (Помяловск., Молотов); Он позволяет себе шажком объехать вокзал, оглядывает его и говорит: «Тут *ума надо!*» (Гл. Усп., Разоренье, II, 1); Братцы!... На что *меня нужно?* Не нужно меня! (М. Г., Ф. Г., X).

Показательно, что, отмечая как новое для языка второй половины XIX в. «управление» *больно голову,* В. В. Виноградов приводит пример употребления этого сочетания как такого, которое

---

[75] См. также примеры в кн.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Изд. 2. М., 1954, стр. 372.

связано с нелитературной речью и осуждается блюстителями чистоты русского языка [76].

Конструкциями типа *нужно света, ума надо* поддерживалось распространение примерно с середины XIX в. глагольных (с *понадобиться, требоваться* и под.) безличных предложений с винит. падежом, соотносительным с именит. падежом субъекта в соответствующих двусоставных предложениях. Такие построения отмечаются в тех же стилистических контекстах, что и наречные предложения с родит. и винит. падежом.

Ну что за неволя идти за такого! аль больно *мужа понадобилось*, что ли! (Некр. и Станицк., Три стр. света, 3, I); Так и жила бы на своей фабрике... А то *лектрису* ей *понадобилось* (Боборык., Китай-город, 5, I).

При других глаголах винит. падеж в XIX в. отмечается как явление редкое и стоящее за пределами литературной нормы.

Копейку на фунт *прибыло*, так вы уже и охаете (Некр. и Станицк., Три стр. света, 1, I).

Итак, общей тенденцией развития утвердительных безличных предложений с родит. и винит. падежом была тенденция к закреплению за ними ярко выраженной стилистической окраски: в языке XIX в. они представлены как категория, свойственная разговорной речи и связанным с нею формам непринужденного повествования.

Ограничения в употребительности предложений с именительным-винительным падежом

§ 29. В языке второй половины и конца XVIII — нач. XIX в. в памятниках, отражающих живую речь, отмечается употребление причастных и наречных безличных предложений с именит.-винит. падежом [77].

О трясении земли в Цареграде каков получен из письма екстракт с ведомостью в газете под № 87 объявлено. *Оной артикул* для достопамятного впредь ведения, в сей, ведущийся журнал *внесено* (Нащокин, Зап.); Оба дни *торжествовано было вход* ея величества в Москву (Васильев, Дневн., 26—27 янв. 1775); Было польского знатного шляхетства собрание

---

[76] См.: «Материалы Объединенной сессии ОЛЯ АН СССР и АПН РСФСР...». М., 1950, стр. 42—43.

[77] О древнейшем неразличении именительного и винительного и об отражении этого неразличения в славянских языках и в частности в русском см.: А. В. Попов. Синтаксические исследования, I, стр. 3—5, 100, 172, 307 и др. — О древнерусских конструкциях типа *глас трубы услышано будет, тебе рушник дано* см.: А. А. Потебня. Из зап., т. II, стр. 354—355; т. III, стр. 435—436, 456 и сл.; Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса, стр. 290. — В говорах построения типа *пруды выкопано, провиант надо* сохраняют широкую употребительность. См.: Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 46—47; А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 208—210.

в доме князя Радзивила, воеводы Виленского, и оным *предложено* от Речи Посполитой некоторые учрежденные *кондиции* (Там же, 25 июля 1774); *Украдено* неведомо кем *мешок* сухарей (Серебряков и Герасимов, п. Держ., 14 апр. 1774); Наконец *пресечено род* крестьянского *возмущения* (Держ., Зап., V); Уже *наскоблено было* у меня оного [мелу] довольно *изрядная кучка* (Болот., 1,33).

Для меня в комнатах лишние *уборы не надобно* (М. Д. Бастидонова, п. Держ., 30 марта 1786); Также не *надобно* ли для г. коменданта приуготовленный мною для него *провиант* 100 четвертей оржаной муки *и снаряды* (Держ., п. II. Мансурову, 23 апр. 1774); Мне *не надобно ни золото, ни чины* (Добрынин, Зап., XXXIV); *Надобно веки* для полного образования (Карамз., О новом образовании народн. просвещения в Росс.); *Расходы надобно* большие (Крыл., Скупой); И *слышно* в тишине степной Лишь *лай* собак да коней *ржанье* (Пушк., Цыганы); *Надо конец!* (Лажечн., Лед. дом, 4, 1) [78].

Построения с собственно именительным при *надо, нужно, видно, заметно* в языке конца XVIII в. отмечаются редко [79].

Трепещут фурии во аде: Им *видно солнце и луна* (Сумарок., Ода имп. Екат. II, 1762); [Приказчик] А барину *надобно новая карета* (Княжн., Несч. от кареты, I, 5); Премудрость я оставил: *Не надо* мне *она* (Держ., Анакреоново удовольствие).

В XIX в. в письменной фиксации построений с собственно именит. падежом при *надо, нужно* практически не обнаруживается; при *заметно, слышно, хорошо, приятно* и т. п. случаи их фиксации единичны.

---

[78] Материалы см. также: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 372. — Отдельные примеры употребления конструкций типа *не видно свет* см.: P. Restan. The objective case in negative clauses in Russian. «Scando-Slavica», 6, 1960, стр. 102.

[79] О происхождении и употреблении таких конструкций см. названные выше работы А. А. Потебни, А. В. Попова, Т. П. Ломтева. См. также: А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах, ч. I и II. СПб., 1903, стр. 131. — О сохранении в говорах построений типа *надо рубаха*, кроме названных выше работ Ф. П. Филина и А. Б. Шапиро, см.: Ф. П. Филин. Об употреблении формы именит. падежа женск. рода на *-а* в значении аккузатива. «Бюллетень диалектологич. сектора Ин-та русск. языка АН СССР, вып. 1, 1948; В. Георгиева. Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именит. падежа с инфинитивом или наречием *надо* в соврем. русск. говорах. «Мат-лы и исслед. по русской диалектологии», т. 3. М. — Л., 1949 (здесь же см. некоторые сведения о литературе вопроса); Т. Г. Козырева. О некоторых синтаксических сочетаниях безлично-предикативных слов в русском лит. языке (На материале 2-ой половины XVII—XVIII вв.). «Уч. зап. Ферганского гос. пед. ин-та». Серия гуманитарных наук, вып. 4, 1957, стр. 22—30.

Слов между приходящими не слышно, *заметно* только *шелест* губ, *движения* рук, *улыбка* (Лажечн., Лед. дом, 2, 6). Но разговорной речи такие построения, по-видимому, не были чужды, так же, как они не чужды ей и сейчас.

Показательны, например, частые случаи такого употребления в письмах Л. Толстого к жене: Для покупки здесь именья особенно соблазняет простота, и честность, и наивность, и ум здешнего народа... *Заманчиво* тоже здоровый *климат и простота* хозяйственных приемов (27 июня 1871); Это со всех сторон не хорошо: и не хорошо деньги брать, и *не хорошо* новый *предлог* отлучек из дома (22 окт. 1892); Очень *приятно* мне здесь, после усталости утренней работы — я стал больше уставать — *тишина* вечеров (11 ноября 1892). Впрочем, раздельность и внутренняя противопоставленность наречной формы и имени позволяет предположить здесь объединение — в изъяснительном плане — двух самостоятельных предикативно значимых структур.

Аналогичное колебание падежной формы и ее значения обнаруживается и в глагольных предложениях типа *прошло год, часть сена погнило* и т. п.[80] В языке конца XVIII и XIX вв. такие построения, в ограниченном употреблении, отражены в контекстах, связанных с народно-диалектной и разговорной речью[81]. В других жанрах они крайне редки, например:

Когда же *случалось день воскресный* или праздничный..., тогда... (Болот., 1, 59); Между тканями, доставленными из Глазговского музея, *было одна красная*, цвету бледного кирпича (Моск. набл., 1837, апр.).

В письменной литературной речи предложения с именит.-винит. падежом (*предложено кондиции, чины не надобно, слышно лай собак, прошло год*) не закрепились: в соотношении с личными двусоставными предложениями (*предложены кондиции, слышен лай собак, прошел год*) и с другими типами безличных предложений (*не надобно чинов*) они оказались категорией, сосредоточившейся в ограниченной и специфической речевой сфере.

ИЗМЕНЕНИЯ В ИМЕННЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Система именных безличных предложений в конце XVIII — нач. XIX в.

§ 30. В языке конца XVIII — нач. XIX в. именные безличные предложения были представлены сложной и разветвленной системой моделей, группировавшихся вокруг трех основных типов, образуемых, во-первых, предложениями с предикативным центром — существительным в форме именит. падежа, во-вторых,

[80] О происхождении этих конструкции и их бытовании в говорах см.: А. А. Потебня. Из зап., т. III, стр. 441—446; Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 49—50.

[81] В наше время в речи учащихся отмечено свободное употребление построений типа: *могло такая вещь случиться, требовалось максимум энергии, описано эпоха революции, было написано тезисы* и т. п. (см.: П. Г. Стрелков. Указ соч., стр. 20).

предложениями с предикативным центром — предложно-именным сочетанием и, в-третьих, предложениями, в которых предикативным центром являлся беспредложный родит. падеж или сочетание местоименного слова с беспредложным родит. падежом.

1. Предложения, строившиеся с именит. падежом существительного, были в этот период лексически ограничены довольно узким кругом имен, выступавших в качестве предикативного центра безличного предложения или вне сочетания с инфинитивом (такие, как *житье, пагуба*) или в сочетании с инфинитивом (*нужда, должность, надобность, время, место, охота, лень, пора, беда, диво, досуг*[82], *грех, стать* и некот. др.).

Что касается согласования связки в форме прош. времени и сослагат. наклонения с употребленными в безлично-предикативной функции именами, то для существительных, которые приобрели эту функцию лишь в конце XVIII и в XIX в., колебаний в форме связки, естественно, не было: она целиком определялась родовой принадлежностью имени. При словах же *пара, охота, лень, досуг, недосуг* в XIX в. отмечаются колебания в форме связки: *пора было идти — пора была идти, недосуг был разбирать — недосуг было разбирать, лень была ждать — лень было ждать* и т. п. Явно выраженную тенденцию к закреплению какой-нибудь одной формы связки как в языке XVIII в., так и позднее установить трудно. Несомненно в то же время, что место связки по отношению к имени здесь было не безразлично: при постпозиции связки наблюдается тенденция к употреблению глагола в форме среднего рода.

Недосуг было думать о наших гражданских занятиях (Добрынин, Зап., XLVI); *Охота* ему *было писать* шинельные стихи (Вяземск., Ст. зап. кн., 8); И *охота было не слушаться* (Пушк., К. д., II). Ср. при препозиции связки: Не рассуждения мои разбудили солнце, а, может быть, уже действительно *была пора* ему *вставать* (Чулк. Пересмешн., I); Мы взглянули на часы,— *была пора идти* на сборное место за камышом (Совр., 1847, т. V).

Но такое соотношение не было обязательным правилом. Многочисленны и случаи согласования с именем постпозитивной связки и, с другой стороны, отсутствия согласования связки препозитивной.

Пора была подумать об участи этих бедных людей (Жих., Зап. совр., I, 21 февр. 1806); *Писать* тебе посланье Мне *было недосуг* (Пушк., Городок); *Охота* тебе *была не сознаваться* мне в том, что я давно знала (Пушк., Отрывок из неоконч. повести, V).

В языке XIX в. эти колебания не были устранены, ср.: Мне *пора было идти* домой (Тург., Ася, IV); Ни Лопухову, ни Кирсанову *недосуг было стать теоретиками* (Черн., Что делать?, 3, XXII); Но *пора было думать* и о возвращении в полк (Фет, Мои воспом., I, I); *Пора было* и мне, близкому к выходу из университета, *заботиться* о выборе какой-нибудь службы (Сверб., Зап., I).

Добролюбову *был недосуг оторваться* надолго от работы (Черн., Воспом. об отнош. Тург. к Доброл.).

Марье Каспаровне *было пора* в Париж (Герц., Б. и д., 5, L); Каждый час его жизни был взвешен, Вечно *было* ему *недосуг* (Некр., Недавнее время, II).

---

[82] Для таких слов, как *пора, охота, досуг* и некоторых других, возможно было употребление и вне сочетания с инфинитивом, ср.: Бога ради хоть пишите чаще. *Вам досуг* (В. В. Капнист, п. Держ., 18 авг. 1813).

2. Предложно-падежные сочетания, конструирующие безличные предложения, или требовали инфинитива (*мне не под леты таскаться, любить не в нашей власти, в толь глубокую древность входить не по моим силам, в твоих силах переменить мою долю* и др.), или употреблялись в качестве предикативного центра безличного предложения самостоятельно, вне сочетания с инфинитивом (*у него не без друзей, в тюрьме не до песен, глупой бабе за досаду стало,* что...).

3. Многообразны были формы безличных предложений, в которых в роли предикативного центра выступало имя в родит. падеже без предлога — одно или в сочетании с другими словами Сюда относились отрицательные предложения типа *на небе ни единой тучи, ничего нового, дел ничего, виду никакого, нигде веселья*, предложения типов: *там-то содому! товару всякого; вестей-то! пути еще на пять часов; вестовщиков не больше одного; только и отрады, что...* и др.

Лексически ограниченную (со стороны имени существительного) категорию представляли предложения, строившиеся путем сочетания местоименного слова *что* с родит. падежом имени: *что прибыли любить, что в нем пути, что хорошего жить в деревне* и т. п.

Изменения в употребительности, связанные с активизацией моделей и с расширением возможностей их наполнения

§ 31. Развитие безличных предложений, строящихся с именит. падежом существительного в безлично-предикативной функции, отмечается исследователями как явление позднее. В памятниках до XVII в. фиксируются такие предложения с очень ограниченным числом слов: *грех, срам, стыд, неволя, время (веремя)*. Позднее в круг таких «предикативов» втянулись существительные *пора, (не)охота, лень, беда (не)след, страх, ужас* [83].

В художественной литературе, мемуарах, письмах второй половины XVIII — нач. XIX в. можно отметить дальнейшее расширение круга существительных, конструирующих безличные предложения, строящиеся собственно именем в безлично-предикативной функции, вне соединения его инфинитивом; дательный субъекта является здесь обязательным конструктивным элементом: Где много дураков, *житье* там *подлецам* (Изм., Два осла); *Всем пагуба* от змей (Изм., Орел и сорока).

---

[83] См.: А. А. Потебня. Из зап., т. III, стр. 464 и след.; Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-ой Новгородской летописи; А. В. Исаченко. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках. — ВЯ, 1955, № 6, стр. 59 и сл.; Т. Г. Козырева. Указ. соч.—Интересный очерк развития безлично-предикативных слов именного типа на основе именных бессказуемостных предложений см.: M. Zatovkaňuk. K vzniku a vývoji neosobních predikativ. «Československá rusistika», 1958, 4

На протяжении XIX в. здесь осуществляется пополнение словами, идущими из разговорной речи и просторечия.

Этим господам теперь *лафа*[84] (Жих., Зап. совр., I, 10 дек. 1805); [Федька] Правду сказать, ведь и *ему не малина была:* сидячей частью об книжный сундук, головой об плетеную будку простукался, сердечный, во всю дорогу (Гриб. и Катенин, Студент, I, 2); И мерещится старуха, Наша сверстница Москва... Как сбиралась непогода, А *ей было трын-трава!* (Вяземск., К старому гусару); И *раздолье языкам!* И уж тут не шутка! И народам, и царям — Всем приходит жутко (Д. Дав., Совр. песня); И полезный же я ей человек! *Ей* со мной — *лафа*! (Тург., Вешн. воды, XXXIII); Сам, кажется, и не пьяница и не мот, а все *денежкам невод* (М.-Печ., Ст. годы, IV); Земли было много, а коли *кому недостача* — барин достанет (Златовратск., Устои, 3, 1, I).

Для предложений этого типа в литературном языке можно констатировать пополнение круга организующих их имен словами, закрепившимися полностью или преимущественно в функции предикативного центра безличного предложения.

Основной массив безличных конструкций с именит. падежом составляли предложения с дательным субъекта, строящиеся соединением имени с инфинитивом. Именно в системе этих построений в XIX в. осуществляется активное пополнение круга имен, выступающих в качестве предикативного центра конструкции[85]. Во второй половине XVIII в., особенно в последние его десятилетия, отмечаются предложения со словами *затруднение, польза, (не) находка, скорбь, безделица, долг, чреда* и некот. др.

[Пасквин] *Какая причина тебе писать;* вить ты ее видел (Сумарок., Лихоимец, I, 1); Велика *сердцу скорбь лишиться* чтенья книг (Лом., Письмо о пользе стекла); Давно *изгага всем читать* твои синички (Лом., Зубницкому); Крайнее *было затруднение* из дальних губерний *ездить дворянам* справливать свои деревни (Щербат., Статистика, VI, I); [Криспин]. Философский камень *найти безделица* (Клушин, Алхимист, 4); *Тебе вступиться долг* (Капн., Ябеда, III, 4); Иль паки *утру быть чреда* (Держ., На смерть гр. Румян-

---

[84] Ср. то же слово в сочетании с инфинитивом: *Анненкову* теперь *лафа отхлопать* себе все лядвеи на мой счет (Тург., п. А. В. Дружинину, 13/25 янв. 1857).

[85] Ошибочно утверждение, будто бы «число существительных, употребляющихся в роли слов категории состояния, по направлению к современности уменьшается» (В. М. Панфилов. О словах категории состояния, восходящих к именам существительным. «Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та», т. 16, 1960, стр. 157; см.: Его же. К истории развития категории состояния..., стр. 6). Оно опирается на необоснованно широкое понимание «предикативов» в древнерусском языке (к предикативам отнесены имена в предложениях типа *б сть глад, будет шум и клопот, и бысть мир, бысть тишина* и т. п.).

цевой); *Какая была польза тем людям... обманывать* меня (А. И. Плещеева, п. А. М. Кутузову, 22 июля 1790); Следовательно, и в гвардейской службе *была б мне не находка* (Болот., 1, 13); Изволь.., *написать мне не диво* (Изм., Евгений, 5, IX).

На протяжении XIX в. круг существительных в составе этих конструкций последовательно расширяется[86]; становятся широко употребительны предложения с существительными, называющими внутреннее состояние или ощущение, а также с существительными оценочного значения: *счастье, блаженство, наслаждение, радость, отрада, рай, утешение, благодать, благодеяние, сладость, каторга, тоска, скука, бремя, ад, горе, труд, трудность, комиссия, наказание, ужас, разорение, выгода, (не)расчет, простор, (не) судьба, безделица, редкость* и под. В сочетании с инфинитивом такие имена с первых десятилетий XIX в. входят в активную модель безличного предложения, свободно функционирующую в литературной речи. В предложениях этого типа всегда возможно указание на субъект.

Какая цель тратить по-пустому время? (Жих., Зап. совр., I, 19 февр. 1807); *Мне судьбина умереть* В грусти одинокой (Жуковск., Светлана); *Какое бы мне благодеяние было* теперь тебя *видеть* (М. А. Мойер, п. А. П. Киреевской, 3 апр. 1816); Боже мой, что здесь за бумага и как чинят перья! *Каторга писать*, да и полно! (Вяземск., п. жене, 6 июля 1826); *Мне бы ужасная скука была ехать* одному (Гоголь, п. матери, 10 июня 1825); *Душе* честолюбивой *бремя Вести* с бездействием *борьбу* (Рыл., Войнаровск., I); *Мне ад* — Украйну *зреть* в неволе, Ее свободной *видеть — рай!* (Рыл., Наливайко, 8); *Мне судьба* теперь *быть сиднем* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 14 июля 1829); *Комиссия мне была* с письмами: ни на одном не написано адреса (Гоголь, п. матери, 3 янв. 1829); *Им*, может статься, *была выгода быть загадками* для народа (Вяземск., Фонвизин, IV); Видно, *мне* сегодня *судьба мыкаться* конями и чертями! (Марл., Страшн. гаданье); Да и сам я не умею высказать, *какое блаженство мне быть с тобою, какое мученье быть в разлуке, не видеть* тебя (Марл., Ам.-Бек, VI); *Любить Необходимость мне;* и я любил Всем напряжением душевных сил (Лерм., 1831-го июня 11 дня); *Тоска* об этом *говорить* (И. Пущин, п. Е. П. Оболенскому, 17 авг. 1839); *Для него отрада говорить* о них (Белинск., п. М. А. Бакунину, 26 февр. 1840); *Было бы* и глупо и *не расчет не воспользоваться* таким положением (С.-Щ., Губ. оч.,

---

[86] О «процессе обеспредмечивания имен существительных и путях движения их в категорию состояния» см.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 417 и сл.

Мои знакомцы, Порфирий Петрович); *Жить* здесь *для меня ужас* (Дост., п. жене, 4 апр. 1868); *Для г. Репина не чудо произвести* в массе публики *разногласия* (Стасов, Худож. выст. 1879 г., 2).

Показательно, что перечисленные существительные приобретают способность выступать в качестве предикативного центра безличного предложения и вне сочетания с инфинитивом,— но при обязательном условии указания на субъект:

Вы улыбнетесь,— *мне отрада*; Вы отвернетесь,— *мне тоска* (Пушк., Признание); О! *рай тому,* кто pro virtute Достоин Вакхова венка! (Языков, Виленскому); И то сказать, в глуши степей, *Жене тоска* среди пустыни (Э. Губер, Антоний. «Новогодник» Н. Кукольника, 1839).

С общей активизацией описываемых конструкций было связано проникновение из разговорной речи в соответствующие жанры письменности построений со словами *(не) стать, (не) рука, вещь, (не) след, баста, (не) модель, (не) манер, (не) мед, нож* и под.

Велика вещь возить или пахать! (Крыл., Собака и Лошадь); Да *плакать мне какая стать* (Крыл., Прихожанин); *Кавказу полгоря носить* ледяной шлем на гранитном своем черепе (Марл., Вечер на Кавк. водах); *Нам не первоучинка дружиться* с panami dobrodzieiami (Марл., Лейт. Белозор, IX); Знать, *любить не рука Мужику-вахлаку* да дворянскую дочь (Некр., Огородник); За казну, как за общую собственность, *не след вступаться* какому-нибудь *выскочке* (Дружинин, Пол. Сакс, Пролог в двух письмах); Ротмистр, *которому был черед играть* (Вельтм., Саломея, 3, IV); *Бить* безоружного *не манер* (Герц., Долг прежде всего, Вместо продолжения); *Не след вводить* в «Свисток» такую материю (Доброл., Опыт отучения людей от пищи); *Баста ходить* по цензуре! Ослобонилась печать (Некр., Рассыльный); Теперь *мне не стать* к тебе во-все *ходить* (Дост., Идиот, 3, III); *Не модель,* чтоб экие угодья Отошли да за мужичью голь (Курочк., Принц Лутоня); Ты права, что *судить* нравственные поступки *не след,* и не мне (Л. Толст., п. жене, 26 окт. 1884); *Просить* же у Левинского *для меня нож* (Чех., п. Н. А. Лейкину, 7 окт. 1887); — *Всем не мед,*— говорит он.— *Не одним господам* (Бунин, Золотое дно, 4).

§ 32. Во второй половине и в конце XVIII в. круг предложно-именных сочетаний, в соединении с инфинитивом формирующих безличные предложения, был очень ограничен и конструктивно и лексически. Это были сочетания: *не под лета, не по силам, не в моей (нашей* и т. п.) *власти, не в моих (его* и т. п.) *силах, не под силу, (не) в его (твоей* и т. п.) *воле, (не) в охоту* и некот. др.

А *мне* уже, право, *не под леты таскаться* всякий день по всем этим местам (Чулк., Пригож. повариха); В толь глубо-

кую *входить* древность *не по моим силам* (Лепехин, Дневн. зап., 2); Ах! *естьли б было в нашей власти* Вовеки пламенно *любить* (Карамз., К неверной); *Не в твоих силах переменить* долю мою (Карамз., О-в Борнгольм).

С первых десятилетий XIX в. отмечается активизация таких конструкций и пополнение самого круга формирующих их предложно-именных сочетаний. В разных прозаических жанрах распространяются конструкции с сочетаниями (*не*) *в порядке вещей, (не) в характере* (кого-либо), *не в нраве* (чьем, кого-либо), *не в инстинкте* (чьем, кого-либо), (*не*) *в натуре* (чьей, кого-либо), *(не) в правилах* (чьих, кого-либо), *не к лицу* и под.

Что славная певица постарела и подурнела — это в порядке вещей; но *не в порядке вещей* с дребезжалым голосом и фальшивыми нотками *давать концерты* и *собирать* с нас по пяти рублей (Жих., Зап. совр., I, 10 марта 1805); *Не в характере здешнего народа углубиться* пристально во что-нибудь (Шевырев, Итальянск. театры, Телеск., 1831, № 1); *Не в азиятском праве,* еще менее *в азиятском обычае, прощаться* с женщинами (Марл., Ам.-Бек, III); Всё так же *жить,* всё *видеть* то же Теперь *в уделе,* друг, моем (Козлов, К А. И. Тургеневу); *В андалузских правах каждой девушке иметь* своего novio — жениха (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, дек.); *В инстинкте его было бежать* от всего, что могло развлечь, поразить и потрясти его (Дост., Хозяйка, I, 1); *Не в моих правилах обижать* проезжающих (Некр. и Станицк., Три стр. света, 2, VIII); *Грешить* не время и *не к лицу* (С.-Щ., Губ. оч., Талантл. натуры, Владимир Константиныч Буеракин); *Не в его натуре было вести* такие дела хладнокровно (Помяловск., Молотов).

Таким образом, по отношению к именным безличным предложениям, строящимся соединением номинатива или предложно-именного сочетания с инфинитивом, намечается общая активизация конструкции и пополнение круга слов и сочетаний, выступающих в роли предикативного центра предложения.

Развитие конструктивных усложнений в системе именных безличных предложений

§ 33. С активизацией описываемых конструкций связано развитие аналогичных построений, не несущих в себе указания на определенный субъект, поскольку все предложение имеет характер обобщающего умозаключения. В таких конструкциях предикативно значимое имя и инфинитив обычно разделяются другими членами предложения или интонационно. Такие интонационно и структурно сложные построения в языке конца XVIII — нач. XIX в. были явлением относительно новым; в дальнейшем они получают широкое распространение.

Страшная *разница — родиться* от бога или героя или самому *творить* дела их (Держ., п. кн. Дашковой, 16 ноября 1786); Но *какая же глупость* так *распускать* о людях известных, о дворянах (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 6 янв. 1791); *Иное дело сравнивать* науки и нынешнюю словесность нашу с науками и словесностию французскою, *иное дело рассуждать* о языке (Шишк., Примеч. на критику, изд. в «Моск. Меркурии»); И *счастье ли будет видеть* такой образ мыслей исповеданием всех православных? (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 13 сент. 1819); Далее Мильтон утверждает, что *править* государством *безделица* (Пушк., О Мильтоне); *Написать* Выжигина *не шутка* (Пушк., Альманашник); *Разница — критиковать* «Историю Государства Российского» и романы гг.*** и пр. (Пушк., Письмо к изд.); Недавно прочел я в журналах сравнение между мной и Полевым; оба-де морочат публику; один выманивает у ней деньги, выдавая по одной главе своего «Онегина», а другой — по одному тому своей «Истории». *Разница собрать* подписку, обещавшись в год выдать 12 томов, а между тем в три года напечатать три тома на проценты с вымененных денег, и *разница напечатать* по главам сочинение, о котором сказано в предисловии: вот начало стихотворения, которое, вероятно, никогда не будет кончено (Пушк., п. М. П. Погодину, 11 июля 1832); *Какая жестокость не позволять* дочери проститься с мертвым отцом (Пушк., Марья Шонинг); *Велика* очень *храбрость залезть* в железную скорлупу, да и *стоять* в битве наковальней (Марл., Ревельск. турнир, I); *Какая* необъятная *трудность наблюдать* за последовательным движением звуков (М. Резвой, О сущности музыки, Отеч. зап., 1839, т. III); Впрочем *не велика сладость быть* великим *писателем* (Чех., п. М. В. Киселевой, 21 сент. 1886); *Какой восторг — так говорить уметь!* (Фет, Кляните нас...) [87].

Такие предложения — особенно с препозитивным инфинитивом — стоят на грани безличности: они обнаруживают явную тенденцию к расчленению на два состава. Процесс их образования и развития аналогичен процессу развития соответствующих глагольных и наречных предложений (см. § 5, 16).

Изменения, связанные с сокращением употребительности некоторых моделей, с ограничением возможностей их наполнения и с фразеологизацией

§ 34. Если для предложений, строящихся с формой именит. падежа, а также с предложно-именными сочетаниями, соединяющимися с инфинитивом, в языке XIX в. характерно пополнение специальных средств их формирования и активизация моделей, то

[87] Ср. аналогичные примеры в статье А. И. Вальковой «О происхождении предикативных наречий в русском языке» («Вопросы русского языка и

в развитии безличных предложений; строящихся предложно-именными сочетаниями вне соединения с инфинитивом, обнаруживается иная тенденция: на протяжении XIX в. их употребительность в литературном языке сокращается.

В конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. такие сочетания в своей основной массе не имели характера устойчивых лексикализованных соединений: обычным было функционирование безличных предложений, центром которых были свободные сочетания «дат. падеж с предлогом *к*», «родит. падеж с предлогом *без*» (часто, но не обязательно с отрицанием: *не без*), «родит. падеж с предлогом *до*» в утверждающих конструкциях.

Ежели перевести на иностранный язык, то, право, *будет к стыду* нашей литературы (И. Дм., п. Д. И. Языкову, 3 авг. 1804).

[Герострат] Ездил, ездил и устал до смерти [Мепедем] Разве много было нужды? [Герострат] *Мне когда без нужды?* (Сумарок., Ядовитый, 5); Большая часть покошенного сена от дождя погнило, и от того *градским жителям не без нужды* (Нащокин, Зап.); Особливо двор такого бога, ...в котором по его многолюдству никогда *без новостей не бывает* (Крыл., Почта духов, XLI); По которой причине *нашим не без обид* с той стороны иногда *бывало* (Болот., 1, 3); *Было* иногда и *не без жалоб* на меня губернатору (Добрынин, Зап., XLVI); Капитан был с запасом, а и *у нас не без оного* (Добрынин, Зап., XXV); *У меня* везде *не без друзей* (Карамз., П. р. п., 17 июня 1789); Однакож *у хлебосола* редко *бывает без гостей* (Карамз., Прекрасн. царевна и щастл. карла); Нет! ты оставайся; *дома не без дела* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, XX); Впрочем и во всех других вопросах *не без хлопот* нам с ним *было* (Головн., Зап., 1); *Везде не без плутней* (Гоголь, п. матери, 8 дек. 1831).

Но когда подумаешь, что она [политика] платится пóтом, если не всегда кровью, народов, то тут *не до жалости* и *не до смеха*, а *до негодования* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 20 сент. 1819); Все это глупо, может быть, смешно, *кому до смеху*,— но мне больно! (Гонч., Обыкн. ист., 1, V).

Общей тенденцией развития таких предложений была фразеологизация организующих их сочетаний или развитие функциональных ограничений в их употреблении. Так, из безлично функционирующих сочетаний «дат. падеж с предлогом *к*» в литературном языке к концу XIX в. сохраняется единичное сочетание *к лучшему* (Но, вероятно, *к лучшему для нее было*, что довел ее до разрыва безрассудный человек. Черн., Русск. чел. на rendez-vous). Из большого количества свободных сочетаний типа «родит. падеж с пред-

---

методики его преподавания». Курск, 1960): *Свинство заставлять* делать за себя (Купр.); *Смех было иметь* с ним *дело* (Верес.) (стр. 42—43).

логом *без*» сохраняют употребительность в качестве устойчивых выражений только сочетания с отрицанием: *не без того, не без этого* (ср.: И здесь *не без того*, чтобы попадались Иуды. Вяземск. п. А. И. Тургеневу, 20 марта 1821). Сочетания «родит. падеж с предлогом *до*» закрепляются в ограниченной функции: нормой становится их употребление или в отрицательных предложениях или в предложениях, по форме утвердительных, но выражающих внутреннее отрицание:

К вечеру *ему стало не до утешений* (Дост., Госп. Прохарчин); Но что *башкирцу до ароматного коровьего молока!* (С. Акс., Сем. хрон., Степ. Мих. Багров, Оренбургск. губ.); *До пластических ли поз ей было!* (Стасов, Худож. выст. 1879 г.) [88]

Естественно, что все эти процессы происходят постепенно и неравномерно, и во второй половине XIX в. еще сохраняются живые следы употреблений, свойственных языку предшествующих десятилетий.

§ 35. Как уже отмечено выше (§ 30), круг безличных предложений, в качестве предикативного центра которых выступала форма родит. падежа имени, в конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. был довольно широк. Он был шире, чем в конце XIX в. и тем более в современном языке, а условия образования таких предложений часто были свободнее.

1. Так, предложения, строившиеся соединением родит. падежа отрицательного местоимения *ничего* с родит. падежом имени, в конце XVIII — нач. XIX в. могли строиться с участием не только прилагательного (*ничего хорошего*), но и имени:

Не увидишь как, бог знает сколько напорешь, а поглядишь — *дела ничего* (Держ., п. В. В. Капнисту, 29 апр. 1785); В комиссарской его канцелярии бумаг было мало, а *дел* совсем *ничего* (Добрынин, Зап., XXXIV).

Позднее схема таких предложений ограничилась конструкциями с прилагательным: *нового ничего, ничего живописного* и т. п.

2. Во второй половине XIX в. вышли из употребления отрицательные безличные предложения, строившиеся соединением местоимения *никакой* или наречия *никогда, нигде, ниоткуда* и т. п. с родит. падежом имени — без слова *нет*.

Отвечал, что *никакого в том стыда*, когда без бою помирились (Держ., Зап., IV); Нигде, может быть, нельзя найти столько материи для философских наблюдений, как здесь; *нигде столько любопытных предметов* для человека, умеющего ценить искусства; *нигде столько рассеяния и забав* (Карамз., П. р. п., Париж, мая... 1790); Напрасно прислушивались мы: *нигде отрадного огонька, нигде голоса человеческого* (Марл.,

---

[88] Описание структуры таких предложений в современном языке см.: Я. Рославец. Об одном типе безличных предложений в современном русском языке. «Русск. яз. в нац. шк.», 1960, № 3

Страшн. гадание); *Нигде человеческого голоса*, ни даже лая собаки (Марл., Вечер на Кавк. водах); Казалось, что в его сердце доставало теплоты, а в его уме объема для целого мира, но между тем *никогда порывов, никогда желанья* намекнуть о себе, *никогда* любимой, исключительной *мысли*, чтоб было, на что нанизать разбросанные жемчужины образованной беседы (Н. Павл., Маскарад, I); Пестрая толпа чинно, почти угрюмо бродила по дорожкам; *нигде веселья*, а везде только одно любопытство (Никитенко, Дневн., 2 июля 1830); *Нигде* между ними растущего *деревца* или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно (Гоголь, М. д., 1, II).

Таким образом, для развития безличных предложений, строящихся с отрицательным местоимением и родит. падежом имени, в XIX в. намечается явная тенденция к ограничению самого круга конструкций.

3. Ограничения коснулись в XIX в. и тех предложений, организующим центром которых была собственно форма родит. падежа и которые заключали в себе значения а) утверждения наличия чего-либо или б) необходимости.

а) В начале изучаемого периода собственно генитивные предложения свободно употреблялись не только для обозначения наличия большого количества чего-либо (*товару всякого*; *вестей, вестей! там-то теперь разговоров!*), но и вообще при утверждении наличия чего-либо, без оттенка количественного значения:

[Фетинья] Хочу, чтоб муж у тебя был детинушка завидный и *также барыша* и дворянского отродья (Аблес., Мельник-колдун, III, 2); Никанор и Коронат из всех молодых шляхтичей... были самые статные, самые видные и самые отважные, а *к тому ж барыша* — ученые (Нарежн., Два Ивана, 1, VI); Там родина моя, где польза или наслажденье, а здесь я никого не пользую и ничем не наслаждаюсь. Сделайте со мною один конец или выведите мою жизнь на свежую воду, или и концы в воду! *Вот тебе и моего байронства* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 11 окт. 1819) [89].

После 40-х годов XIX в. такое употребление генитивных утвердительных предложений в литературном языке практически утрачивается, а весь этот тип в целом сосредоточивается в сфере разговорной речи и близких к ней формах письменности.

б) В начале изучаемого периода отмечено употребление собственно-генитивных предложений со значением необходимости чего-либо, типа: Мой дружеский совет вам также — все забыть, дер-

---

[89] К этой модели примыкает утратившийся в XIX в. фразеологизм *не ума было* (в значении «в голову не приходило»): И как я за минуту до того вскрывал только полку, да и в дуло ружья дул, то и *не ума мне было раскрыть* вторично полку (Болот., 1, 31); *Всем и не ума было* взглянуть, что делалось позади кареты (Там же 9).

жась моего правила: *терпения*, сколько можно (А. И. Терский, п. Держ., 18 дек. 1788). Позднее такие предложения уступили место именным (с именит. падежом) предложениям со значением пожелания, требования (*Терпение!*).

Изменения в употребительности некоторых моделей, связанные с ограничением синтаксических условий их функционирования

§ 36. Некоторые модели именных безличных предложений, в языке XVIII — нач. XIX в. не знавшие ограничений в синтаксических условиях своего функционирования, на протяжении XIX в. испытывают в этой области определенные ограничения, приводящие к тому, что возможности функционирования данного типа предложения оказываются очень узкими. Особенно наглядно этот процесс обнаруживается в системе отрицательных предложений с конструктивно значимой частицей *ни* при родит. падеже имени. В языке XVIII — первых десятилетий XIX в. такие предложения свободно употреблялись не только самостоятельно, но и в составе сложной конструкции — в качестве второй части союзного или бессоюзного сложного предложения либо в роли придаточного.

[Надоедалов] А тот только что прыток на слово, а *ни в гумне кладушечки, ни в мошне полушечки* (Копиев, Обращ. мизантроп, 1, 4); Послали казаков воевать, *а ни хлеба куска, ни клока сена* (Серебряков, п. Держ., 16 апр. 1774); Слова отрывистые, фразы короткие, и *ни малого разнообразия* в периодах (Карамз., П. р. п., Лондон, 1790).

В жилищах, где непременная весна царствует, и алеют цветы неувядаемые; где *ни слез, ни вздохов* (Карамз., Цветок на гроб моего Агатона); Ни одного здания не уцелело, *ни одного участка* древнего города не взрытого, неперекопанного (Гриб., п. С. Н. Бегичеву, 12 сент., 1825); Бессмертьем взор ее сияет, И *ни морщины* на челе (Тютч., Весна); Самоубийство — и то им недоступно, так как при них *ни перочинного ножика, ни гвоздя* (Никитенко, Дневн., 1 авг. 1834); Нигде отрадного огонька, нигде голоса человеческого, даже *ни полета* птицы, *ни шелеста* зверя (Марл., Страшн. гадание); Для чего, каким ветром занесен он бог знает куда, на чужбину, где *ни слова* ласкового, *ни улыбки* приветливой (Григорович, Пб. шарманщики, VII).

Во второй половине XIX в. употребление таких безличных предложений в составе сложных конструкций ограничивается рамками бессоюзных соединений типа: Пусто кругом: *ни паруса, ни дымка* на горизонте! (Станюк., Человек за бортом, I); основной же формой их функционирования становится в это время синтаксически независимая позиция (*ни звука; на небе ни облачка; ни жены у меня, ни детей* и т. п.).

§ 37. Как уже было отмечено, некоторые конструкции, строящиеся с участием родит. падежа имени, в XIX в. обнаруживают тенденцию сосредоточиться в области разговорной речи (см. § 35). Тот же процесс постепенных стилистических ограничений действует и по отношению к предложениям, строящимся сочетанием генитива с разного рода соединениями слов — иногда по форме и предикативными,— несущими в себе значение количественного указания.

[Е р е м е в н а] Нонче ярмонка; *молодцов, как соколов* (Копиев, Обращ. мизантроп, I, 8); *Вестовщиков,* вероятно, *не больше одного* (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 6 янв. 1791); Здесь *винограду — не окинешь глазом* и нет капли сносного вина (Марл., Письмо к д-ру Эрману); Чего тебе здесь недоставало? *Можжевелевой — хоть не пей,* свежины вдоволь (Марл., Лейт. Белозор, VIII); *Такого пути еще на пять или шесть часов* (С. Глинка, Зап. о М., 10); *Работы у меня — сил нет* (Никитенко, Дневн., 16 июля 1840); Зарылись, свиньи, как будто у нас *хороших статей — ешь не хочу* (Белинск., п. В. П. Боткину, 18 февр. 1840); — Простой вот-с, например, машинист.., но *этакой сметки,* я вам говорю, *хоть бы у первейшего негоцианта* (Писемск., Тыс. душ, 3, X); [Д е р н о в] *Работы-то словно на каторге* (С.-Щ., Губ. оч., Выгодн. женитьба, I).

Предложения такого типа полностью закрепились за разговорной речью и формами непринужденного повествования. Здесь же сосредоточилось употребление построений с *только и* (*ему только и заботы, что...*), построений типа *чего лучше, куда веселее* (ср. у Герцена, Б. и д., 3, XXIII: Когда я предварительно просил у губернатора дозволение, я вовсе не представлял моего брака тайным; это было вернейшее средство, чтоб никто не говорил, и *чего же было естественнее приезда* моей невесты во Владимир, когда я был лишен права из него выехать?).

§ 38. Модель предложения со значением внутреннего отрицания — «*что* + родит. падеж», допускающая инфинитив при имени и дательный пад. (*что мне пользы знать*), была со стороны имени ограничена словами *польза, прибыль, прок, нужда, толк, приятность* и некот. др. или прилагательными качественно-оценочного значения, в данной конструкции субстантивирующимися (*что мне лестного быть членом академии*). На эту модель опирались предложения типа *что в нем?, что в красоте?* и т. п. В конце XVIII — нач. XIX в. все такие конструкции были широко употребительны в поэзии, в приподнятых и лирически окрашенных контекстах, и это наложило на них определенный стилистический отпечаток.

Что нужды мне до града? В деревне я живу (Держ., Деревенск. жизнь); Гордися славою, великими делами, И памятники строй: *что пользы?* ты забыт (Карамз., Опытная Соломо-

нова мудрость); И вас, красавицы, забуду. Нет, нет! *что прибыли любить?* (Карамз., Песня); Да посмеются на наш счет,— *что нам до того нужды?* (А. М. Кутузов, п. И. В. Лопухину, 18/23 дек. 1790); А *что мне прибыли,* что я служу беспорочно (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); *Что мне лестного,* наконец, *быть членом академии,* университета, когда всякий пачкун может быть моим сотоварищем! (И. Дм., п. Д. И. Языкову, янв. 1806); В породе и в чинах высокость хороша; Но *что в ней прибыли,* когда низка душа? (Крыл., Осел); Неужели такими людьми грядущее вытыкается? *Что в них определительного, положительного, созидательного?* Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 9 сент. 1820);— *Что пользы,*— говорит расчетливый Свиньин,— *Мне кланяться* развалинам бесплодным Пальмиры, Трои иль Афин? (Вяземск., Что пользы,— говорит расчетливый Свиньин); Да и *что приятности получать* прекрасный хлеб из чьей-нибудь руки, когда в глазах дающего вижу слезы горести (Нарежн., Два Ивана, 3, XIV); *Что прибыли соваться в воду,* Сначала не спросившись броду, И в след Державину парить? (Пушк., Князю А. М. Горчакову); *Что в слове,* когда смысл его уничтожает, пугает душу человека? (В. Одоевск., Русск. ночи, Эпилог); *Что мне пользы в познании* сил природы, когда я не могу переменить души своей (Марл., Ам.-Бек, VI); Когда я свои презираю мученья, *Что мне до страданий чужих?* (Лерм., Романс); Душа моя — элизиум теней, *Что общего меж жизнью и тобою?* (Тютч., Душа моя — элизиум теней); Полковник послужил... пора отдохнуть... *что в славе,* которая спит на сырой земле? (Н. Павл., Ятаган, IX).

С общим сокращением поэтических жанров, с развитием реалистической прозы связано было сокращение употребительности описываемых конструкций. Но они сохраняются в литературном языке середины и второй половины XIX в., утрачивая, однако, свойственную им ранее стилистическую окраску, ср.:

Что толку городить всякий вздор? (Дружинин, Пол. Сакс, V); Притом же, *что веселого ему было гулять* с этими господами Обжоговым и Сусликовым (Л. Толст., Севаст. в мае, 3); *Что же ужасного,* однако, *в размере этих штрафов?* (Речь присяжн. повер. Н. П. Шубинского, 1886).

Итак, основные тенденции развития именных безличных предложений в русском литературном языке XIX в. определяются прежде всего интенсивным развитием предложений, строящихся с именит. падежом существительного, обогащением круга имен, участвующих в формировании этой конструкции и усложнением ее формы. Одновременно шел процесс активизации и обогащения состава предложений, строившихся соединением предложно-именного сочетания с инфинитивом,— при ограничении, а в некоторых случаях и фразеологизации аналогичных безынфинитивных

конструкций. Что касается многообразных предложений, строившихся с формой родит. падежа, то для их развития в XIX в. характерны, с одной стороны, унификация моделей, с другой стороны, процесс стилистической дифференциации и ограничения употребительности ряда конструкций областью разговорной речи и связанных с ней жанров письменности. В целом в развитии именных безличных предложений на протяжении XIX в. ярко выявляется общая тенденция к установлению единой литературной нормы, выразившаяся в упорядочении самой системы конструкций и в стремлении к определенности стилистических квалификаций.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ [1]

§ 1. В древнерусском языке инфинитивные предложения были категорией чрезвычайно активной, широко употребительной и семантически очень емкой. Их формы и круг значений были несколько иными, чем в период складывания современной языковой системы, т. е. в конце XVIII — нач. XIX в.

Типология инфинитивных предложений русского языка до XVIII в. подробно описана во многих специальных исследованиях [2]. Ее основные черты сводятся к следующему.

---

[1] В настоящей главе рассматривается история инфинитивных предложений, функционирующих самостоятельно или — в некоторых случаях — в составе сложных объединений, но не в роли придаточной части сложноподчиненного предложения. Под инфинитивными предложениями понимаются такие, предикативной основой которых является собственно инфинитив — один или с вспомогательным глаголом. Предложения, предикативной основой которых является сочетание инфинитива с наречием, рассматриваются в главе «Изменения в системе безличных предложений».

[2] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, § 195—196, стр. 372—376; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 391—403; Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи; Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 310—318; Я. А. Спринчак. Синтаксические конструкции Судебника Ивана Грозного. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. XX, 1939; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 80—87; В. Л. Ринберг. О синтаксических функциях глагольных форм «Домостроя». — «Наукові зап. Київського пед. ін-ту», т. 7. Филол. серія, № 2, 1948; В. И. Черных. Описательные формы наклонений и времен в русском языке; П. Б. Кузьмина. Употребление глагольных форм в предложениях со значением побуждения в русском языке XI—XVII вв. Канд. дисс. М., 1951; К. А. Тимофеев. Указ. докт. дисс.; С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы..., стр. 197; Е. И. Богданова. К вопросу об использовании безличных предложений в древнерусском языке (на материале памятника «Стоглав»). «Уч.зап. [Душанбинского] гос. пед. ин-та», 1957, т. 19, Филол. серия, вып. 9, стр. 182—198; К. И. Озолина. Развитие инфинитивных предложений путем обособления объектных инфинитивов (на материале сибирских грамот Илимской воеводской канцелярии). Автореф. канд. дисс. Л., 1962.

Со стороны формального строения:

1. Относительная свобода соединения инфинитива с разными формами вспомогательного глагола *быть* при разнообразии значений таких соединений:

соединения с формами прош. вр. для обозначения наличия действия в прошлом: *и не бе слышати пения; бысть же родителема блаженного преселитися в ин град* (= переселились); *и не видети было человека перед собою за две сажени;*

соединения с формами всех трех времен для обозначения возможности или невозможности действия: *взлести же есть горе по степенемь; с того тебе пития век будет не проспатися; мне не вынести будет*; а кто чел, *мне мало слышать было;*

соединения с формами всех трех времен для обозначения необходимости или долженствования: *от чего ми есть умрети; бяше брани быти на поганые; ехати было ему за посад; аще поехати будяше обрину,* то веляше впрячи 3 ли, 5 ли жен в телегу; *оже ны будеть не бившися возворотитися*, то...;

соединения с формами прош. вр. для обозначения предпочтительности неосуществленного действия: *бяше покаятися; чем было волу рычать,* ан телега скрыпит. С XVI в. для выражения того же значения — соединения с *было,* утрачивающим временно́е значение и переходящим в частицу: и в том он, игумен Мисаил, пред преосвященным собором прощался: написал де он так, забывся; *написать де было ему*: сак и митру, а прежде сказал — солгал де;

соединения с перешедшим в разряд частиц *было* для обозначения неуверенного решения: *пойти было посмотреть;*

соединения с формой буд. вр. для обозначения повеления: *и будет тебе к нам прислати грамота твоя;*

соединения с инфинитивом *быти* (*быть*) для обозначения предопределенности, обязательности в плане будущего: *не быти мне слыти патриархом московским; быть тебе упасть;*

соединения с инфинитивом *быти* (*быть*) для обозначения принужденности, вынужденности: *быть натянуть свой тугий лук; сколько ни плакать, а быть перестать.*

2. С XIV в.-- широкая употребительность предложений с частицей *бы*, обозначающих разные виды ирреальности; предпочтительность действия, зависящего от волеустремления не лица говорящего (бил им челом игумен Данило, что он стар и вперед ему в игуменах в том монастыре быти неможно, *и мне б его пожаловати, на его место устроити старца Лариона*); описательную передачу волеизъявления (а с кем будешь в целовании, *и то б тому целование сложити*), позднее — желательность, связанную с волеустремлением лица говорящего: *пойти бы мне туда!*

Со стороны смысловой:

1. Широкая распространенность и массовая употребительность инфинитивных предложений, обозначавших разные оттенки неизбежности, долженствования, решения, повеления, обязательности,

невозможности: *быти грому великому; уже мне мужа своего не кресити; не упамятовати ми его речей; не быти моему целованию; начати же ся той песни по былинам сего времени; и вам то сказати своим государем.*

2. Употребительность предложений, обозначавших постоянную возможность или простое наличие действия (индикативное значение): ту стоит столп, *издалеча с моря видети его*; и бысть скорбь и туга христьяном велми, *толко слышати плач и рыданье по улицам; да в нем же* (в Бедери) *купити люди черные* (= можно купить); *есть знати до днешнего дне место то,* идеж Христос седел на камени.

В процессе развития русского языка до XVIII в. система инфинитивных предложений в целом эволюционировала, с одной стороны, в направлении сокращения количества форм и сужения круга исконных значений этих конструкций; с другой стороны, внутри категории инфинитивных предложений постепенно вырабатывались новые значения, расширялись стилистические сферы их бытования, возможности контекстных связей, а в некоторых случаях — и условия функционирования тех или иных типов конструкций и соответственно — их модально-экспрессивные значения.

СИСТЕМА ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КОНЦЕ XVIII — нач. XIX в.

§ 2. Система инфинитивных предложений в конце XVIII — нач. XIX в. по сравнению с предшествующим состоянием характеризуется очень ограниченной употребительностью и явным сокращением круга конструкций, строящихся с участием форм вспомогательного глагола — при обогащения круга конструкций, строящихся собственно инфинитивом.

Инфинитивные предложения с формой наст. вр. (*есть*) в памятниках литературного языка этого времени не употребляются. То же самое относится к предложениям с формой буд. вр. для обозначения повеления.

Предложения, строящиеся соединением инфинитива знаменательного глагола с инфинитивом *быть*, отмечаются только в значении вынужденности, но не в значении предопределенности в плане будущего. Предложения с *было* употребляются в тех же значениях, что и в древнерусском языке, но их употребительность и сфера распространения резко ограничиваются. Предложения с *будет* для обозначения возможности — невозможности, необходимости или долженствования также малоупотребительны и стилистически ограничены.

С другой стороны, в языке второй половины и конца XVIII в. широко представлены инфинитивные предложения, развившие в себе специальные средства выражения модально-экспрессивных и оценочных значений: предложений, строящиеся соединением

инфинитива с частицами; разнообразные инфинитивно-назывные предложения, равнозначные с так называемым именительным представления; специальные средства выражения модально-экспрессивных значений развиваются в это время и в вопросительных инфинитивных предложениях. Таким образом, ко второй половине XVIII в. произошли определенные изменения как в употребительности инфинитивных предложений, так и в их структуре.

Семантика инфинитивных предложений также претерпела к этому времени ряд изменений: одни значения сохранились и остались активными, другие исчезли или оказались на периферии семантической системы данной категории, третьи активизировались или возникли вновь.

Широкую и устойчивую употребительность сохраняют не включающие в себя формы вспомогательных глаголов инфинитивные предложения со значениями: неизбежности, обязательности, не зависящей от воли лица,— как утвердительные, так и отрицательные, с обязательным дательным субъекта (*этой свадьбе не бывать, не видать ему Любушки, нам уже никогда не видаться в здешней жизни*[3], *быть у нас в доме сегодня ссоре, нам в гробе всем лежать*); невозможности, исходящей от субъекта (*без него актерам не спеться, вам этого не понять*); долженствования, вынужденности, обязательного предстояния (*видно, нам здесь ночевать; там я жил, там мне и умереть; мне в петлю лезть, а ей смешно; тебе жить с добрыми людьми, а не с деньгами*); повеления (*послать ко мне курьера!* высочайше повелеть соизволил: *Московскому гарнизону не быть*); решения (*пойти посмотреть; сбегать соседей позвать*).

Широкую употребительность сохраняют также инфинитивные предложения с частицей *бы*, обозначающие долженствование (кабы не ты, *сидеть бы мне и теперь там;* хороший журнал теперь был бы в самую пору и *назвать бы его «Восприемником»*); субъективное желание (*графине только бы купить что ни попало*); опасение (*не раскаяться б потом*) [4].

---

[3] О закономерностях употребления видовых форм глагола в таких предложениях см.: А. Mazon. L'emploi des aspects du verbe russe. Paris, 1914, стр. 27, 32—33; А. А. Бойко. О роли вида в некоторых инфинитивных сочетаниях, содержащих отрицание. «Уч. зап. ЛГУ», № 156. Серия филол. наук, вып. 15, 1952; A. A. Boiko. Zum Gebrauch der Aspekte bei Infinitivkonstruktionen. «Wissenschaftlice Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt Universität Greifswald». 1961. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1.

[4] Характеристику перечисленных живых и продуктивных типов инфинитивных предложений см.: М. В. Ломоносов. Росс. грам., стр. 566; И. Орнатовский. Новейшее начертание правил российской грамматики. Харьков, 1810, стр. 239; И. Тимковский. Опытный способ к философическому познанию российского языка, стр. 72; А. Х. Востоков. Русская грамматика, стр. 234, 258—261; И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русск. языка, стр. 284; Fr. Miklosich. Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. Wien, 1868—1874, стр. 346; А. А. Потебня. Из зап., т. I—II, стр. 382—402; Е. Ф. Будде. Основы синтакси-

Наряду с этими предложениями активных и живых значений, в литературном языке второй половины XVIII — нач. XIX в. отмечаются, с одной стороны, все более замыкающиеся в узких сферах употребления и по существу исчезающие предложения с индикативным значением и смыкающимся с ним значением постоянной возможности действия — категория, обнаруживающая явную тенденцию к функциональному ограничению или лексикализации. С другой стороны, как построения с новым и активизирующимся значением отмечаются в это время инфинитивные предложения, обозначающие конкретное действие определенного лица, непосредственно обусловленное его внутренней активностью, желанием, волей.

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТИ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В XIX в.

Дальнейшие ограничения в употребительности предложений, строящихся с формами вспомогательного глагола

§ 3. Как уже было отмечено выше, во второй половине и в конце XVIII в. инфинитивные предложения с разными формами вспомогательного глагола проявляют себя как категория малоактивная и ограниченная в употреблении. На протяжении XIX в. продолжает действовать тенденция к сокращению как самих типов таких предложений, так и их употребительности. Однако этот общий процесс по отношению к предложениям с разными формами вспомогательного глагола протекал неравномерно.

Сложной была судьба инфинитивных предложений с формой вспомогательного глагола *было*. Из довольно широкого круга значений таких построений в древнерусском языке в литературном употреблении второй половины и конца XVIII в. сохранились, во-первых, предложения со значением долженствования, необходимости или (при наличии отрицания) не-

---

са русск. языка. Изд. 3. Казань, 1918, стр. 34—35; Д. Н. Овсянико Куликовский. Синтаксис, стр. 194, 204—206; А. А. Шахматов. Синтаксис, стр. 81—83, 103—108; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 347—350; Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. I, стр. 332—334; В. И. Чернышев. Описательные формы наклонений и времен в русск. языке, стр. 210—214; К. А. Тимофеев. Указ. докт. дисс.; его же. Об основных типах инфинитивных предложений в совр. русск. лит. языке. В кн.: Вопросы синтаксиса совр. русск. языка, М., 1950; его же. Заметки из истории инфинитивных предложений. В кн.: Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию, М., 1956; Н. А. Метлина. Независимый и зависимый инфинитив и его синтаксическая роль в предложении совр. русск. лит. языка. Канд. дисс. М., 1953.; R. Mrázek. Infinitivní věty jednočlenné v ruštině. «Rusky jazyk», Praha, 1957, roč. 7, № 7—10; Б. В. Хрычиков. Синонимия грамматических форм «инфинитив + бы» и «л+бы» (сослагательного наклонения). «Уч. зап. Новгородского пед. ин-та», т. III. Филол. вып., 1958.

возможности в плане прошлого (*мне было говорить; по дорогам было не проехать*); во-вторых, предложения со значением предпочтительного, но не осуществленного действия в плане прошлого (сам виноват: *слушать было родителей*); в-третьих, предложения со значением неуверенного решения (*пойти было прогуляться на скотный двор*); в-четвертых, наконец, отмечены единичные случаи остаточного употребления *было* с инфинитивом в значении желательности или долженствования в плане настоящего (*было* в функции *бы*)[6]. Ломоносов в своей грамматике отмечает еще и индикативное значение инфинитивных построений с *было*: «Неокончательное неопределенное с приложением прошедшего *было* имеет силу начинательного глагола: *мне было говорить*, то есть я хотел только начать говорить. А когда *было* назади поставится, значит раскаяние в том, что не сделалось: *говорить было, писать было*»[7]. Востоков уже не отмечает ни индикативного значения, ни значения желательности, долженствования в плане настоящего. Им отмечены первые три значения, причем второе лишь проиллюстрированно, но не сформулировано: «*Было* сочиняется также с неопределенным наклонением неокончательного и совершенного вида и имеет при оном разное значение, смотря по тому, прежде ли или после неопределенного наклонения поставлено в предложении утвердительном или отрицательном. В утвердительном предложении перед неопределенным наклонением неокончательного и совершенного вида *было* значит то же, что *надлежало, следовало*, и употребляется более с местоимениями личными. *Тебе было читать. Ему было прочесть. Вам было поговорить с ним.* После неопределенного наклонения вида совершенного *было* показывает намерение совершить действие и употребляется только с местоимением 1-го лица, напр. *Прочесть было мне эту книгу. Поговорить было мне с ним. Пойти было нам посмотреть.* В отрицательном предложении *было* ставится после неопределенного наклонения неокончательного только вида, означая то же, что *надлежало, следовало*, напр. *Не говорить было с ним. Не идти было туда*»[8].

Вообще же на протяжении всего XIX в. грамматические труды отмечают инфинитивные предложения с *было* крайне непоследовательно, полный круг их значений почти нигде не фиксируется.

Судьба разных по значениям инфинитивных предложений с *было* в XIX в. была различна.

Предложения со значением долженствования или невозможности (при наличии отрицания) в плане прош-

---

[6] Употребление инфинитивных предложений с *было* в значении долженствования в плане настоящего (*было* в функции *бы*) уже в XVIII в. носит остаточный характер и к концу века практически исчезает, ср.: *Мне петь было о Трое*, О Кадме мне бы петь, Да гусли мне в покое Любовь велят звенеть (Лом., Разговор с Анакреоном).

[7] М. В. Ломоносов. Росс. грам., § 529, стр. 566.

[8] А. Х. Востоков. Русская грамматика, § 116, стр. 234.

л о г о [9] во второй половине и в конце XVIII в. были категорией, употребительной в разговорной речи, в письмах и непринужденном повествовании, ср.: Вольно тебе было не ехать! — ответствовал я.— Ведь *обозам* моим тебя *не дожидаться было* (Болот., 1, 39). Ту же стилистическую характеристику сохраняют они и на протяжении XIX в. Хотя в отдельных исследованиях и отмечается неупотребительность таких конструкций или даже их полное исчезновение к нашему времени [10], однако материалы не подтверждают этого тезиса; инфинитивные предложения с таким значением в XIX в. не носят характера остаточности или устарелости.

Но делать было нечего,— *не начать же было жаловаться на тараканов* (Герц., Б. и д., 2, X!); *Им не удержаться было от разговора* (Помяловск., Мещ. счастье); *Ведь не Лопухову же было это думать и не видеть*, да ведь он и так знал, ему и смотреть было нечего (Черн., Что делать?, 3, XXV); *Да неужто же мне его загубить было?* (Дост., Идиот, 1, XVI); *Так неужели же мне было пойти и сказать на себя?* (Там же, XIV); *Не ему было остановить этот дикий порыв* (Там же, 4, VIII).

Аналогичны конструкции с частицей *бы* (*было бы*), также не являющиеся исключением в языке XIX в.

Два дни было бы вам только подождать, и вы бы получили ваши лексиконы (Гоголь, п. П. П. Косяровскому, 9 сент. 1828); Как конкурс на любовное письмо? Есть ли что-нибудь? *Было б напечатать вызов в двух номерах* (Чех., п. Н. А. Лейкину, 3 февр. 1886) [11].

Инфинитивные предложения с *было* со значением долженствования или невозможности (в плане прошлого) устойчиво сохраняются и в современном языке [12].

Показательна активность соответствующих предложений, строящихся сочетанием инфинитива с наречием или с косвенным падежом имени.

Для чего было не сказать, который из царевичей пленил ее сердце? (Карамз., Прекрасн. царевна и щастл. карла); [Д и м и т р и й] *Доколе было нам в отечестве своем терпеть татаров власть* (Озеров, Дим. Донск., I, 1). Впрочем, *почему же и не ожидать было этого от настоящего ученого* (Жих., Зап. совр., I, 8 февр. 1806); *Как не прислать было мне всех бумаг?* Я так часто писал о них (Вяземск., п. жене, 19 июня 1826); *Не ему было понять душу Магдалины* (В. Одоевск., Русск. ночи, 8); *Как было не вспомнить и не пожалеть о тех днях*, когда... (С. Глинка, Зап. о М., 6); *Зачем вам было вызываться доказывать материальную действительность воплощений?* (Петрашевск., черновик письма

---

[9] Последнее значение соотносительно с индикативным значением и значением постоянной возможности в плане настоящего и будущего, ср.: *мне не слыхать музыки — мне не слыхать будет музыки — мне не слыхать было музыки.*

[10] См., например: К. А. Т и м о ф е е в. Указ. докт. дисс., стр. 285—286.

[11] При варианте частицы *б* в живой речи в форме *было* ударение перетягивается на второй слог: *было́ б* (возможно, под влиянием укр. *було́ б*).

[12] См.: А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис, стр. 103—108; А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис, стр. 347—350.

К. И. Тимковскому); *И что же было возражать человеку,* который говорил такие вещи (Герц., Б. и д., 4, XXX); *Им быть вместе — было уже более нечего* (Стасов, О знач. Иванова).

Областью разговорной речи и связанного с ней непринужденного экспрессивно окрашенного повествования в конце XVIII — нач. XIX в. были ограничены предложения со значением предпочтительного, но не осуществленного действия в плане прошлого (а) и предложения со значением неуверенного решения (б).

а) [Щепетильник] *Не врать было много,* так бы пошел не с таким носом (Лукин, Щепетильн., 8) [Шут] Сам виноват. Ты вырос так, что можно на тебя купить около трети кареты; *не вырастать было так дорого* (Княжн., Несч. от кареты, I, 6); Хвать в колчан..., ан стрел уже нету: Лук опущен; стал я в пень. Ах, *беречь было монету Белую на черный день!* (Держ., Стрелок); Ручьем кровь ала потекла, Ах! *не клевать было пшеницы Вам, бедным пташкам, золотой!* (Держ., Птицелов); Стурдза ошибся веком; *ему родиться было не теперь,* а в цветущем времени церковных расколов (Вяземск, п. А. И. Тургеневу, 12 апр. 1819); *Не зариться им было на табун прежде,* нежели отгонишь караульщиков, а то как пришло дело к расплате, они дали тыл (Каменск., Кн. Бекович Черкасск.).

б) [Финета] Поди-т-ка лутче да поиграй в свайку... [Фатюй] *Так и впрямь поиграть было от скуки* (Сумарок., Ссора у мужа с женою, 5); [Скотинин] *Пойти было прогуляться на скотный двор* (Фонв., Недоросль, I, 8); [Влас] *Подумать было,* как бы можно было тут какой крюк ввернуть, чтоб ей Матюха опостылел (Плавильщ., Бобыль, IV, 1); [Матвей] *Попытаться было спросить у нее?* (Там же, I, 4); *Пойти было друзьям, приятелям сказать,* Чтоб с светом помогли мне эту рожь пожать (Хемн.) [13]; [Щедров] *Дать было ему* (Вынимает) (Николев, Розана и Любим, I, 6); [Марина] *Посмотреть было сего вписавшегося в звание крючкотворца,* не полюбится ли мне (Кропот., Фомушка, III, 5); И вдруг родилось во мне любопытство порасспросить у него пообстоятельнее о том, что они там о приезде г. Брылкина слышали. «И! *спросить было* мне и его еще о том»,— сказал я сам себе (Болот., 2, 112).

В языке XIX в. предложения со значением предпочтительного, но не осуществленного действия в плане прошлого постепенно уходят из литературного употребления, хотя в разговорной речи они, по-видимому, удерживались, ср.: Устала? *Не ходить было из огня в полымя* (Вельтм., Саломея, 10, II).

---

[13] Пример заимствован из кн.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 317

Предложения со значением неуверенного решения в XIX в. сосредоточиваются в сфере просторечия.

§ 4. Инфинитивные предложения с *будет* во второй половине XVIII в. в значении обязательности, вынужденности, необходимого предстояния («придется») не были категорией, закрепленной строго за какой-либо одной сферой речи: они отмечаются в стихах, в разных жанрах прозы, в письмах.

Как стану я смотреть на все людские речи, *Так будет и осла взвалить к себе на плечи* (Лом., Послушайте, прошу, что старому случилось...); [Граф] *Да что мне будет делать с своим Слюняевым?* (Кропот., Фомушка, III, 1); Ежели, к нещастию, откроется война, истинно не знаю, *что мне будет делать* (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Трубецкому, 22 марта — 2 апр. 1791); Друзья! пойдем с душой унылой Ему печальный долг воздать: Поплакать над его могилой. *Нам также будет умирать!* (Карамз., На смерть кн. Г. А. Хованского); — О! боже мой! — продолжал я.— *Как* это *мне* с нею *жить будет!* (Болот., 2, 114) [14].

В языке XIX в. такие предложения сохраняются преимущественно в жанрах, близких к разговорной речи:

Вряд ли кто возьмется свезти тебя! *Кругом озера колесить верст двадцать будет,* а через лед ехать без беды беда (Марл., Страшн. гаданье).

Исследователи языка XIX — нач. XX в. относят такие предложения к «просторечию, областным говорам и фольклору», отмечая, что «раньше подобные обороты жили и в литературном языке» [15], а в настоящее время устарели [16]. Однако в действительности сфера их применения и во второй половине XIX в. была относительно широкой [17]. Утверждение, что «*мне ехать* в современном русском языке не имеет соотносительных конструкций типа *мне было ехать* или *мне будет ехать*» [18], является слишком категорическим.

Другим значением инфинитивных предложений с *будет* во второй половине XVIII в. было значение возможности или невозможности действия, часто с приближением к собственно индикативному значению; и здесь также не было какой-либо строгой стилистической прикрепленности этой конструкции.

---

[14] О предложениях этого типа см.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 318. Ср. в записях сказок: *Будет тебе меня вести*; Лучше меня задавите, *скорее мне смерть будет получить* (П. Г. Стрелков. Синтаксис пермских сказок. «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», Отд. обществ. наук, вып. 2, 1931, стр. 19).

[15] В. И. Чернышев. Описательные формы наклонений и времен в русском языке, стр. 213—214.

[16] Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. I, стр. 334.

[17] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис, стр. 103—108; А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 347—350.

[18] К. А. Тимофеев. Указ. докт. дисс., стр. 285—286.

Что ж, сударь, коли так, то *нам с нею и в пять лет не исправиться будет* (Лом., Суд росс. письмен). Уже *им*, видно, *будет не исправиться* (И. Филонов, п. Державину, 23 апр. 1790); Погиб я тогда совсем, и *не видать* уже *мне будет* отечества своего на веки (Болот., 2, 97).

Ср. в пословицах: *за милую куму лезть будет в тюрьму;* когда нечем заплатить долгу, *ехать будет на Волгу*; сколько ни таиничать, *а будет сказаться*[19].

В XIX в. употребление этой конструкции было вполне возможно, ср.:

Невозвратен счастливый миг. *Не дождаться вам будет,* пока повторится благоприятное сочетание обстоятельств (Черн., Русск. чел. на rendez-vous).

Построения типа *не видать будет, не унести будет* в современной разговорной речи обычны.

Показательна употребительность в литературном языке конца XVIII — первой половины XIX в. аналогичных по значению предложений, строящихся соединением инфинитива с наречием или косвенным падежом имени.

Доколе, рек: *доколь вам будет Щадить неправедных и злых?* (Держ., Власт. и судиям); [В с к и п я т и л и н] О, невежество! о, нравы! *долго ли будет оставаться нам в странном закоренении!* (Клушин, Алхимист, 3); Видно, они забыли, что наши ребята легки на ногу и *в Берлин-то им прилететь не впервые будет* (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 24 апр. 1791); *Зачем будет жить в свете без прелестного малютки?* (Карамз., Юлия); *Долго ли мне повторять, что...* (Шишк., Примеч. на письмо деревенск. жителя в «Сев. вестн.»); Удача! шалость! правьте ладно! *Но долго ль будет править вам?* (Вяземск., Катай-валяй); [Л е п о р е л л о.] Проклятое житье. *Да долго ль будет мне с ним возиться?* (Пушк., К. гость, I); Пошли толки, *как им будет найти заветное место?* (Пушк., Кирджали); *А как ему за вас будет заступиться,* если вы станете бунтовать и разбойничать (Пушк., Дубр., V); Ветер воет, и дождь кропает в окна... *Как-то будет добраться до дому?* (Марл., Вечер на Кавк. водах); Какими глазами прикажешь мне смотреть на людей, на божий свет? *Как умирать мне будет?* (Лажечн., Лед. дом, 4, 8).

§ 5. Предложения типа *быть терпеть*, обозначавшие в ы н у ж д е н н о е п р и н я т и е д е й с т в и я к а к н е и з б е ж н о г о, о б я з а т е л ь н о г о, представляют собой северновеликорусскую диалектную черту, проникшую в литературное употребление в XVIII в.[20] Ломоносов описывает их без всяких стилистических характеристик: «*Быть* неокончательное с приложением другого значит принуждение: *быть писать, быть умереть*»[21]. Как живую русскую народную форму, не переводимую на другие языки, эти конструкции отмечает А. С. Шишков: «Силу наших речей, тако-

[19] П. Г л а г о л е в с к и й. Синтаксис языка русских пословиц. СПб., 1873, стр. 23.

[20] См.: С. И. О ж е г о в. Об одной форме долженствования в русск. языке. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», 1947, вып. 2.

[21] М. В. Л о м о н о с о в. Росс. грам., § 530, стр. 566.

вых, например, как: *мне было говорить, писать было тебе к твоему отцу, быть писать, быть по сему* и проч., выразят ли они [французы] на своем языке, переведут их из слова в слово?» [22] В более поздних грамматических трудах предложения типа *быть терпеть* как характерная черта старинного и народного синтаксиса отмечены Буслаевым [23], Потебней [24], Чернышевым [25], Булаховским [26] и рядом других исследователей.

Предложения типа *быть терпеть* в русском литературном языке второй половины и конца XVIII в. отмечаются как явление, связанное с непринужденной речью и по существу стоящее на грани между разговорной речью и просторечием.

[Лесник] *Быть работать день и ночь*, Когда нечем уж помочь (Николев, Розана и Любим, I, 9); [Крепышкина] *Так быть подождать*, пока цена сбудет (Матинск., Спб. гост. двор, I, 2); Здравствуйте же сударыня — ох! досадно, что всево сказать нельзя! *быть сглонуть, пока сам вас увижу* (Хемн., п. М. А. и Н. А. Львовым, 2 июля 1783); Грустно мне будет; *но быть терпеть* (Радищ., Путеш., Едрово [слова Анюты]).

Последние десятилетия XVIII в., по-видимому, были периодом полного исчезновения инфинитивных предложений этого типа из литературной речи: многочисленные памятники начала XIX в., в той или иной форме отражающие разговорную речь, уже не дают свидетельств их употребления: они были полностью вытеснены безличными предложениями аналогичного значения (*придет, приходится терпеть*).

§ 6. К конструкциям, в XIX в. исчезающим из литературного языка и переходящим в разряд лексикализованных, принадлежат носящие оттенок разговорности отрицательные инфинитивные предложения типа *не искать стать*, обозначающие отрицание долженствования, необходимости [27]. Примерно до се-

---

[22] А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. В кн.: А. С. Шишков. Собрание сочинений и переводов, ч. II. СПб., 1824, стр. 45 (разрядка моя. — *Н. Ш.*).

[23] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., стр. 375.

[24] А. А. Потебня. Из зап., т. I—II, стр. 401—402.

[25] «*Быть* с неопределенным наклонением обозначает необходимость или большое вероятие. Это значение можно перевести словами: «нужно», «придется». Примеры находим в фольклоре (пословицы и песни) и в живых говорах (последнее очень редко): *ехать быть*; *быть тебе упасть*; сколько ни браниться, *а быть помириться*... Подобные формы не чужды были и литературному языку середины XVIII в. Они зарегистрированы и объяснены Ломоносовым» (В. И. Чернышев. Описательные формы наклонений и времен в русск. языке. стр. 210—211).

[26] Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 315.

[27] Неверно, что здесь «сам вспомогательный глагол *стать* (=*начать* и др. в старосл. яз.) обнаруживает будущее время» (Е. Ф. Будде. К учению о синтаксисе простого предложения. ЖМНП, 1894, апр., отд. 2, стр. 211). Ср.: *ему было не привыкать стать*; см. ниже примеры из Болотова, Марлин-

редины XIX в. со стороны первого инфинитива они не были ограничены лексически.

Ну да ведь не плакать же стать о том, что произвели (Хемп,. п. М. А. и Н. А. Львовым, 2 июля 1783); [Хватайко] *Ведь без указа нам не стать Пословицы ломать*, Котора говорит: что взято, То свято! (Капн., Ябеда, III, 7); *Мне чертить и рисовать не учиться было стать* (Болот., 1, 32); *Мне не выдумать стать любопытные и такие истории*, которые бы читать было приятно, если таковых в самом деле не происходило! (Болот., 1, 3); *Врагов тогда, бывало, не искать стать* (Марл., Замок Эйзен); На что мне ретузы, *носить, что ли, стать*? (Дост., Честн. вор) [28].

Постепенно обнаруживается тенденция к лексическому ограничению первого инфинитива; в языке второй половины и конца XIX в. закрепляется лексикализовавшаяся инфинитивная конструкция *не привыкать стать*.

Развитие предложений, строящихся с участием модальных частиц

§ 7. Русский литературный язык второй половины и конца XVIII в. свидетельствует об активном проникновении в его пределы инфинитивных предложений с частицами, несущих в себе разнообразные субъективно-модальные значения. Трудно допустить, что это были новообразования; такие построения издавна существовали в живой речи, но в силу жанровой и стилистической ограниченности письменности до XVIII в. они или не находили в ней отражения или находили отражение очень ограниченное. Развившиеся во второй половине XVIII в. жанры притчи, комедии, записок и т. д. были благодарной почвой для широкого отражения в письменности экспрессивно значимых инфинитивных предложений с частицами: *хоть, разве, вряд ли, пусть, пусть бы, пускай, чур, дай, вот (бы), что (бы)* и др.: *разве сходить посмотреть; сговору вряд ли быть; пусть бы знать, что...; а хоть бы и украсть; чур не опаздывать* и т. п.

[Анюта] *Хоть побои принять*, а с ним перемолвлю (Аблес., Мельн.-колдун, II, 1); [Вскипятилин] *Дай скорее положить остальные сто червонных*, это усилит меркурий и вызовет молодую девицу — *давай работать!* (Клушин, Алхимист, 5; [монолог; речь, сопровождающая соответствующие действия говорящего]); [Чужехват] Пускай бы крали, кто

ского. Начинательное значение у *стать* в этих конструкциях полностью утрачено. Ср. живые отношения лексически знаменательных компонентов в конструкции аналогичного значения: *ведь слез тебе не занимать ходить к соседкам* (Марл., Ам.-Бек, X).

[28] Материалы см. также: А. А. Шахматов Синтаксис, стр. 109—110.

без греха и кто бабе не внук. *А хотя бы по слабости что и у своих товарищей тихонько взять*, да надобно концы хоронити (Сумарок., Опекун, I, 4); [Скотинин] Я вижу, что *сегодни сговору-то вряд и быть ли* (Фонв., Недоросль, 1, 7); [Разгильдяев] Да я сам прибежал; когда за мною гонятся, *так разве мне не бежать* (Клушин, Алхимист, 6); [Еремевна] Статошно ли дело, возьму ли я! нет, нет, мой батюшка! *да разве мне разорить тебя* (Копиев, Обращ. мизантроп, IV, 1); [Скалыгин] Как начнут домой сбираться, *Чур тебе тут не мешаться* (Матинск., Спб. гост. двор, III, 1).

В XIX в. такие построения получают широкое распространение в тех жанрах письменности, которые тесно соприкасались с разговорной речью: «Под пером Крылова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и целого ряда других обнаруживается чрезвычайная грамматическая энергия — аффективная сила самостоятельно употребляемых инфинитивов, с их способностью передавать многообразные яркие значения наклонений» [29].

Не поверишь, как мне сделалось грустно: право, *хоть плакать* (Жих., Зап. совр., I, 10 мая 1805); *Ну, что бы кн. Горчакову и Карину побывать у пасхальной заутрени в Успенском соборе* (Там же, 10 апр. 1805); Если я здесь чин-другой не схвачу, то право буду в круглых дураках. Мне поездка сюда стоила денег: *хоть купить на них чести малую толику* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 13 окт. 1818); Смотри же, *чур писать и передавать мысли и чувства* — «From Indus to the pole» А. И. Тург., п. Вяземскому, 12 февр. 1819); [Молчалин] Ну, право, *что бы вам в Москве у нас служить*? И награжденья брать и весело пожить? (Гриб., Горе от у., III, 3); Извините мне мои вопросы, ска⟨зал⟩ Исп⟨анец⟩ — *но вряд ли мне найти в другой раз удовлетворительных ответов* (Пушк., Гости съезжались на дачу, ⟨III⟩); *Смотри только вперед не раскаяться!* (Гоголь, п. Г. И. Высоцкому, 26 июня 1827); Друзья! *вряд ли нам выстоять живыми* (Марл., Второй вечер на бивуаке); *Пускай бы не склониться на просьбы приятелей*,— а то бежать предпочтенных старушек (Марл., Письмо к д-ру Эрману); *Александру хоть сквозь землю провалиться* (Гонч., Обыкн. ист., 2, III); *И чтоб было ему остаться в Чечевицине*, не поддаваясь обольщениям громкого имени столичного города Санктпетербурга! (Бутк., Пб. верш., 2, Хорошее место, VI).

Инфинитивные предложения с частицами распространяются и в поэтической речи.

Накуковали нам тоску! *Хоть убежать* (Пушк., Соловей и кукушка); *Но вряд прекрасной не тужить*, Когда придется ей В глуши лесной безвестно жить Подругою моей! (Козлов.

---

[29] Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык. первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология Ударение. Синтаксис, стр. 304.

редины XIX в. со стороны первого инфинитива они не были ограничены лексически.

Ну да ведь не плакать же стать о том, что произвели (Хемн,. п. М. А. и Н. А. Львовым, 2 июля 1783); [Х в а т а й к о] *Ведь без указа нам не стать Пословицы ломать*, Котора говорит: что взято, То свято! (Капн., Ябеда, III, 7); *Мне чертить и рисовать не учиться было стать* (Болот., 1, 32); *Мне не выдумать стать любопытные и такие истории*, которые бы читать было приятно, если таковых в самом деле не происходило! (Болот., 1, 3); *Врагов тогда, бывало, не искать стать* (Марл., Замок Эйзен); На что мне ретузы, *носить, что ли, стать*? (Дост., Честн. вор) [28].

Постепенно обнаруживается тенденция к лексическому ограничению первого инфинитива; в языке второй половины и конца XIX в. закрепляется лексикализовавшаяся инфинитивная конструкция *не привыкать стать*.

Развитие предложений, строящихся с участием модальных частиц

§ 7. Русский литературный язык второй половины и конца XVIII в. свидетельствует об активном проникновении в его пределы инфинитивных предложений с частицами, несущих в себе разнообразные субъективно-модальные значения. Трудно допустить, что это были новообразования; такие построения издавна существовали в живой речи, но в силу жанровой и стилистической ограниченности письменности до XVIII в. они или не находили в ней отражения или находили отражение очень ограниченное. Развившиеся во второй половине XVIII в. жанры притчи, комедии, записок и т. д. были благодарной почвой для широкого отражения в письменности экспрессивно значимых инфинитивных предложений с частицами: *хоть, разве, вряд ли, пусть, пусть бы, пускай, чур, дай, вот (бы), что (бы)* и др.: *разве сходить посмотреть; сговору вряд ли быть; пусть бы знать, что...; а хоть бы и украсть; чур не опаздывать* и т. п.

[А н ю т а] *Хоть побои принять*, а с ним перемолвлю (Аблес., Мельн.-колдун, II, 1); [В с к и п я т и л и н] *Дай скорее положить остальные сто червонных*, это усилит меркурий и вызовет молодую девицу — *давай работать!* (Клушин, Алхимист, 5; [монолог; речь, сопровождающая соответствующие действия говорящего]); [Ч у ж е х в а т] Пускай бы крали, кто

ского. Начинательное значение у *стать* в этих конструкциях полностью утрачено. Ср. живые отношения лексически знаменательных компонентов в конструкции аналогичного значения: *ведь слез тебе не занимать ходить к соседкам* (Марл., Ам.-Бек, X).

[28] Материалы см. также: А. А. Ш а х м а т о в Синтаксис, стр. 109—110.

без греха и кто бабе не внук. *А хотя бы по слабости что и у своих товарищей тихонько взять*, да надобно концы хоронити (Сумарок., Опекун, I, 4); [Скотинин] Я вижу, что *сегодни сговору-то вряд и быть ли* (Фонв., Недоросль, 1, 7); [Разгильдяев] Да я сам прибежал; когда за мною гонятся, *так разве мне не бежать* (Клушин, Алхимист, 6); [Еремевна] Статошно ли дело, возьму ли я! нет, нет, мой батюшка! *да разве мне разорить тебя* (Копиев, Обращ. мизантроп, IV, 1); [Скалыгин] Как начнут домой сбираться, *Чур тебе тут не мешаться* (Матинск., Спб. гост. двор, III, 1).

В XIX в. такие построения получают широкое распространение в тех жанрах письменности, которые тесно соприкасались с разговорной речью: «Под пером Крылова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и целого ряда других обнаруживается чрезвычайная грамматическая энергия — аффективная сила самостоятельно употребляемых инфинитивов, с их способностью передавать многообразные яркие значения наклонений» [29].

Не поверишь, как мне сделалось грустно: право, *хоть плакать* (Жих., Зап. совр., I, 10 мая 1805); *Ну, что бы кн. Горчакову и Карину побывать у пасхальной заутрени в Успенском соборе* (Там же, 10 апр. 1805); Если я здесь чин-другой не схвачу, то право буду в круглых дураках. Мне поездка сюда стоила денег: *хоть купить на них чести малую толику* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 13 окт. 1818); Смотри же, *чур писать и передавать мысли и чувства* — «From Indus to the pole» А. И. Тург., п. Вяземскому, 12 февр. 1819); [Молчалин] Ну, право, *что бы вам в Москве у нас служить*? И награжденья брать и весело пожить? (Гриб., Горе от у., III, 3); Извините мне мои вопросы, ска⟨зал⟩ Исп⟨анец⟩ — *но вряд ли мне найти в другой раз удовлетворительных ответов* (Пушк., Гости съезжались на дачу, ⟨III⟩); *Смотри только вперед не раскаяться!* (Гоголь, п. Г. И. Высоцкому, 26 июня 1827); Друзья! *вряд ли нам выстоять живыми* (Марл., Второй вечер на бивуаке); *Пускай бы не склониться на просьбы приятелей*,— а то бежать предпочтенных старушек (Марл., Письмо к д-ру Эрману); *Александру хоть сквозь землю провалиться* (Гонч., Обыкн. ист., 2, III); *И чтоб было ему остаться в Чечевицине*, не поддаваясь обольщениям громкого имени столичного города Санктпетербурга! (Бутк., Пб. верш., 2, Хорошее место, VI).

Инфинитивные предложения с частицами распространяются и в поэтической речи.

Накуковали нам тоску! *Хоть убежать* (Пушк., Соловей и кукушка); *Но вряд прекрасной не тужить*, Когда придется ей В глуши лесной безвестно жить Подругою моей! (Козлов.

---

[29] Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык. первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология Ударение. Синтаксис, стр. 304.

Разбойник); Пусть навек с златым мечтаньем, *Пусть тебе глаза закрыть,* Сохраню тебя страданьем: Ты для сердца будешь жить (Лерм., К Нине); Жаль, что не шьют они новых идей — *Вот бы примерить на этих людей* (Минаев, 1 янв. 1862).

Показательно проникновение в язык поэзии начала XIX в. инфинитивных предложений с союзной частицей *или*, выражающих сомнение, неуверенность (в форме вопроса и не вопроса).

[Морна] *Иль новых бед каких еще нам ждать*? (Озеров, Фингал, II, 4); Я милых обнимал... но пушка вестовая Сон тихий прервала, и — в сечу мне лететь! И к Варне понеслась дружина удалая... *Иль там мне умереть*? (Козлов, Сон ратника); Где он? Что с ним? *Иль ждать за гробом ей свиданья И в небесах назвать своим!* (Козлов, Кн. Нат. Бор. Долгорукая, 1, XI); *Иль шуму светского волненья Бороться с сердцем молодым*? Нет, нет — мой дух бессмертен силой (Лерм., Дереву).

Широкое отражение в художественной прозе, комедиях, письмах со второй половины XVIII в. получают самостоятельно функционирующие инфинитивные предложения с *чтобы (чтоб)*, выражающие разные оттенки желательности, опасения, отрицательного отношения и др.

[Крепышкина] Эдакой проклятой! *Чтобы тебе век не проспаться!* (Матинск., Спб. гост. двор, II, 8); [Мельник] (К Филимону тихо) Выдь сюда, покажись ей. [Филимон] *Чтоб ее не всполошить!* (Аблес., Мельн.-колдун, II, 7); [Кимар] Надейся на меня, как на городскую стену. [Оронт] То-то, Кимар, *чтоб мне не попасть в беду* (Сумарок., Ссора у мужа с женою, 8); [Митрофан] *И чтоб сегодни же быть сговору* (Фонв., Недоросль, III, 7); Я писал горячо. Каково написалось? Вам судить, а мне ждать; *только чур, чтобы дождаться!* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, авг. 1819); [Рославлев старший] Как! *чтоб мне с вами расстаться!* едва верю всему, что слышу (Гриб. и Вяземск., Кто брат, кто сестра, 22); Кстати об редкостях: *чтоб не забыть старика, доктора Л.*, нашего соседа, оригинальнейшего из оригиналов! (Кюхельб., Отр. из путеш., XVIII).

Во второй половине XIX в. инфинитивные предложения, строящиеся с разнообразными частицами субъективно-модальных значений, получают массовую употребительность как реалистическое средство воспроизведения диалогической и — шире — вообще разговорной речи.

Таким образом, в языке XIX в. получают широкое распространение специально оформленные инфинитивные предложения разнообразных модально-экспрессивных значений; структурные типы инфинитивных предложений, строящихся без участия форм вспомогательного глагола, обогащаются; семантика категории в целом явно эволюционирует в сторону развития частных субъективно-модальных и оценочных значений.

Развитие инфинитивно-назывных предложений и выработка новых форм их контекстных связей

§ 8. Тенденции к расширению формальных связей, к выработке новых типов контекстного окружения, к обогащению модально-экспрессивных, оценочных значений ярко обнаруживаются в развитии инфинитивно-назывных предложений, по своим функциям и значению совпадающих с так называемым именительным представления[30].

В литературном языке второй половины и конца XVIII в. мы уже застаем развитую систему таких предложений. Их значение двояко: это или собственно называние (а) или называние в сочетании с модальной оценкой действия, с выражением отношения к нему говорящего (б).

а) [Гамлет] *Умреть.. и внити в гроб...* спокойствие прелестно; Но что последует сну сладку? ...неизвестно (Сумарок., Гамлет, III, 7).

б) [Кривосудов] Да как сестра моя? ...кто ей на шею сел? *Знать*, что волочутся, *и не сказать ни слова!* (Капн., Ябеда, I, 6); *Уехать тихонько из дому родительского!* Что же будет с батюшкою? Он умрет с горя (Карамз., Нат. боярск. дочь).

В предложениях второго типа обычен дательный субъекта.

[Кащей] Нет, государь мой, я и сам перечту. *Приятельские деньги, да не самому считать!* (Сумарок., Лихоимец, II, 4); Как! *мне учиться танцевать, мне быть прыгуном!* или ты хочешь меня выгнать отсюда своими попрыгушками? (Крыл., Почта духов, XXI).

Значение субъективно-модальное, связанное с выражением отношения к называемому действию, особенно ярко выявляется во вторых репликах диалога, лексически связанных с первой репликой.

[Вскипятилин] *Фамилия*, кажется, этого не обещает. [Сгорепьянов] *По фамилии судить о достоинствах!* вечно бредишь (Клушин, Алхимист, 10); [Парамон] *Свяжем-ка* его, ведашь ты, чтобы он не ушел. [Матвей] *Меня связать?* (Плавильщ., Бобыль, V, 4); Надобно *идти в дремучий лес.* — *Идти в дремучий лес!* — воскликнули с ужасом добрые старики (Карамз., Дрем. лес).

Все эти типы инфинитивно-назывных предложений сохраняются и активно функционируют в литературном языке XIX в.

После Карамзина модально значимые инфинитивные предложения становятся характерной приметой эмоционально окрашенной речи в ее разных жанрово-стилистических проявлениях.

---

[30] Описание этих конструкций см.: К. А. Тимофеев. Указ. докт. дисс., стр. 385 и сл. Там же см. литературу вопроса.

Что я буду делать в обществе одна, без связей, без сердечных привязанностей? *Быть целью искательств бездушных людей или предметом злословия...* Бог с ним, с этим обществом! (Жих., Зап. совр., II, 16 окт. 1806); Уж этот наш старый Сатурн лихой, Что все поедает прекрасное! *Такого лишить нас воробушка!* (Вост., На смерть воробья); [А л ь б е р] Как! *отравить отца!* и смел ты сыну... (Пушк., Ск. рыц., I); Я никогда не был так самолюбив, как в эту минуту! *...Сидеть незамеченным, молча*, когда все кругом лепетало без связи, без смысла, когда она и не воображала, что я один почувствовал ее! (Н. Павл., Именины); Возможно ль! *первую любовь Такою горечью облить; Притворством взволновав мне кровь, хотеть насмешкой остудить?* (Лерм., Ночь); И вдруг в пустыне явился мне ангел, и хочет, чтоб я к нему не приближался, не смотрел на него, не внимал ему? — боже мой! — *в минуту огненной жажды видеть перед собою благотворную влагу, которая, приближаясь к губам, засыхает...* (Лерм., Вадим, XI); Какая ты странная: *сомневаться в моей любви!...* (Вельтм., Саломея, 10, II); Но я должен вам заметить, что благородные люди так не поступают... *Прочесть украдкой письмо и потом идти к благородной девушке беспокоить ее* (Тург., Яков Пасынков, I); Но когда я ему наскоро сказал, в чем дело, он вспрыгнул от радости. *Быть шафером на тайной свадьбе, хлопотать, может, попасть под следствие*, и все это в маленьком городе без всяких рассеяний. Он тотчас обещал достать для меня карету (Герц., Б. и д., 3, XXIII); Зато и деятельность доктора была неутомима: подумайте, в самом деле, *взять на себя 600 пациентов, растянутых на 60-верстной линии!* (Доброл., Опыт отучения людей от пищи).

Во второй половине XVIII в. преобладающие типы связей инфинитивно-назывных предложений с окружающим контекстом были таковы: а) непосредственно следующее или — реже — предшествующее предложение любой структуры, обычно заключающее местоименное указательное слово, несет в себе выражение отношения к называемому инфинитивным предложением действию; б) выражение отношения несет в себе последующее или — реже — предшествующее односоставное именное предложение, как бы предицирующее по отношению к инфинитиву; в) предицирующее по отношению к инфинитиву односоставное предложение вводится местоимением *это, все это* или частицей *вот*, которые, в случаях непосредственного следования за инфинитивным предложением, приближаются к функциям связочного слова.

а) Но солнечны лучи он сквозь стекло впускает И лютость холода чрез то же отвращает. *Отворенному вдруг и запертому быть — Не то ли мы зовем, что чудеса творить?* (Лом., Письмо о пользе стекла); [Ш у т] *Полезным быть — нет хуже ничего* (Княжн., Несч. от кареты, I, 6); [Х в а т о в] А там вдруг вско-

чит, побежит, затопает ногами. «Как! *мне забыть ее! мне забыть Евгению! разве в гробе я это сделаю»* (Плавильщ., Бобыль, II, 9); Пусть вожди в боях дерутся, В думах бара брань ведут; *Алых уст ее коснуться. Вся моя победа тут* (Держ., Гитара); *В три дни затвердить все буквы, в неделю все склады; в другую разбирать слова и титлы: этого не видано, не слыхано* (Карамз., Рыц. нашего вр., 6).

б) [К л а в д и й] *О правосудие неслыханное в свете! Единородну дщерь свою не пощадить* (Сумарок., Гамлет, IV, 3); Как! *жертвы, свойственные божеству, воздавать смертной? Осмелиться сравнить ее? Осмелиться раздражать? Страшное заблуждение* (Клушин, Несч. М-в); *Какая редкая судьба! жить вместе 80 лет* (Карамз., Исторпч. воспом.); *Умереть Купидону!* Боже мой! *Какой ужас!* (Карамз., Юлия).

в) *Это хорошо! плакать о том*, что вы не там, *а слуг своих без жалости мучить* (Княжн., Несч. от кареты, II, 5); [Д ю л и ж] *Гоняться за дамой! Как это не гнусно!* (Сумарок., Ссора у мужа с женою, XIII); [Х в а т о в] *Полюбить, обещать жениться и тем поймать за сердчишко, а после бросить, это наше дело* (Плавильщ., Бобыль, IV, 3); [А н ю т а] *Любить тебя, вот счастье мне* (Княжн., Несч. от кареты, I, 2).

В каком направлении развивались контекстные связи инфинитивно-назывных предложений в XIX в.? Главенствующей здесь была тенденция к активизации уже сложившихся форм связи и к развитию на их основе некоторых новых типов связи — таких, которые в XVIII в. еще только зарождались.

Так, чрезвычайно активизировались в XIX в. построения, в которых за инфинитивным предложением следует выражающее отношение предложение, содержащее указательное местоименное слово. Такие построения постепенно выходят за рамки художественной литературы и проникают во все более широкие сферы речи — в публицистику, критическую прозу, в очерк, фельетон и т. п.

Отечество хранить державною рукою, Сражаться с бурей бед, Фортуну презирать, Дары обилия на смертных лить рекою, В слезах признательных дела свои читать — Того им не дал рок (Жуковск., Сельск. кладбище); [С о ф и я] *Шутить! и век шутить! как вас на это станет?* (Гриб., Горе от у., III, 1); Как! *Противиться столь частым, столь сильным, столь живым, столь лестным искушениям,— в сем ли состоит счастие*, выгодами коего вы можете величаться? (А. В., О ложном благополучии людей мира, ЖДНП, 1823, май); *После тяжкой отечественной войны*, в которой все состояния участвуя оказали равное усердие и верность престолу и отечеству; когда всякой ожидал в мире вожделенного спокойствия, *внезапно войтить в селении военною рукою, взять домы мирных земледельцев, все, дедами и самими ими нажитое. да и их самих в общий*

состав нового воинства — едва ли история представляет что-либо тому подобное (Зап. В. И. Штейнгеля Ник. I); *Переносить спокойно и терпеливо голод, холод, усталость, бежать навстречу опасностям, доискиваться самому трудов, не пренебрегать ничего, способствующего укреплять тело и возвышать душу — таково было назначение молодого Беккнера* (Телеск., 1831, № 2); *Еще однажды увидеть ее, дыхнуть одним с нею воздухом, наслушаться ее голоса, молвить последнее прости! Кто бы устоял против таких искушений?* (Марл., Страшн. гаданье); *Возвышать древних, чтобы унизить новейших — на это была мода и прошла!* (В. Одоевск., Русск. ночи, Эпилог); *Попасться в историю! ужаснее этого ничего не может быть* (Лерм., Кн. Л., II); *Думать, что он не увидит моего письма: мысль эта меня убивает* (Дружинин, Пол. Сакс, X); *Сидеть бездельником подле стола, смотреть*, как играют другие, *и спокойно покуривать трубочку — на это Дмитрицкий был неспособен* (Вельтм., Саломея, 1, I); *В торговлю броситься — на это есть почтенное купеческое сословие; земледельцем быть — на это существуют мирные поселяне* (С.-Щ., Губ. оч., Талантл. натуры, Лузгин); *Сидеть у себя в комнате, сложа руки, не иметь возможности выйти за ворота и слышать возле, кругом, вблизи, вдали выстрелы, канонаду, крики, барабанный бой, и знать*, что возле льется кровь, режут, колют, что возле умирают,— *от этого можно умереть, сойти с ума* (Герц., Б. и д., 5, XLIII); *Искоренять сатирою взяточничество — что может быть невиннее и бесплоднее этого занятия?* (Писарев, Реалисты, XVII); *В день царских именин толковать о коммунистах, о ниспровергающих порядок людях,— да когда же это бывало, православные!* (Гл. Усп., Шила в мешке не утаишь); Г. Репин еще меньше справился с выражением. *Широко раскрыть глаза, грозно сдвинуть брови — всего этого еще мало* (Стасов, Худож. выст. 1879); *Жить 63 года в неустанном труде и дожить до голода в собственной семье — такова судьба не одной этой старухи* (Корол., В голодн. год, X); *Терять год еще,— это черт знает что такое!* (Ленин, п. М. А. Ульяновой, 19 сент. 1900, Соч., т. 37, стр. 227).

Тенденция к активизации всех средств выражения отношения к тому, что названо инфинитивом, проявляется в широком и свободном употреблении построений, в которых за инфинитивным предложением следует модальное слово или сочетание.

Похитить ее, обольстить, сохрани боже, да ты к тому и не способен (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, VIII); *Жениться! Легко сказать* (Пушк., Участь моя решена. Я женюсь); *Мне? ревновать! избави боже* (Пушк., Насилу выехать решились из Москвы); *Оставаться ночью в степи одному — слуга покорный* (В. Соллог., Тарантас, XX); Чернь — топчите смело, *Но делиться — чур!* (Курочк., Маркиз де Караба).

Широкое распространение в литературном языке XIX в. получают построения, в которых за инфинитивным предложением следует односоставное или двусоставное предложение, вводимое частицей *вот* и заключающее в себе определение, характеристику, оценку и т. п. того, что названо инфинитивным предложением. Здесь ярко выявляется тенденция к нанизыванию целой цепи инфинитивных предложений, «разрешающейся» предложением с *вот*.

Не мыслить ни о чем и презирать сомненье, На все давать тотчас свободное решенье, Не много разуметь, о многом говорить: Быть дерзку, но уметь предерзостями льстить; Красивой пустошью плодиться в разговорах, И другу и врагу являть приятство в взорах; Блистать учтивостью, но чтя пренебрегать, Смеяться дуракам, и им же потакать, Любить по прибыли, по случаю дружиться, Душою подличать, а внешностью гордиться, Казаться богачом, а жить на счет других; С осанкой важничать в безделицах самих; Для острого словца шутить и над законом, Не уважать отцом, ни матерью, ни троном; И словом: лишь умом с поверхности блистать, В познаниях одни цветы только срывать, Тот узел рассекать, что развязать не знаем: Вот остроумием что часто мы считаем! (Держ., Модное остроумие); *Явиться к нему в семь часов утра, выстоять около часа против его уборного столика, выпить у начальника чашку чая и возвратиться домой; в случае же пожара, когда бы то ни было, узнать, где горит, и немедленно о том донести,— вот* и все, в чем состояла первоначальная моя служба (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 1); *Никому Отчета не давать, себе лишь самому Служить и угождать; для власти, для ливреи Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи; По прихоти своей скитаться здесь и там, Дивясь божественным природы красотам, И пред созданьями искусств и вдохновенья Трепеща радостно в восторгах умиленья, Вот* счастье! вот права (Пушк., Из Пиндемонти); Мариорица ощупала роковую записку. *Вынуть, прочесть ее, упиваться страстными выраженьями, отметить малейшие оттенки, слить эти оттенки в одну радугу надежды, погоревать, даже поплакать, что бедный ее Артемий Петрович так страдает от любви; наконец, поцеловать раз, еще раз нежно, страстно роковое послание и потом спрятать его на груди, у сердца,— вот* что делала Мариорица (Лажечн., Лед. дом, 1, 8); *Кормить его своею грудью, глядеть на него по целым часам и не наглядеться, искать в его младенческих чертах сходство с возлюбленным мужем, вот* в чем проводила время Нисюшка (Корф, Как люди богатеют, Совр., 1847, т. V); *Отдать последний грош нуждающемуся человеку, пристроить бедного сироту, похоронить на свой счет беднягу, взять на попечение подкидыша и обеспечить существование несчастного ребенка, защитить в известном обществе приятеля от клеветы в предосуждение своим выгодам и все это стараться делать по писа-*

нию, втайне — вот весь Яковлев! (Жих., Воспом. ст. театр., III); *Одним толчком согнать ладью живую С наглаженных отливами песков, Одной волной подняться в жизнь иную, Учуять ветр с цветущих берегов, Тоскливый сон прервать единым звуком, Упиться вдруг неведомым, родным, Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам, Чужое вмиг почувствовать своим, Шепнуть о том, пред чем язык немеет, Усилить бой бестрепетных сердец — Вот* чем певец лишь избранный владеет! *Вот* в чем его и признак и венец! (Фет, Одним толчком согнать ладью живую).

Активизируются и расширяют сферу своего применения такие построения, в которых за инфинитивным предложением следует нераспространенное односоставное именное предложение, предицирующее по отношению к предшествующему инфинитивному предложению. Это или собственно именное предложение (а) или предложение, главный член которого выражен формой на *= о* (б).

а) *В лучшее время года сидеть взаперти и низать рифмы, может быть, для того только, чтоб после служить посмешищем людям — прекрасная будущность!* (Жих., Зап. совр., 1, 13 июля 1806); Прикинуться чертом можно, *но чертом природным быть — ужас!* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 11 июля 1819); *Созывать мертвых на новоселье! Экая страсть!* (Пушк., Гробовщ.); *Жиреть, зевать, бранить служанок, приказчика, старосту, мужа, когда он в духе ...какая завидная жизнь!* (Лерм., Вадим, III); *Потчевать нашу российскую публику Шекспиром — о милое, о наивное москводушие!* (Белинск., п. В. П. Боткину, 19 февр. 1840); *Заставить,* чтоб мать желала смерти своего ребенка, а иногда и больше — *сделать из нее палача, а потом ее казнить нашим палачом или покрыть ее позором,* если сердце женщины возьмет верх,— *какое умное и нравственное устройство!* (Герц., Б. и д., 3, XXIV).

б) *Но целый год бывши будто в заключении, и в одно мгновение ока увидеть всех родных, все близкое сердцу... очаровательно!* (Гоголь, п. матери, 6 апр. 1827); *Выдать девушку замуж против ее согласия... Невозможно!* (Панаев, Дочь чиновн. человека, VI, Отеч. зап., 1839, т. III); *И вдруг чувствовать,* что все это великолепие исчезает, что пропадает игривость слога, что в слог вторгаются преступные: и б о и с е й, что стиль начинает походить на стиль «Домашней Беседы» *...ужасно!* (Будильн., 1865, № 13).

Местоимение *это* в таких соединениях претерпевает сложную эволюцию. История его функционирования здесь — это одно из звеньев в общем процессе образования связочного слова из местоимения. При осложненности инфинитивного предложения, при сцеплении нескольких инфинитивных групп, при подчеркнутом интонационном членении частей соединения, так же, как и при осложненности или специальной модальной окрашенности его за-

ключающей части, *это* сохраняет свое местоименное значение и соответственно — подлежащную функцию.

Я вспрыгнул от радости и кинулся обнимать незнакомца. *Приехать хоть в полночь, хоть на миг... это прелесть, это занимательно!* (Марл., Страшн. гаданье); Не понимаю, как можно сердиться за убеждения... Спорить можно — и горячо, *но сердиться...* верно, *это берлинодушие?* (Белинск., п. В. П. Боткину, 21 или 22 февр. 1840); *Скакать за тысячу верст, бог знает из-за чего — да это было бы безумие!* (Тург., Фауст, 8); *Взять оборот искусственный, едва возможный, но неестественный, едва понятный, но не имеющий определенного смысла, и уверять, что именно этот оборот и его значение выражаются естественною формой слова — ужели это филологическая метода?* (П. С. Билярск., Сколько главн. частей в предложении?, ЖМНП, 1857, т. XCIV).

— Представьте,— сказал он мне,— *восемь раз побывать в Персии и не видать Петербурга, это не ужасно ли!* (Гриб., Пут. зап., II); Заинька тут призадумалась: *За спасибо в темну яму сесть! Это жестко ей казалося* (Пушк., Бова); *Быть в мире и не означить своего существования — это было для меня ужасно* (Гоголь, п. П. П. Косяровскому, 3 окт. 1827); *Но уехать без надежды увидать тебя и с опасением узнать тебя женою другого: это ужасно, это нестерпимо!* (Марл., Ам.-Бек, VIII); *Жить целый месяц около княжны, видеть ее каждый день — это было выше всех его ожиданий* (Писемск., Тыс. душ, 2, IV); *Оставить ее в минуту, когда у нее, у меня так билось сердце... Это было бы сверх человеческих сил и очень глупо* (Герц., Б. и д., 3, XXI); *А смеяться над умственною слепотою людей, считающих себя квинт-эссенциею человечности, это не только позволительно, но даже необходимо* (Писарев, Реалисты, XV).

Основным условием для перехода *это* в разряд связочных слов в конструкциях описанного типа была утрата инфинитивно-назывным предложением самостоятельного модального, оценивающего значения и закрепление за ним только собственно называющей функции, т. е. превращение его из предикативной единицы в единицу номинативную; сопровождающими условиями были нераспространенность или ограниченная распространенность как инфинитивно-назывного предложения, так и предложения, вводимого местоименным словом, и минимальное интонационное членение между сочетающимися конструкциями, приобретающее качество паузы сказуемости.

Верьте, что *не сметь сесть, не знать, куда и как сесть,— это самое мучительное чувство!* (Н. Павл., Именины); Я не умею наживать и беречь денег, но *издерживать их, тратить со вкусом — это мое дело* (Бутк., Пб. верш., 1, Почтен. человек, II).

Переход местоименного слова в связочное, естественно, осуществлялся не только в рамках соединений с инфинитивно-назывными предложениями (см. «Изменения в соотношениях связочных и бессвязочных сказуемых», § 13, 14). Но эволюция этих соединений показательна. Здесь ярко обнаруживается тенденция к более тесному синтаксическому объединению инфинитивно-назывных предложений с соседствующим предложением, тенденция к образованию новых типов сложных объединений.

Интересно в этом смысле историческое движение таких объединений, в которых за инфинитивно-назывным предложением следует отделенное паузой предложно-падежное сочетание или обстоятельственное наречие, функционирующее как предложение, выражающее ту или иную реакцию, отношение.

В конце XVIII в. такие соединения известны главным образом как союзные; употребляются они редко.

[Шут] Это хорошо! *плакать о том, что вы не там, а слуг своих без жалости мучить, и за что?* (Княжн., Несч. от кареты, II, 5).

В языке XIX в. такие союзные соединения становятся широко распространенным приемом эмоционально окрашенной речи.

Ехать в Петербург! но как, с чем и зачем? (Жих., Зап. совр., 30 июня 1806); [Чацкий] Вы помиритесь с ним по размышленье зрелом. *Себя крушить, и для чего!* (Гриб., Горе от у., IV, 14); Слыхала я, что надобно любить... *Любить! но как, зачем и что такое* ... (Пушк., Гавриил.); *Идти... но куда же?* (Лерм., Вадим, XXI); *Любить — но кого же?* (Лерм., И скушно, и грустно...); *Уезжать,— но куда и какой дорогой?* (Сверб., Зап., I).

Дальнейшим движением таких построений было развитие бессоюзных соединений, в которых обстоятельственные и объектные слова и сочетания еще теснее смыкаются с предшествующим инфинитивом.

Ходил и не знал, что делать; *говорить — о чем и с кем? танцевать — для чего?* играть в карты — не нужно выиграть (Н. Павл., Маскарад, II); *Поверить людям, искать симпатии — в ком? рассыпать бисер — перед кем?* (Гонч., Обыкн. ист., 2, I); *Выбросить меня из этого мира, куда же?* (Герц., Б. и д., 5, XLV); *Драться! с кем и за что?* (Тург., Затишье, V); *Писать родным... зачем?* (Апухт., Из бумаг прокурора); *Петь? Для кого, о чем?* (Надсон, Мрачна моя тюрьма...).

Итак, развитие и обогащение контекстных связей инфинитивно-назывных предложений выражалось в том, что эти предложения вырабатывали различные формы более тесного синтаксического объединения с соседствующими построениями, разными путями входили в состав сложных образований.

Выражением той же общей тенденции инфинитивно-назывных предложений к установлению более тесных «синтаксических кон-

тактов» явилось обрастание их союзами: появляются союзные соединения инфинитивных групп, союзные присоединения их к предшествующим предложениям, введение самостоятельных инфинитивно-назывных предложений союзами. В конце XVIII в. такие образования получают широкую употребительность в языке Карамзина: он свободно пользуется приемами союзного присоединения инфинитивно-назывных предложений, введения их в текст с помощью противопоставляющего *и*, экспрессивными союзными сцеплениями двух инфинитивных групп.

Довольно, что мы и живые по волнам носимся; *а то быть еще и по смерти игралищем бурной стихии* (П. р. п., Море, 1790); Давно уже сельская простота не веселила меня столько, как нынешний день — *и наслаждаться ею в 7 верстах от Парижа!* (П. р. п., Париж, мая... 1790); Иметь такую любезную *супругу, и добровольно с нею расстаться!* (П. р. п., Париж, июня... 1790); *Целый месяц быть всякий день в спектаклях! быть, и не насытиться ни смехом Талии, ни слезами Мельпомены! ...и всякий раз наслаждаться их приятностями с новым чувством!* ...Сам дивлюсь; но это правда (Там же, 29 апр. 1790); Стыдно, государь мой, стыдно! *Быть три месяца в Париже, и не видать еще самой любопытнейшей вещи* (Там же, июня... 1790).

В XIX в. такие построения становятся специфическим приемом художественной и — шире — вообще экспрессивно окрашенной речи. Здесь выделяются разные случаи союзного введения инфинитивно-назывного предложения — с союзами *но, и, а то* и др.

С союзом *но*:

[Димитрий] Коль, смерть в бою приняв, возмог бы жизнью новой России жертвовать, пожертвовал бы вновь, И в дар отечеству пролить в сраженье кровь Не только долгом чту, за первую чту славу. *Но Ксению предать насильственному праву И беспокровной здесь в защите отказать,* Не для отечества, Тверскому угождать, И вам, колеблемым сомненьем неизвестным: Такою слабостью я б сделался бесчестным (Озеров, Дим. Донск., III, 3); [Беневольский] Отчего мне не быть воином? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Был вождем полмиллиона героев! Самому воспевать свои победы! воин-поэт! *Но быть министром!* тоже значительно, завидно (Гриб. и Катен., Студент, I, 7); [Басманов] Не лучше ль Предупредить разрыв потока бурный И самому... *Но изменить присяге! Но заслужить бесчестье в род и род!* Доверенность младого венценосца Предательством ужасным заплатить (Пушк., Б. Г. Ставка); [Бертольд] Делать золото задача заманчивая, открытие, может быть, любопытное — *но найти perpetuum mobile*... О! (Пушк., Сц. из рыц. вр.); Будь ты одноземец мой, я бы не запнулся назвать тебя зятем,

если бы даже кошелек твой можно было продеть в иголку, *но отпустить дочь за тридевять земель...* Она так молода... (Марл., Лейт. Белозор, VII); Покинуть умирающую мать, отдать на поругание милую невесту... какой сын, какой любовник решился бы на то? *Но бросить свои знамена и остаться в Москве,* когда присяга, честь и русская кровь зовут его на поле брани... какая ужасная крайность для русского воина! (Погорельск., Двойник, 1, 2, Изидор и Анюта); Можно заставить не говорить известным образом об известных предметах — и это уже много,— *но не мыслить!* (Никитенко, Дневн., 12 ноября 1826); Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное; *но пропасть, и кому пропасть?* и притом еще на собственной квартире! (Гоголь, Нос, 2); Я привязался к литературе, отдал ей всего себя, т. е. сделал ее главным интересом своей жизни, мучусь, страдаю, лишаюсь для нее, *но учиться, набираться сил, запасаться содержанием, словом, делать из себя сильное и действительное орудие для ее служения* — этого она от меня не дождется (Белинск., п. В. П. Боткину, 16 апр. 1840); *Но бедняку-мужику отказаться от чарки водки!* Это — геройство (Черн., Вредн. добродетель).

С другими союзами:

Только тридцать семь лет от роду — *и уже так много сделать для бессмертия!* (Характер лорда Байрона, перевод. Моск. телеграф, 1825, № 1); Я ожидал трагической развязки, *и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!* (Лерм., Бэла); Как казалась ему хороша эта повесть! с каким восторгом читал он ее в зимние вечера Наденьке! как жадно она внимала ему! — *и не принять этой повести!* (Гонч., Обыкн. ист., 1, V); Как бы я хотела иногда тоже бегать по-мышиному, и чтоб эта беготня интересовала, *а то быть так праздной, так праздной среди этой суеты, среди этих необходимостей* (Герц., Б. и д., 5, XLIII).

Распространяются также союзные — с противопоставляющим *и* — соединения двух инфинитивно-назывных предложений.

Это редкий поступок! *Иметь всю возможность воспользоваться безумием старика и не желать воспользоваться!* (Вельтм., Саломея, 10, I); Неужели вы не заметили ее? *Видеть однажды — и не заметить*! (Гонч., Обыкн. ист., 1, III); Но воображаю же муку мою, если я проиграю и ничего не сделаю: *столько пакости принять даром и уехать еще более нищему нежели приехал* (Дост., п. жене, 18 мая 1867).

В первые десятилетия XIX в. получают употребительность конструкции, в которых инфинитивно-назывные предложения соединяются противительным союзом со следующим за ним предложением иной структуры.

Упасть к ее ногам,— думал полковник,— *но это, кажется, не водится... Написать письмо, но к княжнам писем по-русски не пишут; открыться князю, но она осердится,* что я не спросился у нее (Н. Павл., Ятаган, V).

Таким образом, язык художественной литературы XIX в. становится той сферой, где активно развиваются сложные и разнообразные связи инфинитивно-назывных предложений друг с другом и с соседствующими предложениями других структур.

Развитие вопросительных инфинитивных предложений

§ 9. Структура вопросительных инфинитивных предложений на протяжении XIX в. не претерпевает сколько-нибудь заметных изменений. Все их основные типы сложились уже в XVIII в. По отношению к вопросительным инфинитивным предложениям в XIX в. можно говорить лишь о движении в их употребительности.

В соответствии с общей тенденцией развития модально значимых инфинитивных предложений, в первой половине XIX в. в поэзии, романтически окрашенной прозе и близких к ней жанрах отмечается распространение внутренне отрицающих инфинитивных вопросов. Особенно широкую употребительность получают предложения с вынесенным в начало словом, называющим внутренне отрицаемое понятие. Это или дательный внутренне отрицаемого субъекта (а) или другой член предложения с тем же модальным значением (б).

а) *Мне быть неверным?* Никогда! (Д. Дав., Чиж и роза); *Мне чему-нибудь учиться?* А когда же чувствовать? (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 6 июня 1819); *Чему быть новому на этом старом свете, г. барон?* (Марл., Ревельск. турнир, III); Забот и света я чуждался, И не для них был создан я; Теперь же с радостью расстался: *Каким бедам страшить меня?* (Козлов, К Тирзе); Я вздрогнул, прочитав свой жребий. Как? *Мне лететь опять на эту землю...?* (Лерм., Смерть); *Мне тебя покинуть?* нет... (Лерм., Вадим, XVII).

Особенно употребительны были такие предложения с акцентирующей частицей *ли* при дательном внутренне отрицаемого субъекта.

Но можно ли рабу любить? *Ему ли благодарным быть?* (Карамз., На торжеств. коронование...); *Ему ли ссориться с судьбою,* Когда доволен он собою? (Карамз., Гимн глупцам); [Эдип] *Невинности ль клонить колена пред пороком?* (Озеров, Эдип в Афинах, III, 3); [Поликсена] *Мне ль грустию моей печали умножать,* От коих предо мною моя страдает мать? (Озеров, Поликсена, II, 1); Ах! *мне ль разлуку знать с тобой?* (Жуковск., Песня); Напрасно предаюсь привычным заблужденьям, Напрасно! — *мне ль тебя любить? Мне ль сердце*

юное к взаимности склонить? (Д. Дав., Договоры); Лизой душу занимая, *мне ли рифмы набирать* (Д. Дав., Ответ на вызов написать стихи); *Мне ли, слабой робкой женщине, Обмануть их очи зоркие?* (Пушк., Бова); *Тому ли страшиться ада,* у кого ад в душе? (Марл., Изменник, III); *Холодной жизнию бесстрастья,* Ты знаешь, *мне ль дышать и жить?* Ты знаешь, *Мне ль боготворить Душой, не созданной для счастья, Толпы привычные мечты, И дани раболепной службы Носить кумиру суеты?* (Веневит., К моей богине); Дух сомненье сокрушило: *Мне ль измену пережить?* (Козлов, Тревожн. раздумье); Любовь — святое на земле. *Ему ль любить!...* (Козлов, Чернец, VI); *Мне ль позабыть огонь и живость Твоих лазоревых очей...?* (Языков, Элегия); *Но мне ль надеждами делиться?* Надежды... о! они мои (Лерм., К *); *Тому ль пускаться в бесконечность,* Кого измучил краткий путь? (Лерм., Слова разлуки повторяя...); *О, мне ли умереть?* (Апухт., Молодая узница).

б) И мнит: *меня ли не любить?* (Карамз., Гимн глупцам); [М о и н а] *Опять ли видеть мне раздор возобновленный Меж теми, коих я дороже чту всего?* (Озеров, Фингал, II, 3); [Т в е р с к о й] *Но ждать ли, чтоб* Мамай Непрядву перешел? (Озеров, Дим. Донск., I, 4); [П о э т] Ах! *это ли иметь художнику в виду!* Обречь себя в веках укорам и стыду! (Гриб., Отрывок из Гёте); *Его ль на подвиг вдохновений Коварной лаской вызывать?* (Языков, Поэт свободен. Что награда...); *Земной ли жертвы ей страшиться?* (Козлов, Кн. Нат. Бор. Долгорукая, 2, XI); *Но гнаться ль нам за совершенством?* (Апухт., О цыганах, 1).

В романтической поэзии первой половины XIX в. внутренне отрицающие вопросительные инфинитивные предложения были чрезвычайно распространенным художественным приемом эмоционально-приподнятой, экспрессивно окрашенной речи. Позднее, в связи с общими тенденциями развития системы средств художественного выражения, употребительность их несколько спадает. Однако в поэтической речи они сохраняются, ср.:

Что дашь ты родине, что в силах ты ей дать? *Твоей ли песнею, твоими ли слезами Рассеять ночь над ней и скорбь ее унять?* (Надсон, С тех пор, как я прозрел...).

Распространение в художественной литературе вопросо-ответных единств с инфинитивным предложением во второй части

§ 10. Карамзинская проза была той почвой, на которой развились приемы экспрессивного применения диалогических форм речи в монологе. Одним из таких приемов было употребление вопросо-ответного единства с инфинитивным предложением во второй

части. Карамзин широко и свободно пользуется этим типом построения.

От Парижа далеко до мыса Левкадского: *что же делать? броситься в колодец на улице Трюандери и концом дней своих прекратить любовную муку* (П. р. п., Париж., мая... 1790); Пусть всякой вообразит себя на месте бедного Ариса! .. *Что делать? Заколоть их одним кинжалом; утолить кровию жажду справедливого мщения; а потом умертвить и самого себя...* нет! (Юлия); [Ф и л а л е т] Заблуждение открывается: *что делать? Проклинать судьбу, богов и чувствительность!* (Разг. о щастии); *Что же остается делать автору? выдумывать, сочинять выражения, угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи* (Отчего в России мало авт. талантов?).

Первая часть соединения здесь может строиться и не в форме прямого вопроса. У Карамзина такие построения часто приобретают вид развернутого периода.

По вот как можно весело проводить время и тратить не много денег: иметь хорошую комнату в лучшей отели; поутру читать разные журналы, газеты, где всегда найдешь что-нибудь занимательное, жалкое, смешное; *и между тем пить кофе,* какого не умеют варить ни в Германии, ни в Швейцарии; *потом кликнуть парикмахера, говоруна, враля,* который наскажет вам множество забавного вздору о Мирабо и Мори, о Бальи и Лафаете; намажет вашу голову провансними духами и напудрит самою белою, легкою пудрою; *а там, надев чистый, простой фрак, бродить по городу, зайти в Пале-Рояль, в Тюльери, в Елисейские поля, к известному писателю, к художнику, в лавки, где продаются* эстампы и картины,— *к Дидоту, любоваться его прекрасными изданиями классических авторов, обедать у ресторатёра,* где подают вам за рубль пять или шесть хорошо приготовленных блюд с десертом; *посмотреть на часы, и расположить время свое до шести,* чтобы, осмотрев какую-нибудь церковь, украшенную монументами, или галерею картинную, или библиотеку, или кабинет редкостей, явиться, с первым движением смычка, в Опере, в Комедии, в Трагедии, *пленяться гармониею, балетом, смеяться, плакать — и с томною, но приятных чувств исполненною душою отдыхать в Пале-Рояль, в Cafe de Valois, de Caveau, за чашкою б а в а р у а з а; взглядывать на великолепное освещение лавок, аркад, аллей в саду; вслушиваться иногда в то,* что говорят тамошние глубокие политики; *наконец, возвратиться в тихую свою комнату, собраться с идеями, написать несколько строк в своем журнале, броситься на мягкую постелю и* (чем обыкновенно кончится и день и жизнь) *заснуть глубоким сном с приятною мыслию о будущем.*— Так я провожу время, и доволен (П. р. п., Париж, мая... 1790).

У писателей начала XIX в. и позднее диалогические по происхождению формы с инфинитивной конструкцией во второй части получают довольно широкую употребительность. Ср., например, у Вяземского:

Что нужно для счастья Карамзина? Не делать утрат (п. А. И. Тургеневу, 18 ноября 1815); *Что же нам делать,* когда еще гласно действовать нельзя? — *Кричать во весь голос. Не орать, не бить в набат, не вопить: режут!, а твердить на всех площадях и перекрестках: не режьте!* (п. А. И. Тургеневу, 13 сент. 1819).

В монологической речи инфинитивные предложения в таких построениях как бы раскрывают и распространяют глагол, находящийся в первой части конструкции. Та же функция их выявляется и тогда, когда инфинитивная конструкция находится в целевых отношениях с предшествующим личным глаголом. Такие построения приобретают широкую употребительность с 20—30-х годов XIX в.

Я заехал сюда на минуту: *поздравить милого именинника и выпить прощальную чашу* (Марл., Испытание, I); И я *остался один-одинешенек: скучать по утрам, созерцая на стеклах якутскую морозную флору, зевать по вечерам, перещипывая Гёте, да набожно поглядывать на барометр, по вашему завету, три раза в день* (Марл., Письмо к д-ру Эрману).

Итак, изменения в употребительности инфинитивных предложений, а также в их структуре и в контекстных связях, происходившие в литературном языке XIX в., сводятся к следующему:

сужение круга конструкций, строящихся с участием форм вспомогательного глагола: утрата или фразеологизация одних, сокращение употребительности других;

рост употребительности и расширение сферы употребления инфинитивных предложений с разнообразными частицами, несущими в себе модально-экспрессивные значения;

расширение формальных связей, выработка новых видов синтаксического окружения у инфинитивно-назывных предложений — при общей тенденции к более тесному объединению такого предложения с соседствующим контекстом;

рост употребительности внутренне отрицающих вопросительных инфинитивных предложений с акцентированием и вынесением в начало предложения слова, называющего внутренне отрицаемое понятие;

образование на основе диалогических форм речи сложных соединений, в которых инфинитивное предложение так или иначе раскрывает и распространяет первую часть такого соединения.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЗНАЧЕНИЙ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И В СФЕРАХ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Ограничения в употребительности предложений с индикативным значением

§ 11. В начале настоящей главы были перечислены те значения инфинитивных предложений, которые устойчиво сохранялись в литературном языке XIX в. Это были значения: не зависящей от воли лица неизбежности, обязательности; невозможности, исходящей от субъекта; долженствования, вынужденности, обязательного предстояния; повеления; решения; у предложений с частицей *бы* — значения желания и опасения.

Какие изменения происходят в системе значений инфинитивных предложений в XIX в.? Эти изменения идут по трем направлениям: 1) утрата индикативного значения; 2) развитие значений, связанных с выражением действия, непосредственно обусловленного внутренней активностью определенного лица; 3) активизация субъективно-модальных, оценочных значений.

Уже во второй половине XVIII в. индикативное значение и смыкающееся с ним значение постоянной возможности действия [31] обнаруживается в инфинитивных предложениях как значение исчезающее, проявляющееся, главным образом, при условиях лексического ограничения, переходящего, по существу, в лексикализацию конструкции. Вне условий такого ограничения инфинитивные предложения с индикативным значением уже во второй половине XVIII в. были явлением редким [32].

Индикативное значение в конце XVIII в.— первой половине XIX в. свободно проявляется только в предложениях, строящихся с глаголами непосредственного восприятия: (*не*) *видать*, (*не*) *слыхать*.

Здесь ни о чем не слыхать, как о походе (А. М. Кутузов, п. И. В. Лопухину, 25 янв.—5 февр. 1791); *И места сего*, где они поставлены, *за строением дома не видать было* (Болот., 1, 6); Общих праздников нет, *о балах не слыхать* (Жих., Зап. совр., II, 1 февр. 1807); С насыпного холма внутри города ви-

[31] «Когда нужно выразить только действие без отношения к действующему лицу и без всякого специального значения: *Поглядеть* — картина, а *послушать* — животина. *Знать волка и в овечьей шкуре. И по роже знать*, что Сазоном звать. *Не устать ждать*, только бы выждать. *Не стать говорить*, так и бог не услышит. Не просвирнино дитя: *не видать сквозь тебя*» (П. Г л а г о л е в с к и й. Указ. соч., стр. 11). Примеры употребления в народном языке см. также: П. Г. С т р е л к о в. Указ. соч., стр. 8.

[32] Ср. функционирование таких предложений в составе сложного: И сетовали все места, — Земля казалася пуста: *Взглянуть на небо* — не сияет; *Взглянуть на реки* —не текут (Лом., Ода Елисавете Петр. 1761 г.); [П р я м и к о в] А заседатели? [Д о б р о в] Когда, сказать не ложно, *В одном из них души хотя немножко знать*; Так что ж? Лих та беда, что не горазд читать (Капн., Ябеда, I, 1).

ден маяк, *а далее, по морю и кругом, не видать* (Гриб., Пут. зап., XI); Извилистая дорога; *не видать ни всхода, ни исхода* (Там же, I); *Кроме двух возвышенных мысов с правой стороны ничего не видать* (Там же, XI); Где поп и государь не оковали муз; *Где вовсе не видать позора чести русской* (Языков, Н. Д. Киселеву); Прошло еще около десяти минут; *рощи все было не видать* (Пушк., Метель); *В соседней комнате,* где жили барышни, *не слыхать было никакого движения* (Погорельск., Монастырка, 2, XVIII); *Других переселений в наши края не слыхать* (И. Пущин, п. Е. П. Оболенскому. 29 февр. 1840); *За черным блеском их* [глаз] *не видать белка* (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, дек.): Холмы все мельче и мельче, *дерева почти не видать* (Тург., Лес и степь).

Построения с глаголами *видать* и *слыхать* сохраняют употребительность как стилистически нейтральная категория почти до самого конца века. Они отмечаются у Помяловского, Свербеева, Златовратского, Стасова и у других писателей и мемуаристов. Показательно, что эти построения свободно используются и в поэзии:

Робко, свечу потушив, подхожу я к окну... *Меня не видать,* зато сам я все вижу (Фет, Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!); Я жду... *но не слыхать знакомого привета* (Апухт., О боже, как хорош прохладный вечер лета); И отвечай: вы правы! мы скромны, Не кровопийцы мы и не вампиры, *Но в этом не видать еще вины* (Минаев, Золотой век); *И город оттуда видать:* под ногами Он весь, как игрушка, лежит (Надсон, На могиле А. И. Герцена); Погляди: Уж за ближней межою по жнивью *Ничего не видать впереди* (Бунин, Как печально, как скоро померкла...).

К концу XIX в. эти лексически замкнутые построения приобретают стилистическую окраску разговорности и даже просторечности.

След индикативного значения сохранился во вводных конструкциях, строящихся с узким кругом глаголов речи, мысли: *кратко сказать, по всему судить* и т. п. В языке XVIII — нач. XIX в. такие построения свободно функционировали не как вводные, а как «вводящие».

[Мельник] *Ведь сказать правду:* с чертом-то не с своим братом ладить, надобно быть смелу (Аблес., Мельн.-колдун, II, 7); *Сказать откровенно:* роль Скапина Прыткову не по силам (Жих., Зап. совр., II, 23 апр. 1807); [Фамусов] Ах! батюшка, *сказать,* чтоб *не забыть:* Позвольте нам своими счесться (Гриб., Горе от у., II, 5).

«Вводящие» конструкции сохраняются и в более поздний период.

Кстати сосплетничать: секретарь Общества любителей словесности ...во все время панихиды вел оживленные разговоры (Чех., п. Н. А. Лейкину, 8 февр. 1887).

Собственно вводные инфинитивные сочетания, обычные и в XVIII в., в XIX в. сохраняют устойчивую употребительность.

[Чужехват] А я, *за келью между нами молвить*, к богу-то никакова усердия не имею (Сумарок., Опекун, I, 18); [Исавна] Да ведь живу же, *в добрый час молвить в худый помолчать*, двадцать лет с Потапычем (Плавильщ., Бобыль, III, 1); Стол у нас хотя небогатый, но, *благодарить бога*, у нас семья... (Болот., 1, 34); Право, *без хвастовства сказать*, мы все, сколько нас ни есть,— бисер в ногах свиней (Вяземск., к А. И. Тургеневу, авг. 1820); [Саблин] Вы так сухощавы, *по всему судить*, проживете не долго (Гриб. и Катен., Студент, I, 6); Сколь бы ни было удалено тело от земли, оно ею притягивается, падает на нее, *правильнее сказать*, оба притягиваются друг к другу (Менд., Основы химии, 1, 1).

Таким образом, инфинитивные предложения с индикативным значением в литературном языке XIX в., с одной стороны, удерживаются как лексически замкнутая категория, и в этом своем качестве они могут сохранять значение действия вне отношения к действующему лицу (*не видать*, *не слыхать* = «не видно», «не слышно»); с другой стороны, они сохраняются как функционально и лексически ограниченная конструкция (вводная или «вводящая»), обозначающая действие в его отнесенности к определенному субъекту (*без хвастовства сказать* = «без хвастовства скажу»).

Развитие инфинитивных предложений со значением конкретного действия определенного лица

§ 12. Значение конкретного действия, отнесенного к определенному субъекту, непосредственно обусловленного его внутренней активностью, волей, в XIX в. было для инфинитивных предложений значением развивающимся. Оно опиралось на общую способность инфинитива к выражению разных объективно-модальных и субъективно-модальных значений.

С начала XIX в. распространяются в литературном языке предложения, в которых инфинитив как бы предицирует по отношению к определенному субъекту, обозначая или конкретное (обычно — экспрессивно окрашенное) действие в плане прошлого [33] или действие обычное, повторяющееся.

Проворно взбирается, как кошка, выше и выше, цепляясь за что попало... но беда! железный костыль впился в мантию ученого малютки. *Тащить, тащить ее, драть изо всей мочи* — не помогает! (Лажечн., Лед. дом, 3, 4).

---

[33] См. у П. Тимковского («Опытный способ к философическому познанию российского языка», стр. 72): «Он *поднять*; но силам не снести, т. е. он поднимал или поднимает; по силы снесть не могут».

Бывало, с двух до двух, хоть плохо, но спится; потом визиты, *потом обедать в клуб или на званый обед,* потом на вечер (Вельтм., Саломея, 6, III).

Сюда же относится развитие инфинитивных предложений, называющих конкретные действия определенного лица как характеризующие, типические для него. Вот пример такого употребления:

Вот каков был Зубов; а вот Измайлов: *подарить вновь избранному исправнику тройку лошадей с дрожками, дать ему полюбоваться этим подарком и после,* когда тот в восхищении вздумал узнать лета лошадей своих и посмотреть им в зубы — *приказать тройку отложить, снять с коренной хомут и надеть его на исправника, запречь его самого в дрожки и заставить отвезти их в каретный сарай под прихлестом арапника, с приговоркою,* что даровому коню в зубы не смотрят; *или напоить мертвецки пьяными человек пятнадцать небогатых дворян-соседей, посадить их еле живых в большую лодку на колесах, привязав к обоим концам лодки по живому медведю, и в таком виде спустить лодку с горы в реку, или проиграть тысячу рублей приверженцу своему Шиловскому, вспылить на него за какое-то без умысла сказанное слово, бросить проигранную сумму мелкими деньгами на пол и заставить подбирать его эти деньги под опасением быть выброшенным за окошко!* Каприз, один только безотчетный каприз — стихия этого человека (Жих., Зап. совр., I, 11 февр. 1806).

С той же тенденцией обозначения действия определенного лица связано отмеченное выше (§ 10) развитие построений, в которых инфинитивная конструкция находится в целевых отношениях с предшествующим глаголом; по-видимому, под влиянием французского синтаксиса здесь развиваются такие виды соединений, в которых эти целевые отношения выражены очень слабо и инфинитив приобретает все бóльшую смысловую самостоятельность, ср.:

Сейчас стану писать к Шаликову, *отблагодарить его за посвящение:* он зло платит мне добром (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 27 окт. 1818); Сегодня еду в Петербург. А в Москву буду в мае — *порыться в архивах и свидеться с вами* (Пушк., п. М. П. Погодину, 14 апр. 1836); С Верой Северцевой мы читали Шекспира. Прочли Юлия Цезаря — удивительно скверно. Вот, если бы был молод и задорен, написал бы статью об этом. *Избавить людей от необходимости притворяться, что они это любят* (Л. Толст., п. жене, окт. 1893). Сюда же: А вы к себе? *...творить? мечтать?* (Надсон, Закралась в угол мой тайком...).

Новым в XIX в. было также самостоятельное употребление инфинитивных предложений, в которых при отнесенности действия к определенному субъекту отсутствовала отнесенность к определенному временно́му плану. Такие предложения приближа-

ются к инфинитивно-назывным, однако отличаются от них тем, что временной план здесь все же присутствует: он определяется окружающим контекстом.

И вот уж год, без жалоб, без упреку, Утратив все, приветствую судьбу... *Быть до конца так страшно одиноку, Как буду одинок в своем гробу* (Тютч., 15 июля 1865) [34].

§ 13. В непосредственной связи с тенденцией к выражению инфинитивным предложением действия определенного субъекта находится в литературном языке XIX в. развитие в таких предложениях значения неуклонного желания, целеустремленного волеизъявления. Естественно, что сферой распространения таких предложений была экспрессивная, эмоционально окрашенная речь; соответствующее отражение они находят в художественной литературе.

Можно ль однородным Братьев позабыть? Ах, *иль быть свободным, Иль совсем не быть!* (Козлов, Пленный грек в темнице); Мысль не застать ее в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце. *Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ее руку* (Лерм., Кн. Мери, 27 июня); Он хочет силой воротить свою потерянную веру. Ему она до мучения теперь нужна... Да! *во что-нибудь верить! в кого-нибудь верить!* (Дост., Идиот, 2, V); И с кроткой речью, полною любви, Стал унимать рыдания мои. «*Спасти ее!*» — я только мог твердить (Фет, Студент, XXXIII—XXXIV); *Неизбежно, Страстно, нежно Уповать, Без усилий, С плеском крылий, Залетать В мир стремлений, Преклонений и молитв;* Радость чуя, Не хочу я Ваших битв (Фет, Quasi una fantasia); Привет тебе, о смерть! Довольно ожиданий, Довольно жертв и мук, сомненья и стыда!.. *Уснуть!..* уснуть от всех бесчисленных терзаний, *Глубоким сном уснуть, навеки, навсегда!..* (Надсон, Мне снился вещий сон...).

Тенденции развития в инфинитивных предложениях личных значений, несомненно, отвечало и то широкое распространение инфинитивных предложений с субъективно-модальным значением, которое мы наблюдаем в литературном языке XIX в. В разнообразных по значениям предложениях с частицами (см. § 7), во внутренне отрицающих инфинитивных вопросах (см. § 8) присутствует оценивающее лицо как субъект выражаемого в предложении отношения.

Таким образом, из категории, которая наряду с предложениями с verbum finitum несла в себе любое из основных объективно-мо-

---

[34] Ср. позже у А. Ахматовой: Ах, дверь не запирала я, Не зажигала свеч, Не знаешь, как, усталая, Я не решалась лечь. *Смотреть*, как гаснут полосы В закатном мраке хвой, Пьянея звуком голоса, Похожего на твой, И *знать*, что все потеряно, Что жизнь — проклятый ад! О, я была уверена, Что ты придешь назад! (Белой ночью).

дальных значений, т. е. более или менее свободно выражала значения разных наклонений (ср. идущие из древности инфинитивные предложения со значением индикативным, повелительным, с разными оттенками ирреального значения), инфинитивные предложения в русском литературном языке к XIX в. постепенно превращаются в категорию, основной круг значений которой связан с выражением субъективной модальности, оценки, отношения или — более частное значение — с выражением экспрессивно окрашенного, внутренне оцениваемого действия определенного лица.

С изменениями в системе значений инфинитивных предложений связаны изменения в их стилистической прикрепленности, в сферах их бытования.

Для периода в одно столетие трудно говорить о каких-либо изменениях в стилистической характеристике данной категории в целом; лишь по отношению к отдельным явлениям можно отметить перемещения из одной сферы в другую (ср. отмеченную выше тенденцию инфинитивных предложений с индикативным значением сосредоточиться преимущественно в области разговорной речи). Но в литературном языке XIX в. можно наблюдать активизацию идущей из предшествующих эпох общеязыковой тенденции к превращению инфинитивных предложений из категории стилистически нейтральной в категорию, прикрепленную к таким сферам речи, которые связаны с подчеркнутой экспрессивностью выражения. Это — другая сторона процесса изменений в семантике данной категории. Когда инфинитивные предложения почти неограниченно обладали способностью выражать собственно наличие действия, его постоянную возможность и другие значения, совпадающие со значениями глагольных наклонений, тогда эти предложения свободно употреблялись в деловой письменности, в посланиях, в описательной, повествовательной, дидактической прозе и т. п. Но когда эти значения стали затухать и на первый план начали выдвигаться значения субъективно-модальные, тогда инфинитивные предложения естественно стали сосредоточиваться в таких сферах речи, которым свойственна экспрессивная и оценивающая окраска высказывания. В XIX в. такими сферами были, с одной стороны, художественная литература и соприкасающиеся с ней жанры письменности, с другой стороны, разговорная речь с ее постоянными и свободными выходами за пределы действующей литературной нормы. В этих сферах и сосредоточивается в XIX в. употребление инфинитивных предложений как стилистически окрашенной конструкции; в деловой письменности — в законах, правилах, постановлениях и т. п.— прочно закрепляются инфинитивные предложения отвлеченно-императивного значения.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ

§ 1. Деепричастные обороты в конце XVIII — нач. XIX в. занимали значительное место в синтаксической системе русского языка, обладая широкими возможностями функционирования и богатством синонимических связей с другими типами конструкций.

Употребление деепричастных оборотов в конце XVIII — нач. XIX в. еще носило заметные следы предшествующей эпохи, сохраняя некоторые черты, отдаленно связанные с происхождением деепричастий из кратких аппозитивных причастий [1]. Многие из этих

[1] См.: А. А. Потебня. Из зап., т. I—II; Д. Н. Кудрявский. К истории русских деепричастий. Юрьев, 1916; его же. Деепричастия прош. вр. «Уч. зап. Юрьевского ун-та», 1916, № 10; Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи, II; Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. «Изв. АН СССР», 1929, II, кн. 1; Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот; С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в.; Е. Л. Голубева. Синтаксические функции именных причастий действительного залога в памятниках письменности XVII в. Канд. дисс. М., 1952; Л. А. Зевакова. Именные причастия действительного залога по памятникам русской письменности XVII—нач. XVIII в. Канд. дисс. Л. 1954; А. А. Скворцова. К вопросу о происхождении деепричастий в русском языке. «Труды Томского гос. ун-та», т. 129, 1955; Ю. В. Фоменко. К исторической проблематике русского причастия и деепричастия. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 132, вып 8, 1958; Э. И. Коротаева. Особые случаи употребления деепричастия в лит. языке XVII—XIX столетий. «Уч. зап. ЛГУ», Серия филол. наук, вып. 55, № 277, 1959; Н. И. Маевская. Аппозитивное употребление кратких причастий действительного залога по памятникам XI—XV вв. «Уч. зап. Казанского ун-та», т. 119, кн. 5, 1959; А. Г. Руднев. Обособленные члены предло-

черт, уже архаических для рассматриваемого периода, нередко замыкались, как все отживающие явления, в рамках отдельных жанров или были характерны для речевой деятельности лиц, принадлежавших к старшему поколению, с определенной выучкой, образованием и направленностью языкового вкуса.

Другим обстоятельством, наложившим некоторый отпечаток на характер употребления деепричастных оборотов в эту эпоху, было влияние западных языков, главным образом французского, задержавшее на несколько десятилетий ряд исчезающих явлений. Степень этого влияния также зависела от поколения, школы, индивидуальных пристрастий; этим определялась неравномерность распределения соответствующих явлений у разных авторов — характерная черта рассматриваемой эпохи.

Наиболее значительные изменения в функционировании и структуре деепричастных оборотов произошли в течение первых четырех десятилетий XIX в. К 40-м годам были уже утрачены многие архаические черты в употреблении деепричастных оборотов и в основном сложилась та система их функционирования, которая характерна для современного литературного языка [2].

Говоря о становлении и изменении норм литературного языка в любой области, следует учитывать то особое положение, которое занимает по отношению к нормам в каждый данный период стихотворная речь. Стихотворная речь консервативна: явления, уходящие из языка, обычно задерживаются в ней дольше, чем в речи прозаической. В этом отношении стихотворная речь может отста-

---

жения в истории русского языка. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 174, 1959; М. Г. Ш а т у х. К вопросу о развитии деепричастных форм в древнерусском языке по письменным памятникам XIII—XIV вв. «Праці Одес. держ. ун-ту», 1959, т. 149, Серія філол. наук, вип. 9; Г. Н. С а м а р и н а. Деепричастные конструкции в русской прозе 2-й половины XVIII в. Автореф. канд. дисс. Красноярск, 1962.

[2] См.: Е. Е. Р е п и н а. Роль деепричастия в совр. русск. лит. языке. «Русск. яз. в шк.», 1939, № 2; Л. Я. Б р а в е. К вопросу о значении деепричастий сов. вида. «Русск. яз. в шк.», 1940, № 6; Г. В. В а л и м о в а. Деепричастные конструкции в совр. русск. языке. «Уч. зап. фак-та языка и лит-ры Ростовского-на-Дону гос. пед. ин-та», т. II, 1940; е е ж е. Особые случаи употребления деепричастий. «Уч. зап. Ростовского-на-Дону гос. ун-та», т. IV, 1945, Русское языковедение, вып. 1; е е ж е. Нераспространенные и распространенные деепричастные конструкции. «Уч. зап. Ростовского-на-Дону гос. пед. и учит. ин-та», вып. 3, 1948; Л. А. Д е р и б а с. Деепричастные конструкции в роли обстоятельств. «Русск. яз. в шк.», 1953, № 4; е е ж е. Деепричастные конструкции в функции второстепенного сказуемого. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 75, вып. 4, 1954; е е ж е. Редкие случаи употребления деепричастий и деепричастных конструкций в совр. русск. языке; «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 89, вып. 6, 1956; е е ж е. Употребление синтаксических конструкций, параллельных деепричастным оборотам. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. CXXXII, вып. 8, 1958; М. М. В л а с е н к о. Предложения с обособленными деепричастными конструкциями в совр. русск. языке. «Уч. зап. Иркутского пед. ин-та», 1958, т. 14; А. Г. Р у д н е в. Синтаксис осложненного предложения. М., 1959.

вать от прозаической на несколько десятилетий. Далее, явления, уходящие из языка, могут замыкаться в стихотворной речи. Наконец, здесь вообще не утрачивается возможность употребления давно исчезнувших явлений, так как архаизация может быть вызвана стремлением к обновлению поэтических приемов, к отталкиванию от привычных норм прозаической речи. Все сказанное относится и к художественной прозе, ориентирующейся на приемы стихотворной речи, однако для XIX в. эта проблема не была особенно актуальна — такого рода осложнение художественной прозы характерно в основном уже для начала XX в. Таким образом, многие факты, о которых будет идти речь ниже, безоговорочно могут быть отнесены только к прозаической речи. Это относится в особенности и главным образом к периоду после 30—40-х годов XIX в., т. е. к периоду, когда в основном сложились новые нормы прозаической речи и когда могла, таким образом, обнаружиться та особая по отношению к нормам позиция стихотворной речи, о которой говорилось выше. Прозаическая речь к этому времени избавилась от ряда архаических явлений, стихотворная же речь, более свободная от власти норм, сохранила во многом старые черты, верность поэтической традиции. Поэтому, если до 30—40 годов XIX в. стихотворная и прозаическая речь были до известной степени равноценны как показатели того или иного употребления, то в последующий период, говоря о развитии отдельных явлений литературного языка, можно оперировать главным образом фактами прозаической речи. Поэтому в следующем ниже изложении факты стихотворной речи после 40-х годов XIX в. уже не привлекаются.

Изменения в функционировании деепричастных оборотов заключались, с одной стороны, в становлении и изменении определенных норм, в выходе из системы языка явлений, не соответствующих становящимся нормам; с другой стороны, в изменении характера употребления и употребительности отдельных явлений, сохраняющихся в системе языка.

Главной особенностью деепричастий в конце XVIII — нач. XIX в., унаследованной от предшествующего периода, была их большая предикативная сила, позволявшая деепричастию в какой-то мере функционировать так, как функционировал собственно глагол. Это проявлялось в многообразии синтаксических функций деепричастных оборотов, в широте соотношений деепричастных оборотов с придаточными предложениями и причастными оборотами, в относительной свободе их расположения в предложении, в возможности сочетания деепричастных оборотов со всеми разновидностями сказуемых и другими членами предложения, в некоторых особенностях структуры деепричастных оборотов.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ

Синтаксические функции деепричастных оборотов в конце XVIII — нач. XIX в.

§ 2. В конце XVIII — нач. XIX в. деепричастные обороты могли иметь значение сопутствующего действию обстоятельства или способа совершения действия.

Стоишь, бывало, не кукнешь и, *сжав сердце,* смотришь на бегущих иногда подле самого тебя зверей (Болот., 1, 19); Уже Зефирам дан приказ Нести сих сестр к земному шару, *Припрягши в путь Бореев пару* (Богд., Душенька, 2).

Деепричастные обороты могли обозначать действие, второстепенное по отношению к действию, выраженному сказуемым, и связанное с ним временными отношениями предшествования или одновременности.

Танцмейстер Петина, *пропорхнув между ими И сделав три прыжка,* является в совет (А. Шаховск., Расхищенные шубы, 2); Дав мыслям вольное теченье, Мы погружаемся в забвенье, *Блуждая в хаосе идей* (Пнин, Стихи на сон).

Деепричастные обороты со значением второстепенного действия могли иметь оттенок причинного значения[3].

Приметя сие, обер-прокурор г. Оленин тотчас, против всякого порядка, пресек чтение сего дела (Держ., Зап., VII).

Перечисленные функции деепричастных оборотов основаны на тесной связи между действиями, выраженными деепричастием и глаголом-сказуемым, а именно — на определенных временны́х отношениях между ними.

Не менее распространенными в изучаемую эпоху были такие функции деепричастных оборотов, которые связаны с более самостоятельным употреблением деепричастия. Деепричастие и глагол могли выражать действия, не сопоставляемые во времени, не приуроченные к определенному отрезку времени, могли обозначать состояние, пассивный признак, иметь различные модальные значения и т. д. Функции деепричастных оборотов, обладавших разной степенью такой самостоятельности, были разнообразны: они могли обозначать действие, совершавшееся в прошлом и не соприкасающееся с моментом действия глагола-сказуемого, могли быть связаны со сказуемым значением сопоставления или противопоставления: могли употребляться как эквиваленты придаточ-

[2] Оттенок причинного значения в этих случаях обусловлен характером отношений во времени между действиями, выраженными деепричастием и глаголом-сказуемым. Он возникает потому, что из двух действий, совершающихся одновременно или одно непосредственно после другого, одно может совершаться по причине другого. Основным же значением здесь остается значение сопутствующего действия.

ных предложений или равнозначных им причастных оборотов с обстоятельственными значениями причины, времени, условия и уступки; в функции относительных придаточных предложений со значением дополнительного сообщения или равнозначных им причастных оборотов с тем же значением; наконец, деепричастный оборот мог выражать самостоятельное сообщение, будучи равнозначен в этом случае отдельному простому предложению.

Деепричастные обороты могли обозначать совершавшееся в прошлом действие, не соприкасающееся во времени с действием глагола-сказуемого, отделенное от него каким-нибудь отрезком времени. Для обозначения такого действия употреблялись деепричастия прош. вр. несов. вида, еще широко распространенные в данную эпоху[4]. Деепричастные обороты с этим значением могли предшествовать сказуемому (а) или следовать за ним (б).

а) Подобен человеку, который, *долго страдав в ужасах темницы,* вдруг освобождается (В. Е., 1802, № 3); *Подкреплявши почти с полчаса пищею ослабевшие свои силы,* потом подкрепляли их часа два сном (Изм., Евгений, 2, IV).

б) Сентября 1-го обедали у корчмы станиславовой, а ночевали в селе Клениках, *ехав несколько верст по такому болоту и воде, что передних колес не видать было* (Фонв., п. родным, 18/23 сент. 1777); Таким-то несчастным случаем Евгений лишился своего достойного наставника, *учившись у него с немалым четыре года* (Изм., Евгений, 1, V).

Деепричастные обороты могли быть связаны со сказуемым отношениями сопоставления и противопоставления, будучи равнозначны частям сложного предложения с аналогичными отношениями.

Имея вкус французов, имеем и свой собственный (Карамз., Речь в торж. собр. Росс. Акад. 5 дек. 1818 г.); *Награждая заслуги и добродетели,* наказывай преступления и поро́ки (Изм., Наставл. ст. индийск. мудреца молод. госуд.); О природа, *объяв человека в пелены скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век,* дала ты ему в отраду сон (Радищ., Путеш., София); *Суля вы вольность,* взяли дани (Держ., На переход Альп. гор).

Деепричастные обороты могли иметь уступительное значение, будучи равнозначны уступительным придаточным предложениям.

Сынок мой *не брея еще бороды,* стал знатным боярином (Радищ., Путеш., Крестьцы); Великий князь объявил у себя 20 000 человек, *едва имея и половину* (Карамз., И. Г. Р., I, VIII).

[4] Такие деепричастия использовались и для обозначения одновременного действия: Г. Тысящникова, *живши в деревне,* вставала по-городскому (Изм., Евгений, 4, I).

Деепричастные обороты могли иметь условное значение.

Женясь на закрытой покрывалом и дурно воспитанной девке разве был бы я счастлив? (Кошелек, 5); [Мелодор] Как же я буду доволен, когда... [Филарет] Будешь, *повинуясь сердцу и рассудку* (Карамз., Разг. о щастии).

Деепричастные обороты могли быть равнозначны придаточным предложениям с значением времени или условно-временным значением.

Вот отзыв, коим меня удостаивают; а особливо *видя на мне соболий сюртук* (Фонв., п. родным, 31 дек. 1777); Трудно было нам воздерживаться от смеха, а особливо *видя их смешное указывание* (Болот., 1, 73).

Широко были распространены деепричастные обороты с причинным значением; при этом действия, выраженые деепричастием и сказуемым, не сопровождают друг друга, не сопоставляются во времени [5].

Бонапарте, *уважая Российский двор*, не мог выбрать лучшего для Петербурга министра (В. Е., 1802, № 4); Но я, *любя истину,* отвечал ему, что щи не только не горячи, но даже и не теплы (Путеш. критики, XVI); *Загорая от жарких лучей солнца,* они казались смуглыми (Карамз., И. Г. Р., I, III); *Не видав никогда до сего времени сего мастерства,* не мог я оному довольно насмотреться (Болот., 1, 32); *Целые десять дней быв в горах,* мы очень обрадовались, выехав на ровное место (Фонв., п. родным, 5/26 окт. 1784); За истинное счастье сочту, если могу вам в том способствовать, *любя и почитая вас сердечно* (Фонв., п. Я. И. Булгакову, 13 сент. 1773); Прощай, спешу застать почту, *сию только минуту получа вексель* (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 17 марта 1791); Не вижу, когда могу выехать отсюда, *не получая доходов от разорения крестьян* (Карамз., п. В. М. Карамзину, 10 дек. 1812).

§ 3. Помимо перечисленных функций, широко распространенных в конце XVIII — нач. XIX в., деепричастные обороты могли иметь функции, уже архаические для этого периода и встречавшиеся относительно редко.

Деепричастные обороты могли иметь значение дополнительного сообщения, будучи равнозначны придаточным предложениям или причастным оборотам с тем же значением. Обычная их позиция — после подлежащего (реже — другого члена предложения, выраженного существительным), с которым они были теснее связаны по смыслу, чем со сказуемым. Позиция их по отношению к сказуемому безразлична.

Но надежда, *преследуя человека до крайности,* нас укреп-

[5] В современном языке такие случаи редки. В то же время широко распространены случаи, когда причинное значение возникает как дополнительное. См.: Л. А. Дерибас-Тюкшина. Деепричастные конструкции в функции второстепенного сказуемого, стр. 79, 82.

ляла (Радищ., Путеш., Чудово); Скифы, *называясь разными именами,* вели жизнь кочевую (Карамз., И. Г. Р., I, 1); На левой стороне Дуная живет многочисленное их потомство, *утратив чистую веру отцов своих* (Там же, II, II); Сей великий воин и министр, *препроводив целые двадцать лет в отдаленных сибирских пределах в бедности, нужде и неволе,* был в сие время уже очень стар (Болот., 2, 92).

Деепричастные обороты могли выражать самостоятельное сообщение, будучи равнозначны второму сказуемому (присоединяемому к первому как однородное) или отдельному предложению. Их обычная позиция — в конце предложения.

Что успел бы я, если бы вы вдалися пороку, чужды были учения, тупы в рассуждениях, злобны, подлы, *чувствительности не имея* (Радищ., Путеш., Крестьцы); Подражая Константинополю, он назвал их главные врата Златыми, а новую церковь Святою Софиею Митрополитскою, *украсив ее золотом, серебром, мусиею и драгоценными сосудами* (Карамз., И. Г. Р., II, II).

Деепричастные обороты в описываемую эпоху еще могли изредка употребляться в функции второго сказуемого, соединенного с глагольным сказуемым союзом *и.* Такое употребление, однако, было уже в XVIII в. архаическим и встречалось лишь у отдельных авторов (например, часто у В. Майкова).

Когда хозяина треск грома разбудил, Он, *вставши со одра,* и свечку засветил, Отводит тучу прочь молитвами от дома (В. Майк., Елисей, 4); Но садит он в саду своем Кусты и овощи цветущи, Иль, диких древ кривым ножом *Обрезав пни,* и плод дающи Черенья прививает к ним (Держ., Похвала сельск. жизни); Он облобызал его и *обмочив вкупе лицо его слезами,* изъявляя радость, что нашел его еще в живых и его незабывшего (Болот., 1, 2).

Утрата функций, архаических для конца XVIII — нач. XIX в.

§ 4. На протяжении XIX в. наблюдалось сужение и специализация функций деепричастных оборотов. Из функций, существовавших в конце XVIII в., сохранились полностью и возобладали над остальными те, которые не были свойственны другим синтаксическим конструкциям: во-первых, функция обозначения сопутствующего обстоятельства или способа совершения действия и, во-вторых, функция обозначения действия одновременно или предшествующего действию глагола-сказуемого (см. § 2); во второй половине XIX в. здесь произошло даже некоторое расширение значений (см. § 10).

В то же время наблюдалось ослабление и частичный уход функций, общих у деепричастных оборотов с некоторыми другими кон-

струкциями — в частности, с частями сложного предложения, в особенности в тех случаях, когда эти последние выражали соответствующие значения более специально и дифференцированно, чем деепричастные обороты.

К 20-м годам XIX в. окончательно вышли из употребления деепричастные обороты со значениями, архаическими уже для конца XVIII в. Деепричастия в функции второго сказуемого в начале XIX в. уже не встречаются. Редко встречались и деепричастные обороты, в которых связь деепричастия со сказуемым была ослаблена или отсутствовала совсем (в тех случаях, когда действия, выраженные деепричастием и сказуемым, не связаны друг с другом временны́ми отношениями), а также обороты со значением дополнительного или самостоятельного сообщения (см. § 3). Их можно встретить в этот период лишь у тех авторов, языковые навыки которых связаны с предшествующей эпохой, или проявляющих индивидуальную склонность к таким конструкциям. В этих случаях среди множества других нередко попадаются и деепричастные обороты с архаическими функциями. Например, Карамзин в «Истории Государства Российского» вообще предпочитает предложения, многократно осложненные деепричастными оборотами, предложениям с придаточными или бессоюзным.

> Греки хотели, кажется, любить своих идолов *(изображая в них примеры человеческой стройности)*, а славяне только бояться (I, III); Мы желаем знать, какой народ, *в особенности называясь Русью*, дал отечеству нашему и первых государей и самое имя (I, II); Так везде рождалось стихотворство, *изображая главные склонности народные* (I, III); Сын ее, Филипп, царствовал во Франции, *имея столь великое уважение к матери*, что на всех бумагах государственных Анна вместе с ним подписывала свое имя до самого 1075 года (II,II) [6].

Некоторая часть деепричастных оборотов с указанными функциями содержала деепричастия прош. вр. несов. вида, которые могли обозначать действие, длившееся в прошлом и не соприкасающееся во времени с действием, выраженным глаголом-сказуемым. В первой трети XIX в. они представляли собой категорию уходящую.

> Особенно смешно, как эта бутылка, *20 лет содержавши мадеру*, была налита пивом и с досады выбросила пробку (Моск. вестн., 1828, № 11); И кто же? Искра, Кочубей! *Так долго быв его друзьями!* (Пушк., Полтава, 1); Так отрок, *чар ночных свидетель быв случайный*, Про них и днем молчание хранит (Тютч., Через ливонские я проезжал поля...).

В первой трети XIX в. уже более обычными в такой функции были определительные придаточные предложения или причастные обороты (эта бутылка, *20 лет содержавшая мадеру*, была налита

[6] Более обычным для начала XIX в. было бы: Филипп царствовал во Франции и имел столь великое уважение...

пивом или: эта бутылка, *которая 20 лет содержала мадеру,* была налита пивом).

Деепричастные обороты со значением дополнительного сообщения после 30-х годов XIX в. уже почти не встречаются.

Случаи такого употребления наблюдаются у некоторых авторов в XX в., — например, у Горького, отличающегося пристрастием к обособленным оборотам [7]. Следует отметить, что в XX в.— особенно в художественной литературе — заметна некоторая тенденция к возрождению архаических элементов в лексике и синтаксисе. Поэтому многие случаи, не характерные для второй половины XIX в., в XX в. снова становятся возможными.

Сокращение употребительности и частичная утрата деепричастных оборотов, эквивалентных частям сложного предложения

§ 5. В первой трети XIX в., как и в конце XVIII в., еще были широко распространены деепричастные обороты, эквивалентные придаточным предложениям с различными обстоятельственными значениями для соответствующих замен практически почти не существовало семантических или структурных ограничений. Грамматики первой половины XIX в., говоря о «сокращении» придаточных предложений, отражали живую практику. Характерно, например, высказывание Давыдова: «В деепричастие может сокращаться всякое обстоятельственное предложение» [8].

Деепричастные обороты выражали различные обстоятельственные значения не вполне дифференцированно. В этом отношении они уступали придаточным предложениям, которые имели специальные формальные показатели определенного типа отношений. На протяжении XIX в. сложные предложения обнаруживали стремление к все большей дифференциации и специализации функций и их формальных показателей [9]. Поэтому уже начиная с 20-х годов XIX в. употребительность деепричастных оборотов, эквивалентных придаточным предложениям с обстоятельственными значениями, в общем сокращается, а некоторые разновидности выходят из употребления.

---

[7] См.: Л. А. Дерибас. Редкие случаи употребления деепричастий и деепричастных конструкций в совр. русск. языке.

[8] И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики, § 497. Ср. также правила «сокращения» придаточных предложений, изложенные Н. И. Гречем («Практическая русская грамматика», СПб., 1827, стр. 362), А. Х. Востоковым («Русская грамматика», стр. 226—227), Ф. И. Буслаевым («Историческая грамматика русского языка», М., 1959, § 135, 275, 276). Здесь имелся в виду не генезис деепричастных оборотов, как полагают многие авторы, ссылаясь на замечания А. А. Потебни (см., например: А. Г. Руднев. Синтаксис осложненного предложения, стр. 8—9), а живое функционирование в системе языка. Иначе говоря, речь шла о разных способах выражения одной и той же мысли, о возможных в русском языке синтаксических заменах.

[9] См.: Н. С. Поспелов. О некоторых закономерностях в развитии структурных типов сложноподчиненного предложения в русск. лит. языке XIX в. ВЯ, 1961, № 6.

Известную роль в этом процессе могла играть и «конкуренция» с причастными оборотами, тяготевшими к сказуемому и имевшими различные обстоятельственные значения — в частности, с активизировавшимися в этой функции в XIX в. причастными оборотами, содержавшими причастия действительного залога (см. «Изменения в области причастных оборотов», § 2). Ср: Иван старший, *имея всегда более присутствия духа, нежели друг его,* прежде всех пришел в себя (Нарежн., Два Ивана, 2, XV) и Иван старший, *имевший всегда более присутствия духа,* нежели друг его, прежде всех пришел в себя.

В сокращении употребительности деепричастных оборотов с обстоятельственными значениями сыграло роль и исключительное многообразие функций деепричастных оборотов. Стремление к освобождению от множества функций и существование придаточных предложений, выражавших аналогичные значения более точно и однозначно — эти два обстоятельства послужили причиной сокращения употребительности деепричастных оборотов с данными функциями. Одновременно действовала тенденция к специализации деепричастных оборотов в роли обособленных обстоятельств со значением способа совершения действия или действия второстепенного по отношению к действию, названному глаголом-сказуемым. Специализация деепричастных оборотов в этой функции означала одновременно и сужение их временно́го значения: она предполагала наличие у деепричастных оборотов относительного значения времени (т. е. отсчитываемого от момента действия, выраженного сказуемым). Таким образом, в XIX в. действовала тенденция к сохранению деепричастных оборотов с относительным значением времени и к выходу из употребления деепричастных оборотов с абсолютным значением времени, т. е. таких, в которых действие, выраженное деепричастием, не сопоставлялось во времени с действием, выраженным сказуемым [10].

Ни один из названных процессов не носил абсолютного характера и не нашел в XIX в. полного завершения. Но изменения были, и они привели к несколько иной картине функционирования деепричастных оборотов в середине и конце XIX в. по сравнению с концом XVIII — нач. XIX в.

§ 6. Сокращение употребительности деепричастных оборотов, эквивалентных придаточным предложениям, коснулось главным образом деепричастных оборотов с причинным значением. Наблюдалась тенденция к утрате деепричастных оборотов, в которых действия, выраженные деепричастием и сказуемым, не были связаны временны́ми отношениями предшествования или одновременности, иначе говоря, не соприкасались во времени.

К концу первой трети XIX в. в основном уходят из употреб-

---

[10] О развитии относительного значения времени у деепричастий в русском языке см.: А. А. Скворцова. Указ. соч.

ления следующие разновидности деепричастных оборотов с причинным значением:

1) Обороты, в которых деепричастие обозначало признак предмета постоянный или не приуроченный к тому моменту времени, когда совершалось действие, выраженное сказуемым-глаголом сов. вида.

Толь и князь Кудашев вышли ко мне в сени и звали меня в избу, но я, *не любя никогда бросаться в глаза начальникам,* отказался (Д. Дав., 1812 год, II); Иван старший, *имея всегда более присутствия духа, нежели друг его,* прежде всех пришел в себя (Нарежн., Два Ивана, 2, XV); *Душою черной зло любя,* Колдунья старая, конечно Возненавидит и тебя (Пушк., Русл. и Людм., 2); Некто, *принимая особенное участие в сей картине,* спросил подошедшего человека о его мнении на счет оной (Моск. вестн., 1828, № 1).

2) Обороты с деепричастием сов. вида, относящиеся к сказуемому, обозначавшему признак постоянный или не приуроченный к моменту действия, выраженного деепричастием.

Певец «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и проч. имеет неоспоримые права своих соотечественников, *обогатив русскую словесность красотами, доселе ей неизвестными* (Веневит., Разбор статьи о «Евгении Онегине»); Жорж, *привыкнув видаться с нею часто,* не находил в ней ничего особенного (Лерм., Кн. Л., V); *Расцветши пламенной душой В холодных недрах стен гранитных,* Не любит мирный гений твой Моих стихов кровопролитных (Шевырев, Партизанке классицизма).

3) Обороты, в которых и деепричастие и сказуемое обозначали признак постоянный.

Он с энтузиазмом говорит о великих мужах, которым желал бы уподобиться, но, *пренебрегая трудом,* мало подает на то надежд (Никитенко, Дневн., 10 янв. 1826); *Томясь житьем однообразным,* Люблю свой страннический дом (Вяземск., Коляска); Вскоре сестры согласились, что Никанор и Коронат один другого стоили, *превосходя всех прочих личными достоинствами,* ибо ученость их и на мысль им не приходила (Нарежн., Два Ивана, 1, VI).

В начале XIX в. деепричастным оборотом с указанными выше отношениями между деепричастием и сказуемым свободно могло быть выражено основание для какого-нибудь утверждения.

Мы скажем, что логики сии, *не подвигая вперед науки,* хороши для учеников (Моск. вестн., 1828, № 1); Сибирь, *представляя великие явления очам минералога,* ботаника, зоолога, геолога, политика и историка, достойна иметь своего Гумбольдта! (Там же, № 12); Сенная площадь, думал гусар наш, проезжая через нее, в этот день наиболее достойна внимания наблюдательной кисти Гогарта, *заключая в себе все съестные*

припасы, долженствующие исчезнуть завтра (Марл., Испытание, II).

Позднее такая возможность была утрачена.

Деепричастные обороты в первой трети XIX в. могли употребляться не только в соответствии с основными типами придаточных предложений со значениями причины, но и в соответствии с некоторыми их частными разновидностями.

Винюсь пред вами и пред собою, *не писав так давно* (Карамз., п. В. М. Карамзину, 26 окт. 1817) («винюсь, что не писал»); Но я так рада, так счастлива, *тебя увидев,* что готова благодарить за неисполненное обещание (Марл., Страшн. гаданье) («счастлива, что увидела»).

Вы ничего не видели, *не видев Лены весною;* это прелесть! (Марл., Письмо к доктору Эрману) («ничего не видели, если не видели»); Признаться, мы худо понимаем механизм этой игрушки — но она должна быть забавна, *вскружив и голову англичанам!* (Моск. телеграф, 1825, № 17) («должна быть забавна, если вскружила»).

Я безрассуден — и не диво! Но рассудителен ли ты, *Всегда преследуя ревниво Мои любимые мечты?* (Борат., Дельвигу) („рассудителен ли, если преследуешь"); Скажи, не люблю иль люблю я тебя, *Для перлов прекрасной и жизнь не щадя* (Лерм., Баллада) („люблю иль не люблю, если не щажу").

Такое употребление деепричастных оборотов после 40-х годов XIX в. уже почти не наблюдается.

В целом на протяжении первой половины XIX в. наблюдалось постепенное снижение употребительности деепричастных оборотов с причинным значением и ограничение сферы их употребления научной и деловой речью.

Серьезными конкурентами деепричастных оборотов с причинным значением — в период, когда употребительность их начала резко падать,— могли быть, с одной стороны, придаточные предложения с союзом *так как,* имевшим широкое значение и допускавшим препозицию придаточной части, с другой — причастные обороты (с причастиями действительного залога) с тем же значением, употребительность которых на протяжении XIX в. росла, например: Он, *сделавший уже три летние кампании и поэтому горделиво считавший себя опытным моряком,* был несколько обижен (Станюк., Вокруг света на «Корш.», 1, 3, IV). Ср. то же предложение с деепричастными оборотами в функции, обычной для первой трети XIX в.: Он, *сделав уже три летние кампании и поэтому горделиво считая себя опытным моряком,* был обижен.

§ 7. Сократилась употребительность и деепричастных оборотов, эквивалентных придаточным предложениям со значением времени или условно-временным значением (со значением действия, повторяющегося при определенных условиях). Эта соотноситель-

ность с придаточными предложениями была наиболее очевидна в тех случаях, когда деепричастный оборот был удален от сказуемого, употребляясь в составе сравнительных оборотов, в различного рода вставочных конструкциях, в «неполных» предложениях или частях сложносочиненного предложения. Если деепричастный оборот находился после подлежащего, то одновременно возможна была и соотносительность с определительными придаточными предложениями и причастными оборотами.

Ни сам Август Цесарь не был горд во время триумфа после победы, решившей участь его, как я, *надеясь получить Маврушу* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, V); Решился употребить тот же способ, как и Апулеева Психея, *желая увидеть нежного супруга* (Там же, 3, VIII); И воет, и свищет, и бьет, и шипит, Как влага *мешаясь с огнем,* Волна за волною (Жуковск., Кубок).

После 30—40-х годов такого типа деепричастные обороты употреблялись уже сравнительно редко.

§ 8. Деепричастные обороты со значением сопоставления, противопоставления и уступки выражали эти значения не вполне четко и дифференцированно, в то время как их эквиваленты — части сложносочиненного предложения или придаточного предложения — могли выражать любой из оттенков этого круга значений однозначно и точно. Поэтому употребительность конструкций с деепричастными оборотами на протяжении XIX в. сокращалась. Однако полностью они не вышли из употребления, сохранившись в книжной речи и свободно употребляясь в тех случаях, когда контекст не допускал неясности или когда такая неясность могла быть преднамеренной.

В начале XIX в. некоторые авторы обнаруживали особенное пристрастие к деепричастным оборотам со значениями сопоставления, противопоставления и уступки. Например, часто они встречаются у Карамзина.

Университет наш, *славясь иногда чужестранными профессорами,* всегда славился и русскими (О верном способе иметь в России довольно учителей); Греки, *осуждая сию нечистоту,* хвалят их стройность, высокий рост и мужественную осанку лица (И. Г. Р., I, III); Сей грозный завоеватель, *не имея понятия о добродетелях человеколюбия,* умел ценить храбрость необыкновенную (Там же, IV, I); *Зная, что мы храбрее многих,* не знаем еще, кто нас храбрее (О любви к отеч.)

У других авторов:

Не бравши, однако ж, прямых налогов, ханы не отказываются от требования повинностей, освященных более силою, чем обычаем (Марл., Ам.-Бек, III); Тогда, *не знав людей,* застенчивый мой гений Не знал и зависти коварных оскорблений (Языков, Посл. к А. Н. Очкину); Он был не глуп; и мой Евгений, *Не уважая сердца в нем,* Любил и дух его сужде-

ний, И здравый толк о том, о сем (Пушк., Е. О., 6, VIII); В самом деле, Пугачев, *негодуя на свои неудачи*, не терял однако и надежды одолеть наконец Михельсона (Пушк., Ист. Пугач., 7): *Другим предавшися мечтам*, Я все забыть его не мог (Лерм., Я не люблю тебя; страстей...): Державин, *любя нежно вторую жену свою*, не мог забыть первой! М. Дм., Мелочи из зап. моей нам.).

Нечеткость выражения указанного круга значений деепричастными оборотами заключалась не только в том, что сами эти значения, лишенные резких границ (имеются в виду постепенные переходы от различных оттенков сопоставления к значению противопоставления, от значения противопоставления к значению уступки), могли быть выражены определенно лишь при наличии соответствующих формальных показателей (союзы в сложных предложениях). При некоторых условиях они могли допускать двусмысленность и иного порядка. Неудобство могло возникать в тех случаях, когда деепричастие и глагол обозначали действия, которые могли быть поняты как совершающиеся одновременно, сопровождающие друг друга. Это явление отметил Л. А. Булаховский, анализируя одно из построений Пушкина (кстати сказать, склонного к употреблению деепричастных оборотов с данными значениями): «Связь деепричастий с глаголами, изображающими активный признак, значительно теснее во временно́м и причинном значении, чем, напр., в уступительном, когда деепричастие обозначает действие, по смыслу не сопровождающее действия глагола; поэтому фразу, вроде пушкинской „Так тяжкий млат, Дробя стекло, кует булат“ (значение „хотя дробит стекло...“) понять сразу нелегко» [11].

Таким образом, сокращение употребительности деепричастных оборотов со значениями сопоставления, противопоставления и уступки соответствовало общей тенденции к уходу деепричастных оборотов, в которых признак, выраженный деепричастием, не сопоставлялся во времени с признаком, выраженным сказуемым [12] (чаще всего в таких случаях сопоставлялись непроцессуальные признаки; в тех же случаях, когда признаки, выраженные деепричастием и сказуемым, обозначали процесс, отсутствие сопоставления во времени этих процессов становилось очевидным, так как могла возникать отмеченная Л. А. Булаховским двусмысленность).

Стремление к точному и однозначному выражению различных оттенков значений сопоставления, противопоставления и уступки привело во второй половине XIX в. к возобладанию аналогичных по значениям сложносочиненных и сложноподчиненных предложений со специальными союзами.

[11] Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. I, стр. 380.
[12] См. Л. А. Дерибас. Деепричастные конструкции в роли обстоятельства, стр. 47.

Утрата деепричастных оборотов с деепричастиями прошедшего времени несовершенного вида

§ 9. Деепричастия прош. вр. несов. вида в значении действия, совершающегося в прошлом и отдаленного во времени от действия, выраженного глаголом-сказуемым, почти выходят из употребления к концу первой трети XIX в. (позже они встречаются крайне редко) — в соответствии с общей тенденцией к уходу деепричастий, обозначавших процесс, не соприкасающийся во времени с процессом, выраженным сказуемым. Это поддерживалось и тем, что значительная часть таких оборотов имела причинное значение. Вот примеры такого употребления в первой трети XIX в.:

Он начал внимательнее слушать своего усердного пестуна, который, *качав его еще в колыбели, ходив за ним в детстве, разделяв с ним радость и горе,* любил его всего холопскою своею душою (Моск. вестн., 1828, № 19—20); Весь хребет Киевских гор наполнен живописных красот. Как *бывши там, бывши везде,* спорить против этого? (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XXI); Я возвратился домой разбитый и усталый, *не делав ничего,* с обремененным желудком, *евши без аппетита и вкуса,* и с головной болью от шампанского (Жих., Зап. совр., I, 10 февр. 1805); Она помешана,— сказал он,— *видев брата, Приговоренного на смерть* (Пушк., Анджело, 3, VI).

В первой трети XIX в. чаще, чем в конце XVIII в., деепричастия прош. вр. несов. вида употреблялись для обозначения действия, одновременного с действием глагола-сказуемого:

Я пишу к государю по-французски. Полагаясь на милостивое ваше ко мне расположение, прошу вас сказать, государю, что, *писавши к царю русскому не по-русски,* сам тому стыдился (П. Я. Чаадаев, п. А. Х. Бенкендорфу, 15 июля 1833); *Быв принят в доме почти как за родного,* я имел приятные случаи видеть двух дочерей его (Рыл., п. П. М. Рылеевой, 17 сент. 1817); К тому же полуночный вой собак И страшный шум на чердаке высоком — Приметы злые; но *не быв пророком,* Я только покачаю головой (Лерм., Сашка, I).

В этой функции, постепенно сокращая употребительность, они продолжали употребляться и после 30-х годов XIX в. Для обозначения действия, одновременного с действием сказуемого, возобладали деепричастия наст. вр., которые употреблялись для обозначения не только одновременности с действием настоящего, но и одновременности с действием прошлого. Русскому языку не было свойственно «притяжение» (аттракция) времен, поэтому отсутствовала необходимость для обозначения «настоящего в прошлом» в деепричастиях прош. вр. несов. вида. Это обстоятельство, по-видимому, послужило одной из причин окончательного ухода деепричастий прош. вр. несов. вида: они оказались лишенными функциональной нагрузки.

Распространение во второй половине XIX в. деепричастных оборотов со сравнительным значением

§ 10. Во второй половине XIX в. широко распространяются деепричастные обороты со сравнительным значением, включающие в свой состав сравнительные союзы (особенно часто чрезвычайно активизировавшийся в это время союз *точно*). К концу века такие деепричастные обороты становятся излюбленным приемом художественной прозы.

Над головою такое же безбрежное, такое же лазурное море — и по нем, торжествуя и *словно смеясь,* катилось ласковое солнце (Тург., Лазурн. царство); Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, *как бы зачуяв перед собою дичь* (Тург., Воробей); Она падала на землю и, прозрачная, веселая, сверкающая на солнце и тихо ворча, *точно воображая себя сильным и бурным потоком,* быстро бежала куда-то влево (Чех., Степь, II); Сел в кресло и откинул голову, *словно падая от смеха* (Ф. Солог., Мелк. бес, XIII); На поверхности озера вздувались и бежали, *будто торопясь,* мелкие, короткие волны (Купр., Молох, I); *Точно отрываясь от лиц,* впереди людей реяли в спертом воздухе страшно расширенные, горящие непонимающим ужасом глаза (Серг.-Ценск., Верю!).

Таким образом, система функционирования деепричастных оборотов к концу века существенно изменилась. Были утрачены некоторые функции, архаические уже для начала XIX в.— функция обозначения дополнительного сообщения, самостоятельного сообщения и второго сказуемого, соединенного с глагольным сказуемым союзом *и.* Подверглись резкому сокращению употребительности и частичной утрате деепричастные обороты с функциями, совпадающими с функциями других конструкций, в частности с функциями частей сложносочиненного и сложноподчиненного предложения и в некоторых случаях — причастных оборотов. Там, где в начале века существовал свободный выбор между двумя равнозначными конструкциями, в конце века в одних случаях возможности такого выбора уже не было, в других случаях часть сложносочиненного предложения или придаточное предложение, выражавшее соответствующее значение более точно и дифференцированно, стали предпочитаться деепричастному обороту. С другой стороны, активизировались деепричастные обороты с функциями обозначения второстепенного действия и обстоятельства образа действия; существенную роль здесь сыграло распространение во второй половине века деепричастных оборотов со сравнительным значением.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ДЕЕПРИЧАСТНЫМИ ОБОРОТАМИ И В СОСТАВЕ И СТРУКТУРЕ САМИХ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ

Сокращение употребительности и частичная утрата деепричастных оборотов, относящихся к именному сказуемому, и утрата деепричастных оборотов, относящихся к непредикативному имени

§ 11. Многообразие функций деепричастных оборотов в начале исследуемого периода было тесно связано с некоторыми особенностями сочетания деепричастий с другими частями речи и особенностями структуры деепричастных оборотов. Процесс сужения и специализации их функций сопровождался ограничением возможности сочетания деепричастий с другими частями речи и некоторым упрощением и упорядочением их структуры.

В начале изучаемого периода деепричастные обороты могли относиться к глагольному сказуемому (примеры см. в § 2), а также к именному сказуемому без связки и со связкой наст. и прош. вр. — с разнообразным составом именной части: именем существительным, прилагательным и причастием.

Если конструкции с деепричастными оборотами, относившимися к глагольному сказуемому, в течение XIX в. не претерпели изменений, то употребительность предложений с деепричастными оборотами, относящимися к именному сказуемому, заметно сократилась уже к 40-м годам XIX в., а некоторые из них вообще вышли из употребления. Этот процесс был тесно связан с уходом к этому времени ряда функций деепричастных оборотов, о котором шла речь выше. Дело в том, что деепричастные обороты со значениями, не предполагавшими наличия определенных временны́х отношений между признаками, выраженными деепричастием и сказуемым, очень часто относились к именному сказуемому, так как именное сказуемое чаще, чем глагольное сказуемое, могло обозначать вневременной или пассивный признак, постоянно присущее предмету качество. Поэтому между признаками, выраженными деепричастием и именным сказуемым, чаще возможно было отсутствие временны́х отношений предшествования или одновременности. Случаи, когда деепричастие относилось к именному сказуемому, охватывали значительную часть оборотов со значением самостоятельного или дополнительного сообщения, причины, некоторую часть деепричастных оборотов со значением сопоставления, противопоставления и уступки. Именно поэтому резко сократилась употребительность деепричастных оборотов, относящихся к именному сказуемому.

Вышли из употребления еще встречавшиеся в первой трети XIX в. случаи, когда деепричастие относилось к именному сказуе-

мому, выраженному именем существительным без связки и со связкой [13].

Он был человек глубоко религиозный, преданный воле божьей, чести и исполнению своих обязанностей, *не почитая ничего неважным и мелким, как скоро это относилось до его долга* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Ты прав! Поэт не лжец, *Красавиц воспевая* (Батюшк., Ответ Тургеневу); Я, *видя вас,*— любимец музы, Я только трубадур без вас (Языков, А. А. Воейковой); Так невинна ты, что, мнится, Я *любя тебя,*— злодей (Лерм., Счастливый миг); Люди эти, большею частию дураки только по имени и наружности, бывали нередко полезнейшими членами государства, *говоря в шутках сильным лицам, которым служили, истины смелые, развеселяя их в минуты гнева, гибельные для подвластных им, намекая в присказочках и побасенках о неправдах судей и неисправностях чиновных исполнителей* (Лажечн., Последн. Новик, 2, 2).

Значительно сократилась употребительность деепричастных оборотов, относившихся к именному сказуемому, выраженному прилагательным (именно в этих случаях создавалась возможность выражать сказуемым и деепричастием признаки, не сопоставляемые во времени) [14].

Не внемля критике суровой, Он вечно тот же, вечно новый (Пушк., Е. О., Отрывки из путеш. О.); А сей несчастный, *Имея самый глупый рост,* Умен как бес — и зол ужасно (Пушк., Русл. и Людм., 3), Ты вся во мне: *тобой дыша,* Я счастлив, я живу твоею красотою (Веневит., Земная участь художника); *О счастии с младенчества тоскуя,* Все счастьем беден я (Борат., Истина); *Не зная мук, не зная бед,* Ты всем доволен и беспечен (Языков, П. Н. Дирину); Видно, женщина с энергией, но, *живя в глуши,* мало знакома с пропсшедшим (И. Пущин, п. С. П. Трубецкому, 15 марта 1859).

К этой же группе относились и вышедшие из употребления предложения с деепричастными оборотами, равнозначные сложноподчиненным предложениям с некоторыми разновидностями причинных значений (см. § 6):

Я так рада, так счастлива, *тебя увидев,* что готова благодарить за неисполненное обещание (Марл., Страшн. гаданье); Признаться, мы худо понимаем механизм этой игрушки — но она должна быть забавна, *вскруживши голову англичанам!* (Моск. телеграф, 1825, № 17).

---

[13] Случаи сочетания деепричастия с именным сказуемым, выраженным именем существительным со связкой наст. вр., в XIX в. уже почти не встречаются.

[14] О группах типа: она была *права, оскорбившись* его молчанием — см.: В. П. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, изд. 3. СПб., 1914, стр. 242—243.

Деепричастные обороты со значением причины, утверждения вышедшие из употребления к 40-м годам, также очень часто относились к именному сказуемому, выраженному кратким прилагательным.

Почти перестали употребляться и деепричастные обороты, относящиеся к бессвязочному сказуемому, выраженному сочетанием существительного с предлогом или наречием:

Конечно, мы на хорошей дороге, *распространяя всеобъемлющее просвещение и желая поставить себя на ту же степень вкуса, какой достигли французы и англичане* (Моск. телеграф, 1826, № 1); Ей казалось, что она в раю, *принадлежа родителям, нашед снова юношу, которому она отдала свое сердце на веки* (Моск. вестн., 1828, № 5); Они были неразлучны: вместе на ночных прогулках до самого Подкумка, *не страшась чеченских хищников,* и всегда вместе в местах диких и непосещаемых (Марл., Вечер на Кавк. водах).

В большей степени сохранили употребительность предложения с деепричастными оборотами, относящимися к именному сказуемому — краткому прилагательному и причастию со связкой *был.* Такое сказуемое чаще, чем бессвязочное, могло обозначать признак, приуроченный к определенному моменту времени и связанный, таким образом, временными отношениями с признаком, выраженным деепричастием. Однако и здесь конструкции, в которых признаки, выраженные деепричастием и сказуемым, не соприкасались во времени, к 40-м годам XIX в. вышли из употребления. В первой трети XIX в. такие построения обычны.

Ты не достоин был воспользоваться ими, *добыв их столь гнусным образом* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, XIX); Вообще, он был нелюдим и молчалив, *ни с кем не сближаясь и никому не кланяясь* (Марл., Вечер на Кавк. водах); Улыбка, *растягивая узкие и сжатые губы,* была более презрительная, чем насмешливая (Лерм., Кн. Л., I); И, *безмятежно догорая,* Прекрасен был, как вечер мая, Закат его почтенных лет (Языков, Ала).

§ 12. В конце XVIII в. возможны были деепричастные обороты, относившиеся к существительному (обычно со значением действия или состояния), не несущему сказуемостного значения, т. е. к подлежащему или дополнению:

Всякий, кто имел когда-либо такую необходимую нужду в деньгах, как Евгений, удобно может себе представить его удовольствие, *получивши их* (Изм., Евгений, 5, XI); Удовольствие ее, *танцуя с ним,* примечалось на ее лице (Там же, 4, I).

В первой половине XIX в. они еще изредка встречаются.

Обвинения с жаром против пограничных начальников, *не щадя и своих и брата его*; потом неистощимые уверения в пре-

данности императору,— все это быстро следовало одно за другим (Гриб., Донесение Паскевичу, 30 июля 1827); Работа сложная: вырывание щетинистых волос из бровей, чистка зубов, ногтей, опыт, нельзя ли как-нибудь угладить морщины, долгое смотрение в зеркало, *сперва прищурившись, потом вытаращив глаза,*— каков, дескать, я сегодня? (Вельтм., Саломея, 6, III).

Такое употребление деепричастных оборотов не соответствовало их функциям, определившимся в XIX в. как основные — функциям второстепенного действия и обстоятельства. Поэтому деепричастные обороты, относившиеся к непредикативному имени, вышли из употребления.

Сокращение употребительности и частичная утрата деепричастных оборотов с деепричастиями *будучи, быв (бывши)*

§ 13. В конце XVIII — нач. XIX в. были широко распространены обороты с деепричастиями *будучи, быв (бывши)* и именной частью, по значению эквивалентные частям сложного предложения. Деепричастия *будучи, быв (бывши)* употреблялись в следующих сочетаниях.

С именами существительными в именит. и творит. падеже:

Приходит с смелостью на полицейский двор, *Быв подлинно тогда посол, капрал и вор* (В. Майк., Елисей, 1); Незнакомец, *будучи старинный член большого света и обоих клубов,* ответствовал на все сии вопросы с великою удовлетворительностью (Изм., Евгений, 3, VI); *Будучи с молоду великим писакою,* любил он как-то в особливости упражняться в писании (Болот., 2, 120); Сии два князя, *быв от юности неприятелями,* искренно клялись умереть друзьями (Карамз., И. Г. Р., II, XVI).

С полным прилагательным и причастием в именит. и творит. падеже:

Тогда Елеся, *быв подвигнутый на гнев,* Стал легок, яко конь, а силен, яко лев (В. Майк., Елисей, 4); Дань поголовная, требуемая моголами, угнетала скудных, а не богатых людей, *будучи для всех равная* (Карамз., И. Г. Р., IV, II); Графиня, *будучи прелестною и милою,* до приезда в деревню умела сохранить тишину сердца своего (Карамз., Рыц. нашего вр., 11); Но, *быв довольными они своей судьбой,* Не ищут на земле благ рая, Альдорада (Держ., Блаженство супруги).

С родит. квалитативным существительного:

Дядя и тетка, *будучи бездетны,* любили ее как бы родную свою дочь (Изм., Бедн. Маша); Во время сего плавания на челноке, крюк, *будучи тащим шнуром,* в воде вертится (Бо-

лот., 1, 20); Старался поспеть вдруг в тридцать мест, *не быв нигде надобен* (Крыл., Ночи).

Со сравнительной степенью прилагательного:

Пан Харитон, *будучи гораздо крепче на ногах,* нежели его товарищ, подошел к двери и открыл ее настежь (Нарежн., Два Ивана, 1, XVI).

С сочетанием существительного с предлогом:

Но как Португалия не умела, или паче не могла, употреблять ее, *будучи под властию Исландии,* то перешла опая наконец в руки Голландии и Англии (Новиков, О торговле вообще); Мать ее, которая имела над ней более власти, нежели отец, *будучи из числа тех женщин,* которые почитают первым достоинством человека богатство, дала нерешительный ответ (Путеш. критики, XXVIII).

С родит. квалитативным существительного:

Будучи чрезвычайно горячего и вспыльчивого нрава, рассердился он тогда чрезмерным образом (Болот., 1, 39); О ты! которая, *будучи пятидесяти лет,* стараешься казаться осьмнадцатилетнею (Живописец, I, 16).

Наиболее распространенными были деепричастные обороты с краткими прилагательными и причастиями в составе именной части. Второе место занимали имена существительные, употреблявшиеся в равной степени и в именит. и в творит. падеже. На третьем месте были сочетания существительных с предлогами. Реже всего встречались в именной части полные прилагательные и причастия, причем творит. падеж здесь явно преобладал над именительным.

Деепричастные обороты с деепричастиями *будучи, быв (бывши)* были эквивалентны частям сложного предложения с именным сказуемым, которое чаще, чем глагольное сказуемое, могло обозначать признак постоянный, вневременный; это обусловило сокращение их употребительности. В особенности это относилось к случаям, когда именная часть была выражена существительным или прилагательным.

Зять мой, *будучи природный малороссиянин,* более или менее с некоторыми из них в родстве (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XIX); Известия политические привлекают большее число читателей, *будучи любопытны для всякого* (Пушк., Деловые бумаги, А. Х. Бенкендорфу, 19 июля—10 авг. 1830).

Таким образом, уже к 40-м годам XIX в. употребительность деепричастных оборотов с *будучи, быв (бывши)* резко снизилась. Отчасти такое снижение употребительности явилось отголоском других процессов. Так, с одной стороны, на протяжении XIX в. постепенно выходило из употребления деепричастие *быв (бывши);* с другой стороны, была утрачена возможность сочетания форм *будучи, быв (бывши)* с некоторыми формами слов, состав-

лявших именную часть, что было связано в основном с процессами, происходившими в именном сказуемом.

Если во второй половине XVIII в. сочетания с существительными в именит. и творит. падеже употреблялись в равной степени, то уже в начале XIX в. их соотношение изменяется в пользу творит. падежа (ср. процесс вытеснения именит. падежа творительным в именном сказуемом). В 20—30-е годы XIX в. именит. падеж встречается уже редко.

Будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки (Пушк., Пиков. дама, II); *Будучи эгоист в высшей степени,* он однако слыл всегда добрым малым (Лерм., Кн. Л., VI).

Позже именит. падеж в составе таких оборотов вообще перестает употребляться.

Сочетания с полными прилагательными и причастиями, редкие в конце XVIII в., так же редко употреблялись и в XIX в.; в форме именит. падежа прилагательные и причастия в начале XIX в. уже не встречаются.

В кругу сочетаний с краткими причастиями к 30—40-м годам XIX в. вышли из употребления сочетания со страдательными причастиями наст. вр.:

Будучи таким образом воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тем всенародным языком, который в общих разговорах употребителен (Шишк., Рассужд.); Сие последнее слово, *будучи несколько раз повторяемо,* поразило находившегося там караульного офицера (Моск. вестн., 1828, № 3).

Сочетания со сравнительной степенью прилагательного, с родит. падежом имени существительного и с существительным с предлогом, употребительные в конце XVIII в., снижают употребительность и в конце XIX в. встречаются крайне редко.

Таким образом, в результате отмеченных процессов, к концу XIX в. сохраняются в употреблении сочетания деепричастия *будучи* с кратким причастием и — реже — с прилагательным, а также с существительным и редко — с прилагательным в творит. падеже.

Сокращение употребительности деепричастных оборотов, относящихся к причастию в косвенном падеже

§ 14. В конце XVIII — первой трети XIX в. употреблялись деепричастные обороты, относившиеся к действительному причастию в косвенном падеже,— конструкция, распространившаяся, по-видимому, под влиянием французского языка. Буслаев писал: «К иностранным же оборотам принадлежит подчинение деепричастия причастию, а притом такому, которое постановлено в косвенном падеже; напр., у Жук[овского] «как бешеный, Зораб впил-

ся руками в его серебряные кудри, *рассыпанные* по плечам, в сраженье *выпав* из-под шлема», VI, 154—155» [15].

Вот некоторые примеры:

Душа моя, объята жалостию, представляла мне чувствительную картину людей, от огня и от падающих материалов поврежденных, и хозяина отчаянного, *потеряв свое имение* (Фонв., Пов. мним. глух.); Увидел я оного, бывшего кабинет-министра графа Остермана, лежащего и громко стенящего *жалуясь на подагру* (Шаховск., Зап.); Рапорт полковника Толя, просившего увольнения от должности генерал-квартирмейстера, *чувствуя, будто бы, себя неспособным отправлять оную* (Ермолов, Зап., I, 1812); Он помнил любимую сестру свою Лагань, утонувшую в море, *бросясь вплавь вслед за кораблем, на коем он удалялся* (Пушк., Е. О., Черн. рукоп., Примеч. к первой гл.); В Москве составилось общество богатых игроков, под председательством славного Чекалинского, проведшего весь век за картами и нажившего некогда миллионы, *выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги* (Пушк., Пиков. дама, VI). Ср. позже у Герцена: Теперь к этой среде прибавилось систематическое преследование, и уже не от одной княгини, но и от жалких старух, мучивших беспрерывно Natalie, *уговаривая ее идти замуж и браня меня* (Б. и д., 3, XXII).

На протяжении XIX в. эти конструкции постепенно выходят из употребления [16] — за исключением случаев, когда деепричастный оборот имел значение образа действия:

У кают-кампании он увидел Воргуньку, сидевшего на корточках, *притулившись к дверям буфетной каюты* (Станюк., Вокр. света на «Корш.», I, 4, II).

Изменения в употребительности деепричастных оборотов, относящихся к деепричастию

§ 15. Деепричастные обороты, относящиеся к деепричастию, в начале исследуемого периода, как правило, не употреблялись. Такие случаи в конце XVIII — нач. XIX в. наблюдались иногда у авторов, склонных к нагромождению деепричастных оборотов:

Не успел я с полчаса по городу походить, как встретился со мною нашего полку адъютант, и обрадовавшись *меня уви-*

---

[15] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, стр. 537.

[16] В стихотворной речи такие построения могли сохраняться. Г. В. Валимова, приводя примеры этой конструкции из стихов Маяковского, видит здесь «вызов вековой традиции» (см.: Г. В. Валимова. Особые случаи употребления деепричастий, стр. 25). Однако такое употребление встречается не только у Маяковского и объясняется оно особыми законами стихотворной речи (см. § 1), где не исключается возможность использования архаических и устаревших форм

дев, говорил мне, что он меня давно ищет (Болот., 1, 39); В сие самое время вышед из внутренних от его высочества комнат его камердинер, и учтиво осмотря предстоящих, пошел обратно; но *недолго мешкав* паки вышед, указывая на дверь, дал мне знать, чтоб во оную далее шел (Шаховск., Зап.).

Позже они уже не встречаются. Однако во второй половине XIX в. расширяется возможность сочетания деепричастных оборотов с деепричастием в результате распространения в этот период оборотов со сравнительными союзами (см. § 10):

Они ходят вдоль и поперек, молча, *словно крадучись* (Тург,. Конец света); Отсюда он, пятясь назад и глядя в упор на Егорушку, *точно боясь, чтобы тот не ударил его сзади,* поднялся на следующий камень (Чех., Степь, II).

Утрата деепричастных оборотов, соединенных с основной частью предложения средствами связи, обычными для сложных предложений

§ 16. В конце XVIII в. изредка встречались деепричастные обороты, соединенные с основной частью предложения средствами связи, обычными для сложных предложений. Возможность таких соединений определялась широким употреблением деепричастных оборотов в функции эквивалентов различных придаточных предложений, что объяснялось, в свою очередь, большой предикативной силой деепричастия, еще сохранившейся в эту эпоху. Отмечаются два случая.

1) Соединения посредством частицы *то;* деепричастный оборот в этом случае мог быть равнозначен придаточному предложению обычно со значением причины:

Он участвовал в сочинении лексикона отечественного языка. Но *будучи развлечен как должностию своею, так и привязанностию к театру...,* то и не мог показывать больших услуг сему сообществу (Княжн., Краткое начертание жизни); По кончине ее, при императоре Павле, когда автор определен был в верховный совет, и, *знав неблагорасположение сего государя к покойной его матери,* то имел случай через статс-секретаря Нелединского обратно оную оду взять к себе (Держ., Объясн. на соч.); И как старуха, *почитая ее уже пристроенною к месту удачно,* то и имела всю надежду на помянутого сына (Болот., 2, 105) [17].

2) Соединения посредством союза *хотя,* включенного в состав деепричастного оборота; вся конструкция в целом была равнозначна предложению с однородными сказуемыми:

---

[17] См.: Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 75.

Выбор, учиненный им в сем произвождении, покрыл его иного рода славою и честию, которая, *не будучи хотя столь громкою, как полученная чрез победу,* однако не менее достойна великих похвал (Болот., 1, 39); Граф Серболони, *будучи хотя ранен,* но с саблею в руках, устремляется против пруссаков (Там же); Ибо он, *будучи хотя и богат,* заставлял их все делать (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, XVII).

В языке XIX в. такие соединения уже не встречаются.

Утрата конструкции с подлежащим в середине деепричастного оборота

§ 17. В начале описываемого периода было возможно такое построение, при котором подлежащее оказывалось в середине деепричастного оборота. Этот порядок слов сохранился от тех времен, когда причастие, из которого позже возникло деепричастие, тесно соприкасалось с определяемым им словом (подлежащим) и могло предшествовать ему. В этой структуре наиболее обычным был порядок: деепричастие — подлежащее — относящийся к деепричастию второстепенный член. Для таких оборотов характерно положение в начале всей конструкции.

Не имевши он у себя детей, чрезвычайно радовался рождению своего сына (Изм., Евгений, 1, I); *Пролетая Ерот небольшое селение, лежащее на берегу моря,* остановился, увидя прелестную и молодую Лину (Новиков, Пословицы росс.); Друг мой! Увы! озлобясь, Время Его спешило в гроб сокрыть, Что *сея он познаний семя,* Мнил веки пользой пережить (Держ., Память другу).

Несколько реже встречался порядок слов: второстепенный член — подлежащее — деепричастие.

Сему примеру Смотрицкий последуя, сделал наши гласные и двугласные литеры, иные с природы долгими, иные краткими, а иные общими (Тредьяковск., О древн., средн. и нов. стихотв. росс.); *На сии мои слова герцог Бирон осердясь,* весьма вспыльчиво мне сказал, что как я так отважно говорю? (Шаховск., Зап.): *Но в одеяле мягкого снега Землю они утучнив,* В соке живящем паки весною К стеблям своим востекут (Вост., Осеннее утро) [18].

---

[18] Сравнивая структуру таких деепричастных оборотов в XVII и XVIII вв., Э. И. Коротаева пишет, что для XVII в. был характерен в основном такой порядок, когда деепричастие предшествовало подлежащему; в XVIII в. этот порядок разрушается, деепричастие часто следует за подлежащим (см.: Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 81, 84). Это разрушение, отчасти связанное с уходом данной структуры вообще, может объясняться и распространением в XVIII в. порядка слов с деепричастием в конце оборота, захватившего и структуру с подлежащим в середине деепричастного оборота.

Осложненной разновидностью таких построений было союзное сочетание двух деепричастных оборотов, так что подлежащее оказывалось в конце первого деепричастного оборота.

Проспувшись поутру Евгений и видя своего товарища, вставшего уже с постели, сообщил немедленно ему подробное известие о победе, вчерась им одержанной (Изм., Евгений, 4, III); *Вошедши он и в крайнем являясь духа своего смятении* повернулся к ногам их и просил милостивого выслушивания и помилования (Шаховск., Зап.); *На скирдах молодых сидючи Осень И в полях зря вокруг год плодоносен,* С улыбкой свои всем дары дает (Держ., Осень).

Структура деепричастного оборота с подлежащим в середине не имела жанровых ограничений; однако она явно преобладала в стихотворной речи и в некоторых жанрах, отразивших влияние народной речи (например, в баснях Крылова).

Описываемые построения уже к началу XIX в. стали явлением архаическим. В первой трети XIX в. они встречаются преимущественно в стихах, а позже окончательно выходят из употребления.

Три месяца пробыв картина под искусом, Представилась опять сиятельным глазам (И. Дм., Картина); *Приемля лиру я незвонкую, печальну,* Хочу воспети песнь унылу, погребальну! (Рыл., Луна); И умершие для взора *Вняв они весны привет,* Из подземного затвора Рвутся радостно на свет (Жуковск., Жалоба Цереры); *Приехав он прямым поэтом,* Пошел бродить с своим лорнетом Олин над морем (Пушк., Е. О., Отрывки из путеш. О.); *Услышав граф ее походку* И проклиная свой ночлег И своенравную красотку, В постыдный обратился бег (Пушк., Гр. Нулин); *Отряхнув она с очей Мрак невежественной ночи,* К свету утренних лучей Отверзает бодры очи (Шевырев, Петроград).

Порядок слов с деепричастием после подлежащего (второстепенный член — подлежащее — деепричастие) в прозе был редок даже в конце XVIII в. и воспринимался как крайне искусственный. Ср.:

Такой его вид и речи я приняв доказательством твердой любви и милости его ко мне, начал было изъяснять мое о таком со мною нечаянном приключении удивление (Шаховск., Зап.).

В стихотворной речи он был более обычен — вследствие относительной свободы словорасположения в стихотворной строке.

Прости, священна тень героя, Долг мудрых — слабому прощать. Прости, что *лиру я настроя,* Мог слабо смерть твою бренчать (Рыл., Кулакиада); *И в горе им Гасуб любуясь,* Влеченью сердца повинуясь, Объемлет ласково его (Пушк., Тазит); *На холмах пушки присмирев* Прервали свой голодный рев (Пушк., Полтава, 3); Не часто ли поверхность моря Волнует грозных бурь приход, *И с валом вал ужасный споря*

www.ruslang.ru

Кремнистые берега трясет? (Языков, К Кулибину); *Сатиров я для помощи призвав*,— Подговорю,— и всё пойдет на лад (Лерм., Булевар).

Однако даже свобода словорасположения в стихотворной речи не могла удержать данный порядок слов, так как он противоречил той функции деепричастных оборотов, которая к середине XIX в. определилась как основная,— функции обозначения второстепенного действия и обстоятельства образа действия. Эта функция предполагала обособленное положение деепричастного оборота в предложении — вне связи с подлежащим и вблизи от сказуемого.

Утрата порядка слов с деепричастием в конце деепричастного оборота и после относительных слов

§ 18. В начале описываемого периода наряду с более распространенным положением деепричастия в начале (или реже в середине) деепричастного оборота наблюдались обороты с деепричастием в конце.

Но со всем тем в Петербурге, *гораздо больше печей имея,* больше еще на дрова тратил (Фонв., п. родным, 31 дек. 1777); Сам остается в лесу, где, *ему явясь,* Силен ведет его в дом одного богатого откупщика (В. Майк., Елисей, 4); И тут я уже не знаю, как изобразить мне ту радость, которую почувствовал я, *сей крик и называние самого моего имени услышав* (Болот., 1, 9).

Такой порядок слов объяснялся, по-видимому, аналогией с распространенными в этот период случаями постановки глагола в конце предложения. Вполне очевидна такая аналогия в деепричастных оборотах с деепричастиями *будучи, быв (бывши)* и предшествующей им именной частью, что соответствовало предложениям с именным сказуемым, в которых связка помещалась после именной части.

Вакх, *раздражен будучи гордостию откупщиков,* гневается на них (В. Майк., Елисей, 1); Старец, *доволен будучи их ответом,* дал время им на размышление неделю (Новиков, Пословицы росс.); Мать моя, *утесняема будучи крайностью,* принуждена была к нему со мною ехать (Болот., 1, 16).

Ср. порядок слов в предложениях с именным сказуемым.

Правдин... наконец, возвратясь в Петербург, по обстоятельствам своим *принужден был* взять отставку и приехал сюда (Копиев, Обращ. мизантроп, II, 5); В соседстве с нами жил отставной полковник, которого дом *подвержен был* великой опасности (Чулк., Пересмешн., 1).

Порядок слов с деепричастием в конце оборота уже с 20-х годов XIX в. представлял собой явление эпизодическое. Этому процессу способствовало не только стремление к освобождению от

громоздкой структуры фразы с неестественным для русского языка порядком слов, но и изменения в структуре оборотов, включающих в свой состав подлежащее (см. § 17).

§ 19. В конце XVIII в. были распространены деепричастные обороты с относительными словами *который (кой)* (во всех падежах), *что* (во всех падежах), *где, куда* и др. Деепричастие могло находиться после относительного слова, но чаще оно помещалось в конце оборота.

Правосудию он учился у дяди, *которого пришедши поздравить с добрым утром,* украл и часы, о коих дело идет (Живописец, I, 3); В чашке заключалась жареная индейка и несколько булок, *на что глядя,* эскулапий не считал сей вечер потерянным (Нарежн., Два Ивана, 1, XIII); Заехали в славившийся еще тогда очаковский трактир, *где с великим аппетитом и удовольствием отобедавши,* возвратились назад (Изм., Евгений, 4, I); Ужасный голос ее принудил их возвратиться в свои домы; *куда пришедши лишилися они чувств и разума* (Чулк., Сл. русск. суеверий); Тут попринарядились, чтоб въехать в Лейпциг, *куда в седьмом часу пополудни благополучно приехав,* стали в hôtel de Bavière (Фонв., п. родным, 17/28 авг. 1784).

В состав деепричастного оборота с относительным словом могло входить подлежащее, образуя обычную конструкцию с подлежащим в середине оборота.

Главнейшие правила, *с которыми он сообразуясь* поступал во управление делами, были следующие... (Фонв., Жизнь гр. Панина); Молодой Негодяев вскоре стал считать за смешные предрассудки и нелепые мнения то, на чем основывается благополучие людей, и *чего они не имея,* не могут иметь большего предпочтения перед бессмысленными лютыми животными (Изм., Евгений, 1, IX); Согласился взять земли гораздо меньше, нежели сколько б мне по законам получить было можно. *Чем они будучи довольны,* подали тогда же обще со мною о том полюбовную сказку (Болот., 2, 122).

В первой половине XIX в. в деепричастных оборотах с относительными местоимениями, как и в относительных придаточных предложениях, действовала тенденция к постановке относительных местоимений после слов, от которых они зависели [19] (в деепричастных оборотах — после деепричастий). Этой тенденции подчинилось местоимение *который (кой);* конструкции типа: Получишь полное наставление, *по которому поступая,* верно успеешь в нашем высоком предприятии (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, XV) — стала предпочитаться конструкция: ... *поступая по которому...*

---

[19] См. Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 437—439.

Утверждению такого порядка слов способствовала и другая тенденция — к устранению конечного положения деепричастия в деепричастном обороте.

Деепричастные обороты с относительными словами *где, куда* и др., постановка которых после деепричастия была невозможна, вышли из употребления. Уже в первые десятилетия XIX в. они отмечаются как единичные.

В конце июля были праздники в память Июльских дней (journées de Juillet), жуты (joutes) на Сене и иллюминация, *куда, по незнанию, отправясь вместе с толпою*, едва не были мы раздавлены (М. Глинка, Зап., 11); Подкрепить генерал-майора Краснова, дабы дать время обозам и тяжестям 1-й армии пройти Вязьму, *куда проникнув*, небольшая партия могла бы произвести замешательство (Ермолов, Зап., I, 1812).

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ С СУБЪЕКТОМ ДЕЙСТВИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЯ, НЕ СОВПАДАЮЩИМ С СУБЪЕКТОМ ДЕЙСТВИЯ ГЛАГОЛА-СКАЗУЕМОГО

§ 20. Во второй половине XVIII в. относительно широкой употребительностью в составе личных предложений обладали деепричастные обороты, в которых субъект действия деепричастия не совпадал с субъектом действия глагола-сказуемого. Судя по работам, посвященным функционированию деепричастий в памятниках более раннего периода (см. § 1), такое употребление деепричастий в личных предложениях наблюдалось там редко. Во второй половине XVIII в. употребительность их резко увеличивается: появляются в большом количестве деепричастные обороты с значением причины и условия (с этими значениями широко были распространены абсолютные причастные конструкции во французском языке), в то время как раньше в памятниках русской письменности они употреблялись преимущественно с временным значением. Поэтому надо думать, что широкое употребление таких деепричастных оборотов в изучаемый период было вызвано распространившимся во второй половине XVIII в. влиянием французского языка. Но, по-видимому, само это влияние стало возможным потому, что в целом такая конструкция не противоречила синтаксической системе русского языка. Некоторые структурные разновидности предложений с «независимыми» деепричастными оборотами, абсолютно чуждые русскому языку, не привились и не получили распространения. Таким образом, если нельзя говорить о калькировании, то можно говорить о несомненном влиянии французского языка на употребление этих оборотов [20].

[20] Ф. И. Буслаев склонен был объяснять независимое употребление деепричастий в личных предложениях только влиянием иностранных языков: «В книжном языке, не только в новейшем, но и у писателей XVIII века, долж-

Случаи употребления деепричастных оборотов с субъектом действия, не совпадающим с субъектом действия сказуемого, были не однородны.

Сравнительно редко встречались деепричастные обороты, имеющие при себе собственное подлежащее:

Желал бы я преподавать ей и физические эксперименты, но не было удобности: ибо *двери в доме матушки ее будучи сделаны национальными художниками,* ни одна не только не затворялась, но и не притворялась (Фонв., Чистосердечн. призн., 2); *И оставляючи Еней страну сию,* Любовью славу днесь величишь ты свою (Княжн., Дидона); *Обрадовавшись мои домашние,* препроводили [мы]... сей день в разговорах (Васильев, Дневн., 30 марта 1774); *Имея жизнь твою во власти я моей И права мстить тебе,* лютейший мой злодей. Не мысли, чтобы я, забыв к себе почтенье, Унизился платить гоненьем за гоненье (Княжн., Росслав): Ежели ты добрый человек и не ругаешься над бедными, *то взяв я от тебя деньги,* лихие люди мало ли что подумают (Радищ., Путеш., Едрово).

Именно такие обороты приводит Ломоносов *(идучи я в школу, встретился со мною приятель; написав я грамотку, он приехал с моря*), протестуя против употребления разных лиц при деепричастии и личном глаголе и считая, что эти обороты образованы «по свойству чужих языков» [21]. Действительно, такие обороты полностью соответствуют французским абсолютным конструкциям с причастием (имеющим при себе подлежащее), восходящим, в свою очередь, к латинскому ablativus absolutus. В особенности это относится к случаям, когда подлежащее находится в начале оборота (ср. *Notre station finie*, nous cédâmes la place à celles qui nous succédaient. Diderot. La religieuse). В немногочисленных примерах таких конструкций, встречающихся в памятниках более раннего периода [22], деепричастные обороты имеют только временно́е значение и могут быть даже восприняты как отдельное предложение. Обороты, употреблявшиеся в конце XVIII в., имели временно́е, причинное и условное значения, что полностью соответствовало значениям абсолютных причастных конструкций во французском языке.

Основную массу деепричастных оборотов с самостоятельным субъектом действия в личных предложениях составляли такие, которые не имели собственного подлежащего. В одних случаях

но отличать оборот с независимым деепричастием при личном глаголе, заимствованный из чужих языков, от оборотов чисто русских, народных, которые теперь наиболее сохранились только при безличном глаголе» (Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, стр. 537).

[21] М. В. Ломоносов. Росс. грамм., § 532, стр. 567.

[22] *И быв послы и их посолские дворяне у руки, велит царь сказати им свое жалованье* (Д. Н. Кудрявский. К истории русских деепричастий, стр. 62).

субъекты действий деепричастия и сказуемого никак не были по смыслу друг с другом связаны, в других случаях такая связь существовала и в основной части предложения могли быть косвенные указания на субъект действия деепричастия. Деепричастные обороты с самостоятельным субъектом действия обычно имели значение времени, причины, условия, уступки.

Деепричастные обороты без указания на субъект действия деепричастия в основной части предложения:

Наконец, *спускаяся с небольшой горы,* ось у кибитки переломилась (Радищ., Путеш., Зайцово); *Увидев же множество ветчины,* тотчас сварен был из оной целый окорок (Болот., 1, 55); В вышеуказанных примерах глагол сей употреблен, *говоря о земных произрастаниях* (Шишк., Рассужд.).

Чаще в основной части предложения содержалось указание на субъект действия деепричастия в виде косвенных падежей имен существительных и личных местоимений или притяжательных местоимений.

Радость *их, увидевшись,* была столь же горяча, сколь нелицемерна (Фонв., Пов. мним. глух.); Голова *моя приехав на почтовый стан,* была хуже болвана (Радищ., Путеш., Подберезье); Все животные стараются о средствах к своей безопасности и обыкновенном их удалении от насильствия прочих. *Свободны будучи от страха и угнетения,* склонность *их* действует во всей своей силе (Новиков, О главн. причинах приращ. художеств); *Имея в рассуждении нашего отечества, должностей истинного гражданина и верного подданого чистую совесть,* не должны *нас* трогать бредни безумцев (А. М. Кутузов, п. И. В. Лопухину, 4/15 февр. 1791).

Действие деепричастия могло относиться к обобщенному субъекту. Деепричастные обороты в этом случае имели условное или условно-временно́е значение.

Вышед из городских ворот, есть гульбище называемое La place Peyron (Фонв., п. родным, 20 ноября/1 дек. 1777); Снаружи кажутся преизрядными городками, а *въехав,* гроша не стоят (Фонв., п. родным, 18/23 сент. 1777); *Слышав долгое время единогласное в стихах окончание,* безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно (Радищ., Путеш., Тверь); *Умствуя таким* образом, подлинно составится прекрасный и богатый язык Российский! (Шишк., Рассужд.).

В первой трети XIX в. употребительность деепричастных оборотов, в которых субъект действия деепричастия не совпадал с субъектом действия глагола-сказуемого, возрастает. В то же время становятся более очевидными некоторые стилистические и жанровые ограничения: такие обороты встречаются преимущественно в речи лиц, хорошо владеющих французским языком, для которых он был привычен в сфере деловой, официальной речи, при

изложении отвлеченных вопросов или же в речи разговорной, отражающей непосредственное общение. Иначе говоря, эта конструкция встречалась чаще всего в тех областях, где отсутствовало стремление к норме или стремление к определенным художественным канонам — в эпистолярной речи, дневниках, записках, отчасти в мемуарной литературе, иногда в трактатах на отвлеченные темы, в исторических описаниях, но реже всего в художественной литературе. Описываемая конструкция никогда не признавалась нормативной [23], поэтому естественно, что художественная литература, которая в начале века была ареной становления норм литературного языка [24], раньше всего освобождалась от таких построений. Любопытно, что у Пушкина в художественной прозе описываемый тип деепричастных оборотов употребляется очень редко, но часто в письмах, различного рода заметках, в деловых записках, где можно даже встретить точные слепки с абсолютной причастной конструкции, широко распространенной в ту эпоху во французском языке.

Но *журнал будучи торговым предприятием,* я ни к чему приступить не дерзаю, ни к предложениям, ни к условиям (п. М. П. Погодину, 11 июля 1832); Я просил всё это определить с большею точностию, и *батюшка не успев того сделать сам,* я обратился в ломбард (п. Н. И. Павлищеву, 4 мая 1834); *Занимательность будучи первым законом др. <аматического> иск. <усства>,* единство действия должно быть соблюдаемо (О трагедии).

Приведенная конструкция (как и вообще все разновидности деепричастных оборотов с субъектом действия, не совпадающим с субъектом действия глагола-сказуемого) чаще всего в этот период встречаются в переводах с французского. См., например, принадлежащий А. Волкову перевод книги Ф. В. Растопчина «Правда о пожаре Москвы» [25].

Пожар Москвы не будучи никогда ни приготовлен, ни устроен, зажигательные вещества Шмидта сами по себе уничтожаются (стр. 12); *Москва будучи целию и предметом похода Наполеона в Россию,* разграбление сего города было обещано армии (стр. 23). Ср. с французским текстом: *L'incendie n'ayant jamais été organisé ni préparé,* les matières combustibles de Schmidt rentrent dans le néant (La vérité sur l'incendie

---

[23] См.: В. П. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 241—242..

[24] См.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Лексика, Киев, 1957, стр. 20—21.

[25] Об этой книге упоминает Л. А. Булаховский, говоря о галлицизмах в русском литературном языке в рассматриваемый период. См.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 269.

de Moscou. Par le comte Rostopchine, Paris, 1823, p. 5); D'un autre côté, *Moscov, ayant été le but et le terme de l'expédition de Napoléon en Russie,* le pillage de cette ville avait été promis à l'armée (Ibid., p. 15).

После 30—40-х годов такая конструкция уже не встречается.

Помимо стилистических и жанровых условий давали себя чувствовать и индивидуальные склонности. Например, в путевых дневниках и письмах Грибоедова, вообще часто употребляющего описываемую разновидность деепричастных оборотов, излюбленной конструкцией является оборот с деепричастием глагола движения, имеющий временно́е или условно-временно́е значение и соответствующий характерному во французском языке употреблению герундия, по значению приближающегося к наречию.

Проехав немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен в горе (Пут. зап., VII); *Обогнув последнюю оконечность мыса,* вид к югу Туманного Акэпблюка (Там же, VIII); *Выезжая из леса и поднявшись на высоту* — пространный вид (Там же, XI).

Ср. у других авторов:

Переехавши Иртыш, на самом берегу реки, на высоте расположен город Каинск (М. Пущин, Из дневн. 1826 г.); 21 числа выехали мы в Белгород. *Не доезжая его,* на последней станции г. исправник оказал нам разные вежливости (И. Долгорук., Славны бубны за горами, X); *Пройдя таким образом немного долее двух верст,* слышится что-то похожее на шум падающих вод (Лерм., Вадим, XVIII).

В XVIII в. эту конструкцию часто употреблял Фонвизин (примеры см. выше, стр. 399).

Деепричастные обороты с субъектом действия деепричастия, не совпадающим с субъектом действия сказуемого, выходят из употребления постепенно — на протяжении всего XIX в. В этом отношении не наблюдалось такого резкого сдвига, как, например, в процессе сужения функций деепричастных оборотов. В середине и во второй половине XIX в. они встречаются преимущественно у лиц, принадлежащих к поколению, получившему образование в 10—20-е годы XIX в., а также у таких авторов, как Герцен, Тургенев, Л. Толстой, Достоевский.

§ 21. Помимо внешней истории, связанной главным образом с распространением во второй половине XVIII в.— первой трети XIX в. французского влияния и его дальнейшим ослаблением, деепричастные обороты описываемого типа имели и внутреннюю историю. Они были охвачены теми общими изменениями в функционировании деепричастных оборотов, которые описаны выше.

В первой трети XIX в., как и в конце XVIII в., сравнительно редко встречались случаи, когда отсутствовала какая бы то ни

было связь между субъектами действий деепричастия и сказуемого и поэтому в основной части предложения отсутствовали какие-либо косвенные указания на субъект действия деепричастия.

Переехав же Неман в Ковно, вид природы сделался совершенно праздничным (М. Глинка, Зап., 13); *Будучи знаком с самого детства с Храповицким,* свидание их было дружеское (Д. Дав., Дневн. партизанск. действий).

Такие построения раньше других выходят из употребления — так же, как и деепричастные обороты с собственным подлежащим.

В первой трети XIX в., как и в конце XVIII в., употреблялись в равной степени деепричастные обороты рассматриваемой разновидности со значениями причины, времени, условно-временны́м и реже со значением условия и уступки.

Со значением причины:

Будучи чрезвычайно впечатлителен от природы, ему в этих словах неизвестно почему послышался голос судьбы (Д. Дав., Дневн. партизанск. действий); *Не уважая искренности их, негодуя на притворство,* черт ли мне в их мнении? (Гриб., п. П. А. Катенину, янв. 1825); Аристократическая важность наших дам происходит от их нравственного бездействия — *будучи поверхностно воспитаны,* ничто Евр(опейско)е не занимает их мыслей (Пушк., Гости съезжались на дачу); Признаюсь, мне наскучило горевать здесь, и, *не могши ни с кем развеселиться,* мысли мои изливаются на письме (Гоголь, п. Г. И. Высоцскому, 26 июня 1827).

Со значением времени (действия деепричастия и сказуемого связаны значением предшествования или одновременности):

Заняв место этого старца, у меня что-то лежало на совести, особливо, когда он жаловался (Рыл., п. В. И. Штейнгель, март 1825); *Подъезжая к Болдину,* у меня были самые мрачные предчувствия (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 2 окт. 1833); *Возвратясь от обедни и накушавшись чаю,* утомление усыпило его (Вельтм., Саломея, 6, III).

С условно-временны́м значением:

Читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне на сердцу (Пушк., п. Вяземскму, апр.— первая половина мая 1824); *Перечитывая «Наложницу»,* меня всегда поражает легкость и верность ее слога в сравнении с прежними моими поэмами (Борат., п. Н. В. Путяте, июнь (?) 1831).

Со значением условия и уступки (сравнительно редко):

Дорогою будет нам ужаснейшая скука, *не делавши ничего* (Гоголь, п. матери, 10 июня 1825); *Не шевеля почти и поводов,* Конь слушался его лишь слов (Крыл., Конь и всадник); Странно намерение, *зная движение неприятеля на левый фланг,* защищать Динабург, отдаленный и к обороне не приуготовленный (Ермолов, Зап., I, 1812).

Широко были распространены деепричастные обороты со значением условия и условно-временны́м значением, относящиеся к обобщенному субъекту.

Вам следует быть в полном смысле слова здоровым: *живя на деятельном поприще,* нужны все силы (Пушк., п. Я. Д. Казимировскому, 15 июня 1846); [Г о р о д н и ч и й] Конечно, прилгнул немного. Да ведь *не прилгнувши,* не говорится никакая речь (Гоголь, Ревизор, III, 9); [Ч а ц к и й] В повозке так-то, на пути, Необозримою равниной, *сидя праздно,* Всё что-то видно впереди (Гриб., Горе от у., IV, 3); *Измеряя свои произведения исполинскою мерою чужих гениев,* нам свысока видится своя малость еще меньшею (Марл., Взгл. на русск. словесп. 1824 и нач. 1825 гг.).

К 40-м годам XIX в. выходят из употребления деепричастные обороты описываемого типа со значением причины. Их ранний уход мог быть вызван отчасти тем, что конструкции именно с этим значением воспринимались как наиболее очевидные галлицизмы, отчасти и тем, что деепричастные обороты с субъектом действия, не совпадающим с субъектом действия глагола-сказуемого, были захвачены общей тенденцией к сокращению употребительности и утрате отдельных групп деепричастных оборотов со значением причины (см. § 6).

Выходят из употребления также редкие уже и в первой трети XIX в. деепричастные обороты со значением условия и уступки (за исключением деепричастных оборотов со значением условия, относящихся к обобщенному субъекту). Причины ухода здесь отчасти могли быть те же, что и отмеченные выше по отношению к деепричастным оборотам с причинным значением.

Остальные группы (со значениями временны́м, условно-временны́м и условным) к середине XIX в. сократили употребительность, но не вышли окончательно из употребления.

Подавляющее большинство деепричастных оборотов, встречающихся в середине и во второй половине XIX в., имели значение временно́е. Деепричастие в них было связано со сказуемым отношениями предшествования или одновременности.

Выходя из университетских ворот, нас встретили ворота тюрьмы (Герц., Б. и д., 4, XXX); *Приехав к границе шпионской (австрийской),* желтый цвет будок с черными полосами сменил нам самостоятельное чувство Сардинии на удушливые вздохи Ломбардии (Стасов, О знач. Иванова [Из зап. книжки А. Иванова]); Но, *поровнявшись с Литвиновым,* лицо генерала мгновенно изменилось (Тург., Дым, XIX); *Вспоминая об этом после, ярко, ясно,* эта минута отчеканилась в нем навеки (Дост., Прест. и наказ., 1, VI); В аллее, и *уже подъезжая к отелю,* у ней начали вырываться восклицания (Дост., Игрок, XII); *Поселившись теперь в деревне,* его мечта и идеал были в том, чтобы воскресить ту форму жизни, кото-

рая была не при отце..., но при деде (Л. Толст., Дьявол, 1); *Читая эти рассказы,* у нас не однажды появлялось желание, чтобы то знание страны, каким владеет автор, не осталось в границах беллетристики (В. Е., 1890, окт.).

Тот факт, что деепричастные обороты рассматриваемого типа сохранялись дольше, чем аналогичные деепричастные обороты со значением причины, объясняется тем, что, с одной стороны, их не могла коснуться общая тенденция к уходу деепричастных оборотов, в которых деепричастие и сказуемое не были связаны временны́ми отношениями предшествования или одновременности; с другой стороны, они, по-видимому, в меньшей степени, чем, например, причинные обороты, воспринимались как прямые галлицизмы: такие обороты изредка встречались и в памятниках русской письменности до распространения французского влияния, кроме того, они всегда были возможны в разговорной речи, откуда легко могли попасть и в речь письменную. Поэтому возможность употребления таких оборотов вообще не утратилась, несмотря на то, что они никогда не признавались нормативными.

Чаще всего возможны были такие случаи, когда подлежащее предложения было выражено именем существительным со значением мысли, чувства, внутреннего состояния и под.: подлежащее в этих случаях менее всего могло быть отождествлено с субъектом действия деепричастия, поэтому такие обороты были наименее затруднительны для понимания (ср.: *выходя из университетских ворот,* нас встретили ворота тюрьмы и: *читая эти рассказы,* у нас не однажды появлялось желание...).

Деепричастные обороты с условно-временны́м значением еще употребляются в середине XIX в., хотя они в большей степени имели тенденцию к уходу, чем деепричастные обороты с временны́м значением.

Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня (И. Пущин, Зап. о Пушк.); *Сравнивая московское общество перед 1812 г. с тем, которое я оставил в 1847 году,* сердце бьется от радости (Герц., Б. и д., 4, XXVI).

Не вполне утратили возможность употребления и деепричастные обороты с условным или условно-временны́м значением, относящиеся к обобщенному субъекту:

Действуя же бургонским точно таким же образом, т. е. отправляя его через желудок в вены и оттуда в голову, выходит результат совсем иной (Герц., Докт. Крупп., Объяснит. прибавл. от авт.); Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, как *смотря на него отсюда, с моста, не доходя шагов двадцать до часовни,* так и сиял (Дост., Прест. и наказ., 2, II).

Перестали, однако, употребляться деепричастные обороты с глаголами движения типа: *Переехавши Иртыш,* на самом берегу реки расположен город Каинск (М. Пущин, Из дневн. 1826 г.).

§ 22. В безличных предложениях редко встречались деепричастные обороты, в которых субъект действия деепричастия не совпадал с лицом или предметом, испытывающим состояние, выраженное главным членом безличного предложения (Сам говоришь, что до вечера никак не доживет, а выписал столь дорогое лекарство, и такое еще множество, что, *принимая сим образом по ложке*, на целый месяц его станет. Болот., 2, 120). Поэтому деепричастные обороты не употреблялись в предложениях, в которых безличный глагол по своему значению не предполагал наличие субъекта. Обычно субъект действия деепричастия совпадал с субъектом состояния, выраженного сказуемым. Чаще всего в основной части предложения содержалось косвенное указание на субъект действия деепричастия, при отсутствии же такого указания его всегда легко восстановить (в виде личного местоимения в косвенном падеже). Деепричастные обороты в безличных предложениях имели значение времени, причины и условия [26].

Будучи в гостях у одного из здешних дворян, до сведения моего дошло, что... (Путеш. критики, XX); *Подъезжая к нашей квартире*, вздумалось нам с ним порезвиться и с князем моим сыграть небольшую комедию (Болот., 1, 31); Сказал, что *служа из одной чести* простительно мне сделать такую маловажную ошибку (Изм., Евгений, 4, 11); Никогда бы, *живучи в свете*, не пришло мне на мысль отгадывать причину сей надписи (Новиков, Пословицы росс.); *Стоя на одном месте*, погибнуть бы нам должно было (Радищ., Путеш., Чудово).

В безличных предложениях, как и в личных, употреблялись деепричастные обороты с условным или условно-временны́м значением, в которых действие деепричастия относилось к обобщенному субъекту:

[Добросердов] *Пришедши в раскаяние*, тяжко людей обманывать (Лукин, Мот, любовию исправленный, 1, 8); *Подходя к ним*, кажется, что идешь в Нептуново царство (Фонв., п. родным, июль 1784); В дороге, *ехав безостановочно до Москвы*, довольно месяца (Фонв., п. родным, 12/23 июля 1785) [27].

В XIX в., как и во второй половине XVIII в., редко встречались такие безличные предложения с деепричастным оборотом, в которых безличный глагол по своему значению не предполагал

---

[26] Здесь не рассматриваются деепричастные обороты в инфинитивных предложениях, где деепричастие относилось непосредственно к инфинитиву и имело чаще всего значение образа действия.

[27] Деепричастные обороты с условным значением, в которых действие деепричастия относится к обобщенному субъекту, встречаются в пословицах: *бившись с козой* — не удой; *бившись с коровой* — не молоко; бобы не грибы: *не посеяв* не взойдут; *не терши, не мявши* — не будет и калач; *не поужинавши* легче, а *поужинавши лучше*; *не евши* тощо, а *поевши* тошно; изведан друг, *куль соли вместе съевши* (из примеров, приведенных в кн.: Д. Н. Кудрявский. К истории русских деепричастий, стр. 69).

наличия испытывающего состояние субъекта или когда субъект действия деепричастия не совпадал с субъектом состояния, выраженного безличным предложением:

Выехав из дому в сырую и свежую погоду, через несколько дней после Орла повеяло теплым дыханием весны (М. Глинка, Зап., 5); Отъезд государя произвел на войска неприятное впечатление. *Появляясь каждый день веселым и сохранившим спокойную наружность,* не только не было мысли об опасности, но никому не представлялись обстоятельства худыми (Ермолов, Зап., I, 1812).

Безличные предложения с деепричастными оборотами на протяжении XIX в. не претерпели существенных изменений. Влияние французского языка во второй половине XVIII — первой трети XIX в. можно видеть в их относительно широком распространении в этот период, а также в употреблении деепричастных оборотов с причинным значением (ср. аналогичное явление в области личных предложений). На протяжении XIX в. общая употребительность безличных предложений с деепричастными оборотами несколько снижается, а деепричастные обороты с причинным значением почти выходят из употребления к середине века.

Деепричастные обороты со значением времени и условия (обычные в разговорной речи) сохраняются на протяжении всего XIX в. Чаще всего в основной части предложения содержалось косвенное указание на субъект действия деепричастия.

С временны́м значением:

Перебирая в мыслях всех своих знакомых и приятелей, Чарову пришло наконец на мысль, что все они ему должны (Вельтм., Саломея, 12, IV); *Возвратившись раз поздно ночью домой,* мне приходилось идти задними комнатами (Герц., Б. и д., 4, XXVIII); *Отъехав с полверсты,* мне стало холодно ногам (Л. Толст., Крейц. соната, XXIII); Он убеждается, что, *примирив таким образом прозу с поэзиею,* можно ездить не на тонконогих «пегасах», а на хороших рысаках орловской генеалогии (Стрекоза, 1876, № 9).

В деепричастных оборотах с условным и условно-временны́м значением действие деепричастия в подавляющем большинстве случаев относилось к обобщенному субъекту:

По любя,— ужель судьбе Нам покорствовать не больно? (Дельв., Разговор с гением); Главное дело в том, что *сказавши ему,* нельзя не сказать сестрам, не обидевши их (Пущин, п. М. П. Пущиной, 10 июня 1857), Но тут, *сидя на грязном залавке передней с утра до ночи или стоя с тарелкой за столом,* нет места сомнению (Герц., Б. и д., 1, II); *Глядя издали на такие дома,* всегда почему-то чувствуется, что в них люди живут тихой и уютной жизнью (Купр., Виктория).

Деепричастные обороты со значением причины употреблялись в безличных предложениях в основном в первой половине века:

Проведя несколько часов сряду в душной избе, ему захотелось наконец поосвежиться (Загоск., Ю. М., 2, I); Губернская светская жизнь довольно утомительна, и *то выезжая, то принимая у меня,* мало остается досуга (Борат., п. И. В. Киреевскому, янв. 1832); И впрочем, *замуж выйти не желая,* Что было ей тащть свои лета? (Лерм., Девятый час...).

Итак, в XIX в. произошло сужение и специализация функций деепричастных оборотов. Окончательно определилась в качестве основной функция обозначения второстепенного действия и обстоятельства образа действия — с относительным значением времени у деепричастия; это было поддержано распространившимися во второй пол. XIX в. оборотами со сравнительным значением.

В процессе сужения функций деепричастными оборотами были утрачены многие черты их функционирования, которые были наследием предшествующего периода. Резко сократили употребительность и частично вышли из употребления разнообразные обороты, в которых была ослаблена или отсутствовала временнàя связь деепричастия со сказуемым, обороты, эквивалентные частям сложного предложения. Был ограничен, таким образом, круг синонимических связей деепричастных оборотов. В этом процессе проявилось общее стремление синтаксиса русского языка в XIX в. к дифференциации и специализации функций и их формальных показателей.

Процесс сужения и специализации функций сопровождался ограничением возможностей сочетания деепричастий с другими частями речи и упрощением структуры деепричастных оборотов. Резко сократилась употребительность оборотов, относившихся к именному сказуемому; оборотов с деепричастиями *будучи, быв (бывши),* эквивалентных придаточным предложениям с именным сказуемым; оборотов, относившихся к не предикативно значимым членам предложения, выраженным именем существительным; оборотов, относившихся к причастию. Была утрачена возможность соединения деепричастных оборотов с основной частью предложения такими средствами связи, которые были обычны для сложных предложений. Были утрачены построения с подлежащим в середине деепричастного оборота и с деепричастием в конце деепричастного оборота. Таким образом, специализация функций деепричастных оборотов в XIX в. привела к большему единообразию их структуры по сравнению с концом XVIII — нач. XIX в.

В процессе освобождения русского литературного языка от галлицизмов во второй половине XIX в. постепенно и разными путями выходят из употребления деепричастные обороты, в которых субъект действия деепричастия не совпадал с субъектом действия сказуемого.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ

§ 1. В области причастных оборотов на протяжении XIX в. не произошло таких изменений, которые затрагивали бы основные черты их структуры и системы значений. Преобразование синтаксической системы русского литературного языка в первой трети XIX в. отразилось, главным образом, на характере употребления причастных оборотов. Ориентация на сближение синтаксиса книжной речи с синтаксисом разговорной речи, стремление к устранению громоздких синтаксических структур коснулось и такой сугубо книжной категории, как причастные обороты: эти тенденции привели к некоторой умеренности в употреблении причастных оборотов по сравнению с концом XVIII — первыми двумя десятилетиями XIX в. В конце XVIII — нач. XIX в. многие авторы предпочитали предложения, многократно осложненные причастными оборотами, нагроможденными друг на друга, цепям простых предложений или сложным предложениям, где соответствующие значения могли быть выражены простыми или частями сложного предложения. Уже в 20-е годы XIX в. такая синтаксическая структура текста становится невозможной.

Вопрос об употреблении причастий в первой трети XIX в. неоднократно становился предметом споров и разногласий [1]. Этот вопрос возникал в связи с более общим вопросом о том, какой язык — книжный или разговорный — должен быть образцом «хорошего слога» и в какой мере допустимы в нем те или иные книжные или разговорные элементы. Причастия здесь фигурировали как одна из наиболее типичных категорий книжного языка. Мнения по этому вопросу высказывались прямо противоположные. Употребление придаточных предложений на месте причастных

[1] См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русск. лит. языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 181; Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 279—280.

оборотов, принимавшее в начале XIX в. все более последовательный характер, вызывало протесты со стороны писателей и грамматиков с архаизаторскими тенденциями, считавших наплыв разговорных элементов в письменную литературную речь признаком плохого вкуса. Придаточные предложения с *который* расценивались в эту эпоху как конструкции с резкой разговорной окраской. В. Кюхельбекер в 1824 г. говорил о порче русского языка, из которого «изгоняют... все речения и обороты славянские». «В самой прозе,— писал он,— стараются заменять причастия и деепричастия бесконечными местоимениями и союзами»[2]. В 30-е годы О. Сенковский в крайне резкой форме высказывал противоположную точку зрения: он протестовал против употребления причастий вообще, так как они не свойственны «живому», «природному» русскому языку. Приведя пример «отвратительного солецизма» — *отличавшийся изданною им книжкою*, Сенковский пишет, что вместо этого «безвкусного» выражения следовало бы, сказать «коротко и естественно»: «господин такой-то, который уже в прошлом году отличился прекрасною книжкою, дарит нас теперь, и прочая»[3] Н. Греч, возражая Сенковскому, писал, что «гораздо лучше, приятнее, выразительнее, короче употреблять причастия и деепричастия, нежели затычки: *который, кой, как, так, после того что, когда, тогда* и т. п. На это возгласят, что у нас они не употребляются в изустном разговоре. Вольно говорить дурно!»[4]. Возражая Сенковскому, А. С. Пушкин высказал точку зрения, отразившую подлинную тенденцию развития синтаксиса литературного языка в XIX в.: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей* и *оный*, но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: *карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату;* Мы говорим: *которая скачет, который метет* и пр.,— заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено... Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка»[5].

В дальнейшем равноправное употребление и тех и других конструкций в книжной речи привело к некоторому смягчению той

---

[2] В. К. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. «Мнемозина», 1824, ч. 2, стр. 38.

[3] О. И. Сенковский. Письмо трех тверских помещиков к барону Брамбеусу. — В кн.: О. И. Сенковский. Собр. соч., т. 8. СПб., 1859, стр. 214.

[4] Н. И. Греч. Чтения о русск. языке, ч. II. СПб., 1840, стр. 44.

[5] А. С. Пушкин. Письмо к издателю. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 96.

резкой стилистической противопоставленности причастных оборотов и равнозначных им придаточных предложений, которая так остро ощущалась в первой трети XIX в. Этому способствовало и одновременное ослабление стилистической окраски книжности у действительных причастий, которые воспринимались в первой трети XIX в. как церковнославянизмы [6].

В середине XIX в. стилистические оценки в целом уже носили более умеренный характер. Например, Буслаев, отметив, что «в речи книжной свободно употребляются все формы причастий», далее говорит, что в «легком слоге» они «отяготительны», и приводит примеры: «у Бат.[юшкова] „юнона, наливающий фалернское, дай горького“ I, 14; у Жук[овского] „кто ты, все озаряющий, прелестью дышащий, душу радостной мукой объемляющий?“ 5, 360» [7].

ИЗМЕНЕНИЯ В ФУНКЦИЯХ ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ С ПОЛНЫМИ ФОРМАМИ ПРИЧАСТИЙ

§ 2. Система значений причастных оборотов на протяжении XIX в. сохранилась в том же виде, в каком она существовала в конце XVIII — нач. XIX в.; ни одна из прежних функций не была утрачена, не появилось также и новых функций. Однако внутри этой системы произошли некоторые перераспределения количественного порядка: рост употребительности тяготеющих к сказуемому причастных оборотов с действительными причастиями и убывание тяготеющих к сказуемому причастных оборотов с страдательными причастиями.

Эти два процесса протекали независимо один от другого. История названных типов причастных оборотов была связана с судьбой соответствующих групп причастий (действительных или страдательных); эти обороты имели каждый свои синонимические соответствия среди других синтаксических конструкций — частей сложного предложения и деепричастных оборотов.

В конце XVIII — нач. XIX в. широко употреблялись причастные обороты со страдательными причастиями, имев-

---

[6] См.: В. В. Виноградов. К истории лексики русск. лит. языка. «Русская речь», Новая серия, I, Л., 1927, стр. 104—105; Л. А. Булаховский. Курс. русск. лит. языка, т. II, стр. 217. Некоторые исследователи высказывают предположение, что утрата многими отглагольными прилагательными процессуальных значений была связана с переходом этих значений к действительным причастиям наст. и прош. вр., расширявшим в XIX в. круг глаголов, от которых они могли образовываться, и приобретавшим, таким образом, все большую активность (см.: И. С. Ильинская. К истории словарного состава русск. лит. языка XIX в. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. III, М., 1953, стр. 174; Е. А. Земская. Словообразование прилагательных в русск. лит. языке XIX в. ВЯ, 1962, № 2, стр. 42).

[7] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, § 198, стр. 376.

шие, с одной стороны, определительное значение (или значение добавочного сообщения) (а), с другой стороны — тяготеющие к сказуемому и выражающие различные обстоятельственные значения (состояния в момент совершения действия, причины, времени, условия и уступки) (б).

а) Человек, *обладаемый сим пороком,* недостоин соболезнования (Трутень 1769, май); Радость, *чувствуемую от сего,* не почитаю я за нужное описывать подробно (Болот., 1, 29); Ведет в пути непроходимом По темным дебрям, по тропам, Под заревом, *от молньи зримом,* И по бегущим облакам (Держ., На переход Альп. гор); Греция вспомнила бедствия, *претерпенные некогда ею от флотов российских* (Карамз., И. Г. Р., II, П);

б) Несколько дней была жена его в беспокойстве о судьбе его и, *терзаемая раскаянием,* пришла к нему (Фонв., п. П. И. Панину, авг. 1778); *Рожденный быть простым гражданином,* стал он великим человеком (Фонв., Сл. похв. Марку Аврелию); Земля, насыпанная на дороге, сделав ее гладкою в сухое время, *дождями разжиженная,* произвела великую грязь среди лета (Радищ., Путеш., Тосна); *Уязвленный сопротивлением сея республики,* сей гордый, зверский, но умный властитель хотел ее разорить до основания (Там же, Новгород); *Спрошенный же в классе наставником,* испытующим его память, повторял он громко слова, произносимые ему тихо услужливыми его приятелями (Изм., Евгений, 1, IX); Герои древности, *побеждаемые силою и щастием,* лишали себя жизни (Карамз., Марфа Посадн., 3).

Причастные обороты с действительными причастиями употреблялись в описываемую эпоху преимущественно в определительном значении — в значении добавочного сообщения:

Не менее также доволен я был одним, *бывающим почти всякий день у дяди моего,* гостем (Болот., 1, 17); Да отжену темноту, *проницанию взора твоего препятствующую* (Радищ., Путеш., Спасск, Полесть); *Блиставший на своем восходе,* Не тмился ль часто в полдень Феб (Держ., На Новый 1798 год); О вы, для коих я хотел врагов разить, *Не сделавших мне зла!* (Карамз., Посл. к женщинам); Я не выходил еще из своей опочивальни, как услышал вопль Марьи, *меня всюду не находящей* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, X);

Причастные обороты с действительными причастиями, тяготеющие к сказуемому, в описываемую эпоху употреблялись относительно редко. Однако такие случаи встречались — преимущественно с причинным оттенком значения:

Тогда увидели жители острова сделанную ошибку в выборе государя: но не утверждаются в оном. *Привыкнувшие к суеверию,* ожидают впредь своего счастия (Новиков, Пословицы росс.).

На протяжении XIX в. растет употребительность причастных оборотов с действительными причастиями, тяготеющих к сказуемому. В связи с этим процессом начинают употребляться шире, чем в начале рассматриваемого периода, причастные обороты с действительными причастиями в предложениях, где подлежащее выражено личным местоимением в именит. падеже[8] (причастные обороты, не имеющие определительного значения и тяготеющие к сказуемому, легко могут относиться к подлежащему, выраженному местоимением, в то время как причастные обороты с чисто определительным значением обычно определяют существительное и избегают местоимений; сказанное относится только к личным местоимениям в именит. падеже, так как при косвенных падежах местоимений причастные обороты были обычны в конце XVIII — нач. XIX в.— см. § 4).

Привыкшая к суровому обращению своей матери, к ее совершенному отсутствию всякой любезности, Зинаида должна была видеть в каждом ласковом слове несомненный признак высокого сердца (В. Одоевск., Кн. Зизи); Результатом этого разговора было то, что я, *мечтавший прежде, как все дети, о военной службе и мундире, чуть не плакавший о том, что мой отец хотел из меня сделать статского,* вдруг охладел к военной службе (Герц., Б. и д., 1, II); Она, *дрожавшая над каждой копейкой,* ничего для него не жалела (Писемск., Тыс. душ, 2, I); Он, *сделавший уже три летние кампании и поэтому горделиво считавший себя опытным моряком,* был несколько обижен (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 3, IV); Теперь он, *кричавший некогда против авторитетов,*— сам авторитет (Тург., Дурак); *Совсем почти потерявшийся от страха за него и за всех,* Алеша успел, однако, поддержать его за руку (Дост., Бр. К., 2, VI); Боюсь, на бледный облик мой Падет твой взор неблагосклонный, И я очнусь перед тобой. *Угасший вдруг и опаленный* (Фет, Ты вся в огнях. Твоих зарниц...); *Постоянно напряженно думающий,* Никишка отнюдь не был философом, способным забыть про еду (Серг.-Ценск., Счастье, II); Но сама — *вся дрожащая* — встань (Анненск., Струя резеды в темном вагоне).

---

[8] Чернышев, говоря о том, что «при личном местоимении чистый русский язык не допускает определительного придаточного предложения, как полного, так и сокращенного посредством причастия», приводит, однако, пример причастного оборота не с определительным значением, но тяготеющего к сказуемому: «Я, мало *вступавший* в подобные разговоры с моим отцом, торжественно сообщил ему о глупости Федора Карловича». Герц. Б. и д. (В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 195). Причастные обороты этого типа начинают шире употребляться уже во второй половине XIX в. Не вполне точно предположение Л. А. Булаховского, относящего подобные обороты к XX в. («Курс русск. лит. языка», т. I, стр. 378).

Причастные обороты с действительными причастиями, тяготеющие к сказуемому, частично (наряду с придаточными предложениями) принимали на себя функции выходивших из употребления деепричастных оборотов, эквивалентных придаточным предложениям с обстоятельственными значениями (см. главу «Изменения в области деепричастных оборотов; § 5—8).

В области причастных оборотов со страдательными причастиями наблюдались две тенденции.

С одной стороны, в течение XIX в. снижается употребительность причастных оборотов со страдательными причастиями наст. вр.[9], широко распространенных в конце XVIII — первой трети XIX в.

Беспрестанно навещаемый Опальским, Дубровин почитал обязанностью навещать его по возможности столь же часто (Борат., Перстень); Молодой извозчик мой одет был вовсе не по-дорожному и, *проницаемый не на шутку холодом,* заплакал (Марл., Страшн. гаданье); Я уж задумывался и, *тревожимый непонятным чувством,* искал чего-то (Лажечн., Последн. Новик, 1, 6).

На протяжении XIX в. причастным оборотам со страдательными причастиями наст. вр. все чаще предпочитаются равнозначные им активные конструкции (придаточные предложения с *который* или части сложносочиненного предложения; ср.: *извозчик, которого проницал не на шутку холод, заплакал* или: *извозчика проницал не на шутку холод, и он заплакал*).

Снижение их употребительности сопровождалось ограничениями стилистического порядка. Во второй половине века они употреблялись чаще в книжной и деловой речи.

С другой стороны, произошло некоторое ограничение функции причастных оборотов со страдательными причастиями, тяготеющих к сказуемому. К концу первой трети XIX в. снизилась употребительность тяготеющих к сказуемому причастных оборотов со значением времени. В первой трети XIX в. в текстах повествовательного характера были распространены причастные обороты (преимущественно с причастиями страдательными прош. вр.) со значением действия, предшествующего действию, выраженному сказуемым, или следующего за ним. Такие причастные обороты не определяли подлежащее, но содержали новое о нем сообщение, входя в последовательный ряд других сообщений, выраженных сказуемыми, окаймлявшими обычно причастный оборот. Некоторые авторы обнаруживали особое пристрастие к такому употреблению причастных оборотов (например, Карамзин в «Истории Государства Российского»).

---

[9] Об ограничении возможностей образования страдательных причастий несов. вида в современном русском языке см.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 220.

Некто, житель города Любеча, одушевленный христианским усердием, захотел видеть Святую гору, возлюбил житие монахов Афонских, и *постриженный в их обители*, был назван Антонием (Карамз., И. Г. Р., II, IV); Князь, соединясь с Давидом Черниговским и с Ольговичами, взял город Вячеславль, Оршу, Копыс; осаждал Минск, смирил Глеба, и *вновь им оскорбленный*, привел его как пленника в Киев (Там же, VII); Авары славились могуществом в степях Татарии; но *в шестом веке побежденные турками*, ушли из земли своей (Там же, I, I); 21 августа Пугачев подступил с обыкновенной дерзостию. *Отбитый с уроном*, он удалился за восемь верст от крепости (Пушк., Ист. Пугач., 8); *Извещенный мною из-под Смоленска о решительном направлении всей французской армии к Красному*, светлейший думал атаковать ее на марше (Д. Дав., Дневн. партизанск. действий); Короли Венгерские долго состязались с ними за Далмацию. В 1250 г., *соединенные с французами*, они завоевали Константинополь (Моск. телеграф. 1826, № 5).

Для более позднего периода уже было менее характерно такое употребление причастных оборотов [10]. В этой функции обычно использовались другие конструкции: сказуемое, входящее в ряд однородных сказуемых («он был отбит с уроном и удалился»); придаточное предложение с временным значением («после того как он был отбит с уроном, он удалился»); деепричастный оборот с *будучи* («будучи отбит с уроном, он удалился»); часть сложносочиненного предложения («его отбили с уроном, и он удалился»).

Таким образом, в функционировании причастных оборотов наблюдались два параллельных процесса, характерных для синтаксиса русского литературного языка XIX в.: общий рост активных конструкций и убывание пассивных конструкций.

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ С КРАТКИМИ ФОРМАМИ ПРИЧАСТИЙ

§ 3. Особой была судьба причастных оборотов с краткими формами причастий. В конце XVIII в. они употреблялись в прозаической и — чаще — в стихотворной речи:

Направил шествие свое к берегу, *сопровождаем чистосердечнейшими нашими молитвами* (Радищ., Путеш., Чудово); *Побуждаем сим размышлением*, берет он заплесневший пергамин (Новиков, Пословицы росс.); *Порабощен одному или*

---

[10] В современном языке обособленные определения с временным значением малоупотребительны, при этом временно́е значение у них обычно сочетается с причинным или условным (см.: Е. А. Назикова. Обособленные определения с обстоятельственным значением. «Изв. Воронежского гос. пед. ин-та», т. XX, 1956).

нескольким рабам своим, почему он самодержец? (Фонв., Рассужд. о непременных гос. законах); Катерина обыкновенно пела, играла, танцевала, *руководствуема всегда и во всем князем* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, XII).

Иль винограда ветвь младая, Когда подпоры лишена, Поблекнет долу упадая, Но, *ветерком оживлена,* Вкруг стебля нового средь лета Обвившись листьями, встает (Держ., На брак графини Литты); Я не архангел Гавриил, Но, *воспоен пермесским током,* От Аполлона быть пророком Сыздетства право получил (И. Дм., К Маше); Но вид еще иной открылся: Расколот шлем, *лишен подпруг,* С черноодетого скатился (Вост., Светлана и Мстислав); Тогда явилась колесница, *Ведома парою коней* (Там же).

В начале XIX в. причастные обороты с нечленными формами причастий уходят из прозаической речи. В этом процессе, по-видимому, сыграла роль их «поэтическая» окраска: как уже сказано, во второй половине XVIII в. причастные обороты с нечленными формами причастий употреблялись чаще в стихотворной речи, чем в прозаической, и преимущественно в высоком слоге. В то же время они имели в прозаической речи равнозначные по функции (тяготеющие к сказуемому) и более употребительные обороты с полными формами страдательных причастий (см. § 2). В стихотворной речи, напротив, в первой трети XIX в. наблюдается активизация причастных оборотов с нечленными формами причастий, тяготеющих к сказуемому.

Отыдет с миром он и, *верой укреплен,* Мучительной кончины не приметит (Батюшк., Умирающий Тасс); Но, *упоен любовью страстной,* И нежных муз не забывай (Пушк., К Батюшкову); *Твоим огнем душа палима,* отвергла мрак земных сует (Пушк., В часы забав иль праздной скуки...); Душа, *двойным огнем согрета,* В тебе не может охладеть (Вяземск., К партизану-поэту); *Обманут небом и мечтою,* Я проклял жребий и мечты (Веневит., Посл. к Рожалину); Безделья вольного сыны, *Томимы грустью безутешной,* Поем задумчивые сны И грезы молодости грешной (Языков, Гр. Д. И. Хвостову); *Страстьми земными несмущаем,* Он не терялся никогда (Лерм., Тамбовск. казначейша, XVI) [11].

В романтической прозе 20—30-х годов эти формы получают распространение, по-видимому, под влиянием стихотворной речи.

Очарованы их волшебными красками, увлечены невероятною мечтой, мы поднимаем их, рассматриваем (Лерм., Вадим, XVIII); *Еще волнуем бурными страстями,* я был недоступен тогда истинному раскаянию (Марл., Страшн. гаданье);

---

[11] Многочисленные примеры подобного употребления см.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 325—326.

Вооружен адскою злобою, ты не скинул с себя людской трусости (Марл., Изменник, III); Ты одна могла ценить мою любовь, и я, *неутешен взаимностью,* сойду в могилу — и за тебя! (Марл., Испытание, VIII).

Позже причастные обороты с нечленными формами причастий, тяготеющие к сказуемому, окончательно уходят из прозы и становятся специфической принадлежностью стихотворной речи. Однако и здесь наблюдается некоторый спад этих форм по сравнению с первой половиной века.

За горами, песками, морями Вечный край благовонных цветов, Где, *овеяны яркими снами,* Дремлют розы, не зная снегов (Фет, За горами, песками, морями...); *Окрылены неведомым стремленьем,* Над всем земным — В каком огне, с каким самозабвеньем Мы полетим! (Фет, Люби меня!); Из морской дали туманной,— *Бледным сумраком одет,* Уж сквозит рассвет багряный, Дышит холодом рассвет! (Бунин, Долог был во мраке ночи...); *Томим горячкой ожиданья,* Каких я благ не презирал? (Анненск., Тоска кануна).

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ И СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИЧАСТНЫМИ ОБОРОТАМИ

§ 4. В конце XVIII — первой трети XIX в. были широко распространены причастные обороты с определительным значением, относившиеся к личному местоимению в косвенном падеже — преимущественно в винительном. Такое употребление было связано с сохранившимся еще в эту эпоху вторым винительным причастия [12].

Второй винительный причастия, относившийся к личному местоимению, чаще всего употреблялся при глаголах восприятия:

Дабы подать ему помощь, если он увидит его *изнемогающа в достижении берега* (Радищ., Путеш., Чудово); Видит **себя *на корабле плывущего среди моря*** (Новиков, Пословицы росс.); Удивился сам полковник наш, услышав меня *говорящего по-немецки гораздо лучше прежнего* (Болот., 1, 25); Проходя мимо этих скотов, видел их *сидящих в шляпе с крайним неучтивством* (Фонв., п. родным, 31 дек. 1777); Идучи мимо того дома, где живет Гёте, видел я его *смотрящего в окно* (Карамз., П. р. п., 21 июля); Что бы он подумал, увидев ее *бежавшую?* (Погорельск., Монастырка, XX).

---

[12] О втором винительном причастия в XVIII—XIX вв. см.: А. А. Потебня. Из зап., т. I—II, стр. 310; Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 332—333; В. И. Чагишева. Употребление второго винит. падежа в русск. лит. языке XVIII в., «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 111, 1955; ее же Второй винит. падеж в русск. лит. языке XVIII в. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 122, 1956.

Винительный причастия в значении второго предикативного падежа в начале XIX в. представлял собой безусловно явление архаическое. В эту эпоху в соответствующих случаях, с одной стороны, явно преобладали придаточные предложения, с другой стороны, второй винит. причастия частично вытеснялся творит. предикативным. Однако писатели с архаизаторскими тенденциями склонны были считать второй винит. причастия и придаточное предложение конструкциями одинаково допустимыми [13]. После 20-х годов XIX в. случаи, подобные приведенным выше, встречаются уже крайне редко (см., например, у Достоевского, склонного к употреблению архаических конструкций: никогда *не слыхал ее поющую.* Кроткая, 2, II; заметил *вас в темноте убегающего.* Бр. К., 9, VI).

В конце XVIII — нач. XIX в. чаще, чем второй винит. причастия с чисто предикативным значением, употреблялся, как уже было отмечено выше, второй винит. причастия в причастных оборотах с определительным значением (дополнительного сообщения) или значением, колеблющимся между определительным и предикативным. Такие причастные обороты обычно обнаруживали тенденцию к обособлению.

> Европа, Азия и Африка зрели нас, *в странствовании* и *гонении искавших убежища в пещерах зверей диких* (Фонв., Сл. похв. Марку Аврелию); С каким восторгом бы тебя, Тиран, *угасшего* узрела! (Рыл., Рогнеда); Возвратившись оттуда в комнату, в которой оставил хозяина, увидел он его, *прохаживающегося по ней взад и вперед большими шагами* (Изм., Евгений, 4, IV); Рад я был неведомо как сему случаю и смотрел не спуская глаз на его, *читавшего в то время представление генеральское* (Болот., 1, 29); Видя меня, *позади многих в унынии стоящего,* сказал мне... (Шаховск., Зап.).

Такое употребление причастных оборотов изредка встречается и позже:

> И, действительно, я его видел раз *отправляющегося на какую-то свадьбу во фраке* (Герц., Б. и д., 1, II); Он вдруг его увидал сидящим в кресле, хотя с изможженным от слабости, но с бодрым и веселым лицом, *окруженного гостями* и *ведущего с ними тихую и светлую беседу* (Дост., Бр. К., 6, I).

Можно предполагать, что в первой трети XIX в. употребление второго винит. причастия было не только уходящим наследием предшествующего состояния языка; в течение некоторого времени оно в какой-то степени поддерживалось влиянием французского языка, где соответствующее употребление причастий было обычным. См., например, буквальный перевод с французского: Le jeune marchand russe, les voyant *plongés dans le sommeil de l'ivresse,*

---

[13] См.: А. С. Ш и ш к о в. Рассуждение о старом и новом слоге. СПб., 1803, стр. 176—177.

consut l'idée de les faire mourir. «Молодой купец, видя их *погруженных в пьяный сон*, вздумал их умертвить». Причастием мог переводиться и инфинитив: On a vu les fils... *faire de service pendant cette guerre*. «Видели сыновей... *находящихся на службе в продолжение сей войны*» [14]. (В русском языке в этот период иногда на месте причастия употреблялся инфинитив, однако такая конструкция, естественно, рассматривалась как грубый галлицизм [15]).

К середине века второй винит. причастия со значением предикативным или колеблющимся между предикативным и определительным и относящийся к местоимению при глаголах восприятия, вышел из употребления, будучи частично заменен творит. предикативным.

В конце XVIII — нач. XIX в. винит. причастия употреблялся при местоимении, относящемся не только к глаголам восприятия, но и к глаголам с другой семантикой. В этих случаях причастные обороты обычно имели чисто определительное значение:

> Вдруг слезы из очей ручьями извлекает, Когда поет его, *подпадшего греху* (Карамз., Поэзия); А одна молодая девушка была так несчастна, что в тесноте задавили ее *упавшую и попавшую под ноги бегущим* (Болот., 1, 78); «Никандр,— сказала она,— иди сюда», и отвела меня *трепещущего* в ту же комнату, где была с незнакомцем (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, III); И нас, *сидящих меж кустами,* Своей гармонией пленял (Рыл., Утёс); Люблю тебя, проказник мой, *В тиши поющего ночной* (Языков, Отъезд).

Такие причастные обороты сократили употребительность к середине века. Они, однако, не имели соответствия в конструкциях с творит. предикативным, так как лишены были предикативного значения. Относительно редкие случаи такого употребления причастных оборотов в середине и особенно во второй половине века встречаются в стихотворной речи, реже — в прозаической:

> Его, *взалкавшего,* на темя серых скал Князь мира вынес величавый (Фет, Когда божественный бежал людских речей...); И в ночи жгучих слез, прильнувши к изголовью, Тебя, *угасшую,* из гроба призывал! (Надсон, Для отдыха от бурь и тяжких испытаний...).

Уход причастных оборотов с определительным значением, относившихся к местоимению, объяснялся, по-видимому, тем, что русский язык избегал определений при местоимениях [16]. Поэтому

---

[14] Примеры взяты из перевода А. М. Волковым книги: La vérité sur l'incendie de Moscou. Par le compte Rostopchine. Paris, 1823 (Правда о пожаре Москвы. Сочинение графа Ф. В. Ростопчина. М., 1823. Пер. с франц. Александр Волков).

[15] См. у Шишкова: Многие ныне вместо *я видел как вы шли* или *я видел вас идущих*, говорят и пишут: *я видел вас идти*, переводя сие с французского: je vous ai vu passer (Шишк., Рассужд., 176—177).

[16] В современном русском языке в конструкциях с обособленным определением в косвенных падежах, «где возможность обстоятельственного значе-

когда конструкция со вторым предикативным падежом перестала ощущаться как живая категория языка, второй падеж с чисто определительным значением при местоимении также не мог удержаться. Показательно, что второй винит. причастия при существительных имел другую судьбу. В начале века он был так же употребителен, как и второй винит. причастия при местоимениях:

Видели, в глубокую полночь, Иоанна и Холмского, *в тишине идущих к Софийскому храму* (Карамз., Марфа Посадн., 3); Вижу, старосту, *входящего ко мне с двумя из первостатейных князей нашей деревни* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, VIII); Возвратившись домой после заката солнца к вечернему чаю, нахожу Пушкина, *играющего в банк с Дороховым* (М. Пущин, Встр. с Пушк.).

Такие причастные обороты при именах существительных, хотя и сократили несколько употребительность на протяжении XIX в., но не были утрачены, сохранившись в чисто определительном значении, всегда возможном при существительном.

§ 5. В первой половине XIX в., особенно в первой его трети, под влиянием французского языка изредка употреблялись независимые причастные обороты с причастием в именит. падеже (полным или кратким), не определяющие какое-нибудь слово предложения, но относящиеся ко всему предложению в целом. Они обычно имели обстоятельственное значение (чаще всего причинное) и находились в препозиции по отношению к основной части предложения:

Восторгом нежным увлечен, Бывало, мне не до фигуры (И. Долгорук., Сумерки моей жизни. Старинка); [Ум] хочет шевелиться, когда не может летать, но *не занятый политикою* — весьма естественно, что деятельность его хватается за все, что попадется (Марл., Взгл. на русск. словесн. 1824 и нач. 1825 гг.); *Удаленные не обычаем, но привычкою от мужчин, потому что им нечего было говорить друг другу,* их занятием были одни пересуды (Марл., Ревельск. турнир, II); Это роза, это царица цветов: но *поврежденная бурею* — листья ее чуть держатся и беспрестанно опадают (Борат., п. Н. В. Путяте (2-я пол. февр.— нач. марта 1825)); *Обреченные на бой с чудовищной силою,* успех нам казался почти невозможным (Герц., Б. и д., 3, XX) [17].

Приведенная конструкция представляла собой кальку фран-

ния обособления исключена, почти не встречаются и определения при личных местоимениях» (Н. Н. Прокопович. Методика изучения обособленных определений. «Изв. АПН», вып. 10, 1947, стр. 114).

[17] Материалы см. в «Очерках» В. В. Виноградова, стр. 245—246. См. также: его же. Язык Пушкина. М.—Л., 1935, стр. 315—316; Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 267.

цузской абсолютной причастной конструкции без собственного подлежащего, при этом в главной части предложения содержалось косвенное указание на субъект действия или состояния, выраженного причастием. Например: Sans éducation, *sorti, du peuple* son courage avait été l'unique artisan de sa fortune militaire (Balzac). Абсолютные причастные конструкции, как с собственным подлежащим, так и типа приведенной выше, обычно имели отражение в русском языке в виде независимых деепричастных оборотов (см. главу: «Изменения в области деепричастных оборотов», § 20). Отражение этих конструкций как причастных наблюдалось относительно редко, поскольку такое употребление причастий было чуждо русскому языку. К середине XIX в. независимые причастные обороты выходят из употребления.

§ 6. До 40-х годов XIX в. были употребительны причастные обороты, включенные в придаточное предложение и относившиеся к местоимению *который*. Такое употребление причастных оборотов могло объясняться влиянием западных языков. Позже они выходят из употребления.

Много таких людей, которые, *уже и летами согбенны*, заражены еще молодостию (Новиков, Причина заблуждений человеческих); Для примера упомянем о Павлоградском гусарском, который, *составленный весь из рекрут* и не доходя еще до своего назначения, в одной сшибке с неприятелем разбил его наголову (Гриб., О кавалерийск. резерв.); Студенты сопровождали своего славного учителя, который, *поздравляемый дворянством,* советом и народом, шел с видом смирения (Моск. вестн., 1828, № 5 [в переводе с немецк.]); Атаман... имел впереди храброго партизана Сеславина, который, *не замеченный в темноте*, ворвался в город (Ермолов, Зап., I, 1812); Юноша, который, *окруженный лестию,* сыпал деньги своим льстецам (Лерм., Вадим, XX).

§ 7. В конце XVIII — первой трети XIX в. причастные обороты с определительным значением (дополнительного сообщения) могли употребляться в отрыве от определяемого слова — в препозиции и постпозиции:

Прискакал к нам один товарищ мой, князь Урусов и, вбежав к нам в зал, *его с любопытством встречающим*, учинил нам пренизкий поклон (Болот., 2, 97); Может быть, *погруженному в тихой сон*, веющий Зефир скажет тебе... (Карамз., Юлия); *Напитавшимся тонким вкусом французской литературы,* может ли нравиться нам подобное сему описание весны (Шишк., Рассужд.).

Препозиция подобных причастных оборотов встречалась относительно редко по сравнению с постпозицией и преимущественно при определяемых в косвенных падежах (причастные обороты, находившиеся в препозиции, чаще всего имели обстоятельственный оттенок значения, оправдывавший препозицию, неестественную

при определительном значении конструкции). Более обычной в рассматриваемых случаях была постпозиция:

Слуга мой, встретя меня на крыльце, сказывает мне, что кто-то ждет меня, *приехавший из Симбирска* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 2); Многие обманулись, *ожидавшие в нем соответствующих способностей и распорядительности* (Ермолов, Зап., II, 1818); Польша восстает противу России. Европа завистливо принимает ее сторону, *не имеющая понятия ни о России, ни о Польше* (Пушк., Путеш. из М. в Пб., Москва, вариант черн. ред.); Гг. журналисты виноваты, *ошибочными известиями введшие меня во искушение* (Пушк., Письмо к изд. «Моск. вестн.»).

Отрыв причастных оборотов с определительным значением от определяемых ими слов наблюдался в указанную эпоху чаще в стихах, чем в прозе.

А там, под тению кургана, *Презревший славу, сан и свет,* Лежит, низвергнув великана, Отважный инок Пересвет (Рыл., Дим. Донск.); И тусклой, неподвижной тенью, *Вновь обреченных заключенью,* Жизнь обхватила нас опять (Тютч., Е. Н. Анненковой); Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга, Которой пение и сладостно подчас Нам, людям северным, *баюкавшее нас,* Нас встретила в горах, летая, распевая (Языков, Переезд через Приморск. Альпы).

В некоторых случаях такое употребление причастных оборотов (особенно в прозаической речи) могло поддерживаться в первой трети XIX в. влиянием французского синтаксиса (случаи типа: Европа завистливо принимает ее сторону, *не имеющая понятия ни о России, ни о Польше*), для которого было характерно употребление причастий в значении дополнительного действия. В русском языке в такой позиции обычен был деепричастный оборот. В отдельных случаях русская фраза могла строиться и по образцу французской — с причастным оборотом, что облегчалось в этот период колебаниями норм в области порядка слов.

После 30-х годов постепенно затухает употребление причастных оборотов с определительным значением в отрыве от определяемого слова (ср. аналогичное явление в области относительных придаточных предложений). В стихотворной речи, однако, сохранилась возможность такого употребления.

И столько мягкости таило их движение, *Забывших яд измен и муку расторженья* (Анненск., Осень).

Ср. также в прозе начала XX в.— с намеренной архаизацией:

Они шли на подвиг, *сломившие печать молчания* (Серг.-Ценск., Молчальники, XI [1905 г.]).

§ 8. В конце XVIII в. был распространен порядок слов с определяемым словом внутри причастного оборота:

Не привыкший разум мой *к верным заключениям* попадал на многое, но всегда оставался я сам собою недоволен (Нови-

ков, Пословицы росс.); *Возмущенные* соки *мыслию* стремились, мне спящу, к голове (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); О боже! — возопил я,— когда *поверженный тобою* род человеческий *на землю* должен быть управляем, почто людей же избрал оным управлять? (Фонв., Сл. похв. Марку Аврелию); Чрез долгое время *носимый* плод сей *по морям*, и напитавшись солеными частицами довольную получает твердость и тяжесть (Лепехин, Путеш.) [18].

В косвенных падежах в такой позиции возможно было и местоимение:

Не успел генерал увидеть *вошедшего* меня *в комнату свою*, как, обрадовавшись, возопил (Болот., 2, 91); Мать моя вслушалась нечаянно в разговор их и принудила *запирающихся* их *в том* пересказать себе все девчонкою им сказанное (Там же, 1, 16).

Уже в начале XIX в. русский язык избегает такого расположения слов в причастных оборотах — в связи с общей тенденцией к постановке рядом грамматически связанных членов, в данном случае — управляемых причастием слов. Из стихотворной речи такой порядок слов уходит позже, чем из прозаической:

Счастливым пользуясь мгновеньем, *К объятой* голове *смущеньем*, Как ястреб, богатырь летит (Пушк., Русл. и Людм., 3); *Твоим огнем* душа *палима* Отвергла мрак земных сует (Пушк., В часы забав иль праздной скуки...).

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ

§ 9. В конце XVIII — нач. XIX в. были распространены причастные обороты с причастием *бывший*, равнозначные определительным придаточным предложениям с «*который* + *был*» и соответствующей именной частью. Впоследствии такие причастные обороты подверглись ограничению и частичной утрате. Утрачены были редкие, но возможные в начале описываемого периода обороты с именной частью, выраженной именит. падежом существительного, прилагательного и причастия:

Ох, матушка Татьяна Афанасьевна,— сказал Кирила Петрович Т., *бывший в Рязане воевода*, где нажил себе 3000 душ и молодую жену (Пушк., А. П. В., IV); Вопрошаемый, *бывший дальний родственник баронессе*, объяснил... (Лажечн., Последн. Новик, 2, 10); Каково же было изумление и ужас Катерины Рабе..., когда драбантский офицер, *бывший до того чрезвычайно смелый и ловкий*, смутился (Там же) [19].

---

[18] См.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика, Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 434—435.

[19] Пример из Лажечникова приводит Л. А. Булаховский как редкий случай, когда к причастию тяготеет членная форма прилагательного. См.:

Страдательное причастие в составе такого оборота могло употребляться в нечленной форме:

Двор, *бывший некогда украшен тремя правильными цветниками*,... теперь обращен был в некошеный луг (Пушк., Ист. с. Г.).

Ср. случаи сочетания с действительным причастием нечленной формы прилагательного:

Выслушай терпеливо, что скажет человек старый, никогда не забывавший о своем благородстве, *приехавший сюда полон гнева и мщения* и уезжающий с тишиною в душе и кротостью в сердце (Нарежн., Бурсак) [20].

При причастии *бывший*, стоявшем в косвенном падеже, слово именной части могло повторять падеж причастия:

Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, *бывшего мне знакомого лет 15 тому назад* (Пушк., Путеш. из М. в Пб., Шлюзы).

Сочетания с *бывший* имен в творит. падеже, распространенные в начале описываемого периода, к середине XIX в. сокращают употребительность, и во второй половине века их можно встретить уже редко:

Изумленный народ не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, *бывшие для них последнею данию суеверия* (Карамз., И. Г. Р., I, IX); Съехал в деревню к богатому казанскому помещику Макарову обучать его сына, *бывшего впоследствии игралищем фортуны и одним из остроумных наших писателей* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 1); За несколько дней до его отъезда в чужие края, дядя мой, *бывший с ним коротко знакомым еще в гвардейской службе*, описал шутливыми стихами его путешествие (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Возвратясь из маскарада, *бывший за час холостым*, начал раздеваться (Стрекоза, 1876, № 7).

Те же тенденции обнаруживаются и в употреблении сочетаний с родит. квалитативным (Можно ли было назвать жизнию то состояние рассудка, в котором находился этот человек, *бывший ума необыкновенного*! М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

§ 10. В конце XVIII — нач. XIX в. был широко распространен порядок слов с причастием в конце причастного оборота, восходящий в основном к традициям высокого слога. Такой порядок слов в данный период не имел заметных ограничений — в пределах той сферы речи, где вообще употреблялись причастные обороты, т. е. в речи книжной:

Несмотря на прискорбие родительское, *при расставании чувствуемое*, упорно желал молодой Салем отправиться ко

Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 329.

[20] Там же.

двору (Новиков, Пословицы росс.); Возьмем в пример купца, *миллион имеющего* (Фонв., Торгующ. дворянство); Любовь, *надеждою оживляемая,* алела в сию минуту на щеках милой нашей красавицы (Карамз., Нат. боярск. дочь); 18 сентября Пугачев с Будоринского форпоста пришел под Яицкий городок с толпою, *из трехсот человек состоявшею* (Пушк., Ист. Пугач., 2); На эту шуточную угрозу, *Волынским услышанную,* он отвечал... (Лажечн., Лед. дом, 1, 7) [21].

Однако уже к 30-м годам XIX в. в связи со значительными стилистическими изменениями в области прозы, освобождавшейся от архаических книжных конструкций и сближавшейся с синтаксисом разговорной речи, стилистическая окраска такого порядка слов в причастных оборотах становится более резкой. В эту эпоху конструкции с причастием в конце причастного оборота постепенно начинают идти на убыль. Прежде всего от них освобождается художественная проза. Несколько дольше они задерживаются в официальной речи, в прозе научной и отчасти публицистической, где они употреблялись по традиции. Но в речи публицистического или полупублицистического характера они могли нести определенную стилистическую нагрузку, отвечая общему приподнятому строю изложения.

Непримиримая борьба двух спорящих племен, угнетавшего и угнетенного, произвела на все развитие их истории постоянную ненависть сословий, *неподвижно друг против друга стоящих* (И. Киреевский, п. гр. Е. Е. Комаровскому, Моск. сб., 1852); Худо, если человек из талантов, *ему богом дарованных,* делает себе легкое самоуслаждение (Молва, 1857, № 20); Среди гробового молчания, *вдруг наступившего,* налагают на него руки и уводят его (Дост., Бр. К., 5, V).

Подчеркнутая стилистическая окраска такого порядка слов уже к середине XIX в. дает возможность использовать его в целях стилизации. Примером такой стилизации может служить в «Докторе Крупове» Герцена предисловие доктора Крупова к его «сочинению» в части, пародирующей устарелый ученый слог: «Я не пленить хочу моими сочинениями, а быть полезным, сообщая чрезвычайно важную теорию, *доселе от внимания величайших врачей ускользавшую,* ныне же недостойнейшим из учеников Иппократа *наукообразно развитую и наблюдениями проверенную*» [22].

В определенных условиях, однако, порядок слов с причастием в конце причастного оборота сохраняется и во второй половине XIX в.— без заметной стилистической окраски. Это явление наблю-

---

[21] Материалы см. также в кн.: Л. Н. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 427.

[22] Пример заимствован из кн.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в., стр. 428.

дается в причастных оборотах, состоящих из причастия и зависящего от него односложного (иногда двусложного) слова — обычно личного местоимения. Большинство авторов, последовательно употребляющих причастие в начале или в середине причастного оборота, в указанном случае не менее последовательно употребляют причастие в конце оборота.

Со времени издания названных жалованных грамот сословный строй русского общества, *ими закрепленный,* в иных частях только подновлялся (Ключевск., Ист. сосл. в Р., I); Состав удельного общества, возникновение и прекращение его отношений к князю, зависели... от воли самого князя и свободных частных лиц, *с ним договаривавшихся* (Там же, XII); Для горения угля необходимо не только присутствие воздуха и именно кислорода, *в нем находящегося,* но сверх того, чтобы уголь был накален (Менд., Основы химии, 1, 2); Однородное тело, образовавшееся из воды и другого тела, *в ней растворенного* (Там же); Мы... должны быть очень благодарны критикам, *нас просвещающим* (Гарш., Заметки о худож. выст.).

В случаях, подобных приведенным выше, конечное положение причастия может быть объяснено стремлением сохранить естественный ритм прозы: в постпозиции местоимения превратились бы в энклитики, что увеличило бы и без того чрезмерное количество стоящих подряд безударных слогов.

Конечное положение причастия в причастном обороте во второй половине XIX в. наблюдается также в случаях, когда такой порядок слов соответствует актуальному членению речи. Порядок слов в этих случаях становится связанным определенной функцией, так что иное расположение слов в причастном обороте оказывается невозможным. Став функционально значимым и, следовательно, единственно возможным, порядок слов теряет стилистическую значимость и воспринимается в этих случаях как нейтральный.

Несмотря на эту лесть, *сильно умножающуюся*, русский народ (в массе) не изменяет своего истинного воззрения на правительство (К. Акс., Зап. о внутр. сост. Росс., Молва, 1857); Завоевание послужило исходным пунктом сословного процесса... и направляло его во всех моментах, *последовательно им пройденных* (Ключевск., Ист. сосл. в Р., VI); Так вскрывается историческая связь между общественными делениями, *преемственно сменявшимися* (Там же, IX); Но и многие из этих веществ удается плавить, употребляя или действие сильного гальванического тока или действие жара, получаемого при условиях, *в технике не встречающихся* (Менд., Основы химии, 1, 1); Считая некоторые тела нерастворимыми, очень понятно, что мы во многих случаях имеем дело только с телами, *весьма трудно растворяющимися* (Там же, 3).

Словорасположение в причастных оборотах в приведенных примерах, выражая актуальное членение речи, соответствует словорасположению в синонимичных им придаточных предложениях («...с телами, *которые весьма трудно растворяются*»).

Порядок слов с причастием в конце причастного оборота, вне отмеченных выше условий, т. е. с резкой стилистической окраской, в конце XIX в. встречается уже редко. В начале XX в. он начинает широко использоваться как средство стилизации.

Итак, в XIX в. в книжном синтаксисе, по сравнению с концом XVIII — нач. XIX в., изменилось соотношение употребительности причастных оборотов и равнозначных им придаточных предложений в пользу последних, которые, будучи в начале описываемого периода конструкциями с разговорной стилистической окраской, укрепили свои позиции в речи книжной. На протяжении XIX в. происходило постепенное ослабление стилистической противопоставленности причастных оборотов как сугубо книжной категории и придаточных предложений с *который* как конструкции разговорного характера.

В сфере синтаксических функций причастных оборотов на протяжении XIX в. изменилось соотношение употребительности тяготеющих к сказуемому причастных оборотов с действительными и страдательными причастиями: обороты со страдательными причастиями наст. вр. сокращали употребительность, уступая постепенно свои позиции равнозначным активным конструкциям и замыкаясь в наиболее книжных сферах речи; обороты с действительными причастиями расширяли употребительность, утрачивая свою былую ярко выраженную книжную окраску.

В XIX в. причастные обороты с краткими формами причастий, которые обладали «поэтической» окраской, уходят из прозаической речи и замыкаются в речи стихотворной, став ее специфической принадлежностью. Причастные обороты с краткими формами причастий были, таким образом, одной из категорий, сыгравших роль в процессе отрыва прозаической речи от стихотворной и определивших замкнутость стихотворной речи, сохранившей ряд элементов с «высокой», «поэтической» окраской, от которых избавилась к 40-м годам XIX в. речь прозаическая.

В XIX в. были утрачены некоторые особенности структуры предложений с причастными оборотами и самих причастных оборотов, связанные отчасти с наследием предшествующей эпохи, отчасти с влиянием французского синтаксиса. На протяжении XIX в. постепенно выходил из употребления второй винит. причастия; были утрачены независимые причастные обороты, обороты, относившиеся к местоимению *который*; перестали употребляться обороты с определительным значением в отрыве от определяемого слова, а также с определяемым словом внутри оборота; постепенно утрачивались обороты с причастием на конце.

ИСТОРИЯ ОБОСОБЛЕННЫХ ГРУПП С ИМЕНЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

§ 1. Для литературного синтаксиса в XIX в. характерно развитие многообразных типов обособленного — полупредикативного употребления прилагательных, распространенных и одиночных. Это явление имело определенные стилистические ограничения: обособляющиеся группы с полными прилагательными получили распространение преимущественно в стихотворной речи и в художественной прозе, реже в публицистике; обособляющиеся группы с краткими прилагательными — только в стихотворной речи.

Во второй половине XVIII в. полупредикативное функционирование прилагательных, как полных, так и кратких, наблюдалось относительно редко. Употребительность их заметно возрастает к концу XVIII в. Наиболее распространены были в это время группы, имевшие определительное значение и следовавшие за определяемым словом: В числе их был Лиодор, секретарь графа N. N., *прекрасный лицом, любезный характером* (Карамз., Анекдот). В стихотворной речи в этой функции чаще употреблялись усеченные формы прилагательных: Белокурая Параша, *Сребророзова лицом,* Коей мало в свете краше Взором, сердцем и умом (Держ., Параша); И речь ее, *доселе звонка*, Исчезла зрелища в шуму (В. Петров, Ода на карусель).

Реже употреблялись обособленные прилагательные, тяготеющие к сказуемому и имеющие обстоятельственное значение. Они стали появляться уже в самом конце XVIII — нач. XIX в. Образцом здесь могли быть причастные обороты, для которых эта функция была обычна. В прозаической речи обособленные прилагательные, тяготеющие к сказуемому, встречались в полной и краткой форме, в стихотворной речи — преимущественно в краткой:

> Многочисленное воинство соберется, *готовое отразить врага* (Карамз., Изв. о Марфе Посадн.); Они, *сильные числом и мужеством,* могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но *слабые от развлечения сил и несогласия,* почти везде

утратили независимость (Карамз., И. Г. Р., I, I); *Подобен бурному приливу шумных вод*, Стекается уже и наш и их народ (Хераск., Россиада, 11); *Усердна к божией церкви*, учащала оную очень часто (Изм., Евгений, 4, I) [1].

Этими разновидностями, из которых вторая (с обстоятельственными значениями) встречалась крайне редко, и ограничивались в конце XVIII — нач. XIX в. обособляющиеся группы с прилагательными. Начиная с 10—20-х годов XIX в. наблюдается бурный рост обособленных прилагательных с разными функциями — чисто определительной, определительно-обстоятельственной (такие прилагательные относились в равной мере и к подлежащему и к сказуемому), обстоятельственной, функцией добавочного сообщения, дополнительной качественной характеристики и т. д. Решающая роль в этом процессе принадлежала стихотворной речи, в частности поэтам пушкинской поры. Обособленные группы с именами прилагательными, особенно краткими, стали одной из существенных конструктивных черт синтаксиса стихотворной речи.

Развитие полупредикативных групп с краткими прилагательными несколько опередило развитие аналогичных групп с полными прилагательными. Объяснялось это двумя причинами. С одной стороны, полупредикативное употребление прилагательных получило развитие в первой трети XIX в. в основном на почве стихотворной речи, где краткие формы вообще употреблялись чаще. С другой стороны, по-видимому, полупредикативное употребление прилагательных вообще возможно лишь при условии уже укрепившего в системе языка предикативного их употребления. Процесс развития предикативного функционирования полных форм еще не был окончательно завершен к началу XIX в.

Неодинаково складывалась судьба кратких и полных форм прилагательных в полупредикативном употреблении и позже — после 30—40-х годов XIX в.: обособленные группы с краткими прилагательными окончательно замкнулись в рамках стихотворной речи, подчиняясь в дальнейшем ее особым внутренним законам; обособленные группы с полными прилагательными все шире распространялись и в стихотворной и особенно в прозаической речи, обогащаясь новыми разновидностями.

РАЗВИТИЕ ОБОСОБЛЕННЫХ ГРУПП С КРАТКИМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

§ 2. Обособленные группы с краткими прилагательными в основном повторили путь, пройденный причастными оборотами с краткими формами страдательных причастий (см. главу «Измене-

[1] Чаще в эту эпоху употреблялись необособленные прилагательные с обстоятельственным значением, тесно примыкающие к сказуемому, типа *ле-*

ния в области причастных оборотов», § 3): к 40-м годам XIX в. они стали специфической принадлежностью стихотворной речи. Различным был лишь исходный период пути: обороты с краткими причастиями, тяготеющие к сказуемому, употреблялись в конце XVIII в. значительно шире (особенно в стихах), чем соответствующие по значению группы с краткими прилагательными, которые широко распространились только в первой трети XIX в. и для которых причастные обороты могли служить образцом.

В конце XVIII в. употребление обособленных кратких прилагательных встречается преимущественно в стихах:

Не он ли есть зерцало чести? Не он ли образец судей? *Премудр и глух ко гласу лести,* Не просит похвалы ничьей (Держ., Похвала за правосудие); Где розы, гиацинт, лилеи, майоран Цветут среди зимы, *от мраза безуронны* (В. Петров, На находящийся в Зимнем дворце ее и. в. сад); Один ты способен Петь и под шумом сердитых валов, Как и при ниве,— *себе лишь подобен* — Языком богов! (И. Дм., К Г. Р. Державину); Но редко кто, *умен до испытанья бед, Рассудка голосу послушен,* осторожно И с мерою вкушал, чтобы продлить, коль можно, Срок жизни истинной (Вост., Тленность).

В прозаической речи они употреблялись обычно в высоком слоге:

Потщуся отделить дух мои от тела и рыскать в пространных полях бредоумствований, *подобен древним и новым духовным витязям* (Радищ., Путеш., Подберезье); *Строг для самого* себя, имел он кроткое человеколюбие (Фонв., Сл. похв. Марку Аврелию); *Смирна, послушлива, прекрасна и любезна,* она входила у всех в любовь (Изм., Бедн. Маша); *Невинен в своем сердце,* он бесстрашно простирал к ней руки свои (Карамз., Афинск. жизнь); *И нищ и наг и бос,* куда обращусь я? (Нарежн., Росс. Жилбл., 6, IV).

Обособленные группы с прилагательным в краткой форме, обладавшие высокой, поэтической окраской, в начале XIX в. почти уходят из прозы, но широко распространяются в поэзии. Оттенки их значений были разнообразны. Обладая разной степенью смысловой близости к сказуемому, они могли обозначать состояние лица или предмета в момент действия, выраженного сказуемым, приобретать оттенки причинного, уступительного, противопоставительного и других значений. Позиция обособленных групп с краткими прилагательными по отношению к подлежащему и сказуемому была безразлична: они пользовались полной свободой расположения, часто выделяясь в отдельную стихотворную строку и играя, таким образом, определенную роль в ритмической организации стиха.

жит бесчувствен. Распространенные прилагательные такого типа или группы с несколькими прилагательными имели тенденцию к обособлению (например: лежит, *бесчувствен и недвижим*).

И одинока, и бледна, Плыла двурогая луна (Рыл., Войнаровск., 1); *Друг другу чужды по судьбе,* Они родня по вдохновенью (Пушк., К Языкову); *Блистательна, полувоздушна, Смычку волшебному послушна,* Толпою нимф окружена, Стоит Истомина (Пушк., Е. О., 1, XX); Я стану петь твои победы, *Восторгом весел огневым* (Языков, А. Н. Вульфу); *И счастлив,* не хочу ни в мраморны палаты, Ни в шум блистательных пиров! (Языков, Н. А. Языковой); *Весела красой чудесной,* Потеки в желанный путь (Борат., К. А. Свербеевой); *Но холодна,* без состраданья, Словам любви внимаешь ты (Хомяков, К А. О. Р.) [2].

Как и обороты с краткими причастиями, группы с краткими прилагательными активизируются в романтической прозе 20—30-х годов; особенно часты они у Марлинского и в ранней прозе Лермонтова. Здесь, по-видимому, сказывалось влияние стихотворной речи.

Прелестна, однако ж бледна как снег намогильный, стояла перед налоем невеста (Марл., Латник); Утром первого ноября, *светел, как майский мотылек,* порхнул Виктор в темницу (Марл., Лейт. Белозор, VI); С этих пор она жила в его палатке, *незрима и прекрасна,* как ангел (Лерм., Вадим, XIX); Все еще стоял в дверях, сложа руки, *нем и недвижим* (Там же, III); Бедная девушка пластом лежала на полу, *бледна, как полотенце* (Моск. вестн., 1828, № 2). Ср. позже у Герцена: Она взошла вся в белом, *ослепительно прекрасна* (Б. и д., 3, XXIII).

К середине XIX в. такие обороты уходят из прозы; как и тяготеющие к сказуемому обороты с краткими формами причастий, они становятся специфической принадлежностью стихотворной речи:

Я вспомнил, *грустно-молчалив,* Как в тех странах, где солнце греет, Теперь на солнце пламенеет Роскошный Генуи залив (Тютч., Глядел я, стоя над Невой...); *Но верен сладостной тревоге,* В степи безбрежной и в лесу, По рвам, по каменной дороге Твой образ чистый понесу (Фет, Отъезд); Кто дышит с равным напряженьем,— Того, *безмолвна,* посети (Фет, Смерти).

Однако и в поэзии употребительность таких оборотов постепенно снижается. В конце века, употребляясь в поэзии по традиции, они уже воспринимаются как характерная черта стихотворной речи первой половины века. Разница в употребительности по сравнению с первой половиной века дает возможность использовать тяготеющие к сказуемому обособленные обороты с краткими при-

---

[2] Материалы см. также в кн.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 325—326.

лагательными и причастиями как средство стилизации, особенно в тех случаях, когда они сконцентрированы на сравнительно небольшом участке текста. См., например, в стихотворении И. Бунина «Подражание Пушкину»:

От праздности и лжи, от суетных забав,
Я *одинок* бежал в поля мои родные...

И, *зноем истомлен,* я на пути стою
И пью лесных ветров живительную влагу...

Ты видишь — я красы твоей не позабыл
И, *сердцем чист*, твой мир благословляю...

§ 3. В XIX в. появляется и другой тип обособленных групп, внешне близкий к рассмотренному выше, но отличающийся от него по своей функции. Это обособленные краткие прилагательные, имеющие значение отдельной дополнительной качественной характеристики лица или предмета. Они заключают в себе самостоятельное сообщение, не связанное специально с моментом действия или состояния, выраженного сказуемым. В то же время они не примыкают и к подлежащему, обладая такой же свободой расположения, как и обороты, тяготеющие к сказуемому, например: И, *безмолвна, кротка, серебриста,* Эта полночь за дымкой сквозной Видит только, что́ вечно и чисто, Что́ навеяно ею самой (Фет, От огней, от толпы беспощадной...). Этот тип развивается исключительно на почве стихотворной речи и появляется значительно позже обособленных кратких прилагательных, тяготеющих к сказуемому. Выражение самостоятельного предикативного признака в форме обособленных предицирующих членов — явление, получившее развитие в XIX в. Им были охвачены и краткие и в еще большей степени полные прилагательные (см. § 4). Можно предполагать, что такое употребление кратких прилагательных в новой, необычной для них функции возникло под влиянием развившегося у поэтов пушкинской поры аналогичного употребления полных прилагательных (см. § 4).

В стихотворной речи первой половины XIX в. такое употребление кратких прилагательных лишь слегка намечается. В этот период встречаются переходные случаи, где связь кратких прилагательных со сказуемым уже почти не ощущается, хотя еще нельзя говорить о полной утрате этой связи.

Недвижимы как мертвые в гробах, Невольно мы в болезненных сердцах Хороним чувств привычные порывы (А. Одоевск., Недвижимы как мертвые в гробах...); В те дни — *светла, как житель рая, Сильна, как мысли божества, Свежа, как роза молодая, Как песня вольности жива,* Любовь свободно покоряла Все силы сердца моего (Языков, Эпилог); Кровь играет, И *окладисто-горда* Серебрится и сверкает В снежных искрах борода (Бенедикт., Мороз); Нет! *Более надменна,*

чем нежна, Ты все еще обид своих полна (Борат., Оправдание).

Обособленные краткие прилагательные в рассматриваемой функции распространяются широко в стихотворной речи второй половины и особенно конца XIX в. и начала XX в.

Но безмолвствует, *пышно чиста,* Молодая владычица сада (Фет, Только встречу улыбку твою...); И бродят повсюду газели, *Как тени, стройны и легки* (Надсон, из Гейне); А он, *прозрачен, говорлив,* Он словно знает, что с востока Придет он к морю, где залив Пред ним раскроет даль широко (Бунин, Ручей); С трудом я вспоминаю что-то, *И безответна, и чиста,* За потой умирает нота (Анненск., Он и я); Надо только, *черна и мертва,* Чтобы ночь позабылась полнее (Анненск., Рабочая корзинка); *Дольнему стуку чужда и строга,* Ты рассыпаешь кругом жемчуга (Блок, Отдых напрасен. Дорога крута); Ты горишь над высокой горою, *Недоступна в своем терему* (Блок, Ты горишь над высокой горою...).

РАЗВИТИЕ ОБОСОБЛЕННЫХ ГРУПП С ПОЛНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

§ 4. В стихотворной речи поэтов пушкинской поры развивается употребление полных обособленных прилагательных в функции дополнительной качественной характеристики лица или предмета[3]. Полные обособленные прилагательные в большей мере, чем краткие, были склонны приобретать значение самостоятельного предикативного признака, так как это значение было близко к обычному определительному значению. Обособленные полные прилагательные, примыкая к определяемому существительному и находясь в постпозиции по отношению к нему, были ближе к чисто определительному значению; примыкая же к личному местоимению или относясь к существительному, но находясь в препозиции или в отрыве от определяемого слова, они приобретали характер самостоятельного сообщения, соответствуя отдельному акту предикации (краткие прилагательные в отличие от полных имели большую тягу к сказуемому — и в обособленном и в необособленном употреблении; ср. широко распространенные в рассматриваемую эпоху конструкции типа: *покоен сердцем* приехал в столицу). Поэтому краткие прилагательные в меньшей степени, чем полные, могли приобретать указанные значения.

[3] Л. А. Булаховский отмечает, что у Языкова и других поэтов этого времени встречаются отдельные полные прилагательные, являющиеся определениями, но «или сочетающиеся, вопреки отношениям, господствующим в синтаксисе, в качестве определений с местоимениями, или так размещенные в предложении, что оказываются оторванными от определяемого и потому несколько оттолкнутыми в сферу сказуемого» (Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 327).

Обособленные полные прилагательные со значением самостоятельной качественной характеристики в поэзии пушкинской и послепушкинской эпохи чаще были одиночными, а не распространенными:

Мне ль разлюбить безоблачные дни Отважных дум, разгульных вдохновений, Живых трудов и просвещенной лени? *Волшебные*, зачем прошли они? (Языков, А. Н. Татаринову); И гений рабского молчанья Воссядет, *вечный*, на гробах (Языков, Песнь барда...); Все, чем живет и действует поэт — Моей душе явил он, *светозарный* (Языков, А. Н. Татаринову); И к жизни звучной и свободной, *могучий*, вызову я вас (Хомяков, Думы); Устала ты лететь на небеса И, *бренная*, легла в изнеможенье (Бенедикт., Развалины); И мне казалось, что меня Какой-то миротворный гений Из пышно-золотого дня Увлек, *незримый*, в царство теней (Тютч., Еще шумел веселый день...); Над хаосом звуков носился мой сон. *Болезненно-яркий, волшебно-немой*, Он веял легко над гремящею тьмой (Тютч., Сон на море).

Следует специально отметить частые случаи, когда обособленные прилагательные, относясь к местоимению 2-го лица (иногда отсутствующему), приближались к обращению:

Ты, *смелая и кроткая*, со мною В мой дикий ад сошла рука с рукою (Борат., Когда, дитя и страсти и сомненья...); Не первой вставшей сердце вверь И, *суетный в любви*, Не лучезарнейшую всех Своею назови (Борат., Звезда); Или когда твои родные звуки Тебя зовут — и, *буйная*, летишь (Языков, Весенняя ночь).

Такое употребление обособленных полных прилагательных и в дальнейшем остается характерной чертой стихотворной речи. Ср. во второй половине века:

Неподвижная, немая, Ночь светла, как день (Фет, Теплым ветром потянуло...); Нет, малодушный стон не омрачит той славы, Что ждет нас — *светлая*, с торжественным венком (Надсон, Мрачна моя тюрьма — за крепкими стенами...); И опять напомнит, *одинокий*, Мне весну и первую любовь (Бунин, Не угас еще вдали закат...); Жизнь не смущает их,— *минутная, дневная* (Бунин, Кипарисы); И только искры воли — *мгновенные* — живут (Апенск., Преступление любви).

При местоимениях 2-го лица:

Небо далекое, не ты ли, *немое*, Меня пугаешь своим простором? (Бунин, Как все спокойно и как все открыто!..).

Обособленные прилагательные с значением самостоятельного предикативного признака под влиянием стихотворной речи попадают и в художественную прозу (...а он, *синий*, снова заснул. Гоголь). Однако систематически они начинают употребляться в художественной прозе лишь в конце XIX в. В этот период в

художественной прозе появляется стремление к некоторому обновлению синтаксической выразительности, подчеркнутый интерес к формальной стороне, к внешне эффектным средствам выражения, в связи с чем возникает ориентация на поэтические приемы, уже обладающие определенной эстетической ценностью, т. е. в значительной мере на приемы стихотворной речи. В стихотворной речи такое употребление прилагательных предопределялось ритмическими особенностями стиха и относительной свободой словорасположения. В прозе оно получило характер несколько искусственного приема, превратившись в своего рода штамп. Здесь вырабатывается несколько стандартных типов обособленного употребления прилагательных в рассматриваемой функции. В отличие от стихотворной речи, реже употребляются одиночные прилагательные и чаще — группы, состоящие из двух или трех прилагательных. Можно указать на следующие разновидности:

1) Перед личным местоимением (обычно в начале предложения):

Черно-синие, тяжелые, они медленно нарастали, поблескивая молниями (Верес., На повороте, V); *Безгранично свободные, бодрые, счастливые,* они не боялись ни бога, ни дьявола, ни смерти (Чех., Без загл.); *Лиловато-серая, стройная и царственно-прекрасная, одинокая на последней грани огромной зеленовато-стальной равнины моря,* она удалялась незаметно, но неуклонно (Бунин, Надежда); Была и Лариса тут,— *нарядная, спокойно-веселая,* она ела яблоко (Ф. Солог., Мелк. бес, XIV); Есть тут и люди. *Маленькие,* они что-то делают в этой зеленой пустыне (Л. Андреев, Вор, II); Сзади его поместились две молдаванки; *оборванные, черноволосые, загорелые,* они тоже скрипели песню пьяными голосами (М. Г., Челкаш, I).

2) В препозиции и в отдалении от существительного или личного местоимения, находящихся после сказуемого:

Серенький, вспорхнул он с мокрого, дымящегося рукава ели (Бунин, Маленьк. роман, II); *Желтая, морщинистая, согбенная, клыкастая, злая,*— неотступно мерещилась она Передонову (Ф. Солог., Мелк. бес, XXVII); Из-за леса, *легкий и трепещущий, как крылья кобчика,* доносился колокольный трезвон (Серг.-Ценск., Поляна).

3) После личного местоимения:

Идут они, *красивые,* и как будто несут с собою частицу света (Л. Андреев, Вор, IV); В прозрачном воздухе колыхалась она, *ликующая, радостная* (Серг.-Ценск., Молчальники, X); В своей песне она, *полумертвая,* уже погибшая, без слов, но жалобно и искренно убеждала кого-то (Чех., Степь, II).

4) В постпозиции и в отдалении от существительного или личного местоимения — обычно после сказуемого в конце предложе-

ния; для этого типа характерно подчеркнутое интонационное обособление.

Луна показалась сначала только одним краешком и потом выплыла — *большая, огненно-красная* и как будто бы приплюснутая сверху (Купр., Одиночество); Она быстро ускользала..., а через минуту появлялась снова, и дрожала, и дрожала, и дразнилась — *серая, безликая, юркая* (Ф. Солог., Мелк. бес, XII); Он сел на пень, и руки его опустились между колен, *костлявые, узкие, не рабочие* (Серг.-Ценск., Счастье, VI).

Обособленные группы, примыкающие к определяемому существительному и находящиеся в постпозиции по отношению к нему (такие группы употреблялись и в первой половине XIX в.), были ближе к чисто определительному значению. По своей внутренней структуре они не отличались от рассмотренных выше, но в предложении они занимали — в смысловом и интонационном отношении — менее обособленное положение.

Открылась долина Желтой речки, и блеснула сама речка — *желтая, мутная, сумасшедшая* (Чех., Дуэль, VI); Все круче, отвеснее становилась горная дорога, *каменистая, узкая, живописная* (Бунин, На Донце, I); Опять вспомнились ему два последние года, *бездеятельные, позорные* (Верес., Товарищи); На улицах, между высокими огромными домами, кипела жизнь, *странная, суетливая, человечья* (Серг.-Ценск., Тундра); С моря поднималась туча — *черная, тяжелая* (М. Г., Старуха Изергиль, II).

Во второй половине века чаще встречаются группы, состоящие из нескольких прилагательных, соединенных союзами или бессоюзно, и обособленные прилагательные, распространенные относящимися к ним словами.

Он глядел мне прямо в глаза, *светлый, но немного на ущербе и оттого печальный* (Бунин, Позд. ночью); Она положила коромысло на плечо и пошла прямо навстречу мне,— *стройная, несмотря на тяжесть плескавшейся воды*, слегка покачивая станом (Бунин, В августе).

§ 5. В начале XIX в. возрастает употребительность обособленных групп с полными прилагательными, тяготеющих к сказуемому. Они имели различные обстоятельственные оттенки значений[4]. Если употребление обособленных групп с краткими прилагательными ограничивалось преимущественно рамками стихотворной речи, то группы с полными прилагательными, тяготеющие к сказуемому, получают развитие и в стихотворной и в прозаической речи. Образцом для такого употребления прилагательных

[4] Об употреблении обособленных прилагательных в этой функции в современном языке см.: В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. ВЯ, 1954, № 1, стр. 27. См. также: Е. А. Назикова. Указ. соч.

могли быть причастные обороты, для которых функция выражения различных обстоятельственных значений была обычна.

Обособленные прилагательные, тяготеющие к сказуемому, относились чаще к личному местоимению[5], чем к существительному:

Милостивый к подданным, он и в других отношениях исполнял уставы нравственности (Карамз., И. Г. Р., IV, III); *Ласковый с другими детьми,* он был особенно груб со мною (Борат., п. В. А. Жуковскому, конец 1823); *Усталые в игре любви,* мы гоняемся более за умом, нежели за чувством (Марл., Лейт. Белозор, III); Храповицкий мост отторгнут от мостовых укреплений, *неспособный к проезду* (Гриб., Частн. случаи пб. наводн.); *Терпеливая и сильная,* она приняла рану без малейшего стону (М. Погодин, Васильев вечер, Телеск., 1831, № 2—4); Он о ее любви не хлопотал, *довольный ее безмолвным согласием* (Пушк., Дубр., XVI); Ты, *верный добрым воспоминаниям,* поймешь мое дружеское приветствие без дальнейших объяснений (И. Пущин, п. М. И. и И. В. Малиновским, 25 авг. 1839); *Страстный к музыке,* я боялся пошевелиться на диване, чтобы не проронить ни одной ноты (Н. Павл., Именины); Полиция следила за нами давно, но, *нетерпеливая,* не могла в своем усердии дождаться дельного повода и сделала вздор (Герц., Б. и д., 2, XII).

Из стихотворной речи первой половины XIX в.:

Холодный ко всему и чуждый к умиленью, С досадой тихому внимает он моленью (Пушк., Безверие); Но *гордый славою своей,* Поэт ли склонит перед ней Свои возвышенные взгляды! (Языков, Элегия); *Не вечный для времен,* я вечен для себя (Борат., Финляндия); *И безобразный, и мятежный,* Он не пленит твоей мечты (Борат., При посылке «Бала» С. Э.); Кто, *юный,* потерял лета златые, Того не могут услаждать Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые! (Лерм., К П...ну).

Обособленные группы с именами прилагательными, тяготеющие к сказуемому, хотя употреблялись чаще в художественной речи, однако не были ее специфической принадлежностью и встречались за ее пределами.

Во второй половине века не произошло существенных изменений ни в употребительности, ни в характере употребления обособленных прилагательных, тяготеющих к сказуемому. Для этого времени, по сравнению с первой половиной века, можно лишь отметить большую склонность к распространенным группам и к группам, состоящим из нескольких прилагательных (это относится и к обособленным прилагательным со значением опреде-

---

[5] См.: В. П. Пискарев. Некоторые неясные вопросы структуры простого предложения, стр. 78—86.

лительным и значением самостоятельной качественной характеристики, см. § 4).

Румяный, жизнерадостный и счастливый, каким может быть только двадцатилетний молодой человек на заре жизни, полный надежд от будущего, он был необыкновенно весел (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 2, II); Олеся, *такая доверчивая ко мне во всем остальном,* с упрямой настойчивостью опровергала все мои доказательства и объяснения (Купр., Олеся, VI); Среди своих суетившихся дочерей Анна Афанасьевна, *маленькая, подвижная, суетливая,* казалась беспокойной наседкой (Купр., Молох, VI); Дни тянулись вяло за днями,— *скучные, бессмысленные* (Верес., Товарищи).

УТРАТА НЕЗАВИСИМЫХ ОБОСОБЛЕННЫХ ГРУПП

§ 6. В первой половине XIX в. можно было встретить синтаксический галлицизм — употребление обособленных оборотов с прилагательным в имснит. пад., не согласованным с подлежащим (ср. аналогичное употребление причастных оборотов — гл. «Изменения в области причастных оборотов», § 5):

Грозный, неукротимый во мщении, ни вопли, ни улыбки невинного младенца не проницали в его неприступную душу (Жуковск., Марьина роща); *Свободный, наконец, от суетных надежд, От беспокойных снов, от ветреных желаний,* Испив безвременно всю чашу испытаний, Не призрак счастия, но счастье нужно мне (Борат., Родина); *Развратный по жизни, грубый по натуре,* не терпящий никакого возражения,— его влияние было чрезвычайно вредно (Герц., Б. и д., 2, XIV) [6]. Позже такие обороты выходят из употребления.

Итак, в XIX в. в книжном синтаксисе развиваются разнообразные типы обособленного полупредикативного функционирования прилагательных.

Краткие формы обособленных прилагательных имели ограниченную сферу употребления — преимущественно стихотворную речь. Если в конце XVIII в. и в отдельных случаях в первой трети XIX в. (в романтической прозе 20—30-х годов) краткие формы обособленных прилагательных изредка употреблялись и в прозаической речи (в «высоком» слоге), то к 40-м годам они становятся специфической принадлежностью речи стихотворной. Как и обороты с краткими формами причастий, обособленные краткие прилагательные были одной из категорий, определивших замкнутость

[6] Материалы см. также: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 245; его же. Язык Пушкина, стр. 315—316; Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 267.

стихотворной речи, сохранившей ряд элементов с высокой, поэтической окраской.

Полные формы прилагательных в обособленном употреблении получили широкое развитие в стихотворной речи и в художественной прозе.

У прилагательных в обособленном употреблении развились в XIX в. в основном две функции: с одной стороны, распространились прилагательные, не только определяющие подлежащее, но связанные также по смыслу и со сказуемым и имеющие различные обстоятельственные оттенки значений; с другой стороны,— прилагательные, обозначающие самостоятельный предикативный признак. Эта последняя функция возникла на почве атрибутивной — вначале в стихотворной речи (в 30—40-е годы), а позже и в художественной прозе.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБОСОБЛЕННЫХ НОМИНАТИВНЫХ ГРУПП

§ 1. В конце XVIII — нач. XIX в. очень интенсивно протекал процесс развития в синтаксической системе русского языка разных типов обособленных приложений и других обособленных номинативных групп. Заметную роль в этом процессе играли синтаксические кальки с французского. Для значительной части приложений, появившихся в эту эпоху, характерно было исключительно широкое их распространение в период начиная с конца XVIII и до середины XIX в. (разных типов в разное время — в пределах этого периода), затем некоторый спад употребительности, приведший к утрате некоторых частных особенностей функционирования отдельных типов приложений, в целом сохранившихся, однако, как устойчивая принадлежность русского книжного синтаксиса.

Некоторые разновидности обособленных приложений культивировались преимущественно в стихотворной речи и в художественной прозе; другие утвердились вообще в речи книжной. В первой трети XIX в. обособленные приложения получили исключительно широкое распространение в стихотворной речи, представлявшей собой благоприятную среду для употребления этих конструкций. Г. О. Винокур, говоря о синтаксической структуре онегинской строфы, высказал очень интересную мысль: «Вообще обособлениям принадлежит очень большая роль в синтаксической организации концовок, в особенности же — обособленным приложениям... Остающееся незаполненным метрическое пространство превращается в повод для синтаксического привеска, каким оказывается приложение „придаточного“ и вместе с тем „объяснительного характера“ (см. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. 1, 1925, стр. 273 и вып. 2, 1927, стр. 148), т. е. именно такое, какое представляет собой очень широко применяемый материал поэтического языка: приложение не стандартное, а свободно соединенное со словом, к которому относится, и вместе с тем являющееся как бы объяснением для этого слова, раскрытием и углублением его значения. Ср. целую цепь таких объяснительных

приложений, насыщенных большим поэтическим содержанием, в 8, IV:

Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды,
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров» [1].

Мысль Г. О. Винокура о том, что обособленные приложения как «очень широко применяемый материал поэтического языка» часто служат для заполнения «остающегося незаполненным метрического пространства», в известной степени может быть распространена и на другие формы строфической структуры стиха.

В первой трети XIX в. еще одно обстоятельство оказывало влияние на употребительность обособленных приложений в стихотворной речи — исключительная распространенность поэтических перифраз с именем существительным в качестве стержневого слова, которые часто оказывались в синтаксической позиции обособленного приложения.

РАЗВИТИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ С АТРИБУТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ И ЗНАЧЕНИЕМ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО СООБЩЕНИЯ

§ 2. В стихотворной речи первой трети XIX в. получили широкое развитие обособленные приложения, обладавшие разной степенью предикативного значения — начиная от приложений со значением, наиболее приближающимся к атрибутивному (ниже для краткости они будут называться приложениями с атрибутивным значением; однако при этом следует помнить, что обособленные приложения как образования полупредикативного характера [2] не могут иметь чисто атрибутивного значения) и кончая приложениями с ярким предикативным значением, заключающими в себе

---

[1] Г. О. Винокур. Слово и стих в «Евгении Онегине». — В кн.: А. С. Пушкин. Сб. статей под ред. А. Еголина. М., 1941, стр. 211—212.

[2] О предикативном характере обособленных приложений см.: А. А. Потебня. Из зап., т. I—II, Введение, стр. 109—110; А. А. Шахматов. Синтаксис, стр. 280; К. П. Орлов. Грамматическая сущность приложения в совр. русск. лит. языке. «Филол. науки», 1960, № 4, стр. 29; М. Ованова. Обособленные приложения в совр. русск. языке. «Русск. яз. в шк.», 1959, № 6; М. Е. Хапин. О предикативном значении обособленных приложений в совр. русск. языке. «Уч. зап. Гомельского гос. пед. ин-та», вып. 2, 1956; его же. Обособленное приложение как синтаксическая категория в совр. русск. лит. языке. Гомель, 1957; Г. Цыганенко. Приложение в совр. русск. языке. Канд. дисс. Харьков, 1954; А. В. Затопляев. Обособленные определения и приложения. «Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та», вып. 11, 1955; А. Г. Рудневв. Синтаксис осложненного предложения, стр. 37, 42; М. Г. Шатух. Приложение и его роль в совр. русск. языке. Канд. дисс. Львов, 1954.

самостоятельное добавочное сообщение, не связанное тесно со смыслом всего предложения.

В конце XVIII в. случаи употребления такого типа обособленных приложений были редки. Наблюдались, главным образом, приложения с атрибутивным значением (часто — при обращении):

Кудрява ель, *лесов и рощей красота*, И гибкий ряд берез (В. Петров, На находящийся в Зимнем дворце е. и. в. сад); Ему да возревнуют Те низкие умы, Которых кровь волнуют Сребро и злато, *чада тьмы* (В. Петров, Гр. Ал. Потемкину); Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых: Екатерина и Петр, *вечности чада!* и росс (Радищ., Осьмнадцатое столетие); О ты, *при токах Ипокрены Парнасский сладостный Певец, Друг Талии и Мельпомены, Театра русского отец, Изобличитель злых пороков, Расин полночный,* Сумароков! (В. Майк., Ода о вкусе); О ты, великомощно счастье!.. *Сын время, случая, судьбины Иль недоведомой причины, Бог сильный, резвый, добрый, злой!* (Держ., На счастие).

Начиная с последних десятилетий XVIII в., в особенности в первой трети XIX в. наблюдается, с одной стороны, бурный рост обособленных приложений с атрибутивным значением, с другой стороны, развитие многочисленных разновидностей обособленных приложений с яркой предикативной окраской. В этом проявляется характерное для книжного синтаксиса XIX в. стремление выражать самостоятельный предикативный признак в форме обособленных предицирующих членов (ср. аналогичные тенденции в развитии обособленных групп с именем прилагательным, см. главу «История обособленных групп с именем прилагательным», § 3, 4).

У поэтов пушкинской поры и несколько позже получили широкое распространение следующие разновидности обособленных приложений рассматриваемого типа.

1) Наиболее обычная разновидность — приложения с атрибутивным значением, которые следовали за именем существительным, непосредственно примыкая к нему:

Тогда пустыннику явятся Химеры, адские мечты, *Плоды душевной пустоты!* (Карамз., Посл. к Ал. Ал. Плещееву); Безверие одно, *По жизненной стезе во мраке вождь унылый,* Влечет несчастного до хладных врат могилы (Пушк., Безверие); Заутра казнь, *привычный пир народу* (Пушк., Андрей Шенье); И тихо как луна, *царица летней ночи,* Сияла там любовь в невинной красоте (Хомяков, Мечта).

2) Более специфичны для стихотворной речи рассматриваемого периода сохранившиеся в ней по традиции и позже приложения, предшествующие определяемому имени. Они в большей степени предикативно окрашены, чем приложения, примеры которых были приведены выше:

Доколе мир стоит, доколе человеки Жить будут на земле, дотоле *дщерь небес,* Поэзия, для душ чистейших благом будет

(Карамз., Поэзия); *Мгновенный обладатель трона* — Царь не поставлен выше их (Кюхельб., А. П. Ермолову); И *желанный плод победы* — Мир России возвращен (Катен., Ольга); Ничтожной славой ослепленный, *Жилище скромное и неги, и отрад, Жилище радостей* — твой дом уединенный, Безумец, променять дерзнул на Петроград (Рыл., К Делии); *На скифских берегах переселенец новый, сын юга,* виноград блистает пурпуровый (Пушк., К Овидию); Мне будет сладко и утешно В другие годы вас читать, *Мой жар безумный и безгрешный* — Мою любовь воспоминать (Языков, Прощание с элегиями); Когда, *дитя и страсти и сомненья,* Поэт взглянул глубоко на тебя, Решилась ты делить его волненья, В нем таинство печали полюбя (Борат., Когда, дитя и страсти и сомненья...), Здорово, друг, на новоселье! Да перейдет сюда с тобой *Твой верный друг и домовой* — Твое душевное веселье (Шевырев, Четыре новоселья). Ср. позже: *Царица тайных нег,* Луна зеркальная над древнею Москвою Одну выводит ночь блестящей за другою (Фет, Эх шутка — молодость!); И *подруга раздумья* — немая печаль На душе словно камень лежала (Надсон, По следам Диогена).

3) Следующая разновидность, еще более специфичная для поэзии данного периода (позднее она уже встречается значительно реже),— приложения, удаленные от определяемого имени, часто отделенные от него сказуемым. Предикативная окраска таких приложений особенно очевидна. Наиболее обычна для них была препозиция по отношению к определяемому слову.

В углу *свидетель славы И суеты мирской,* Висит полузаржавый Меч прадедов тупой (Батюшк., Мои пенаты); *Творения радость,* Настала весна (Жуковск., Эолова арфа); *Забав их зритель равнодушный,* Пойдет за ними вслед их мать (Жуковск., Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу); И, *верный памятник сердечных слез и стона,* Вам затвердит одно рыдающий мой стих (Вяземск., На память); На камне мшистом в час ночной, *Из милой родины изгнанник,* Сидел князь Курбский, вождь младой (Рыл., Курбский); *Богини мира,* вновь явились музы мне И независимым досугам улыбнулись (Пушк., Чаадаеву [В стране, где я забыл тревоги прежних лет...]); Уже *пустыни сторож вечный,* Стесненный холмами вокруг, Стоит Бешту остроконечный (Пушк., Е. О., Отрывки из путеш. О.); Прощай, отчизна непогоды, Печальная страна, Где *дочь любимая природы,* Безжизненна весна (Борат., Отъезд); *Царица тишины и сна,* Высоко поднялась луна (Борат., Цыганка, III); *Жилец семейственного круга,* Так в дар приемлет домосед От путешественника-друга Пустыни дальной дикий цвет (Борат., При посылке «Бала» С. Э.); *Певец зари,* умолкнул соловей (Языков, Меченосец Аран); Но вот, *златого дня воздушные предтечи,* Краснеют облаков прозрач

ные струи (Языков, Рассвет); И вот в приют мой, *гость незванный,* Спустился тихо новый год (Хомяков, На новый год, 1828); *И прихотей твоих раба,* Внимает гордым повеленьям Тебе покорная судьба (Хомяков, «Гордись!» — тебе льстецы сказали); Так в туманный час вечерний Над челом полночных гор, *Радость мудрых, диво черни* — Мчится яркий метеор (Бенедикт., Чудный конь); *Величья дольнего граница* — Над прахом гения воздвигнулась гробница (Бенедикт., Ватерлоо) [3]. Ср. позднее: Ночью сумрачной и дикой — *Сын бездонной глубины* — Бродит призрак бледноликий На полях моей страны (Блок, Ночью сумрачной и дикой...).

Реже встречались такие отделенные от подлежащего приложения в постпозиции по отношению к определяемому слову. В этом случае они обладали наибольшей степенью предикативности, что объясняется особенностями конечного места в предложении:

И душе его унылой Счастье там одно: Дожидаться, чтоб у милой Стукнуло окно, Чтоб прекрасная явилась, Чтоб от вышины В тихий дол лицом склонилась, *Ангел тишины* (Жуковск., Рыцарь Тогенбург); О, Зевес! Зачем же лира Так бессильна,— *дар любимый Златовласым Аполлоном* (Фет, Телемак у Калипсы).

§ 3. Приложения при личных местоимениях отличались от приложений при именах существительных тем, что они не имели атрибутивного значения и, независимо от позиции, обладали большой степенью предикативной окраски.

Для обособленных приложений с значением самостоятельного сообщения характерна была постпозиция по отношению к местоимению (в препозиции по отношению к местоимениям обычно употреблялись приложения, по смыслу тяготеющие к сказуемому, см. §§ 5, 6). Случаи, когда такие приложения непосредственно примыкали к личному местоимению, редки.

На жизненном пиру Один с тоской явлюсь я, *гость угрюмый,* Явлюсь на час — и одинок умру (Пушк., Кн. А. М. Горчакову); Заря! тебе подобны мы,— *Смешенье пламени и хлада, Смешение небес и ада, Слияние лучей и тьмы* (Хомяков, К заре); Тех дней, когда в жилище света Блистал он, *чистый херувим* (Лерм., Демон, I, I); Не так ли я, *сосуд скудельный,* Дерзаю на запретный путь (Фет, Ласточки); Выходи красота, не робей! Звуки есть, дорогие есть краски; Это все я, *поэт-чародей,* Расточу за мгновение ласки (Фет, Как богат я в безумных стихах!); Умирая, не видал он — *Приручeнный нелюдим,*— Как над ним взвилась ракета И рассыпалась над ним (Полонск., Лебедь).

---

[3] Материалы см. также в кн.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 446—450.

Чаще всего такие приложения были удалены от личного местоимения. При этом степень самостоятельности их зависела от степени удаленности от местоимения (особенно в случаях, когда приложение было отделено от местоимения сказуемым) и от близости к конечному месту в предложении, где их предикативное значение наиболее резко давало себя чувствовать. В отличие от приложений при именах существительных приложения при местоимениях употреблялись в указанной позиции очень часто.

Быть может (сладкое мечтанье!), Я к вашим возвращусь полям, Приду под липовые своды, На скат тригорского холма, *Поклонник дружеской свободы, Веселья, граций и ума* (Пушк., Простите, верные дубравы!); Скажите мне: кто видел край прелестный, Где я любил, *изгнанник неизвестный*? (Пушк., Кто видел край, где роскошью природы...); Вспоминал, как в мир призванный Он на лоне свежих крыл, *Гость небес богоизбранный,* За создателем парил (Шевырев, Преображение); Пока мы в силах не созрели, Как сладко, беззаботно спим, И как смирнехонько лежим, *Граждане тесной колыбели*! (Шевырев, Четыре новоселья); И я ль один, *ездок Пегаса,* Скачу и жду ее наград? (Языков, К...); А я, поверивший надежде молодой, Обманут счастием, один, в стране чужой, Пою мою печаль — *певец, душою сирый,— Как струны хладные Арминиевой лиры*, И в тишине учусь душою тосковать (Языков, Посл. к А. Н. Очкину); Я там один с тоской моею, В ненарушимой тишине Предамся всей порывной силе Моей любви, любви святой, И прирасту к его могиле, *Могилы памятник живой* (А. Одоевск., Элегия); в его глазах она росла Свежа, невинна, весела, *Цветок грядущего святой, Былого памятник живой!* (Лерм., Боярин Орша, I); Послушай! вспомни обо мне, когда законом осужденный, В чужой я буду стороне — *Изгнанник мрачный и презренный* (Лерм., Послушай! вспомни обо мне...); Как надписи надгробные, они Рисуются узором по стене — *Следы давно погибших чувств и мнений, Эпиграфы неведомых творений* (Лерм., Сашка, II, 5).

Приложения, удаленные от местоимения (как и приложения, удаленные от имени существительного), в поэзии последующего периода встречаются гораздо реже, однако возможность их употребления в стихотворной речи сохраняется. См. у раннего Блока.

Я их хранил в приделе Иоанна, *Недвижный страж,*— хранил огонь лампад (Блок, Я их хранил в пределе Иоанна...); Я здесь один хранил и теплил свечи. Один — *пророк* — дрожал в дыму кадил (Там же).

Ср. при отсутствии местоимения: Брожу в стенах монастыря, *Безрадостный и темный инок* (Блок, Брожу в стенах монастыря...).

§ 4. В прозаической речи обособленные приложения с ярко выраженной предикативной окраской появляются в конце XVIII в.

Особенно широкое распространение они получили в прозе Карамзина. Такие приложения не ограничивались рамками художественной прозы, но употреблялись также и в речи научной, публицистической, в письмах, мемуарах и под. Приложения с значением самостоятельного сообщения в прозаической речи носили иной характер, чем в речи стихотворной: обычно они примыкали к определяемому слову и чаще всего находились в постпозиции по отношению к нему — в конце предложения или в середине его. Такие приложения утвердились в русском литературном синтаксисе и в XIX в. получили регулярную употребительность.

Безрассудная роскошь, *следствие рассеянной жизни,* вредна для государства и нравов (Карамз., Приятные виды...); Славяне, ободренные воинскими успехами чрез некоторое время долженствовали открыть в себе гордость народную, *благородный источник дел славных* (Карамз., И. Г. Р., I, III); Не предавайтесь унынию, уважайте жизнь, *единственный источник того добра, которым вы так богаты* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 12 ноября 1823); С тобою маминька, сестрица, братцы и крошечка Настинька, а я был в совершенном почти одиночестве — *настоящий сирота* (Рыл., п. Н. М. Рылеевой, 10 февр. 1825); Сладостное внимание женщин, *почти единственная цель наших усилий,* не только не радовало его сердца, но даже исполняло горечью и негодованием (Пушк., А. П. В., 1); Дипломатия, *достояние просвещения,* возникла в Италии (Моск. вестн., 1828, № 9); Пусть же хоть она [честь] над нами властвует,— *сильное, безусловное, безотчетное чувство* (Кюхельб., Последн. Колонна, 11); Вино, буйство, охота — *их единственные занятия,* не могли внушить им много набожных мыслей (Лерм., Вадим, XIV); Вадим таял: туберкулезная чахотка открылась осенью 1842 года, — *страшная болезнь, которую мне привелось еще раз видеть* (Герц., Б. и д., 1, VI); Самый патриотизм римлянина — *бескорыстнейшее чувство, до которого он мог достигнуть,*— был для него не тем, чем он был для грека (И. Киреевск., О характере просвещ. Европы, Моск. сб., 1852); Это есть явление взаимодействия двух тел друг на друга — *первая степень химического взаимодействия* (Менд., Основы химии, 1, 3); По выпуклым деревянным мосткам и палубам тускло блестели кое-где продольные полоски воды,— *следы тумана* (Бунин, Туман).

В конце XVIII — первой половине XIX в. в прозаической речи возможны были обособленные приложения со значением самостоятельного сообщения и в препозиции по отношению к определяемому слову:

Наконец, *Август времен наших,* Людвиг XIV, сию самую ревность освещает торжественным повелением (Фонв., Торгующ. дворянство); Так кончил жизнь свою, *образец и жертва храбрости,* Щербина, юноша, своим образованием, умом и

твердостью духа подававший надежды! (Марл., Подвиг Овечкина и Щербины); Между деревьями и дуплом кое-где торчали — *памятники великого земного переворота* — огромные, красноватые, будто кровью обрызганные камни (Лажечн., Последн. Новик, 1, 5); Долго скитался я по селам; *товарищ, столько же верный, как и горе,* скрипка доставляла мне пропитание (Там же, 1, 6); *Молодые дворяне,* мало или ничему не учившиеся, без состояния, не зная, куда преклонить главы, они были жандармами потому, что не нашли другого дела (Герц., Б. и д., 2, XI).

Для второй половины XIX в. препозитивные приложения со значением самостоятельного сообщения уже не были характерны.

РАЗВИТИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ С ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОТТЕНКАМИ ЗНАЧЕНИЙ

§ 5. Широкое развитие в стихотворной речи первой половины XIX в. (10—40-е годы) получили приложения, не только характеризующие подлежащее, но связанные по смыслу также и со сказуемым[4] и имеющие различные оттенки обстоятельственного значения (в конце XVIII в. случаи употребления таких приложений единичны). Обладая относительной свободой расположения в предложении, они обычно находились в отрыве от подлежащего,— чаще в препозиции по отношению и к подлежащему и к сказуемому. Приложения этого типа обычно относились к личным местоимениям (иногда — в предложениях с глаголами 1-го и 2-го лица при отсутствующих местоимениях); реже такие приложения относились к существительному.

В предложениях с личным местоимением:

С тех пор, *игралище Борея,* Не сетуя и не робея, Ношусь я, странник кочевой, Из края в край земли чужой (Д. Дав., Листок); Мазепе предался я слепо, *И друг отчизны, друг добра,* Я поклялся враждой свирепой Против великого Петра

[4] Л. А. Булаховский не различает эти разные типы приложений, допуская некоторое противоречие в их трактовке (см. раздел «Приложения» в кн. «Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис»). С одной стороны, он склонен отождествлять предикативную окраску приложений и тяготение к сказуемому, что само по себе неверно: «Приложение, выдвинутое перед определяемым именем существительным, хотя и изолируется ритмо-мелодически, не получает предикативной окраски — тяготения к сказуемому» (стр. 449); с другой стороны, Булаховский вполне обоснованно говорит о том, что предикативная окраска присуща и приложениям, не связанным по смыслу со сказуемым: «Предшествующее имени существительному — носителю высказывания — приложение, обособляемое ритмо-мелодически, в большей или меньшей мере получает предикативную окраску: *О первенец зимы,* блестящий и угрюмый, *Снег первый,* наших нив о девственная ткань! Вяземск., Первый снег» (там же, стр. 447).

(Рыл., Войнаровск., 1); *Искатель новых впечатлений,* Я вас бежал, отечески края (Пушк., Погасло дневное светило...); *Талантов обожатель страстный,* Я прежде был ее поэт (Пушк., Катенину); *Суровый славянин,* я слез не проливал (Пушк., К Овидию); [Чацкий] Потом, подумайте, *член Английского клуба,* Я там дни целые пожертвую молве, Про ум Молчалина, по душу Скалозуба (Гриб., Горе от у., III, 2); Как мой отец, *простой оратай,* за плугом пел свободу я (Веневит., Песнь грека); *Питомец скромных наслаждений,* Доселе в мире ведал я Одне безделки бытия (Языков, А. Н. Вульфу); ***Моей Камены сын ослушной,*** Я чужд возвышенных трудов (Языков, А. А. Дельвигу); Но, *жрица давняя любви,* Она ль не знала, как в крови Родить мятежное волненье (Борат., Бал).

В предложениях с глаголами 1-го и 2-го лица при отсутствующих местоимениях:

Поклонник Муз, поклонник мира, Забыв и славу и любовь, О, скоро вас увижу вновь, Брега веселые Салгира! (Пушк., Бахч. фонт.); *Ленивец милый на Парнасе,* Забыв любви своей печаль, С улыбкой дремлешь в Арзамасе и спишь у графа де-Лаваль (Пушк., Тургеневу); Но за столом, чужд ига, *враг забот,* Бросаю цепь стеснительных законов (Вяземск., Посл. к А. И. Тургеневу); *Безделья вольные сыны,* Томимы грустью безутешной, Поем задумчивые сны И грезы молодости грешной (Языков, Гр. Д. И. Хвостову); *Певец изящного,* забуду ль, Как волновалася во мне, Но самой сердца глубине Восторгов пламенная удаль (Языков, А. С. Пушкину); *Рабы разумные,* послушно согласим Свои пожелания со жребием своим (Борат., К чему невольнику мечтания свободы?).

Употребительность таких приложений во второй половине XIX в. значительно сократилась; однако в стихотворной речи они продолжают употребляться:

Сыны печальные безвестных поколений Мы, сердцем мертвые, мы, нищие душой, Считаем баснею мы век громадный твой И школьных риторов созданием твой гений! (А. Майк., Древн. Рим); *Природы праздный соглядатай* Люблю, забывши все кругом, Следить за ласточкой стрельчатой Над вечереющим прудом (Фет, Ласточки); *Сын севера,* люблю я шум лесной И зелени растительную сырость (Фет, Италия); Там над лаврами, на юге — *Странник бедный* — только ночь Мог я взять себе в подруги (Полонск., Холодеющая ночь); И вот, *безвестный паж,* я властвую толпою! (Надсон, Грёзы); И, *дитя,* беззаветно я верил душой, Что прекрасное — вечно прекрасно! (Надсон, Прежде белые почки весны я любил...); *Два паруса* лодки одной, Одним и дыханьем мы полны (Анненск., Два паруса лодки одной...).

В стихотворной речи первой трети XIX в. нередко встречались приложения, относящиеся к местоимению в косвенном падеже, расположенные в препозиции по отношению к местоимению и нередко в отрыве от него.

Врагу стеснительных условий и оков, Не трудно было *мне* отвыкнуть от пиров, Где праздный ум блестит (Пушк., Чаадаеву); Но *беззаботного поэта,* Меня в те дни уже свирепый рок пастиг (Языков, Кн. П. А. Вяземскому); *Поэту радости и хмеля,* И мне судил могучий рок Нравоучительного Леля Полезный вытвердить урок (Языков, Элегии); Где *другу мира и свободы,* Ни до фортуны, ни до моды, Ни до молвы мне нужды нет (Борат., К кн. П. А. Вяземскому).

Для более позднего периода такие приложения уже не характерны.

В предложениях с именем существительным:

Охотник до журнальной драки, Сей усыпительный Зоил Разводит опиум чернил Слюнею бешеной собаки (Пушк., Охотник до журнальной драки...); *Людей и времени раба,* Земля состарелась в неволе (Вяземск., Море); *Попечитель винограда,* летний жар ко мне суров (Языков, К стихам моим); *Душа героев и певцов,* Вино любезно и студенту (Языков, Душа героев и певцов...).

При именах существительных приложения, тяготеющие к сказуемому, не получили распространения, и в стихотворной речи более позднего периода встречаются редко.

§ 6. Обособленные приложения, тяготеющие к сказуемому и имеющие различные обстоятельственные оттенки значений, в начале XIX в. распространяются и в прозаической речи (у отдельных авторов они появляются уже в конце XVIII в.). В пределах книжной речи они не имели каких-нибудь стилистических или жанровых ограничений. Как и в стихотворной речи, приложения рассматриваемого типа чаще употреблялись при личных местоимениях, чем при именах существительных (употребление их в предложениях с глаголами 1-го и 2-го лица при отсутствующих местоимениях для прозаической речи не было характерно). Однако, в отличие от стихотворной речи, здесь они не пользовались такой свободой расположения и обычно примыкали к местоимению. В употреблении таких приложений на протяжении XIX в. не произошло существенных изменений. Можно лишь отметить, что в первой половине XIX в. преобладала препозиция, а во второй половине и особенно в конце XIX в., они все чаще начинают употребляться в постпозиции по отношению к личному местоимению.

Все молчали в ожидании, что, *оскорбитель всех прав,* я взят буду под стражу (Радищ., Путеш., Зайцово); *Военный человек и еще гусар,* он не хуже всякого профессора знал хронологический порядок событий (Д. Дав., Воспом. о Кульневе);

Отшельник, я ежедневно стараюсь умереть миру (Кюхельб., Последн. Колонна, 5); Но пройдет время, и, *отступники своих идолов,* мы первые готовы сокрушить их (Марл., Испытание, IV); *Чудак по движениям сердца,* он не понимал волокитства (Вельтм., Саломея, 11, I); *Фанатик музыки, пламенный поклонник искусств,* он преимущество дарования ставил чуть ли не выше всех преимуществ (Н. Павл., Именины); *Настоящий философ,* он никогда не полюбопытствовал заглянуть в «университетские чары» математики (Герц., Б. и д., 1, VI); *Страстная, огненная натура,* она принимала самое горячее участие в нашем деле (Там же, 3, XXIII); *Некогда адъютант гвардейского генерала, щеголявшего своими адъютантами, а теперь прекрасно живущий помещик,* он считался одним из первых тузов (Писемск., Тыс. душ, 2, I); *Богач* — я почти веду аскетическую жизнь (Там же, 4, XI); *Ровесники годами, близкие родственники,* они почти никогда не разлучались (Тург., Песнь торжествующей любви, I); *Ничтожное забытое существо, червяк, нищий,*— я однако, обладаю страшной силой воображения и болезненной мечтательностью (Купр., Первый встречный); Он, *человек дурной,* поймет мое извинение как трусость и боязнь (Чех., Неприятность).

В предложениях с именем существительным:

Феатр алчного властолюбия, злодейств, грабительств, междоусобного кровопролития, Россия южная... казалась ему обителию скорби и предметом гнева небесного (Карамз., И. Г. Р., II, XV), *Разбитная, отчаянная голова,* Дмитрицкий нравился всем, кто его знал (Вельтм., Саломея, 11, III); Но графиня, *светская женщина,* тотчас опомнилась (В. Одоевск., Черн. перчатка).

При именах существительных приложения, тяготеющие к сказуемому, в прозаической речи, как и в речи стихотворной, не получили широкого распространения.

Помимо отмеченных случаев, в прозаической речи можно было встретить обособленные приложения с обстоятельственным значением, расположенные в постпозиции и в отдалении от определяемого имени (в непосредственной близости к сказуемому). См. у Герцена:

Повар был поражен, как громом; попрустил, переменился в лице, стал седеть и... *русский человек* — принялся попивать (Б. и д., 1, II); Простая женщина, рыдая, на коленях перед ней сама рассказала ей, что было, и, все же, *наивное дитя народа,* просила прощения (Там же, 4, XXVIII).

Такое употребление не привилось в русском языке; по-видимому, это был синтаксический галлицизм.

РАЗВИТИЕ ПОСТРОЕНИЙ С «АНТИЦИПАЦИЕЙ» И «РЕПРИЗОЙ»

§ 7. У поэтов пушкинской поры очень широко употребляются приложения, раскрывающие значение предшествующего приложению личного местоимения:

Я бы, неба житель вольный, Полетел к родной стране, К ним, *к товарищам рожденья* (Дельв., Разговор с гением); Товарищ, верь, взойдет она, *Звезда пленительного счастья* (Пушк., К Чаадаеву); Я помню их, *детей самолюбивых* (Пушк., Посл. к кн. Горчакову); Она исчезла, *жизни сладость* (Пушк., Кавк. пленник. II); Да! недалек тот день, который был когда-то Им, *нашим Пушкиным*, так задушевно пет! (Кюхельб., Работы сельские приходят уж к концу); Он сияет, *день прекрасный*, В блеске розовых лучей (Языков, Станцы); Они прошли и не придут, *Лета неверных наслаждений* (Языков, В. М. К[няжевич]у); Он загорится день, *день торжества и казни* (Вяземск., Негодование) [5].

В состав приложений этого типа часто входят указательные местоимения:

Покамест упивайтесь ею, *Сей легкой жизнию*, друзья! (Пушк., Е. О., 2, XXXIX); И где ж она, товарищ мой, *Сия волшебная година*? (Языков, Пельцеру); Но зацветут они, мой друг, *Сии Ливонские Афины!* (Языков, Отъезд).

Употребление этих конструкций было вызвано влиянием французского синтаксиса — так называемого приема антиципации (предвосхищения) [6], характерного для французской разговорной речи и проникшего в язык художественной литературы и, в частности, в лирическую поэзию, где они несли в себе яркую эмоциональную окраску.

В русскую стихотворную речь такие построения попадают уже с той стилистической окраской, которая была им присуща во французской поэзии, ср.:

Il disparaît *l'âge si doux, L'âge brillant de la folie* (Parny, Élégie XIII); Il est passé *ce moment des plaisirs* Dont la vitesse a trompé mes désirs (Parny, Délire); Ils viendront *ces paisibles jours, Ces moments du réveil* (Parny, La rechute): Je vous les rends *ces lettres indiscrètes* (Parny, Élégie VII); Il passa, *ce songe enchanteur* (Gresset, Le chartreux); sont-ils donc loin *ces jours de notre histoire...*? (V. Hugo, La statue de Henri IV);

---

[5] О конструкциях описываемого типа см.: В. В. Виноградов. Язык Пушкина, стр. 313—315; Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 450—451.

[6] Л. А. Булаховский называет личные местоимения, предвосхищающие лицо или предмет, на которые они указывают, «обещающими местоимениями» (указ. соч., стр. 450).

Qu'il soit fier dans ces flots, *le fleuve de prophètes*! (V. Hugo, Baptême du duc Bordeaux) [7].

Описываемая конструкция остается устойчивой формулой лирической поэзии и нередко появляется у поэтов второй половины XIX и начала XX в.:

Да, хороши они, *Кавказские вершины* (Надсон, Да, хороши они...); О, бойся их — *ночей ласкающих и нежных* (Надсон, Из тьмы времен); Куда ж они скрылись, *прекрасные грезы?* (Надсон, Из дневника); Он, *этот трепетный и вкрадчивый смычок*, За каждой нотою, и нежной и певучей, Ответных грез будил в груди моей поток (Надсон, Rêverie); О, сколько их — *невыразимых, Ненужных миру чувств и снов* (Бунин, Что в том, что где-то...); Их было много, нежных и любивших, *И девушек, и юношей, и жен* (Бунин, Ночь); Я молил ее, *сиреневую мглу*: «Погости — побудь со мной в моем углу» (Анненск., Сиреневая мгла); Я знал, что она вернется И будет со мной — *Тоска* (Анненск., Стальная цикада).

Конструкции с антиципацией попадают и в прозаическую речь. Однако здесь стилистическая окраска их могла быть иной. Дело в том, что конструкция с личным местоимением, указывающим на лицо или предмет, называемый следующим далее существительным, является одной из черт русского разговорного синтаксиса. Это обстоятельство могло играть известную роль и в распространении конструкции с антиципацией в поэзии пушкинского времени: оно было, по-видимому, той необходимой поддержкой со стороны синтаксической системы русского языка, которая всегда является существенным моментом при заимствовании и усвоении отдельных явлений чужого синтаксиса.

В поэзии непосредственным источником употребления этой конструкции была лирика французских поэтов: был заимствован художественный прием, уже несущий в себе характерную поэтическую окраску. Иначе обстояло дело с прозаической речью. Здесь, в зависимости от характера текста, можно предполагать по крайней мере три источника данной конструкции. С одной стороны, в первой трети XIX в. (в отдельных случаях и позже) таким источником могла быть французская разговорная речь — обиходная

---

[7] По поводу строк из элегии Батюшкова «Умирающий Тасс».: *Повсюду перст ее неотразимый, Повсюду, молнии, карающей певца* — П. А. Плетнев писал, что если местоимение *ее* отнести к слову *молния*, то «оборот сего периода становится не совсем русский». И далее: «У нас многие первоклассные поэты употребляют личное местоименение прежде имени, как здесь: «повсюду перст ее... повсюду молнии», например Пушкин: «*Она* прошла, Пора стихов» или он же: «Ты *их* узнала, дева гор». Но такое словосочинение свойственнее, кажется, французскому языку, с которого оно и взято в русский, как например: «Elle a vécu, Myrto, la jeune Tarentine (Chénier); Ils ne sont plus, ces jours délicieux (Parny)»» (см.: П. А. Плетнев. Сочинения и переводы, т. I. СПб., 1885, стр. 103—104). Рассуждение П. А. Плетнева в более полном виде приводит В. В. Виноградов в книге «Язык Пушкина» (стр. 313).

речь образованного дворянства, находившая непосредственное отражение в письмах, дневниках и т. п. В подобных случаях конструкции с антиципацией носили тот разговорно-фамильярный оттенок, который свойствен им во французском языке, например: *Que fait-il notre bon Guillaume*? (Гриб., п. Ю. К. Глинке, 26 янв. 1823). С другой стороны, таким источником могла быть русская разговорная речь, находившая отражение в художественной прозе,— обычно в воспроизведениях диалога. Однако, в отличие от французского языка, в русской разговорной речи, при той же последовательности частей, личные местоимения обычно указывают на явления, упомянутые в предшествующем контексте или подсказываемые ситуацией, например: Полно, полно, любезный князь, успокойся и предоставь все времени.— Оно во гробе, *мое успокоение*,— отвечал я (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, XIX). Наконец, в ориентирующейся на поэтические приемы художественной прозе лирического характера (обычно — в авторской речи) непосредственным источником таких построений могла быть поэзия, и конструкции с антиципацией обладали здесь той же стилистической окраской, что и в стихотворной речи. Многообразие источников данной конструкции в прозаической речи обусловило возможность таких употреблений, в которых можно предполагать скрещение разных влияний.

Он умер от старости, *бедный Трезор мой,* охранявший меня почти от самой колыбели (Жих., Зап. совр., I, 17 мая 1805); Он не забыл его, *наш «старый дом»* (Герц., Б. и д., 1, IV); Чувствуешь, что она, наконец, устает, истощается в вечном напряжении, *эта неистощимая фантазия* (Дост., Белые ночи, 1); Оно было близко, страшно близко, *это море* (Станюк., Вокруг света на «К.», 1, 4, II); Он пел, он воспевал самоуверенно, *этот черный дрозд* (Тург., Дрозд (I)); Они дышали вечностью, *эти звуки* (Там же); И вот оно наступило, *это необыкновенное, это неожиданное!* (Тург., Сон, XIII); Вот они стоят по стенам — *мои холсты, этюды и эскизы, неоконченные, начатые картины* (Гарш., Над. Никол., I); Он растет, *мой маленький мальчик,* славный и умный (Серг.-Ценск., Верю!); Все они то расходились, то сходились, плавали, таяли в голубом свете — *черные тени, съедаемые сном* (Серг.-Ценск., Молчальники, II); На душе было неприятно и неловко: шел я смотреть ее, *прославленную Сикстинскую Мадонну* (Верес., Мать); Слышишь ли ты ее, *эту тишину гор?* (Бунин, Тишина); И всюду она, *эта всепроникающая власть тайны* (Бунин, У истока дней, VIII) [8].

§ 8. У поэтов пушкинской поры появляется и другая конструкция, родственная рассмотренной выше,— с обратным порядком ча-

[8] Материалы из современных авторов см.: А. С. Попов. Номинативные предложения и сходные с ними конструкции в совр. русск. языке. Канд. дисс. М., 1958.

стей. Она представляет собой выдвинутое вперед и резко обособленное существительное в именит. падеже, предшествующее личному местоимению, непосредственно связанному со сказуемым. Эта конструкция становится характерным приемом стихотворной речи XIX в.:

Хранитель гений мой — любовью В утеху дан разлуке он (Батюшк., Мой гений); *Сей мир поэзии обычной* — он тесен славе (Языков, Сомнение); Твоя мольба всегда верна; *И мой обет* — он совершится! (Языков, Ау!); *Стыдливости румянец невозвратный,* Он улетел с твоих младых ланит (Тютч., К N. N.); *Но этих глаз чистосердечье* — Оно всех демонов сильней (Тютч., Как ни бесилося злоречье...); *А уж месяц, что всплыл над зубцами аллей И в лицо прямо смотрит,*— он жгуч! (Фет, Благовонная ночь, благодарная ночь...); *И сова* — пусть она не тревожит мой слух И, слепая, подальше усядется (Полонск., Чтобы песня моя разлилась как поток...); *Но бездны страх* — он не исчез (Бунин, Пока я шел, я был так мал!).

В первой трети XIX в. употребление этой конструкции в стихотворной речи могло быть вызвано непосредственным влиянием французской конструкции с так называемой репризой:

Quoi! je suis seul? O dieux! où sont donc mes amis? A! *ce coeur que, toujours à l'amitié soumis, d étendre ses liens fit son besoin suprême,* Faut-il l'abandonner, le laisser à lui-même? (A. Chenier, Élégies, XII); *Ces noirs transports* sont-ils la poésie? (Gresset, Epitre à ma Muse); *Ce livre errant que va l'aile brisée, Et que le vent jette à votre croisée Comme un grêbon à tous les murs cogné,* Hélas! ils sont des tempêtes publiques (V. Hugo, Envoi des feuilles d'automne).

В прозаической речи такие конструкции, в особенности соответствующие объектной репризе (см. пример из А. Шенье), не получили широкого распространения. См. у Тургенева:

Другое чувство тотчас овладело мною: *Эта улица, которая растянулась перед моими глазами, вся немая и как бы мертвая* — я ее узнал (Сон, XIII) [9].

РАЗВИТИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ, СТРОЯЩИХСЯ НА ОСНОВЕ ПОВТОРЕНИЯ ОПРЕДЕЛЯЕМОГО СЛОВА

§ 9. В прозе конца XVIII в.— преимущественно у Карамзина — появляются приложения, строящиеся на основе повторения определяемого слова и вводящие новое к нему определение (часто — в форме придаточного предложения).

---

[9] В русской разговорной речи и в говорах есть конструкция, близкая к описанному типу (см.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 20, 199). Однако в литературе XIX в. она не нашла заметного отражения.

Но истина остается в своей цене — *истина, что все особенные, случайные, искусственные удовольствия не стоят общих природных* (Карамз., Разг. о щастии); Я хочу спастись от кораблекрушения с моим добрым мнением о провидении и человечестве, *мнением, которое составляет драгоценность души моей* (Карамз., Филалет к Мелодору); Еще не можем умолчать об одном похвальном обыкновении боярина Матвея, *обыкновении, которое достойно подражания во всяком веке и во всяком царстве* (Карамз., Нат. боярск. дочь); Я узнал тайну гревзенского незнакомца,— *тайну страшную!* (Карамз., О-в Борнгольм); Я начну оную с самого дня моего рождения, *дня достопамятного в моей истории* (Болот., 1, 4); Продолжалась она во все время царствования императора Петра III — *время, которое в истории всех земель, а особливо нашего отечества, останется навеки достопамятным* (Там же, 1, 1).

Приложения такого типа, впоследствии получившие широкое распространение, давали возможность вводить новые, нередко очень распространенные определения, не нарушая ясности и синтаксической стройности предложения. В XIX в. в книжной речи такие приложения получили регулярную потребительность:

Автор принадлежит к молодой школе московских литераторов, *школе, которая основалась под влиянием новейшей немецкой философии* (Пушк., Денница); Как хорош контраст этой пылкой души с величавым спокойствием старца, бесстрастного наблюдателя добродетелей и преступлений своих сограждан,— *старца, внушительный взгляд которого производит такое живое впечатление на молодого собеседника!* (Веневит., Разбор отрывка из трагедии г. Пушкина); В три дня, как на крыльях, перенеслись мы из сложной общественной жизни Европы в роскошно-вегетативную жизнь Италии,— *Италии, которую за все ее заслуги должно бы на карте означить особой частью света* (Борат., п. П. В. Путяте, апр., или май 1844); Она приняла за святой долг сохранением душевного спокойствия сохранить здоровье носимого ею младенца и упрочить тем его существование,— *существование, в котором заключались ее надежды, вся будущность, вся жизнь* (Акс., Сем. хрон., Жизнь в Уфе); Какое-то равнодушие в начале пути, *равнодушие непростительное и уставшему нашему брату* (И. Пущин, п. Е. А. Энгельгардту, 5 марта 1845); Главная красота этих типов в правде, *правде бесспорной и осязательной* (Дост., Пушкин); Но задач перед этою истинною антропотехникою стоит очень много,— *задач широких и трудных,— может быть, неразрешимых, но тем не менее настоятельно требующих разрешения* (Верес., Зап. врача, XIV).

В риторически окрашенной художественной прозе приложения этого типа приобретают подчеркнуто экспрессивный характер:

И Лиза, *робкая Лиза*, посматривала изредка на молодого человека (Карамз., Бедн. Лиза); И слезы их, *слезы сладкие*, оросили их щеки (Нарежн., Два Ивана, 2, XVIII); Первый предмет, поразивший меня, была береза, *северная береза!* (Пушк., Отр. из письма к Дельвигу); Так он постигнул тайну природы, *ужасную, бесполезную тайну* (Борат., Перстень); Кидая на нее взор свинцовый, *отчаянный взор*, один из тех, пред которыми, кажется, стены должны бы были рушиться (Лерм., Вадим, XII); Наконец, мы въехали в урему, *в зеленую, цветущую и душистую урему* (Акс., Детск. годы Багр. вн., Сергеевка); Лицо его с небольшой седой бородкой, *простое, русское, загорелое лицо*, было красно, мокро от росы и покрыто синими жилочками (Чех., Степь, VI); Видна была огромная, мягко синеющая долина реки, луга, леса, смуглые золотистые пески за ними и даль, *нежная южная даль* (Бунин, В августе).

Приложения, распространенные несколькими определениями осложненного характера, в художественной прозе были относительно редки.

Над черными нивами вился легкий парок, наполнявший воздух запахом оттаявшей земли,— *тем свежим, вкрадчивым и могучим пьяным запахом весны, который даже в городе узнаешь среди сотен других запахов* (Купр., Олеся, IV).

В поэтической речи основной формой таких приложений также становятся группы прозрачной структуры, с одним или двумя определениями в составе обособленной группы:

Я слышал страшный глас, *глас сердца моего* (Карамз., К неверной); И прах, *твой гнусный прах,* ветр по полю развеет (Гнедич, Перуанец к испанцу); Брось на него ты взор, *взор грозного презренья* (Дельв., К А. С. Пушкину); Предамся всей порывной силе Моей любви, *любви святой* (А. Одоевск., Элегия); Я раннее «прости» сказал младой весне, *Весне надежд и заблуждений!* (Вяземск., Негодование); Приял страдальческий венец — *венец прекрасный и нетленный* (Рыл., Видение имп. Анны); Твой грустный шум, *твой шум призывный* Услышал я в последний раз (Пушк., К морю); Но прежних сердца ран, *Глубоких ран любви,* Ничто не излечило (Пушк., Погасло дневное светило...); И мир поэта, *мир высокий* Мне вовсе недоступен был (Языков, Кн. П. А. Вяземскому); Ты пела мне тогда, и песнь твоя звенела Тоской, *безумною и страстною тоской* (Надсон, Ты помнишь, ночь вокруг торжественно горела...); И долгий крик, *звенящий крик тоски,* Вдруг раздается жалобно и властно (Бунин, Кондор).

С такими приложениями внешне совпадают построения другого типа, имеющие характер собственно повтора:

Кружится жаворонок звонкий; Лазурней тихий небосклон, И *воздух чистый, воздух тонкий* Благоуханьем напоен (Рыл., Наливайко);

»I привез тебе гостинец! То гостинец не простой: С поля битвы *кабардинец, Кабардинец удалой* (Лерм., Дары Терека); *Вешней лени, топкой лени* члены полны у меня (Фет., Весна на юге).

РАЗВИТИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ С УКАЗАТЕЛЬНЫМИ МЕСТОИМЕНИЯМИ *СЕЙ, ЭТОТ*

§ 10. Во второй половине XVIII в. начинают употребляться — главным образом, в прозе — приложения с указательным местоимением *сей* в экспрессивно характеризующей функции. Употребительность таких приложений достигает апогея к началу XIX в. Особенно часты они были в речи, изобилующей перифразами, метафорами, эпитетами, различными формами эмоциональной оценки (в этом отношении выделялся язык Карамзина).

Честь, *сия страсть благородных душ, сие к великим делам побуждение,* не всегда по истинному ее свойству представляется (Фонв., Торгующ. дворянство); Во время сего путешествия имел я еще первый случай досыта насмотреться на море, *сие неизмеримое скопище вод!* (Болот., 1, 28); Место скуки заступило в душе Османа любопытство — *сей источник человеческих познаний* (Изм., Ибрагим и Осман); Каким образом человек, *сие разумное, кроткое благородное существо,* дошел до такой жестокости (Путеш. критики, X); Она сливается в чувствительной системе нашей со всеми пленительными воспоминаниями весенних лет, *сего красного утра жизни* (Карамз., Филалет к Мелодору); Стоя на горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, *сию ужасную громаду домов и церквей,* которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра (Карамз., Бедн. Лиза); Наконец, я оставляю Париж, *сию шумную столицу забав и веселостей, сие обиталище разврата и пороков* (Рыл., Письма из Парижа, 8); Не для того ли созданы все чувства человека, чтоб на богатом древе жизни породить мысль, *сей божественный плод, приуготовляемый цветами фантазии*? (Веневит., Утро, полдень, вечер и ночь) [10].

В стихотворной речи конца XVIII — первой трети XIX в. приложения с указательным местоимением в экспрессивно характеризующей функции употреблялись несравненно реже, чем в прозе. В основном это были приложения с местоимением *сей*:

И звезд царя, *сего венчанного возницу,* Румяною рукой, взвела на колесницу (Держ., Утро); Если вы в часы свободные удовольствие находите в русских баснях, в русских повестях, в смеси былей с небылицами, *в сих игрушках мирной праздности, в сих мечтах воображения...* (Карамз., Илья Муромец); Приближьте знак любви, *сей таинствен-*

[10] Материалы см. также в кн.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Лексика, стр. 440—441.

ный крест (Батюшк., Умирающий Тасс); Чудак печальный и опасный, Созданье ада иль небес, *Сей ангел, сей надменный бес,* Что ж он? (Пушк., Е. О., 7, XXIV); Совесть, Незванный гость, докучный собеседник, Заимодавец грубый, *эта ведьма, от коей меркнет месяц* (Пушк., Ск. рыц., II).

Для стихотворной речи послепушкинского периода такого типа приложения уже не характерны.

Наплыв этих конструкций наблюдается в романтической прозе 30-х годов (уже с местоимением *этот*) у авторов, стиль которых отличался аффективностью, обилием метафор и перифраз. Наклонность к перифразам в особенности способствовала частому употреблению приложений данного типа.

Случай — *эта повивальная бабушка всего худого и доброго* — натолкнул как будто нарочно капитана на долгоногого Гензиуса (Марл., Лейт. Белозор, VIII); Мечты — *это животное-растение, взбегающее в сердце и цветущее в голове,*— летали вместе с дымом около Гремина (Марл., Испытание, I); Смех, *эта Клеопатрина жемчужина,* растаял в бокалах (Там же); Русский народ, *этот сторукий исполин,* скорее перенесет жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его (Лерм., Вадим, IV); Вообразил, что нашел Гётеву Миньону, *это причудливое создание его немецкого воображения* (Лерм., Тамань); Дочь Густава, *этот феномен ума и странностей,* хотела только собирать дань удивления чуждых народов (Лажечн., Последн. Новик, 1, 1).

После 30-х годов употребительность таких приложений резко падает.

РАЗВИТИЕ НОМИНАТИВНЫХ ГРУПП С ПРЕДИКАТИВНО-ХАРАКТЕРИЗУЮЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ

§ 11. В прозе конца XVIII — нач. XIX в. появляются номинативные группы предикативно-характеризующего значения[11], употреблявшиеся в одних случаях в составе предложения, в других — в виде отдельных предложений и стоящие на грани между образованиями полупредикативного характера и собственно предикативными.

Такого типа номинативные группы могли относиться к какому-нибудь одному слову или сочетанию, стоящему в косвенном падеже:

---

[11] Говоря о пристрастии Карамзина к таким назывным сочетаниям, Л. А. Булаховский называет их «аффективными заключениями-характеристиками», например: Скоро отдали Леону ключ от желтого шкапа, в котором хранилась библиотека покойной его матери и где на двух полках стояли романы, а на третьей несколько духовных книг: *важная эпоха в образовании его ума и сердца!* (Рыц. нашего вр.) (см.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 258).

Хан велел умертвить в городе всех людей безоружных, жен, младенцев, и назвал Козельск Злым городом: *имя славное в таком смысле!* (Карамз., И. Г. Р., III, VIII); Удивляясь красоте и разуму ее, всякий удивлялся, между прочим, и скромности ее взоров: *искусство, одним милым женщинам свойственное* (Карамз., Юлия); Однажды весною — *время, которое всегда напоминало Юлии первую весну замужества ее* — она пошла гулять с маленьким своим Эрастом (Там же); Кипренский очень удачно улавливает сходство: это качество — отличительная черта в портрете Пушкина, им недавно написанного: *мастерское произведение* (Моск. вестн., 1828, № 1); Душа его плавала, как индийская перл, в испарениях чувств, забыв досаду и надежду, довольная собственной любовью, одною любовью,— *чувство, непонятное многим, но тем не менее сладкое для немногих* (Марл., Лейт. Белозор, V); Горячо принялся за все приготовления к переселению крестьян: *дело очень хлопотливое и трудное по довольно большому расстоянию* (С. Акс., Сем. хрон., Переселение).

Чаще такие группы относились ко всему предложению в целом:

При сем случае в первый раз случилось еще нам печь хлебы сии в земляных печах и растворять квашни в ямах: *зрелище до того невиданное и по новости своей любопытное* (Болот., 1, 38); Так грех попутал, ответствовали они — *обыкновенное извинение раскаявшихся злодеев*! (Путеш. критики, XXIV); Разумеется, что его одели уже по моде: *маленькая слабость женщин!* (Карамз., Рыцарь); Та и другой с хорошим родством, тот и другая независимы и богаты — *случай, удаляющий всякую мысль о корысти* (Марл., Испытание, IV); Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками,— *верный признак некоторой скрытности характера* (Лерм., Максим Максимыч); На стене ни одного образа — *дурной знак*! (Лерм., Тамань); Он владел всеми европейскими языками и — *редкое явление среди инженеров* — обладал, кроме своей специальности, самыми разнообразными знаниями (Купр., Молох, VI); И непременно критикует — *рабская черта*! (Чех., Дуэль, VIII); Голова острижена под самую низкостригущую машинку,— *прием удобный для смягчения плеши* (Ф. Солог., Мелк. бес, X); Среди спокойных серых облаков... появились оранжевые оттенки,— *признак того, что холодеет* (Бунин, «Надежда»).

После 40-х годов XIX в. наблюдается некоторый спад употребительности этих конструкций; однако они сохраняются как устойчивая черта книжного синтаксиса,— там, где возможны были устремления эстетического порядка, т. е. преимущественно в художественной прозе и публицистике, реже — в мемуарах, дневниках, письмах.

УТРАТА НЕЗАВИСИМЫХ НОМИНАТИВНЫХ ГРУПП С ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

§ 12. В первой половине XIX в. можно было встретить синтаксический галлицизм — независимые номинативные группы, по значению аналогичные приложениям, тяготеющим к сказуемым (см. §§ 5, 6), но отличающиеся от них отсутствием согласования с тем словом — наличествующим или подразумеваемым,— к которому они относятся по смыслу. Эти номинативные сочетания обычно начинали собою предложение.

От юности моей враг чопорных утех, Мне душно на пирах без воли и распашки (Д. Дав., Гусарск. исповедь); *Дочь туманного созвездья* — Красных дней и ей не знать (Вяземск., Хандра); *Шести досок жилец уединенный*, Не зная ничего, оставленный, забвенный, Ни славы зов, ни голос твой Не возмутит надежный мой покой! (Лерм., Я счастлив!— Тайный яд течет в моей крови...), *Богиня строгая* — ей нужен пьедестал (А. Майк., Возвышенная мысль достойной хочет брони);— *Виновник смерти отца*,— думал я,— куда мне было обратиться? (Лажечн., Последн. Новик, 1, 6); *Счастливые безумцы, никогда не трезвеющие*,— им незнакома внутренняя борьба (Герц., Б. и д., 5, XXVI).

Отмеченная конструкция — явный галлицизм — к середине XIX в. выходит из употребления [12].

§ 13. Другой тип независимых номинативных групп, появившихся в первой половине XIX в. под влиянием французского синтаксиса и позже утраченных,— распространенное существительное с узким обстоятельственным значением, указывающее на непосредственно воспринимаемые или воспроизводимые в сознании черты внешнего вида или внутреннее состояние лица:

И та, о ком душа в тоске мечтала,— *Чело в звездах под светлой пеленой*, В чудесном сне очам его предстала (Козлов, Видение Танкреда); Когда, с угрозами, и *слезы на глазах*, Мой приклиная век, утраченный в пирах, Она меня гнала, бранила и прощала (Пушк., Андрей Шенье); Сладкий жребий Поликсены! С женихом рука с рукой, *Взор любовью распаленный*, И, гордясь сама собой, Благ своих не постигает (Жуковск., Кассандра); И тяжкой думой обуян, *Тоска в душе и скорбь на лике*, Вошел правитель Иоанн В чертог дамасского владыки (А. К. Толст., Иоанн Дамаскин); Братья удалились к стороне: сели под иву, которая шатром развесилась над берегом, и *рука в руке, взоры в глазах друг друга*, разговаривали они об родных и родине (Марл., Замок Нейгаузен, V) [13].

[12] См. об этом: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 245; его же. Язык Пушкина, стр. 316; Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 268.

[13] Материалы см. также в работах В. В. Виноградова и Л. А. Булаховского.

Ср.: Je regardais avec effroi ses trois fatales compagnes; elles étaient debout sur une même ligne, *le visage sombre, les lêvres serrées et les yeux fermés* (Diderot, La religieuse).

Итак, книжный синтаксис в XIX в. обогатился целым рядом разновидностей обособленных приложений и других обособленных номинативных групп. Распространение обособленных приложений было одним из звеньев характерного для русского литературного языка XIX в. общего процесса развития полупредикативных конструкций. В это время в языке активизировалось стремление выражать самостоятельный предикативный признак в форме обособленных предицирующих членов. Эта тенденция проявилась в развитии обособленных приложений с значением самостоятельного добавочного сообщения, обладавших резкой предикативной окраской (ср. аналогичный процесс в области обособленных групп с именем прилагательным).

Обособленные приложения, как и обособленные группы с именем прилагательным, в XIX в. распространялись в функции членов, тяготеющих к сказуемому и обладающих различными обстоятельственными оттенками значений, т. е. в такой функции, которая ранее была свойственна только причастным оборотам.

Получили развитие и другие разновидности обособленных номинативных групп: номинативные группы с «предвосхищающими» их или с постпозитивными личными местоимениями; приложения, повторяющие определяемое слово и вводящие новое к нему определение; приложения с указательными местоимениями *сей*, *этот* (главным образом — в первой трети XIX в.); номинативные группы предикативно-характеризующего значения.

Преимущественной сферой распространения обособленных приложений, появившихся в XIX в., была художественная проза и стихотворная речь. Однако отдельные виды приложений употреблялись и за пределами художественной литературы — чаще в таких областях книжной речи, которые не были лишены устремлений эстетического порядка

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ СОЮЗНЫХ СОЧЕТАНИЙ ВНУТРИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(Сочетания групп слов или групп слов и зависимых предложений)

УТРАТА СОЮЗНЫХ СОЧЕТАНИЙ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С РАЗНЫМИ ФУНКЦИЯМИ И АКТИВИЗАЦИЯ СОЧЕТАНИЙ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОДИНАКОВЫМИ ФУНКЦИЯМИ

§ 1. В конце XVIII — нач. XIX в. возможны были союзные (при помощи соединительных союзов,— главным образом, союза *и*) сочетания членов предложения[1] с разным характером отношений к господствующему слову. Объединяющим моментом для них, достаточным для постановки союза, был сам по себе факт отнесенности их к одному и тому же слову. Такие сочетания широко употреблялись наряду с союзными сочетаниями членов предложения, имеющих одинаковый характер отношений к господствующему слову.

Начиная с 20—30-х годов XIX в. заметным становится стремление к союзному объединению членов предложения только в том случае, если постановка союза оправдывалась общностью функций; в связи с этим начинают выходить из употребления союзные сочетания членов предложения с разными функциями[2]. В то же время союзные сочетания членов предложения с одинаковыми функциями приобретают все большую активность — особенно во второй половине XIX в.

Сложная картина возникала в сочетаниях оборотов с полупредикативным значением друг с другом и с другими членами предложения — в силу возможности двусторонней связи (например, с

[1] Термин «члены предложения» употребляется здесь в широком смысле: сюда включаются и обособленные обороты с полупредикативным значением.

[2] Показательно, что большая часть случаев употребления союзных сочетаний структурно разнотипных конструкций, которые русскими грамматиками признавались неправильными, представляла собой сочетания конструкций именно с разными функциями (см., например: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, стр. 544).

подлежащим и со сказуемым) и двойственности функций таких оборотов. В такого рода сочетаниях одна из функций могла совпадать с функцией другого элемента, а другая отличаться от нее. Хотя такие сочетания и имели тенденцию к сокращению употребительности, но все же возможность их употребления в языке XIX в. не была утрачена окончательно.

Из сказанного следует, что в одних и тех же разновидностях союзных сочетаний в одних случаях сохранялась возможность их употребления в русском литературном языке, в других случаях такая возможность была утрачена.

§ 2. В конце XVIII — нач. XIX в. употреблялись союзные сочетания причастного и деепричастного оборотов с разными или частично совпадающими значениями:

Чрез долгое время *носимый* плод сей *по морям и напитавшись солеными частицами* довольную получает твердость и тяжесть (Лепехин, Путеш., Уйская губа, Живой камень); Струя, в пучине погруженна, *Взбежав сверх волн и освещенна,* Блестит зарницей вдруг, как луч! (Держ., На Новый 1798 год); На другой день Милов *одевшись как можно лучше и сопровождаемый свахою*, идет невесту посмотреть, а себя показать (Изм., Бедн. Маша); Но, *шумом бала утомленный И утро в полночь обратя*, Спокойно спит в тени блаженной Забав и роскоши дитя (Пушк., Е. О., 1, XXXVI); Для примера упомянем о Павлоградском гусарском, который, *составленный весь из рекрут и не доходя еще до своего назначения*, в одной сшибке с неприятелем разбил его на-голову (Грпб., О кавалерийск. резерв.); Генерал-майор Тучков 3-й, *опрокинув сильную неприятельскую колонну и увлеченный успехом*, во время к ночи уже клонящееся взят в плен (Ермолов, Зап., I, 1812); Я через пять минут сидел уже под святыми, за набранным столом, *усердно потчуемый радушным хозяином и попав вместо бала на сельские посиделки* (Марл., Страшн. гаданье).

После 30-х годов XIX в. такие сочетания употребляются реже, встречаясь лишь у отдельных авторов.

Усевшись в Вентноре и одолеваемый такой праздностью, что «больно было перо взять в руки», по собственному его выражению, Тургенев задался мыслью основать общество для обучения грамоте народа (Анненк., Воспом., Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым, II); Так, однажды, *приглашенный И. М. Толстым на охоту и дав ему слово*, Тургенев не почел за нужное обременять себя исполнением обещания (Там же, I); Слуга Григорий, *замысливший свое лечение и, видя, что совершенно некому стеречь дом,* может быть, отложил бы свое лечение и сел караулить (Дост., Бр. К., 12, VIII).

В то же время союзные сочетания причастного и деепричастного оборота с полностью совпадающими значениями продолжают употребляться регулярно без каких бы то ни было изменений.

Жительствуя среди столь тесных душ и подвизаемые на малости ласкательством наследственных достоинств и заслуг, многие государи возмнили что они суть боги (Радищ., Путеш., Выдропуск); Лакапин, *не уверенный в победе и желая спасти империю от новых бедствий войны со врагом отчаянным,* немедленно отправил послов к Игорю (Карамз., II. Г. Р., I, VI); Бунтовщики бежали, *давя друг друга и беззащитно убиваемые солдатами* (Пушк., Ист. Пугач., Рукописные редакции отдельных мест первой части); Печорин, *закутанный в шинель и надвинув на глаза шляпу,* старался продраться к дверям (Лерм., Кн. Л., III); Даже толстая моя бабушка, *едва держась на ногах и кем-то поддерживаемая,* поплелась к нему (Акс., Детск. годы Багр. вн., Багрово зимой);— Укачало,— подумал со страхом Ашанин, *впервые понявший всю мучительность морской болезни и чувствуя неодолимое желание глотнуть свежего воздуха* (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 4, II); Вокруг столба,... *запряженные в ряд и образуя один длинный радиус,* бегали двенадцать лошадей (Чех., Красавицы, I).

§ 3. Широко распространены были в конце XVIII — первой трети XIX в. союзные сочетания деепричастных оборотов и существительных с предлогами — с несовпадающими или частично совпадающими значениями.

Читавши в оном стихи и от частого произношения одних речей, зачала у меня побаливать голова (Фонв., Всякая всячина. ЛК); *В сем месте и не входя в прусские границы,* стояла армия опять целую неделю (Болот., 1, 40); Чтобы вы могли — *в недрах семейства и следуя нежнейшим вдохновениям чувств супруга, сына или отца,*— размыслить о тех правилах (В. Е., 1802, февр., № 3); *Сняв ранцы и с пособием подвод,* пехота проходила не менее сорока верст в сутки (Ермолов, Зап., I, 1812); *В облегчение изложенных мною затруднений и ускоряя распоряжения Артиллерийского департамента,* государь приказал... (Там же); Уже скакал подле меня на турецком жеребце, с гибким куртинским дротиком в руке, *с кинжалом за поясом и бредя о турках и сражениях* (Пушк., Путеш. в Арзр., 2); *Из одного удовольствия сбить с толку слушателей и наслаждаясь их распутыванием узла,* он притворялся совсем не таким человеком, каким был за минуту (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

После 30-х годов XIX в. такие сочетания употребляются редко — у отдельных авторов. Вот некоторые примеры.

Но я, *по просьбе генерала Дубельта и основываясь на сведениях, собранных об вас,* докладывал е. в. о болезни вашей супруги (Герц., Б. и д., 4, XXVI); *В аллее, и уже подъезжая к отелю,* у ней начали вырываться восклицания (Дост., Игрок).

Союзные объединения деепричастных оборотов и предложных сочетаний с совпадающими значениями на протяжении XIX в. не претерпели изменений.

Она, приникнув к изголовью, Сидела *с тихою любовью И не сводя с меня очей* (Рыл., Войнаровск., 1); Василиса Егоровна вошла в комнату, *задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным* (Пушк., К. д., VI); Проснулся, *обливаясь потом и почти без памяти* (Вешевит., Что пена в стакане — то сны в голове); Переспросила Нина с притворным равнодушием, однако *голосом, внезапно, против ее воли, задрожавшим, и опуская глаза в землю* (Купр., Молох, VI); Толпа студентов, белых от снега, *весело разговаривая и со смехом*, прошла мимо него (Чех., Припадок, V); В присутствии гостьи сидел *развалясь и со шляпой на затылке* (Чех., Именины, I).

В 30—40-е годы XIX в. происходит резкое сокращение употребительности союзных сочетаний деепричастных оборотов и предложных сочетаний с причинным значением (оттенки причинного значения могли не совпадать). В конце XVIII — первой трети XIX в. употребление таких сочетаний было обычным.

И так *для вышеуказанных обстоятельств, а притом имея к чужестранным словам, язык наш безобразящим, совершенное отвращение,* назвал я комедию «Щепетильником» (Лукин, Предисл. к «Щепетильн.»); *Но причине изобилия в Кумысе и сообразуясь своей бодрости,* играют они свадьбы только летом (Чулк., Сл. русск. суеверий); Стал более любить меня, может быть *примечая доброту моего сердца или за открывающиеся во мне некоторые дарования* (Фонв., Чистосердечн. призн., 2); *Не умея совсем плавать, и по глубине сего места в пруде,* чистехонько мог бы я тогда утонуть (Болот., 1, 16); Она выходит за Владимира *не по земной любви, а желая единственно обратить его в христианство* (Карамз., О случаях и характерах); *С досады, наконец, и выбившись из сил,* Даю зарок не знать ни перьев, ни чернил (Вяземск., К В. А. Жуковскому); Но *с досады И все надежды потеряв,* Упрямится печальный граф (Пушк., Гр. Нулин); Не отвечаю ему *за недосугом и спеша отправить на почту мой посильный оброк его альманаху* (Борат., п. И. В. Киреевскому, 29 ноября 1829).

Сокращение употребительности таких сочетаний было связано с сокращением употребительности деепричастных оборотов с причинным значением (см. раздел «Изменения в области деепричастных оборотов», § 6).

Сочетания деепричастных оборотов с наречиями (Била по бедрам моей лошади на половину отвязавшаяся и на портупее висевшая моя шпага, чего *второпях и не смея назад оглянуться*, не мог я никак разобрать. Болот., 1, 26) в своем развитии были подвержены тем же закономерностям, что и сочетания деепричастных оборотов с предложными группами.

§ 4. В начале описываемого периода были возможны **союзные** сочетания деепричастных оборотов с деепричастиями совершенного и несовершенного вида, имеющих разные или частично совпадающие значения:

Упражняясь и прославившись в словопрении, вздумалось мне начать упражняться гораздо в важнейшем (Изм., Евгений, 2, III); Митридат Эвпатор, *господствуя на южных берегах*

Черного моря и завладев Боспорским царством, утеснил и скифов (Карамз., И. Г. Р., I, 1); *Происходя из аристократической фамилии* (отец его был адмиралом) *и выйдя из Лицея в гвардейскую артиллерию*, где ему представлялась блестящая карьера, он оставил эту службу и перешел в статскую (Басарг., Воспом. о Пущине); Дядя мой Ив. Ив. Дмитриев, *увидевшись с Филатовым и уважая его старческую решимость*, спросил его... (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

Позже такого рода сочетания выходят из употребления и встречаются крайне редко. В то же время сочетания деепричастных оборотов с деепричастиями разного вида, но с совпадающими значениями и с общим «временным планом» [3], не претерпели изменений на протяжении XIX в.

Россияне, *обнажив мечи и закрываясь щитами*, устремились на берег (Карамз., И. Г. Р., I, VII).

§ 5. В конце XVIII — **первой трети** XIX в. употреблялись союзные сочетания причастных оборотов с предложными группами или наречиями с несовпадающими или частично **совпадающими значениями:**

Пошли спартанские матери, коих сыны в битве убиены, *в торжестве и цветами увенчанные* во храм благодарить богов за дарование им толь храбрых чад (Фонв., Рассужд. о нац. любочестии); Нашел его еще *в живых и его незабывшего* (Болот., 1, 2); Австрия, *в надежде на дружественное расположение курфирста Баварского, и обольщенная им*, заложила знатные магазины в его владениях (Ермолов, Зап., I, 1805); *Довольно сурово, но видимо и грустно озабоченный*, приказал он мне сесть и писать под диктовку его (Вяземск., Автобиограф. введение, II); Возвращаясь в гостиную, он нашел Богданова уже *там и читающего книжку* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

Для более позднего периода такие сочетания уже не характерны. В употреблении таких же сочетаний, но с полностью совпадающими значениями элементов, никаких изменений на протяжении XIX в. не произошло.

Увидел я среди мятежных старшин Швабрина, *обстриженного в кружок и в казацком кафтане* (Пушк., К. д., VII); В златом сиянии лампады полусонной И отворя окно в мой садик благовонный, *То прохлаждаемый, то в сладостном жару* Следил я легкую кудрей ея игру (Фет, В златом сиянии лампады полусонной...); Он еще носится в открытом море создания, *колеблемый всеми соображениями писателя и без берега в виду* (Анненк., Воспом., Гоголь в Риме, II).

§ 6. В конце XVIII — нач. XIX в. употреблялись союзные сочетания причастных оборотов и обособленных

[3] См.: Г. В. Валимова. Нераспространенные и распространенные деепричастные конструкции, стр. 33.

приложений — с несовпадающими или частично совпадающими значениями.

Люди мои узнали в нем своего прежнего сотоварища, *ушедшего от меня за несколько дней до сего времени и величайшего плута и бездельника* (Болот., 2, 87); Возобновил я знакомство с одною живущею тут старушкою фамилии Бакеевых, а *по имени Марфою Маркеловною, и бывшею матери моей недальнею родственницей* (Там же, 1, 21); Приятельницею ее была... Катерина Романовна Воронцова, *бывшая в замужестве за князем Дашковым и женщина отличных свойств* (Там же, 2, 99); Музыка, принадлежащая одному *помещику и служащему тут Милорадовичу* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XIX); Француз Перрен, мужчина лет сорока, видный собою, ловкий, вкрадчивый, *мастер говорить и выдававший себя каким-то баярдом, великодушным, щедрым, сострадательным и готовым на всякое доброе дело* (Жих., Зап. совр., I, 22 июля 1806).

Для более позднего периода такие сочетания уже не были характерны.

§ 7. В начале описываемого периода были распространены и другие разнообразные виды союзных сочетаний соподчиненных конструкций с неоднаковым характером отношений к господствующему слову: сочетания предложных групп (с разными предлогами) друг с другом, с косвенными падежами имен существительных, с наречиями, а также и другие комбинации перечисленных частей глагольных словосочетаний.

Зрел себя будто *случайно и неведомой рукою* поверженного на поверхность земную (Фонв., Сл. похв. Марку Аврелию, Беседа Марка Аврелия с самим собою); Оторвать от полку *лучшего офицера и без моей воли и приказания* (Болот., 2, 97); *Именем главнокомандующего и в качестве начальника главного штаба армии* приказал Дохтурову спешить к Малоярославцу (Д. Дав., Дневн. партизанск. действий); *С едкостью и всякими средствами* доказывали несправедливость их власти (Моск. телеграф, 1826, № 5); Французская словесность, всем нам с *младенчества и так коротко знакомая*, вероятно причиною сего явления (Пушк., Письмо к изд. «Моск. вестн.»); *И снова мне и ярче* возсияла Минувших дней счастливая звезда (Языков, К. К. Яниш); Выезжали *один на другого и с целой толпой дворовых людей* верхами (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

Особо следует отметить встречавшиеся в начале описываемого периода сочетания предложных групп, наречий и косвенных падежей имен существительных, уточняющих и дополняющих друг друга:

Он жил *верст 15 от нас, и в самой той деревне*, где мать моя родилась и воспитана (Болот., 1, 15); Дом сей отстоял от

нас *не близко и гораздо более версты* (Там же, 17). Ср. позднее в «Записках» Свербеева: *В то же время и несколько прежде до коронации...* приглашал меня к себе на вечера (II).

Названные разновидности союзных сочетаний на протяжении XIX в. сокращают употребительность и выходят из употребления. Союзные сочетания тех же конструкций, но с одинаковым характером отношений к господствующему слову, на протяжении XIX в. не претерпели изменений.

§ 8. Стремление сочетать соединительными союзами только такие соподчиненные части предложения, в отношениях которых к господствующему слову обнаруживается какой-нибудь общий объединяющий их момент, отразилось и на союзных сочетаниях структурно однотипных элементов, в частности на сочетаниях имен прилагательных или групп с именем прилагательным. Во второй половине XVIII — нач. XIX в. возможны были союзные сочетания качественных прилагательных с относительными, с местоименными прилагательными или сочетания относительных прилагательных друг с другом — при условии разных отношений сочетающихся слов к господствующему слову.

Сей *особливый и готский* закон (Фонв., Тортующ. дворянство. Кораблеплавание); Почитают *главным своим и человеческим* достоинством то, что умеют говорить по-латыни (Фонв., п. П. И. Панину, 22 ноября/3 дек. 1777); Чтоб каким-нибудь *другим и верным* способом поправились обстоятельства мои (Фонв., п. И. П. Елагину, 1769); Издевались над ним *различным и язвительным* образом (Изм., Евгений, 1, IX); Имел я также свой *собственный и прекрасный* челночок (Болот., 1, 20); Не успел я *оный и совсем непротивный* порошок принять, как... (Там же, 36); Мы вплелись в сию *славную в Европе и так называемую* Седмилетнюю войну (Там же, 37); Угры и болгары, по сказанию греков *единоплеменные с гуннами и до того времени неизвестные*, ...завладели берегами Азовского, Черного моря (Карамз., И. Г. Р., I, I).

Позже такого рода сочетания в связи с отмеченной выше общей тенденцией развития становятся невозможны.

В конце XVIII — нач. XIX в. можно было встретить и другие сочетания однотипных конструкций с разным характером отношений к господствующему слову, например, сочетания предложных групп с одним и тем же предлогом, но с разными значениями: Стояли воины *с блестящим оружием и с грозным видом* (Карамз., Марфа Посадн., 3).

Изложенные факты говорят о том, что в XIX в. в синтаксисе русского литературного языка произошли изменения в характере союзного соподчинения. В конце XVIII — первой трети XIX в. для постановки сочинительного союза достаточно было, чтобы сочетающиеся с помощью союза члены относились к одному и тому же

слову, т. е. достаточно было самого по себе факта соподчиненности. Позже союзная связь становится возможной только при наличии общего момента в отношениях сочетающихся элементов к господствующему слову. Изменяются, таким образом, функции союза *и* (в значении сочинительного, но не присоединительного союза): если в начале описываемого периода он мог объединять неоднородные члены и группы слов внутри предложения, то в конце века однородность становится обязательным условием такого объединения. Союз *и* становится формальным показателем однородности.

В этом процессе проявилось стремление языка к смысловой однозначности сочетаемых элементов, к единству формы и функции, т. е. в конечном счете,— к максимально возможной логической ясности и синтаксической стройности.

Союзные сочетания членов предложения с одинаковым характером отношений к господствующему слову на протяжении XIX в. приобретали все большую активность.

УТРАТА СОЮЗНЫХ СОЧЕТАНИЙ КОНСТРУКТИВНО РАЗНОТИПНЫХ ЧАСТЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Утрата союзных сочетаний членов предложения и придаточных предложений

§ 9. Одной из характерных черт книжного синтаксиса конца XVIII — нач. XIX в. было употребление союзных сочетаний членов предложения с придаточными предложениями.

Наиболее распространенными здесь были союзные (при помощи союзов *и*, *но*) сочетания причастных оборотов с относительными придаточными предложениями. Употребление таких построений было связано с влиянием французского языка.

Указал его стрельцам некоего дома слуга, *встретившийся с ним на пути в оный дом во время его вхождения и которому, дабы о нем молчал, подарил он сняв с руки свой перстень* (Сумарок., Первый и главн. стрелецк. бунт, V); Он написавши просительное письмо к одному своему милостивцу, *бывшему тогда знатным при дворе вельможею и которого милости купил он не за дешевую цену*, отпустил его в Петербург (Пустомеля, Историч. приключ.); Наилучший и приятнейший кусок составляли булки, *приносимые к нам по утрам, и которыми нас каждого оделяли* (Болот., 1, 11); Повел нас в комнату, *назначенную для нашего присутствия, и где уже поставлен был стол, накрытый зеленым сукном* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 5); Прихожу в дом С. А. Селивановского *уцелевший от пожара и где печатался мой «Русский вестник»* (С. Глинка, Зап. о. М., 3); Я начал нечто, *давно у меня гнез-*

дившееся в голове, и что должно быть моею лебединою песнью (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 24 авг. 1851).

В описываемый период был распространен и другой тип союзных сочетаний, близкий к описанному, но вместе с тем и отличающийся от него,— присоединение при помощи союзов *и, но* относительных придаточных предложений, которые относились к члену предложения, выраженному именем существительным, или ко всему высказыванию в целом.

Удостой нас научить науке весьма небесной, *и которая принадлежит токмо твоим ученикам* (Тредьяковск., Сл. о терпении... II): Одного из них звали Эрнстом *и который ныне заступил место отца своего и владеет сею мызою* (Болот., 1, 9); Память моя отягощена была только множеством вокабул, *но которые я столь же скоро опять по молодости своей позабывать мог, как и выучивался* (Там же, 7); Самая истина, существо дела и любовь к моему отечеству были главным предметом моего намерения, *и что будет навсегда побудительною трудов моих причиною* (Фонв., Торгующ. дворянство).

Союзные сочетания причастных оборотов с относительными придаточными предложениями получили широкое распространение в первой трети XIX в. Чаще всего их можно было встретить в прозе научного и публицистического характера, в официальных бумагах, мемуарах, дневниках, письмах, в переводах с французского [4]. Ср. примеры из написанного И. М. Долгоруким рассказа на французском языке и тут же помещенного автором перевода:

Un peu plus loin du sein d'une pierre gauchement *enfoncé dans le lit d'un etang et qu'on voudroit en arracher*, une autre fontaine fait jaillir son eau à quatre ou cinq toises de hauteur...

Несколько далее из камня с левой стороны *нескладно вдавшегося в пруд, и который хотелось бы оттуда вырвать*, бьет фонтан на четыре или на пять сажен вверх (И. Долгорук., Славны бубны за горами, LIX).

Вот пример употребления этой конструкции в первой трети XIX в.

Мои лета и некоторый успех в науках дают мне право требовать чин офицера артиллерии, чин, *пленяющий молодых людей до безумия, и который мне также лестен* (Рыл., п. Ф. А. Рылееву, 7 дек. 1812); Знаю, что похвалою не угожу вам, хотя бы нечего возмущаться и самой щекотливой скромности от человека *прямодушного, не кроителя пустых вежливостей и который высоко ценит свойства ума вашего и дарования* (Грпб., п. В. Ф. Одоевскому, сент. 1823); Сердце ее сжималось от ужаса при воспоминании опасностей, *угрожавших ей в роли опекуна и которые теперь только обнаружились пред нею в полной мере* (Погорельск., Монастырка, XXII); Стреляя по крепости, особенно по Спасскому монастырю, *занимающему ее правый угол и коего ветхие стены едва держа-*

[4] В. В. Виноградов относит подобные сочетания к «сфере русско-французского синтаксиса литературной речи XVIII — первой половины XIX в.» (В. В. Виноградов. Очерки, стр. 408).

лись (Пушк., Ист. Пугач., 7); Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, *давно мною начатую, и которая доставит мне деньги* (Пушк., п. А. Н. Мордвинову, 30 июля 1833); Наемный слуга, *с ним приехавший и которого он тотчас отпустил*, ничего об нем не ведал (Борат., Перстень).

К середине XIX в. такие сочетания начинают идти на убыль. В середине и во второй половине века они употребляются лишь у отдельных авторов. Так, их часто можно встретить у Герцена, Писемского, Л. Толстого, Достоевского [5].

Мы видели подложный паспорт на имя какого-то мещанина, *приобретенный им где-то, и с которым он явился однажды в Москву* (Анненк., Воспом., Молодость И. С. Тургенева, III); Философская фраза, *наделавшая всего больше вреда и на которой немецкие консерваторы стремились помирить философию с политическим бытом Германии* (Герц., Б. и д., 4, XXV); Съестные припасы, *случайно привозимые из деревни и которые не знали, куда деть* (Там же, 1, II); Молодая кобылка, *стоявшая сзади и до которой это вовсе не касалось*, взвизгнула и поддала задом попавшейся лошади (Л. Толст., Холстомер, I); Но она отдала уже свое сердце другому, одному знатному не малого чина военному, *бывшему в то время в походе, и которого ожидала она, однако, скоро к себе* (Дост., Бр. К., 6, II); Вы откроете ему, что любите *другого, давно, и который теперь вам руку свою предлагает* (Там же, 3, X); Полиберальничают «с оттенком *европейского социализма», но которому придан некоторый благодушный русский характер* (Дост., Пушкин).

Употребление подобных конструкций не соответствовало общей тенденции к освобождению от сочетаний при помощи сочинительных союзов таких разнородных структур как член предложения или оборот с полупредикативным значением и придаточное предложение. Греч и Буслаев не рекомендовали употреблять такого рода сочетания, считая их неправильными. Буслаев писал: «Не сочинять союзами соединительными или противительными двух придаточных, одного сокращенного и другого полного, и именно не сочинять причастия и глагола с местоимением *который* или с другою какою-нибудь относительною частицей. Чтобы избегать такого словосочетания, предписывается оба предложения делать или сокращенными или полными. Например, следующее место из Пушк.: «Они предпочитали кофе, *сваренный по их обы-*

[5] У Достоевского насчитывается 60 случаев употребления данной конструкции (см.: Л. Л о б о в. Архаизмы в языке Лермонтовской прозы. «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», вып. 1, 1929, стр. 105; е г о ж е. Из истории русск. лит. языка. «Сб. Об-ва филос., ист. и соц. наук при Пермском гос. ун-те, вып. 3, 1929, стр. 184—185). Примеры подобных сочетаний см. также: Л. А. Б у л а х о в с к и й. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 389—390.

чаю, и который пили они целый день» (XI, 346) — должно бы, по этому правилу, изменить так: „они предпочитали кофе, *который был сварен — и который пили*“ и проч.[6]». Однако, несмотря на несоответствие норме, такого рода сочетания, как было отмечено выше, употреблялись у некоторых авторов и во второй половине XIX в. Возможность их употребления вообще не была утрачена полностью. Они появляются — главным образом, в переводах с французского — и в XX в.

§ 10. В конце XVIII — нач. XIX в. употреблялись сочетания (при помощи союза *и*) дополнений при глаголах речи и мысли с дополнительными придаточными предложениями.

Узнают и без того наши почтенные читатели *все наше намерение и чего они впредь от наших листов ожидать могут* (Новиков, О человеч. достоянии); Ты знаешь, матушка, *честность сердца моего и сколько душа моя к тебе привязана* (Фонв., п. родным, 1773); Теперь опишу тебе *образ жизни нашей и с кем мы имеем общество* (Фонв., п. родным, 20 ноября (1 дек.) 1777); Наконец г. Ветров приметил *его смущение и что он один стоит* (Изм., Евгений, 4, I); *Игру днесь Счастья люту И как оно к тебе хребет Свой с грозным смехом повернуло*, Ты видишь (Держ., На возвращ. гр. Зубова из Персии); Надседаюсь я со смеха, вспомнив *сей род учения, и как бездельники французы не учат, а мучат наших детей сущими пустяками и безделицами* (Болот., 1, 17); Рассказывали *о моем у регента случае и что я был его любимец* (Шаховск., Зап.); Неприятель должен был знать *о нашей малочисленности и что нигде не встретит сопротивления австрийцев* (Ермолов, Зап., I, 1805); Узнают о моем *сохранении в минувшей опасности и где ныне нахожусь, и чему был очевидцем* (Гриб., Частн. случай пб. наводн.); Я думал уж *о форме плана, И как героя назову* (Пушк., Е. О., 1, IX).

Употребительность этой конструкции резко сокращается уже к концу первой трети XIX в. Позже она встречается лишь у отдельных авторов, например, у Герцена:

Рассказывал *эпизоды 93 года и как он уехал из Франции*, когда «развратные и плуты» взяли верх (Б. и д., 1, III); Государь тотчас вспомнил *вашу фамилию и что вы были в Вятке* и велел вас отправить назад (Там же, 4, XXVI); Заботливо спрашивал *свои лекарства и не пора ли принять* (Там же, 1, VI).

Часто эту конструкцию употреблял Достоевский, склонный к сочетанию в синтаксисе книжно-архаических элементов с разговорными:

---

[6] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, стр. 543. См. также: И. И. Греч. Чтения, стр. 264. Правило, изложенное Буслаевым, повторяет и В. И. Чернышев («Правильность и чистота русской речи», стр. 231—232).

Замахал руками, как бы умоляя *не прерывать и чтобы дали ему договорить* (Бр. К., 12, XIII); Любовь мечтательная жаждет подвига *скорого, быстро удовлетворимого и чтобы все на него глядели* (Там же, 1, 2, IV); Я хочу лишь разъяснить *мою мысль о пророческом для нас значении его и что я в этом слове разумею* (Пушкин).

Приведенные сочетания вышли из употребления вследствие общей тенденции, охарактеризованной выше. Не сохранились и близкие им конструкции, где союз связывал слово (или группу слов) при глаголе речи и мысли и указательное местоимение, вводящее придаточное предложение (Случилось мне в первый раз от роду видеть *масляную мельницу и то, как масло бьют водою*. Болот., 1, 36) [7].

§ 11. Менее употребительны по сравнению с предшествующими разновидностями были союзные сочетания членов предложения, имеющих различные обстоятельственные значения, с соответствующими по значению придаточными предложениями. Наиболее распространенной разновидностью были сочетания предложной группы с целевым значением и придаточного цели.

Оного ж монаха *для отвращения соблазна и чтоб тем воспоминания об его истории менее было*, отдалить в другой монастырь (Шаховск., Зап.); *Для избежания ложного толкования наших мыслей и дабы не подумали, что мы почитаем просвещение в раздоре с богатством*, объясним вышеизложенное в нескольких словах (Моск. вестн., 1828, № 17—20); Вздумал было мне в будущем январе месяце прислать своего шестилетнего Мишу *на воспитание и чтоб он ходил в здешнюю Ланкастерскую школу* (И. Пущин, п. Е. А. Энгельгардту, 21 марта 1845).

Близкими к этой конструкции были сочетания предложной группы с целевым значением и инфинитива с тем же значением (обычно с союзами *чтобы, дабы*) [8]:

Беспрестанно учится единственно для снискания истины и для сообщения оной ближнему *не для тщетного самохвальства, но дабы разделить с ним проистекающее от оной бесцен-*

---

[7] И те и другие конструкции Буслаев считает отклонением от нормы: «Не сочинять полного придаточного с словами дополнительными. Примеч. 3. Примеры уклонения от этого правила: у Ломон. «Нестор *о* Новегороде упоминает прежде всех городов российских, *и что* дважды строен». У Пушк. «Он ко мне пришел поздравить меня с достославным нашим отступлением *и с тем*, что генерал Янус благосклонно отзывался ему обо мне»» (Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 544). То же правило повторяет В. И. Чернышев («Правильность и чистота русской речи», стр. 233).

[8] См. у Ф. И. Буслаева: «Не сочинять обстоятельств, означенных предлогами при именах, с придаточным, состоящим из союзов *чтобы, дабы*, при неопределенном наклонении» (указ. соч., стр. 544). То же у В. И. Чернышева (указ. соч., стр. 233).

ное удовольствие (Новиков, Причина заблужд.); Мать жены моей, сделавшаяся тогда уже моею тещею, *для скорейшего об нас и обо всем узнания, и чтоб быть к нам ближе*, переехала после нас из Калединки (Болот., 2, 116); Тут нашел я ее на другой день, приехавши по утру по обыкновению *благодарить ее за содержание и воспитание своей дочери и для приглашения ея к нам на обед* (Там же); Должны были оставаться в Сороке, *дабы сберегать нам отступления и для сопровождения провианта* (Пушк., Зап. Моро-де-Бразе).

В том же ряду находились сочетания инфинитива и деепричастного оборота.

Чтоб избежать сих неприятностей и думая выиграть время, отец мой принял намерение ехать со мною ко всем свойственникам сам (Фонв., Пов. мним. глух.); *Дабы охранить вас от разных бедствий и имея в виду лишь пользу города*, я изменяю управление оного (Д. Дав., Дневн. партизанск. действий).

Союзные сочетания различных по типу целевых конструкций, встречавшиеся в конце XVIII — нач. XIX в., позже выходят из употребления. Единственная разновидность, сохранившаяся в языке, но встречающаяся чрезвычайно редко — это сочетания инфинитива с деепричастным оборотом:

Пришел к Катерине Ивановне Алеша, *чтоб сговориться окончательно о некотором важном для них обоих деле и имея, сверх того, к ней поручение* (Дост., Бр. К., Эпилог, I); *Чтобы скучно не было и снисходя к крайней нужде вновь приезжавших и несемейных, ...*доктор Самойленко держал у себя нечто вроде табльдота (Чех., Дуэль, III) [9]; Я, *чтобы не мешать людям работать и ожидая каждую минуту, что мне предложат лечь в постель*, сидел в стороне от стола (Чех., Огни).

§ 12. Сочетания разнотипных конструкций других разновидностей встречались в конце XVIII — нач. XIX в. реже, чем сочетания конструкций с целевым значением. Но важно подчеркнуть, что в данную эпоху возможны были вообще сочетания членов предложения и придаточных предложений с любым характером отношений. См. разнообразные случаи:

За неприличностью места, и что он уже ветх, назначено оное все строение в другое, далее от саду, место перенесть (Шаховск., Зап.); Мы *увидя, что правосудие так хорошо играет, что проиграть никогда не может, и как я страстный охотник до бильярда*, то боялся, чтобы и нас не обыграло (Трутень, 1769, XIV); Почувствовал я под ногами нечто *чрезвычайно и как лед* холодное (Болот., 1, 23); Объявил Дорохову, что *так как условие нарушено и не желая другой раз быть свидетелем подобных сцен*, я его оставляю (М. Пущин, Встр. с Пушк.);

[9] Этот пример приводит В. И. Чернышев для иллюстрации отклонения от нормы (указ. соч., стр. 186).

Но *в храме, средь боя И где я ни буду,* Услышав его, я Узнаю повсюду (Лерм., Есть речи — значенье...).

Позже такого рода союзные сочетания перестают употребляться.

§ 13. К числу союзных сочетаний, употреблявшихся в конце XVIII в. и в XIX в. уже не встречающихся, относятся сочетания прилагательных с местоимениями *такой, тот*, вводящими определительное придаточное предложение.

Помещик, как человек *благоразумный и такой,* который в рассуждении своих доходов арифметику учил только до умножения, рассудил за благо сего живописца продать (Живописец, II, XI); Все сие составляло для меня *новое и такое зрелище,* которого я не мог довольно насмотреться (Болот., 1, 73); Прорубили для сего маленькую пролубочку за несколько десятков сажен впереди от *главной и той пролуби,* в которую надлежало вытаскивать невод (Там же, 20).

Утрата союзных сочетаний некоторых морфологически разнотипных членов предложения

§ 14. Тенденция к устранению союзных сочетаний разнотипных соподчиненных синтаксических конструкций действовала и внутри простого и осложненного предложения. Но здесь эта тенденция сталкивалась с противодействовавшей ей общностью отношений сочетающихся элементов к господствующему слову, т. е. с той общностью функций, которая оправдывала их объединение. Как было показано выше, в XIX в. (особенно начиная с середины века) настойчивым было стремление к союзному объединению конструкций морфологически разнотипных, но характеризующихся одинаковым отношением к господствующему слову. Эта встречная волна оказалась более сильной, чем тенденция к устранению морфологической разнотипности. Поэтому действие этой последней тенденции было ослаблено, и она коснулась только некоторых разновидностей союзных сочетаний разнотипных конструкций, не захватив всей их совокупности. При этом одни разновидности сочетаний совсем вышли из употребления, другие сократили употребительность.

1. В конце XVIII — первой трети XIX в. употреблялись сочетания кратких форм причастий и прилагательных с полными формами в составе обособленных групп [10].

Приехал... архимандрит, родом малороссиянин, изрядного виду, *неглуп, смел и политику употреблять по приличности*

[10] Сочетания кратких и полных форм причастий и прилагательных наблюдались и при перечислительной интонации. См. примеры в кн.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 320.

умеющий (Шаховск., Зап.); Генерал Беннингсен *непоколебим в твердости своей и самым отчаянным положением возбуждаемый*, прибегнул к последним средствам (Ермолов, Зап., I, 1812); Он глядит на лунный свет, *Бледен и унылый* (Жуковск., Светлана); Так в зимний вечер сладкий сон Приходит в мирны сени, *Венчанный маком, и склонен На посох томной лени* (Пушк., Мечтатель); Воинственные крики, *То слабые, то яростны и дики* Разносятся на поле боевом (Языков, Меченосец Аран); Но, *снедаемые взглядом и доступны лишь ему*, Вы ручным бесценным кладом Не дались никому (Бенедикт., Кудри).

2. Сочетания кратких форм причастий и прилагательных с деепричастиями, наречиями, предложными сочетаниями, существительными в функции приложений:

Безмолвен, и в землю потупивши взор, Наш русский певец оставался (Катен., Старая быль); Истлею здесь *без погребенья И не оплакан от друзей* (Жуковск., Ивиковы журавли); *Недвижим, и дохнуть не смея*, У двери знака ждет эвнух (Пушк., Бахч. фонт.); *Смущен и присмирев*, Он ей свидание на завтра назначает (Пушк., Анджело, 1, XIII); В те дни, когда еще душой и сердцем юный, *Доверчив, пылок и поэт*, Я пел любовь (Языков, Е. Н. Мандрыкиной); Для чего же, Остановилася она, *Внезапно взором смущена И чутким ухом настороже*? (Борат., Переселение душ).

Позже такие сочетания выходят из употребления. Прозаическая речь в этом отношении не показательна, так как в ней сами по себе перестают употребляться краткие формы причастий и прилагательных в составе обособленных оборотов. Однако такого рода сочетания перестают быть характерными и для стихотворной речи, где обособленные обороты с краткими формами причастий и прилагательных вне таких сочетаний широко употреблялись на протяжении всего XIX в.

3. В описываемую эпоху были распространены, особенно в стихотворной речи, союзные сочетания числительного *один* в значении «в одиночестве» с прилагательными (краткими и полными). По-видимому, это была калька с французского.

Стал *безоружен и один* (Держ., На переход Альп. гор); Тогда юный Карла, *один и безоружен*, с масличною ветвию явился в стане неприятельском (Карамз., Прекрасн. царевна и щастл. карла); Там всадник, опершись на светлу сталь копья, *Задумчив и один*, на береге высоком Стоит (Батюшк., Переход через Рейн); Там под заветными скалами, Теперь она сидит *печальна и одна* (Пушк., Ненастный день потух...); Златой Италии роскошный гражданин, В отчизне варваров *безвестен и один*, Ты звуков родины вокруг себя не слышишь (Пушк., К Овидию); *Один и пасмурный душою*, Я пред окном

сидел (Борат., Бдение).

Позже такие сочетания выходят из употребления.

4. Следующая разновидность союзных сочетаний, употреблявшихся в начале исследуемого периода и позже утраченных — сочетания творительного падежа существительного со значением способа или образа действия и деепричастного оборота с тем же значением:

Награждайте их за благодетельность *не подарками, но допущая их участвовать в радости бедного и нуждающегося,* вами подкрепленного (Новиков, О воспит. и наставл. детей); Во всю дорогу старик, *издеваясь и шутками* говорил мне, чтоб я смотрел невесту сию пристально (Болот., 2, 109); *Отчасти остротою своего разума, отчасти хитростию, а более всего пользуясь отменною родительницы моей склонностью к набожному житию,* умел отец Илларион так вкрасться в мать мою, что... (Там же, 1, 15); *Не довольно связным действием пехоты, и отправивши назад батарейную артиллерию,* он дал возможность неприятельской коннице делать удачные атаки (Ермолов, Зап., I, 1812).

§ 15. В составе именного сказуемого в конце XVIII — первой трети XIX в. употреблялись чаще, чем в последующую эпоху, союзные сочетания морфологически разнотипных частей именного сказуемого.

К числу сочетаний, позже утраченных, относились сочетания именит. и творит. падежа.

Изрекшия странницы лицо *казалося веселым и вещественным сияющее блеском* (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Он был *нашим канцлером и первым государственным министром и родной дядя фаворитки и любовницы государевой* (Болот., 2, 93); Доходы наши с них были *чрезвычайно малы и ничего почти незначущими* (Там же, 102); Был к удивленью века, он *Умом Сократ, душой Катон И победителем Шекспира* (Рыл., На смерть Байрона).

К числу сочетаний, не утраченных окончательно, но резко сокративших употребительность (в наибольшей степени эта тенденция проявилась в связочных сказуемых), относились следующие разновидности.

а) Сочетания кратких и полных прилагательных и причастий;

Тогдашнее время *было очень шатко и самое критическое* (Болот., 2, 95); Они *были неудобь изобразимые* пером и *преисполнены* наинежнейшею *благодарностию* (Там же, 1, 2); Дорога *была узкая и усеяна кочками* и пнями (Борат., Перстень).

б) Сочетания прилагательных и причастий с существительными:

Мужчины, выключая очень малое число, *очень глупы и невежды* (Фонв., п. родным, 31 дек. 1777/11 янв. 1778); *Был*

лет двадцати пяти, статен, ловок, боек, учтив и щеголь (Изм., Беди. Маша); Веселость пасынков Рорбаха *Была безумна и неряха* (Языков, Мы пьем — так рыцари пивали...).

в) Сочетания существительных, прилагательных и причастий с предложными сочетаниями:

Шутки его *были приятны и без желчи* (Фонв., Жизнь гр. Панина); Сердце его в эту минуту *было в борьбе и не спокойно* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Французы *были* уже *в улицах и не раз изгнаны* (Ермолов, Зап., I, 1812); Он *был* человек не без состояния, молод, недурен собою, *стихотворец и с совершенно романическим характером* (В. Одоевск., Кн. Зизи).

г) Сочетания сравнительной степени прилагательного с другими компонентами именного сказуемого:

Климат здесь *очень хорош и несравненно лучше Флоренции* (Фонв., п. родным, 11/22 ноября 1784); Старушка сия *была всех старее* в нашем роде и *самая та,* которая... (Болот., 1, 23); Супружество с князем... *казалось* ей *жестоким пленом и ненавистнее смерти* (Карамз., И. Г. Р., I, IX).

д) Сочетания существительных в родит. падеже с другими компонентами именного сказуемого:

Он *был недальнего разума и в числе крючкотворцев* (Изм., Евгений, 2, III); Была *лет 18-ти и весьма не дурна собою* (Там же, 5, IV); Знал во всем меру, *был* человек отличных свойств, необыкновенно *умен и такой сердечной доброты,* что... (Жих., Зап. совр., I, 11 февр. 1806).

е) Сочетания именного и глагольного сказуемого:

Бровары *есть последняя деревня до Киева и принадлежала Лавре* (Фонв., Дневн., 13/24 июня 1786); Профессоры, *кроме итальянского языка, не знают и совершенные невежды* (Фонв., п. родным, 7/18 дек. 1784); Я *говорю по-немецки и охотник к наукам* (Болот., 2, 91); Метафизика, без сомнения, *есть наука высокая и утончает разум человека* (Нарежн., Росс. Жилбл., Предисл.); Духовенство тибетское *есть безженное и* в образе жизни во многом *сходствует* с правилами европейского монашества (Моск. вестн., 1828, № 9—12); Зло сие *временное и принадлежит к числу тех,* коими... (Там же, № 18).

Итак, в XIX в.— преимущественно в первой его половине — действовала тенденция к устранению союзных сочетаний конструктивно разнотипных частей предложения. В этом процессе проявилось стремление языка к конструктивному подобию элементов, обладающих смысловой однозначностью. Однако эта тенденция нашла полное завершение только в области союзных сочетаний членов предложения с придаточными предложениями: такие сочетания были утрачены. В области союзных сочетаний членов предло-

жения друг с другом этим процессом были захвачены лишь некоторые разновидности сочетаний; одни из них были утрачены, другие только сократили употребительность.

Тот факт, что отмеченная тенденция не реализовалась полностью, объясняется тем, что действие ее было парализовано другой, встречной и более сильной тенденцией — активизацией союзных объединений членов предложения с одинаковым характером отношений к господствующему слову, даже если эти члены различествовали по своему морфологическому составу. Тождество функций оказалось решающим. Активизация союзных сочетаний элементов, формально различных, но сходных по функциям, особенно ярко обнаруживается в языке XX в.

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ СОЮЗОВ, СОЕДИНЯЮЩИХ ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ СОЮЗОВ ПРИ НАЛИЧИИ ОТРИЦАНИЯ

§ 1. В XIX в. произошли изменения в характере употребления некоторых союзов при однородных членах предложения.

В конце XVIII — нач. XIX в. были употребительны такие сочетания двух или нескольких однородных членов при отрицании, в которых союз *ни* отсутствовал перед первым из перечисляемых членов:

И также *не было* там *филинов, ни сов* (В. Майк., Елисей, 4); *Не зная страха, ни заботы,* Без скуки провождал свой век (И. Дм., Пустынник и Фортуна); Мы там в странах святых вселимся..., где *нет тиранов, ни рабов* (Вост., Зима); *Не боюсь смертей, ни ада* (Катен., Ольга); *Не зная железа, ни серебра,* делали палицы и копья из меди (Карамз., И. Г. Р., II, I); Чтоб *не нагнать* скуки *на себя ни на читателя* (Гриб., О разборе перевода «Леноры»); Она *ласкаться не умела К отцу, ни к матери своей* (Пушк., Е. О., 2, XXV); Я *не ищу фортуны, Ни почестей мирских* (Языков, Мое уединение); Их *не коснется суета, Ни пламень* неги сладострастный (Шевырев, Ночь); *Нет* человека совершенно *добродетельного, ...ни совершенно порочного* (Борат., <Предисл. к отдельн. изд. поэмы «Наложница»>); *Не будет отрады, ни прощения* (Марл., Замок Нейгаузен, IV); Но *не нашел* в душе моей Я *сожаленья, ни печали* (Лерм., Валерик); *Не сообщала* никому своих замечаний *о происшествиях* в околотке, *ни о поведении* своих слуг (В. Одоевск., Привидение); *И нет* извне *опоры, ни предела* (Тютч., Святая ночь на небосклон взошла...» [1]).

[1] Многочисленные примеры такого употребления союзов при отрицании в первой половине XIX в. см.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 392—393.

Такое употребление союзов при отрицании наблюдалось до 40-х годов XIX в. После 40-х годов такие сочетания заметно идут на убыль. В этот период окончательно возобладало двойное *ни* при отрицании. У отдельных авторов употребление одиночного *ни* могло поддерживаться влиянием французского синтаксиса (ср.: Ces regards purs et doux... *N'éveillent* plus *mes sens ni mon âme* (A. Chenier, Élégies, I); Jusqu'à présent il persiste à déclarer qu'il *ne permettra* point à sa femme *d'assister* à la noce, *ni de* jamais *recevoir* chez elle sa soeur mariée. С. Н. Карамзина, п. А. Карамзину, 30 дек. 1836 (11 янв. 1837).

Во второй половине XIX в. такие конструкции представляют собой отражение уходящей нормы:

Он *не мог* грубо порвать узы Naturgewalt'a, связывавшего его с нею, *ни* крепкие *узы симпатии,* связывавшие с нами (Герц., Б. и д., 4, XXV); И дурак стал критиковать все и всех, нисколько *не меняя манеры* своей, *ни* своих *восклицаний* (Тург., Дурак).

Отсутствие союза при отрицании перед первым из перечисляемых членов наблюдалось в начале описываемого периода и в предложениях с союзом *ниже.* Такие случаи, однако, были относительно редки; сам по себе союз *ниже* в первой половине XIX в. выходил из употребления:

Детская комната *не должна быть столовою комнатою, нижѐ для кормилицы* (Новиков, О воспит. и наставл. детей); *Не хочу* я вас *побуждать,* как делают прочие, к продолжению сего труда, *нижѐ* вас *хвалить* (Трутень, 1769, V); Вдохновенные лица обоих энтузиастов и поэта *не могли быть представлены, ниже постигнуты* человеком, который бы никогда не восходил до созерцания красоты идеальной (Кюхельб., Последн. Колонна, 4).

Более часты были случаи употребления *ниже* как союза, заключающего собою перечисление, строящееся с союзом *ни:*

Добрый государь не имеет и *не может иметь ни* истинных *польз, ниже* истинной *славы,* отделенных от польз и славы его народа (Фонв., Жизнь гр. Панина); *Не прельстит* меня *ни тихий Дон, Ниже Волга* (Вост., Полинька); На рынке *не достанете купить* всегда *ни яиц, ни сливок, ниже овощей* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XVII); *Ни людей, ни лошадей, ни материалов* для обмундировки, *ниже* каких необходимых *пособий не было* (Гриб., О кавалерийск. резерв.).

В конце XVIII — нач. XIX в. изредка наблюдалось сочетание при помощи союза *и* двух членов, объединенных отрицанием:

Тогда не знал он, что на это отвечати, Хоть не было на рту *замка и ни печати* (В. Майк., Елисей, 2); Не имея *ни законов и никакого сообщения,* он препровождал дни свои, ски-

таясь в страхе и грубости (Новиков, О главн. причинах приращ. художеств); У меня тогда *ни лошадей и ничего другого* в готовности к походу не было (Болот., 1, 71); Евгений так же стал хвалить их, хотя никогда *ни их и никаких* не читывал (Изм., Евгений, 4, II).

Позже такие сочетания вышли из употребления.

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ СОЮЗА *НО*

§ 2. В конце XVIII и особенно часто в первой трети XIX в. было принято повторять союз *но* при однородных членах предложения. Такое употребление союза *но* встречалось преимущественно в стихотворной речи и в риторической прозе.

В стихах:

Ни стадо алчное, ни взоры пастухов Не знают тайного сокровища лугов; *Но* ветер сладостный, *но* рощи благовонны Земля и небеса прекрасной благосклонны (Батюшк., Подражание Ариосту); *Но* теплота души, *но* всё, что так люблю я С тобой наедине... *Но* девственность живого поцелуя... Не им, а мне! (Д. Дав., Я не ропщу); *Но* под шумным дождем, *но* при ветре ночном Я расслушать не мог их речей (Жуковск., Замок Смальгольм); *Но* скучный мир, *но* хлад покоя, Счастливца душу волновал (Пушк., Наполеон); *Но* снов, *но* слез, *но* дум, желаний волны Текут, кипят в болезненной груди (Вяземск., Тоска); *Но* пылкий, *но* суровый нрав Меня грызет от колыбели (Лерм., Н. Ф. И...вой); *Но* поздние, живые прозы, *Но* взрыв страстей, *но* страсти слезы, Нет, это все не для меня (Тютч., Играй, покуда над тобою...).

Ср. аналогичное употребление союза *но* в сложносочиненных предложениях:

Но мы еще только цветем, *но* мы еще жить начинаем В объятиях нежных любви (Дельв., К Лилете); *Но* годы долгие в разлуке протекли, *Но* в бурях жизненных развлекся я душою (Борат., Признание); *Но* судьбу я и мир презираю, *Но* нельзя им унизить меня (Лерм., Хоть давно изменила мне радость...).

В прозаической речи:

Меня взорвало хладнокровие, с каким приняли — не в Академии, *но* в публике, *но* в Риме, мою картину (Кюхельб., Последн. Колонна, 4); *Но* страх позора, *но* боязнь преследований итальянки и вечных укоров жены не*м*огли все (Марл., Вечер на Кавк. водах); И неизвестная рука, неизвестный голос подал знак, не условный, *но* понятный всем, *но* для всех повелительный (Лерм., Вадим, XV); Я знал, что Александрина не может быть моею; *но* не мог жить без нее; *но* был бы несчастнейший из людей, если б она меня не любила; *но*, кажется; зарезал бы того, кто разлучил бы нас (Н. Павл., Именины).

Ср. в сложносочиненных предложениях:

Но войско наше кипит мужеством, *но* любовь к отечеству овладела сердцами всего народа, *но* бог и Кутузов с нами — будем надеяться! (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 29 сент.); *Но* ей было шестнадцать лет, *но* у нее были голубые глаза (Н. Павл. Именины) [2].

Для второй половины XIX в. повторение союза *но* при однородных членах уже не было характерно. Однако возможность такого употребления сохранилась.

Но, принимая за серьезное их православие, *но,* видя их церковную нетерпимость в обе стороны — в сторону науки и в сторону раскола,— мы должны были враждебно стать против них (Герц., Б. и д., 4, XXX, 1); *Но* колебания, *но* беспокойство, *но* борьба веры и неверия — это ведь такая иногда мука для совестливого человека (Дост., Бр. К., 11, IX); *Но* шевелясь, *но* хваля, *но* усмехаясь насильственной кривой улыбкой, ... он все еще не верил в свое спасение (Л. Андр., Рассказ о семи повешенных, 1).

В истории функционирования различных групп, осложняющих простое предложение — союзных объединений, причастных и деепричастных оборотов, номинативных групп и обособленных прилагательных — ярко проявились общие тенденции, характерные для развития предложения в русском литературном языке XIX в. С одной стороны, действует тенденция к «сжатию» многочленных соотносительных рядов, осуществляющемуся в результате отпадения малоактивных звеньев, и, как следствие этого,— активизация одного или нескольких сохраняющихся членов ряда. С другой стороны, внутри этих групп происходят сложные процессы, связанные с внутренним, семантическим развитием отдельных конструкций, с изменением круга значений и их специализацией; здесь особенно явны становятся сложные пути развития семантико-функциональных соотношений так называемых «синонимических» конструкций, приводящие к освобождению их от множественности и недифференцированности значений. Обратной стороной этого процесса могло явиться распадение ряда и возникновение новых связей, новых форм соотношений. Особую роль в истории осложненного предложения в XIX в. играли стилистические перемещения, изменения сфер употребления конструкций, главным образом в связи с ограничением роли поэтической речи в общей системе литературного языка; в результате появлялись новые виды стилистической противопоставленности и, с другой стороны, ослабление или утрата такой противопоставленности.

[2] Примеры такого употребления союза *но* см: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 386—388.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ[1]

Аблесимов А. О. Мельник-колдун, обманщик и сват.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950 *(Аблес., Мельн.-колдун)*.

Аксаков С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Аленький цветочек. Воспоминания.— В кн.: С. Т. Аксаков. Собрание сочинений, т. 1—4. М., 1955—1956 *(С. Акс., Сем. хрон., Детск. годы Багр.-вн., Аленьк. цв., Воспом.)*.

Андреев Л. Повести и рассказы. М., 1957. Вор.— В кн.: Л. Андреев. Рассказы. М., 1957 *(Л. Андр.)*.

Анненков П. В. Литературные воспоминания. Л., Academia, 1928 *(Анненк., Воспом.)*.

Анненский И. Стихотворения.— В кн.: И. Анненский. Стихотворения и трагедии. Сов. писатель, 1959 *(Анненск.)*.

Антонович М. А. См. Русский фельетон.

Апухтин А. Н. Стихотворения. Л., 1961 *(Апухт.)*.

Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 гг., т. I. СПб., 1911. Вып. 2. Письма и дневники Александра Ивановича Тургенева Геттингенского периода (1802—1804) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген, 1805—1811. СПб., 1911.

Атеней. Изд. М. Г. Павлов. М., 1828.

Бажин Н. Ф. Степан Рулев.— В кн.: Русские повести XIX века 60-х годов, т. 2. М., 1956.

Баласогло А. П. См. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев.

Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII века, 1780—1792. Пг., изд. ОРЯС АН, 1915.

Переписка П. А. Вельяминова, А. И. Веревкина, М. Вилемсон, Е. И. Голенищевой-Кутузовой, А. Н. Засекина, Н. М. Карамзина, В. Я. Колокольникова, А. М. Кутузова, И. В. Лопухина, М. И. Невзорова, Н. И. Новикова, А. А. Плещеева, А. И. Плещеевой, А. Н. Радищева, А. А. Ржевского, Н. Н. Трубецкого, И. П. Тургенева, М. М. Хераскова[2].

Басаргин Н. В. См. Пущин И. И. Записки о Пушкине.

Батеньков Г. С. Стихотворения.— В кн.: Поэзия декабристов. Л., 1950 (*Батеньк.*). См. также Декабристы.

Батюшков К. Н. Стихотворения. Письма.— В кн.: К. Н. Батюшков. Сочинения, т. I—III. СПб., 1885—1887. Стихотворения. Сов. писатель, 1936 *(Батюшк.)*.

[1] В скобках курсивом дается принятое в книге сокращение. Примеры из источников, помеченных в тексте буквами «ЛК», заимствованы из картотеки Словарного сектора в Ленинграде; эти источники в настоящий список не включаются.

[2] Здесь и далее после описания книги с абзаца дается перечень произведений, извлеченных из этой книги в качестве источников.

Бегичев С. Н. См. Грибоедов А. С. Письма к С. Н. Бегичеву.
Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. т. I—XIII. М., 1953—1959 *(Белинск.)*.
Бенедиктов В. Стихотворения. Сов. писатель. 1937 *(Бенедикт.)*. См. также Новогодник.
Бестужев-Марлинский А. А. См. Марлинский. А. А.
Бибиков А. А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова, сыном его сенатором Бибиковым. Изд. 2. М., 1865 *(Бибиков. Зап.)*. Переписка А. И. Бибикова с Д. И. Фонвизиным. З. Г. Чернышевым, М. М. Философовым и др.
Бибиков А. И. См. Бибиков А. А.
Блок А. Стихотворения. Л., 1955.
Боборыкин П. Д. Китай-город. На ущербе.— В кн.: П. Д. Боборыкин. Собрание романов, повестей и рассказов. т. 1—12. СПб., 1897, т. 1, 5 *(Боборык.)*.
Богданович И. Ф. Душенька. Изд. 7. М., 1815 *(Богд., Душенька)*. Стихотворения.— В кн.: Поэты XVIII века. Сов. писатель, 1936.
Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1793. т. 1. СПб., 1871: т. 2, 1871 *(Болот.)*.
Болтин И. Н. Примечания об Академическом словаре.— В кн.: Г. Р. Державин. Сочинения, т. 1—9. СПб., 1864—1883. т. 5 *(Болтин, Примеч. об Акад. сл.)*.
Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951 *(Борат.)*.
Будильник. Сатирический журнал с карикатурами. СПб., 1865 *(Будильн.)*.
Булгарин Ф. В. Иван Выжигин.— В кн.: Ф. В. Булгарин. Полное собрание сочинений, т. 1—7. СПб., 1839—1844, т. 1 *(Булг., Ив. Выж.)*.
Бунин И. А. Собрание сочинений, т. 1—5. М., 1956.
Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897 *(Бусл., Мои воспом.)*.
Бутков Я. П. Петербургские вершины, кн. 1 и 2. СПб., 1845—1846 *(Бутк., Пб. верш.)*.
Васильев. Дневник поручика Васильева. СПб., 1896 *(Васильев, Дневн.)*.
Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. М., 1957 *(Вельтм., Саломея)*.
Вельяминов П. А. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Веневитинов Д. В. Избранное. М., 1956 *(Веневит.)*.
Верескин А. И. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Вересаев В. В. Собрание сочинений. т. 1—5. М., 1961 *(Верес.)*.
Вестник Европы. Изд. Н. М. Карамзин. М., 1802 *(В. Е.)*.
Вестник Европы. Журнал истории, политики и литературы. СПб., 1890 *(В. Е.)*.
Вилемсон М. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Воейкова А. А. См. Жуковский В. А., Мойер М. А., Протасова Е. А. Письма.
Востоков А. Х. Стихотворения. Сов. писатель, 1936 (Вост.).
Всякая всячина. См. Новиков Н. И. Избранные сочинения.
Вяземский П. А. Стихотворения. Сов. писатель, 1936: Фонвизин. СПб., 1848 *(Вяземск.)*; Старая записная книжка. Л., 1929 *(Ст. зап. кн.)*. См. также Остафьевский архив князей Вяземских.
Гаршин В. М. Сочинения. М.— Л., 1951 *(Гарш.)*.
Герцен А. И. Записки одного молодого человека. Кто виноват? Сорока-воровка. Доктор Крупов. Мимоездом. Долг прежде всего. Августейшие путешественники. Скуки ради.— В кн.: А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 1—26. М., 1954—1962 [продолж.] *(Герц., Зап. одн. мол. чел.,*

Докт. Крup., Август. путеш.); Былое и думы, т. 1—3. М.— Л., Academia, 1932 *(Б. и д.).*

Глинка М. И. См. Михаил Иванович Глинка. Автобиографические и творческие материалы.

Глинка С. Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года. СПб., 1837 *(С. Глинка, Зап. о М.).*

Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян против французов, в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии, ч. II. М., 1815 *(Ф. Глинка, Письма русск. офицера);* Стихотворения.— В кн.: Поэзия декабристов. Л., 1950. См. также Декабристы.

Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956. См. также Декабристы.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений, т. 1—14. М., 1937—1952.

Голенищева-Кутузова Е. И. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина, ч. 1—3. СПб., 1894 *(Головн., Зап.).*

Гончаров И. А. Собрание сочинений, т. 1—8. М., 1952—1955 *(Гонч.).* См. также Русский фельетон.

Горбунов И. Ф. См. Русский фельетон.

Горький М. Фома Гордеев. Макар Чудра. О маленькой фее и молодом чабане. Биограф[ия]. Старуха Изергиль. Челкаш.— В кн.: М. Горький. Собрание сочинений, т. 1—30. М., 1949—1955, т. 1, 4 *(М. Г., Ф. Г., О маленьк. фее и молодом чабане).*

Греч Н. Чтения о русском языке, ч. 1—2. СПб., 1840 *(Греч., Чтения).*

Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений, т. 1—3. СПб., 1911—Пг., 1917; Письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву, 1816—1826. М., 1860 *(Гриб.).*

Грибоедов А. С. и Вяземский П. А. Кто брат, кто сестра или Обман за обманом.— В кн.: А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений, т. 1. СПб., 1911 *(Гриб. и Вяземск., Кто брат, кто сестра).*

Грибоедов А. С. и Жандр А. Притворная неверность.— В кн.: А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений, т. 1, СПб., 1911 *(Гриб. и Жандр, Притворн. неверность).*

Грибоедов А. С. и Катенин П. Студент.— В кн.: А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений, т. 1, СПб., 1911 *(Гриб. и Катен.).*

Григорович Д. В. Избранные сочинения. М., 1955.

Губер Э. См. Новогодник

Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1941; Сочинения, ч. 1—3. Изд. 4. М., 1860 *(Д. Дав.).*

Данилов М. В. Записки майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 г. М., 1842 *(Данилов, Зап.).*

Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. Изд. АН СССР (Литературный архив). М.— Л., 1936.

Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. М.— Л., 1951.

Произведения В. Раевского, Ф. Глинки, П. Катенина, В. Кюхельбекера, А. Бестужева (Марлинского), Н. Тургенева, С. Муравьева-Апостола, Д. Завалишина, Г. Батенькова, Н. Гнедича, Н. Языкова, П. Пестеля, П. Каховского.

Дельвиг А. А. Стихотворения. Л., 1959 *(А. А. Дельв.).*

Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига 1820—1870. М.— Л., Academia, 1830 *(А. И. Дельв., Полвека русск. жизни).*

Державин Г. Р. Стихотворения. Оды. Записки. Переписка.— В кн.: Г. Р. Державин. Сочинения, т. 1—9. СПб., 1864—1883 *(Держ.).*

Дмитриев И. И. Сочинения, т. 1—2. СПб., 1895 *(И. Дм.).*

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. Изд. 2. М., 1869 *(М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.)*.
Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений, т. 1—6. М., 1934—1939 *(Доброл.)*.
Добрынин Г. И. Истинное повествование или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752—1823, ч. 1—3. Изд. 2. СПб., 1872 *(Добрынин, Зап.)*,
Долгорукий И. М. Сочинения, т. 1—2. СПб., 1849 *(И. Долгорук.)*.
Достоевский Ф. М. Собрание сочинений, т. 1—10. М., 1956—1958; Письма Ф. М. Достоевского к жене. М.— Л., 1926 *(Дост.)*. См. также Русский фельетон.
Дружинин А. В. Полинька Сакс.— В кн.: А. В. Дружинин. Собрание сочинений, т. 1—8. СПб., 1865—1867, т. 1 *(Дружинин, Пол. Сакс)*.
Елисеев Г. З. См. Русский фельетон.
Ермолов А. П. Записки, ч. I, 1801—1812 гг. М., 1865; ч. II, 1816—1827 гг. М., 1868 (*Ермолов, Зап.*).
Живописец. См. Новиков Н. И.
Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала.— В кн.: С. П. Жихарев. Записки современника. М.— Л., 1955 *(Жих., Зап. совр., Воспом. ст. театр.)*.
Жуковский В. А. Стихотворения. Сов. писатель, 1936 *(Жуковск.)*.
Жуковский В. А., Мойер М. А., Протасова Е. А. Письма. Под ред. Л. Е. Грузинского [Уткинский сборник, I]. М., 1904.
Переписка В. А. Жуковского, М. А. Мойер, Е. А. Протасовой, А. А. Воейковой и А. П. Киреевской. Письма Жуковского Н. И. Тургеневу.
Журнал Департамента народного просвещения. СПб., 1823 *(ЖДНП)*.
Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1836, 1846, 1857, 1891 *(ЖМНП)*.
Завалишин Д. И. Записки декабриста. СПб., 1906 *(Завалиш., Зап. декабр.)*. См. также Декабристы; Поэзия декабристов.
Загоскин А. Н. Аскольдова могила. Повесть времен Владимира Первого, ч. 2. М., 1833 *(Загоск., Аск. могила)*. Юрий Милославский или Русские в 1612 году. Изд. Суворина. СПб., 1910 *(Ю. М.)*. Рославлев или Русские в 1812 году. М., 1955 *(Росл.)*.
Засекин А. Н. См. Барсков Я. Д. Переписка моск. масонов XVIII в.
Засодимский П. В. Темные силы. Хроника села Смурина.— В кн.: Русские повести XIX века 60-х годов, т. 2. М., 1956 (*Засодимск., Темн. силы, Хроники с. Смурина)*.
Златовратский Н. Н. Устои. Золотые сердца.— В кн.: Н. Н. Златовратский. Избранные произведения. М., 1947 (*Златоврацск.*).
Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. СПб., 1906.
Письма П. Г. Каховского к имп. Николаю I и ген.-адъютанту Левашеву *(П. Г. Каховск., п. Ник. I)*; Записка В. И. Штейнгеля имп. Николаю I *(Зап. В. И. Штейнгеля Ник. I)*; Письмо А. И. Якубовича к имп. Николаю I *(А. И. Якубович, п. Ник. I)*; Катихизис и воззвание С. И. Мураевьева-Апостола *(Катихизис М.-Апостола)*; Показания П. И. Пестеля. Из показаний К. Ф. Рылеева.
Измайлов А. Е. Полное собрание сочинений, т. 1—3. М., 1890 *(Изм.)*.
«Илиада» Гомера. Перевод Н. И. Гнедича. М.— Л., Academia. 1935 *(Илиада, пер. Н. И. Гнедича)*.
Именные указы. См. Полное собрание законов Российской империи.
Искра. Сатирический журнал с карикатурами. Изд.-редакторы Н. Степанов и В. Курочкин. СПб., 1859.
Каменский П. См. Новогодник.
Кантемир А. Д. Письма о природе и человеке. Депеши и политиче-

ские письма.— В кн.: А. Д. Кантемир. Сочинения, письма и избранные переводы, т. 1—2 СПб., 1867—1868, т. 2. *(Кант., Письма о прир. и чел.).*
Капнист В. В. Стихотворения. Ябеда.— В кн.: В. Капнист. Сочинения. СПб., 1849 *(Капн.).*
Карамзин Н. М. Сочинения, т. 1—3. СПб., 1848; Сочинения, т. 1. Стихотворения. Изд. ОРЯС АН. Пг., 1917. История Государства Российского. Изд. 5, кн. 1 (т. I, II, III, IV). СПб., 1842 *(Карамз., И. Г. Р.)*; Переводы, т. 4. СПб, 1835. См. также Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Катенин П. Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина, с приобщением нескольких стихотворений князя Николая Голицына, ч. 1 и 2. СПб., 1832 *(Катен.)*. См. также Декабристы. См. также Поэзия декабристов.
Каховский П. Г. См. Из писем и показаний декабристов; см. также Декабристы.
Киреевская А. П. См. Жуковский В. А., Мойер М. А., Протасова Е. А. Письма.
Киреевский И. В. См. Московский литературный и ученый сборник.
Киреевский П. В. Письма к Н. М. Языкову. М.— Л., 1935 *(П. Киреевск.).*
Клушин А. И. Алхимист.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950; Несчастный М-в.— В кн.: Русская проза XVIII века, т. 2. М.— Л., 1950 *(Клушин, Несч. М-в).*
Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. III. Изд. 2. М., 1904—1912 *(Ключевск., Курс русск. ист.,)*; История сословий в России (Курс, читанный в Московском университете в 1886 г.). М., 1913 *(Ист. сосл. в Р.).*
Книппер О. Л. См. Чехов А. П. Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер
Княжнин Я. Сочинения, т. 1—5. Изд. 3. СПб., 1817—1818 *(Княжн.).*
Козлов И. И. Стихотворения. Изд. 3. Л, 1956.
Колокольников В. Я. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Кольцов А. В. Стихотворения. Изд. 2. Сов. писатель, 1948 *(Кольц.).*
Кони А. Ф. Из записок судебного деятеля.— В кн.: А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. 1—5. СПб., 1912-Пг., 1929, т. 1 *(Кони, Из зап. судебн. деятеля).*
Копиев А. Д. Обращенный мизантроп или Лебедянская ярмонка.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950 *(Копиев, Обращ. мизантроп).*
Короленко В. Г. Собрание сочинений, т. 1—10. М., 1953—1956 *(Корол.).*
Кошелек. См. Новиков Н. И
Крестовский Вс. Влад. Петербургские трущобы (Книга о сытых и голодных). М.— Л., 1937 *(Вс. Крестовск., Пб. трущ.).*
Кропотов П. А. Фомушка, бабушкин внучек.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950 *(Кропот., Фомушка).*
Крупская Н. К. См. Ленин В. И. Соч., т. 37.
Крылов И. А. Сочинения, т. 1—2. М., 1955 *(Крыл.)*; Триумф (Подщипа).— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII в. М.— Л., 1950 *(Подщипа).*
Куприн А. И. Собрание сочинений, т. 1—6. М., 1957—1958 *(Купр.).*
Курочкин В. С. Стихотворения. Статьи. Фельетоны. М., 1957 *(Курочк.).* См. также Русский фельетон.
Кутузов А. М. См. Барсков Я. Д. Переписка моск. масонов XVIII в
Кюхельбекер В. К. Стихотворения.— В кн.: Поэзия декабристов. Л., 1950; Дневник. Изд. «Прибой», 1929 (*Кюхельб., Дневн.*), Последний Колонна, роман в 2-х частях, 1832 и 1843 гг. Л., 1937 *(Последн. Колонна);* Адо. Отрывок из путешествия.— В кн.: Мнемозина. Собрание сочинений в стихах и прозе. Изд. В. Одоевский

и В. Кюхельбекер, ч. I—III. М., 1824 *(Отр. из путеш.)*. См. также Декабристы. См. также Русские поэты, современники Пушкина.
Лажечников И. И. Последний Новик. Ледяной дом.— В кн.: И. И. Лажечников. Собрание сочинений, т. 1—5 *(Лажечн., Последн. Новик, Лед. дом)*.
Лейкин Н. А. См. Русский фельетон.
Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Фридрих Энгельс. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах. Гимназические хозяйства и исправительные гимназии. К рабочим и работницам фабрики Торнтона. О чем думают наши министры? Проект и объяснение программы социал-демократической партии. Царскому правительству. О продовольственном налоге. Письма к родным, 1893—1922.— В кн.: В. И. Ленин. Сочинения, т. 1—40. Изд. 4. Госполитиздат, 1941—1962. [В т. 37, Приложения — письма Н. К. Крупской].
Лепехин И. Дневные записки путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г., т. 2. Изд. 2, СПб., 1802 *(Лепехин, Дневн. зап.)*; Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году, ч. IV. СПб., 1805 *(Путеш.)*.
Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Проза.— В кн.: М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений, т. 1—6. М.— Л., 1954—1957 *(Лерм.)*.
Лесков Н. С. Собрание сочинений, т. 1—11. М., 1956—1958; На ножах. Легендарные характеры.— В кн.: Н. С. Лесков. Полное собрание сочинений, т. 1—36. Изд. 3, СПб., 1902—1903, т. 23—27, 33 *(Леск.)*.
Ломоносов М. В. Стихотворения. Оды. Тамира и Селим. Письмо о пользе стекла. Письмо о правилах российского стихотворства. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. Краткое руководство к красноречию. Суд российских письмен, перед разумом и обычаем от грамматики представленных. Российская грамматика. О нынешнем состоянии словесных наук в России. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке.— В кн.: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 1—10. М.— Л., 1950—1959 *(Лом., Письмо о правилах росс. стихотв., Кратк. руководство к риторике, Кратк. руководство к красноречию, Суд росс. письмен, Росс. грам., О нынешн. сост. словесн. наук, О пользе книг церковн.)*.
Лопухин И. В. См. Барсков Я. Д. Переписка моск. масонов XVIII в.
Лукин В. И. Сочинения и переводы, ч. 1—2. СПб., 1765.
Майков А. Н. Избранное. Л., 1952 *(А. Майк.)*.
Майков В. И. Сочинения и переводы. СПб., 1867 *(В. Майк.)*.
Мамин-Сибиряк Д. Н. Сестры. Приваловские миллионы. Горное гнездо.— В кн.: Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений, т. 1—8. М., 1953—1955, т. 1, 2, 3 *(М.-Сиб., Прив. мил.)*.
Мансуров А. Песнь страдальца.— В кн.: Мнемозина. Изд. В. Одоевский и В. Кюхельбекер, ч. II. М., 1824.
Марлинский А. А. (А. А. Бестужев-Марлинский). Собрание сочинений, т. 1—2. М., 1958; Стихотворения.— В кн.: Поэзия декабристов. Л., 1950 *(Марл.)*. См. также Декабристы.
Матинский М. Санктпетербургский гостиный двор.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950 *(Матинск., Спб. гост. двор)*.
Мельников-Печерский П. И. Старые годы. Именинный пирог. Бабушкины россказни.— В кн.: Русские повести XIX века 60-х годов, т. 1. М., 1956 (*М.-Печ., Ст. годы, Бабушк. россказни*); На горах: М:, 1956
Менделеев Д. Основы химии. Изд. 3. СПб., 1877 *(Менд.)*.
Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютина 1873—1875 гг., т. 1. М., 1947 *(Милютин, Дневн.)*.
Минаев Д. Д. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. См. также Новогодник.

Михаил Иванович Глинка. Автобиографические и творческие материалы.— В кн.: Литературное наследие, т. I, Л.— М., 1952. Записки М. И. Глинки, ч. 1—4 *(М. Глинка, Зап.)*.
Михайловский Н. К. См. Русский фельетон.
Мнемозина. Собрание сочинений в стихах и прозе, ч. I—III. Изд. В. Одоевский и В. Кюхельбекер. М., 1824 *(Мнемоз.)*.
Мойер М. А. См. Жуковский В. А., Мойер М. А., Протасова Е. А. Письма.
Молва. Литературная газета. М., 1857.
Мордвинов Я. Я. Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова, ч. 1. Журнал о походах в Соловки и на Валаам острова (в 1744, 1752, 1764, 1777 и 1784 гг.). СПб., 1888 *(Мордв., Зап.)*.
Морской сборник, изд. Морским ученым комитетом. СПб., 1856 *(Морск. сб.)*.
Москвитянин. Ред.-изд. М. П. Погодин. М., 1841, 1845, 1851, 1856 *(Москвит.)*.
Московский вестник. Изд.-ред. М. П. Погодин. М., 1828 *(Моск. вестн.)*.
Московский литературный и ученый сборник. М., 1852 *(Моск. сб.)*.
И. В. Киреевский. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России *(Киреевск., О характере просвещ. Евр.)*.
Московский Меркурий Изд. П. И. Макаров. М., 1803 *(Моск. Мерк.)*.
Московский наблюдатель Журнал энциклопедический. М., 1837 *(Моск. набл.)*.
Московский телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств. Изд. Н. Полевой М., 1825, 1826 *(Моск. телеграф)*.
Муравьев-Апостол С. И. См. Из писем и показаний декабристов; см. также Декабристы.
Надсон С. Я. Полное собрание стихотворений. М.— Л., 1962.
Нарежный В. Т. Избранные сочинения, т. 1—2. М., 1956 *(Нарежн.)*.
Нащокин В. А. Записки. СПб., 1842 *(Нащокин, Зап.)*.
Невзоров М. И. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений. Изд. 6, М.— Л., 1931 *(Некр.)*.
Некрасов Н. А. и Станицкий Н. [А. Я. Панаева]. Три страны света.— В кн.: Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений, т. I—XII. М., 1948—1953, т. VII *(Некр. и Станицк., Три стр. света)*.
Никитенко А. В. Дневник, т. I. 1826—1857. М., 1955 *(Никитенко, Дневн.)*.
Никитин И. С. Сочинения, т. 1—4. М., 1960—1961.
Николев Н. П. Розана и Любим.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950.
Новиков Н. И. Трутень. Пустомеля. Живописец. Кошелек.— В кн.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.— Л., 1951 *(Трутень, Пустомеля, Живописец, Кошелек)*; Избранные сочинения. М.—Л., 1951.
Всякая всячина. Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г. *(Вс. всячина)*. Критические статьи. Статьи по истории и философии. Пословицы российские. «Живописец». Изд. 3. 1775.
См. также Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Новогодник. Собрание сочинений, в прозе и стихах, современных русских писателей. Изд. Н. Кукольник. СПб., 1839.
Проза П. Каменского. Стихотворения В. Бенедиктова, Э. Губера, Д. Минаева, А. Полежаева, Д. Сушкова.
Огарев Н. П. Стихотворения. Сов. писатель, 1948.
Одоевский А. И. Стихотворения. Василько.— В кн.: А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. Academia, 1934 *(А. Одоевск.)*.

Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М., 1959; Русские ночи. М., 1913 *(В. Одоевск., Русск. ночи).*
Озерецковский Н. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804 *(Озерецковск, Описание Колы);* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792 *(Путеш.).*
Озеров В. Сочинения. Изд. 3. СПб., 1856.
Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819. СПб., 1899 Т. II. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820—1823. СПб., 1899. Т. V, вып. 2. Письма П. А. Вяземского к жене, 1826. СПб., 1913.
Отечественные записки. Учено-литературный журнал. Изд.-ред. А. А. Краевский. СПб., 1839; Журнал учено-литературный и политический. Изд. А. А. Краевский и др. СПб., 1872, 1883, 1884 *(Отеч. зап.).*
Павлов Н. Ф. Повести и стихи. М., 1957 *(П. Павл.).*
Панаев И. И Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1950 *(Панаев, Лит. воспом.).*
Пестель П. И. См. Из писем и показаний декабристов; см. также Декабристы.
Петрашевский М. В. (Буташевич-Петрашевский). См. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев.
Петров В. Стихотворения.— В кн.: Поэты XVIII века. Сов. писатель, 1936.
Писарев Д. И. Реалисты. Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби. Русский Дон-Кихот.— В кн.: Д. И. Писарев. Сочинения, ч. I—II. СПб., 1866, ч. II *(Писарев, Кукольн. траг., Русск. Дон-Кихот).*
Писемский А. Ф. Боярщина. Тысяча душ.— В кн.: А. Ф. Писемский. Сочинения, т. 1—3. М., 1956 *(Писемск., Тыс. душ).*
Плавильщиков П. А. Бобыль.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950 *(Плавильщ.).*
Плещеев А. А. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Плещеев А. Н. См. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев.
Плещеева А. И. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Пнин И. Сочинения. М., 1934.
Погорельский А. (А. А. Перовский). Двойник или Мои вечера в Малороссии. Монастырка. М. 1960 *(Погорельск., Двойник).*
Полевой Н. Мечты и жизнь. Были и повести, ч. 1—4. М., 1833—1834; История русского народа, т. 1—6. М. 1829—1833, т. 5 *(Н. Полевой, Ист. русск. народа).*
Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1960 *(Полеж.).* См. также Новогодник.
Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. XXIV. 1796—1798 гг. СПб., 1830 *(ПСЗ).*
Полонский Я. П. Собрание стихотворений. т. 1—5. СПб., 1896 *(Полонск.).*
Помяловский Н. Г. Мещанское счастье. Молотов. Андрей Федорыч Чебанов.— В кн.: Н. Г. Помяловский. Полное собрание сочинений, т. 1—2. Изд. 10. СПб., 1903—1904, т. 1 *(Помяловск., Мещ. счастье, Андр. Фед. Чебанов).*
Поэзия декабристов. Л., 1950.
Стихотворения К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. И. Одоевского, В. Ф. Раевского, А. А. Бестужева-Марлинского, Ф. Н. Глинки, П. А. Катенина, Н. И. Тургенева, Д. И. Завалишина, Г. С. Батенькова.
Протасова Е. А. См. Жуковский В. А., Мойер М. А., Протасова Е. А. Письма.
Пустомеля. См. Новиков Н. И.
Путешествие критики или Письма одного путешественника, описы-

вающего другу своему разные пороки, которых большею частию сам был очевидным свидетелем. Сочинение С* фон Ф*, 1818. М., 1951 *(Путеш. критики)*.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 1—16. Изд-во АН СССР, 1937—1949 *(Пушк.)*.

Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. ГИХЛ, 1956 *(И. Пущин, Зап. о Пушк.)*.

М. И. Пущин. Встреча с Пушкиным за Кавказом. Из дневника 1826 года *(М. Пущин, Встр. с Пушк., Из дневн. 1826)*; Н. В. Басаргин. Воспоминания о Пущине *(Басарг., Воспом. о Пущине)*.

Пущин М. И. См. Пущин И. И. Записки о Пушкине.

Радищев А. Н. Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего. Дневник одной недели. Житие Федора Васильевича Ушакова. Путешествие из Петербурга в Москву.— В кн.: А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1—2. СПб.— М., 1907—[1909], т. 1 *(Радищ., Письмо к другу, Дневн. одн. недели, Житие Уш., Путеш.)*. См. также Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Раевский В. Ф. См. Поэзия декабристов; см. также Декабристы.

Растопчин Ф. В. Правда о пожаре Москвы. Вести или Убитый живой. В кн.: Ф. В. Растопчин. Сочинения СПб., 1853 *(Растопч., Правда о пожаре М., Вести.)*.

Речи на судебных процессах. См. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах.

Решетников Ф. М. Полное собрание сочинений, т. 1—2. СПб., 1904 *(Решетн.)*.

Ржевский А. А. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Рикорд П. И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1816 *(Рикорд, Зап.)*.

Русские поэты, современники Пушкина. Антология. Л., 1937.

Стихотворения Батюшкова, Боратынского, Вревитинова, Вяземского, Гнедича, Д. Давыдова, Дельвига, Жуковского, Катенина, Козлова, Кюхельбекера, А. Одоевского, Полежаева, В. Л. Пушкина, Рылеева, Тютчева, Шевырева, Языкова.

Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах, т. I—VII. Изд. 2. М., 1899—1903, т. III.

Речи защитников, прокуроров, судебные заключения 1870—1890-х гг.

Русский архив. Историко-литературный сборник. М., 1864, 1883 *(Русск. арх.)*.

Русский фельетон, М., 1958.

Фельетоны Ф. М. Достоевского. И. А. Гончарова, Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. А. Антоновича, В. С. Курочкина, Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловского, И. Ф. Горбунова, Н. А. Лейкина.

Русское богатство. Ежемесячн. журн. СПб., 1880 *(Русск. богатство)*.

Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений. Academia, 1934 *(Рыл.)*. См. также Из писем и показаний декабристов.

Рычков Н. Опыт Казанской истории древних и средних времян. СПб., 1767 *(Рычков, Опыт Каз. ист.)*.

Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки (1856—57). Л., 1937 *(С.-Щ., Губ. оч.)*. См. также Русский фельетон.

Свербеев Д. И. Записки, т. 1—2. М., 1899 *(Сверб., Зап.)*.

Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы.— В кн.: С. Н. Сергеев-Ценский. Собрание сочинений, т. 1—10. М., 1955—1956, т. 1 *(С.-Ценск.)*.

Сеченов И. Физиология нервной системы. СПб., 1866 *(Физиол.)*; Физиологические очерки, ч. 1—2. СПб., 1898 *(Физиол. оч.)*.

Славутинский С. Т. Жизнь и похождения Трифона Афанасьева.

Читальщица.— В кн.: Русские повести XIX века 60-х годов, т. 1. М., 1956 (*Славутинск., Жизнь и похожд. Триф. Аф.*).
Слепцов В. А. Сочинения, т. 1—2. М., 1957.
Современник, литературный журнал. Изд. А. С. Пушкин. СПб., 1836; Литературный журнал А. С. Пушкина, изд. по смерти его П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и др. СПб., 1837 (*Совр.*).
Современник, литературный и политический журнал. Изд.-ред. И. И. Панаев и Н. А. Некрасов. СПб., 1847, 1848, 1858 (*Совр.*).
Соллогуб В. А. Тарантас. СПб., 1845 (*В. Соллог.*).
Соловьев С. История России с древнейших времен, т. 1—29. М., 1851—1879, т. 1 *(С. Соловьев. Ист. Росс.)*.
Сологуб Ф. Мелкий бес. Изд. 9. Пг.— М.— Берлин, 1923 *(Ф. Сологуб., Мелк. бес)*.
Станюкович К. М. Вокруг света на «Коршуне». М., 1956 (*Станюк., Вопр. света на «Корш.»*); Морские рассказы. Изд-во «Правда», 1954.
Стасов В. В. Избранные сочинения, т. I—III. М., 1952.
Стрекоза. Художественно-юмористический журнал. СПб., 1876.
Суворов А. В. Письма и бумаги. Из «Суворовского сборника» имп. Публичной библиотеки. [Вып. 1]. Изд. В. Алексеев. СПб., 1901.
Судебные заключения. См. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах.
Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, ч. I—XI. Изд. 2. М., 1787; Ссора у мужа с женою.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.—Л., 1950 (*Сумарок.*).
Сухово-Кобылин А. В. Свадьба Кречинского. Дело. Смерть Тарелкина. М.—Л., 1949 (*Сухово-Коб., Свадьба Кречинск.*).
Сушков Д. См. Новогодник.
Телескоп. Журнал современного просвещения. Изд. Н. Надеждин. М., 1831 (Телеск.).
Толстой А. К. Полное собрание стихотворений. Сов. писатель, 1937 *(А. К. Толст.)*.
Толстой А. Н. Логутка. Без крыльев.— В кн.: А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 1—15. М, 1951—1953, т. 2 (*А. Н. Толст.*).
Толстой Л. Н. Война и мир. Анна Каренина. Детство. Отрочество. Юность. Севастополь в мае. Севастополь в августе 1855 г. Холстомер. Смерть Ивана Ильича. Крейцерова соната. Письма.— В кн.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 1—90. М.— Л., 1928—1958 (*Л. Толстой., В. и м., Л. К., Севаст. в мае. Севаст. в авг., См. Ив. Ильича, Крейц., соната*); Письма к жене. 1862—1910 гг. М., 1913.
Тредьяковский В. К. Сочинения, т. 1—3. СПб., 1849 *(Тредьяковск.)*.
Трубецкой Н. Н. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Трутень. См. Новиков Н. И.
Тургенев А. И. См. Архив братьев Тургеневых; см. также Остафьевский архив князей Вяземских.
Тургенев И. П. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Тургенев И. С. Собрание сочинений, т. 1—12. М., 1953—1958 (*Тург.*). Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. М., 1915.
Тургенев Н. И. См. Декабрист Н. И. Тургенев; см. также Архив братьев Тургеневых; Декабристы; Поэзия декабристов.
Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. Гослитиздат, 1959 (*Тучк., Воспом.*)
Тютчев Ф. И. Стихотворения. М., 1945 (*Тютч.*).
Успенский Г. И. Нравы Растеряевой улицы. Разоренье. Идиллия. Михалыч. Будка. Из биографии искателя теплых мест. Книжка чеков. На старом пепелище. Из деревенского дневника. Шила в мешке не утаишь. Петербургские письма. Непорванные связи. Не случись. Письма с доро-

ги. Кой про что. Квитанция. Грехи тяжкие. Письма.— В кн.: Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. 1—14. Изд-во АН СССР, 1952—1954 (*Гл. Усп., Ир. Растер. ул., Из биогр. искателя тепл. мест, Кн. чеков, На ст. пепелище, Из деревенск. дневн., Пб. письма, Непорв. связи*).

Успенский Н. В. Егорка-пастух.— В кн.: Русские повести XIX в. 60-х годов, т. 1. М., 1956 (*Н. Усп.*).

Федоров П. Ф. Соловки. Кронштадт, 1889 [Записки имп. Русского географического общества по Отделению этнографии, т. XIX, вып. 1] (*П. Федоров. Соловки*).

Фет А. А. Полное собрание стихотворений, т. 1—2. СПб., 1912; Мои воспоминания, ч. 1, М., 1890 (*Мои воспом.*).

Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. Госполитиздат, 1953.

М. В. Буташевич-Петрашевский. Карманный словарь иностранных слов, вып. 2. Проект об освобождении крестьян. Письмо к П. А. Кузьмину. Черновик письма К. И. Тимковскому. [Наброски речей]. Как следует поступать по этому делу (*Петрашевск., Карм. слов. иностр. слов, Проект об освобожд. кр-н*); А. П. Баласогло. Возвращение. Проект учреждения книжного склада. [Из показания] (*Баласогло, Проект учрежд. книжн. скл.*); А. Н. Плещеев. Письмо к С. Ф. Дурову (*Плещ.*).

Фонвизин Д. И. Собрание сочинений, т. 1—2. М.—Л., 1959; Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления, и от того зыблемом состоянии как империи, так и самих государей. Письма.— В кн.: Д. И. Фонвизин. Избранные сочинения и письма М., 1946 (*Фонв., Рассужд. о истребившейся в России формы гос. правл.*).

Хемницер И. И. Сочинения. СПб., 1853 (*Хемн.*).

Херасков М. М. Избранные произведения. М., 1961 (*Хераск.*). См. также: Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Хомяков А. С. Стихотворения.— В кн: Д. Веневитинов, С. Шевырев, А. Хомяков. Стихотворения. Сов. писатель, 1937.

Храповицкий А. В. Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 г. по 17 сентября 1793 г М., 1901 (*Храповицк., Дневн.*).

Чаадаев П. Я. Сочинения и письма, т. 1. М., 1913.

Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 г. СПб., 1886 (*Челищ., Путеш.*).

Чернышевский Н. Г. Что делать? Очерки гоголевского периода русской литературы. «Губернские очерки» Щедрина. Русский человек на rendez-vous. Воспоминания об отношениях И. С. Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым. [Заметки о Некрасове].— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. I—XV. М., 1949—1950 (*Черн., Оч: гоголевск. периода, «Губ. оч.» Щедрина, Русск. чел. на rendez-vous, Воспом. об отнош. Тург. к Доброл., Зам. о Некрасове*). См. также Русский фельетон.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем, т. 1—20. М., 1944—1951 (*Чех*); Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер, т. 1—3. М., 1934—1936, т. 2 (26/X—1901—10/X—1902).

Чулков М. Д. Из сборника «Пересмешник или Славянские сказки». Пригожая повариха или Похождения развратной женщины.— В кн.: Русская проза XVIII века, т. 1. М, 1950 (*Чулк., Пересмешн., Пригож. повариха*); Словарь русских суеверий. СПб., 1782 (*Сл. русск. суеверий*).

Шаховской А. А. Расхищенные шубы. Ирои-комическая поэма.— В кн.: А. А. Шаховской. Сочинения. СПб., [1898] (*А. Шаховск., Расхищен. шубы*).

Шаховской Я. П. Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим, ч. 1. М., 1810 (*Шаховск., Зап.*).

Шевырев С. П. Стихотворения.— В кн.: Д. Веневитинов, С. Шевырев, А. Хомяков. Стихотворения. Сов. писатель, 1937.

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Примечания на письмо деревенского жителя в «Северном вестнике». Примечания на критику, изданную в «Московском Меркурии», на книгу «Рассуждение о старом и новом слоге».— В кн.: А. С. Шишков. Собрание сочинений и переводов, ч. 1—17. СПб., 1818—1839, ч. 2 (*Шишк., Рассужд., Примеч. на письмо деревенск. жителя в «Сев. вестн.», Примеч. на критику, изд. в «Моск. Мерк.»*).

Штейнгель В. И. См. Из писем и показаний декабристов.

Щербатов М. М. Статистика в рассуждении России. Путешествие в землю Офирскую. О способах преподавания разныя науки.— В кн.: М. М. Щербатов. Сочинения, т. 1—2. СПб., 1896—1898 (*Щербат., Статистика, Путеш. в землю Офирскую, О способах преподавания*); Замечания на Большой наказ Екатерины.— В кн.: М. М. Щербатов. Неизданные сочинения. М., 1935 (*Замеч. на Больш. наказ*).

Эртель А. И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. М., 1890 (*Эрт., Гард.*).

Языков Н. М. Стихотворения и поэмы Л., 1958. См. также Декабристы.

Якубович А. И. См. Из писем и показаний декабристов.

Якушкин И. Д. Из «Записок».— В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1—3. Л., 1951, т. 1 (*Якушк., Из «Зап.»*).

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов 5

Некоторые тенденции развития простого и осложненного предложения в XIX в. 9

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Изменения в сказуемом

Изменения в соотношениях связочных и бессвязочных сказуемых . 20

Употребление связочных сказуемых в конце XVIII — нач. XIX в. и их соотношения с бессвязочными сказуемыми 20

Утрата употребительности связочных сказуемых с присвязочной частью, выраженной формами косвенных падежей, прилагательным, причастием, наречием 23

Развитие соотношений связочных и бессвязочных сказуемых с существительным в форме именительного падежа 30

Особые явления в развитии сказуемых со связкой *суть* . . 41

Превращение сочетания *не есть* в устойчивую формулу отрицания 44

Развитие соотношений связочных и бессвязочных местоименных сказуемых 46

Развитие соотношений связочных и бессвязочных инфинитивных сказуемых 52

Изменения в соотношениях именительного и творительного предикативного 60

Система соотношений именительного и творительного предикативного в XVIII — нач. XIX в. 60

Развитие соотношений именительного и творительного в бессвязочных сказуемых и в сказуемых со связкой *есть, суть* . . . 66

Развитие соотношений именительного и творительного в сказуемых со связкой *был* 78

Развитие соотношений именительного и творительного в сказуемых со связкой *буду* (*будешь* и т. д.), *будь* 101

Развитие соотношений именительного и творительного в сказуемых с полузнаменательными глаголами и в трехчленных сказуемых 107

Развитие соотношений именительного и творительного в причастных сказуемых 118

Развитие построений с творительным падежом при знаменательном глаголе 120

Изменения в соотносительном употреблении полных и кратких форм прилагательных в составе сказуемого 128
Основные тенденции развития соотносительного употребления двух форм прилагательного в сказуемом до конца XVIII в. . 128
Соотношения сказуемых с полными и краткими формами прилагательных в конце XVIII — нач. XIX в. 132
Развитие соотношений сказуемых с полными и краткими формами прилагательных в XIX в. 141
Изменения в соотносительном употреблении местоименных сказуемых с *каков, таков — какой, такой* 153
Изменения в системе сказуемых, выраженных формами косвенных падежей 162
Изменения в употреблении сказуемых, выраженных предложно-падежными сочетаниями 162
Изменения в сказуемых, выраженных родительным квалитативным 175
Изменения в употреблении причастных сказуемых и в их соотношениях со сказуемыми глагольными 182
Изменения в употреблении сказуемых-причастий на *-м* 182
Эволюция сказуемостного употребления причастий на *-м* от глаголов разных классов 182
Изменения соотношений сказуемых-причастий на *-м* и сказуемых-глаголов с аффиксом *-ся* 189
Изменения в значении и употреблении сказуемых, строящихся с причастиями на *-н, -т* 205
Ограничения в употреблении бессвязочного сказуемого аористного и плюсквамперфектного значений 205
Развитие соотносительного употребления причастных сказуемых и сказуемых-глаголов с аффиксом *-ся* 209
Изменения в сказуемостном употреблении причастий на *-н, -т* в сочетаниях с другими словами 212
Изменения в употреблении сказуемых — страдательных и действительных причастий в полной форме 215
Изменения в сказуемостном функционировании некоторых глагольных форм и сочетаний 217
Изменения, связанные с развитием значений форм времени . . 217
Изменения в употреблении форм повелительного наклонения в неимперативных значениях 223
Утрата сказуемостного функционирования деепричастий 228
Изменения в сказуемостном функционировании и в составе глагольных сочетаний с субъектным инфинитивом 230
Изменения в системе безличных предложений 241
Изменения в наречных безличных предложениях 243
Система наречных безличных предложений в конце XVIII — нач. XIX в. 243
Изменения в соотношении безличных предложений с дательным субъекта и личных двусоставных предложений 245
Развитие способов выражения субъекта, испытывающего состояние 248
Развитие конструктивных усложнений в системе наречно-инфинитивных предложений 251

Изменения в соотношениях форм на *-о* и творительного предикативного в составе безличных предложений 253
Изменения в семантике предложений со значением возможности и долженствования в связи с развитием их соотношений с безличными предложениями других типов 258
Изменения в составе предикативных наречий, обозначающих возможность и долженствование, и связанные с этим процессы внутри соответствующих безличных предложений 262
Изменения в глагольных безличных предложениях 267
Система глагольных безличных предложений в конце XVIII — нач. XIX в. 267
Рост употребительности глагольных безличных предложений в связи с пополнением класса собственно безличных и безлично употребляемых глаголов 268
Развитие конструктивных усложнений в системе глагольных безличных предложений 275
Устранение множественности равнозначных безличных глаголов в связи с развитием соотношений безличных глагольных предложений с предложениями других типов 276
Функционирование безличных предложений фразеологического характера 288
Изменения в причастных безличных предложениях 290
Система причастных безличных предложений в конце XVIII — нач. XIX в. 290
Изменения в употребительности причастных безличных предложений в связи с развитием их соотношений с личными глагольными предложениями 292
Изменения в употребительности предложений с собственно бессубъектным значением 301
Изменения в безличных предложениях разных типов с беспредложным родительным и винительным падежом как обязательным элементом их структуры 304
Изменения в употребительности отрицательных предложений с родительным падежом 304
Изменения в употребительности утвердительных предложений с родительным и винительным падежом 312
Ограничения в употребительности предложений с именительным-винительным падежом 318
Изменения в именных безличных предложениях 320
Система именных безличных предложений в конце XVIII — нач. XIX в. 320
Изменения в употребительности, связанные с активизацией моделей и с расширением возможностей их наполнения 322
Развитие конструктивных усложнений в системе именных безличных предложений 326
Изменения, связанные с сокращением употребительности некоторых моделей, с ограничением возможностей их наполнения и с фразеологизацией 327
Изменения в употребительности некоторых моделей, связанные с ограничением синтаксических условий их функционирования 331
Стилистические перемещения 332
Изменения в системе инфинитивных предложений 335
Система инфинитивных предложений в конце XVIII — нач. XIX в. 337

Изменения в употребительности инфинитивных предложений в XIX в. 339
Дальнейшие ограничения в употребительности предложений, строящихся с формами вспомогательного глагола 339
Развитие предложений, строящихся с участием модальных частиц 346
Развитие инфинитивно-назывных предложений и выработка новых форм их контекстных связей 349
Развитие вопросительных инфинитивных предложений 359
Распространение в художественной литературе вопросо-ответных единств с инфинитивным предложением во второй части . . 360
Изменения в системе значений инфинитивных предложений и в сферах их употребления 363
Ограничения в употребительности предложений с индикативным значением 363
Развитие инфинитивных предложений со значением конкретного действия определенного лица 365

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Изменения в области деепричастных оборотов 369
Изменения в синтаксических функциях деепричастных оборотов . . 372
Синтаксические функции деепричастных оборотов в конце XVIII—нач. XIX в. 372
Утрата функций, архаических для конца XVIII — нач. XIX в. . 375
Сокращение употребительности и частичная утрата деепричастных оборотов, эквивалентных частям сложного предложения . . 377
Утрата деепричастных оборотов с деепричастиями прошедшего времени несовершенного вида 383
Распространение во второй половине XIX в. деепричастных оборотов со сравнительным значением 384
Изменения в составе предложений с деепричастными оборотами и в составе и структуре самих деепричастных оборотов 385
Сокращение употребительности и частичная утрата деепричастных оборотов, относящихся к именному сказуемому, и утрата деепричастных оборотов, относящихся к непредикативному имени 385
Сокращение употребительности и частичная утрата деепричастных оборотов с деепричастиями *будучи, быв* (*бывши*) . . . 388
Сокращение употребительности деепричастных оборотов, относящихся к причастию в косвенном падеже 390
Изменения в употребительности деепричастных оборотов, относящихся к деепричастию 391
Утрата деепричастных оборотов, соединенных с основной частью предложения средствами связи, обычными для сложных предложений 392
Утрата конструкции с подлежащим в середине деепричастного оборота 393
Утрата порядка слов с деепричастием в конце деепричастного оборота и после относительных слов 395
Изменения в употреблении деепричастных оборотов с субъектом действия деепричастия, не совпадающим с субъектом действия глагола-сказуемого 397

Изменения в области причастных оборотов 408
Изменения в функциях причастных оборотов с полными формами причастий 410
Изменения в употреблении причастных оборотов с краткими формами причастий 414
Изменения в составе и структуре предложений с причастными оборотами 416
Изменения в структуре причастных оборотов 422
История обособленных групп с именем прилагательным 427
Развитие обособленных групп с краткими прилагательными 428
Развитие обособленных групп с полными прилагательными 432
Утрата независимых обособленных групп 437
Изменения в области обособленных номинативных групп 439
Развитие приложений с атрибутивным значением и значением самостоятельного сообщения 440
Развитие приложений с обстоятельственными оттенками значений 446
Развитие построений с «антиципацией» и «репризой» 450
Развитие приложений, строящихся на основе повторения определяемого слова 453
Развитие приложений с указательными местоимениями *сей, этот* . . 456
Развитие номинативных групп с предикативно-характеризующим значением 457
Утрата независимых номинативных групп с обстоятельственным значением 459
Изменения в области союзных сочетаний внутри предложения (Сочетания групп слов или групп слов и зависимых предложений) . 461
Утрата союзных сочетаний членов предложения с разными функциями и активизация сочетаний членов предложений с одинаковыми функциями 461
Утрата союзных сочетаний конструктивно разнотипных частей предложения 468
Утрата союзных сочетаний членов предложения и придаточных предложений 468
Утрата союзных сочетаний некоторых морфологически разнотипных членов предложения 474
Изменения в употреблении союзов, соединяющих однородные члены предложения 479
Изменения в употреблении союзов при наличии отрицания 479
Изменения в употреблении союза *но* 481
Список основных источников 483

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.

Изменения в системе простого и осложненного предложения

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. А. Ицкович*
Технический редактор

Сдано в набор 29/IV 1963 г. Подписано к печати 30/IX 1963 г.
Формат 60×90¹/₁₆ Печ. л. 31,35. Уч.-изд. л. 33,2. Тираж 5000 экз.
Т-04666 Изд. № 2085. Тип. зак. № 2401

Цена 2 руб. 20 коп.

Издательство «Наука»
Москва Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
26	16 сн.	А. Н. Радищеву	М. Н. Радищеву
31	17 св.	*есть его закон*	*его есть закон*
46	24 св.	связи.	связки.
138	22 сн.	*пьяным*	*пьяный*
153	9 св.	закрепились в этой функции	закрепили эту функцию
160	23 св.	без искусств	без искусства
164	14 св.	вытесненным	вытесняемым
184	3 сн.	*лишаемые*	*лишаемы*
259	24 сн.	ему	его
268	17 св.	*такого*	*таково*
326	21 св.	*правах*	*нравах*
387	1 св.	причины, утверждения	причины утверждения,
410	13 св.	объемляющий	объемлющий
440	3 св.	берегам	брегам
444	8 сн.	в пределе	в приделе
447	7 св.	по душу	про душу
447	20 сн.	пожелания	желания
447	22 сн.	Но самой	На самой
487	12 сн.	Триумф	Трумф